МИР ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Пасынки Вселенной

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Пасынки Вселенной (Сборник)
Роберт Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. «Пасынки Вселенной»
  Часть 1. Вселенная
  Часть 2. Здравый смысл
Роберт Хайнлайн. Гражданин Галактики
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15
  Глава 16
  Глава 17

Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Роберт Хайнлайн. Марсианка Подкейн
1
ИНТЕРЛЮДИЯ
2
3
4
ИНТЕРЛЮДИЯ
5
6
7
8
9
10
11
12
13
ПОСТЛЮДИЯ
Роберт Хайнлайн. «Астронавт Джонс»
Глава 1. ТОМАГАВК
Глава 2. ДОБРЫЙ САМАРИТЯНИН

Глава 3. ЗЕМПОРТ
Глава 4. ГИЛЬДИЯ АСТРОНАВИГАТОРОВ
Глава 5. …ТВОИ ДЕНЬГИ И МОЕ УМЕНИЕ…
Глава 6. АСТРОНАВТ ДЖОНС
Глава 7. ЭЛДРЕТ
Глава 8. ТРИ ПУТИ НАВЕРХ
Глава 9. КАРТОГРАФ ДЖОНС
Глава 10. ПЛАНЕТА ГАРСОНА
Глава 11. ЧЕРЕЗ ГРУЗОВОЙ ЛЮК
Глава 12. АЛКИОНА
Глава 13. ПЕРЕХОД
Глава 14. ГДЕ УГОДНО
Глава 15. ЭТО ЖЕ НЕ ПРОГУЛОЧКА
Глава 16. «… БОЛЬШЕ СОТНИ ЛЕТ»
Глава 17. НАДЕЖДА
Глава 18. ЦИВИЛИЗАЦИЯ
Глава 19. ДРУГ ПОЗНАЕТСЯ В БЕДЕ
Глава 20. «КОРАБЛЬ — ЭТО НЕ ПРОСТО ЖЕЛЕЗО»
Глава 21. КАПИТАН «АСГАРДА»
Глава 22. ТОМАГАВК

Аннотация

Содержание:

1. Пасынки Вселенной *(Перевод: Александр Митюшкин, Елена Беляева)*
2. Гражданин Галактики *(Перевод: Андрей Шаров, Р. Волошин)*
3. Марсианка Подкейн *(Перевод: М. Муравьев, С. Барсов)*
4. Астронавт Джонс *(Перевод: Михаил Пчелинцев)*

Роберт Хайнлайн «Пасынки Вселенной»

Экспедиция к Проксиме Центавра,[1] спонсированная Фондом Джордана[2] и стартовавшая в 2119 году, была первой документально зафиксированной попыткой достичь ближайших звезд нашей Галактики. О несчастной судьбе экспедиции мы можем только гадать...

Из книги Франклина Бака «Романтика современной астрографии»

---

[1] notes: 1

Центавр (*лат.* Centaurus) — это созвездие в Южном полушарии, невидимое, к сожалению, с территории России. В нем находится ближайшая к Солнечной системе звезда — Проксима (от *лат.* proximus — ближайший) Центавра, красный карлик, отстоящий от Солнца на 4,3 световых года.

[2] notes: 2

Название фонда вызывает сразу несколько ассоциаций. Во-первых, оно может быть связано с увековечиванием имени итальянского философа Джордано Бруно (1548–1600), последователя Коперника, впервые высказавшего мысль о множественности обитаемых миров во Вселенной. Во-вторых, как справедливо заметил А. Балабуха (1993), именно так звучит по-английски название библейской реки Иордан — последнего рубежа перед входом в Землю Обетованную, а ведь создатели фонда тоже думали о достижении новых рубежей — далеких звезд.

Часть 1
Вселенная

— Берегись! Мут!

От этого вскрика Хью Хойланд резко, не теряя ни секунды, наклонился.

В переборку над его головой грянула железяка размером с яйцо. Запросто разнесло бы череп.

Инерция движения, сделанного Хойландом, привела к тому, что ноги оторвались от пола. Прежде чем его тело опустилось на палубу, Хью дотянулся ступней до переборки и оттолкнулся от нее. Длинным, плавным прыжком он пересек проход, держа нож наготове.

Сгруппировавшись в полете, он перевернулся в воздухе, затормозил движение, коснувшись противоположной стены, и медленно опустился на ноги. Теперь он находился в углу прохода, куда скрылся мут. Коридор был пуст. Двое товарищей приблизились к нему, неловко скользя по полу.

— Ушел? — спросил Алан Махони.

— Да, — ответил Хойланд. — Похоже, это была самка. И я, кажется, видел четыре ноги.

— Две ноги или четыре, все равно уже не пой-

маем, — заметил третий юноша.

— А на кой Хафф его ловить? — возразил Махони. — Я не собираюсь.

— А я собираюсь, — сказал Хойланд. — И Джордан меня побери, возьми он дюйма на два выше, я был бы уже массой для Конвертора.

— Вы можете хоть два слова связать без ругани? — упрекнул третий. — Слышал бы вас Капитан! — С этими словами он почтительно коснулся лба.

— Ох, ради Джордана, — отрезал Хойланд, — не будь таким занудой, Морт Тайлер. Ты ведь еще не ученый. Думаю, во мне не меньше благочестия, чем в тебе, а дать иногда волю чувствам — это не смертный грех. Так даже ученые поступают. Я слышал.

Тайлер открыл было рот, чтобы возразить, но, очевидно, передумал.

Махони тронул Хойланда за руку.

— Слушай, Хью, — взмолился он, — давай выбираться отсюда. Мы еще никогда так высоко не забирались. Меня так и мотает во все стороны, — хочу вниз, почувствовать сколько-нибудь веса в ногах.

Хойланд, крепко сжимая нож, с тоской поглядел на люк, в котором скрылся противник, и

повернулся к Махони.

— Ладно, малыш. Все равно еще спускаться и спускаться.

Он повернулся и заскользил к люку, через который они попали на этот уровень. Двое остальных следовали за ним. Не обращая внимания на лестницу, он шагнул в проем и стал медленно опускаться на палубу в пятнадцати футах внизу. Тайлер и Махони падали рядом. Через следующий люк, в нескольких футах от предыдущего, они попали на другую палубу. Вниз, вниз, вниз, они падали все ниже и ниже, через десятки палуб, каждая из который была тиха, тускло освещена и таинственна. Каждый раз они падали чуть быстрее, приземлялись чуть жестче. Наконец Махони запротестовал.

— Давай пешком пойдем, Хью. От последнего прыжка я ноги отшиб.

— Ладно. Только это будет дольше. Где мы сейчас? Кто-нибудь знает?

— До фермы еще около семидесяти палуб, — ответил Тайлер.

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил Махони.

— Я считал, тупица. А когда мы спускались, я отнимал единицу после каждой палубы.

— Врешь. Никто, кроме ученых, так считать не может. Думаешь, если учишься читать и писать, так уже все знаешь?

Хойланд пресек разгорающуюся ссору.

— Заткнись, Алан. Может, он и правда умеет. Он у нас головастый. В любом случае осталось палуб семьдесят — видно по тяжести.

— А слабо, ему пересчитать лезвия на моем ноже?

— Хватит, я сказал! Дуэли за пределами деревни запрещены. Это Правило.

Дальше они продвигались в молчании, легко сбегая вниз по лестницам, пока увеличивающийся с каждой палубой вес не заставил их перейти на более степенный шаг. Наконец они достигли уровня, который был ярко освещен и по высоте был вдвое больше остальных. Воздух был влажным и теплым; растительность закрывала обзор.

— Ну вот мы и внизу, — сказал Хью. — Не узнаю эту ферму. Должно быть, мы спустились с другой стороны.

— Вон фермер, — сказал Тайлер. Он приложил мизинцы ко рту и свистнул, а потом крикнул: — Эй! Земляк! Где мы?

Крестьянин медленно оглядел их, потом неохотно процедил, как дойти до Главного Про-

хода, откуда можно добраться до их деревни.

Они прошли бодрым шагом полторы мили по широкому туннелю. Дорога была оживленной — путники, носильщики, тележки. В маленьком портшезе высокомерно раскачивался ученый, несли его четверо рослых прислужников, а впереди шествовал оруженосец, разгоняя с дороги простонародье. Через полторы мили дорога привела их к деревенской общине — просторному помещению в три палубы высотой и, пожалуй, вдесятеро шире. Тут их пути разошлись. Хью направился к себе в кадетскую казарму, где отдельно от родителей жили неженатые парни. Он вымылся и пошел к своему дяде, у которого работал за еду. Тетка покосилась на него в дверях, но промолчала, как и пристало женщине.

— Привет, Хью! — поздоровался дядя. — Все исследуешь?

— Доброй еды, дядя. Исследую.

Дядя, уравновешенный и разумный человек, благодушно полюбопытствовал:

— Где же ты был? Что нашел?

Тетка молча выскользнула из комнаты и вернулась с ужином, который поставила перед племянником. Хью набросился на еду; ему и в голову не пришло поблагодарить. Он прожевал

кусок, прежде чем ответить.

— Высоко. Мы добрались почти до невесомости. Мут мне чуть голову не снес.

Дядя захихикал.

— Ты найдешь свою смерть на этих ярусах, парень. Лучше займись делом… а там я, глядишь, помру и уберусь с твоей дороги.

На лице Хью выразилось упрямство.

— Разве Вам самому не любопытно, дядя?

— Мне? Ну, я порядком успел полюбопытствовать в молодости. Я прошел весь Главный Проход туда и обратно. Проходил прямо сквозь Темный Сектор, где муты наступают на пятки! Видишь этот шрам?

Хью кинул невнимательный взгляд. Он видел шрам много раз и наслушался этого рассказа до тошноты. Одна вылазка в глубину Корабля — тьфу! Он хотел побывать всюду, увидеть все и понять сущность вещей. Эти верхние уровни — зачем Джордан создал их, если человеку не дозволено забираться так высоко?!

Однако он оставил свои мысли при себе и продолжил трапезу. Дядя сменил тему.

— Я собираюсь сходить к Свидетелю. Джон Блэк утверждает, что я задолжал ему трех свиней. Хочешь пойти со мной?

— Ну, нет, наверное... Хотя подождите... Я пойду.

— Тогда поспеши.

У кадетских казарм они задержались, чтобы Хью отпросился.

Свидетель жил в маленькой вонючей каморке, дверь которой выходила в Общий Зал как раз напротив бараков; там его мог видеть всякий, кому понадобится его помощь. Они застали его сидящим в дверях и ковыряющим в зубах пальцем. Ученик Свидетеля, подросток с пухлым лицом и напряженным близоруким взглядом, сидел на корточках позади.

— Доброй еды! — сказал дядя Хью.

— И тебе доброй еды, Эдард Хойланд. Пришел по делу или просто поболтать со стариком?

— И то и другое, — дипломатично ответил дядя Хью и изложил свою проблему.

— Так? — сказал Свидетель. — Что ж — в контракте ясно сказано:

Отдал Эду Черный Джон
Десять бушелей овса.
Ожидал в уплату он
Двух грядущих поросят.
Как дозреют поросята —

— Подросли свиньи, Эдард Хойланд?

— Порядком, — признал дядя. — Но Блэк требует трех вместо двух.

— Передай ему — пусть чуток остынет. «Свидетель сказал свое слово». — И он засмеялся тоненьким голосом.

Потом они посплетничали пару минут, Эдард Хойланд углубился в рассказ о своих последних делах, желая удовлетворить ненасытную жажду подробностей, которую он знал за стариком. Хью сохранял пристойное молчание, пока старшие разговаривали. Однако когда дядя собрался уходить, он произнес:

— Я останусь ненадолго, дядя.

— Э? Как хочешь. Доброй еды, Свидетель.

— Доброй еды, Эдард Хойланд.

— Я принес Вам подарок, Свидетель, — сказал Хью, когда дядя отошел за пределы слышимости.

— Дай взглянуть.

Хью вытащил упаковку табака, которую предусмотрительно взял в своем шкафчике в казарме. Свидетель принял ее без благодарности и перебросил ученику, чтобы тот припрятал.

— Зайди, — пригласил Свидетель, потом обратился к ученику: — Эй, ты! Принеси кадету стул.

— Ну, парень, — продолжил он, когда они уселись, — расскажи мне, чем ты занимаешься.

Хью принялся рассказывать, как можно подробнее описывая приключения последнего похода, а Свидетель, не переставая, ругал его за неспособность запомнить все, что он видел.

— У вас, молодых, нет никаких способностей, — твердил он. — Никаких способностей! Даже этот тупица, — он кивнул в сторону ученика, — даже у него их нет, хоть он и в двадцать раз толковее тебя. Ты не поверишь, он и тысячи строк за день всосать не может, а надеется сесть на мое место, когда меня не будет. Да когда я был учеником, я эту тысячу строк читал про себя на сон грядущий, как колыбельную. Бурдюки вы дырявые — вот вы кто!..

Хью пришлось долго ждать пока старик выговорится. Наконец тот спросил:

— Так ты хотел задать мне вопрос, парень?

— Вроде того, Свидетель.

— Ну так задавай. Что ты мямлишь?

— Вы когда-нибудь забирались наверх так высоко, где уже нет веса?

— Я? Конечно, нет. Я ведь был Свидетелем, учился своему призванию. Нужно было запомнить строки всех Свидетелей до меня, а на развлечения

для пацанов времени не было.

— Я надеялся, что Вы скажете мне, что там может быть…

— А, ну это другое дело. Я никогда туда не забирался, но во мне память стольких из тех, кто лазил наверх, сколько ты никогда не увидишь. Я старый человек. Я знал отца твоего отца, а перед тем его деда. Что ты хочешь знать?

— Ну…

Что же он хочет узнать? Как задать вопрос, который был всего лишь ноющей болью у него в груди? И все же…

— Для чего это все, Свидетель? Зачем все эти уровни над нами?!

— Э? Что это ты?.. Во имя Джордана, сынок — я Свидетель, а не ученый!

— Ну… я думал, Вы должны знать. Извините.

— А я знаю. Ответ — в Строках из «*Начала*».

— Я слышал их.

— Послушай еще раз. Все ответы — там, если у тебя хватит мудрости понять их. Помогай мне. Впрочем, нет — дадим возможность моему ученику проявить свои знания. Эй, ты! Строки из «*Начала*» — и следи за ритмом.

Ученик облизал губы и начал:

Джордан был допрежь начала; до всего

были мысли одинокие его,
И была до человека пустота,
что безжизненна, безвидна и пуста.
Породило одиночество порыв
и стремленье, путь решению открыв;
И воздета длань Создателя была,
и Корабль сплотился из его тепла —
Протяженья добрым полнились жильем,
был хранилищ для зерна велик объем;
Переходы, всходы, двери и чулан —
для покуда не рожденных поселян.
И решил Творец, что мир уже готов
к восприятию венца его трудов.
Человек замыслен был венцом всего,
но ключа не оказалось от него.
А ведь диким, без бразды и борозды,
он испортил бы Создателя труды.
И Всевышний Уложенья даровал —
хаос в людях ограничил и сковал.
Чтобы каждый, целям маленьким служа,

неустанно и незримо приближал
Воплощение высоких дум Творца,
чтоб порядок снизошел во все сердца.
Джордан создал для работы Экипаж
и Ученых — направлять единый План.
А судьею — так решил Создатель наш —
был поставлен над народом Капитан.
То был Золотой Век!
Только Джордан в совершенство облачен,
а у прочих совершенства нет ни в чем:
Зависть, Жадность и Гордыня ищут нас,
чтоб в умах свои посеять семена.
Первым их в себе взрастил зловещий Хафф —
проклят будь, слуга гордыни и греха!
Насадив сомненье ли, безверье ли,
бунт его советы злые разожгли;
Кровь творений Божьих запятнала пол,
Капитан в Полет безвременный ушел.
Повсеместно грех возобладал в умах,

и пути Народа проглотила Тьма…[3]

Старик ударил мальчишку по губам тыльной стороной ладони.

— Заново!

— Сначала?

— Нет! С того места, где ты ошибся.

Мальчик замялся, потом исправился:

…Повсеместно грех возобладал в умах,
и пути Народа поглотила Тьма…

Мальчишечий голос бубнил, стих за стихом, многословную, но невнятную старую-престарую историю о грехе, бунте и времени тьмы. Как наконец возобладала мудрость и тела главарей смутьянов были отправлены в Конвертор. Как некоторые из смутьянов спаслись от *Путешествия* и породили первых мутов. Как выбрали нового Капитана после многих молитв и жертвоприношений.

Хью неловко ерзал, переступал ногами. Разумеется, ответы на его вопросы были здесь, ведь это Священные Строки, но он не мог охватить их разумом. Что все это значит? Неужели в жизни нет ничего, кроме еды, сна и, в конце концов,

---

[3] notes: 3
Перевод предания сделан Эльвирой Байгильдеевой.

долгого *Путешествия*? Разве Джордан не хотел, чтобы его поняли? Тогда откуда эта боль в груди? Этот голод, который не проходит даже после доброй еды?..

Когда, поспав, Хью разговлялся, к дверям дядиной квартиры подошел ординарец.

— Ученый требует присутствия Хью Хойланда, — произнес он.

Хью знал, что этим ученым был Лейтенант Нельсон, отвечавший за духовное и физическое благополучие того сектора Корабля, где находилась и родная деревня Хью. Он проглотил остатки завтрака и поспешил за посланцем.

— Кадет Хойланд! — объявили о его прибытии.

Ученый поднял глаза от своего завтрака и сказал:

— Ах, да. Заходи, мой мальчик. Садись. Ты уже ел?

Хью признался, что ел, но глаза его с интересом возвращались к странному фрукту на тарелке старшего. Нельсон проследил его взгляд.

— Попробуй эти фиги… Новая мутация — их принесли с дальней стороны. Давай, давай — мужчина в твоем возрасте всегда найдет местечко, куда влезут еще несколько кусочков.

Хью застенчиво принял приглашение. Никогда

раньше он не ел в присутствии Ученого. Старший откинулся на стуле, вытер пальцы о рубашку, расправил бороду и сказал:

— Я не видел тебя в последнее время, сынок. Расскажи мне, чем ты занимался.

Прежде чем Хью успел ответить, он продолжал:

— Нет, не говори мне — я сам скажу. Во-первых, ты ходил в экспедиции, исследовал запретные зоны Корабля. Не так ли?

Он смотрел молодому человеку прямо в глаза. Хью судорожно размышлял, что сказать в ответ.

Но ему снова не дали ответить.

— Ладно, я это знаю, и ты знаешь, что я знаю. Я не слишком сержусь. Но этот факт заставил меня задуматься, что пора тебе решить, что ты будешь делать в жизни. У тебя есть какие-нибудь планы?

— Ну… никаких определенных планов, сэр.

— Как насчет той девчонки, Идрис Бакстер? Собираешься жениться на ней?

— Ну… хм… я не знаю, сэр. Я бы, наверное, хотел, и ее отец согласен. Только…

— Только что?

— Ну… он хочет, чтобы я работал на его ферме. Наверное, это хорошая идея. Его ферма плюс

дело моего дяди — это было бы порядочное состояние…

— Но ты не уверен, что это хорошая идея?

— Ну… я не знаю.

— Именно. Тебе это не по душе. У меня есть другие планы. Скажи, ты когда-нибудь задумывался, почему я учил тебя читать и писать? Конечно, задумывался. Но ты держал это при себе. Это хорошо. Теперь слушай. Я наблюдал за тобой с тех пор, как ты был ребенком. У тебя больше воображения, чем у остальных, больше любопытства, больше энергии. И ты прирожденный лидер. Еще младенцем ты отличался от других. У тебя была слишком крупная голова, и кое-кто на твоем первом осмотре проголосовал за то, чтобы сразу спустить тебя в Конвертор. Но я их отговорил. Я хотел посмотреть, что из тебя выйдет. Крестьянская жизнь тебе не по нраву. Ты должен быть Ученым.

Старик замолчал и стал разглядывать его лицо. Хью был так смущен, что потерял дар речи. Нельсон продолжал:

— Да-да, действительно, у такого как ты есть только два выхода: выйти в люди или отправиться в Конвертор.

— Вы хотите сказать, что у меня нет выбора?

— Если прямо — то да. Оставлять в Экипаже блестящие умы — значит плодить ересь. Мы не можем пойти на это. Однажды это произошло — и человеческая раса оказалась на грани уничтожения. Ты блеснул необыкновенными способностями; теперь тебе пристало научиться мыслить правильно, прикоснуться к тайнам, стать охраняющей силой, а не очагом скверны и источником забот.

Вновь появился слуга, отягощенный поклажей, свалил ее на палубу. Хью взглянул и выпалил:

— Ой!.. Это же мои вещи!

— Конечно, — признал Нельсон. — Я послал за ними. Теперь ты будешь жить здесь. Позже мы начнем заниматься — если ты не передумал.

— Конечно нет, сэр. Думаю, нет. Должен признаться, я немного растерян. Видимо… видно, Вы не хотите, чтобы я женился?

— Ах это, — безразлично хмыкнул Нельсон. — Женись, если хочешь, теперь ее отец не посмеет возразить. Но помяни меня, она тебе надоест.

Хью Хойланд жадно пожирал древние книги, которые наставник разрешил ему прочесть, и на многие, многие циклы сна лишился желания слазить наверх, да и вообще выползать из каюты Нельсона. Неоднократно он чувствовал, что

напал на след разгадки тайны — тайны пока еще неопределенной, не оформленной даже в виде вопроса, — но только еще больше запутывался. Постичь мудрость Ученых оказалось сложнее, чем он думал.

Однажды, когда он удивлялся странным, запутанным характерам древних и пытался разобраться в их причудливой риторике и незнакомой терминологии, Нельсон зашел в тесную квартирку и, отечески положив руку ему на плечо, спросил:

— Как дела, сынок?

— Ну, вполне нормально, сэр, мне кажется, — ответил Хью, отставляя книгу. — Кое-что мне не совсем понятно — совсем не понятно, честно говоря.

— Этого следовало ожидать, — спокойно произнес старик. — Я оставил тебя для начала побороться самому, чтобы ты увидел ловушки, в которые может попасть неискушенный ум, если не получит поддержки. Многое невозможно понять без обучения. Что это у тебя? — Он поднял книгу и взглянул на обложку. «Основы современной физики». — Вот как? Это одна из самых ценных священных книг, но новичку в ней не разобраться без посторонней помощи. Первое,

что ты должен понять, мой мальчик, это то, что наши предки, при всем их духовном совершенстве, смотрели на мир иначе, чем мы. Они были неисправимыми романтиками, а не практиками, как мы, и истины, которые они передали нам, хоть и остаются несомненно верными, часто переданы языком аллегорий. Например, ты дошел до Закона Гравитации?

— Я читал об этом.

— Понял ли ты его? Нет, я вижу, что нет. Вот-вот! Рассуди сам. Ты понимал его в буквальном смысле, как рассуждение о принципах действия электрических аппаратов — в той же книге. «Два тела притягивают друг друга прямо пропорционально их массе и обратно пропорционально квадрату расстояния между ними». Похоже на формулировку обычного физического закона, не так ли? Ничего подобного; таким поэтическим способом предки выразили влечение, которым движет любовь. Тела здесь — это человеческие существа, масса — это их способность к любви. Молодые в большей мере наделены этой способностью, чем старики; соединяясь, они влюбляются, но, разделенные, быстро остывают. «С глаз долой — из сердца вон». Очень просто. А ты искал здесь глубокий смысл.

Хью улыбнулся.

— Мне не пришло это в голову. Теперь я понимаю, мне еще многого не понять без вашей помощи.

— Что-то еще беспокоит тебя?

— О да, множество вещей, хотя сейчас я, наверное, не вспомню всего. Да, вот еще… Скажи, отче: можно ли мутов считать людьми?

— Вижу, ты наслушался досужих разговоров. Отвечу: и да, и нет. Конечно, муты когда-то произошли от людей, но они больше не входят в Экипаж — теперь они не принадлежат к человеческой расе, так как преступили Закон Джордана.

— Это обширная тема, — продолжал он, разгораясь. — Под вопросом даже изначальное значение слова «мут».[4] Несомненно, первыми мутами — раньше говорили — «смутами» — были смутьяны, избежавшие смерти в эпоху бунта. В их жилах течет кровь многих смутировавших, рожденных в темные времена. Ты, конечно, знаешь, что тогда еще не было мудрого закона — искать печать греха у каждого новорожденного и возвращать в Конвертор любого мутанта. И теперь

---

[4] notes: 4

В английском языке «mut» является первым слогом и слова «мутант» (mutant) и слова «мятежник» (mutineer).

еще в темных переходах и на пустынных уровнях таится множество странных и ужасных существ.

Хью некоторое время размышлял об этом, потом спросил:

— Почему мутации все еще проявляются среди нас, людей?

— Это как раз легко понять. Зерна греха все еще в нас. Время от времени они прорастают. Искореняя чудовищ, мы очищаем род человеческий и тем самым приближаемся к исполнению Плана Джордана, к концу *Путешествия*, к нашему горнему чертогу, далекому Центавру.

Хойланд снова нахмурился.

— Есть еще кое-что, чего я не понимаю. Многие древние письмена говорят о *Путешествии* как о реальном движении, перемещении куда-то — как будто Корабль — это что-то вроде тележки. Как это может быть?

Нельсон заулыбался.

— В самом деле, как? Как может двигаться то, что само есть вместилище всего, что движется? Ответ, конечно, прост. Ты снова спутал аллегорию с явью. Разумеется, сущий Корабль недвижим в физическом смысле. Как может перемещаться Вселенная? Он *движется* в духовном смысле. С каждым праведным деянием мы приближаемся

к завершению божественного Плана Джордана.

Хью кивнул.

— Кажется, я понимаю.

— Конечно, Джордан мог бы создать мир в любом ином виде, а не в виде Корабля, будь у Него такая цель. В прежние времена, когда человечество было моложе и наивнее, святые отцы устраивали целые состязания, измышляя миры, которые мог бы создать Джордан. Одна из школ породила целую мифологию о странном мире, где все вверх дном, — там бесконечные пустые просторы, где блещут булавочными уколами редкие точки света и витают бестелесные мифические монстры. Они называли этот мир райскими кущами, или юдолью, как бы противопоставляя его суровой реальности Корабля. Надо думать, они неустанно пытались мыслию постичь Корабль и измышляли всякие нюансы, пытаясь его осмыслить. Думаю, они трудились к вящей славе Джордана, и кто скажет, как бы Он рассудил их грезы? Но мы живем в иное время и у нас более серьезные задачи.

Хью не заинтересовался астрономией. Даже его девственный разум понимал, что это учение чересчур абстрактно и оторвано от жизни. Он обратился к более насущным проблемам.

— Если муты — это семена зла, почему же нам не избавиться от них? Не будет ли это деянием, приближающим исполнение Плана?

Старик помедлил немного, прежде чем ответить.

— Справедливый вопрос, и заслуживает прямого ответа. Поскольку ты будешь Ученым, тебе необходимо знать ответ. Посуди сам: Корабль может обеспечить лишь ограниченное количество членов Экипажа. Если мы будем неограниченно плодиться, на всех не хватит доброй еды. Разве не лучше, если некоторые из нас погибнут в стычках с мутами, нежели станут убивать друг друга из-за пищи? Пути Джордана неисповедимы. Даже мутам отведено место в Его Плане.

Это звучало разумно… Но зерно сомнения осталось.

Однако когда Хью был переведен на активную работу в качестве младшего Ученого по обслуживанию функций Корабля, он узнал, что есть и другие мнения. По обычаю, некоторое время он обслуживал Конвертор. Работа была необременительной; в основном ему приходилось проверять отходы, доставляемые носильщиками из разных деревень, вести учет их вкладу и следить, чтобы металл, годный для переработки, не попадал в

бункер первой ступени. Но именно там он познакомился с Биллом Эртцем, помощником Главного Инженера. Он был чуть постарше Хью.

С ним он обсуждал все, что узнал от Нельсона, и был обескуражен позицией Эртца.

— Подумай своей головой, малыш, — говорил Эртц. — Мы — трезвые люди и занимаемся делом. Забудь эту романтическую чепуху. План Джордана! Эта ерунда нужна для того, чтобы держать в узде крестьян, но ты-то на это не покупайся! Никакого Плана нет — есть только наши собственные насущные планы. На Корабле должны быть свет, тепло, энергия для гидропоники и приготовления пищи. Экипаж не может обойтись без этого, поэтому мы — главные в Экипаже. Что же до мягкотелой терпимости к мутам, то скоро ты увидишь кое-какие перемены! Держи язык за зубами и держись нас.

Хью смекнул, что ему следует присмотреться к группе молодых ученых. Они создали свою сплоченную организацию и были практичными, трезвомыслящими людьми, работавшими, как они это понимали, на благо всего Корабля. Сплоченность их держалась на том, что новичок, не разделявший их взглядов, заканчивал плохо. Либо он переставал справляться со своими

обязанностями и снова мигом оказывался среди крестьян, либо, чаще, ему вменяли в вину служебное несоответствие и отправляли в Конвертор.

И Хойланд начинал понимать, что они правы.

Они реалисты. Корабль есть Корабль. Это факт, не требующий объяснений. Что касается Джордана — кто его видел, кто с ним говорил? Что значит его туманный План? Цель жизни — жизнь. Человек рождается, проживает жизнь, потом отправляется в Конвертор. Это очень просто, нет никакой тайны, никакого грандиозного Путешествия и никакой Центавры. Эти романтические истории — просто отрыжка детства человечества, когда люди еще не приобрели понимания и смелости смотреть в лицо фактам.

Он перестал забивать голову астрономией и мистической физикой и всей остальной мифологией, перед которой его научили преклоняться. Ему по-прежнему нравились Строки из «*Начала*» и все эти старинные рассказы о Земле (кстати, что за «Земля» такая, Хафф бы ее побрал?), но теперь он понимал, что воспринимать их серьезно могут только дети и полные олухи.

К тому же он был очень занят. Молодежь, формально подчиняясь власти старших, лелеяла и собственные планы. На первом месте стояло

планомерное уничтожение мутов. Кроме того, хотя их намерения были еще не окончательно определены, они предполагали начать полное использование ресурсов Корабля, включая верхние уровни. Молодые люди могли осуществлять свои планы, не вступая в открытую конфронтацию со старшими, просто потому, что старшим Ученым было наплевать на обыденные проблемы Корабля. Нынешний Капитан так растолстел, что редко показывался из своей каюты; его помощник из молодых присматривал за делами вместо него.

Хойланд никогда не встречался и с Главным Инженером, только на литургии по освящению Посадочных Модулей.

Истребление мутов между тем требовало тщательных разведывательных вылазок на верхние уровни. Однажды во время такой вылазки Хью Хойланду еще раз досталось камнем.

Этот мут владел пращой лучше предыдущего. Напарники Хойланда, уступив силе, ретировались, посчитав его мертвым.

Джо-Джим Грегори играл сам с собой в шашки. Были времена, когда он играл и в карты, но Джо, правая голова, начал подозревать Джима, левую голову, в шулерстве. Они долго ссорились, а потом бросили это дело, потому что еще в самом

начале своего совместного пути поняли, что две головы на одних плечах должны все же как-то уживаться.

Шашки их устраивали. Оба видели доску, что исключало споры.

Громкий металлический стук в дверь квартиры прервал игру. Джо-Джим вытащил из ножен свой метательный нож и перехватил его поудобнее.

— Заходи! — рявкнул Джим.

Дверь открылась, и стучавший спиной вперед вошел в комнату — все знают, что это единственный безопасный способ входить к Джо-Джиму.

Вошедший был крепко сбитый и мощный детина не более четырех футов ростом. Он нес на плече, придерживая рукой, обмякшее тело.

Джо-Джим вернул нож в ножны.

— Клади его, Бобо, — велел Джим.

— И дверь закрой, — добавил Джо. — Ну, что притащил?

Это оказался молодой человек, похоже, мертвый, хотя ран на нем не было. Бобо погладил его по бедру.

— Съедим? — с надеждой спросил он. Слюна сползла из его приоткрытого рта.

— Возможно, — уклонился Джим. — Ты убил его?

Бобо потряс своей несоразмерно маленькой головой.

— Молодец, Бобо, — одобрил Джо. — Куда ты ему попал?

— Бобо попал ему *туда*, — микроцефал[5] ткнул безжизненное тело толстым большим пальцем между пупком и грудиной.

— Хороший удар, — одобрил Джо. — Не хуже, чем мы могли бы ударить ножом.

— Бобо хороший удар, — радостно согласился гном. — Хочешь посмотреть? — Он с готовностью вытащил рогатку.

— Заткнись, — беззлобно сказал Джо. — Нет, мы не хотим смотреть; мы хотим, чтобы он заговорил.

— Бобо чинить, — согласился коротышка и приступил к делу с простодушной жестокостью.

Джо-Джим оттолкнул его и применил другие методы, болезненные, но значительно менее опасные, чем методы карлика.

Молодой человек вздрогнул и открыл глаза.

— Съедим? — повторил Бобо.

— Нет, — сказал Джо.

— Когда ты последний раз ел? — спросил

---

[5] notes: 5

Микроцефалами в медицине называют людей, отличающихся ненормально малой величиной черепа и соответственно головного мозга.

Джим.

Бобо затряс головой и стал тереть живот, изображая, что это было очень, очень давно. Джо-Джим подошел к шкафчику и вытащил кусок мяса. Джим понюхал, а Джо сморщил нос и отвернулся. Джо-Джим бросил мясо Бобо, который с восторгом поймал его на лету.

— А теперь убирайся, — приказал Джим.

Бобо рысью метнулся прочь, закрыв за собой дверь. Джо-Джим повернулся к пленному и слегка пнул его.

— Говори, — сказал Джим. — Кто ты, Хафф тебя раздери?

Молодой человек затрясся, схватился за голову, а потом, казалось, пришел в себя, потому что вскочил на ноги, двигаясь неуклюже из-за низкого веса этого уровня, и потянулся за своим ножом.

Ножа на поясе не было.

Джо-Джим вытащил свой нож и стал поигрывать им.

— Веди себя хорошо, и тебя не тронут. Как тебя зовут?

Молодой человек облизал губы, глаза его обшаривали комнату.

— Говори, — потребовал Джо.

— Чего с ним возиться? — спросил Джим. — Я

бы сказал, он только на мясо годен. Лучше позовем Бобо назад.

— Некуда спешить, — ответил Джо. — Я хочу поговорить с этим. Как тебя зовут?

Пленник снова взглянул на нож и пробормотал:

— Хью Хойланд.

— Это нам ни о чем не говорит, — заметил Джим. — Кем ты работаешь? Из какой ты деревни? И что ты делал в стране мутов?

Но на этот раз Хойланд молчал. Даже от укола ножом под ребра он только закусил губу.

— Ерунда все это, — сказал Джо. — Он просто тупой крестьянин. Брось его.

— Прикончим?

— Нет. Не сейчас. Пусть посидит взаперти.

Джо-Джим отпер крохотный закуток и, поигрывая ножом, загнал туда Хью. Потом запер дверь и вернулся к игре.

— Твой ход, Джим.

Каюта, где оказался Хью, была погружена в темноту. Мало-помалу он убедился, передвигаясь на ощупь, что кроме гладких стальных стен и прочной, надежно запертой двери внутри нет ничего. Тогда он лег на пол и предался бесплодным размышлениям.

Времени для раздумий у него было более чем достаточно; не один раз он погружался в сон и просыпался. Наконец его совсем измучил голод; еще сильнее хотелось пить.

Когда Джо-Джим вспомнил о пленнике и открыл дверь темницы, он не сразу увидел Хойланда. Много раз тот планировал, что сделает, когда придет его звездный час, но когда это случилось, он оказался негоден к употреблению. Джо-Джим выволок его наружу.

От бесцеремонного обращения Хью немного пришел в чувство. Он сел и огляделся.

— Готов говорить? — спросил Джим.

Хойланд открыл рот, но не смог произнести ни звука.

— Ты что, не видишь, что он пересох и не может слова сказать? — бросил Джо близнецу. Потом обратился к Хью: — Пить дадим — говорить будешь?

Хойланд сначала не понял, потом энергично закивал.

Через минуту Джо-Джим вернулся с кружкой воды. Хью жадно напился, помедлил, потом, кажется, приготовился повторить.

Джо-Джим отобрал у него кружку.

— Пока достаточно, — сказал Джо. — Расскажи

нам о себе.

Хью рассказал все. Во всех подробностях, с небольшими понуканиями.

Участь раба Хью воспринял без особого сопротивления и душевного волнения. Слово «раб» не входило в его словарный запас, но такое положение было для него обыденным. Всегда были те, кто отдавал приказы, и те, кто их исполнял, — другого он не мог себе представить. Такова жизнь.

Хотя вполне естественно, что он думал о побеге.

Но только думал. Джо-Джим догадался о его мыслях и заговорил без обиняков. Начал Джо:

— Парень, не затевай ерунды. Без ножа ты и трех уровней здесь не пройдешь. Даже если сопрешь у меня нож, все равно не доберешься до уровней с нормальным весом. Кроме того, есть еще Бобо.

Хью чуть помедлил и переспросил:

— Бобо?

Джим ухмыльнулся и ответил:

— Мы сказали Бобо, что он сможет съесть тебя, если ты высунешь голову из каюты без нас. Теперь он спит за дверью. Немало времени потерял.

— Это совершенно справедливо, — вставил

Джо. — Он был очень разочарован, когда мы решили приберечь тебя.

— Слушай, — предложил Джим, поворачиваясь к брату. — А как насчет поразвлечься? — Он снова посмотрел на Хью. — Умеешь бросать нож?

— Конечно, — ответил Хью.

— Посмотрим. Держи. — Джо-Джим протянул ему их нож. Хью взял, покачал его в руке, проверяя балансировку. — Бросай туда.

На дальней стене комнаты, напротив любимого стула Джо-Джима, висела пластиковая мишень, на которой он оттачивал свое мастерство. Хью прицелился и быстрым, незаметным глазу движением метнул нож. Экономичный бросок из-под руки, большой палец на лезвии, остальные вместе.

Нож закачался почти в центре мишени, в той измочаленной области, которая свидетельствовала о достижениях Джо-Джима.

— Молодец! — одобрил Джо. — Как ты думаешь, Джим?

— Дадим ему нож и посмотрим, как далеко он сможет уйти.

— Нет, — сказал Джо. — Я не согласен.

— Почему?

— Если выиграет Бобо, мы лишимся слуги. Если

выиграет Хью, мы лишимся обоих. Это расточительство.

— Ну… Если ты настаиваешь…

— Ага. Хью, принеси нож.

Хью принес. Ему и в голову не пришло направить оружие в сторону Джо-Джима. Хозяин есть хозяин. Чтобы слуга напал на хозяина — это не просто плохо. Это настолько немыслимо… Это непредставимо.

Хью надеялся, что Джо-Джима впечатлит его ученость. Но вышло по-другому. Джо-Джим, особенно Джим, обожал спорить. Очень скоро они выжали все из Хью и отбросили его за ненадобностью, фигурально выражаясь. Хойланд почувствовал себя униженным. В конце концов, разве он не Ученый? Разве он не умеет читать и писать?

— Заткнись, — сказал Джим. — Читать — это проще простого. Я умел читать, когда твой папаша еще не родился. Думаешь, ты первый ученый у нас в услужении? Ученые — ха! Толпа недоумков!

В попытке восстановить свое интеллектуальное достоинство Хью изложил теории молодых ученых, строго следующие фактам, неукоснительно реалистичные, атеистические и рассматрива-

ющие Корабль как он есть. Хью втайне надеялся, что Джо-Джим поддержит такую точку зрения; казалось, это совпадало с его (их?) характером.

Оба расхохотались ему в лицо.

— В самом деле, — допытывался Джим, когда перестал смеяться, — неужели вы, молодые олухи, настолько глупы? Да вы еще хуже, чем ваши старики.

— Но вы же сами говорили, — обиженно запротестовал Хью, — что все общепринятые религиозные представления — это чушь. Так и мои друзья думают. Они хотят выкинуть весь этот старый хлам.

Джо начал отвечать, но Джим перебил:

— Что с ним возиться? Он безнадежен.

— Вовсе нет. Мне нравится беседовать. Он первый, не знаю уж за сколько времени, с кем я могу поговорить. В общем, я хочу посмотреть, голова у него на плечах или только место, откуда уши растут.

— Ладно, — согласился Джим. — Только давайте потише. Хочу вздремнуть.

Левая голова закрыла глаза и вскоре захрапела. Джо и Хью продолжали беседовать шепотом.

— У вас, молодых, — сказал Джо, — проблема в том, что когда вы не можете понять что-то с ходу,

вы считаете, что этого просто нет. У стариков — наоборот. Все, что они не понимают, они истолковывают, а потом считают, что все поняли. Никто из вас не попытался прочесть простейшие слова так, как они написаны, а потом просто понять их. Нет, вы все шибко умные — если не понятно сразу, значит, тут какой-то другой смысл.

— Что вы имеете в виду? — с подозрением спросил Хью.

— Ну, к примеру, возьмем *Путешествие*. Что это значит?

— Ну… По-моему, это ничего не значит. Просто чушь, сказочка для крестьян.

— А каково общепринятое значение?

— Ну… это куда ты попадаешь после смерти… или, скорее, посмертное бытие. Ты совершаешь *Путешествие к Центавре*.

— А что такое Центавр?

— Это — заметьте, я излагаю догмы; сам я в эту чушь не верю — место в конце Путешествия, где все счастливы и где всегда добрая еда.

Джо расхохотался. Джим перестал храпеть, приоткрыл один глаз, буркнул что-то и снова заснул.

— Вот об этом я и говорю, — прошептал Джо еще тише. — Ты не думаешь своей головой. Тебе никогда не приходило в голову, что Путешествие

— это именно то, что написано в древних книгах, — что Корабль и весь Экипаж в самом деле движутся куда-то?

Хойланд подумал.

— Это несерьезно. Да и *физически* невозможно. Корабль не может двигаться *куда-то*. Он уже *везде*. Можно путешествовать *по* Кораблю, но совершить *Путешествие* можно лишь в духовном смысле, если там вообще есть какой-то смысл.

Джо воззвал к Джордану.

— Послушай, напряги свою дубовую голову. Вообрази место во много-много раз больше Корабля. Корабль — внутри, и он движется. Понял?

Хью попытался.

Потом еще попытался.

Потом затряс головой.

— Это бессмысленно. Ничто не может быть больше Корабля. Ни для чего другого просто не останется места.

— Хафф тебя побери! Слушай! Это место — *снаружи* Корабля, понял? За последним уровнем в любом направлении. Там пустота! Просек?

— Но за последним уровнем ничего нет. Поэтому он и последний.

— Так. Возьми ножик и проверти дырку в полу последнего уровня. Что там будет?

— Но это невозможно. Пол-то твердый.

— Но представь, что ты все-таки смог сделать дырочку. Что там будет? Представь себе.

Хью закрыл глаза и попытался представить, как он вертит дырочку в полу последнего уровня. Как будто пол мягкий… словно сыр.

И перед ним забрезжило понимание каких-то возможностей — возможностей, выворачивающих душу наизнанку. Он будто падал, падал в дыру, которую сделал сам и под которой не было никаких уровней. Он быстро открыл глаза.

— Это ужасно! — еле выговорил он. — Я в это не верю.

Джо-Джим поднялся.

— Я *заставлю* тебя в это поверить, — мрачно сказал он, — даже если для этого придется свернуть тебе шею. — Он шагнул к двери в коридор и открыл ее.

— Бобо! — крикнул он. — Бобо!

Джим вздрогнул и поднял голову.

— Что у вас происходит?

— Сводим Хью к невесомости.

— Зачем?

— Чтобы вдолбить немного ума в его тупую башку.

— В другой раз.

— Нет, я хочу прямо сейчас.

— Ладно, ладно. Не трясись. Все равно я уже проснулся.

Джо-Джим Грегори обладал — или обладали — мозгами почти столь же уникальными, как и телом. Он стал бы лидером в любом случае. Среди мутов само собой разумелось, что он имеет право третировать, командовать и заставлять служить себе. Будь у него жажда власти, он вполне мог бы поднять мутов на борьбу и завоевал бы Корабль вместе со всем Экипажем.

Но у него не было таких устремлений. По своей исконной сути он был интеллектуалом, сторонним наблюдателем. Его интересовали вопросы «как» и «почему», но его воля к действию была направлена только на обеспечение собственного удобства и комфорта.

Если бы он родился двумя нормальными близнецами в Экипаже, то, вероятно, стал бы Ученым — самый простой и удобный способ обеспечить себя — и мирно развлекался бы беседами и управленческой деятельностью. Ныне же ему не хватало компаньона для умственных упражнений, и он бездельничал, читая и перечитывая книги, наворованные для него тремя поколениями слуг.

Прочитанное обсуждалось обеими половинами его двойственной личности. Постепенно они выработали весьма толковую точку зрения на историю и физический мир — за одним исключением. Они не понимали, что такое художественный вымысел, и принимали за чистую монету романы, попавшие в их руки, — так же, как учебники и справочники.

На этом они расходились. Джим считал величайшим из людей Алана Квотермейна;[6] Джо отдавал пальму первенства Джону Генри.[7]

Оба они чрезвычайно любили поэзию; Киплинга они могли цитировать страницами, и почти так же им нравился Райслинг,[8]«слепой певец космических дорог».

Пятясь, вошел Бобо. Джо-Джим ткнул пальцем

---

[6] notes: 6

Имеется в виду не реальный человек, а один из героев известного английского писателя Генри Райдера Хаггарда (1856–1925), действующий в ряде романов («Алан Квотермейн», «Копи царя Соломона», «Айша», «Возвращение Айши», «Люди тумана» и др.).

[7] notes: 7

Джон Генри был героем американского «железнодорожного фольклора», широко распространившегося в эпоху строительства трансконтинентальных железных дорог; был наделен невероятной физической силой и носил прозвище «Стальной Человек».

[8] notes: 8

Жизнь и стихи Райслинга описаны Хайнлайном в замечательном рассказе «Зеленые холмы Земли».

в Хью.

— Гляди, — сказал Джо, — он выйдет.

— Сейчас? — счастливо спросил Бобо, ухмыляясь и пуская слюну.

— Тебе бы только брюхо набить! — ответил Джо, постучав Бобо по макушке. — Нет, ты его не ешь. Ты и он — кровные братья. Понял?

— Не есть его?

— Нет. Защищай его. Он будет защищать тебя.

— Хорошо. — Он обреченно кивнул своей крошечной головой, признавая неизбежное. — Кровные братья. Бобо знает.

— Хорошо. Теперь пойдем туда-где-все-летают. Ты пойдешь впереди. Охраняй.

Они двинулись. Гном трусил впереди, выглядывая опасность, за ним шел Хью, а Джо-Джим прикрывал тылы, причем Джо смотрел вперед, а Джим назад, повернув голову через плечо.

Они взбирались все выше и выше. С каждым пройденным уровнем вес незаметно уменьшался. Наконец они достигли уровня, дальше которого идти было невозможно — люки кончились. Палуба чуть заметно искривлялась, было похоже, что мир имеет форму огромного цилиндра. Над головой, закрывая обзор, простиралась такая же искривленная металлическая поверхность, и

неясно было, действительно ли палуба изгибается дальше.

Настоящих стен здесь не было; путников обступали огромные распорки, гигантские, несуразно мощные, аккуратно расчерчивая палубу и потолок.

Тяжесть не ощущалась. Если стоять неподвижно, ничтожный остаток веса заставлял тело чуть заметно дрейфовать вниз, к «полу», однако большой разницы между «низом» и «верхом» здесь не было. Хью это не понравилось; его подташнивало, зато Бобо был здесь явно не впервые. Он плыл по воздуху, как нелепая рыба, отталкиваясь от распорок, пола и потолка.

Джо-Джим следовал параллельно общей оси внутреннего и внешнего цилиндров по проходу, образованному распорками. Вдоль прохода располагались перила, и он передвигался, цепляясь за них, как паук по паутине. Он набрал приличную скорость, и Хью с трудом поспевал за ним. Мало-помалу освоившись, он стал двигаться длинными скользящими шагами, иногда отталкиваясь рукой или ногой. Он не мог бы сказать, сколько они прошли — подозревал, что несколько миль, но не был уверен.

В конце прохода они остановились. Путь

преграждала прочная переборка. Джо-Джим двинулся вдоль нее вправо, что-то высматривая.

Наконец он нашел то, что искал, — закрытую дверь в рост человека. Разглядеть ее можно было только благодаря тоненькой щели по контуру и причудливому геометрическому орнаменту на поверхности. Джо-Джим осмотрел ее и почесал правую голову. Головы немного пошептались, потом Джо-Джим поднял руку.

— Нет! — сказал Джим.

— Как нет? — удивился Джо. Они снова пошептались, Джо кивнул, и они опять подняли руку.

Рука, не дотрагиваясь, двинулась вдоль линий узора, дюймах в четырех от поверхности. Движение было незамысловатым, но смысл жеста оставался непонятным.

Наконец Джо-Джим толкнул дверь ладонью, отплыл и замер.

Через мгновение раздался мягкий, почти неслышный шипящий звук; дверь дрогнула, отошла дюймов на шесть и тоже замерла. Джо-Джим, казалось, был озадачен. Он осторожно просунул руки в образовавшуюся щель и потянул. Ничего не произошло. Тогда он позвал Бобо:

— Открой.

Бобо, нахмурившись так, что узкий лоб почти

весь ушел в морщины, осмотрел дверь. Потом уперся ногами в переборку, ухватившись одной рукой за дверь, и напрягся.

Он замер, изогнув спину, напружинив грудные мышцы, обливаясь потом. На шее выступили жилы, голова ушла в плечи. Хью услышал хруст суставов. Он подумал, что карлик может лопнуть от натуги — отступиться у него не хватит мозгов. Однако дверь неожиданно подалась и отлетела вместе с полоской металлического крепления. Она выскользнула из рук Бобо, и сила напружиненных ног отбросила его прочь от переборки. Он пролетел вдоль по проходу, пытаясь ухватиться за поручень. Но уже через минуту он снова оказался у двери, неловко переворачиваясь в воздухе и массируя ушибленную лодыжку.

Джо-Джим вошел внутрь, Хью держался за его спиной.

— Что это за место? — требовательно спросил Хью, у которого любопытство перевесило почтительность к хозяину.

— Главная Рубка, — ответил Джо.

Главная Рубка. Самое священное и запретное место на Корабле! Само ее местоположение было давно забыто. Молодые Ученые считали, что такого места вовсе не существует. Старшие рас-

ходились во мнениях от фундаменталистской догматики до мистических толкований. Хью считал себя человеком просвещенным, но все же название напугало его. *Рубка!* По слухам, здесь обитает дух самого Джордана…

Он остановился.

Джо-Джим тоже остановился, и Хью отвел глаза.

— Пошли. В чем дело?

— Ну… ххм…

— Говори.

— Но… это место… дух Джордана…

— Ну, во имя Джордана! — запротестовал Джо, постепенно раздражаясь. — А мне казалось, ты говорил, что вы, молодые олухи, вообще не верите в Джордана.

— Да, но… но это…

— Хватит. Пошли, а не то я на тебя Бобо напущу.

Он повернулся. Хью неохотно, как на плаху, последовал за ним.

Они протиснулись через проход, ширины которого хватало только чтобы идти плечом к плечу. Проход повернул на девяносто градусов по широкой плавной дуге и вывел прямо в рубку. Хью, исполненный страха и любопытства, выглянул

из-за широкого плеча Джо-Джима.

Он увидел хорошо освещенную огромную комнату, добрых двухсот футов в диаметре. Комната-сфера казалась изнанкой гигантского глобуса. Поверхность стен была гладкой и серебристой. В центре сферы Хью увидел скопище приборов, занимающее футов пятнадцать в поперечнике. Для его неопытного взгляда они были совершенно непонятны; он не мог бы даже описать их, однако заметил, что они свободно висят в воздухе, ничем, по-видимому, не поддерживаемые.

От конца прохода к приборам в центре сферы тянулась металлическая решетчатая труба такой же ширины, что и проход. Джо-Джим обернулся к Бобо и велел ему стоять на месте, сам же вошел в трубу.

Вместе с Хью они двигались по трубе, перебирая прутья решетки. Наконец они добрались до приборов. Вблизи детали оборудования стали виднее, но оставались такими же непонятными, и Хью взглянул на внутреннюю поверхность сферы.

Это оказалось ошибкой. Поверхность была ровной, серебристо-белой и не имела перспективы. Невозможно было понять, находится ли она в сотне футов, в тысяче или за много миль. Хью

никогда не видел высоты больше двух палуб и открытого пространства шире деревни. Его охватила паника, неудержимый страх, тем более что он и сам не понимал, чего боится. Дух давно забытых первобытных предков проснулся в нем, и он замер в древнем примитивном страхе падения.

Он схватился одной рукой за панель управления, другой за Джо-Джима.

Джо-Джим ударил его тыльной стороной ладони по лицу.

— Что с тобой? — прикрикнул Джим.

— Не знаю. — Хью наконец смог отвести взгляд. — Не знаю, но мне здесь *не нравится*. Пойдемте отсюда!

Джим поднял брови, глядя на Хью с отвращением.

— Действительно. Этот слабак никогда не поймет ничего, что ты ему толкуешь.

— Да ладно, все в порядке, — отмахнулся Джо. — Хью, залезай в кресло — вон в то.

Тем временем Хью поглядел на трубу, по которой они добрались до панели управления. Сфера вдруг съежилась до своих нормальных размеров и приступ паники почти прошел. Все еще трясясь, Хью подчинился.

Центр управления был жесткой конструкцией

из кресел, в которых должны были располагаться операторы, и контрольной панели, расположенной почти на уровне колен — так, чтобы она была перед глазами, но не закрывала обзора. Кресла имели высокие подлокотники со встроенными в них рукоятками, но об этом Хью еще не знал.

Он проскользнул под приборной панелью на кресло, удобно откинулся в нем, наслаждаясь его прочностью и неподвижностью. Он устроился полулежа — и ногам, и голове было удобно.

Перед Джо-Джимом на панели что-то происходило; Хью заметил это краем глаза и повернулся посмотреть. В верхней части приборной доски мерцали красные буквы: «2-Й АСТРОНАВИГАТОР ГОТОВ». Что означает «2-й астронавигатор»? Хью об этом не имел ни малейшего понятия — и тут он заметил прямо перед собой надпись «2-Й АСТРОНАВИГАТОР». Хью понял, что речь идет о нем, точнее, о человеке, который должен сидеть на этом месте. Он почувствовал неловкость, словно второй астронавигатор мог войти и обнаружить, что его место занято, но выбросил эти мысли из головы — это казалось все же маловероятным.

И все же — что такое «второй астронавигатор»?

Буквы на панели Джо-Джима пропали, слева загорелась красная точка. Джо-Джим потрогал что-то правой рукой; панель отозвалась: «УСКОРЕНИЕ — НОЛЬ», «ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ». Последние слова моргнули несколько раз и сменились надписью «НЕ ОТВЕЧАЕТ». Эта надпись тоже исчезла, с правого края появилась зеленая точка.

— Приготовься, — сказал Джо, глядя на Хью. — Сейчас погаснет свет.

— Вы ведь не выключите его? — испугался тот.

— Нет — его выключишь ты. Посмотри там, рядом с твоей левой рукой. Видишь маленькие белые огоньки?

Хью посмотрел и обнаружил, что в подлокотнике светятся восемь маленьких ярких огоньков, расположенных двумя группами, одна над другой.

— Каждая лампочка управляет освещением в своем квадранте, — объяснил Джо. — Закрой их ладонью, и свет погаснет. Давай, попробуй.

С опаской, но сгорая от любопытства, Хью выполнил указание. Он положил на крошечные лампочки ладонь и стал ждать. Серебристая сфера сделалась тускло-свинцовой, потом еще больше потемнела, и они оказались во мраке,

нарушаемом лишь слабым мерцанием приборов. Хью ощутил волнение и восторг. Он убрал ладонь; сфера осталась темной, а восемь огоньков засветились голубым.

— А теперь, — проговорил Джо, — я покажу тебе звезды!

В темноте рука Джо-Джима скользнула по другой группе из восьми лампочек.

О, миг сотворения мира!

Со стен стелляриума, точнейшим образом воспроизведенные, светя так же ровно и безмятежно, как их прототипы в черных глубинах космоса, на него смотрели звезды.

Как драгоценные самоцветы, разбросанные с небрежной щедростью по искусственному небу, перед ним лежали бесчисленные солнца — перед ним, над ним, под ним, за ним, вокруг него. Он висел в одиночестве посреди звездной вселенной.

— Ооооооох! — невольно выдохнул он.

Хью так стиснул подлокотники, что чуть не сломал ногти, но не заметил этого. Он больше не боялся; в его душе оставалось место лишь для одного чувства. Жизнь Корабля, суровая и будничная, не оставляла место прекрасному; впервые в жизни он испытал невыносимый экстаз незамутненной красоты. Это потрясло его до боли.

Лишь через некоторое время Хью настолько оправился от шока и последовавшего за ним оцепенения, чтобы заметить сардоническую ухмылку Джима и сухой смешок Джо.

— Хватит? — спросил Джо. Не дожидаясь ответа, Джо-Джим включил свет с помощью панели на своем левом подлокотнике.

Хью вздохнул. У него болело в груди, а сердце тяжело стучало. Он вдруг осознал, что все это время не дышал.

— Ну, умник, — спросил Джо, — теперь убедился?

Хью снова вздохнул, сам не зная, почему. Когда вновь зажегся свет, он опять почувствовал себя в безопасности, но его охватило ощущение огромной потери. В глубине души он знал, что, раз увидев звезды, больше не сможет быть счастлив. Ему уже не заглушить этой ноющей боли в груди, этой только что зародившейся смутной тоски по утраченному небу и звездам, хотя в простоте своей он еще не мог этого понять.

— Что это было? — хрипло спросил он.

— Оно и было, — ответил Джо. — Мир. Вселенная. То, о чем я и пытался тебе рассказать.

Хью напрягся, яростно соображая.

— Это и есть «то, что Снаружи»? — спросил

он. — Все эти прекрасные маленькие огоньки?

— Ну да, — сказал Джо. — Только они не маленькие. Понимаешь, они очень далеко — может, за тысячи миль отсюда.

— Что?

— Да, да, — настаивал Джо. — Там, снаружи, места много. Космос! Он огромен. Да что там, некоторые из этих звезд могут быть размером с Корабль — а то и больше.

Лицо Хью, перекошенное от умственных потуг, представляло собой жалкое зрелище.

— Больше Корабля? — повторил он. — Но… но…

Джим нетерпеливо закивал головой.

— Что я тебе говорил? Теряешь время на этого балбеса. Он не способен…

— Полегче, Джим, — мягко перебил Джо. — Не жди, что он побежит, еще не научившись ползать. У нас и то это заняло некоторое время. Я смутно припоминаю, что и ты когда-то не сразу поверил своим глазам.

— Врешь, — заносчиво проговорил Джим. — Это тебя нужно было долго уговаривать.

— Ладно, ладно, — примирительно сказал Джо. — Мы оба не сразу поверили.

Хойланд не обратил внимания на перепалку

братьев. Обычное дело; он же размышлял о вещах далеко не обычных.

— Джо, — спросил он, — а что случилось с Кораблем, когда мы смотрели на звезды? Мы что, смотрели прямо сквозь него?

— Не совсем, — сказал Джо. — Мы вообще-то смотрели не прямо на звезды, а как бы на их изображение. Как будто… Ну, в общем, это делается с помощью зеркал. У меня есть книга об этом.

— Но *можно* увидеть и сами звезды, — встрял Джим, мгновенно забыв о пикировке. — Там впереди есть помещение…

— Ну да, — перебил Джо, — у меня из головы вылетело. Капитанский мостик. Там одна стена стеклянная. Можно просто посмотреть наружу.

— *Капитанский мостик?* Но…

— Да не этого Капитана! Он-то там никогда не был. Так написано на табличке над дверью.

— А что такое «мостик»?

— Провалиться мне, если я знаю. Просто название такое.

— Вы сводите меня туда?

Джо хотел было согласиться, но вмешался Джим.

— В другой раз. Пошли обратно — я проголодался.

Они снова прошли сквозь трубу, разбудили Бобо и проделали долгий путь назад.

Прошло много времени, прежде чем Хью уговорил Джо-Джима снова взять его на разведку, но это время прошло не зря. Нигде Хью не видел столько книг, как у Джо-Джима. Некоторые из них Хью читал и раньше, но теперь перечитывал с новым пониманием. Он читал и читал, поглощая новые мысли, спотыкался, боролся, пытался понять. Он забывал о сне и пище, и лишь боль в желудке напоминала ему о нуждах тела. Утолив голод, он возвращался к книгам и снова читал, пока голова не начинала раскалываться, а глаза не отказывались видеть.

Служить Джо-Джиму оказалось довольно легко. Хотя он не освобождал Хью от обязанностей, но не возражал против чтения, лишь бы тот находился в пределах слышимости и откликался по первому зову. Обязанности сводились в основном к игре в шашки с одной из голов, когда вторая отказывалась, да и это время было не совсем потеряно, потому что, играя с Джо, частенько удавалось завязать разговор о Корабле, его истории, приборах и оборудовании, людях, которые его построили и управляли им поначалу, — а также *их* истории, и о Земле, этом невероятном, странном месте, где

люди жили не *внутри*, а *снаружи*.

Хью все удивлялся, как они не падали.

Он обсудил это с Джо и в конце концов получил некоторое представление о гравитации. Сердцем он так и не смог этого воспринять — идея оказалась слишком невероятной, но как концепцию смог ее понять и использовать много позже, в своих первых попытках приблизиться к науке баллистики и искусству астронавигации и управления космическим кораблем. Позже на этой основе он задумался о проблеме веса на самом Корабле, — о проблеме, которая никогда раньше не волновала его. То, что чем ниже спускаешься, тем тяжелее становишься, казалось ему настолько естественным, что тут и думать было не о чем. С центробежной силой он был знаком на примере пращи. Но применить это знание ко всему Кораблю, представить, что Корабль вращается как праща и тем самым придает предметам вес, — это было слишком сложно. В это он не мог поверить.

Джо-Джим еще раз сводил Хью в Рубку и показал то немногое, что сам знал об управлении Кораблем и астронавигационных приборах.

Давно забытые инженеры Фонда Джордана проектировали корабль, который не развалился бы от старости, даже если Путешествие продлит-

ся дольше запланированных шестидесяти лет. Задача оказалась решенной блестяще. Создавая двигатели главной тяги, системы жизнеобеспечения Корабля, разрабатывая панель управления, которая бы позволяла отказаться от автоматики, инженеры отбросили идею движущихся частей. Все основывалось не на грубых механических движениях, а на чистой энергии, на силе электрических преобразований. Вместо того чтобы нажимать кнопки, дергать рычаги, щелкать тумблерами, астронавигатор должен был помещать ладонь на лампочку, тем самым перекрывая луч света и изменяя баланс статических полей.

Таким образом, понятия трения, износа и разрушения теряли смысл. Даже если все люди погибли бы, Корабль по-прежнему летел бы сквозь космос, с горящими огнями, с чистым воздухом, с готовыми к работе двигателями. Так и случилось. Хотя вышли из строя лифты и конвейеры, забылись их устройство и назначение, оборудование в основном продолжало обслуживать невежественный экипаж — либо спокойно дожидалось, пока кто-нибудь сможет его использовать.

В строительство Корабля вложено было немало гениальных идей. Поскольку он был слишком велик для сборки на Земле, его собирали по частям

на орбите за Луной. Там он вращался пятнадцать долгих лет, пока не были поставлены и решены все задачи надежности и долговечности оборудования. В процессе возникло и развилось целое направление субмолекулярной технологии.

Именно поэтому, когда Хью возложил свою необученную, но пытливую руку на ряд огоньков с надписью «УСКОРЕНИЕ, ПЛЮС», он получил немедленный ответ. Вспыхнула красная лампочка на верхней панели первого пилота, потом быстро замигала, а на информационной панели зажглась надпись: «ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ — НЕТ ВАХТЫ».

— Что это значит? — спросил он Джо-Джима.

— Никто не знает, — ответил Джим.

— Мы проделывали то же самое в комнате управления главными двигателями, — добавил Джо. — Так там высвечивается надпись «Рубка — нет вахты».

Хью поразмыслил.

— А что произойдет, — продолжал настаивать он, — если на всех постах будут люди, а я закрою эти огни рукой?

— Не знаю, — сказал Джо. — Мы ведь не могли попробовать.

Хью промолчал. В нем зрела смутная реши-

мость, и ее следовало обдумать.

Чтобы выдвинуть свою идею, Хью дождался, когда обе головы Джо-Джима будут в хорошем настроении. Они были на Капитанском мостике, когда Хью решил, что момент созрел. Джо-Джим разнежился на Капитанском кресле, его брюхо было набито едой, а глаза разглядывали безмятежные звезды сквозь толстое стекло главного иллюминатора. Хью парил в воздухе рядом с ним. Корабль вращался, и звезды описывали в небе величественные окружности.

Наконец Хью произнес:

— Джо-Джим…

— А? Чего тебе, малыш? — откликнулся Джо.

— Очень красиво, правда?

— Что?

— Все это. Звезды… — Хью махнул рукой на вид за иллюминатором, после чего ему пришлось схватиться за кресло, чтобы остановить свое собственное вращение.

— А, ну да. Поднимает настроение. — На удивление, это сказал Джим.

Хью понял, что время пришло. Он выждал еще мгновение, потом сказал:

— А если мы доведем это дело до конца?

Две головы повернулись одновременно.

— Какое дело?

— Путешествие. Запустим главный двигатель… Где-нибудь там, — поспешно продолжал он, боясь, что его перебьют, — есть планеты, похожие на Землю… по крайней мере, так считал Первый Экипаж. Надо найти их.

Джим глянул на него и расхохотался. Джо покачал головой.

— Малыш, — сказал он. — Ты сам не понимаешь, что несешь. Такой же идиот, как Бобо. Нет, с этим покончено. Забудь.

— Почему покончено, Джо?

— Ну, потому что… Это слишком большое дело. Нужен экипаж, чтобы разобраться во всем, научиться управлять Кораблем.

— Зачем столько народу? Вы показали мне всего десяток мест, где должны находиться люди. Наверное, десятка достаточно, чтобы управлять Кораблем. Если они знают то же, что и вы, — лукаво добавил он.

Джим захихикал.

— Он поймал тебя, Джо. Он прав.

Джо отмел этот аргумент.

— Ты нас переоцениваешь. Может, мы и могли бы управлять Кораблем, но куда лететь? Мы не знаем даже, где находимся. Корабль дрейфует

— уж не знаю, сколько поколений. Мы не знаем, куда летим и с какой скоростью.

— Но послушай, — взмолился Хью, — есть ведь приборы. Вы же мне их показывали. Разве мы не можем научиться пользоваться ими? Ты же смог бы разобраться в них, Джо, если бы захотел?

— Пожалуй, — согласился Джим.

— Не хвастайся, Джим, — сказал Джо.

— Я не хвастаюсь, — отрезал Джим. — Если они в порядке, я в них разберусь.

Джо фыркнул.

Вопрос повис в неустойчивом равновесии. Хью, как и хотел, добился разногласия между братьями, причем менее сговорчивая голова оказалась на его стороне. Теперь важно закрепить успех…

— У меня есть идея, — сказал он быстро, — где достать тебе людей, Джим, если ты их согласишься обучить.

— Что еще за идея? — подозрительно спросил Джим.

— Помните, я рассказывал вам о компании молодых ученых…

— А, эти придурки!

— Да, конечно — они ведь не знают того, что знаете вы. Но они — по-своему — пытаются мыслить разумно. И если бы я спустился и рассказал

им, чему тут научился, то у вас появилось бы много людей.

Джо перебил:

— Посмотри-ка на нас внимательно, Хью. Что ты видишь?

— Ну… я вижу вас… Джо-Джима.

— Ты видишь мута, — поправил Джо с сарказмом в голосе. — Мы — *мутик*. Дошло? Ученые твои не будут с нами работать.

— Нет, нет, — запротестовал Хью, — неправда. Я не о крестьянах толкую. Крестьяне не поймут, но это ведь *Ученые*, к тому же самые толковые из всех. Они поймут. От вас всего-то требуется — организовать им безопасный проход через края мутов. Это вы можете сделать, так ведь? — добавил он, инстинктивно переводя разговор на более твердую почву.

— Уж будь уверен, — сказал Джим.

— Брось, — сказал Джо.

— Ну ладно, — согласился Хью, чувствуя, что Джо в самом деле раздражен его настойчивостью. — Но могло бы получиться забавно… — Он немного отодвинулся от братьев.

Он слышал, что Джо-Джим тихонько продолжает спор, но притворился, что ничего не слышит. У Джо-Джима был существенный недостаток,

проистекавший из их двойственной природы: поскольку они были скорее сообществом, чем индивидуумом, из них был никудышный человек действия, ведь каждое решение требовало обсуждения и компромисса.

Вскоре Хью услышал, как Джо повысил голос:

— Ладно, будь по твоему!

Потом он позвал:

— Хью! Иди сюда!

Хью оттолкнулся от ближайшей переборки, подлетел к Джо-Джиму и ухватился за спинку Капитанского кресла.

— Мы решили, — без предисловий сказал Джо, — отпустить тебя обратно в твои края, чтобы ты попробовал пропихнуть свою идею. Но все-таки ты дурак, — угрюмо добавил он.

Бобо проводил Хью через все опасные уровни, где обитали муты, и оставил в ненаселенной зоне с нормальной тяжестью.

— Спасибо, Бобо, — сказал на прощанье Хью. — Доброй еды.

Карлик ухмыльнулся, кивнул и заспешил обратно, карабкаясь по лестнице, по которой они только что спустились.

Хью повернулся и двинулся вниз, придерживая свой нож. Приятно было снова чувствовать его

на поясе. Конечно, это был не его прежний нож. Тот стал трофеем Бобо. Но и этот нож, данный ему взамен Джо-Джимом, был прилично сбалансирован и вообще хорош.

Бобо довел Хью, по его просьбе и по указанию Джо-Джима, до области, находившейся прямо над дополнительным Конвертором, которым пользовались Ученые. Он собирался найти Билла Эртца, Помощника Главного Инженера и лидера блока молодых ученых, к тому же ему не хотелось отвечать на лишние вопросы, пока он не нашел Билла.

Хью быстро прошел оставшиеся уровни и оказался в главном переходе, который он сразу узнал. Прекрасно! Поворот налево, еще двести ярдов, и вот он уже возле двери Конвертора. У двери стоял охранник. Хью хотел прошмыгнуть, но был остановлен грозным окриком:

— Куда это ты собрался?

— Мне нужен Билл Эртц.

— Главный Инженер? Его здесь нет.

— Он — Главный? А что случилось с прежним? — Хойланд тут же пожалел о сказанном, но было поздно.

— Хм? Прежний? Да ведь он уже давным-давно отбыл в Путешествие. — Стражник посмотрел на

него с подозрением. — Что это ты?

— Ничего, — сказал Хью, — просто оговорился.

— Странная оговорка. Главный Инженер, наверное, у себя в кабинете.

— Спасибо. Доброй еды.

— Доброй еды.

После недолгого ожидания Хойланду разрешили зайти к Эртцу. Тот взглянул на него из-за стола.

— Ну-ну, — сказал он. — Живым вернулся. Вот номер! Знаешь, мы уж тебя списали в Путешествие.

— Догадываюсь.

— Садись, рассказывай. Пару лишних минут я на тебя выкрою. Знаешь, я бы тебя не узнал. Ты сильно изменился — весь седой. Похоже, несладко пришлось?

Седой? Неужели он поседел? Да и Эртц сильно изменился, заметил Хью. Брюшко, морщины. О Джордан! Сколько же прошло времени?

Эртц побарабанил по столу, скривился.

— Твое возвращение создает проблему. Боюсь, что не смогу назначить тебя на прежнюю работу; на этой должности Морт Тайлер. Но мы найдем тебе место по чину.

Хью вспомнил Морта Тайлера без особой симпа-

тии. Выскочка, буквоед… Значит, Тайлер теперь Ученый и занял место Хью у Конвертора. Впрочем, неважно.

— Хорошо, — начал он. — Я хотел поговорить с вами о…

— Конечно, встает еще вопрос старшинства, — продолжал Эртц. — Возможно, будет лучше, если эту проблему обсудит Совет. Я не слышал о прецедентах. Несколько Ученых пропадали у мутов раньше, но ты первый на моей памяти, кто остался в живых.

— Это неважно, — перебил Хью. — Там я обнаружил удивительные вещи, Билл, вещи первостепенной важности. Вы обязаны знать об этом. Поэтому я и пришел первым делом к тебе. Послушайте, я…

Эртц вдруг насторожился.

— Ну конечно! Как же я не подумал. У тебя ведь была прекрасная возможность исследовать мутов и их территорию. Ну давай, дружище, докладывай!

Хью покусал губу.

— Это не то, что ты думаешь, — сказал он. — Это намного важнее, чем просто доклад о мутах, хотя это их тоже касается. Фактически, нам, возможно, придется изменить всю политику относительно

му...

— Ну, давай без предисловий! Я весь внимание.

— Ладно.

Тщательно подбирая слова и стараясь говорить убедительно, Хью рассказал ему о грандиозном открытии относительно истинной природы Корабля. Он слегка коснулся проблем, связанных с необходимостью реорганизации Корабля в соответствии с новой концепцией и сделал упор на престиже и уважении, ожидающих человека, который встанет во главе реформ.

Он говорил — и следил за лицом Эртца. Когда тот услышал от Хью, что Корабль действительно движется в огромном внешнем пространстве, на нем проступило изумление, но потом лицо Эртца окаменело и Хью уже ничего не мог по нему прочесть. Лишь когда Хью разливался, что Эртц как раз подходит на роль лидера, — ведь он и есть лидер молодых, прогрессивных ученых, — в глазах его мелькнул проблеск живого интереса.

Закончив, Хью замолк в ожидании. Эртц помолчал, с досадой постукивая по столу. Наконец он сказал:

— Это очень важно, Хойланд, слишком важно, чтобы решать на ходу. Мне нужно все обдумать.

— Конечно, — согласился Хью. — Я только хотел добавить, что о безопасном проходе в невесомость я договорился. Могу провести вас. Ты все увидишь своими глазами.

— Несомненно, это лучше всего… — произнес Эртц. — А пока… Ты голоден?

— Нет.

— Тогда отдыхай. Можешь пользоваться комнатой позади моего кабинета. Я не хочу, чтобы ты обсуждал все это с кем-либо, пока я все не обдумаю; это может вызвать ненужные волнения, если выйдет наружу без должной подготовки.

— Да, ты прав.

— Очень хорошо, тогда… — Эртц провел его в комнату за кабинетом, явно используемую как жилая. — Отдохни хорошенько, а позже поговорим.

— Спасибо, — поблагодарил Хью. — Доброй еды.

— Доброй еды.

Когда Хью остался один, его радость постепенно увяла, и он понял, что сильно устал и хочет спать. Он вытянулся на встроенной койке и заснул.

Проснувшись, он обнаружил, что единственная дверь заперта снаружи. Хуже того, исчез его нож.

Он прождал неопределенно долгое время,

прежде чем услышал шум за дверью. Дверь открылась; вошли двое крепких, угрюмых детин.

— Пошли, — сказал один из них.

Хью смерил их взглядом, заметив, что ни у того, ни у другого нет ножа. Значит, нечего выхватить у них из-за пояса. С другой стороны, больше шансов отбиться от безоружных.

Однако рядом, во внешней комнате, маячили еще двое громил. Один поигрывал ножом; другой держал нож метательным захватом.

Хью был в западне и знал об этом. Они только и ждали, когда он взбрыкнет.

Давным-давно он научился смиряться перед неизбежностью. Он сжал зубы и спокойно вышел. Через дверь он заметил Эртца, который явно командовал четырьмя мужчинами. Хью заговорил с ним, тщательно следя за тем, чтобы голос оставался спокойным.

— Привет, Билл. Хорошенькие меры предосторожности. Что стряслось?

Эртц, замявшись с ответом, все же сказал:

— Ты предстанешь перед Капитаном.

— Прекрасно! — ответил Хью. — Спасибо, Билл. Только почему ты думаешь, что с этой идеей стоит соваться сразу к Капитану? Может, сперва как следует обсудим с остальными?

Эртц был раздражен его очевидной тупостью и не скрывал этого.

— Ты не понял, — проворчал он. — Ты идешь к Капитану, чтобы предстать перед судом — за ересь!

Хью сделал вид, что такая мысль ему и в голову не приходила. Потом спокойно ответил:

— Вы спустились не по тому проходу, Билл. Возможно, суд и обвинение — это наилучшее решение проблемы, только я не крестьянин, чтобы меня тащить к Капитану. Меня должен судить Совет. Ведь я Ученый.

— До сих пор? — вкрадчиво спросил Эртц. — Я посоветовался по этому поводу. Ты уже вычеркнут из списков. Что ты сейчас есть — это решит Капитан.

Хью остался невозмутим. В этой ситуации не стоило зря злить Эртца. Эртц подал знак; невооруженные конвоиры схватили Хью за руки. Он безропотно пошел за ними.

Хью смотрел на Капитана с новым интересом. Старик не сильно изменился — может, еще чуть потолстел.

Капитан, кряхтя, опустился в кресло, потом взял лежащие перед ним листки.

— Что это? — раздраженно начал он. — Я ниче-

го не понимаю.

Обвинение против Хью собирался изложить Морт Тайлер, обстоятельство, которое Хью не мог предвидеть и которое не добавило ему хорошего настроения. Он мысленно прошелся по воспоминаниям детства, чтобы найти какие-нибудь зацепки для завоевания его симпатии, но не вспомнил ничего. Тайлер откашлялся и ответил:

— Это дело Хью Хойланда, Капитан, бывшего молодого Ученого…

— А, Ученого? Так это же дело Совета?

— Он уже не Ученый, Капитан. Он перекинулся к мутам. Теперь он вернулся, проповедуя ересь и желая подорвать Ваш авторитет.

Капитан взглянул на Хью с явной враждебностью человека, ревниво относящегося к своим прерогативам.

— В самом деле? — проревел он. — А сам ты что скажешь про себя?

— Это не так, Капитан, — ответил Хью. — Все, что я сказал, лишь подтверждает абсолютную истинность древнего Учения. Я не оспаривал законы, по которым мы живем; я лишь нашел им более веские подтверждения. Я…

— Я все-таки не понимаю, — прервал Капитан, тряся головой. — Ты обвиняешься в ереси, но

утверждаешь, что веришь в Учение. Если ты невиновен, то почему ты здесь?

— Возможно, я могу прояснить дело, — встрял Эртц. — Хойланд…

— Да, надеюсь, что сможешь, — продолжил Капитан. — Давай, послушаем.

Эртц излагал довольно правильную, хотя и несколько произвольно сокращенную версию возвращения Хойланда и его странного рассказа. Капитан слушал с выражением, меняющимся от озадаченности до раздражения.

Когда Эртц закончил, Капитан повернулся к Хью.

— Хм! — произнес он.

Хью немедленно заговорил:

— Все, что я утверждаю, Капитан — то, что наверху воочию можно узреть истинность нашей веры и убедиться, что Корабль движется, увидеть План Джордана в действии. Это не отрицание веры; это подтверждение ее. Нет необходимости верить мне на слово. Сам Джордан засвидетельствует мои слова.

Видя, что Капитан колеблется, вмешался Тайлер:

— Капитан, существует возможное объяснение этой невероятной ситуации, и я считаю себя обя-

занным довести его до Вашего сведения. Вкратце — есть две очевидные интерпретации смехотворной истории, сочиненной Хойландом. Во-первых, возможно, он просто виновен в неслыханной ереси, а во-вторых, он, возможно, скрытый мут и лелеет план предать Вас в их лапы. Однако существует и третье, более милосердное толкование, и я лично считаю, что именно оно вернее всего. Существуют записи о том, что Хойланда всерьез собирались отправить в Конвертор во время послеродового освидетельствования. Отклонения от нормы были незначительны — слишком большая голова, и его оставили. Я думаю, что зверства, которым подвергали его муты, окончательно повредили его неустойчивый разум. Бедняга просто не отвечает за свои действия.

Хью взглянул на Тайлера с неким уважением. И снял все обвинения, и гарантированно отправил в Путешествие. Это надо уметь!

Капитан махнул рукой.

— Давайте заканчивать, — потом произнес, повернувшись к Эртцу. — Есть предложения?

— Да, Капитан. Конвертор.

— Что ж, очень хорошо. Но, Эртц, я в толк не возьму, — добавил он раздраженно, — зачем меня побеспокоили с этой ерундой. По-моему, ты

и без моей помощи в состоянии навести у себя порядок.

— Да, Капитан.

Капитан, поднимаясь, отодвинулся от стола.

— Рекомендация подтверждается. На списание.

От бессмысленной несправедливости Хью окатило яростью. Они и не подумали взглянуть на единственное свидетельство его правоты. Он услышал вопль «Подождите!» — и понял, что это его собственный голос. Капитан остановился, глядя на него.

— Подождите минуту, — продолжал Хью. Слова лились сами собой. — Это ничего не решит, какого черта вы уверены, что знаете все ответы, что мудры настолько, что не хотите пойти и взглянуть своими глазами? И все-таки — все-таки — *он движется*![9]

У Хью было время подумать, лежа в комнате, где его оставили дожидаться, пока Конвертору понадобится энергия. Время подумать, осознать свои ошибки. Ошибка номер один — немедленно

---

[9] notes: 9

Намек на знаменитую фразу, которую якобы произнес Галилео Галилей (1564–1642) после вынужденного отречения от учения Н. Коперника по приговору суда Святейшей инквизиции в 1633 г.: «А все-таки она вертится!».

рассказать свою историю Эртцу. Нужно было подождать, заново познакомиться с ним и прощупать, а не надеяться на дружбу, которая никогда не была слишком крепкой.

Вторая ошибка — Морт Тайлер. Услышав это имя, нужно было разузнать, какое влияние он имеет на Эртца. Хью же знал его слишком давно, следовало быть осторожнее.

И вот он осужден как мутант — а может быть, как еретик. Это все равно. Он поразмыслил, не следовало ли ему попробовать объяснить, как произошли мутанты. Сам он прочел об этом в одной рукописи из библиотеки Джо-Джима. Нет, это бы не помогло. Как рассказать о радиации Снаружи, вызывающей рождение мутантов, если слушатели не понимают, что такое Снаружи? Нет, он все провалил еще до встречи с Капитаном.

Его самообвинения прервал звук отпираемой двери. Время скудной кормежки еще не наступило; он подумал, что за ним наконец пришли, и вновь пообещал себе, что один в Путешествие не отправится.

Но он ошибся. Раздался голос, исполненный доброты и достоинства:

— Сынок-сынок, как же это случилось?

Это оказался Лейтенант Нельсон, его первый

учитель, совсем постаревший и высохший.

Разговор расстроил обоих. Одинокий старик когда-то возлагал большие надежды на своего воспитанника, даже подумывал, что тот может стать капитаном, хотя никогда не говорил об этом, считая, что не следует захваливать молодых. Когда Хью пропал, сердце старика было разбито.

Теперь Хью вернулся мужчиной, вот только обстоятельства сложились против него и он приговорен к смерти.

Для Хью встреча тоже была нерадостной. Он по-своему любил старика, хотел порадовать его и получить его одобрение. Но, рассказывая свою историю, видел, что Нельсон не способен воспринимать ее иначе, как поразившее Хью расстройство рассудка. Он подозревал, что Нельсон предпочел бы узнать, что он принял легкую смерть в Конверторе, где его атомы расщепились бы до водорода и дали чистую полезную энергию, чем видеть, как он глумится над древним Учением.

В этом он был несправедлив к старику; он недооценил милосердие Нельсона, а не его преданность «науке». Однако следует отдать Хью должное — если бы ставки не были так высоки,

он, наверное, предпочел бы умереть, чем разбить сердце своего благодетеля, — ведь он был романтиком, способным на дурацкие поступки.

В конце концов, визит стал слишком тяжел для них обоих, и старик поднялся.

— Могу я что-то сделать для тебя, сынок? Тебя хорошо кормят?

— Вполне, спасибо, — солгал Хью.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Нет… разве что немного табаку. Я так давно его не жевал.

— Об этом я позабочусь. Может, хочешь повидать кого-нибудь?

— Но мне казалось, что ко мне не пускают посетителей — обычных посетителей.

— Верно, но я думаю, что мог бы добиться послабления. Только обещай мне, что не будешь говорить о своей ереси, — беспокойно добавил он.

Хью лихорадочно размышлял. Появился какой-то шанс. Дядя? Нет, они хорошо ладили, но никогда не понимали друг друга — а теперь стали и вовсе чужими. Ему никогда не везло на друзей; Эртц, например, считался его другом, а чем это кончилось! Тут он вспомнил своего деревенского приятеля, Алана Махони, с которым играл еще

мальчишкой. Правда, он почти не видел его с тех пор, как стал учеником Нельсона. И все же…

— Алан Махони все еще живет в нашей деревне?

— Ну да.

— Я бы хотел увидеться с ним, если он согласится прийти.

Алан пришел, нервный, смущенный, но, очевидно, обрадованный встречей с Хью и сильно расстроенный тем, что Хью приговорили к Путешествию. Хью похлопал его по спине.

— Молодец, — сказал он. — Я знал, что ты придешь.

— Конечно, я пришел, как только узнал, — запротестовал Алан. — Только в деревне никто не знает. Думаю, даже Свидетель не знает.

— Что ж, ты здесь, и это главное. Расскажи, как ты живешь. Женился?

— Хм-хм, нет. Да что обо мне говорить — только время тратить. У меня ничего не происходит. Но как, во имя Джордана, ты попал в такой переплет?

— Я не могу об этом рассказывать, Алан. Я обещал Лейтенанту Нельсону.

— Старина, какие обещания, когда речь идет о голове?!

— А то я не понимаю!..

— Кто-то что-то против тебя имеет?

— Хм… Наш старый приятель Морт Тайлер был не на моей стороне; думаю, это-то я могу сказать.

Алан присвистнул и медленно покачал головой.

— Это многое объясняет.

— Та-ак… Ты что-то знаешь?

— Может да, а может и нет. Когда ты пропал, он женился на Идрис Бакстер.

— Вот оно что… Да, это кое-что проясняет.

Он помолчал.

Вдруг Алан сказал:

— Слушай, Хью. Ты ведь не собираешься тут задерживаться, так? Особенно если впутался Тайлер. Нам надо вытащить тебя отсюда.

— Как?

— Не знаю. Может, устроить налет. Думаю, я смогу собрать лихих ребят с ножами…

— И все окажемся в Конверторе. И ты, и я, и твои приятели. Отпадает.

— Но ведь нужно что-то делать. Нельзя же просто сидеть и ждать, когда тебя аннигилируют.

— Понимаю. — Хью заглянул Алану в глаза. Можно ли доверить ему такое?

Ободренный увиденным, он продолжил.

— Слушай. Ты сделаешь все, чтобы вытащить меня отсюда, так?

— Сам знаешь, — в голосе Алана прозвучала обида.

— Что ж, хорошо. Есть карлик по имени Бобо. Я скажу тебе, как его найти…

Алан карабкался все выше и выше, выше, чем когда-то, еще мальчишкой, безрассудно рискуя, забирался вместе с Хью. Теперь он повзрослел, стал осторожнее; исчез молодой задор. К реальным опасностям, подстерегающим вдали от исхоженных маршрутов, примешивался суеверный страх. Однако он двигался вперед.

Должно быть, уже близко — если только не ошибся в счете. Но никаких карликов не видно.

Бобо заметил его первым. Снаряд из пращи попал Алану прямо в солнечное сплетение. Он успел лишь вскрикнуть «Бобо!».

Пятясь, Бобо вошел в комнату Джо-Джима и свалил свой груз к ногам близнецов.

— Свежее мясо, — гордо произнес он.

— Да-да, — безразлично сказал Джим. — Забери и проваливай.

Карлик поковырял большим пальцем в своем корявом ухе.

— Смешно, — сказал он. — Знает, как зовут Бобо.

Джо поднял глаза от книги. Он читал «Собрание стихов» Браунинга[10] в издании «Л-Пресс» (Нью-Йорк, Лондон, Луна-Сити).

— Интересно. Подожди минутку.

Хью подготовил Алана к шоку от внешности Джо-Джима. Достаточно быстро Алан собрался с мыслями и смог изложить свою историю. Джо-Джим слушал в основном молча, Бобо — внимательно, но мало что понимая.

Когда Алан закончил, Джим заметил:

— Ну, ты выиграл, Джо. У него не получилось. — Потом, повернувшись к Алану, добавил: — Ты можешь занять место Хойланда. Умеешь играть в шашки?

Алан переводил взгляд с одной головы на другую.

— Вы что, — сказал он, — ничего не поняли? Разве вы ничего не собираетесь делать?

Джо, кажется, был озадачен.

— Мы? А зачем?

— Но вы *должны*. Как вы не понимаете? Он надеется на вас. Ему больше не от кого ждать

---

[10] notes: 10

Роберт Браунинг (1812–1889), классик английской литературы, поэт.

помощи. Поэтому я и пришел. Разве не понятно?

— Подожди минутку, — медленно произнес Джим. — Подожди минутку. Предположим, мы бы хотели помочь ему — а мы не хотим — как, Джордан побери, мы бы это сделали? Ответь-ка.

— Ну… ну… — Алан даже начал заикаться от такой тупости. — Само-собой… собрать отряд, спуститься и отбить его!

— А почему это мы должны погибать в драке, пытаясь спасти твоего приятеля?

Бобо навострил уши.

— Драка? — с надеждой спросил он.

— Нет, Бобо, — покачал головой Джо. — Никакой драки. Просто разговариваем.

— А, — сказал Бобо и снова притих.

Алан взглянул на карлика.

— Если бы вы хоть Бобо отпустили со мной…

— Нет, — отрезал Джо. — Об этом не может быть и речи. Забудь.

Алан уселся в уголке, в отчаянии обхватив колени. Если бы он мог выбраться отсюда. Он бы все еще мог попытаться собрать какую-нибудь подмогу внизу. Кажется, карлик спит, хотя кто его разберет. Если бы Джо-Джим тоже заснул…

Джо-Джим не выказывал никаких признаков сонливости. Джо пытался продолжать чтение, но

Джим то и дело прерывал его. О чем они говорили, Алан не слышал.

Вдруг Джо повысил голос.

— Значит, для тебя это развлечение? — требовательно спросил он.

— Ну, — сказал Джим, — это лучше, чем шашки.

— Да ну? А если получишь ножом в глаз — что тогда со мной будет?

— Стареешь, Джо. Теряешь кураж.

— Мы одногодки.

— Да, только я хоть в мыслях молод.

— Уф, меня от тебя тошнит. Делай, что хочешь — только меня потом не вини. Бобо!

Карлик вскочил, готовый к действию.

— Да, хозяин.

— Иди и приведи Коренастого, Борова и Долгорукого.

Джо-Джим поднялся, подошел к шкафчику и принялся доставать ножи.

В коридоре, ведущем к его застенку, Хью услышал какой-то гвалт. Может быть, это стража явилась затолкать его в Конвертор? С чего бы им так галдеть? Может, этот шум вообще к нему не относится? А может быть…

Это оно и было! Дверь распахнулась, и влетел

орущий Алан, швырнул ему в руки охапку ножей. Хью выскочил, затолкал ножи за пояс и схватил еще пару.

Джо-Джим не обратил на него внимания, он был занят — невозмутимо и методично, словно в собственной комнате, метал ножи. Бобо закивал головой и широко ухмыльнулся окровавленным рассеченным ртом, не переставая вращать пращу. Из троих оставшихся Хью узнал двоих — личных телохранителей Джо-Джима. Это были муты только по месту рождения; они не были обезображены уродствами.

Несколько человек неподвижно лежали на полу.

— Пошли! — завопил Алан. — Сейчас сюда еще набегут. — Он рванул направо по проходу.

Джо-Джим поколебался и последовал за ним. Хью наудачу запустил ножом в фигуру, убегающую налево. Мишень была плохая, и у него не было времени посмотреть, попал ли он в цель. Они пробирались по проходу, Бобо позади всех, будто не желая покидать место развлечения. Наконец они достигли пересечения главного прохода с боковым.

Алан снова повел их направо.

— Впереди лестница! — крикнул он.

До лестницы они не добрались. Перед ними, ярдов за десять до лестницы, упала шлюзовая дверь, которая сроду раньше не закрывалась. Головорезы Джо-Джима остановились и с сомнением посмотрели на хозяина. Бобо обломал свои толстые ногти, пытаясь открыть дверь.

За их спинами, уже совсем близко, топотала погоня.

— Западня, — мягко произнес Джо. — Надеюсь, Джим, теперь ты доволен?

Хью увидел, как из-за угла, который они миновали, показалась голова. Он бросил нож, но расстояние было слишком велико; нож бесполезно клацнул о сталь. Голова исчезла. Долгорукий наблюдал за углом с пращой наготове.

Хью схватил Бобо за плечо:

— Слушай! Видишь свет?

Карлик тупо моргнул. Хью указал на осветительные трубки, там, где они сходились над перекрестком проходов.

— Свет. Сможешь попасть точно в пересечение?

Бобо на глаз измерил расстояние. Попасть туда в любом случае было бы непросто. К тому же — узкий проход, настильная траектория, да еще непривычно высокий вес.

Бобо не ответил. Хью лишь почувствовал дуновение ветерка от его пращи. Раздался треск; проход погрузился в темноту.

— Вперед! — завопил Хью, увлекая всех за собой. Рядом с перекрестном он крикнул:

— Не дышать! Здесь газ!

Радиоактивный газ медленно выливался из разбитой трубы наверху и наполнял коридоры зеленоватым туманом.

Хью побежал направо, радуясь, что он инженер и знает расположение осветительных схем. Он выбрал верное направление; проход впереди был черным, лампы не работали. Вокруг него раздавались шаги; были это враги или друзья, он не знал.

Они вырвались на свет. Вокруг никого не было, кроме испуганного крестьянина, который тут же дал тягу. Беглецы быстро огляделись. Прорвались без потерь, только Бобо с трудом передвигал ноги.

Джо посмотрел на него.

— Газом надышался. Постучите его по спине.

Боров охотно исполнил это. Бобо глубоко вздохнул, его вырвало, и он заухмылялся.

— Он в порядке, — решил Джо.

Эта небольшая задержка позволили одному

из преследователей догнать их. Он выскочил из темноты, не сразу сообразив, на какую силу нарвался. Алан схватил за руку Борова, готового метнуть нож.

— Оставь его мне, — потребовал он. — Он мой!

Это был Тайлер.

— Поединок? — предложил Алан, держа руку на лезвии ножа.

Тайлер окинул взглядом противников и принял приглашение, ринувшись на Алана. Помещение было слишком мало для метания ножей; они приблизились друг к другу, готовясь к рукопашной.

Алан был крупнее и сильнее; Тайлер проворнее. Он попытался ударить Алана коленом в промежность. Алан увернулся, наступив Тайлеру на вытянутую ногу. Оба рухнули. Раздался отвратительный хруст.

Через мгновение Алан уже вытирал нож о штанину.

— Давайте двигаться, — сказал он. — Что-то я опасаюсь…

Они добрались до лестницы, взбежали по ней. Долгорукий и Боров двигались впереди, оглядывая каждый уровень и прикрывая фланги, а третий из драчунов — Хью услышал, что его называли Коренастым, — защищал тыл. Остальные

шли посередине.

Хью уже начал думать, что они оторвались, когда он услышал крики и звон ножа прямо над головой. Он как раз вылез на верхний уровень и его ранило срикошетившим лезвием. Рана оказалась неглубокой, но рваной.

На полу уже лежало трое преследователей. У Долгорукого из плеча торчал нож, но это его, кажется, не беспокоило. Его праща все так же вращалась. Боров истратил собственные ножи и подбирал падающие. Вокруг лежали результаты его деятельности; футах в двадцати от них стоял на коленях еще один результат. Он истекал кровью от раны в бедре.

Когда человек оперся одной рукой о переборку, а другой потянулся к опустевшему поясу, Хью узнал его.

Билл Эртц.

Он провел преследователей по другой лестнице — на свою беду.

Бобо уже приготовил пращу, когда Хью придержал его.

— Полегче, Бобо, — велел он. — В живот и вполсилы.

Карлик, казалось, удивился, но сделал как велено. Эртц сложился пополам и свалился на

палубу.

— Хороший выстрел, — похвалил Джим.

— Хватай его, Бобо, — приказал Хью, — и тащи за нами.

Он обвел глазами команду, сгрудившуюся на вершине лестничного пролета.

— Порядок, парни, идем дальше. Будьте внимательны.

Долгорукий и Боров поднялись на следующий уровень, остальные следовали за ними в том же порядке. Джо выглядел раздраженным. Каким-то образом — пока совершенно не понятно, каким, — он перестал быть командиром отряда (его отряда!), а Хью начал отдавать приказы. Впрочем, теперь не время выяснять отношения. Их жизнь висела на волоске.

Джиму, похоже, все это не приходило в голову. Он развлекался.

Они оставили позади еще десять уровней, погони не было. Хойланд велел не убивать крестьян попусту. Трое громил послушались; а Бобо был слишком тяжело нагружен телом Эртца, чтобы создавать проблемы с дисциплиной.

Хью отсчитал еще тридцать уровней. Только на безлюдных территориях он позволил себе расслабиться. Наконец он скомандовал остановиться, и

они осмотрели свои раны.

Единственные серьезные ранения получили Долгорукий — в руку, и Бобо — в лицо. Джо-Джим осмотрел их и наложил повязки, которыми запасся еще перед походом. Хью отказался от перевязки.

— Кровь уже остановилась — а дел еще много.

— Все, что остается сделать, — это добраться до дома, — сказал Джо, — и тогда конец этим глупостям.

— Не совсем, — не согласился Хью. — Вы можете идти домой, а я, Алан и Бобо пойдем в невесомость — на Капитанский мостик.

— Что за ерунда, — сказал Джо. — Зачем?

— Посмотри сам, если хочешь. Пошли, парни.

Джо начал что-то говорить, но остановился, когда заметил, что Джим молчит. Так что Джо-Джим двинулся вслед за всеми.

Они тихо вплыли в дверь мостика, Хью, Алан, Бобо со своей все еще бесчувственной ношей — и Джо-Джим.

— Вот оно, — обратился Хью к Алану, указывая на звездное великолепие. — Вот об этом я тебе говорил.

Алан посмотрел и схватился за руку Хью.

— Джордан! — простонал он. — Мы же упа-

дем! — Он крепко зажмурился.

Хью встряхнул его.

— Все в порядке, — сказал он. — Взгляни на эту красоту! Да открой ты глаза!

Джо-Джим дотронулся до руки Хью.

— Что происходит? — требовательно спросил он. — Зачем ты притащил его сюда? — Он указал на Эртца.

— А, его… Когда он очнется, я покажу ему звезды, чтобы он убедился, что Корабль движется.

— Ну и зачем?

— Отправлю его обратно, чтобы он убедил остальных.

— Хм-м… А если с ним повторится твоя история?

— Тогда… — Хью пожал плечами, — тогда, наверное, придется повторить все сначала. Пока мы не убедим их. Мы обязаны это сделать. Понимаете?

Часть 2
Здравый смысл

Джо, правая голова Джо-Джима, обратился к Хью Хойланду:

— Ладно, умник, ты убедил Главного Инженера… — он махнул ножом в сторону Билла Эртца, потом продолжал ковырять им в зубах Джима. — И что? Чего ты добился?

— Я уже объяснил, — раздраженно ответил Хью Хойланд. — Будем продолжать, пока каждый ученый на Корабле, от Капитана до самого зеленого ученика, не будет знать, что Корабль движется, и не поверит, что мы можем заставить его двигаться, куда нам нужно. Тогда мы завершим Путешествие, как завещал Джордан. Сколько бойцов ты можешь дать?

— Ох, во имя Джордана! Послушай, уж не вбил ли ты себе в голову дурацкую идею, что мы будем помогать тебе в твоих дурацких замыслах?

— Естественно. Без вас никак.

— Придумай что-нибудь получше. Баста! Бобо, доставай и тащи шашки.

— Да, хозяин, — карлик-микроцефал вскочил с

пола и потрусил через комнату Джо-Джима.

— Стой, Бобо, — заговорил Джим, левая голова. Карлик остановился, нахмурив узкий лоб. Тот факт, что две головы его хозяина не всегда давали единый приказ, был единственным источником беспокойства в его безмятежном кровожадном существовании.

— Послушаем, что он скажет, — продолжал Джим. — Это может быть забавно.

— Забавно! Забавно получить нож под ребро! Позволю себе напомнить, что это и мои ребра тоже. Я не согласен.

— А я не просил тебя соглашаться; я прошу тебя послушать. Кроме того, что это забавно, это может оказаться единственным способом избежать ножа в ребрах.

— О чем это ты? — с подозрением спросил Джо.

— Ты слышал, что сказал Эртц. — Джо ткнул большим пальцем в сторону пленника. — Офицеры Корабля планируют очистить верхние уровни. Хочешь оказаться в Конверторе, Джо? Когда нас расщепят на атомы, будет не до шашек.

— Чушь! Экипаж не может истребить мутов — уже пытались.

Джим повернулся к Эртцу:

— Что скажешь?

Эртц запнулся, понимая, что теперь он военнопленный, а не старший офицер Корабля. Голова у него шла кругом; слишком многое свалилось на него в одночасье. Его схватили, вытолкнули на Капитанский мостик, показали звезды — *звезды*.

В его твердокаменно-рационалистическом сознании такое просто не укладывалось. Если бы земному астроному наглядно продемонстрировали, что земной шар вращается оттого, что кто-то крутит его за рукоятку, тот не был бы столь шокирован.

Мало того, Эртц прекрасно понимал, что его жизнь висит на волоске. Джо-Джим оказался первым мутом, перед которым он стоял безоружным. Стоит ему лишь мигнуть этому уродцу, растянувшемуся на полу…

Поэтому Билл тщательно выбирал слова:

— Думаю, на этот раз удача будет на стороне Экипажа. Мы… они хорошо подготовились. Если мы не ошиблись в вашем числе, если у вас нет сильной организации, то Экипаж одолеет. Видите ли… хм, готовил это я.

— Ты?

— Да. Многим в Совете не нравится политика сосуществования с мутами. Здравая это религиозная доктрина или нет, а дети и свиньи то и дело

пропадают.

— А чем, вы думаете, должны питаться муты? — враждебно вопросил Джим. — Воздухом?

— Нет, конечно. В любом случае, в новой политике не предусмотрено перебить всех. Любого мута, сложившего оружие и приобщившегося к цивилизации, мы собирались сдать в работы, как некую часть Экипажа. Тех, у которых нет явных… а остальных… м-м-м… — он замолчал, пряча глаза от стоящего перед ним двухголового монстра.

— Ты хочешь сказать — тех, кто физически не изуродован, как мы, — неприязненно вставил Джо. — Так? А таких как я, — в Конвертор, что ли? — Он раздраженно шлепнул ножом по ладони.

Эртц отпрянул, его рука метнулась к ножнам. Они были пусты; он ощутил себя голым и беспомощным.

— Минуточку, — сказал он, защищаясь. — Вы спросили, я описал ситуацию. От меня ничего не зависит. Я просто рассказываю.

— Оставь его, Джо. Он честно излагает факты. Я тебе то же самое говорил — либо план Хью, либо на нас начнется охота. И не вздумай его убивать — он нам еще пригодится.

С этими словами Джим попытался вложить

нож обратно в ножны. Последовала короткая и молчаливая борьба между близнецами за контроль над иннервацией правой руки, незаметная для постороннего схватка двух сознаний. Джо сдался.

— Ладно, — сердито согласился он. — Но если я пойду в Конвертор, этот пойдет со мной.

— Уймись ты, — сказал Джим. — Для компании у тебя есть я.

— Слушай, почему ты ему веришь?

— Ему нет смысла врать. Спроси Алана.

Алан Махони, приятель Хью с детских лет, слушал спор молча, округлив глаза. Он тоже еще не пришел в себя от потрясающего зрелища звезд снаружи, но в его невежественный мозг крестьянина не были заложены отточенные формулировки, как у Главного Инженера Эртца. Эртц почти сразу смог понять, что само существование мира вне Корабля меняет все его планы и все, во что он верил; Алан был в состоянии только изумляться.

— Что скажешь насчет плана войны с мутами, Алан?

— Что? Ну, я об этом ничего не знаю. Поймите, я ведь не Ученый. Постойте — а ведь недавно в деревне у Лейтенанта Нельсона появился по-

мощник — младший офицер… — он замолчал в недоумении.

— Так что же? Продолжай.

— Организовал всех кадетов, да и некоторых женатых тоже привлек. Тренировал их на ножах и пращах. Только он не говорил, зачем.

Эртц развел руками:

— Вот видите?

Джо кивнул.

— Вижу, — мрачно сказал он.

Хью Хойланд испытующе посмотрел на него:

— Значит, вы со мной?

— Получается, так, — признал Джо.

— Само собой! — подтвердил Джим.

Хойланд снова взглянул на Эртца:

— А ты, Билл Эртц?

— А у меня есть выбор?

— Конечно. Я очень хочу, чтобы ты был с нами. Расклад таков: Экипаж не в счет; необходимо убедить офицеров. Все, кто не совсем пустоголовый и закостенелый, кто сможет понять после того, как увидит звезды и Рубку, — те будут с нами. Остальных… — он провел большим пальцем поперек горла, — в Конвертор.

Бобо счастливо ухмыльнулся и повторил жест.

Эртц кивнул:

— И что дальше?

— Муты вместе с Экипажем под руководством нового Капитана поведут Корабль к Далекому Центавру! Воля Джордана исполнится!

Эртц встал и посмотрел в лицо Хойланду. Величественные перспективы не сразу укладывались в голове, но нравилось ему, Хафф побери! Он протянул руку через стол:

— Я с тобой, Хью Хойланд!

На столе перед ним звякнул нож с пояса Джо-Джима. Джо, казалось, удивился, хотел было что-то сказать брату, но передумал. Эртц с благодарным видом засунул нож за пояс.

Близнецы пошептались, потом заговорил Джо:

— Отступать некуда.

Он вытащил оставшийся нож и, зажав лезвие так, что выступал лишь кончик, надрезал себе левое плечо.

— Нож за нож!

Брови Эртца взлетели вверх. Он вытер свой вновь обретенный нож и сделал разрез на том же месте своей руки. Кровь потекла к локтю.

— Спина к спине! — Он прижал кровоточащее плечо к ране Джо-Джима.

Алан Махони, Хью Хойланд, Бобо — все вынули ножи. Руки окрасились алым. Они плотно сдви-

нули кровоточащие плечи. Кровь, смешиваясь, капала на палубу.

— Рука к руке!

— Спина к спине!

— Кровь за кровь!

— Кровные братья — *до конца Путешествия*!

Ученый-еретик, Ученый-пленник, невежественный крестьянин, двухголовый монстр, недоразвитый идиот — пять ножей, считая Джо-Джима за одного; пять голов, считая Бобо за безголового, — пять ножей и пять голов против целого мира.

— Но я не хочу возвращаться, Хью. — Алан мялся и смотрел побитой собакой. — Почему мне нельзя остаться с вами? Я хорошо владею ножом.

— Разумеется, старина. Но сейчас ты можешь принести больше пользы как шпион.

— Но для этого есть Билл Эртц.

— Да, но ты нам тоже нужен. Билл всегда на виду; он не сможет исчезать и пробираться на верхние уровни незамеченным. Тут нужен ты — будешь связным.

— Хафф знает, как я смогу объяснить, где пропадал.

— Не объясняй больше самого необходимого. И держись подальше от Свидетеля. — Хью пред-

ставил, как бы Алан попытался обмануть старого деревенского историка с его хитрыми речами и жаждой подробностей. — Не разговаривай со Свидетелем. Старик тебя выпотрошит.

— Свидетель-то? А, ты о прежнем — так он давным-давно отправился в Путешествие. А новый ни на что не годен.

— Тем лучше. Если будешь осторожен, ты в безопасности. — Хью повысил голос: — Билл! Ты готов спускаться?

— Думаю, да. — Эртц поднялся и с неохотой отложил книгу из числа украденных Джо-Джимом — «Три мушкетера» с иллюстрациями. — Чудесная книга! Хью, неужели *Земля* действительно такая?

— Конечно. Так ведь в книге написано.

Эртц пожевал губу и поразмыслил.

— А сколько на Земле уровней?

— Да ни одного нет.

— Я и сам сначала так думал, но там, оказывается, можно пройти и сверху.

— В каком смысле?

— Там народ ходит по улице, а знатных проносят верхом.

— Дай посмотреть, — велел Джо. Эртц передал ему книгу. Джо-Джим быстро пролистал несколь-

ко страниц. — Понятно. Не «проносят верхом», а «проносятся верхом». Верхом на коне.

— А это что такое?

— Конь — животное такое, вроде большой свиньи или коровы. Залезаешь ему на спину и оно тебя несет.

Эртц подумал над этим.

— Но это непрактично. Когда тебя несут в носилках, ты говоришь старшему носильщику, куда ехать. А как сообщить корове, куда тебе надо?

— Очень просто. Коня-то ведет слуга.

Эртц снова поразмыслил.

— Да и вообще, можно упасть. Непрактично. Я бы лучше пешком ходил.

— Да, это непросто. Нужна тренировка.

— А вы можете пронестись верхом?

Джим фыркнул, Джо рассердился.

— На Корабле нет коней.

— Ладно, ладно. А еще у этих ребят — Атоса, Портоса и Арамиса — были такие…

— Потом, потом, — перебил Хью. — Бобо уже подошел. Ты готов, Билл?

— Не торопись, Хью. Это важно. У этих парней были такие ножи…

— Ну были. И что?

— Так ведь они были гораздо лучше наших.

Длиной с руку, а то и длиннее. Если дело дойдет до ближнего боя с Экипажем, это может оказаться большим преимуществом.

— Хм-м… — Хью вытащил свой нож и взвесил в руке. — Возможно. Но их неудобно метать.

— Метать будем метательные ножи.

— Да, пожалуй… Это неплохая мысль.

Близнецы молча прислушивались к разговору.

— Он прав, — вставил Джо. — Хью, займись делами. А нам с Джимом нужно кое-что прочесть.

Обе головы Джо-Джима вспоминали другие книги, где в мельчайших подробностях описывались бесконечно разнообразные методы сокращения жизни неприятеля. Джо-Джим превратился в Факультет Исторических Изысканий Военной Академии, хотя и не назвал бы, конечно, свой проект таким пышным термином.

— Хорошо, — согласился Хью, — только сначала замолви словечко перед своими.

— Сейчас. — Джо-Джим вышел из своей комнаты в коридор, где Бобо уже собрал пару десятков мутов — сторонников Джо-Джима. Кроме Долгорукого, Борова и Коренастого, которые принимали участие в спасении Хью, все они были незнакомы Хью, Алану и Биллу — и все они без колебаний убивали незнакомцев.

Джо-Джим махнул рукой, чтобы трое пришельцев с нижних уровней приблизились. Он показал их мутам, велел запомнить и обеспечить им свободное передвижение и безопасность на всей территории. Более того, в отсутствие Джо-Джима его люди должны были подчиняться приказам любого из троицы.

Муты переглянулись и зароптали. К приказам они привыкли, но только от Джо-Джима.

Один из них, с огромным носом, поднялся и заговорил, глядя на Джо-Джима, но обращаясь ко всем:

— Я Джек-носач. У меня острый нож и верный глаз. Джо-Джим с его двумя мудрыми головами — мой хозяин, и я буду сражаться за него. Но мой хозяин — Джо-Джим, а не пришельцы с тяжелых палуб. Что скажете, ребята? Разве это по Правилам?

Он выждал. Другие слушали его нервозно, бросая украдкой взгляды на Джо-Джима. Джо что-то тихонько сказал Бобо. Джек-носач открыл рот, чтобы продолжать. Раздался слитный хруст выбитых зубов и сломанных позвонков. Снаряд Бобо заткнул ему рот.

Тело повалилось на палубу, а Бобо перезарядил пращу.

Джо-Джим махнул рукой.

— Доброй еды! — объявил Джо. — Он ваш.

Муты, словно сорвавшись с цепей, кинулись на труп. Выросла чавкающая куча-мала. Муты, обнажив ножи, грызлись за куски.

Джо-Джим терпеливо ждал, когда с едой будет покончено, и наконец, когда от Джека-носача осталось только мокрое место на палубе, а все небольшие перепалки по поводу дележа завершились, Джо снова заговорил:

— Долгорукий, Сорок-первый и Топор — вы спускаетесь с Бобо, Аланом и Биллом. Остальные дожидаются здесь.

Бобо заскользил прочь длинными плавными прыжками, получавшимися из-за низкой искусственной гравитации возле оси вращения Корабля. Трое мутов отделились от остальных и последовали за ним. Эртц и Алан Махони поспешили следом.

Достигнув первого лестничного пролета, Бобо шагнул в проем, и центробежная сила мягко опустила его на следующую палубу. Алан и муты сделали так же, а Эртц задержался у края и взглянул назад.

— Да хранит вас Джордан, братья! — крикнул он.

Джо-Джим помахал в ответ:

— И вас! — ответил Джо.

— Доброй еды! — добавил Джим.

— Доброй еды!

Бобо провел их через сорок палуб далеко в глубь пустой территории, не населенной ни мутами, ни членами экипажа, и остановился. Он по очереди указал на Долгорукого, Сорок-первого и Топора.

— Две Мудрые Головы велели вам сторожить здесь. Сначала ты, — указал он на Сорок-первого.

— Сделаем так, — сказал Эртц. — Мы с Аланом идем туда, где большой вес. Вы трое должны сторожить здесь по очереди, чтобы я мог передавать сообщения Джо-Джиму. Понятно?

— Ну да. Ясное дело, — ответил Долгорукий.

— Джо-Джим же велел, — добавил Сорок-первый таким тоном, словно этим все сказано.

Топор промычал что-то утвердительное.

— Ладно, — сказал Бобо.

Сорок-первый уселся на лестнице, свесив ноги, и обратил все свое внимание на принесенную с собой еду.

Бобо похлопал Эртца и Алана по спинам.

— Доброй еды, — ухмыляясь, напутствовал он. Восстановив дыхание, Эртц вернул доброе пожелание и шагнул на следующую палубу. Алан не

отставал. Путь до цивилизованных территорий был еще долог.

Командор Финеас Нарби, исполнительный помощник Капитана, роясь в столе Главного Инженера, с удивлением обнаружил, что Билл Эртц тайно хранит там пару Ненужных книг. Конечно, там были и обычные Священные книги, включая бесценные «Обеспечение функционирования Дополнительного Четырехступенчатого Конвертора» и «Руководство по системам жизнеобеспечения корабля „Авангард“».[11] Это было каноническое Священное писание, несущее знак самого Джордана. Держать его у себя по рангу имел право только Главный Инженер.

Нарби считал себя скептиком и рационалистом. Вера в Джордана — это прекрасно — для Экипажа. И все же вид титульного листа со словами «Фонд Джордана» пробудил в нем следы религиозного благоговения, которого он не испытывал с тех пор, как был принят в касту Ученых.

---

[11] notes: 11

Наконец-то космический корабль назван по имени (по-английски его название звучит Vanguard). Интересно, что в другом романе Хайнлайна («Время звезд», 1956) также упоминается, что первая космическая экспедиция полетела с Земли к Проксиме Центавра на корабле «Авангард», однако судя по тексту это были разные экспедиции. Впрочем, в своих произведениях Хайнлайн описывает события «Истории будущего», укладывающиеся в несколько разных «параллелей времени».

Он знал, что это чувство иррационально — возможно, в прошлом и существовал человек или несколько людей под именем Джордан. Джордан мог быть одним из первых инженеров или капитаном, утвердившим правила жизни на Корабле, базировавшиеся на здравом смысле, почти на инстинктах. Либо, что кажется более вероятным, миф о Джордане намного старше, чем эта книга у него в руках, а ее автор просто воспользовался невежественным суеверием Экипажа, чтобы придать вес своим сочинениям. Нарби знал, как это делается, — он и сам собирался, когда придет время, осенить свой Новый курс благословением Джордана.

Да, порядок, дисциплина и культ власти необходимы — для Экипажа. И столь же очевидно, что рациональный, хладнокровный здравый смысл необходим Ученым, хранителям благополучия Корабля. Здравый смысл и преклонение только перед фактами.

Он полюбовался четкостью букв. Определенно, древние писцы не чета нынешним. Эти недотепы и двух букв ровно не напишут.

Он положил себе изучить эти бесценные пособия, прежде чем передать их преемнику Эртца. Когда он сам станет капитаном, подумал он,

очень полезно не зависеть от амбиций Главного Инженера. Нарби не очень-то уважал инженеров — в основном потому, что сам инженерных задатков не имел. Когда на него, как на Ученого, легла ответственность за духовное и материальное благополучие Экипажа, когда он сподобился благодати Учения Джордана, то скоро обнаружил, что общее руководство и кадровые вопросы ему больше по душе, чем обслуживание Конвертора или энергетических линий. Он был клерком, деревенским старостой, писцом в Совете, офицером по кадрам, а теперь выбился в Главные исполнительные секретари самого Капитана — с тех пор, как несчастный и довольно таинственный случай пресек жизнь предшественника Нарби на этом посту.

Его решение вспомнить инженерное дело перед выборами нового Главного Инженера навело его на раздумья о новом шефе. Обычно Главным Инженером, когда тот отправлялся в Экспедицию, становился Главный Вахтенный Конвертора. Но в данном случае Морт Тайлер, Главный Вахтенный, и сам отправился в Экспедицию — его остывший труп нашли, когда муты отбили еретика Хью Хойланда. Поэтому пост оставался вакантным, и Нарби колебался, кого

ему выгоднее предложить Капитану.

Одно несомненно — новым Главным нельзя ставить столь неуемного человека, как Эртц. Нарби признавал, что Эртц сделал большое дело, подготовив грядущее искоренение мутов, но оно вывело его в сильные кандидаты на капитанскую должность. Говоря без обиняков, следует признать, что жизнь нынешнего Капитана чрезмерно затянулась именно потому, что Нарби не был абсолютно уверен, прокатят ли Эртца на выборах.

А вот в чем он был уверен, так это в том, что теперь подошло самое подходящее время старому Капитану отдать душу Джордану. Старая туша давно пережила возраст, когда от нее еще был толк. Нарби уже устал пластаться перед ним, внушая нужные решения. И если перед Советом встанет необходимость выбрать нового Капитана, то найдется только один приемлемый кандидат…

Нарби отложил книгу. Решение принято.

Решение убрать старого Капитана не вызвало у Нарби чувства стыда, греха или предательства. Он презирал старика, но ненависти к нему не питал, так что решение не было окрашено злобой. Расчеты Нарби диктовались благородными госу-

дарственными интересами. Он искренне верил, что условия благосостояния Экипажа — толковое руководство, порядок, дисциплина, добрая еда. Так кому как не ему очевидно, кто именно наилучшим образом отвечает этим требованиям? То, что кто-то из высших интересов должен отправиться в Путешествие, его не трогало. Зла он никому не желал.

— Какого Хаффа ты роешься в моем столе?

Нарби поднял голову. Перед ним с недовольным видом стоял покойный Билл Эртц. Нарби протер глаза… Закрыл рот… Он был так уверен, что исчезнувший после налета Билл освежеванным и съеденным отправился в Путешествие…

Какой удар ниже пояса — Эртц жив-здоров. Мало того — раздражен…

Все же он взял себя в руки.

— Билл! Благослови тебя Джордан, старик — мы-то думали, что ты ушел в Путешествие! Садись, садись, рассказывай, что с тобой случилось.

— Если ты слезешь с моего стула… — едко произнес Эртц.

— Ох, прости! — Нарби поспешно освободил стул за столом Эртца и взял себе другой.

— А теперь, — продолжал Эртц, усевшись, — можешь объяснить мне, почему ты рылся в моих

бумагах.

Нарби удалось принять оскорбленный вид.

— Разве непонятно? Мы думали, что ты умер. Кто-то же должен был принять дела и присматривать за твоим отделом, пока не назначили нового главного инженера. Я действовал от имени Капитана.

Эртц посмотрел ему в глаза.

— Не корми меня байками, Нарби. И ты, и я знаем, кто вкладывает речи в уста Капитана — у обоих рыльце в пушку. Даже если ты думал, что я мертв, мне кажется, нужно было выждать подольше, чем два цикла сна, прежде чем кидаться потрошить мой стол.

— Ну послушай, старик — если человек пропадает после налета мутов, то здравый смысл подсказывает, что он отправился в Путешествие.

— Ладно, замнем. Почему Морт Тайлер не принял дела?

— Он в Конверторе.

— Что, убит? А кто отдал приказ отправить его в Конвертор? Такая масса приведет к пиковой загрузке.

— Приказал я, вместо Хью Хойланда. Ты сделал расчет по Хойланду, а массы у них примерно одинаковые.

— «Примерно одинаковые» — такая точность не для Конвертора. Мне придется все пересчитать. — Он начал подниматься из-за стола.

— Не волнуйся, — сказал Нарби. — Я ведь не совсем профан в инженерном деле. Я приказал, чтобы его массу разделили и использовали по тому же графику, который ты составил для Хойланда.

— Что ж, ладно. И все же я перепроверю. Мы не можем транжирить массу.

— Кстати об использовании массы, — сладко пропел Нарби. — В твоем столе я нашел пару Ненужных книг.

— Да?

— Они ведь считаются массой, подлежащей переработке в энергию.

— И что? Кто распоряжается массой, подлежащей переработке?

— Ты, конечно. Но зачем они лежат в твоем столе?

— Позволь напомнить тебе, мой дорогой Капитанский Любимчик, что это моя прерогатива и мое дело — где хранить массу, подлежащую использованию.

— Хм-м… Наверное, ты прав. Кстати, если ближайшее время они не входят в план переработки,

ты не дашь их мне почитать?

— Разумеется, если ты будешь благоразумен. Я запишу их на тебя — это необходимо, они уже взвешены. А ты помалкивай о них.

— Спасибо. У некоторых древних авторов изумительная фантазия. Бред, конечно, но как скрашивает досуг!

Эртц вытащил оба фолианта и подготовил справку для Нарби. Он проделывал это рассеянно, погруженный в раздумья, как подступиться к Нарби. Он знал, что Финеас — одна из главных фигур в деле, за которое взялись он и его побратимы, возможно, самая главная фигура. Если привлечь его на свою сторону…

— Фин, — сказал он, когда Нарби подписал справку, — я все думаю, правильно ли мы обошлись с Хойландом.

Нарби, казалось, был удивлен, но ничего не сказал.

— Не подумай, что я изменил мнение о его выдумках, — поспешно добавил Эртц, — но я чувствую, что мы упустили какую-то возможность. Надо было поводить его за нос. Через него можно было выйти на мутов. Мы хотим подчинить территории мутов Совету, но главная трудность в том, что мы очень мало о них знаем. Мы не

знаем, сколько их, насколько они сильны и как организованы. Кроме того, нам придется воевать на их территории, а для них это большое преимущество. Мы ведь почти не ориентируемся на верхних палубах. Если бы мы подыграли его россказням, то могли бы узнать много интересного.

— Нельзя же полагаться на эти россказни, — возразил Нарби.

— Этого не требовалось. Он ведь предлагал нам прогуляться в невесомость и все посмотреть.

Нарби был потрясен.

— Ты серьезно? Член Экипажа, поверивший слову мута! Да он не в невесомость отправится, а в Путешествие — и очень скоро!

— Я в этом не уверен, — возразил Эртц. — Хойланд сам верил в то, что говорил, — это точно. И…

— Что? Вся эта чушь насчет того, что Корабль *движется*! Сущий-то Корабль. — Он постучал по переборке. — Кто в это поверит!

— Но он в это верил. Он религиозный фанатик — несомненно. Но он что-то видел там, наверху, и интерпретировал это по-своему. Мы могли бы подняться и посмотреть, о чем он толкует, а заодно разведать насчет мутов.

— Полнейшая ерунда.

— Я так не думаю. Он, должно быть, пользуется большим авторитетом среди мутов; они ведь пошли на риск, чтобы спасти его. Если он говорит, что может обеспечить безопасный проход наверх, — думаю, это правда.

— Почему ты так резко переменил мнение?

— Меня переубедил этот налет. Если бы раньше мне сказали, что целая банда мутов спустится вниз и, рискуя собственными шкурами, спасет человека, я бы ни за что не поверил. Но это случилось. Я вынужден пересмотреть свою точку зрения. Независимо от того, что он рассказывал, стало очевидно, что муты готовы сражаться за него, а возможно, и исполнять его приказы. Если это так, то имело бы смысл потакать его религиозным убеждениям, если это поможет нам добиться власти над мутами, не вступая с ними в войну.

Нарби пожал плечами.

— Теоретически в этом, может, что-то и есть. Но к чему тратить время на упущенные возможности? Сделанного не воротишь.

— А вдруг? Хойланд жив, он вернулся к мутам. Если найти способ переправить ему весточку, мы могли бы попробовать все это провернуть.

— Но как?

— Еще не знаю. Может, возьму пару ребят и

поднимусь немного наверх. Если бы мы захватили живьем мута, это могло бы сработать.

— Шансы ничтожны.

— Я бы рискнул.

Нарби обдумал сказанное. Он считал, что весь план строится на туманных предположениях и дурацких соображениях. Однако если Эртц рискнет и план сработает, самые заветные планы Нарби намного приблизятся к реальности. Подавление мутов силой — дело долгое и кровавое, а возможно, и вовсе невыполнимое. Он прекрасно осознавал все трудности на этом пути.

Если же план не удастся, ничего не потеряно — кроме Эртца. А потеря Эртца — это вовсе не потеря в этой игре. Хм-м.

— Давай, — сказал Нарби. — Риск оправдан, парень ты смелый.

— Хорошо, — согласился Эртц. — Доброй еды.

Нарби понял намек.

— Доброй еды, — ответил он, собрал книги и удалился. Только много позже он сообразил, что Эртц так и не сказал ему, где пропадал столько времени.

Эртц тоже осознавал, что Нарби не был с ним до конца откровенен, но, зная Нарби, он не удивился. Он был доволен уже и тем, что его

импровизированная подготовка к будущим действиям была воспринята так хорошо. Ему и в голову не пришло, что, возможно, было бы проще и эффективнее просто сказать правду.

Некоторое время Эртц занимался рутинной проверкой Конвертора, а также назначил действующего Старшего Вахтенного Офицера. Довольный тем, что его отдел может теперь работать в его отсутствие, он велел слуге привести к нему Алана Махони из деревни. Поначалу он собирался вызвать портшез и встретить Махони на полпути, но потом посчитал, что это будет выглядеть подозрительно.

Алан с радостью приветствовал его. Сверстники Алана давно остепенились, а он, все еще неженатый кадет, до сих пор батрачил на более преуспевающих односельчан. Так что важнейшим жизненным достижением оказалось для него кровное братство со старшим Ученым. Это затмило даже недавние приключения, значения которых, впрочем, его крестьянский ум все равно не мог полностью осознать.

Эртц оборвал его и торопливо закрыл дверь.

— У стен есть уши, — тихо сказал он, — а у клерков также и языки. Хочешь, чтобы мы оба отправились в Путешествие?

— Ох, черт, Билл… я не хотел…

— Ничего. Встретимся на той же лестнице, по которой мы спускались, десятью палубами выше. Считать можешь?

— Конечно, до десяти могу. Даже до двадцати могу. Один да один будет два, да еще один будет три, да еще один будет четыре, да еще один будет пять, да…

— Достаточно. Вижу, что можешь. Но я больше надеюсь на твою верность и твой нож, чем на математические способности. Приходи туда как можно скорее. Поднимись где-нибудь, где тебя не заметят.

Сорок-первый был еще на посту, когда состоялось свидание. Эртц окликнул его по имени, стоя за пределами досягаемости пращи или метательных ножей — разумная предосторожность, когда имеешь дело с тем, кто дожил до своих лет только благодаря умению обращаться с оружием. После того как его опознали, Билл отправил стража найти Хью Хойланда. Сам же с Аланом уселся ждать.

Сорок-первый не нашел Хью Хойланда в квартире у Джо-Джима. Самого Джо-Джима тоже не было. Бобо спал на своем месте, но от него было мало толку. Хью, сказал Бобо, пошел туда-где-вселетают. Сорок-первому это мало что говорило;

сам он был на территории невесомости один раз в жизни. Поскольку палуба с невесомостью простиралась на всю длину Корабля, будучи фактически последним концентрическим цилиндром вокруг оси Корабля — хотя Сорок-первый и не мог бы выразить это в таких терминах, — то информация о том, что Хью отправился в невесомость, была бесполезной.

Сорок-первый озадачился. Приказ Джо-Джима нельзя оставить без внимания, и он крепко вбил в свои дремучие мозги, что приказ Эртца имеет такую же силу. Он снова растолкал Бобо.

— Где Две Мудрые Головы?

— Ушел к мастерице ножей, — Бобо опять закрыл глаза.

Уже лучше. Сорок-первый знал, где живет мастерица ножей. Каждому муту приходилось иметь с ней дело; она была незаменимым мастером и торговцем в их краях. Поэтому сама она была неприкосновенна; ее мастерская и вся прилегающая территория были нейтральной зоной. Он вскарабкался на две палубы и поспешил к ее дому.

Дверь с надписью «Термодинамическая Лаборатория — вход воспрещен» была открыта настежь. Сорок-первый не умел читать; ни на-

звание, ни запрет ничего для него не значили. Но он услышал голоса и определил, что один голос исходит от близнецов, а другой — от мастерицы ножей. Он вошел.

— Хозяин… — начал он.

— Заткнись, — сказал Джо. Джим не обернулся, продолжая спор с Матерью Лезвий. — Ты сделаешь эти ножи, — говорил он, — и без разговоров.

Она стояла перед ним, уперев все четыре огрубевшие руки в широкие бедра. Глаза ее покраснели — ей приходилось смотреть на плавящийся в горне металл; по морщинистому лицу на редкие усы, уродующие ее верхнюю губу, стекал пот и капал на обнаженную грудь.

— Вот именно, — отрезала она, — я делаю ножи. Нормальные ножи. А не вертела для свиней, которых тебе хочется. Ножи длиной в руку — тьфу! — Она плюнула в вишнево-красное нутро горна.

— Послушай, старая Экипажная кляча, — ровно произнес Джим, — или сделаешь как тебе говорят, или я поджарю тебе пятки в твоем собственном горне. Ясно?

Сорок-первый потерял дар речи от изумления. Никто никогда не говорил *так* с Матерью Клинков; действительно, Босс — большая шишка!

Мастер ножей вдруг сдалась.

— Но так *нельзя* делать ножи, — визгливо пожаловалась она. — Баланс будет неправильный. Вот, смотри…

Она схватила четыре заготовки ножей со своего верстака и метнула их в крестообразную мишень на другом конце комнаты — всеми четырьмя руками одновременно. Ножи взвились в воздух и через долю секунды впились в лучи креста.

— Видишь? А длинными ножами так не сделаешь. Они не лететь, а вихляться будут!

— Хозяин… — снова попытался вклиниться Сорок-первый. Джо-Джим, не оборачиваясь, дал ему зуботычину.

— Я тебя понимаю, — сказал Джим мастерице ножей, — но нам не нужно, чтобы эти ножи летали. Мы будем ими резать и колоть вблизи. Работай — я хочу увидеть первый до того, как ты поешь.

Старуха пожевала губу.

— Плата как обычно? — резко спросила она.

— Конечно, как обычно, — заверил он. — Десятая часть с каждого добытого твоим ножом, пока не будет выплачена вся стоимость. Плюс добрая еда все время работы.

Она пожала уродливыми плечами.

— Ладно.

Она повернулась, двумя левыми руками подхватила щипцами длинную тонкую полоску стали и засунула ее в горн. Джо-Джим повернулся к Сорок-первому.

— Ну что? — спросил Джо.

— Босс, Эртц послал меня разыскать Хью.

— Ну и почему ты этого не сделал?

— Я не знаю, где его искать. Бобо сказал, что он ушел туда, где невесомость.

— Так найди его. Впрочем, нет, — ты его не найдешь. Придется мне самому идти. Возвращайся к Эртцу и скажи, чтобы он подождал.

Сорок-первый поспешил прочь. Босс очень хороший, но мешкать при нем нельзя.

— Ну вот мы уже и на побегушках, — желчно заметил Джим. — Как тебе нравится быть кровным братом, Джо?

— Это ты втянул нас.

— Ну и что? Клясться на крови ты придумал.

— Хафф побери, ты ведь знаешь, зачем этот балаган. Для них это серьезно. А нам нужна любая подмога, какую мы можем обеспечить, если не хотим закончить с дырявой шкурой.

— Ага. Так для тебя, значит, это балаган?

— А для тебя?

Джим цинично улыбнулся.

— Как и для тебя, мой лукавый братец. В нынешней ситуации для нас намного, намного лучше вести эту игру до конца. «Один за всех и все за одного».

— Снова начитался Дюма.

— Почему бы и нет?

— Да так. Только не оплошай.

— Обижаешь. Я знаю, которая сторона у ножа заточена.

Джо-Джим обнаружил Коренастого и Борова спящими под дверью в Рубку. Из этого он заключил, что Хью должен быть внутри, ведь он сам назначил этих двоих его телохранителями. Да и вообще — если Хью пошел в область невесомости, значит, он либо у Главного Двигателя, либо в Рубке. Скорее в Рубке. Рубка манила Хью с тех нор, как Джо-Джим буквально втащил его туда и заставил своими глазами убедиться, что Корабль — это не весь мир, а лишь скорлупка, влекомая по бескрайним просторам, — с тех самых пор и до сегодняшнего дня он был одержим идеей управлять Кораблем, заставить его *двигаться* по воле человека!

Для него это означало гораздо больше, чем могло значить для пилота с Земли. С момента

когда первая ракета совершила робкий прыжок с Земли на Луну, космический пилот был романтическим героем, которому хотел подражать каждый мальчишка. Но замысел Хью был не чета такой мелочи. Он собирался привести в движение *Вселенную*. Заставить Солнце по воле человека стронуться с места и пересечь Галактику — даже такой план оказался бы куда менее дерзновенным.

Юный Архимед обрел рычаг. Теперь он искал точку опоры.

Джо-Джим остановился у двери огромного серебристого звездного глобуса внутри Рубки и заглянул туда. Хью он не видел, но знал, что тот должен быть в кресле главного астронавигатора, потому что огни то загорались, то гасли. Горели изображения звезд, разбросанные по внутренней поверхности сферы, составляя образ неба снаружи Корабля. С того места, где стоял Джо-Джим, иллюзия была не очень впечатляющей; из центра сферы она была полной.

Хью гасил сектор за сектором, пока не остался единственный сектор напротив него. В нем выделялось большое и сверкающее светило, во много раз ярче всех остальных. Джо-Джим перестал смотреть и взобрался по решетке к креслам

пилотов.

— Хью! — позвал он.

— Кто здесь? — спросил Хью, высовываясь из глубокого кресла. — А, это ты. Привет.

— Эртц хочет тебя видеть. Пошли.

— Ладно. Только сначала посмотри сюда. Хочу тебе кое-что показать.

— С ума сошел, — сказал Джо брату. Но Джим ответил: — Давай посмотрим. Много времени это не займет.

Близнецы вскарабкались в кресло рядом с креслом Хью.

— Ну что?

— Вон та звезда, — сказал Хью, указывая на яркую точку. — Она стала больше с тех пор, как я последний раз был здесь.

— Хм. Точно. Она уже давно становится ярче. Когда мы пришли сюда в первый раз, ее вообще не было видно.

— Значит, мы теперь ближе к ней.

— Разумеется, — согласился Джо. — Я это и так знал. Это еще раз доказывает, что Корабль движется.

— Но почему же вы мне не сказали?

— О чем?

— Об этой звезде. О том, что она растет.

— А какая разница?

— Какая разница! Джордан мой, да ведь… это она! Мы движемся туда. Это *Конец Путешествия*!

Джо-Джим — обе головы — был потрясен. Поскольку сам он был озабочен только своим комфортом и безопасностью, то не сразу уразумел, что Хью, а возможно, и Эртц загорелись целью восстановить утерянные достижения предков и завершить забытое, полумифическое Путешествие к Далекому Центавру.

Джим пришел в себя.

— Хм-м… возможно. Но с чего ты взял, что эта звезда — Далекий Центавр?

— Возможно, и нет. Мне все равно. Но мы ближе всего к этой звезде и движемся прямо к ней. Когда не умеешь различать звезды, одна стоит другой. Джо-Джим, а у древних был какой-то способ различать звезды?

— Был, конечно, — подтвердил Джо. — Но что с того? Ты-то выбрал себе звезду. Ну и валяй. А я иду вниз.

— Хорошо, — неохотно согласился Хью. Они начали долгий спуск.

Эртц кратко пересказал Джо-Джиму и Хью свой разговор с Нарби.

— Теперь я думаю сделать следующее, — про-

должал он, — пошлю Алана обратно вниз с посланием для Нарби. В нем будет сказано, что мне удалось войти в контакт с тобой, Хью, и я прошу его встретиться с нами где-нибудь выше территории Экипажа и выслушать, что мы узнали.

— Почему бы тебе просто не вернуться и не привести его самому? — возразил Хью.

Эртц слегка смутился.

— Потому что ты уже пробовал — не получилось. Ты вернулся из страны мутов и поведал мне о чудесах, которые там видел. Я тебе не поверил и отдал тебя под суд за ересь. Если бы Джо-Джим не спас тебя, ты бы отправился в Конвертор. Если бы ты не притащил меня в область невесомости и не заставил увидеть все собственными глазами, я бы тебе никогда не поверил. Могу тебя уверить, что Нарби не проще убедить, чем меня. Я хочу привести его сюда, наверх, показать ему звезды. Получится — миром; не выйдет — силой.

— Я не понимаю, — сказал Джим. — Разве не проще было бы перерезать ему глотку?

— Это было бы приятно, но не разумно. Нарби может оказать нам неоценимую помощь. Джим, если бы ты знал структуру Корабля так, как я ее знаю, ты бы понимал. Нарби имеет больше веса

в Совете, чем любой из офицеров. Кроме того, он объявляет волю Капитана. Если мы завоюем его, нам, возможно, вообще не понадобится драться. А если нет — что ж, я не знаю, что будет, если все же придется воевать.

— Я не думаю, что он придет. Он заподозрит ловушку.

— Именно поэтому должен пойти Алан, а не я. Мне он задаст множество вопросов и будет сомневаться в ответах. Алана он не будет выспрашивать, — Эртц повернулся к Алану у продолжал: — Если он тебя спросит, ты не знаешь ничего, кроме того, что я тебе сейчас скажу. Понял?

— Конечно. Я ничего не знаю, ничего не видал и не слыхал. — С откровенным простодушием он добавил: — Я и раньше ничего не знал.

— Хорошо. Ты никогда не видел Джо-Джима, не слышал о звездах. Ты просто мой посланник, я взял тебя с собой на случай нападения. А вот что тебе нужно будет сказать… — Он пересказал Алану послание для Нарби, которое было простым, но провокационным. Потом убедился, что Алан все запомнил. — Что ж — в путь! Доброй еды.

Алан покрепче ухватил свой нож, ответил: «Доброй еды!», — и поспешил прочь.

Простому крестьянину взять да и войти к

Исполнительному Секретарю Капитана — немыслимое дело, понял Алан. Часовой у дверей Нарби немного поиздевался над ним и направил к бездушному клерку. Тот записал его имя и приказал вернуться в деревню — дожидаться вызова. Алан твердо стоял на своем, повторяя, что принес послание чрезвычайной важности от Главного Инженера к Командору Нарби. Клерк снова взглянул на него.

— Давай бумагу.

— Нет никакой бумаги.

— Что за ерунда? Должна быть бумага. Таков Порядок.

— Ему некогда было писать. Он передал на словах.

— Что он передал?

Алан покачал головой:

— Лично Командору Нарби. У меня приказ.

Клерк пришел в бешенство.

Однако, будучи еще новичком, он отказался от соблазна проучить упрямую деревенщину в пользу более безопасного решения передать обузу повыше.

Главный клерк был краток:

— Давай сюда свое сообщение.

Алан собрал все силы и заговорил так, как ни с

кем не говорил в своей жизни:

— Сэр, все, о чем я прошу — это передать Командору Нарби, что у меня есть для него сообщение от Главного Инженера Эртца. Если это сообщение не будет передано, не я один отправлюсь в Конвертор! Но никому другому я не смею передать его.

Чиновник поразмыслил и рискнул побеспокоить начальника.

Алан передал сообщение Нарби шепотом, чтобы не подслушал слуга за дверью. Нарби вытаращил глаза.

— Эртц хочет, чтобы я пошел с тобой в страну мутов?

— Не до самой страны мутов, сэр. На середине пути нас встретит Хью Хойланд.

Нарби шумно выдохнул.

— Это нелепо. Я пошлю бойцов, и они приведут его сюда.

И Алан произнес решающую фразу — но теперь повысив голос так, чтобы слуга, а возможно, и другие услышали его слова:

— Эртц сказал, что если вы испугаетесь, то просто выбросьте из головы. Он сам решит вопрос в Совете.

После этих слов Алан остался жив только потому, что Нарби был из тех, кто ставит разум выше

грубой силы. У Нарби был нож; Алан же был вынужден оставить свой у стражника.

Нарби сдержал свои чувства. Он был слишком умен, чтобы приписать вину за оскорбление стоящей перед ним деревенщине, хотя и пообещал себе при случае присмотреться к нему. Задетое самолюбие, любопытство, да и опасность потерять лицо привели его к решению.

— Я иду с тобой, — со злобой сказал он. — Я узнаю у Эртца, правильно ли ты передал его сообщение.

Нарби подумал было взять с собой главного стражника, но отказался от этой мысли. Не только потому, что это привлекло бы излишнее внимание до того, как он смог бы оценить политические последствия, но и потому, что это означало бы почти такую же потерю лица, как и отказ идти. Но все же когда Алан брал у стражника свой нож, Нарби нервно спросил:

— Ты хороший боец?

— Лучше не бывает, — бодро ответил Алан.

Нарби очень надеялся, что крестьянин не хвастает. Муты… Он пожалел, что сам пренебрегал боевой подготовкой.

Самообладание постепенно возвращалось к Нарби, когда он вслед за Аланом поднимался к

областям низкого веса. Во-первых, вокруг было тихо. Во-вторых, оказалось что Алан — проводник толковый и осторожный. Он двигался бесшумно и никогда не поднимался выше, предварительно не выглянув из люка. Нарби бы, естественно, нервничал, если бы слышал то, что слышал Алан, — шорохи из мрачных глубин палуб, слабый шум, подсказывавший ему, что их продвижение контролируется с флангов. Подсознательно это беспокоило Алана, хотя он ожидал чего-то подобного — он знал, что и Хью, и Джо-Джим способны тщательно продумать операцию и подстраховаться. Сам Алан бы нервничал больше, если бы не слышал звуков, которые должны были быть.

Дойдя до места встречи через двадцать палуб после самой высокой населенной палубы, он остановился и свистнул. Услышав ответный свист, он крикнул:

— Это Алан.

— Подойди и покажись. — Алан выполнил приказ, не забывая о своих обычных мерах предосторожности. Не увидев никого, кроме друзей — Эртца, Хью, Джо-Джима и Бобо, он махнул рукой Нарби.

При виде Джо-Джима и Бобо недавно обретен-

ное спокойствие Нарби рухнуло и сменилось ощущением пойманного зверя. Он выхватил нож и неловко отступил к лестнице. Еще быстрее нож выхватил Бобо. На долю секунды исход встречи висел на волоске. Потом Джо-Джим ударил Бобо по лицу и забрал у него нож и пращу.

Нарби припустил назад, напрасно Хью и Эртц звали его вернуться.

— Притащи его, Бобо! — скомандовал Джим, — и поосторожнее.

Бобо побежал следом.

Вернулся он очень скоро.

— Быстро бегает, — прокомментировал он, сваливая Нарби на палубу. Тот лежал тихо, пытаясь восстановить дыхание. Бобо взял нож у него с пояса и стал пробовать остроту лезвия на жестких черных волосах, покрывавших его левое предплечье.

— Хороший клинок, — одобрил он.

— Отдай ему нож, — приказал Джим. Бобо крайне озадачился, но с неохотой подчинился. Джо-Джим отобрал у него оружие и вернул Нарби.

Нарби был не меньше Бобо поражен тем, что ему вернули нож, но лучше скрывал свои чувства. Ему даже удалось принять оружие с достоин-

ством.

— Послушай, Фин, — озабоченно начал Эртц, — извини, что пришлось с тобой так обойтись. Бобо не виноват. Надо же было тебя вернуть.

Нарби кое-как восстановил ледяное самообладание, с которым всегда встречал превратности судьбы. Проклятье! — подумал он. — До чего нелепая ситуация. Ладно…

— Забудем об этом, — отрезал он. — Я ожидал встретить здесь тебя, а не толпу вооруженных мутов. Странные у тебя друзья, Эртц.

— Извини, — повторил Билл Эртц, — наверное, мне следовало предупредить тебя… — Он приврал во имя дипломатии. — Все они вполне свойские ребята. С Бобо ты уже знаком. Это Джо-Джим. Он среди мутов… что-то вроде офицера Корабля.

— Доброй еды, — вежливо приветствовал Джо.

— Доброй еды, — машинально проговорил в ответ Нарби.

— С Хью ты, наверное, знаком.

Нарби согласился. Повисла неловкая пауза. Молчание нарушил Нарби.

— У вас была какая-то причина вызвать меня сюда? Надеюсь, мы тут не в игрушки играем?

— Была, — согласился Эртц. — Я… Тьфу ты — не знаю, с чего начать. Послушай, Нарби, ты не

поверишь, но я *видел*. Все, о чем говорил Хью, — правда. Я был в Рубке. Я видел звезды. Я *знаю*.

Нарби уставился на него.

— Эртц, — медленно проговорил он, — ты сошел с ума.

Хью Хойланд взволнованно вмешался:

— Ты так говоришь потому, что не видел. Говорят тебе — движется! Корабль движется, как…

— Я все улажу, — оборвал Эртц. — Послушай меня, Нарби. Решать тебе, а я расскажу о том, что видел сам. Они водили меня в невесомость и на Капитанский Мостик. Это помещение со стеклянной стеной. И за стеной огромное черное пустое пространство, громадное, больше всего на свете. Больше Корабля. И там — огни. Те звезды, о которых говорят предания.

На лице Нарби отразилось брезгливое изумление.

— Где твоя логика? И ты еще зовешься Ученым! Что значит «больше Корабля»? Это терминологическая бессмыслица. Корабль есть Корабль по определению. Все прочее — его составные части.

Эртц беспомощно пожал плечами.

— Я понимаю, как это звучит. Я не могу объяснить; вся логика летит в тартарары. Это… Хафф побери! Поймешь, когда сам увидишь.

— Образумься, — посоветовал Нарби. — Не говори ерунды. Либо логика есть, либо ее нет. Если нечто существует, оно занимает какое-то место. Ты видел или думаешь, что видел, нечто невероятное, но, чем бы оно ни было, оно не может быть больше места, в котором находится. Ты не сможешь показать мне ничего опровергающего этот очевиднейший закон природы.

— Я уже сказал, что не могу объяснить.

— Разумеется, не можешь.

Близнецы недовольно пошептались, и Джо рявкнул:

— Хватит болтать! Пошли.

— Действительно, — охотно согласился Эртц. — Нарби, доспорим, когда посмотришь сам. Теряем время — лезть далеко.

— Что-что? — возмутился Нарби. — О чем речь? Куда пошли?

— Наверх, на Капитанский Мостик и в Рубку.

— Я? Не смеши меня. Я немедленно иду вниз.

— Нет, Нарби, — возразил Эртц. — Я тебя вызвал только для этого. Ты должен посмотреть.

— Чушь. Я не собираюсь никуда смотреть; мне хватает здравого смысла… Тем не менее я хочу поздравить тебя с установлением дружественных отношений с мутами. Мы могли бы обсудить

перспективы сотрудничества. Я думаю…

Джо-Джим выступил вперед.

— Теряем время, — ровным голосом произнес он. — Мы идем наверх. Ты тоже. Я сказал.

Нарби покачал головой.

— Об этом не может быть и речи. Может быть, позже, когда мы всесторонне обсудим аспекты нашей совместной деятельности…

С другого бока к нему шагнул Хью.

— Ты что, не понял? Мы идем сейчас.

Нарби взглянул на Эртца. Тот кивнул.

— Именно так, Нарби.

Нарби молча проклял себя. Великий Джордан! О чем же он, во имя Корабля, думал? Как позволил втянуть себя в такое дело? Он чувствовал, что двухголовый монстр только и ждет любого неверного шага. Вот влип! Он проклял себя еще раз, внешне стараясь оставаться в рамках приличий.

— Ну хорошо! Чтобы избежать лишних прений… Куда идти?

— Держись рядом, — посоветовал Эртц. Джо-Джим оглушительно свистнул. Сейчас же из-под пола, из-за переборок, с потолка высыпало шесть или восемь мутов. Нарби стало плохо — до него в полной мере дошло, какую он проявил неосмотрительность. Отряд двинулся вверх.

До невесомости они добирались долго — Нарби не умел карабкаться. Постоянное уменьшение веса отчасти облегчало его усилия, но вместе с тем вызывало приступы тошноты. Вообще-то, как и все, рожденные в Корабле, он был худо-бедно приспособлен к низкой силе тяжести, но по лестницам и переходам он не лазал с далекого беззаботного детства. Добравшись до невесомости, он окончательно выдохся и едва мог пошевелиться.

Джо-Джим вернул свою команду назад и приказал Бобо позаботиться о Нарби. Тот отмахнулся:

— Я сам.

Стиснув зубы, он заставил тело слушаться. Джо-Джим глянул на него и отменил приказ. Через несколько скользящих прыжков Нарби добрался до последней переборки перед Рубкой. Ему чуть полегчало.

Они не стали задерживаться у Рубки, а, как и планировал Хью, дошли до Капитанского Мостика. Путаные объяснения Эртца и восторженная болтовня Хью уже отчасти подготовили Нарби к предстоящему. По дороге Хью успел проникнуться к Нарби почти нежностью — как хорошо, когда кто-то тебя слушает!

Хью вплыл первым, перевернулся в воздухе,

ухватился за спинку Капитанского кресла и указал на роскошные звездные россыпи.

— Вот! — выпалил он. — Вот. Посмотрите — разве не чудесно?

С бесстрастным лицом Нарби долго и напряженно вглядывался в сверкающий небосвод.

— Замечательно, — признал он наконец, — замечательно. Никогда не видел ничего подобного.

— Замечательно — это не то слово, — возразил Хью. — Это восхитительно!

— Ну хорошо — восхитительно, — снизошел Нарби. — Эти маленькие яркие огоньки — это и есть звезды, о которых рассказывали древние?

— Ну да, — ответил Хью, испытывая безотчетное смущение, — только они не маленькие. Они очень большие, огромные, как Корабль. Они просто кажутся маленькими, потому что очень далеко. Видишь вон ту яркую, крупную звезду слева? Она выглядит больше, потому что она ближе. Я думаю, что это и есть Дальняя Центавра… Правда, я не вполне уверен, — признался он в приступе откровенности.

Нарби мельком взглянул на него, потом перевел взгляд на большую звезду.

— Насколько она далеко?

— Пока не знаю. Но я узнаю. В Рубке есть прибо-

ры для таких измерений, но я в них еще не совсем разобрался. Но это неважно. Мы доберемся туда!

— Хм?

— Конечно! Завершим Путешествие!

Нарби бесстрастно молчал. Он обладал скрупулезным, в высшей степени логичным мышлением. Он был толковым руководителем, способным принимать мгновенные решения, но по натуре своей предпочитал держать свои мысли по возможности при себе — до тех пор, пока на досуге не обмозгует информацию со всех сторон.

В Рубке он окончательно замкнулся. Он смотрел, слушал, но почти не задавал вопросов. Хью не расстраивался. Рубка была его игрушкой, его радостью, ребенком. Все, что он хотел — поделиться всем, что его переполняет, с новым слушателем.

По предложению Эртца на обратном пути остановились у Джо-Джима. Чтобы разработанный план принес свои плоды, необходимо было вовлечь в него Нарби и договориться о дальнейших шагах. Нарби охотно согласился. Он уверился, что договор, ставший причиной его беспрецедентной вылазки в страну мутов, — не пустые слова. Но когда Эртц излагал свои соображения, он слушал молча. Выслушав, не проронил ни слова.

— Ну? — не выдержал Эртц, когда молчание

начало действовать ему на нервы.

— Ты ждешь от меня какого-то комментария?

— Конечно. Ты теперь тоже участник.

Нарби это понимал и понимал также, какого ответа от него ждут; он просто тянул время.

— Что ж… — Нарби выпятил губу и сложил перед собой руки. — Мне представляется, что эта проблема распадается на две. Хью Хойланд! Как я понимаю, ты собираешься завершить древний План Джордана. Эта цель не может быть достигнута без единства всего Корабля. Тебе нужен порядок и дисциплина и среди Экипажа, и среди мутов. Верно?

— Разумеется. Требуется управлять Главным Двигателем, а это означает…

— Постой. Честно говоря, у меня нет достаточной квалификации, чтобы разобраться в увиденном, а учиться мне некогда. Техническая сторона — сфера деятельности Главного Инженера. Это ваши трудности. Кстати, это и есть вторая часть. Но вы не сможете к ней подобраться, не выполнив первую.

— Конечно.

— Тогда давайте говорить только о ней. Это административные вопросы, касающиеся общественного мнения и руководства, в этом я лучше

разбираюсь; возможно, мой совет окажется полезным. Джо-Джим, кажется, ищет возможности достичь согласия между мутами и Экипажем — обеспечить мир и добрую еду? Верно?

— Правильно, — подтвердил Джим.

— Хорошо. С давних пор это и моя цель, — как и многих офицеров Корабля. Честно говоря, не думал, что ее можно достичь иначе, чем силой. Мы готовились к долгой, трудной и кровавой войне. Древнейшие летописи, передающиеся Свидетелями из поколения в поколение со времен мифической Смуты, не описывают ничего, кроме войн между мутами и Экипажем. Но я счастлив, что мы ступили на иной, лучший путь.

— Так ты с нами! — воскликнул Эртц.

— Спокойно — еще многое не ясно. Эртц, мы с тобой понимаем, думаю, как и Хойланд, что не все офицеры Корабля примут это путь. Как поступить с ними?

— Проще простого, — вставил Хью Хойланд. — Привести их разок в невесомость, показать звезды, и они все поймут.

Нарби покачал головой.

— У тебя носилки несут носильщика. Я ведь говорил, что проблема состоит из двух частей. Не обязательно убеждать человека в том, во что

он не верит, если тебе нужно, чтобы он сделал что-то, ему доступное. А вот после того, как Корабль будет объединен, можно будет без лишних сложностей показать офицерам Рубку и звезды.

— Но…

— Он прав, — остановил Хойланда Эртц. — Не стоит раздувать теологические прения, если наш первый этап чисто практический. Мы привлечем на свою сторону множество офицеров, поставив задачу мирного объединения Корабля, но если мы начнем с ниспровержения догм, заявим, что Корабль движется, дело кончится бунтом.

— Но…

— Никаких «но». Нарби прав. Он подходит разумно. Так вот, Нарби, обсудим положение с офицерами, которых не удастся переубедить. Вот что я думаю. Во-первых, наша с тобой задача — перетянуть на свою сторону как можно больше офицеров. Ну а упрямцы — что ж, в конце концов, Конвертер всегда нуждается в массе.

Нарби кивнул. Политика массовых репрессий его явно не смущала.

— Пожалуй, это наилучший подход. Но дело довольно трудное.

— Здесь нам поможет Джо-Джим. Нас поддержат лучшие бойцы Корабля.

— Понятно. Джо-Джим, как я понимаю, правит всеми мутами?

— С чего ты взял? — проворчал Джо с непонятной ему самому обидой.

— Ну, я просто предположил… Я так понял…

Нарби осекся. Никто не *говорил* ему, что Джо-Джим главенствует на верхних палубах; он предположил это по его манерам. Он вдруг сочувствовал себя не в своей тарелке. А если все это пустой разговор? Что толку в переговорах с двухголовым монстром, если тот не владеет полномочиями?

— Мне следовало объяснить, — поправился Эртц. — Джо-Джим не правитель мутов, но самый могучий лидер. Джо-Джим поможет нам захватить власть, а мы поможем ему подчинить остальных мутов. Позже — с нашей помощью — он придет к власти.

Нарби учел новые сведения и проиграл в уме ситуацию. Распря среди мутов, небольшая помощь Экипажа — хороший способ вести войну. Если поразмыслить, это выгоднее, чем затевать мирные переговоры. Когда все утрясется, мутов сильно поубавится, а значит — уменьшится риск мятежа.

— Понимаю, — сказал он. — Итак… Как вы

представляете дальнейшее развитие событий?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хойланд.

— Как вы думаете, нынешний Капитан согласится вас поддержать?

Эртц понял его сразу. У Хью тоже забрезжила догадка.

— Продолжай, — сказал Эртц.

— *Кто станет новым Капитаном*?

Нарби в упор взглянул на Эртца.

Такая постановка вопроса не приходила Эртцу в голову. Но теперь он понял, что это важнейший вопрос, если они не хотят, чтобы переворот выродился в кровавую драку за власть. Бывало, и он позволял себе мечтать о Капитанском кресле. Однако на него метил и Нарби. Эртц об этом знал.

Эртца, как и Хойланда, пленила идея двинуть Корабль. Теперь он осознал, что старые мечты несовместимы с новыми, и с легкой ноткой сожаления расстался с прежними ради нынешних.

— Капитаном придется стать тебе, Фин. Ты не возражаешь?

Финеас Нарби милостиво согласился:

— Если ты настаиваешь — я не возражаю. Но из тебя самого получился бы прекрасный Капитан, Билл.

Эртц покачал головой, понимая, что отныне

Нарби полностью на их стороне.

— Я остаюсь Главным Инженером. Мое дело во время Путешествия — Главный Двигатель.

— Стоп! — перебил Джо. — Я не согласен. С какой стати ему быть Капитаном?

Нарби повернулся к нему.

— Капитаном хотите быть вы?

Он постарался, чтобы в голосе не проскользнул оттенок сарказма. Мут-Капитан!

— Хафф побери, нет! Но почему именно ты? Почему не Эртц или Хью?

— Только не я, — отвел Хью. — Мне будет некогда. Я астронавигатор.

— В самом деле, Джо-Джим, — объяснил Эртц. — Нарби — единственный из нас, кто может договориться с офицерами Корабля.

— Да если они хоть пикнут, мы им глотки перережем.

— С Капитаном Нарби не понадобится резать глотки.

— Мне это не по нутру, — проворчал Джо. Брат шикнул на него: — Что ты психуешь, Джо? Да упаси нас Джордан от такой ответственности.

— Я вполне понимаю ваши опасения, — учтиво произнес Нарби, — но, думаю, вам не стоит беспокоиться. По части мутов я буду вынужден

зависеть от вас. Я буду управлять нижними палубами, в этом я разбираюсь. Вы же, если хотите, станете вице-капитаном мутов. Для меня было бы глупо командовать там, где я не знаю местных обычаев. Если вы не соглашаетесь мне помочь, я не могу принять пост Капитана. Беретесь?

— Я в этом не участвую, — отрезал Джо.

— Извините. Тогда я вынужден отказаться от поста Капитана. Я действительно не смогу осилить это бремя без вашей помощи.

— Ну давай, Джо, — настаивал Джим. — Давай возьмемся, хотя бы временно. Надо же довести дело до конца.

— Ладно, — сдался Джо, — но все равно мне это не нравится.

Нарби не стал заострять внимания на том, что Джо-Джим фактически не признал его Капитаном. Больше они к этому не возвращались.

Обсуждение деталей оказалось долгим и утомительным делом. Было решено, что пока решающий удар не подготовлен, Эртц, Алан и Нарби вернутся к своим обязанностям.

Хью послал охрану проводить их вниз.

— Когда будете готовы, пошлешь Алана? — спросил он Нарби перед расставанием.

— Да, — согласился Нарби, — но не жди его

слишком скоро. Нам с Эртцем понадобится время, чтобы подобрать верных людей. К тому же надо решить со старым Капитаном. Придется как-то уломать его созвать собрание всех офицеров Корабля. Стариком не так-то легко управлять.

— Ну, это твоя работа. Доброй еды!

— Доброй еды.

В тех редких случаях, когда Ученые, управлявшие Кораблем, собирались в полном составе, они сходились в большом зале на последнем обитаемом уровне. Много забытых поколений назад, еще до Смуты, возглавлявшейся техником Корабля Роем Хаффом, это был спортивный зал, предназначенный для развлечения и укрепления здоровья, — но нынешние обитатели не имели об этом ни малейшего понятия.

Нарби наблюдал, как дежурный отмечает прибытие офицеров Корабля. Он волновался, но не подавал виду. Оставалось всего несколько человек, скоро придется объявить Капитану, что все в сборе, а от Джо-Джима и Хойланда не было никаких известий. Неужели этот кретин Алан дал себя убить по дороге? Или упал и сломал свою никчемную шею? Или получил от мута ножом в живот?

Вошел Эртц, и прежде чем занять свое место

среди начальников отделов, подошел к Нарби и тихонько спросил:

— Ну как?

— Все в порядке, — ответил тот, — но никаких известий.

— Хм-м… — Эртц повернулся и нашел глазами своих сторонников в толпе. Нарби сделал то же. Не большинство, не абсолютное большинство, ведь дело такое необычное. Ну что ж — ведь не голосованием будет решаться этот вопрос.

Дежурный прикоснулся к его руке.

— Все в сборе, сэр, кроме отсутствующих по болезни и одного вахтенного у Конвертора.

С неприятным чувством, что что-то идет не так, Нарби послал оповестить Капитана. Капитан, как обычно не принимая во внимание удобство остальных, опоздал. Нарби был рад задержке, но с трудом выдержал ее. Когда старик наконец появился с ординарцами по сторонам и тяжело уселся в свое кресло, то, опять же как обычно, немедленно стал проявлять нетерпеливое желание поскорее закончить собрание. Он сделал знак всем сесть и обратился к Нарби:

— Очень хорошо, Командор Нарби, огласите повестку дня — надеюсь, у вас есть повестка дня?

— Да, Капитан, она имеется.

— Так читайте же, читайте! Чего вы тянете?

— Да, сэр.

Нарби повернулся к клерку, зачитывавшему документы, и передал ему стопку бумаг. Клерк взглянул с удивлением, но, получив сигнал Нарби, начал читать: «Петиция Совету и Капитану: лейтенант Браун, управляющий деревней в Секторе 9, будучи слабого здоровья и в преклонных летах, просит освободить его от обязанностей и…». Клерк продолжал зачитывать рекомендации офицеров и отделений.

Капитан нетерпеливо ерзал в своем кресле и наконец прервал чтение.

— В чем дело, Нарби? Почему вы не можете решить рутинные вопросы без этой суматохи?

— Я понял так, что Капитан был недоволен тем, как я лично недавно разрешил аналогичный вопрос. Мне бы не хотелось превышать свои полномочия.

— Что за чушь! Не читай мне Устав. Пусть Совет работает, потом я проверю и завизирую.

— Да, сэр, — Нарби забрал записи у клерка и дал ему другие бумаги. Клерк прочел.

Дело было такое же пустяковое. Деревня сектора 3 просила уменьшить налоги по причине необъяснимой болезни, поразившей их гидро-

понные фермы. Капитан прервал чтение этого прошения еще раньше. Нарби было бы чрезвычайно трудно найти предлог для продолжения собрания, если бы не прибыло известие, которого он ждал. Оно оказалось клочком пергамента, переданного снаружи с верным человеком. На нем стояло только одно слово: «Готовы». Нарби взглянул, кивнул Эртцу, потом обратился к Капитану:

— Сэр, поскольку у Вас нет желания выслушивать прошения Вашего Экипажа, я перейду к основному вопросу сегодняшнего собрания.

Завуалированное оскорбление, содержавшееся в этом высказывании, заставило Капитана подозрительно уставиться на него, но Нарби продолжал.

— В течение многих поколений, на памяти долгой череды Свидетелей, Экипаж страдал от постоянных набегов мутов. Наше имущество, наши дети, даже мы сами постоянно находились под угрозой. Законы Джордана не признаются на верхних уровнях. Даже сам Капитан, преемник Джордана не может свободно ходить там. Считалось, что Джордан установил так, что дети платят кровью за грехи предков. Такова, нам говорили, была воля Джордана. Сам я никогда не мог смириться с этой постоянной утечкой массы

Корабля.

Старый Капитан, кажется, не верил своим ушам. Обретя наконец голос и ткнув пальцем в Нарби, он взвизгнул:

— Ты оспариваешь учение?

— Нет. Я утверждаю, что Учение не заставляет нас оставлять мутов за рамками Правил. Я требую, чтобы они подчинялись Закону!

— Вы… Вы… вы освобождены от своих обязанностей, сэр!

— Нет, — издевательски ответил Нарби, — пока не скажу всего, что должен.

— Арестуйте его!

Однако телохранители Капитана не тронулись с места, хотя и переминались с несчастным видом — Нарби сам подобрал их.

Нарби повернулся к пораженному Совету, поймал взгляд Эртца.

— Все в порядке, — произнес он. — Давай!

Эртц поднялся и поспешил к двери. Нарби продолжал:

— Многие из вас разделяют мои чаяния. Доселе мы считали, что за наши помыслы придется сражаться. Но с помощью Джордана я сумел установить контакт с мутами и подготовить заключение договора. Их лидеры сейчас прибудут

сюда для переговоров. Вот они! — Он театрально указал в сторону двери.

Эртц снова вошел; за ним шли Хью Хойланд, Джо-Джим и Бобо. Хойланд повернул направо и стал обходить зал по периметру. За ним следовала цепочка мутов — лучшие бойцы Джо-Джима. Еще одна колонна во главе с Джо-Джимом и Бобо прошла налево.

Джо-Джим, Хью и по полудюжине бойцов с каждого фланга были одеты в тяжелую броню, спускавшуюся ниже талии. На головах у них были неуклюжие шлемы из металлической сетки, которые защищали, не мешая обзору.

Все они держали неслыханные ножи — длиной в руку человека!

Пораженные офицеры могли бы остановить вторжение в узких дверях, если бы кто-то взял на себя руководство. Но они были неорганизованны, беспомощны, а сильнейшие лидеры были на стороне захватчиков. Офицеры ерзали в креслах, тянулись за ножами и переглядывались. Но никто не решился сделать первый шаг, за которым последовало бы кровопролитие.

Нарби повернулся к Капитану.

— Ну так что? Вы принимаете эту мирную делегацию?

Казалось бы, что долгие годы, прожитые в сытости, могли научить Капитана благоразумно промолчать, когда нужно. Но он прохрипел:

— Уберите их! Прочь! А ты… ты за это отправишься в Путешествие!

Нарби повернулся к Джо-Джиму и сделал знак большим пальцем. Джим сказал что-то Бобо — и в толстое брюхо Капитана вонзился нож. Тот издал скорее хрип, чем визг, а на его лице появилось выражение полнейшего недоумения. Он ощупал рукоятку ножа, будто желая убедиться, что он действительно там.

— Смута… — произнес он. — Смута…

Он согнулся в кресле и тяжело рухнул на стол лицом.

Нарби пнул тело и приказал охране:

— Вытащите это наружу.

Те выполнили приказ, казалось радуясь про себя, что их миновали безначалие и безработица. Нарби снова повернулся к притихшему залу:

— Кто-нибудь еще возражает против мира с мутами?

Пожилой офицер, проспавший всю жизнь в роли судьи и духовного наставника в отдаленной деревне, встал и направил костлявый палец на Нарби, возмущенно тряся белой бородой:

— Джордан накажет тебя за это! Смута и грех — дух Хаффа!

Нарби кивнул Джо-Джиму; слова застряли у старика в горле, из которого торчал нож. Бобо выглядел очень довольным собой.

— Довольно болтовни, — объявил Нарби. — Лучше пролить немного крови сейчас, чем намного больше потом. Пусть те, кто поддерживает меня в этом вопросе, встанут и подойдут сюда.

Эртц показал пример, выйдя вперед и сделав знак своим самым верным сторонникам присоединиться к нему. Оказавшись перед залом, он вынул нож и поднял его вверх:

— Да здравствует Финеас Нарби, преемник Джордана!

Серьезные молодые люди, верные Нарби — костяк диссидентского рационалистского блока среди Ученых, — выступили все вместе, поднятыми ножами салютуя новому Капитану. Колеблющиеся и оппортунисты поспешили присоединиться, увидев, какая сторона ножа заточена. Когда закончилось разделение, на месте осталась лишь горстка офицеров, почти все они были либо стариками, либо религиозными фанатиками.

Эртц заметил, как Капитан Нарби оглядел их,

потом посмотрел на Джо-Джима. Эртц дотронулся до его руки:

— Их очень мало и они практически беспомощны, — сказал он. — Почему бы не разоружить их и не отпустить восвояси?

Нарби неприветливо взглянул на него:

— Оставишь их в живых — пожнешь смуту. Я вполне способен сам принимать решения, Эртц.

Эртц прикусил губу:

— Очень хорошо, Капитан.

— Так-то лучше, — он сделал знак Джо-Джиму.

Длинные ножи сделали свою короткую работу.

Хью отвернулся от места побоища. Его старый учитель Лейтенант Нельсон, деревенский Ученый, который разглядел его способности и выбрал его для научной карьеры, оказался в этой группе. Этого фактора он не предвидел.

Завоевание мира — и его объединение. Вера или Меч. Бойцы Джо-Джима, усиленные группой горячих молодых кадетов Капитана Нарби, захватили средние и верхние палубы. Муты, индивидуалисты по самой природе своего существования, не испытывающие почтения ни к кому, кроме главарей своих банд, не могли противостоять странным длинным ножам Джо-Джима, которые убивали, не давая опомниться.

По стране мутов прошел слух, что лучше мирно подчиниться банде Двух-Мудрых-Голов — подчинившихся ждет добрая еда, сопротивляющихся — неминуемая смерть.

И все же это был долгий и медленный процесс — слишком много палуб, много миль темных коридоров, несчетное количество комнат, где могли скрываться непокорные муты. Кроме того, наступление замедлялось еще и тем, что Джо-Джим на очищенных ударными группами территориях организовывал внутренние караулы, патрулирование каждого сектора, палубы и лестничного пролета.

К разочарованию Нарби, двухголовый монстр в ходе кампании остался цел и невредим. Из книг Джо-Джим узнал, что генералу не обязательно лично принимать участие в схватках.

Хью пропадал в Рубке. Не только потому, что его больше интересовали тонкие материи управления кораблем и звездной баллистики, но и потому, что все это кровопролитие вызывало в нем отвращение — из-за лейтенанта Нельсона. К насилию и смерти он привык; это было обычное дело даже на нижних уровнях — однако тот случай вызвал в нем смутное разочарование, хотя его собственные рассуждения убеждали его, что

сам он лично не виновен в смерти старика.

Просто ему хотелось, чтобы этого не случилось.

Но пульт управления… Вот чему стоило посвятить жизнь! Он пытался решить задачу, которую землянин посчитал бы невыполнимой — ведь землянин *знал* бы, что пилотирование межзвездного корабля — задача настолько сложная, что даже наилучшее техническое образование вкупе с обширным опытом полетов на более мелких космических судах вряд ли послужат базой для такой сугубо специальной миссии.

Хью Хойланд не знал этого. Так что он двигался вперед и обучался.

В каждой попытке ему помогал гений создателей Корабля. Управление любой техникой обычно сводится к элементарным развилкам: идти/стоять, на себя/от себя, вверх/вниз, внутрь/наружу, включить/выключить, вправо/влево, а также их комбинаций. Настоящие трудности возникают при необходимости что-то настраивать или ремонтировать, приспосабливать или менять.

Однако управление приборами и двигателем космического корабля «Авангард» не требовало ни настройки, ни ремонта. Конструкции находи-

лась на субмолекулярном уровне. В них не было движущихся частей, трение не играло роли, и они не были подвержены износу. Если бы Хью понадобилось разобраться в действии приборов или починить их, он потерпел бы поражение. Четырнадцатилетнему подростку можно доверить вертолет, и он полетит в одиночку за тысячу миль; он скорее объестся по дороге, чем каким-то образом повредит машину. Но если вертолет выйдет из строя, необходима ремонтная бригада — ребенок не сможет его починить.

«Авангарду» не требовалась ремонтная бригада. Разве что несущественным дополнительным устройствам — таким как конвейеры, лифты, автомассажеры. Но все, что двигалось, вышло из строя еще до появления первого Свидетеля. Оставшаяся ненужная масса либо была отправлена в Конвертор, либо приспособлена для вещей попроще. Хью даже представления не имел, что такое оборудование существовало; ободранные стены во многих помещениях были для него просто явлением природы, а не поводом для размышлений.

Хью помогали два фактора.

Во-первых, баллистика звездных кораблей очень проста, поскольку использует в основном

второй закон Ньютона применительно к четырехмерному пространству. Обычно все думают по-другому, однако это так. Чтобы испечь пирог, требуется гораздо больше знаний, правда интуитивных. Чтобы связать свитер, нужно понимать гораздо более сложную математику. Топология вязаного орнамента… попробуйте на зуб!

Настоящие дебри — это неврология или катализаторы, но только не баллистика.

Во-вторых, создатели «Авангарда» считались с тем, что корабль достигнет места назначения не раньше чем через два поколения; они хотели облегчить жизнь еще не родившимся пилотам, которым суждено будет завершить миссию. Хотя они и не предвидели такого забвения технических знаний, какое произошло на самом деле, они все же постарались сделать панель управления простой, понятной интуитивно и защищенной от дурака. Вышеупомянутый умный подросток, хоть чуточку интересующийся космическими полетами, без сомнения, разобрался бы за несколько часов. Хью, воспитанный в культуре, где верили, что Корабль суть весь мир, продвигался не так быстро.

Его озадачили два незнакомых понятия — глубокий космос и метрическое время. Ему

пришлось освоить приборы, специально разработанные для «Авангарда», снять показания с пары десятков звезд, прежде чем он понял, что получаемые им результаты имеют смысл. Все показания были в парсеках, и это ему ни о чем не говорило. Он попытался перевести их в понятные ему линейные единицы с помощью Священных книг, но результаты он счел поначалу ошибкой, абсурдом. Он проверял и перепроверял, часами размышляя, пока не начал смутно осознавать необъятность просторов космоса.

Это испугало и ошарашило его. Несколько циклов сна он не подходил к Рубке, предаваясь смятению. Это время он потратил на то, чтобы выбрать себе женщин. Впервые после того, как Джо-Джим взял его в плен, у него появилось и желание, и возможность заняться этой проблемой. Кандидаток было множество: в дополнение к деревенским девушкам, военные операции Джо-Джима добавили вдов. Хью, по праву своего высокого положения, взял себе двух жен. Первая была вдовой. Сильная, толковая женщина, умеющая создать мужчине домашний уют. Он поселил ее в своих новых апартаментах на одной из верхних палуб, дал ей свободу действий и разрешил оставить старое имя — Хлоя.

Вторая была молодой девушкой, невоспитанной и дикой, как мут. Хью и сам не мог бы объяснить, зачем он ее взял. У нее, конечно, не было никаких достоинств, но с ней ему было весело. Она укусила его, когда он ее осматривал; разумеется, он шлепнул ее, и тем дело должно было закончиться. И все же он приказал отцу прислать ее.

Дать ей имя он еще не удосужился.

С метрическим временем он запутался так же, как и с астрономическими расстояниями, но это хотя бы не подавляло. Проблема опять заключалась в отсутствии сходных понятий на Корабле. Экипаж оперировал топологическим временем; они понимали, что такое «сейчас», «раньше», «потом», «уже», «еще», и даже такими понятиями, как длинные и короткие промежутки времени, но концепция измеряемого времени выпала из их культуры. Самая примитивная из земных культур имеет представление об измерении времени, хотя бы в пределах дней и времен года. Но ведь любая земная концепция измеряемого времени берет начало в астрономических явлениях, а Экипаж был оторван от астрономических явлений на многие поколения.

На контрольной панели перед Хью находились

единственные на Корабле действующие часы — но лишь очень не скоро он понял, для чего они и как связаны с остальными приборами. До тех пор пока он не понял этого, он не мог управлять Кораблем. Скорость и ее производные, ускорение и кривизна базируются на измеряемом времени.

Но когда две эти новые концепции были поняты, обдуманы, а древние книги перечитаны в свете нового знания, он стал, в очень ограниченном теоретическом понимании, астронавигатором.

Хью разыскивал Джо-Джима, чтобы задать ему вопрос. Головы Джо-Джима обладали очень проницательным умом, когда они давали себе труд задуматься; поскольку это случалось нечасто, братья оставались поверхностными дилетантами.

Нарби уже уходил. Для поддержания мира среди мутов Нарби и Джо-Джим должны были регулярно совещаться; к их обоюдному удивлению, они вполне поладили друг с другом. Нарби был умелым администратором, способным делегировать полномочия и не стоять попусту над душой; Джо-Джим удивил и порадовал Нарби тем, что оказался самым талантливым из всех, кто когда-либо был у него в подчинении. Они не испытывали друг к другу нежных чувств, но при-

знавали ум и заинтересованность, не уступавшие их собственным. В сумме — уважение и ревнивая высокомерная приязнь.

— Доброй еды, Капитан, — формально приветствовал Хью Нарби.

— А, привет, Хью, — ответил тот, потом снова повернулся к Джо-Джиму: — Тогда я буду ожидать отчета.

— Вы его получите, — согласился Джо-Джим. — Скрылись не больше нескольких десятков. Мы их либо выловим, либо уморим голодом.

— Я не помешал? — спросил Хью.

— Нет, я уже ухожу. Как продвигается великий труд, друг мой? — он раздражающе улыбнулся.

— Хорошо, хотя и медленно. Вам нужен отчет?

— Можешь не спешить. Да, кстати, я поставил запрет на Рубку и Главный Двигатель, фактически на весь уровень невесомости — запрет для всех, и для мутов, и для Экипажа.

— Вот как? Кажется, я понимаю. Не стоит туда ходить никому, кроме офицеров.

— Ты не понял. Это запрет для всех, включая офицеров. Кроме нас, конечно.

— Но… но… Так не пойдет. Единственный способ убедить остальных — это провести их наверх и показать звезды!

— Именно так я и думаю. Я не могу позволить смущать моих офицеров разными непривычными идеями, когда мне приходится укреплять правление. Это может породить религиозные разногласия и подорвать дисциплину.

Хью был так поражен и расстроен, что не сразу нашелся с ответом.

— Но, — сказал он наконец, — в этом-то и был смысл. Поэтому тебя и сделали Капитаном.

— И как Капитан я должен принимать окончательные политические решения. Вопрос закрыт. Вам не разрешено водить кого бы то ни было в Рубку или в другую область невесомости, пока я не посчитаю это целесообразным. Придется вам подождать.

— Это правильно, Хью, — заметил Джим. — Не стоит вносить путаницу, пока идет война.

— Объясните мне еще раз, — настаивал Хью. — Это временная политика?

— Можно сказать и так.

— Ну… хорошо, — сдался Хью. — Но постойте, нам с Эртцем нужно начинать готовить помощников.

— Очень хорошо. Перечислите мне их, и я выдам им пропуска. Кто у вас на примете?

Хью поразмыслил. На самом деле ему не нужны

были помощники; хотя в Рубке было полдесятка противоперегрузочных кресел, управлять Кораблем мог один человек, сидящий в кресле главного астронавигатора. То же относилось и к Эртцу с его Главным Двигателем, за исключением одного аспекта.

— А как же Эртц? Ему нужны носильщики, чтобы доставлять топливо к Главному Двигателю.

— Прекрасно. Я подпишу приказ. Проследи, чтобы носильщиков набрали из бывших мутов. Чтобы никто не проник в Рубку, кроме тех, кто там уже был.

Нарби повернулся и вышел с недовольным видом.

Хью посмотрел ему вслед, потом проговорил:

— Не нравится мне это, Джо-Джим.

— Почему? — спросил Джим. — Это разумно.

— Возможно. Но… черт побери! Мне почему-то кажется, что правда должна быть открыта для всех и в любое время! — он в раздражении взмахнул руками.

Джо-Джим странно посмотрел на него:

— Какая невероятная идея, — сказал Джо.

— Да, я знаю. Это не разумно, но мне кажется, что так должно быть. А, ладно, забудьте! Я не за этим пришел.

— Что ты еще придумал, парень?

— Смотрите, мы завершаем Путешествие, так? Наш Корабль сядет на планету, вот так… — он свел кулаки вместе.

— Так. Продолжай.

— И вот, когда это произойдет, *как мы выйдем из Корабля*?

Вопрос смутил близнецов, и они занялись пересудами. Наконец Джо перебил брата:

— Погоди, Джим. Будем логичными. Предполагается, что мы должны выйти — значит, должна быть дверь, так?

— Конечно.

— Здесь двери нет. Значит, она в области высокого веса.

— Но ее там нет, — возразил Хью. — Эта область хорошо известна. Там нет никакой двери. Она должна быть в стране мутов.

— В этом случае, — продолжал Джо, — она либо в том конце коридора, либо в другом. В том конце ее не может быть, потому что за отсеком Главного Двигателя только прочные переборки. Значит, она с другой стороны.

— Глупо, — заметил Джим. — Там Рубка и Капитанский мостик. И все.

— Да? А как насчет запертых кают?

— Это не дверь — там не может быть выхода наружу. За Рубкой мощная переборка.

— Нет, но что если через них можно пройти к двери?

— Даже если так, как ты их откроешь, а, умник?

— Что такое запертые каюты? — потребовал ответа Хью.

— Ты разве не знаешь? В той же стене, где вход в Главную Рубку, есть семь дверей. Мы не смогли открыть их.

— Возможно, это то, что мы ищем. Пойдемте посмотрим!

— Пустая трата времени, — ответил Джим.

Но они все же пошли.

Они взяли с собой Бобо, чтобы попробовать его чудовищную силу на этих дверях.

Но даже его узловатые мышцы не сдвинули с места рычаги, которые явно предназначались для открывания дверей.

— Ну? — фыркнул Джим. — Видите?

Джо пожал плечами.

— Ладно, ты победил. Пошли вниз.

— Подождите, — взмолился Хью. — Кажется, у второй двери ручка чуть повернулась. Попробуем еще раз.

— Боюсь, что все напрасно, — откликнулся Джим. Но Джо возразил: — Ну ладно, раз уж мы здесь.

Бобо снова попытался открыть, подставив плечо под рычаг и толкая вверх. Рычаг вдруг подался, но дверь не открылась.

— Сломал, — объявил Джо.

— Ага, — признал Хью. — Видимо, так. — И он положил руку на дверь.

Дверь легко распахнулась.

К счастью для троих друзей, она вела не в открытый космос — ведь ничто не предостерегало их против опасностей внешнего вакуума. Вместо этого короткий и узкий коридорчик привел их к другой, чуть приоткрытой двери. Петли заело, но Бобо легко ее высадил. Возможно, тот, кто последним выходил через эту дверь, оставил ее приоткрытой, чтобы металлические части не спаялись вместе за много лет.

Следующая дверь находилась в шести футах от предыдущей.

— Не понимаю, — пожаловался Джим, когда Бобо уперся в третью дверь. — Какой смысл в этой бесконечной последовательности?

— Подождем и посмотрим, — посоветовал ему брат.

Однако за третьей дверью находилось несколько кают, очень странных, необычных форм, маленьких, лепившихся друг к другу. Бобо рванулся вперед и обследовал все помещения, держа нож наготове. Хью и Джо-Джим медленно последовали за ним, зачарованные необычностью этого места.

Бобо вернулся, умело замедлив свой полет у переборки, и доложил:

— Двери нет. Больше двери нигде нет. Бобо смотреть.

— Должна быть, — настаивал Хью, злясь, что карлик уничтожил его надежды.

— Бобо смотреть, — карлик пожал плечами.

— Теперь мы посмотрим, — Хью и близнецы разошлись по помещению.

Хью не обнаружил двери, но то, что он обнаружил, своей невероятностью заинтересовало его еще больше. Он уже хотел было позвать Джо-Джима, когда услышал собственное имя:

— Хью! Иди сюда!

Он неохотно оставил свое открытие и разыскал братьев:

— Пойдемте посмотрим, что я нашел, — начал он.

— Неважно, — перебил его Джо. — Посмотри

лучше сюда.

Хью посмотрел. Это был Конвертор. Довольно маленький, но, без сомнения, Конвертор.

— Бессмыслица, — возмутился Джим. — В помещении такого размера не нужен Конвертор. Эта штука могла бы снабдить энергией половину Корабля. Что ты об этом думаешь, Хью?

Хью осмотрел Конвертор.

— Я не знаю, — признал он. — Но если вы считаете странной штукой *это*, пойдемте посмотрим, что нашел я.

Последовав за Хью, близнецы увидели небольшое помещение, одна стена которого была, видимо, сделана из черного стекла, так как за ней ничего не было видно. Напротив этой стены рядом стояли два противоперегрузочных кресла. Подлокотники кресел и панели перед ними были покрыты узором из маленьких светящихся лампочек, похожих на то, что они видели на креслах в Главной Рубке.

Джо промолчал, Джим только присвистнул. Они уселись в одно из кресел и стали осторожно экспериментировать с лампочками. Хью сел рядом. Джо-Джим накрыл группу белых огоньков на правом подлокотнике; все лампы в помещении

погасли. Когда он поднял руку, крошечные огоньки были голубыми, а не белыми, как раньше. Ни Джо-Джим, ни Хью не удивились происходящему; ведь эта панель управления была подобна такой же панели в Рубке.

Джо-Джим попытался вызвать изображение звездного неба на пустое стекло перед собой. Это ему не удалось. Он не понял, что стекло было не экраном, а настоящим окном, затемненным собственно оболочкой Корабля.

Однако что-то включилось; это что-то оказалось надписью «Запуск». Джо-Джим не обратил внимание на надпись, потому что не понял ее. Никакого особого результата не последовало, только быстро замигал красный огонек и появилась новая надпись: «Шлюз открыт».

Джо-Джиму, Хью и Бобо очень повезло. Если бы они закрыли за собой двери и если бы в малом Конверторе было хоть несколько граммов массы, их бы выбросило прямо в космос на этой шлюпке, неприспособленной для долгого путешествия, знаки на панели управления которой они все еще очень смутно понимали. Возможно, им бы и удалось завести шлюпку обратно в гнездо; но более вероятно, что они бы разбились при попытке сделать это.

Но Хью и Джо-Джим все еще не знали, что «помещение», где они оказались, было космическим судном; такая мысль еще не могла прийти им в голову.

— Включи свет, — попросил Хью. Джо-Джим включил. — Ну? Что вы думаете об этом?

— Совершенно очевидно, что это другая Рубка, — ответил Джим. — Мы не догадывались, что она здесь есть, потому что не могли открыть дверь.

— Бессмысленно, — снова произнес Джо. — Зачем на одном Корабле две Рубки?

— Зачем одному человеку две головы? — возразил его брат. — С моей точки зрения, ты явно лишний.

— Это не одно и то же; мы так родились. А *это* не случайность — Корабль ведь *строили*.

— Ну и что? — возразил Джим. — У нас ведь два ножа, так? А мы с ними не родились. Просто хорошо иметь что-нибудь про запас.

— Но отсюда нельзя управлять Кораблем, — заметил Джо. — Отсюда ничего не видно. Если бы нужен был второй набор панелей управления, его бы поместили на Капитанском мостике. Откуда видно звезды.

— А это что? — спросил Джим, указывая на

стеклянную стену.

— Подумай головой, — посоветовал брат. — Она смотрит не в ту сторону. Она повернута внутрь Корабля, а не наружу. И устроено все не так, как в Рубке; нечем отражать звезды на эту поверхность.

— Может быть, мы просто еще не во всем разобрались.

— Даже если так, ты кое о чем забыл. Как насчет маленького Конвертора?

— А что насчет него?

— Он должен иметь какое-то предназначение. Он здесь не случайно. Могу поспорить, что вот эти огоньки как-то с ним связаны.

— Почему?

— А почему бы и нет? Зачем они здесь?

Хью нарушил озадаченное молчание. Все, что говорили близнецы, кажется, имело какой-то смысл, даже их возражения. Что-то смущало его. Этот Конвертор, маленький Конвертор…

— Слушайте! — выпалил он.

— Что?

— А что если… Вдруг эта часть Корабля движется?

— Ну да. Весь Корабль движется.

— Нет, нет, я совсем не то имею в виду. Вдруг она

движется сама по себе? Тут есть панели управления и маленький Конвертор — возможно, она может *двигаться* отдельно от Корабля.

— Совершенно невероятно.

— Вполне вероятно… Если это так, *то это и есть выход*.

— Что? — сказал Джо. — Ерунда. Здесь тоже нет двери наружу.

— Но она появится, если эта часть отделится от Корабля — мы вошли сюда через нее!

Две головы разом повернулись к нему, будто их дернули за одну и ту же веревочку. Потом они взглянули друг на друга и начали спорить. Джо-Джим повторил свой эксперимент с панелью управления.

— Видишь? — говорил Джо. — «Запуск». Это означает «начать что-то», «заставить двигаться».

— Тогда почему же ничего не движется?

— «Шлюз открыт». Это, видимо, та дверь, через которую мы вошли. Все остальное закрыто.

— Давай попробуем закрыть.

— Сначала придется запустить Конвертор.

— Хорошо.

— Не так быстро. Вдруг мы выйдем и не сможем зайти обратно. Умрем от голода.

— Хм-м… лучше подождать.

Хью слушал их спор, обследуя панели управления и пытаясь в них разобраться. Под крышкой стола обнаружился ящичек; он пошарил в нем и что-то нашел.

— Посмотрите!

— Что такое? — спросил Джо. — А, книга. Там, в комнате рядом с Конвертором, их полно.

— Давай посмотрим, — предложил Джим.

Но Хью уже открыл ее и начал читать:

Вахтенный журнал,
Космический Корабль «Авангард».
2 июня 2172 г. Полет нормальный…

— Что? — завопил Джо. — Дай-ка сюда!

3 июня. Полет нормальный.
4 июня. Полет нормальный. Совещание у Капитана по вопросу награждений и взысканий в 13.00, см. Бортовой журнал.
5 июня. Полет нормальный…

— Дай сюда!

— Подожди!

6 июня. В 04.31 начался бунт. Вахта узнала об этом по видеофону. Унтер-офицер

Хафф вышел на связь с рубкой и приказал вахте сдаться, называя себя «капитаном». Вахтенный офицер приказал ему считать себя арестованным и сообщил в каюту Капитана. Ответа не было.

04.35. Связь прервана. Вахтенный офицер выслал наряд из трех человек, чтобы известить Капитана и помочь в аресте Хаффа.

04.41. Конвертор не дает энергии; свободный полет.

05.02. Унтер-офицер Лейси, посланный в составе группы из трех человек вниз, вернулся один. Устно доложил, что двое других, Малькольм Янг и Артур Сирс, мертвы, а ему разрешили вернуться, чтобы предложить вахте сдаться. Бунтовщики назначили крайний срок 05.15.

Следующая запись была сделана другой рукой:

05.45. Я приложил все усилия к тому, чтобы установить связь с другими службами и офицерами Корабля, но безуспешно. В данных обстоятельствах считаю своим долгом оставить пульт управления без приказа и попытаться восстановить

внизу порядок. Возможно, это ошибочное решение, ведь мы не вооружены, но я не знаю, что еще предпринять. Джин Болдуин, пилот третьего класса, вахтенный офицер.

— Это все? — спросил Джо.
— Нет, — ответил Хью.

1 октября (примерно) 2172 г. Я, Теодор Маусон, бывший рядовой службы снабжения, был сегодня выбран Капитаном «Авангарда». Со времени последней записи в этом журнале произошли огромные изменения. Смута была подавлена, или скорее умерла, однако трагической ценой. Погибли или считаются погибшими все пилоты и инженеры. Меня не выбрали бы Капитаном, если бы остался хоть один специалист.

Примерно девяносто процентов персонала мертвы. Не все они погибли в первой стычке; после смуты не был выращен урожай; запасы продовольствия подходят к концу. Среди несдавшихся смутьянов, похоже, начинается людоедство.

Сейчас моя первейшая задача — вос-

становить хоть какое-то подобие порядка и дисциплины среди Экипажа. Нужно посадить злаки. Необходимо наладить постоянную вахту у дополнительного Конвертора, который поставляет нам все тепло, свет и энергию.

Следующая запись была без даты.

«Я слишком занят, чтобы аккуратно вести этот журнал. Честно говоря, я не знаю даже приблизительной даты. Часы на Корабле больше не работают. Возможно, причина этого в неправильных действиях с дополнительным Конвертором, возможно, в излучении из космоса. Антирадиационной защиты вокруг Корабля больше нет, потому что не работает Главный Конвертор. Главный Инженер утверждает, что его можно запустить, но у нас нет астронавигатора. Я попытался разобраться в книгах, но математика слишком сложна.

Примерно один из двадцати новорожденных имеет отклонения в развитии. Я ввел спартанский кодекс — таким детям не дают права на жизнь. Это сурово, но

необходимо».

«Я уже совсем стар и слаб и должен подумал о преемнике. Я последний член команды, рожденный на Земле, но и я мало что помню — мне было пять лет, когда родители взошли на борт. Я не знаю своего возраста, но некоторые признаки говорят, что недалеко то время, когда и я отправлюсь в свое Путешествие в Конвертор.

С моими людьми происходит странная перемена. Поскольку они никогда не жили на планете, с течением времени им все труднее понять что-либо, не связанное с Кораблем. Я перестал говорить с ними об этом — в любом случае это не милосердно, ведь я не могу надеяться вывести их из тьмы. Их жизнь и так трудна; они выращивают урожай, а его разворовывают преступники, все еще процветающие на верхних палубах. Зачем же возбуждать бесплодные мечты?

Вместо того чтобы передать журнал своему преемнику, я думаю, будет лучше попытаться спрятать его в единственной шлюпке, оставленной сбежавшими

смутьянами. Там он спокойно пролежит долгое время — иначе какой-нибудь безголовый кретин может использовать его как топливо для Конвертора. Я поймал вахтенного, скармливающего Конвертору последний том из серии „Энциклопедия Земли“ — бесценные книги. Этого идиота никогда не учили читать! Надо издать какой-нибудь закон о книгах».

«Это моя последняя запись. Я откладывал попытку спрятать этот журнал, потому что подниматься выше самых низких уровней очень опасно. Но теперь моя жизнь не имеет ценности; я хочу умереть, зная, что останется правдивая запись.

Теодор Маусон, капитан».

Даже близнецы долго молчали, когда Хью закончил чтение. Наконец Джо тяжело вздохнул и сказал:

— Так вот как это случилось.

— Бедняга, — вздохнул Хью.

— Кто? Капитан Маусон? Почему?

— Нет, не Капитан Маусон. Другой, пилот Болдуин. Только представь, он выходил в дверь, зная,

что за ней Хафф — Хью содрогнулся. Несмотря на свою просвещенность, он все еще подсознательно представлял себе Хаффа, «Проклятого Хаффа, первого из согрешивших», как существо вдвое выше Джо-Джима, вдвое сильнее Бобо и с клыками вместо зубов.

Хью взял у Эртца пару носильщиков из тех, которых тот использовал для переноски тел погибших в боевых стычках к Конвертору. Хью же использовал их, чтобы экипировать шлюпку. Туда доставили воду, хлеб, мясные консервы, массу для Конвертора. Об этом он не стал докладывать Нарби, как и о находке шлюпки вообще. Этому не было разумного объяснения — просто Нарби ему не нравился.

Их звезда становилась все больше и больше. Наконец стал виден диск, и на нее уже невозможно было долго смотреть из-за ее яркости. Ее пеленг быстро (для звезды) менялся; она ползла по нижней части небесного свода. Без управления Корабль облетел бы вокруг нее по широкой дуге и снова скрылся в глубинах тьмы. Хью много недель вычислял элементы траектории; еще дольше Эртц и Джо-Джим проверяли его результаты и привыкали к тому, что эти нелепые цифры верны. Еще больше времени потребовалось

на то, чтобы убедить Эртца, что для перемены своего положения в космосе нужно приложить усилие, которое оттолкнет тебя в другую сторону от того места, куда хочешь попасть, — как будто упираешься каблуками, нажимаешь на тормоза, гасишь инерцию.

Только целая серия экспериментов в невесомости позволила убедить Эртца — иначе он завершил бы Путешествие, на полной скорости врезавшись в звезду. Затем Хью и Джо-Джим рассчитывали, как приложить ускорение, чтобы погасить скорость «Авангарда» и направить его по эксцентрическому эллипсу вокруг звезды. После этого они должны будут заняться поиском планет.

Эртцу не сразу удалось понять разницу между звездой и планетой. Алану это вовсе не удалось.

— Если мои расчеты верны, — сообщил Хью Эртцу, — мы теперь должны начать ускорение.

— Хорошо, — ответил Эртц, — Главный Двигатель готов — больше двухсот тел и еще куча неиспользованной массы. Чего же мы ждем?

— Надо встретиться с Нарби и получить разрешение начать.

— Зачем его спрашивать?

Хью пожал плечами.

— Он Капитан. Ему нужно знать.

— Ладно. Давай захватим Джо-Джима и сходим.

Они отправились в каюту Джо-Джима. Того не было, зато они увидели Алана, тоже разыскивающего его.

— Коренастый сказал, что он ушел к Капитану, — сообщил Алан.

— Вот как? Тем лучше — встретим его там. Алан, старик, знаешь, что я тебе скажу?

— Что?

— Время пришло. Мы сделаем это! Мы сдвинем Корабль!

Алан округлил глаза.

— Ну?! Прямо сейчас?

— Как только сообщим Капитану. Пойдем с нами, если хочешь.

— Еще бы! Только скажу жене, — он побежал к себе домой.

— Балует свою старуху, — заметил Эртц.

— Иногда это получается само собой, — сказал Хью с отсутствующим видом.

Алан скоро вернулся, хотя было видно, что он надел чистые штаны.

— Хорошо, — радостно сказал он. — Пошли!

Алан подходил к кабинету Капитана гордой

походкой. Сейчас он был важной персоной. Он представлял себе, как прошагает со своими друзьями мимо стражника, отдающего им честь, и больше никто не будет толкать и унижать его.

Однако стражник не отодвинулся, хотя честь и отдал. Он загородил дверь.

— В сторону, парень! — мрачно сказал Эртц.

— Да, сэр, — ответил страж, не двигаясь с места. — Ваше оружие, пожалуйста.

— Что? Ты что, не узнал меня, дурак? Я Главный Инженер.

— Да, сэр. Оставьте оружие здесь, пожалуйста. Правила.

Эртц толкнул стражника в плечо. Тот устоял.

— Извините, сэр. Никто не должен приближаться к Капитану с оружием. Никто.

— Черт побери!

— Он не забыл судьбы прежнего Капитана, — тихо произнес Хью. — Он умен.

Он вытащил свой нож и бросил его стражнику. Тот аккуратно поймал нож за рукоятку. Эртц взглянул, пожал плечами и отдал свой нож. Алан, совершенно упавший духом, передал свой нож, наградив стражника таким взглядом, который вполне мог сократить тому жизнь.

Нарби что-то говорил; Джо-Джим хмурился

обоими своими лицами; Бобо выглядел очень озадаченным и каким-то обнаженным, незаконченным без своих многочисленных ножей и пращи.

— Вопрос закрыт, Джо-Джим. Таково мое решение. Я согласился объяснить тебе свои соображения, но мне безразлично, нравятся они тебе или нет.

— В чем дело? — спросил Хью.

Нарби взглянул на них:

— О, я рад, что вы зашли. Ваш друг мут, кажется, сомневается, кто здесь Капитан.

— А что случилось?

— Он, — прорычал Джим, тыча пальцем в сторону Нарби, — кажется, считает, что сможет разоружить мутов.

— Ну, война ведь окончена, не так ли?

— Такой договоренности не было. Муты должны были стать частью Экипажа. Заберите у них ножи, и Экипаж убьет их всех в мгновение ока. Это несправедливо. У Экипажа ведь есть ножи.

— Придет день, когда не станет, — предсказал Нарби, — но я сделаю это, когда посчитаю нужным и как посчитаю нужным. Это первый шаг. С чем ты пришел, Эртц?

— Спросите Хью. — Нарби повернулся к Хью.

— Я пришел сообщить вам, Капитан, — официально заявил тот, — что мы собираемся запустить Главный Конвертор и начать движение Корабля.

Нарби был, казалось, удивлен, но не обеспокоен.

— Боюсь, что с этим придется повременить. Я еще не готов разрешить офицерам подняться на уровень невесомости.

— В этом нет необходимости, — объяснил Хью. — Мы с Эртцем можем провести первые маневры самостоятельно. Но ждать нельзя. Если не начать двигать Корабль сейчас, Путешествие не завершится в течение нашей с вами жизни.

— В таком случае, — ровно произнес Нарби, — это подождет.

— Что? — вскричал Хью. — Нарби, неужели ты не хочешь завершить Путешествие?

— Я никуда не тороплюсь.

— Что за чертова ерунда? — требовательно спросил Эртц. — Что на тебя нашло, Фин? Разумеется, мы должны начать двигать Корабль.

Прежде чем ответить, Нарби побарабанил по столу. Потом он произнес:

— Поскольку здесь, кажется, назревает легкое непонимание того, кто именно отдает приказы на Корабле, я могу сказать вам об этом прямо.

Хойланд, до тех пор пока твое времяпрепровождение не мешало управлять Кораблем, я разрешал тебе развлекаться. Я делал это с радостью, потому что ты по-своему был полезен. Но если твои сумасшедшие идеи становятся возможным источником падения нравов и угрозой миру и безопасности Корабля, то я вынужден положить этому конец.

Во время этой речи Хью несколько раз открывал и закрывал рот. Наконец ему удалось произнести:

— Сумасшедшие? Ты сказал «сумасшедшие»?

— Да. Если человек верит, что неподвижный Корабль способен двигаться, то либо он сумасшедший, либо невежественный религиозный фанатик. Поскольку вы оба все-таки получили подготовку как ученые, то я считаю, что вы потеряли разум.

— Джордан правый! — сказал Хью. — Человек своими собственными глазами видел бессмертные звезды — и может сидеть здесь и говорить, что мы сумасшедшие!

— Что все это значит, Нарби? — холодно спросил Эртц. — К чему этот шум? Ты никого не обманешь — ты был в Рубке, был на Капитанском мостике, ты знаешь, что Корабль движется.

— Очень интересно, Эртц, — произнес Нарби, оглядывая его. — Я все размышлял, подыгрываешь ты заблуждениям Хойланда или сам заблуждаешься. Теперь я вижу, что ты тоже сумасшедший.

Эртц сдержался.

— Объяснись. Ты видел Рубку; как ты можешь утверждать, что Корабль неподвижен?

Нарби улыбнулся.

— Я думал, ты более знающий инженер, Эртц. Рубка — это большая мистификация. Ты сам знаешь, что эти огоньки можно включать и выключать — очень интересное изобретение. Я считаю, что оно использовалось, чтобы вселить священный ужас в невежд и заставить их поверить в древние мифы. Но нам это больше не нужно, вера Экипажа и без того сильна. Теперь это источник разногласий — и я собираюсь разрушить Рубку и запечатать дверь.

Хью от всего этого совершенно потерял голову, начал бессвязно угрожать и схватился бы с Нарби, если бы Эртц не сдержал его. Джо-Джим взял Хью за руку, оба лица его были похожи на каменные маски.

Эртц спокойно сказал:

— Предположим, ты прав. Предположим, что

и Главный Конвертор, и Главный Двигатель — не что иное, как подделки, и мы никогда не сможем запустить их. Но как же Капитанский мостик? Там ты видел настоящие звезды, а не изображения.

Нарби пожал плечами.

— Эртц, ты еще глупее, чем я думал. Признаюсь, представление на мостике и меня сначала поразило, хотя я и не поверил в эти звезды. Но Рубка подсказала — это иллюзия, сложная инженерная игрушка. За стеклом находится еще одно помещение, примерно такого же размера, но не освещенное. На фоне темноты эти крошечные движущиеся огоньки производят впечатление бездонного пространства. Тот же самый трюк, что и в Рубке.

— Это же очевидно, — продолжал он. — Я удивлен, что вы этого не видите. Когда очевидный факт противоречит логике и здравому смыслу, очевидно, что вы просто не смогли правильно интерпретировать этот факт. Очевиднейший факт природы — это реальность самого Корабля, прочного, недвижного, совершенного. Любой так называемый факт, который вроде бы противоречит этому, есть иллюзия. Зная это, я стал искать подвох и нашел его.

— Подожди, — сказал Эртц. — Ты хочешь сказать, что побывал за стеклом Капитанского мостика и увидел эти фальшивые огоньки, о которых ты толкуешь?

— Нет, — признал Нарби, — в этом нет необходимости. Без сомнения, сделать это будет достаточно просто, но это не нужно. Не надо резать себя, чтобы понять, что нож острый.

— Вот как… — Эртц остановился на минутку, размышляя. — Я хочу заключить с тобой сделку. Если мы с Хью сошли с ума с нашей верой, от этого не будет никакого вреда, пока мы держим рты на замке. Мы попробуем сдвинуть Корабль. Если это не удастся, значит, ты прав, а мы ошибались.

— Капитан не торгуется, — указал Нарби. — Тем не менее — я подумаю. Это все. Можете идти.

Эртц повернулся к выходу, но заметил выражение лиц Джо-Джима и остановился.

— Еще одно, — сказал он. — Что тут насчет мутов? Почему ты давишь на Джо-Джима? Он и его ребята сделали тебя Капитаном — ты должен проявить справедливость.

Нарби на миг сбросил свою улыбчивую снисходительность.

— Не вмешивайся, Эртц! Нельзя терпеть банды вооруженных дикарей. Это окончательное

решение.

— С пленными можешь делать, что хочешь, — заявил Джо-Джим, — но мои ребята должны сохранить ножи. Им обещали добрую еду, если они сражаются за тебя. Они сохранят ножи. Это окончательное решение!

Нарби смерил его взглядом.

— Джо-Джим, — заметил он. — Я долго верил, что хороший мут — это мертвый мут. Ты сильно укрепляешь меня в этом мнении. Тебе будет интересно узнать, что сейчас твоя банда уже разоружена и перебита. Поэтому я и послал за тобой!

Вошли стражники по сигналу или так было условленно заранее — неизвестно. Застигнутые врасплох, пятеро безоружных друзей обнаружили за спиной по вооруженному громиле.

— Уведите их, — приказал Нарби.

Бобо взвыл и взглянул на Джо-Джима, ожидая приказаний.

— Давай, Бобо, — сказал Джо.

Карлик, не думая о ноже, упиравшемся в его спину, прыгнул прямо на стражника, стоявшего за спиной Джо-Джима. Вынужденный разделить внимание, тот потерял драгоценные полсекунды. Джо-Джим ударил его ногой в живот и завла-

дел ножом. Хью придавил к полу стражника и выкручивал нож. Джо-Джим сделал последний выпад. Двухголовый монстр огляделся и увидел кучу-малу из четырех тел — Эртца, Алана и двух их стражников. Джо-Джим вдумчиво работал ножом, следя за тем, чтобы не перепутать тела. Наконец все было кончено.

— Заберите их ножи, — велел Джо-Джим.

Его слова потонули в нечеловеческом вое. Бобо, у которого все еще не было ножа, воспользовался своим естественным оружием. Лицо его стражника, наполовину откушенное, превратилось в кровавое месиво.

— Забери его нож, — приказал Джо.

— Не могу достать, — виновато признался Бобо. Причина этого была очевидна — рукоятка ножа торчала у него между ребер, прямо из-под правой ключицы.

Джо-Джим осмотрел место ранения, осторожно дотронулся до ножа. Он сидел прочно.

— Идти можешь?

— Ну да, — проворчал Бобо и поморщился.

— Оставим нож там, где он есть. Алан! Со мной. Хью и Билл — прикрывайте тыл. Бобо в середине.

— А где же Нарби? — спохватился Эртц, ощупы-

вая царапину у себя на скуле.

Нарби исчез — улизнул через потайную дверь позади стола, заперев ее за собой.

Клерки разбегались от них по приемной. Джо-Джим заколол стражника у внешней двери, когда тот еще поднимал свисток. Друзья быстро разобрали свое оружие, присоединив его к захваченному, и побежали наверх.

Через две палубы после последней заселенной Бобо споткнулся и упал. Джо-Джим поднял его.

— Сможешь продержаться?

Карлик молча кивнул, на губах его выступила кровь. Они полезли дальше. Еще через двадцать палуб стало очевидно, что Бобо не сможет больше идти, хотя они по очереди поддерживали его. Однако вес уже сильно уменьшился. Алан поднял Бобо, как ребенка, и они двинулись дальше.

Джо-Джим сменил Алана.

Эртц сменил Джо-Джима. Хью сменил Эртца.

Они достигли уровня, где жили раньше, и Хью повернул в направлении их комнаты.

— Положи его, — скомандовал Джо. — Куда ты направился?

Хью устроил раненого на полу.

— Домой. Куда же еще?

— Дурак! Здесь нас в первую очередь будут

искать.

— А куда же нам идти?

— Никуда — на Корабле. Выйдем из корабля!

— Что?

— На шлюпке.

— Он прав, — согласился Эртц. — Теперь весь Корабль против нас.

— Но… но… — Хью подчинился. — Шансы ничтожны — но стоит рискнуть.

Он снова двинулся в направлении дома.

— Эй! — крикнул Джим. — Не туда.

— Нужно забрать женщин.

— К Хаффу женщин! Вас поймают. Нет времени.

Но Эртц и Алан последовали за Хью.

— Ну и ладно! — фыркнул Джим. — Но поторопитесь! Я останусь с Бобо.

Джо-Джим уселся, положил голову Бобо себе на колени и тщательно осмотрел его. Кожа была влажной и серой; длинная алая дорожка бежала с правого плеча. Бобо прерывисто вздохнул и потерся головой о бедро Джо-Джима.

— Бобо устал, хозяин.

Джо-Джим погладил его по голове.

— Потерпи, — сказал Джим. — Будет больно.

Чуть приподняв раненого, он осторожно взялся

за нож и выдернул его. Хлынула кровь.

Джо-Джим осмотрел нож, отметил смертельную длину лезвия и прикинул к ране.

— Он не вытянет, — прошептал Джо.

Джим взглянул на него:

— Тогда?..

Джо медленно кивнул. Джо-Джим потрогал лезвие вынутого из раны ножа и взял один из своих, острый, как бритва. Он взял карлика за подбородок левой рукой, и Джо скомандовал:

— Посмотри на меня, Бобо!

Бобо посмотрел, беззвучно прошептав что-то. Джо смотрел ему прямо в глаза.

— Хороший Бобо! Сильный Бобо!

Карлик ухмыльнулся, будто услышал и понял, но не попытался ответить. Хозяин чуть повернул его голову; лезвие вонзилось глубоко, взрезав сонную артерию, но не задев гортань.

— Хороший Бобо! — повторил Джо. Бобо снова ухмыльнулся.

Когда глаза его остекленели, а дыхание совершенно прекратилось, Джо-Джим положил тело к стене и взглянул в направлении, куда ушли остальные. Им уже пора было вернуться.

Он засунул лезвие милосердия в ножны. Убедился, что оружие в порядке.

Остальные вернулись бегом.

— Небольшая заминка, — объяснил Хью, задыхаясь. — Коренастый мертв. Никого из твоих не видно. Возможно, их перерезали — похоже, Нарби не соврал. Вот…

Он протянул Джо-Джиму длинный нож и доспех, сделанный специально для него — с широкой стальной клеткой вместо шлема, покрывающей обе головы.

Эртц и Алан были в доспехах, Хью тоже. Для женщин доспехов не делали. Джо-Джим отметил, что у младшей жены Хью только что разбита губа — видимо, аргумент попался весомый. Ее глаза метали молнии, хотя внешне она сохраняла покорность. Старшая, Хлоя, кажется, считала происходящее вполне естественным. Жена Эртца тихонько плакала; женщина Алана была в такой же растерянности, что и он сам.

— Как Бобо? — спросил Хью, прилаживая доспех Джо-Джима.

— Отправился в Путешествие, — сообщил Джо.

— Вот как? Ну что ж — пора идти.

Они быстро дошли до уровня невесомости. Тут пришлось замедлиться — женщины не умели двигаться в таких условиях. Они добрались до переборки, отделяющей Рубку со шлюпками

от Корабля, и принялись подниматься. Они не встретили никакой засады, хотя Джо показалось, что он заметил чью-то мелькнувшую голову на одной из палуб. Он шепнул об этом брату. Остальным они ничего не сказали.

Дверь в шлюпочный отсек заклинило, а Бобо уже не было с ними. Все приложились по очереди, обливаясь потом от напряжения. Снова взялся Джо-Джим, причем Джо расслабился, чтобы не мешать Джиму напрягать мышцы. Дверь подалась.

— Все внутрь! — рявкнул Джим.

— Быстро! — скомандовал Джо. — Они приближаются. — Пока его брат трудился, он оглядывался по сторонам. Крик снизу подтвердил его опасения.

Близнецы обернулись, чтобы встретить опасность лицом к лицу. Мужчины забивали своих женщин в двери. Бестолковая подруга Алана вдруг потеряла выдержку, завизжала и попыталась убежать, но ее подвела невесомость. Хью схватил ее, втолкнул внутрь и от души приложил ногой. Джо-Джим метнул нож, чтобы задержать преследователей. Он достиг цели; полдесятка наступающих приостановились. Потом, явно по сигналу, в воздух взвилось сразу пять ножей.

Джим почувствовал удар, но боли не было. Он решил, что доспех уберег его.

— Промазали, Джо, — порадовался он.

Ответа не было. Джим повернул голову, чтобы взглянуть на брата. В нескольких дюймах от его лица сквозь прутья решетки торчал нож. Лезвие глубоко засело в левом глазу Джо.

Брат был мертв.

Выглянул Хью.

— Давай, Джо-Джим, — заорал он. — Все внутри.

— Зайди внутрь, — велел Джим. — Закрой дверь.

— Но…

— Заходи! — Джим повернулся и втолкнул Хью внутрь, закрыв за ним дверь. Хью успел заметить нож, торчащий из безжизненно склоненной головы. Потом дверь перед ним затворилась, и он услышал лязг рычага.

Джим повернулся к атакующим. Оттолкнувшись от переборки уже непослушными ногами, он полетел навстречу врагам, обеими руками сжимая свой чудовищный клинок. В его сторону летели ножи, ударялись в стальную броню на груди, впивались в ноги. Он размахнулся и развалил почти пополам первого противника.

— Это за Джо!

Удар отбросил его. Он перевернулся в воздухе, нашел равновесие и снова ударил.

— Это за Бобо!

Его окружили; он яростно дрался, не обращая внимания, куда бьет его клинок, лишь бы находил цель.

— А это за меня!

Нож воткнулся ему в бедро. Он не замедлил движения; ноги не имели значения в невесомости.

— Один за всех!

На плечах повис человек — он чувствовал его. Неважно — перед ним тоже был враг, который ждал удара. Замахиваясь, Джим прокричал:

— Все за одно… — он не успел досказать, но успел ударить…

Хью попытался открыть дверь, захлопнувшуюся перед его лицом. Ему это не удалось — если он и мог ее открыть, то не знал, как. Он прижал ухо к стали и прислушался, но шлюзовая дверь не пропускала ни звука.

Эртц дотронулся до его плеча.

— Пойдем, — сказал он. — Где Джо-Джим?

— Он остался там.

— Что? Открой дверь!

— Не открывается. Он сам решил остаться, он

захлопнул дверь у меня перед носом.

— Надо спасти его — мы ведь кровные братья.

— Я думаю, — сказал Хью, внезапно озаренный догадкой, — я знаю, почему он остался. — И он рассказал Эртцу, что видел.

— В любом случае, — завершил он, — для него это Конец Путешествия. Иди назад и загрузи массу в Конвертор. Мне нужна энергия. — Они вошли в шлюпку; Хью закрыл за собой воздушный шлюз.

— Алан! — позвал он. — Мы стартуем. Пусть женщины не путаются под ногами.

Он уселся в кресло пилота и выключил свет.

В темноте он накрыл ладонью узор из зеленых лампочек. На подлокотнике высветилась надпись: «Двигатель готов». Эртц делал свое дело. Вот оно! — подумал Хью и активизировал комбинацию запуска. Короткая пауза — потом быстрый, вызывающий тошноту крен — и поворот. Это напугало его, ведь он не знал, что траектория запуска была построена так, чтобы погасить обычное вращение Корабля.

Стекло перед его глазами было теперь испещрено точками звезд; и они двигались — они были свободны!

Но не все пространство было равномерно за-

полнено звездами, как это всегда виделось с Капитанского мостика или из Рубки. Теперь огромная, гигантская, неуклюжая масса мягко блестела под светом звезды, в чью систему они уже вступили. Сначала он не мог понять, что это. Потом с суеверным ужасом вдруг осознал, что смотрит на сам Корабль, настоящий Корабль, снаружи. Несмотря на то что долгое время он умом знал, что такое Корабль, он никогда и представить себе не мог, что будет смотреть на него. Можно видеть звезды, внешнюю поверхность планет — эту концепцию он воспринял с трудом, — но не внешнюю поверхность Корабля.

Зрелище привело его в шок.

Алан дотронулся до его руки:

— Хью, что это?

Хью попытался объяснить. Алан затряс головой и заморгал.

— Я не понимаю.

— Ничего. Позови сюда Эртца. И приведи женщин — пусть посмотрят.

— Хорошо. Но, — добавил он со здравой интуицией, — не надо показывать это бабам. Они только испугаются — они ведь и звезд никогда не видели.

Удача, умное инженерное решение и немного

знаний. Гениальное инженерное решение, большая удача и совсем мало знаний. Удачей было то, что Корабль оказался вблизи звезды с планетной системой, что Корабль приблизился к ней с такой небольшой скоростью и Хью смог противостоять ей на своем крошечном судне, что он научился управлять этим судном раньше, чем они умерли от голода или затерялись в открытом космосе.

Благодаря гениальным инженерным решениям маленькое суденышко обладало огромным запасом энергии и скорости. Создатели предполагали, что первопроходцам может понадобиться исследовать отдаленные планеты звездных систем. Они заложили такую возможность в шлюпки Корабля, обеспечив их значительным резервом безопасности. Хью почти исчерпал этот резерв.

Им повезло, что они оказались вблизи плоскости планетной орбиты, что когда Хью удалось направить крошечный кораблик вокруг солнца, он двинулся по орбите в ту же сторону, что и планеты.

Повезло, что эксцентрическая орбита, на которой они оказались, постепенно вынесла их ближе к гигантской планете, которую он смог визуально отличить от звезд.

Большинство землян в силу геоцентристских и антропоцентристских представлений совершает одну ошибку. Они воображают планетарную систему стереоскопически. Они рисуют мысленным взором солнце в отдалении от россыпи звезд, окруженное вращающимися шариками — планетами. Выйдите на балкон и посмотрите. Можете ли вы отличить звезду от планеты? Венеру найти легко, но отличите ли вы ее от Канопуса, если не знали его раньше? Та маленькая красная точка — это Марс или Антарес? Как узнать, если вы невежественны, как Хью Хойланд? Рванете к Антаресу, думая, что это планета, и внуков у вас не будет.

Они медленно подползали к планете. Наконец она превратилась в видимый невооруженным глазом диск. Огромная, как Юпитер, она величественно кружила вокруг своего светила. Несколько суток Хью тормозил шлюпку. Наконец он достаточно приблизился к планете и заметил ее спутники.

Удача снова оказалась на его стороне. Он собирался, за неимением лучшего, сесть на гигантскую планету. Осуществи он свой план, и они дожили бы только до открытия люка.

Но ему не хватало массы, ведь они выполнили

титаническую задачу, сходя с гиперболической траектории, ведущей мимо звезды, и выходя на внутреннюю орбиту сначала вокруг звезды, затем вокруг огромной планеты. Хью корпел над древними книгами, бесконечно решая уравнения, освящающие законы движения небесных тел. Он вычислял и перепроверял, и наконец вывел из терпения даже спокойную Хлою.

Вторая его жена, безымянная, после потери зуба держалась от него в стороне.

По всем уравнениям выходило, что даже разденься они догола и выброс ножи, ему придется потратить на топливо по крайней мере нескольких драгоценных, незаменимых древних книг.

Он предпочел бы расстаться с одной из своих жен.

И он решил сесть на одну из лун.

И снова удача. Совпадение настолько маловероятное, что можете в него не верить, — но спутник оказался пригодным для жизни людей. Не хотите — не верьте; возникновение нашей собственной планеты настолько же маловероятно. Это просто редкостная случайность.

Удача Хью оказалась такой же редкостной случайностью.

На следующем этапе вновь помог гений созда-

телей корабля. Хотя Хью и научился управлять своим суденышком в космосе, где есть место для маневра, посадка — совсем другое и очень непростое дело. Он неминуемо разбил бы любое судно, созданное до «Авангарда». Но создатели корабля знали, что шлюпкой будет управлять по крайней мере второе поколение астронавтов. Неумелым пилотам придется летать без посторонней помощи. Древние инженеры учли это.

Хью ввел шлюпку в стратосферу и победоносно направил ее по гибельному курсу.

Автопилот перехватил управление.

Хью бушевал и ругался такими словами, которые переключили на себя восторженное внимание Алана, до того созерцавшего звездное небо за иллюминатором. Но что бы он ни делал, судно не реагировало. Оно двигалось своим курсом, выровнялось на высоте в тысячу футов и не меняло ее, несмотря на усилия Хью.

— Звезды пропали!

— Я знаю.

— Но Джордан! Хью, что с ними случилось?

Хью взглянул на Алана.

— Я — не — знаю — и — не — хочу — знать! Сиди с женщинами и не задавай глупых вопросов.

Алан неохотно ретировался, бросив взгляд на

поверхность планеты и яркое небо. Зрелище заинтересовало его, но не слишком — его способность удивляться уже почти перегорела.

Только спустя несколько часов Хью обнаружил, что имеется еще одна группа лампочек, манипуляции с которой запустили механизм посадки. Он действовал методом проб и ошибок и не выбирал места высадки. Однако недремлющее око автопилота передало информацию в «мозг»; субмолекулярный механизм начал сравнивать и отклонять. Корабль мягко приземлился посреди холмистой прерии рядом с небольшой рощицей.

Появился Эртц.

— Что случилось, Хью?

Хью указал на иллюминатор.

— Мы на месте.

На большее его не хватило — сказывались усталость и эмоциональное истощение. Несколько недель он боролся с кораблем, плохо понимая, что именно нужно делать, боролся с голодом, а в последние дни и с жаждой. Много лет он жил одной страстной надеждой — и теперь у него почти не осталось сил радоваться.

И все же они приземлились, они завершили Путешествие Джордана. Он был счастлив, и он очень устал.

— Джордан! — Эртц не мог сдержать восклицания. — Давай выйдем!

— Давай.

В воздушном шлюзе стоял Алан, за ним сгрудились женщины.

— Прилетели, Капитан?

— Заткнись, — сказал Хью.

Женщины столпились возле иллюминатора; Алан с важным видом порол чушь, объясняя им, что они видят снаружи. Эртц открыл последнюю дверь.

Внутрь хлынул свежий воздух.

— Холодно, — произнес Эртц. На самом деле температура была всего лишь на каких-нибудь пять градусов ниже, чем постоянная температура на Корабле, но Эртц еще не знал, что такое «погода».

— Ерунда, — фыркнул Хью, раздраженный малейшей критикой в адрес «его» планеты. — Тебе просто кажется.

— Возможно, — отступил Эртц. После неловкой паузы он предложил: — Выходим?

— Конечно. — Преодолев собственную робость, Хью оттолкнул его и спрыгнул с пятифутовой высоты на землю.

— Давайте — здесь здорово.

Эртц спрыгнул вслед и встал рядом. Больше они не решались сделать ни шага.

— Просторно, да? — хрипло произнес Эртц.

— Ну, так и должно было быть, — отрезал Хью, злясь на себя за то же чувство потерянности.

— Эй! — Алан осторожно выглянул из люка. — Можно спускаться? Как там?

— Давай.

Алан бесстрашно перевалился через край, оглянулся и присвистнул: «Боже мой!»

Свою первую вылазку они совершили за пятьдесят футов от Корабля.

Они держались кучкой и старались не споткаться на странной неровной палубе. Ничего необычного не произошло, пока Алан не оторвал взгляда от земли и не обнаружил, впервые в своей жизни, что ни стен, ни потолка нет. Голова его закружилась, накатил острый приступ агорафобии; он застонал, закрыл глаза и повалился на траву.

— Какого Хаффа… — начал Эртц, озираясь — и повалился рядом.

Хью держался из последних сил. Он упал на колени, но не позволил себе лечь на землю, лишь оперся на руку. У него все же было преимущество — он подолгу смотрел в иллюминатор, а ведь и Алан с Эртцем не были трусами.

— Алан! — пронзительно закричала его жена от двери шлюпки. — Алан! Вернись!

Алан приоткрыл один глаз, сфокусировал зрение на Корабле и снова припал к земле.

— Алан! — скомандовал Хью. — Прекрати! Садись.

Тот сел с видом человека, которому нечего больше терять.

— Открой глаза!

Алан осторожно подчинился, но снова поспешно закрыл их.

— Посиди спокойно, и все пройдет, — добавил Хью. — Я уже в порядке.

В подтверждение своих слов он поднялся на ноги. Голова еще кружилась, но он справился. Эртц тоже сел.

Солнце пересекло уже немалую часть неба, времени прошло столько, что и упитанный человек успел бы проголодаться — а они уже давно не ели досыта. Даже женщины вышли наружу — точнее, их вытолкали. Они не решались отойти от Корабля и сидели тесной кучкой. Однако мужская половина уже освоилась ходить поодиночке даже в открытых местах. Алану было теперь нипочем отойти и на пятьдесят ярдов от Корабля, что он с гордостью проделал несколько

раз на виду у женщин.

В одну из таких вылазок он заметил маленького зверька, чье любопытство пересилило осторожность. Нож Алана остановил его. Алан подобрался к нему, схватил добычу за ногу и гордо принес Хью.

— Посмотри, Хью! Добрая еда!

Хью посмотрел одобрительно. Его первый непонятный страх прошел. Теперь его переполняло теплое глубокое чувство обретенного дома. Это было хорошим предзнаменованием.

— Да, — согласился он. — Добрая еда. Отныне и навсегда, Алан, добрая еда.

Роберт Хайнлайн
Гражданин Галактики

Глава 1

— Номер девяносто семь, — объявил аукционист. — Мальчик.

У паренька кружилась голова, ощущение твердой почвы под ногами вызывало тошноту. Невольничий корабль проделал путь в сорок с лишним световых лет, неся в своих трюмах смрад, такой же, как и на любом другом невольничьем корабле: затхлый дух сбившихся в кучу немытых тел, тяжкий запах страха, рвоты и неизбывной горечи. И все же на его борту мальчик что-то из себя представлял, он был признанным членом определенного сообщества, мог надеяться на ежедневное довольствие и кулаками отстаивать свое право без помех проглотить пайку. Даже имел друзей.

А теперь он снова никто и ничто. И его опять кому-то продадут. С платформы только что увели предыдущий номер: двух очень похожих друг на дружку светловолосых девушек, которых объявили двойняшками. Этих сбагрили быстро и за немалую цену. Аукционист с довольной ухмылкой повернулся и указал на мальчика.

— Номер девяносто семь. Подкиньте-ка его

сюда.

Мальчишку пинками загнали на помост. Он стоял, весь сжавшись, бросая по сторонам быстрые дикие взгляды, рассматривая то, что не мог видеть из своего загона. Невольничий рынок расположен на той стороне знаменитой площади Свободы, что примыкает к космопорту, напротив холма, увенчанного еще более знаменитым зданием Президиума Саргона, капитолия Девяти Миров. Но мальчик не знал, что это за здание; он не ведал даже, на какую планету его занесло. Он просто глядел на толпу.

Ближе всех к помосту работорговцев сгрудились нищие, чтобы льстиво выклянчивать подаяние у каждого покупателя, забиравшего свое приобретение. За ними полукругом стояли скамьи для богатых и знати. По краям торчали рабы, носильщики, телохранители и шоферы этих сливок общества. Они бездельничали возле автомобилей хозяев или паланкинов и портшезов, принадлежавших тем хозяевам, что побогаче. Позади дам и господ собрались простолюдины — бездельники и зеваки, вольноотпущенники и карманники, разносчики прохладительных напитков, мелкий купчишка, не получивший почетного сидячего места, но всегда готовый

ухватиться за случай по дешевке приобрести носильщика, писца, слесаря или даже служанку для своих жен.

— Номер девяносто семь,— повторил аукционист. — Чудесный здоровый парень. Может использоваться как паж или прислуга. Дамы и господа, представьте его в ливрее вашего дома. Взгляните на...

Его слова потонули в визге звездолета, совершавшего посадку на космодроме у него за спиной.

Старый нищий по прозвищу Калека Баслим изогнулся всем своим полуобнаженным телом и, прищурив единственный глаз, глянул за край помоста. По его мнению, мальчик мало чем походил на вышколенного домашнего слугу — скорее уж на грязного, изможденного, избитого и затравленного зверька. Сквозь грязную коросту на спине проступали белые шрамы, по которым нетрудно было понять, за кого держали мальчика его прежние хозяева.

Глаза и форма ушей парнишки навели Баслима на мысль, что он, возможно, чистокровный потомок землян. Но наверняка можно было сказать одно: это мальчик, он еще мал, перепуган, однако строптив по:прежнему.

Мальчик почувствовал пристальный взгляд нищего и с ненавистью посмотрел на него.

Визг звездолета стих, и разодетый щеголь, сидевший в первых рядах, небрежно взмахнул платком, привлекая к себе внимание аукциониста.

— Эй, ты, мошенник, довольно впустую транжирить наше время. Выстави-ка что-нибудь вроде предыдущего номера.

— О, благородный господин, мне полагается выкликать номера в соответствии с каталогом.

— Тогда пошевеливайся! Или оттащи эту худосочную скотину в сторону и покажи нам стоящий товар из загашника.

— Вы так добры ко мне, господин, — аукционист возвысил голос, чтобы слышало больше народу. — Меня просят оживить торги, и я уверен, что мой благородный работодатель не станет возражать. Буду откровенен: этот славный парнишка молод. Его новый владелец должен будет его всему учить. Поэтому... — мальчик слушал вполуха. Он почти не знал местного языка, и все, о чем тут говорилось, было для него пустым звуком. Он оглядел дам под вуалями и разряженных господ, гадая, с кем ему придется иметь дело. — Поэтому, — продолжал аукционист, — дабы обернуться

побыстрее, назначается весьма низкая начальная цена. Дешевле не бывает! Что я слышу? Двадцать стелларов?

Тишина становилась напряженной. Холеная расфуфыренная дамочка под кружевной вуалью склонилась к щеголю и что-то зашептала ему на ухо, потом захихикала. Щеголь нахмурился, вытащил кинжал и сделал вид, будто чистит ногти.

— Я ведь сказал, чтобы с этим кончали побыстрее, — буркнул он. Аукционист вздохнул.

— Господа, прошу вас помнить, что я несу ответственность перед своим руководством. Но я, так и быть, снижу начальную цену. Десять стелларов. Да, я сказал «десять»! Это уже просто фантастика! — Аукционист скорчил удивленную мину. — Уж не оглох ли я? Может быть, кто-то поднял палец, а я просто не вижу? Прошу внимания. Вот здесь перед вами стоит молодой крепкий парень с душой, подобной чистому листу бумаги. И лист этот вы можете использовать по своему усмотрению. За невероятно низкую цену. Вы можете приобрести его и сделать с мальчиком все, что пожелаете.

— Или скормить его рыбам!

— Или скормить его... О, вы так остроумны, благородный господин!

— Это начинает надоедать. Ты что, думаешь,

этот замухрышка чего-нибудь стоит? Может, он твой сын?

Аукционист выдавил улыбку.

— Будь так, я гордился бы им. Жаль, что мне запрещено разглашать происхождение этого парня!

— Значит, попросту говоря, оно тебе неведомо.

— Хоть я и обязан держать рот на замке, однако не премину указать на форму его черепа, на четко очерченные линии ушей, — тут аукционист схватил мальчика за ухо, тот извернулся и укусил его за руку. Толпа заржала. Аукционист отдернул руку.

— Экий живчик! Ну, да плетка и не таких лечила. Прекрасная порода. Вы только взгляните на его уши! Можно сказать, лучшие в Галактике.

Аукционист упустил из виду один важный момент: молодой щеголь был уроженцем Синдона IV. Щеголь снял свой шлем, явив на свет типично синдонианские уши — длинные, заостренные и волосатые. Синдонианин подался вперед, уши его стали торчком.

— Кто твой благородный покровитель?

Старый Баслим тотчас же отодвинулся подальше, готовый чуть что улизнуть. Мальчик напрягся и заозирался по сторонам, почувствовав

непонятное беспокойство. Аукционист побледнел: никто не смел в открытую потешаться над синдонианином... более одного раза.

— О мой господин, — выдавил он. — Вы не так меня поняли...

— А ну повтори, что ты там вякнул про уши и лучшую породу!

Неподалеку показался полицейский, но он еще не подошел близко. Аукционист облизнул губы.

— Помилуйте, досточтимый господин, у меня дети. Я сказал лишь то, что говорят все. Это не мое личное мнение. Я только хочу побыстрее сбыть этот товар... вы же сами настаИвали...

В тишине прозвучал женский голосок:

— Ой, да брось ты его, Дварол. Не его вина, что у этого раба такие уши. Ему бы продать товар — вот и все заботы.

— Вот и пусть продает! — сопя, ответил синдонианин.

Аукционист перевел дух.

— Да, мой господин, — он собрался с силами и продолжал. — Прошу простить меня, мои дамы и господа, за то, что трачу время на этот злосчастный номер. Прошу вас, назначьте хоть какую-нибудь цену!

Он подождал, затем нервно проговорил:

— Не слышу никаких предложений. Цену никто не назначает. Цена не назначена — раз... Если вы ничего не предложите, я буду обязан вернуть этот номер в запасник и прервать торги для консультации с моим руководством. Цена не назначена — два... У меня еще столько отличного товара. Какая жалость, если не удастся его показать. Цена не назначена — три...

— Вон твоя заявка! — рявкнул синдонианин.

Нищий старик поднял два пальца. Аукционист в изумлении уставился на него.

— Ты назначаешь цену?!

— Да, — проскрипел старик, — если господа и дамы позволят.

Аукционист обвел взглядом сидящую полукругом публику. Кто-то из толпы крикнул:

— Почему бы и нет? Деньги есть деньги!

Синдонианин кивнул, аукционист быстро спросил:

— Ты предлагаешь за этого мальчишку два стеллара?

— Нет, нет! — завопил Баслим. — Два минима!

Аукционист замахнулся было на старика, но тот с ловкостью увернулся.

— Поди прочь! — рявкнул аукционист. — Я тебе покажу, как глумиться над господами!

— Эй, аукционист!

— Да, господин? Слушаю, мой господин?

— Сам ведь говорил: «назначьте хоть какую-нибудь цену»,— сказал синдонианин. — Сплавь ему мальчишку!

— Но...

— Ты меня слышал?

— О, господин, я не могу продать за первую же назначенную цену. В законе ясно сказано: одна заявка — не аукцион. Даже две, если аукционист не установил минимума. Без начальной цены я не смогу продать его, не услышав по крайней мере три предложения. Благородный господин, этот закон принят для защиты интересов владельца, а не ради меня, несчастного!

— Да, есть такой закон! — выкрикнул кто-то.

Синдонианин нахмурился.

— Тогда объяви цену.

— Как будет угодно милостивым господам и дамам, — аукционист обратился к толпе: — Я слышал, что за номер девяносто семь предлагают два минима. Кто даст четыре?

— Четыре, — отозвался синдонианин.

— Пять! — раздалось из толпы.

Синдонианин поманил к себе нищего. Баслим подполз на руках и одном колене, волоча обрубок

второй ноги. Ему мешал горшок для подаяний.

— Пять минимов — раз! — запел аукционист. — Пять минимов — два...

— Шесть! — бросил синдонианин и, заглянув в горшок нищего, достал кошелек. Он швырнул калеке горсть мелочи.

— Я слышал — шесть минимов! Услышу ли я — семь?

— Семь! — проскрипел Баслим.

— Семь минимов! Эй, господин с поднятым пальцем, вы предлагаете восемь?

— Девять! — перебил нищий.

Аукционист поморщился, но заявку принял. Цена подползала к стеллару, шутка становилась дороговата для большинства присутствующих. Дамам и господам не хотелось ни портить шутку синдонианина, ни приобретать такого никчемного раба.

— Девять минимов — раз... — забормотал аукционист. — Девять минимов — два... девять минимов — три... Продано за девять минимов!

Он столкнул мальчишку с помоста, и тот угодил прямо на руки старику.

— Забирай и проваливай!

— Полегче, ты! — осадил его синдонианин. — Выписывай чек.

Едва сдерживаясь, аукционист проставил имя нового владельца и цену на заранее заготовленном для номера девяносто семь бланке. Баслим уплатил девять минимов и воспользовался щедростью синдонианина, чтобы выплатить регистрационный тариф, оказавшийся выше продажной цены мальчика. Паренек тихо стоял рядом. Он понял, что опять продан и что новый его хозяин — вот этот самый старик. Впрочем, это не имело для него большого значения: он не хотел бы принадлежать никому. Пока шло оформление покупки, мальчишка внезапно бросился наутек.

Старый нищий, который вроде бы и не смотрел в его сторону, выбросил длинную руку и, ухватив парня за ногу, вернул на место. Мальчик почувствовал, как костлявая ладонь стискивает его предплечье, и сник, покорившись неизбежному. Ладно, в другой раз! Надо только набраться терпения: рано или поздно, случай обязательно подвернется.

Обретя опору, калека преисполнился чувством собственного достоинства.

— Мой господин! — просипел он. — Я и мой слуга благодарим вас.

— Пустое, пустое. Ступай, — синдонианин взмахнул платком.

От площади Свободы до Баслимовой норы было не больше полумили, но шли они долго. Баслим неуклюже скакал, используя мальчишку как опору, а этот способ передвижения был даже медленнее, чем обычный, когда нищий полз на руках и одном колене. Кроме того, он часто останавливался, чтобы заняться привычным делом, и заставлял мальчика совать горшочек для подаяний под нос каждому встречному и поперечному.

Все это он проделывал молча. Баслим уже пытался объясниться с мальчиком на интерлингве, космическом голландском, саргонезском наречии, на полудюжине всяких жаргонов — воровском, местном, блатном, на языке рабов и торговцев, даже на английском Системы. Все без толку, хотя пару раз Баслиму показалось, что парнишка его понимает. В конце концов нищий оставил эту затею и стал выражать свои пожелания при помощи жестов и оплеух. Пусть пока мы не можем найти общего языка, думал Баслим. Не беда, научим парня и словесному обращению. Всему свое время. Баслим никогда не спешил. Он вообще отличался неторопливостью.

Жилище Баслима располагалось под старым амфитеатром. Когда Саргон Август повелел

воздвигнуть другой, более внушительный по размерам цирк, старый снесли не весь. Работы приостановили из-за второй Сетанской войны, и с тех пор все так и осталось. Баслим повел мальчика в эти развалины. Идти здесь было тяжело, и временами Баслиму приходилось пробираться ползком, но хватка его не ослабевала ни на миг. Однажды, правда, в руке нищего оказалась только расползающаяся набедренная повязка, и мальчишка едва не вывернулся из своего рубища, но нищий успел схватить его за запястье. После этого они пошли еще медленнее.

Старик и мальчик спустились в темный лаз в конце обрушившейся галереи, причем нищий заставил своего раба идти первым. Потом они поползли по битой черепице и грудам булыжника, пока не очутились в другом коридоре, где было темно как ночью, но сравнительно чисто. Ниже, еще ниже, опять вниз — и вот они уже в чреве старого амфитеатра, прямо под бывшей ареной.

Впотьмах Баслим и мальчик добрались до какой-то аккуратной двери. Баслим открыл ее, втолкнул мальчишку внутрь, вошел сам и запер дверь за собой, прижав большой палец к замку-определителю. Потом он коснулся выключателя. Вспыхнул свет.

— Ну вот мы и дома, парень.

Мальчик изумленно огляделся. Он уже давно отвык интересоваться окружающим, но теперь, оказавшись внутри, увидел совсем не то, что ожидал увидеть. Он стоял в просто обставленной комнате, чистой и уютной. Потолочные панели излучали приятный рассеянный свет. Мебели было немного, но вся она стояла на своих местах. Мальчишка с трепетом озирался по сторонам. Как ни убого выглядела эта комната, она была лучше любой из тех, в которых он живал прежде.

Старик отпустил плечо мальчика и проковылял к шкафу. Поставив туда свой горшок, он извлек на свет нечто непонятное. Потом нищий стянул с себя рубище, повозился с ремнями, и тут мальчик понял, что это — протез, искусственная нога, причем сделана она была так здорово, что ничем не уступала настоящей, из плоти и крови.

Нищий поднялся, взял с полки брюки и натянул их. Теперь он вовсе не был похож на калеку.

— Поди сюда,— сказал он на интерлингве.

Мальчик не шелохнулся. Баслим повторил то же самое на других языках, потом пожал плечами, взял мальчика за руку и повел в соседнюю комнатушку. Это была маленькая кухня, совмещенная с ванной. Баслим наполнил водой ушат,

вручил пареньку обмылок и сказал:

— Мойся, — и жестами объяснил, чего хочет.

Мальчик стоял истуканом, немой, как пень. Старик вздохнул, взял здоровенную щетку и сделал вид, будто скребет кожу мальчика. Когда жесткая щетина коснулась ее, старик остановил руку и повторил:

— Мойся. Купайся, — он произнес это на интерлингве и английском Системы.

Мальчик поколебался, снял свои отрепья и начал медленно намыливаться.

— Так-то лучше, — сказал Баслим. Он поднял ветхую одежду, бросил в мусорный бачок, достал полотенце. Потом повернулся к своей кухонной утвари и занялся стряпней.

Через несколько минут он оглянулся. Мальчишки не было. Старик поспешно вошел в комнату и увидел, что тот, голый и мокрый, изо всех сил тянет дверь. Заметив Баслима, мальчик удвоил усилия, но все было тщетно. Старик похлопал его по плечу и махнул рукой в сторону маленькой комнаты.

— Ступай домываться.

Он отвернулся. Паренек побрел следом.

Когда мальчик вымылся и вытерся, Баслим поставил на плиту котелок с тушенкой и, открыв

шкафчик, достал из него склянку и клок ваты из растительных волокон. Вымытая кожа мальчика явила миру богатое собрание шрамов, царапин, незаживающих синяков и ссадин, как старых, так и совсем свежих.

— Стой тихо.

Мазь щипала, и мальчик принялся ерзать.

— Стой тихо, — ласково, но твердо повторил Баслим и похлопал ребенка по руке. Тот расслабился, только вздрагивал каждый раз, когда лекарство попадало на кожу. Старик тщательно осмотрел застарелую язву на колене мальчика, опять неторопливо приблизился к шкафчику, вернулся и всадил парню шприц пониже спины, предварительно растолковав языком жестов, что оторвет ему голову, если тот только попробует дернуться. Потом он отыскал какую-то старую тряпку, жестами предложил мальчику обернуть ее вокруг себя и опять занялся стряпней.

Покончив с этим, он подвинул свой стул и стол таким образом, чтобы мальчик мог есть, сидя на сундуке, и водрузил на стол большие миски с похлебкой. К похлебке вскоре добавились горсть зеленой чечевицы и пара увесистых ломтей деревенского хлеба, черного и плотного.

— Суп готов, парень. Иди-ка поешь.

Мальчик опустился на краешек сундука, но есть не стал, готовый в любое мгновение сорваться и улизнуть. Баслим перестал жевать.

— В чем дело?

Он заметил, как мальчишка метнул быстрый взгляд на дверь и потупился.

— Ах, это, — старик поднялся, прочно опираясь на свой протез, прошагал к двери и прижал большой палец к замку.

— Дверь открыта, — объявил он. — Ешь свою похлебку или уходи.

Он повторил это на нескольких языках и с удовлетворением отметил, что добился понимания именно тогда, когда обратился к мальчику на том языке, который считал его родным.

Однако Баслим не стал утруждать себя проверкой, а вернулся к столу, осторожно уселся на свой стул и взял ложку.

Мальчик потянулся за своей, а потом внезапно сорвался с места и выскочил за дверь. Баслим продолжал есть. Дверь оставалась приоткрытой, и свет из нее лился в темный коридор.

Завершив свой обед, Баслим вдруг почувствовал, что мальчишка смотрит на него из темноты. Не оборачиваясь, старик произнес на том языке, который, как он считал, мог быть понятен

мальчику:

— Может, вернешься и поешь, или выбросить твою еду?

Мальчик не отвечал.

— Ну что ж,— пробормотал Баслим. — Если ты не хочешь входить, я закрываю дверь. Оставлять ее нараспашку при включенном свете — слишком большой риск, — он неторопливо поднялся, подошел к двери и начал потихоньку ее затворять.

— Последний раз зову, — объявил он. — Дверь закрывается на всю ночь.

И когда дверь уже почти захлопнулась, мальчик крикнул:

— Подожди!

На том наречии, которое и ожидал услышать старик.

Парнишка стремглав юркнул в дом.

— Добро пожаловать, — невозмутимо произнес Баслим. — Я не стану запирать дверь на замок — на тот случай, если ты передумаешь, — он вздохнул. — Будь моя воля, вообще никто не сидел бы взаперти.

Мальчик не ответил. Он сел, склонился над миской и набросился на еду с такой жадностью, будто боялся, что она вдруг исчезнет. Он бросал

по сторонам быстрые взгляды, а Баслим сидел и наблюдал за ним.

Вскоре мальчишка стал есть медленнее, но все еще продолжал жевать и глотать, пока не исчезла последняя капля похлебки, последний стручок чечевицы и крошка хлеба. Остатки паренек поглощал через силу, но все же справился с ними, заглянул в глаза Баслима и застенчиво улыбнулся. На улыбку старик ответил улыбкой.

Внезапно лицо мальчика исказилось, стало белым с каким-то зеленоватым отливом; из уголка рта потекла струйка слюны, и мальчишку вырвало.

Баслим проворно отодвинулся, спасаясь от этого извержения.

— Звезды небесные, какой же я дурак! — вскричал он на своем родном языке.

Он вернулся с ведром и тряпкой, отер лицо мальчика и наклонил его над ведром, потом вытер каменный пол.

Немного погодя он принес ребенку гораздо более скромную снедь — бульон и краюху хлеба.

— Макай хлеб и ешь.

— Да ну его!

— Ешь. Больше этого не будет. По тому, как у тебя живот к спине прирос, мне бы, дураку, до-

гадаться, что тебе не следует давать сразу много. Ешь, только помедленнее.

Мальчик поднял глаза, его подбородок затрясся. Он проглотил немножко бульона. Баслим смотрел на ребенка, пока тот не одолел весь суп и почти весь хлеб.

— Вот и хорошо, — сказал наконец старик. — Ну, парень, пожалуй, пора и на боковую. Кстати, тебя как зовут?

Мальчик поколебался.

— Торби...

— Торби. Хорошее имя. Можешь звать меня папой. Спокойной ночи.

Он отстегнул протез, доскакал до шкафа и спрятал его, потом добрался до своей постели. Ложе было нехитрое — просто тюфяк в углу. Старик отодвинулся подальше, к стене, чтобы освободить место для мальчика, и сказал:

— Будешь ложиться — погаси свет.

С этими словами он закрыл глаза и стал ждать.

Довольно долго не доносилось ни звука. Потом Баслим услышал, как мальчик идет к двери. Свет погас. Старик ждал, откроет он дверь или нет. Нет. Он почувствовал, как мальчик залез на тюфяк.

— Спокойной ночи, — повторил Баслим.

— Спокойной...

Старик уже почти дремал, когда вдруг почувствовал, что мальчишку всего трясет. Нащупав его тело ладонью, Баслим погладил обтянутые кожей ребра, и тут мальчик разрыдался.

Тогда старик повернулся, устроив поудобнее искалеченную ногу, обнял трясущиеся плечи мальчугана и притянул его лицо к своей груди.

— Все хорошо, Торби, — ласково проговорил он. — Все в порядке. Все кончилось. Это никогда больше не повторится.

Мальчик всхлипнул и плотно прижался к старику. Баслим успокаивал его, бормоча что-то ласковое, пока не унялась судорожная дрожь. Но и потом он долго не отпускал его от себя — до тех пор, пока Торби не уснул.

Глава 2

Раны Торби затягивались: телесные — побыстрее, душевные, как водится, медленнее. Старик-нищий раздобыл где-то еще тюфяк и положил его в другой угол, но все равно, просыпаясь по ночам, порой обнаруживал рядом с собой маленькое теплое тело. Тогда он понимал, что мальчику снова приснился кошмарный сон. Баслим спал очень чутко и не любил делить с кем-либо свое ложе, но когда такое случалось, он не гнал Торби обратно на его тюфяк.

Иногда мальчик принимался громко кричать во сне. Однажды Баслим пробудился оттого, что Торби скулил:

— Мама... мама...

Не зажигая света, старик проворно подполз к его лежанке и склонился над мальчуганом.

— Ну-ну, сынок, все в порядке.

— Папа?

— Спи, сынок, а то маму разбудишь. Я побуду с тобой, — добавил Баслим. — Тебе нечего бояться. Успокойся. Нельзя же будить маму, правда?

— Ладно, пап...

Затаив дыхание, старик сидел рядом и ждал. В

конце концов он сам затрясся от холода и у него разболелась култышка. Убедившись, что мальчик спит, Баслим пополз на свое ложе.

Этот случай навел старика на мысль о гипнозе. Давным-давно, когда у Баслима еще были оба глаза и две ноги и не надо было нищенствовать, он изучал это искусство. Но гипноз ему не нравился, даже если применялся в лечебных целях: Баслим почти фанатично верил в неприкосновенность личности, а гипнотическое внушение противоречило его принципам.

Но сейчас был случай особый. Старик мог поклясться, что Торби разлучили с родителями в таком возрасте, когда у него еще не было осознанных воспоминаний. Все, что мальчик видел в своей жизни, сводилось к бесконечной череде все новых и новых хозяев, один другого хуже, каждый из которых на свой лад стремился сломить дух «негодного мальчишки». Торби сохранил яркие воспоминания о некоторых из этих хозяев и описывал их на грубом своем языке — красочно и беспощадно. Однако он не имел представления, где и когда с ним все это происходило. «Место» для него было равнозначно «поместью», «имению» или «рабочему бараку», но не определенной планете или звезде (познания мальчика в аст-

рономии были большей частью неверными, а о галактографии он и вовсе понятия не имел); что до времени, то тут для него существовало только «до» и «после», «долго» и «коротко».

Поскольку на каждой планете — свои сутки, свой год и свое летоисчисление, ученые пользовались стандартной секундой, длина которой вычислялась по радиоактивному распаду; стандартным считался год планеты — колыбели человечества, и единой датой отсчета — день, когда человек впервые добрался до спутника этой планеты, Сол III. Неграмотный мальчишка просто не мог пользоваться такой датировкой. Земля была для Торби мифом, а день — промежутком времени между пробуждением и отходом ко сну.

Возраст парня Баслим определить не мог, даже приблизительно. На вид Торби был чистокровным землянином и вроде бы еще не достиг своего отрочества, однако любые догадки на этот счет были не более чем домыслами. Вандорианцы и итало-глифы выглядят, как земляне, но вандорианцы взрослеют втрое медленнее. Баслим вспомнил анекдот о дочке консула, которая пережила двух мужей, причем второй из них был правнуком первого. Мутации иногда совсем не проявляются внешне.

Не исключено, что мальчишка «старше» самого Баслима — в стандартных секундах. Ведь космос велик, и человечество неоднозначно приспособилось к разным условиям. Но это неважно: Торби еще так мал и так нуждается в его помощи.

Гипноза он не испугался: это слово было для него пустым звуком, а давать объяснения Баслим не стал. Однажды после ужина старик просто сказал:

— Торби, я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня.

— Разумеется, пап. А что?

— Ложись к себе на тюфяк, потом я тебя усыплю, и мы поговорим.

— Хе, ты хочешь сказать, что мы сделаем наоборот?

— Нет, это не простой сон. Ты сможешь и спать, и одновременно говорить.

Торби не поверил, но согласился. Старик выключил панели, дававшие свет, и запалил свечу. Попросив мальчика сосредоточиться на язычке пламени, он принялся монотонно бубнить старинные формулы: успокоение... расслабление... дремота... сон...

— Торби, ты спишь, но слышишь меня и можешь отвечать.

— Ага, пап...

— Ты будешь спать до тех пор, пока я не велю тебе проснуться. Но ты сможешь отвечать на любой мой вопрос.

— Ага, пап...

— Ты помнишь, как назывался звездолет, на котором тебя привезли сюда?

— «Веселая вдовушка». Только мы называли его совсем не так.

— Ты видишь, как попал на этот корабль. Вот ты на борту. Ты все видишь. Ты все помнишь. Теперь возвратись туда, где ты был до того, как очутился на корабле.

Спящий мальчик съежился и напрягся.

— Не хочу!

— Ничего, я с тобой, тебе нечего бояться. Ну-с, как называлось то место? Вернись туда, оглядись.

Полтора часа просидел Баслим над спящим ребенком. Пот струился по его морщинистому лицу. Старик чувствовал себя опустошенным. Чтобы вернуть мальчика в ту пору, которая его интересовала, надо было пройти через испытания, вызывавшие отвращение даже у Баслима, уж на что закаленного и многое повидавшего на своем веку человека. Поэтому мальчик вновь и

вновь сопротивлялся воспоминаниям, и старик не мог его в том винить. И все же теперь у Баслима было ощущение, что он наперечет знает все рубцы на спине Торби и может назвать имя негодяя, оставившего каждый из них.

Так или иначе, он добился своего, он заглянул в прошлое дальше, чем позволяла память мальчика в состоянии бодрствования, заглянул в его раннее детство, когда Торби, совсем еще младенца, вырвали из родительских рук.

Оставив мальчика в изнеможении лежащим на тюфяке, Баслим попытался совладать с полным разбродом в мыслях. Последние минуты разговора дались Торби с таким трудом, что старик усомнился: а стоило ли вообще докапываться до корня зла?

Ну что ж, поразмыслим... Что именно он выяснил?

Мальчик рожден свободным. Но ведь Баслим и так был в этом убежден. Родной язык Торби — английский Системы, но парень говорит на нем с акцентом, которого Баслим не может распознать из-за особенностей детской артикуляции. Стало быть, мальчик родился в пределах Земной Гегемонии, а может быть (хотя и маловероятно), даже на самой Земле. Это был своего рода сюрприз:

прежде Баслиму казалось, что родной язык мальчика — интерлингва, ведь он владел ею лучше, чем тремя другими знакомыми ему языками.

Что еще? Родители мальчика, конечно, мертвы, если можно полагаться на его искалеченную память, на обрывки воспоминаний, извлеченные Баслимом из глубин его мозга. Фамилий или каких-то примет родителей старик так и не узнал. Они были просто «папой» и «мамой», так что в конце концов старик оставил надежду разыскать семью мальчика.

Теперь, чтобы это жестокое испытание оказалось не напрасным, надо сделать вот что.

— Торби?

Мальчик со стоном заворочался.

— Чего, пап?

— Ты спишь. Ты проснешься только тогда, когда я тебе велю.

— Я проснусь... когда ты велишь...

— Как только я скажу, ты проснешься. Тебе будет хорошо, ты забудешь все, о чем мы с тобой говорили.

— Ага, пап...

— Ты все забудешь, тебе будет хорошо, а через полчаса ты снова захочешь спать. Тогда я велю тебе лечь в постель, ты ляжешь и сразу уснешь.

Всю ночь ты будешь крепко спать и видеть хорошие сны. А плохие тебе больше никогда не приснятся. Повтори это.

— У меня больше не будет плохих снов...

— Ты никогда не увидишь кошмаров. Никогда.

— Никогда...

— Папа и мама не хотят, чтобы ты видел плохие сны. Они счастливы и тебе тоже желают счастья. И если приснятся тебе, то лишь в добрых снах.

— В добрых снах...

— Все хорошо, Торби. Ты начинаешь просыпаться. Ты просыпаешься и не можешь вспомнить, о чем мы говорили. Но ты никогда больше не увидишь дурных снов. Проснись, Торби.

Мальчик сел, протер глаза, зевнул и улыбнулся.

— Ой, я же совсем заснул. Вот сыграл с тобой шутку! Что, не получилось, пап?

— Все в порядке, Торби.

Не один сеанс понадобился, чтобы усмирить призраков, но со временем кошмары отступили и прекратились вовсе. Однако Баслим не был искусным гипнотизером и не мог стереть дурных воспоминаний, в глубине они все равно оставались. Ему удалось лишь внушить Торби, что воспоминания эти не будут омрачать его жизнь.

Впрочем, даже будь Баслим более сведущ в гипнозе, он все равно не стал бы избавлять мальчика от воспоминаний: по его твердому убеждению, житейский опыт человека — всецело его достояние, и нельзя без разрешения вырывать из памяти ничего, даже самого печального.

Ночи Торби наполнились покоем, зато дни — суетой. Поначалу Баслим все время держал мальчика при себе. Позавтракав, они обычно брели на площадь Свободы. Старик устраивался на мостовой, а Торби с голодным видом сидел или стоял рядом, держа в руках горшок для милостыни. Место они всегда выбирали такое, где было побольше пешеходов, но при этом старались не очень мозолить глаза полиции. Мало-помалу Торби открыл, что полицейские, патрулирующие площадь, в большинстве своем способны только рычать. К тому же полиции недоплачивали, и Баслим заключил с патрульными весьма выгодное для них соглашение.

Вскоре Торби полностью освоил древнее ремесло. Он узнал, что господин, сопровождающий даму, всегда щедр, если обратиться за подаянием к его спутнице; что просить милостыню у женщины, шествующей в одиночестве, — бессмысленное занятие, разве что она идет без вуали;

обращаясь к одинокому мужчине, можно с равной вероятностью получить и пинок, и монету, а вот уж кто щедр так щедр — так это совершившие посадку звездолетчики. Баслим научил мальчика всегда держать в горшочке немного денег — не крупных, но и не слишком мелких.

Поначалу тщедушный, полуголодный, покрытый струпьями Торби как нельзя лучше подходил для этой работы. Одной его наружности оказывалось вполне достаточно. Увы, вскоре он стал выглядеть куда лучше. Баслим пытался накладывать грим, обводить глаза мальчика широкими черными кругами, делать ему впалые щеки. Маленькая пластиковая нашлепка на подбородке выглядела совсем как настоящая язва, омерзительная на вид, и прикрывала давно зажившую рану. Она была смазана подслащенной водой и поэтому привлекала мух, так что податели милостыни, бросая в горшок деньги, сразу отводили глаза.

Скрывать сытое тело тоже было непросто, но за год, за два он сильно подрос и поэтому оставался по-прежнему худым, несмотря на хороший завтрак, добрый ужин и сладкий сон.

Получил Торби и бесценное образование уличного мальчишки. Джаббулпорт, столица

Джаббула и Девяти Миров, главная резиденция Великого Саргона, славился тем, что давал приют трем с лишним тысячам нищих, имеющим соответствующие лицензии. Вдвое больше тут было уличных торговцев. Число питейных заведений превышало количество церквей, которых в Джаббулпорте насчитывалось больше, чем в любом другом городе Девяти Миров. По улицам слонялось бесчисленное множество карманников, татуировщиков, продавцов наркотиков, воров и подпольных менял, гадалок, наемных убийц и мошенников. Граждане похвалялись тем, что на протяжении одного ли от пилона, которым оканчивался проспект Девятки со стороны космопорта, человек с деньгами мог купить все, что только существует в космосе, будь то космический корабль или десять гран звездной пыли. Тут можно было приобрести и скандальную славу, и сенаторскую тогу с сенатором в придачу.

Формально Торби не имел отношения к преступному миру: у него было вполне легальное место на общественной лестнице (раб) и узаконенная профессия (нищий). На деле же он вращался в уголовной среде, наблюдая ее изнутри. И более низкой ступени, чем та, на которой он стоял, не было.

Будучи рабом, Торби научился лгать и воровать так же естественно, как другие дети учатся вести себя в обществе, но при этом гораздо быстрее. Однако он убедился в том, что подобными талантами наделены многие обитатели городских задворок. Такие дарования расцветали тут буйным цветом, достигая высших уровней искусства. По мере того, как Торби взрослел, осваивал язык и лучше узнавал улицу, Баслим начал отпускать его из дому одного — то с каким-нибудь поручением, то в лавку за провизией, а то и на промысел. Сам старик при этом оставался дома. В итоге Торби «попал в дурную компанию» и «опустился», если, конечно, можно опуститься ниже самых низов.

Однажды он вернулся домой с пустым горшком. Баслим не сказал Торби ни слова, но тот сам пустился в объяснения:

— Слышь, пап, я здорово поработал!

Он достал из набедренной повязки красивый шейный платок и с гордостью его развернул.

Но Баслим не улыбнулся и даже не прикоснулся к платку.

— Где ты это взял?

— Позаимствовал.

— Это ясно. У кого?

— У дамы. У красивой такой, нарядной.

— Дай-ка взглянуть на метку. М-да... похоже, это леди Фасция. Да, наверно, очень мила. Однако почему ты не в тюрьме?

— Ой, пап, ну с чего вдруг? Это было так легко. Меня Зигги научил, он все эти штучки знает, он ловкий! Видел бы ты его в деле!

Баслим задумался. Можно ли привить понятие о нравственности выброшенному на улицу котенку? Старик решил не пускаться в абстрактные этические словоизлияния, чтобы объяснить мальчику, что к чему. Ни в прошлом Торби, ни в его нынешнем окружении никто не мог научить его мыслить на таком уровне.

— Торби, ты хочешь сменить профессию? Почему? Нищенствуя, ты платишь положенную дань полицейским, взносы в гильдию, делаешь подношения в храме в дни праздников и живешь себе без забот. Разве мы когда-нибудь ходили голодными?

— Нет, пап, но ты взгляни на него! Небось, на стеллар потянет!

— По моей оценке — не меньше двух. Но скупщик краденого даст тебе за него два минима, да и то если расщедрится. В горшке ты принес бы больше.

— Ну... я еще научусь как следует... Это куда интереснее, чем нищенствовать. Ты бы посмотрел, как работает Зигги!

— Я видел. Он и впрямь мастер.

— Самый лучший!

— И все-таки, по-моему, он работал бы еще лучше, будь у него две руки.

— Ну, может, и так, хотя в деле хватает и одной. Но он учит меня работать и левой, и правой.

— Это хорошо. Вероятно, тебе небесполезно будет узнать, что может настать день, когда и ты недосчитаешься одной руки, как это произошло с Зигги. Ты знаешь, как он потерял руку?

— Ну?

— Тебе известно, какое полагается наказание, если тебя поймают?

Торби не ответил, и Баслим продолжал:

— Попадаешься в первый раз — теряешь руку. Вот какой ценой Зигги постиг премудрости своего занятия. Да, он хорош, потому что до сих пор живой и в деле. Но знаешь ли ты, как наказывают, если попадаешься второй раз? Нет, другую руку тебе уже не оттяпают. Так как, знаешь?

Торби проглотил слюну.

— Ну, точно не...

— Думаю, ты об этом слышал, только вспоми-

нать не хочешь, — Баслим чиркнул большим пальцем по горлу. — Вот что ждет Зигги в следующий раз. Его укоротят. Судьи Его Светлости полагают, что если парень не усвоил первый урок, он не усвоит и второй. И его просто укорачивают.

— Но я не попадусь, пап! Я буду жуть какой осторожный... как сегодня. Даю слово!

Баслим вздохнул. Да, этот ребенок верит, что уж с ним-то ничего подобного не случится.

— Торби, принеси-ка мне купчую на тебя.

— Зачем, пап?

— Принеси, принеси...

Мальчик притащил купчую, и Баслим перечитал ее: «Один ребенок мужского пола, регистрационный номер (выколот на левом бедре) ВХК —40367».

— Гони девять минимов и катись отсюда! — старик посмотрел на Торби и с удивлением заметил, что с того памятного дня парень вырос на целую голову. — Принеси мой карандаш. Я дам тебе вольную. Я все время хотел это сделать, да не к спеху было. Но теперь сделаю, а завтра поутру пойдешь в императорский архив и все оформишь.

У Торби отвисла челюсть.

— Зачем, пап?

— Разве ты не хочешь быть свободным?

— Э... ну, пап... мне нравится быть твоим.

— Спасибо, мальчик, но я вынужден так поступить.

— Ты хочешь сказать, что выгоняешь меня?

— Нет, можешь остаться, но только как вольноотпущенник. Видишь ли, сынок, за действия слуг отвечают хозяева. Будь я из благородных, меня бы просто оштрафовали за твой проступок. Но раз я... В общем, если я потеряю еще и руку, как потерял ногу и глаз, мне, наверное, не выжить. Поэтому лучше тебя освободить, если ты собрался осваивать ремесло Зигги. Такой риск — слишком большая роскошь для меня. Я и так уже слишком многого лишился. Пусть бы уж меня лучше сразу укоротили. Придется тебе жить на свой страх и риск.

Он не стал щадить Торби и не сказал ему, что на бумаге закон был куда суровее, чем на практике. Провинившегося раба чаще всего просто отнимали, продавали, а стоимость его шла на возмещение убытков потерпевшего, если владелец раба был не в состоянии расплатиться сам. В том случае, если владелец оказывался простолюдином и судья считал, что он несет реальную

ответственность за проступок раба, его могли подвергнуть еще и порке.

И тем не менее Баслим верно изложил закон. Коль скоро хозяин вершит суд и расправу над своим рабом, стало быть, он за него и отвечает. И может быть даже казнен.

Торби захныкал. Впервые со дня их встречи.

— Не отпускай меня, пап... Ну пожалуйста! Я должен быть твоим!

— Очень жаль, сынок, но... Впрочем, я ведь сказал: ты не обязан уходить.

— Ну пожалуйста, пап... Я больше не буду воровать!

Баслим взял его за плечо.

— Взгляни-ка на меня, Торби. Хочу предложить тебе уговор.

— Все, что угодно, пап. До тех пор, пока...

— Погоди, сперва послушай. Я сейчас не буду подписывать твои бумаги, но я хочу, чтобы ты дал мне два обещания.

— Ну конечно! Какие?

— Не спеши. Во-первых, ты должен обещать, что никогда ничего ни у кого не украдешь. Ни у дам, что ездят в портшезах, ни у нашего брата. У первых воровать слишком опасно, у вторых... позорно, хотя вряд ли ты понимаешь, что значит

это слово. Во-вторых, обещай, что никогда мне не соврешь. О чем бы ни шла речь.

— Обещаю... — тихо сказал Торби.

— Говоря о вранье, я имею в виду не только деньги, которые ты от меня прячешь. Между прочим, тюфяк — неважный тайник для денег. Посмотри мне в глаза, Торби. Ты знаешь, что у меня есть кое-какие связи в городе?

Мальчик кивнул. Ему приходилось носить записки старика в странные места и вручать их самым неожиданным людям.

— Если будет замечено, что ты воруешь, со временем я об этом узнаю. Если ты солжешь мне, со временем я разоблачу тебя. Будешь ты врать или нет — дело твое, но вот что я тебе скажу: прослыть лгуном — все равно, что лишиться дара речи, потому что люди не прислушиваются к шуму ветра, это уж точно. Итак, в тот день, когда я узнаю, что ты воровал... или когда ты соврешь мне... я подписываю твои бумаги и освобождаю тебя.

— Хорошо, пап...

— Но это еще не все. Я вышвырну тебя пинком со всем достоянием, которым ты владел, когда я купил тебя, — лохмотьями и полным набором синяков. Между нами все будет кончено. И если я когда-нибудь снова увижу тебя, то плюну на

твою тень.

— Хорошо, пап... Я не буду никогда, пап!

— Надеюсь. Ложись спать.

Баслим лежал без сна и с тревогой думал о том, что, возможно, он слишком суров. Но, черт побери, разве не суров этот мир? Разве он не обязан научить ребенка жить в этом мире?

Потом он услышал шорох: казалось, крыса грызет что-то в углу. Баслим замер и прислушался. Чуть погодя мальчик тихонько поднялся с тюфяка и подошел к столу. Потом раздался приглушенный звон металла о дерево. Торби вернулся на свое ложе.

И только когда мальчуган начал похрапывать, Баслиму наконец удалось заснуть.

Глава 3

Баслим уже давно учил Торби читать и писать на интерлингве и саргонезском, порой подбадривая его оплеухой, поскольку мальчик почти не проявлял интереса к умственному труду. Но происшествие с Зигги и сознание того, что Торби растет, не давали Баслиму забыть о том, что время не стоит на месте, во всяком случае — для детей.

Торби так и не смог вспомнить, где и когда до него дошло, что Баслим вовсе не попрошайка-нищий, или, во всяком случае, не только нищий. Он мог бы догадаться теперь об этом по тому серьезному образованию, которое он стал получать и которое проводилось при помощи таких неожиданных устройств как магнитофон, проектор и гипнопедичес-кий аппарат, но мальчик уже ничему не удивлялся. Что бы ни делал папа, он всемогущ и всегда прав. Торби достаточно хорошо знал нищих, чтобы видеть разницу между ними и Баслимом. Но мальчик не тревожился: папа есть папа, это такая же данность, как солнце и дождь.

На улице Торби никогда не говорил о своих домашних делах, даже о том, где находится их

жилище. Гости к ним не ходили. Торби имел двух-трех приятелей, а у Баслима их было много, десятки, если не сотни, и старик, по-видимому, знал, хотя бы в лицо, всех жителей города. Но в дом он не пускал никого, кроме Торби. Однако мальчик был уверен, что папа помимо нищенства занимается чем-то еще. Однажды ночью они, как обычно, легли спать, но на рассвете Торби разбудил какой-то шум, и он сонным голосом позвал:

— Папа?

— Это я. Спи.

Но мальчик встал и зажег свет. Он знал, что Баслиму трудно пробираться в темноте без ноги, а когда папе хотелось пить или было нужно что-нибудь еще, Торби всегда подавал.

— Что случилось, пап? — спросил он, поворачиваясь к Баслиму, и вздрогнул от удивления. Перед ним стоял какой-то незнакомый человек, по виду настоящий джентльмен!

— Не пугайся, Торби, — сказал незнакомец папиным голосом. — Все в порядке, сынок.

— Папа?

— Да, сынок. Прости, что напугал тебя, мне следовало сперва переодеться, а уж потом входить. Но так уж получилось,— Он принялся снимать

свою элегантную одежду.

Стянув вечерний парик, Баслим снова стал прежним папой... Вот только...

— Пап, что у тебя с глазом?

— Глаз? Ах, это... его так же легко вынуть, как и вставить. С двумя глазами я выгляжу лучше, верно?

— Не знаю, — Торби с опаской взглянул на глаз. — Что-то он мне не нравится.

— Вот как? Ну что ж, тебе не часто придется видеть меня в этом обличье. Но уж коли ты проснулся, то можешь мне помочь.

Но проку от Торби было немного. Все, что проделывал сейчас Баслим, было для него в диковинку. Сначала Баслим вытащил кюветы и бачки из буфета, в задней стенке которого обнаружилась еще одна дверца. Затем он вынул искусственный глаз и, осторожно развинтив его на две части, пинцетом достал из него крохотный цилиндрик.

Торби наблюдал за его действиями, не понимая ничего, но отмечая, что движения отца отличаются необыкновенной осторожностью и ловкостью. Наконец Баслим сказал:

— Ну вот, все в порядке. Посмотрим, получились ли у меня картинки.

Вставив цилиндрик в микрофильмоскоп, он

просмотрел пленку и с мрачной улыбкой сказал:

— Собирайся. Позавтракать мы не успеем. Можешь взять с собой кусок хлеба.

— Что случилось?

— Быстрее. Время не ждет.

Торби надел набедренную повязку, разрисовал и измазал грязью лицо. Баслим ждал его, держа в руках фотографию и небольшой плоский цилиндрик размером в пол-минима. Показав фото Торби, сказал:

— Посмотри. Запомни это лицо, — и забрал фотографию. — Ты сможешь узнать этого человека?

— Э-э... Дай-ка взглянуть еще разок.

— Ты должен узнать его. Смотри внимательнее.

Торби посмотрел и вернул снимок.

— Я его узнаю.

— Ты найдешь его в одном из баров около космопорта. Сперва загляни к Мамаше Шаум, потом в «Сверхновую», затем в «Деву под вуалью». Если там его не будет, ищи на улице Радости, пока не найдешь. Ты обязан найти его до начала третьего часа.

— Найду, пап.

— Затем положишь в свой горшочек несколько монет и вот эту штуку. Можешь плести ему все,

что угодно, только не забудь обронить, что ты — сын Калеки Баслима.

— Я все понял, папа.

— Тогда ступай.

По дороге к космопорту Торби не тратил времени зря. Накануне был карнавал Девятой Луны, и прохожих на улице почти не было, так что мальчик не стал делать вид, будто собирает подаяние, а двинулся кратчайшим путем через задние дворы, заборы и проулки, стараясь не попадаться на глаза не-выспавшимся ночным патрульным. До места'он добрался быстро, но нужного человека найти не смог: того не оказалось ни в одной из указанных Баслимом пивнушек. В других заведениях на улице Радости его тоже не было. Срок уже истекал, и Торби начинал тревожиться, когда вдруг увидел мужчину, выходящего из бара, в котором мальчик уже побывал.

Торби быстрым шагом пересек улицу и поравнялся с незнакомцем. Рядом с ним шел еще один человек — это было плохо. Но Торби все же приступил к делу.

— Подайте, благородные господа! От щедрот своих...

Второй мужчина кинул ему монетку. Торби поймал ее ртом.

— Будьте благословенны, господин... — и повернулся к нужному человеку. — Умоляю вас, благородный сэр. Не откажите несчастному в милостыне. Я сын Калеки Баслима и...

Второй мужчина хотел дать ему оплеуху.

— Поди прочь!

Торби увернулся.

— ...сын Калеки Баслима. Бедному старому Баслиму нужны еда и лекарства, а я — один-единственный сын...

Человек с фотографии полез за кошельком.

— Не давайте,— посоветовал ему спутник. — Все эти нищие — ужасные лгуны, и я дал ему достаточно, чтобы он от нас отвязался.

— На счастье... перед взлетом, — ответил человек с фотографии. — Ну-ка, что там у нас? — и, сунув пальцы в кошелек, заглянул в горшочек и что-то туда положил.

— Благодарю вас, господа. Да пошлет вам судьба сыновей.

Торби отбежал в сторону и заглянул в горшочек. Крошечный плоский цилиндрик исчез.

Потом он неплохо поработал на улице Радости и, прежде чем идти домой, заглянул на площадь. К его удивлению, отец сидел на своем излюбленном месте у помоста для торгов и смотрел в

сторону космодрома. Торби присел рядом.

— Все в порядке.

Старик что-то пробурчал в ответ.

— Почему ты не идешь домой, пап? Ты, должно быть, устал. Того, что я собрал, нам вполне хватит.

— Помолчи. Подайте, господа! Подайте бедному калеке!

В третьем часу в небо с пронзительным воем взмыл корабль. Лишь когда его рев затих, старик немного расслабился.

— Что это был за корабль? — спросил Торби.
— Это не синдонианский лайнер.

— Вольный Торговец «Цыганочка». Пошел к станциям Кольца... на нем улетел твой приятель. А теперь иди домой и позавтракай. Хотя нет, лучше зайди куда-нибудь, ты это заслужил.

Отныне Баслим не скрывал от Торби своих занятий, не имевших отношения к нищенствованию, но и не объяснял ему, что к чему. Бывали дни, когда на промысел выходил лишь один из них, и в таких случаях нужно было идти на площадь, поскольку выяснилось, что Баслима очень интересуют взлеты и посадки кораблей, особенно невольничьих, равно как и аукционы, которые проводились сразу же после прибытия

таких судов.

Обучаясь, Торби приносил старику все больше пользы. Баслим, по-видимому, был уверен в том, что у всякого человека хорошая память, и пользовался любой возможностью, чтобы внушить свою уверенность мальчику, несмотря на его недовольное ворчание.

— Пап, неужели ты думаешь, что я смогу все запомнить? Ты мне даже посмотреть не дал!

— Я показывал страницу не меньше трех секунд. Почему ты не прочел, что здесь написано?

— Ничего себе! Да у меня времени не было!

— А я прочел. И ты можешь. Торби, ты видел на площади жонглеров? Помнишь, как старый Мики, стоя на голове, жонглировал девятью кинжалами да еще крутил на ногах четыре обруча?

— Да, конечно.

— Ты мог бы сделать так же?

— Ну... не знаю.

— Кого угодно можно научить жонглировать... для этого нужно лишь не жалеть времени и оплеух,— старик взял ложку, карандаш и нож и запустил их в воздух. Через несколько секунд он уронил один предмет и вновь обратился к мальчику. — Когда-то я немножко занимался этим для забавы. Что же касается жонглирования

мыслями, то... ему тоже может научиться любой.

— Покажи мне, как это делать, пап.

— В другой раз, если будешь себя хорошо вести. А сейчас ты учишься правильно пользоваться своими глазами. Торби, жонглирование мыслями было придумано давным-давно одним мудрым человеком, доктором Реншоу[12] с планеты Земля. Ты, наверное, слышал о Земле?

— Э-э... Ну конечно, я слышал.

— Только, мне почему-то кажется, ты не веришь в ее существование.

— Ну, я не знаю... Но все эти россказни о замерзшей воде, которая падает с неба, о людоедах десятифутовой высоты, о башнях, которые выше Президиума, о крошечных людях, которые живут на деревьях... Пап, я же не дурак.

Баслим вздохнул и подумал о том, что с тех пор, как у него появился сын, ему приходилось вздыхать уже не одну тысячу раз.

— В этих легендах намешано много всякой чепухи. Как только ты научишься читать, я дам тебе книги с рисунками, которым можно верить.

— Но я уже умею читать.

---

[12] notes: 12

...одним мудрым человеком, доктором Реншоу... — Речь идет о психолингвисте С. Реншоу, авторе книги «Язык психологии и психология языка» (1936).

— Тебе только кажется, что умеешь. Земля действительно существует, Торби. Это и впрямь необыкновенная и прекрасная планета, самая необыкновенная из планет. Там жило и умерло очень много мудрых людей, разумеется, при соответствующем соотношении дураков и мерзавцев. Кое-что из той мудрости дошло и до нас. Сэмюэль Реншоу был как раз одним из таких мудрецов. Он доказал, что большинство людей проводят свою жизнь как бы в полусне. Более того, ему удалось показать, каким образом человек может пробудиться полностью и жить по-настоящему: видеть глазами, слышать ушами, чувствовать языком вкус, думать мозгами и хорошенько запоминать то, что он видел, слышал, ощущал, о чем мыслил.

Старик показал мальчику свою культю.

— Потеряв ногу, я не стал калекой. Своим единственным глазом я вижу больше, чем ты двумя. Я мало-помалу глохну, но я не так глух, как ты, ибо запоминаю все, что слышал. Так кто из нас калека? Но ты не вечно будешь калекой, сынок, поскольку я намерен обучать тебя по методу Реншоу, даже если мне придется силой вколачивать знания в твою тупую башку!

По мере того как Торби учился пользоваться

мозгами, он обнаружил, что ему это нравится; мальчик превратился в ненасытного читателя, и Баслиму каждую ночь приходилось приказывать ему выключать проектор и ложиться спать.

Многое из того, чем его заставлял заниматься старик, казалось Торби ненужным. Например, языки, которых он никогда не слышал. Однако для его разума, вооруженного новыми знаниями, эти языки оказались просты, и когда мальчик нашел у старика катушки и пленки, которые можно было прочесть и прослушать на этих «бесполезных» языках, он внезапно понял, что знать их вовсе нелишне. Он любил историю и галактографию; его собственный мир, раскинувшийся на световые годы в физическом пространстве, оказался на деле едва ли не теснее невольничьего барака. Торби открывал для себя новые горизонты с таким же удовольствием, с каким ребенок изучает свой кулачок.

В математике он не видел смысла, за исключением тех случаев, когда надо было на деле применять варварское искусство считать деньги. Но в конце концов он решил, что какого-то особого смысла и доискиваться не стоит. Математика — это игра вроде шахмат, только еще интереснее.

Порой старик задумывался, зачем все это нужно. Баслим уже понял, что мальчик оказался куда одареннее, чем он предполагал. Но пригодятся ли ему эти знания? Быть может, они лишь отделят его от остальной уличной компании? Какая судьба ждет его на Джуббуле — раба или нищего? Ноль, возведенный в энную степень, так нулем и останется.

— Торби!

— Да, пап. Подожди чуток, я как раз на середине главы.

— После дочитаешь. Я хочу поговорить с тобой.

— Да, мой господин. Да, хозяин. Сию минуту, босс.

— И не забывай о вежливости.

— Прости, пап. О чем ты хотел поговорить?

— Сынок, что ты будешь делать, когда я умру?

На лице Торби появилось выражение замешательства.

— Ты плохо себя чувствуешь, пап?

— Нет. Мне кажется, что я смогу протянуть еще много лет. Но может случиться и так, что завтра я не проснусь. В моем возрасте ни в чем нельзя быть уверенным. Что ты будешь делать в этом случае? Займешь мое место на площади?

Торби молчал, и Баслим продолжал:

— Ты не сможешь нищенствовать, и мы оба знаем это. Ты уже вырос и не сможешь достаточно убедительно рассказывать свои сказки. Прохожие верили им, пока ты был маленьким, но не теперь.

— Я не собираюсь сидеть у тебя на шее, пап, — тихо произнес Торби.

— Разве я тебя в этом когда-нибудь упрекал?

— Нет, — нерешительно ответил Торби, — я... ну, словом, я думал об этом. Ты мог бы сдавать меня внаем куда-нибудь, где требуются рабочие руки.

Старик гневно взмахнул рукой.

— Это не решение. Нет! Я собираюсь отослать тебя отсюда.

— Но ты обещал, что не станешь этого делать!

— Я ничего не обещал.

— Но мне вовсе не нужна свобода! Если ты освободишь меня, что ж, я останусь с тобой.

— Я имел в виду другое.

После долгой паузы Торби спросил:

— Ты собираешься продать меня, пап?

— Не совсем. В общем... и да, и нет.

Лицо Торби ничего не выражало. В конце концов он спокойно произнес:

— Так или иначе... я знаю, что ты имеешь в виду... и я полагаю, возражения тут неуместны. Это твое право, и ты был лучшим хозяином в моей жизни.

— Я тебе не хозяин!

— По бумагам выходит, что как раз наоборот. Это же подтверждает номер у меня на ноге.

— Прекрати! Никогда так не говори!

— Раб должен говорить именно так, либо вообще молчать.

— В таком случае умолкни ради бога! Давай-ка я все тебе объясню, сынок. Здесь тебе не место, и мы оба это знаем. Если я умру, не успев освободить тебя, то ты перейдешь во владение Саргона.

— Пусть сперва поймают меня!

— Поймают. Но даже дав тебе вольную, я не решу твоих проблем. Какие гильдии принимают вольноотпущенников?

Нищие? Возможно. Но ты вырос, и тебе все труднее попрошайничать. Большинство освобожденных, как ты знаешь, продолжает работать на прежних хозяев, ибо рожденные свободными не любят копаться в дерьме. Они недолюбливают вольноотпущенников и ни за что не соглашаются работать вместе с ними.

— Не беспокойся, пап. Я не пропаду.

— А я беспокоюсь. Так что слушай меня. Я собираюсь продать тебя знакомому, который вывезет тебя с планеты. На обычном корабле, не на невольничьем. Но вместо того, чтобы доставить тебя туда, куда положено по грузовой декларации...

— Нет!

— Придержи язык! Тебя отвезут на планету, где рабовладение преследуется по закону. Не могу сказать, куда именно, потому что не знаю маршрута корабля и даже того, на какой именно звездолет ты попадешь; детали еще надо будет продумать. Но я уверен, что ты сумеешь хорошо устроиться в любом свободном обществе.

Баслим умолк, чтобы еще раз взвесить и оценить мысль, которая пришла ему в голову. Быть может, послать парня на планету, где родился он сам, Баслим? Нет. И не только потому, что это очень трудно устроить, но и потому, что там не место для молокососа-эмигранта... Нужно отправить его в один из пограничных миров, где человеку достаточно острого ума и трудолюбия. Есть несколько таких не очень далеко от Девяти Миров. Баслим вновь пожалел о том, что не смог узнать, откуда Торби родом. Может быть, дома у него есть родственники, люди, которые помогли

бы мальчику. Какого черта! Почему нет никакого метода идентификации, распространенного на всю Галактику!

— Это все, что я могу сделать, — продолжал Баслим. — От момента продажи до старта корабля тебе придется побыть на положении раба, но что значат несколько недель по сравнению с возможностью...

— Нет!

— Не дури, сынок.

— Может быть, я говорю глупости. Но мне этого не хочется. Я остаюсь.

— Вот как? Сынок... мне неприятно это говорить, но ты не можешь мне помешать.

— Да?

— Ты сам говорил, что у меня есть бумаги, в которых сказано, что я имею право тебя продать.

— Ох...

— Иди спать, сынок.

Баслим не мог уснуть. Часа через два после разговора он услышал, как Торби тихонько поднялся. По шороху Баслим мог проследить каждое его движение. Торби оделся (то есть попросту обмотался набедренной повязкой), вышел в соседнюю комнату, порылся в хлебнице, напился впрок воды и ушел. Его горшочек для подаяний

остался дома: он даже не приблизился к полке, на которой тот обычно стоял.

После его ухода Баслим повернулся на другой бок и попытался уснуть, но сон не шел. Старику было слишком больно. Ему и в голову не пришло остановить мальчика: Баслим слишком уважал себя, чтобы не признавать права других на самостоятельные решения.

Торби не было четверо суток. Он вернулся ночью, и Баслим слышал его шаги, но и теперь не сказал мальчику ни слова. Зато он впервые за эти дни смог уснуть спокойным и крепким сном. Утром он встал, как обычно, и произнес:

— Доброе утро, сынок.

— Доброе утро, пап.

— Займись завтраком. Мне нужно кое-что сделать.

Они принялись за горячую кашу. Баслим, как всегда, ел аккуратно и равнодушно. Торби только ковырял кашу ложкой.

— Так когда ты собираешься продать меня? — наконец выпалил он.

— А я не собираюсь.

— Вот как?

— В тот день, когда ты убежал, я сходил в архив и выправил вольную грамоту. Теперь ты свобод-

ный человек, Торби.

Торби с удивлением посмотрел на старика и опустил глаза. Маленькие горки каши, которые он нагребал ложкой, тут же расплывались. Наконец он сказал:

— Жаль.

— Если бы тебя поймали, то ты был бы беглым рабом, а я хотел этого избежать.

Торби задумался.

— А за это полагается «II» и «Т», так ведь? Спасибо, папа. Пожалуй, я вел себя глупо.

— Ты прав. Но я думал не о наказании; порка и тавро — штуки, о которых быстро забываешь. Я думал о том, что после второй поимки все могло бы быть гораздо хуже. Лучше уж сразу быть укороченным, чем пойманным после клеймения.

Торби совсем забыл о своей каше.

— А что, собственно, делает с человеком лоботомия?

— М-м-м... В общем-то, лоботомия облегчает труд на тори-евых рудниках... впрочем, давай-ка не будем говорить о таких вещах за столом. Ты поел? Тогда бери горшок и не теряй времени. Нынче утром аукцион.

— Ты хочешь сказать, что я могу остаться?

— Здесь твой дом.

С того дня Баслим больше не предлагал мальчику уйти. Освобождение Торби ничего не изменило ни в их распорядке дня, ни в их отношениях. Торби сходил в Имперские Архивы, внес налог, а заодно и традиционный дар, как полагалось в таких случаях. После этого номер на его теле был перечеркнут татуированной линией, а рядом выкололи печать Саргона, номера книги и страницы, на которой было записано, что он отныне свободный гражданин Саргона, обязанный платить налоги, нести воинскую службу и голодать без помех.

Служащий, наносивший на номер Торби линию, взглянул на цифры и сказал:

— Не похоже, чтобы эта штука была у тебя от рождения, а, парень? Что, обанкротился твой старик? Или предки тебя продали, чтобы сбагрить?

— Не твое дело!

— По легче, парень, или ты узнаешь, что иголка может колоть больнее. А теперь отвечай мне вежливо. Согласно твоему клейму, ты принадлежал фабрике, а не частному лицу, и, судя по тому, как оно расплылось и выцвело, тогда тебе было пять-шесть лет. Так когда и где тебе его тиснули?

— Я не знаю. Правда, не знаю!

— Вот как? То же самое я говорю своей жене

каждый раз, когда она задает всякие вопросы... да не дергайся ты! Я уже почти кончил. Ну что ж... поздравляю тебя с вступлением в ряды свободных людей. Сам-то я свободен уже давно, и вот что я хочу сказать тебе, парень: да, ты почувствуешь свободу, но это не значит, что тебе от этого будет легче жить.

Глава 4

После освобождения жизнь Торби мало в чем изменилась, разве что пару дней у него болела нога. Правда, он и впрямь уже не мог быть «хорошим» попрошайкой: здоровому юноше подавали куда меньше, чем изможденному ребенку. Баслим зачастую просил Торби отвести его на площадь, а потом отсылал с поручением или отправлял домой учиться. Но в любом случае один из них всегда сидел на площади. Порой Баслим куда-то исчезал, даже не предупредив сына, и Торби приходилось весь день сидеть там, наблюдая за прибытием и отправлением кораблей, запоминая все, что происходило на аукционе, и собирая у шатающихся возле космопорта зевак, женщин без вуалей и посетителей пивнушек сведения о прибывших и стартовавших звездолетах.

Как-то раз Баслим исчез на целых две девятидневки; когда Торби проснулся, старика не было дома. Он отсутствовал гораздо дольше, чем когда бы то ни было; Торби пытался убедить себя, что отец сможет позаботиться о себе в любой обстановке, но перед его мысленным взором постоянно

мелькала картина: Баслим, лежащий где-нибудь в сточной канаве. Тем не менее он продолжал ходить на площадь, посетил три аукциона и записал все, что видел и был в состоянии понять.

Наконец Баслим вернулся. Он сказал лишь:

— Почему ты записывал вместо того, чтобы запоминать?

— Я запоминал, но боялся забыть. Ведь было так много всего!

— Эх-х!

После этого Баслим стал еще более молчаливым и сдержанным, чем был до сих пор. Торби думал, что отец, возможно, чем-то недоволен, но задавать такие вопросы Баслиму было бессмысленно. Как-то раз ночью старик сказал:

— Сынок, мы так и не решили, что ты будешь делать после моей смерти.

— Как это? Ведь мы все выяснили! Это мои сложности, пап!

— Нет, я лишь отсрочил обсуждение из-за твоего тупого упрямства. Но у нас нет времени ждать. У меня будет для тебя приказ, и ты должен будешь его выполнить.

— Погоди-ка, пап! Если ты думаешь, что тебе удастся хитростью заставить меня уйти от тебя...

— Да помолчи ты! Я же сказал: «когда меня не

станет», то есть когда я умру, ясно? Я не говорю об этих моих отлучках по делам. Так вот, ты найдешь одного человека и передашь ему послание. Я могу положиться на тебя? Ты ничего не упустишь? Не забудешь?

— Что ты, папа! Конечно! Но мне не нравится слушать такие речи. Ты будешь жить долго и даже, может быть, меня переживешь.

— Возможно. Ну, а теперь молчи, слушай и делай то, что я тебе скажу.

— Да, сэр.

— Ты найдешь одного человека (на это может уйти какое-то время) и передашь ему послание. Затем он кое-что поручит тебе... я надеюсь. Мне бы хотелось, чтобы ты в точности исполнил все, что он велит. Обещаешь?

— Конечно, пап, ведь это твое желание.

— Можешь считать это последней услугой старику, который старался сделать для тебя все, что в его силах, и сделал бы еще больше, будь он на это способен. Это последнее, чего я хочу от тебя, сынок. Не утруждай себя сжиганием жертвоприношений за упокой моей души, сделай лишь две вещи: передай послание и исполни все, что велит тот человек.

— Я обещаю, папа, — торжественно ответил

Торби.

— Ну вот и хорошо. А теперь за дело.

«Нужный человек» мог оказаться одним из пяти. Все они были шкиперами Вольных Торговцев, но их корабли не были приписаны к портам Девяти Миров, просто иногда брали здесь груз. Просмотрев список, Торби сказал:

— Насколько я помню, пап, только один из этих кораблей садился в нашем порту.

— Все они бывали тут в свое время.

— Но один из них может появиться здесь очень нескоро.

— Возможно, придется ждать годы. Но когда это произойдет, ты должен немедленно доставить послание.

— Любому из них? Или всем?

— Первому, который появится.

Послание было коротким, но запомнить его оказалось нелегко, потому что оно было составлено на трех языках — в зависимости от того, кто окажется получателем. И ни одного из этих языков Торби не знал. Баслим не стал объяснять смысла сообщения — он лишь потребовал, чтобы оно было заучено наизусть на всех трех языках.

После того, как Торби в седьмой раз промямлил первый вариант, Баслим в отчаянии заткнул

уши.

— Нет, нет, так не пойдет, сынок! Этот акцент!

— Но я стараюсь, — угрюмо ответил Торби.

— Знаю. Я хочу, чтобы послание можно было понять. Ты помнишь, как я делал тебя сонным и говорил с тобой?

— М-м-м... Да я каждый вечер сонный. И сейчас тоже.

— Тем лучше, — Баслим погрузил мальчика в легкий транс. Это оказалось непросто, потому что Торби стал менее восприимчив к гипнозу, чем в детские годы. Все же Баслиму это удалось. Затем он записал послание в гипнопедический аппарат, запустил его и проиграл мальчику с постгипнотической установкой, по которой сын, проснувшись, должен был в точности воспроизвести весь текст.

У Торби получилось. В течение последующих двух ночей Баслим ввел ему в память послание на двух других языках, а потом неоднократно проверял выученное. Услышав имя шкипера и название корабля, Торби должен был произносить текст на подходящем к случаю языке.

Баслим никогда не посылал Торби за городскую окраину: рабу требовалось специальное разрешение на поездку, и даже вольноотпущенники

должны были отмечаться в дни отъезда и приезда. Но по столице Торби пришлось побегать. Спустя три девятидневки после заучивания текстов Баслим дал ему записку, которую нужно было доставить в окрестности космопорта, бывшего скорее особой зоной Саргона, чем городским районом.

— Возьми свою вольную грамоту, а горшок оставь дома. Если тебя остановит полицейский, скажи, что ты ищешь какую-нибудь работу в порту.

— Он решит, что я сошел с ума.

— Но пропустит тебя внутрь. Они нанимают вольноотпущенников дворниками или чернорабочими. Записку держи во рту. Кого ты должен найти?

— Невысокого рыжеволосого человека, — повторил Торби, — с большой бородавкой над левой ноздрей. Он держит закусочную напротив главных ворот. Бороды у него нет. Я должен купить у него пирожок с мясом и сунуть записку вместе с деньгами.

— Все верно.

Торби нравилось ходить в новые, незнакомые места. Он не удивлялся тому, что отец на полдня отправил его в поход вместо того, чтобы связать-

ся с кем нужно по видеофону: люди их круга не пользовались такими удобствами, как видеофон. Что до королевской почты, то мальчику не доводилось получать или отправлять писем, и он считал почту самым ненадежным способом связи.

По пути к космопорту Торби предстояло миновать заводской район. Ему нравилась эта часть города: здесь постоянно бывало что-нибудь интересное, район был многолюдный и шумный. Торби перебегал дорогу перед самым носом грузовиков и весело откликался на брань водителей. Он заглядывал во все открытые двери, гадая, зачем нужны все эти механизмы и как это рабочие умудряются целый день простоять на одном месте, вновь и вновь проделывая одну и ту же операцию — они же не рабы в конце концов. Наверняка они свободные люди: рабам не разрешалось работать на силовых установках, разве что на плантациях, именно это и было причиной прошлогодних бунтов, когда Саргон воздел свою руку в пользу граждан.

Правда ли, что Саргон не спит и видит своим глазом все, что происходит в Девяти Мирах? Отец сказал, что все это чепуха и Саргон — такой же человек, как все. Но как тогда ему удалось стать

Саргоном?

Миновав заводской район, мальчик оказался возле космоверфи. В такую даль его еще не заносило. Тут стояли на капитальном ремонте несколько звездолетов, два корабля поменьше только строились, их окутывали стальные кружева лесов. При виде кораблей у Торби чаще забилось сердце, ему вдруг нестерпимо захотелось улететь отсюда. Да, он уже путешествовал на корабле, целых два раза — а может быть, даже три? — но это было давно, и он не желал лететь в невольничьем отсеке. Разве такой перелет назовешь путешествием?

Торби так увлекся, что едва не прошел мимо закусочной. Он вспомнил о ней, лишь заметив главные ворота. Они были вдвое шире обычных и охранялись. Над воротами аркой выгибался большой транспарант, увенчанный гербом Саргона. Закусочная располагалась прямо напротив; Торби проскользнул сквозь поток машин, которые сновали в воротах, и вошел в заведение.

За стойкой стоял не тот человек, который был нужен Торби: лысый, но оставшиеся волосы — черные, и никаких бородавок на носу.

Торби вышел на улицу и, с полчасика побродив вокруг, вернулся обратно. Нужный человек

так и не появился. Буфетчик явно заметил, что мальчик что-то высматривает, поэтому Торби подошел к нему и спросил:

— У вас есть сок солнечной ягоды с мякотью?

Буфетчик осмотрел его с головы до ног.

— Гони деньги.

Торби уже привык к проверкам своей платежеспособности. Он выудил монетку. Внимательно ее осмотрев, буфетчик откупорил бутылку.

— У стойки не пей, и так мало места.

Свободных табуреток было полно, но Торби не обиделся: он сознавал, какое положение занимает в обществе. Мальчик отошел от стойки, но не настолько далеко, чтобы навлечь на себя подозрение в попытке умыкнуть пустую бутылку, и сделал большой глоток. Посетители входили и выходили, и мальчик внимательно разглядывал каждого, надеясь, что рыжий, возможно, заскочит сюда перекусить. И вообще он держал ухо востро.

Наконец бармен посмотрел на Торби.

— Ты что, собираешься вылизать ее изнутри?

— Уже допил, спасибо! — Торби поднялся, отставил бутылку и сказал: — Последний раз, когда я сюда заходил, здесь работал такой рыжий парень...

Бармен опять посмотрел на него.

— Ты что, его приятель?

— Да нет. Просто захожу иногда хлебнуть холодненького и привык, что он тут отирается.

— Покажи-ка удостоверение.

— Что? Да мне вовсе не...

Буфетчик хотел схватить его за руку, но Торби по долгу службы прекрасно умел уворачиваться от тычков, пинков и затрещин, так что бармен поймал лишь воздух.

Он выбежал из-за стойки, но Торби уже бросился к выходу, стремясь затеряться в уличной толчее. Он уже почти пересек улицу, сделав два резких поворота, когда заметил, что бежит к воротам, а буфетчик что-то кричит стоящим около них стражникам.

Торби развернулся и нырнул в поток машин. К счастью, движение было насыщенным, потому что дорога обслуживала космопорт. Парень трижды едва не угодил под колеса. Потом он увидел поперечную улицу, заканчивающуюся сквозным проходом, проскользнул между двумя грузовиками, свернул в проулок, а потом еще раз, в первую же подворотню. Пробежав немного, он остановился за углом и навострил уши.

Погони не слыхать.

Торби не раз приходилось спасаться бегством, и он не боялся преследования. Побег состоит из двух действий: собственно отрыв от погони и отход, дабы обезопасить себя от случайностей. Первую задачу он выполнил, и теперь оставалось лишь покинуть район так, чтобы его не засекли — медленным шагом, без резких движений. Путая следы, он удалился от центра города, повернул налево на поперечную улицу, затем еще раз налево, в переулок, и теперь находился где-то позади закусочной; такую тактику он выбрал чисто подсознательно. Погоня будет двигаться от центра, и в любом случае его не станут искать возле закусочной. Торби прикинул, что через пять-десять минут буфетчик вернется за стойку, а стража — к воротам: они не могли оставлять свои посты без присмотра. В общем, Торби мог спокойно пройти по переулку и отправиться домой.

Он осмотрелся. Вокруг раскинулись пустыри. Земля на продажу, еще не застроенная фабриками. Нагромождение лавчонок, контор мелких дельцов, лачуг и убыточных мелких предприятий. Торби увидел, что стоит на задах маленькой прачечной. Здесь торчали шесты, висели веревки, валялись деревянные корыта. Из трубы в пристройке валил пар. Торби сообразил, что

закусочная через два дома отсюда. Он вспомнил выведенную от руки вывеску: «Домашняя прачечная "Маджестик". Самые низкие цены».

Можно было обойти здание и... но сперва лучше проверить. Торби распластался на земле, осторожно выглянул из-за угла и осмотрел переулок.

О черт! По переулку шли двое патрульных. Дал же он маху! Они не перестали гоняться за ним, а объявили общую тревогу. Озираясь, Торби подался назад. Куда деваться? В прачечную? Нет. В сарай во дворе? Они заглянут и туда. Остается только бежать... чтобы угодить в лапы другого патруля. Торби знал, что патрули могут оцепить район очень быстро. На площади он сумел бы проскользнуть сквозь самую густую цепь, но здешние места ему незнакомы.

Его взгляд упал на перевернутое корыто... мгновение — и Торби уже лежал под ним. Здесь было очень тесно: колени пришлось поджать к подбородку, а в спину вонзились какие-то щепки. Он испугался, что набедренная повязка, возможно, торчит наружу, но сделать уже ничего было нельзя: послышались чьи-то шаги. Они замерли рядом с корытом, и мальчик затаил дыхание. Кто-то влез на днище и стоял на нем.

— Эй, мать! — раздался мужской голос. — Давно

ты здесь?

— Давно. Не задень шест, а то повалишь мне белье!

— Мальчишку видела?

— Какого мальчишку?

— Молодого, но высокого, как взрослый. С пушком на подбородке. В набедренной повязке, без сандалий.

— Кто-то,— Торби услышал безразличный женский голос, — промчался тут, словно за ним черти гнались. Я не успела его разглядеть, веревку натягивала.

— Так это он и есть, наш мальчишка! Куда он делся?

— Прыгнул через забор и шмыгнул между теми домами.

— Спасибо, мать! Пошли, Джуби!

Торби ждал. Женщина продолжала возиться, стоя на корыте; дерево скрипело под ее ногами. Потом она слезла на землю и села на корыто. Легонько постучав, она тихо сказала:

— Сиди где сидишь, — и мгновение спустя Торби услышал, как она уходит.

Торби дожидался ее, пока не заныли кости. Но он решил сидеть до темноты. Конечно, был риск попасться ночному патрулю, который после на-

ступления комендантского часа останавливает всех, кроме знати, но выбраться отсюда засветло было и вовсе невозможно. Торби не мог понять, с какой стати ради него объявили общую тревогу, но выяснять это ему совсем не хотелось. Время от времени он слышал, как кто-то — может быть, та женщина? — ходит по двору.

Наконец, примерно через час, он услышал скрип несмазанных колес. Кто-то постучал по корыту.

— Когда я подниму корыто, сразу же прыгай в тачку. Она прямо напротив тебя.

Торби не ответил. Дневной свет резанул глаза, он заметил маленькую тележку и в следующее мгновение уже сидел в ней, прижавшись ко дну. Сверху на него навалили кучу белья. Но прежде чем белье закрыло ему обзор, он увидел, что корыто со всех сторон обвешано веревками, на которых висели простыни, скрывая его от постороннего взгляда.

Чьи-то руки разложили вокруг Торби тюки, и он услышал голос:

— Сиди тихо и жди команды.

— Хорошо, и миллион благодарностей! Когда-нибудь я отплачу вам за вашу доброту.

— Забудь об этом, — женщина тяжело вздох-

нула. — У меня когда-то был муж. Теперь он на рудниках. Меня не интересует, что ты там натворил. Но патрулю я никого не сдам.

— Ой, я очень сожалею...

— Умолкни!

Маленькая тележка затряслась, подскакивая на ухабах, и вдруг Торби почувствовал, что под колесами — ровное покрытие. Иногда они останавливались; тогда женщина брала один из тюков, уходила на несколько минут, возвращалась и сваливала в тележку кучу грязной одежды. Торби ждал с профессиональным долготерпением нищего.

Прошло немало времени, прежде чем повозка опять запрыгала на ухабах. Наконец она остановилась, и женщина вполголоса сказала:

— Как я скажу, прыгай вправо и уходи. Да поживее.

— Понял. Спасибо!

— Молчи!

Тачка прокатилась еще немного, замедляя ход, и женщина скомандовала:

— Давай!

Торби мгновенно отбросил узлы с бельем, выпрыгнул и приземлился на ноги. Прямо перед ним виднелся проход между двумя зданиями, ве-

дущий на улицу. Торби рванул по нему, не забыв оглянуться через плечо.

Тачка скрылась за углом. Мальчик так и не увидел лица ее хозяйки.

Два часа спустя он оказался в знакомом районе. Опустившись на землю рядом с Баслимом, Торби сказал:

— Плохи дела.

— Почему?

— Ищейки. Их там было целое полчище.

— Подайте, благородный господин!.. Ты проглотил записку?.. Подайте во имя ваших родителей!

— Конечно!

— Держи горшок! — Баслим стал на руки и одно колено и пополз прочь.

— Пап! Давай я тебе помогу.

— Оставайся на месте.

Торби остался, обиженный тем, что отец не захотел выслушать его рассказ. После наступления темноты он поспешил домой. Баслим сидел в кухне-ванной среди вороха барахла и нажимал кнопки диктофона и проектора одновременно. Торби взглянул на проецируемую страницу и отметил, что текст написан на непонятном ему языке, а в каждом слове — семь букв, не больше и не меньше.

— Привет, пап! Сделать ужин?

— Тут негде... и некогда. Поешь хлеба. Что произошло?

Уминая хлеб, Торби рассказал ему о своих приключениях. Баслим только кивнул.

— Ложись. Придется опять гипнотизировать тебя. У нас впереди длинная ночь.

Материал, который диктовал Баслим, состоял из цифр и бесчисленных трехсложных слов, в которых мальчик не видел смысла. Легкий транс принес приятную сонливость, и слышать голос Баслима, доносящийся из диктофона, было приятно.

Во время очередного перерыва, когда Баслим приказал ему проснуться, Торби спросил:

— Пап, для кого все эти послания?

— Если у тебя будет возможность передать их, ты узнаешь, не сомневайся. А возникнут сложности — попроси погрузить тебя в легкий транс, и все вспомнится.

— Кого попросить?

— Его... Неважно кого. А теперь засыпай. Ты спишь.

Старик щелкнул пальцами.

Диктофон продолжал бормотать. У полусонного мальчика появилось ощущение, что Баслим

куда-то уходил столько что вернулся. Протез его был пристегнут, и Торби это удивило: отец надевал его только дома. Затем до него донесся запах дыма и он рассеянно подумал, что на кухне что-то горит и надо пойти проверить. Но он был не в силах даже шевельнуться, и бессмысленные слова продолжали вливаться ему в уши.

Потом до него дошло, что это он сам рассказывает Баслиму заученное.

— Я все правильно запомнил?

— Да. А теперь иди отдыхать. Остаток ночи можешь спать спокойно.

Утром Баслима не оказалось дома. Торби даже не удивился: последнее время поступки отца стали еще более непредсказуемы, чем раньше. Позавтракав, мальчик взял горшочек и отправился на площадь. Дела шли из рук вон плохо, отец был прав: Торби выглядел слишком здоровым и сытым, чтобы быть удачливым попрошайкой. Может, стоит научиться выкручивать суставы, как это делает Бабка-Змея? Или достать контактные линзы с нарисованной катарактой?

Около полудня в порт прибыл грузовой звездолет, не значившийся в расписании. Наведя обычным способом справки, Торби выяснил, что это был Вольный Торговец «Сизу», приписанный

к порту Новая Финляндия на планете Шива III.

Все эти сведения он, как всегда, должен был сообщить отцу при встрече. Однако шкипер «Сизу», капитан Крауза, входил в число тех пятерых, кому Торби должен был при первой возможности передать послание старика.

Мальчик заволновался. Он знал, что отец жив и здоров, и встречу с капитаном Краузой представлял себе как дело отдаленного будущего. Однако, быть может, отец ждет не дождется, когда прилетит «Сизу»? Торговцы появлялись и улетали, порой проводя в порту лишь несколько часов. И никто не знал, когда именно это может случиться.

Торби подумал, что он может добраться до дому за пять минут и в придачу, возможно, заслужит благодарность отца. В худшем случае старик выбранит его за уход с поста на площади, но Торби сможет наверстать упущенное, прислушавшись к сплетням и пересудам.

Мальчик покинул площадь.

Руины старого амфитеатра протянулись на треть периметра нового. Дюжина лазов вела в лабиринт, который когда-то служил жилищем рабов, а оттуда бесчисленные ходы тянулись в ту часть развалин, где Баслим оборудовал себе

жилье. И он сам, и Торби каждый раз выбирали новый путь домой и старались приходить и уходить незаметно для всех.

Мальчик торопливо зашагал к ближайшему лазу, но там стоял полицейский. Торби прошел мимо, сделав вид, будто направляется к маленькой овощной лавочке на улице, примыкавшей к развалинам. Остановившись, он заговорил с хозяйкой:

— Как дела, Инга? Нет ли у тебя хорошей, зрелой дыни, которую ты собираешься выбросить на помойку?

— Нет для тебя никаких дынь.

Торби показал ей деньги.

— Как насчет вон той, побольше? Отдай мне ее за полцены, и я не стану обращать внимание на подпорченный бок, — он наклонился к хозяйке. — Чую я, тут пахнет жареным?

Она подмигнула, кивая на патрульного.

— Исчезни.

— Облава?

— Исчезни, я сказала.

Торби кинул на прилавок монетку, взял яблоко и пошел прочь, посасывая сок. Он не спешил.

Осторожная разведка показала, что развалины оцеплены полицией. У одного из входов под

присмотром патрульных толпилась горстка встревоженных обитателей подземелья. По оценкам Баслима, тут нашли кров человек пятьсот. Торби в этом сомневался, поскольку ему лишь изредка доводилось видеть входящих в развалины людей и еще реже — слышать чужие шаги под землей. Только двоих из задержанных он знал в лицо.

Через полчаса Торби, с каждой минутой волновавшийся все больше, обнаружил лаз, о котором полиция, похожее, не знала. Понаблюдав за ним несколько минут, мальчик под прикрытием кустов шмыгнул вниз. Он тотчас же оказался в кромешной тьме и двигался осторожно, постоянно прислушиваясь. Считалось, что у полицейских есть очки, позволяющие видеть в темноте, но Торби не был в этом уверен — мрак нередко помогал ему избежать встречи с патрулем. И все же он решил не рисковать.

Внизу и вправду была полиция: он услышал шаги двух легавых и увидел лучи фонариков, которыми те освещали путь. Если сыщики и имели очки ночного видения, то этим двоим их, наверно, забыли дать. Они явно что-то искали, держа наготове парализующие пистолеты. Но развалины были для Торби домом родным, а

полицейские их совсем не знали. В течение двух лет парень дважды в день отыскивал тут дорогу в кромешной тьме и поднаторел в спелеологии.

Сейчас он находился в тупике. Он двигался впереди них, не заходя слишком далеко, лишь бы не попасть под луч фонарика, по краю обошел дыру, ведшую на нижний уровень, нырнул в ближайшую дверь и стал ждать. Полицейские подошли к дыре, осмотрели узкий выступ, по которому Торби так ловко прошел в темноте, и один из них сказал:

— Без лестницы не обойтись.

— Да брось ты, найдем где-нибудь ступеньки или спуск, — и они ушли.

Торби немного выждал, затем вернулся и спустился в дыру.

Спустя несколько минут он уже был у своих дверей. Торби осматривался, прислушивался и принюхивался до тех пор, пока не убедился, что поблизости никого нет. Потом он подполз к двери и протянул палец к замку. И тут же понял: что-то не так.

Двери не было. Вместо нее зияла брешь.

Торби замер, напрягая все органы чувств. Пахло чужаками, но запах уже наполовину выветрился; не было слышно ни шороха, ни вздоха. Тишину

нарушал только стук водяных капель, падавших из крана на кухне.

Торби решил осмотреться. Оглянувшись, он не увидел лучей фонариков, вошел в прихожую и повернул выключатель, установив самый слабый свет.

Но свет не зажегся. Мальчик перепробовал все положения переключателя. Тщетно. Он прошел через чистенькую комнату Баслима, огибая раскиданные по ней вещи, добрался до кухни и протянул руку к свечам. На обычном месте их не оказалось, но Торби все же нашел одну штуку. Рядом лежали спички. Торби зажег фитиль.

Полный разгром!

Значит, в доме был обыск, хоть и торопливый, но тщательный. Искали, мало заботясь о порядке. Из шкафов и с полок все было вывалено на пол, там же валялись продукты. Матрасы в большой комнате вспороты, набивка вытащена. И все же в этом беспорядке угадывались признаки совершенно ненужного, бессмысленного вандализма.

Торби огляделся. Подбородок его дрожал, к глазам подступили слезы. У двери валялся протез отца, и Торби, увидев его сложный механизм, разбитый ударом тяжелого сапога, разразился рыданиями. Ему пришлось поставить свечу на

пол, чтобы не уронить ее. Он поднял сломанную ногу, прижал ее к груди, словно куклу, и опустился на пол, всхлипывая и раскачиваясь из стороны в сторону.

Глава 5

Торби несколько часов просидел в темном коридоре неподалеку от своего разрушенного жилища, возле первой развилки. Тут он сможет услышать, как отец возвращается домой, а если появится полиция, успеет удрать.

Он почувствовал, что засыпает, вздрогнул, очнулся и решил, что неплохо было бы узнать, который час; у Торби было такое ощущение, будто он сидит здесь не меньше недели. Вернувшись в каморку, он отыскал и снова зажег свечу. Но их единственные часы, их домашняя «Вечность», оказались разбитыми. Радиоактивная капсула, разумеется, продолжала отсчитывать время, но стрелки стояли. Торби посмотрел на них и заставил себя подумать о том, как ему теперь быть.

Будь отец на свободе, он бы уже вернулся. Но его схватила полиция. Может, они допросят его и отпустят?

Нет, не отпустят. Насколько Торби было известно, отец никогда не причинял Саргону вреда. С другой стороны, он уже давно знает, что Баслим — не просто безобидный старый нищий. Торби понятия не имел, зачем отец делал все то,

что не вязалось с образом «безобидного старого нищего», но полиция, по-видимому, знала или подозревала. Примерно раз в год полицейские «чистили» развалины, бросая в самые подозрительные лазы гранаты с рвотным газом; в итоге приходилось проводить пару ночей где-нибудь в другом месте, и только. На сей раз полицейские провели настоящую облаву. Они пришли, чтобы схватить отца, и что-то искали.

Полиция Саргона руководствовалась более старыми, чем юстиция, принципами: здесь было принято исходить из презумпции виновности, и к задержанному одна за другой применялись все более суровые меры воздействия, пока он не начинал говорить... Методы допроса были настолько хорошо всем известны, что подследственные предпочитали признаться еще до начала дознания. Однако Торби был уверен, что полиции не удастся заставить отца говорить о том, о чем он не захочет говорить.

Так что допрашивать его будут долго.

Быть может, они уже мучают его в эту самую минуту. У Торби судорожно сжался желудок.

Он должен вырвать папу из их лап.

Но как? Разве в силах один муравей штурмовать Президиум? А шансы Торби были немногим

выше, чем у этого муравья. Баслим может сидеть в камере местного полицейского участка. Самое подходящее место для такой мелкой сошки. Но Торби испытывал необъяснимое ощущение, что папа его не мелкая сошка... В таком случае он мог оказаться где угодно, хоть в застенках самого Президиума.

Торби мог бы отправиться в местный участок и спросить, куда девали его хозяина, однако тут же отбросил эту мысль: ведь его, как самого близкого человека, тоже стали бы допрашивать. Посадили бы в камеру и начали выколачивать ответы на те же вопросы, которые задают сейчас Баслиму, чтобы проверить, правду ли говорит старик (если, конечно, он им что-нибудь вообще говорит).

Торби не был трусом, он просто понимал, что ножом воду не разрежешь. И все, что можно сделать для отца, придется делать исподволь. Он не мог «качать права», у него не было прав. Такая мысль даже не пришла ему в голову. Будь его карманы набиты стел ларами, можно было бы решиться на подкуп. Но у Торби едва ли наберется два минима. Оставалось действовать потихоньку, и для этого требовались точные сведения.

Он пришел к такому решению, как только понял, что полиция не освободит отца ни сейчас, ни

позже. И все-таки в надежде на невозможное Торби написал записку, сообщая папе, что вернется завтра, и положил ее на полочку для сообщений.

Когда он выглянул наружу, была уже ночь. Торби никак не мог сообразить, сколько времени он провел в подземелье — то ли полдня, то ли около полутора суток. Поэтому он изменил свои планы: он собирался найти зеленщицу Ингу и расспросить ее, но поскольку полиции поблизости не было, он мог спокойно идти куда угодно, разумеется, стараясь не нарываться на ночные патрули. Но куда ему идти? Кто сможет или захочет дать ему нужные сведения?

У Торби десятки друзей, сотни людей он знал в лицо. Однако на всех его знакомых распространялось действие комендантского часа — Торби встречался с ними днем и даже не знал, где они ночуют. Но поблизости было одно место, где плевать хотели на комендантский час: заведения на улице Радости и примыкавших к ней переулках на ночь не закрывались. Ради процветания торговли и в интересах залетных астронавтов бары, игорные дома и прочие гостеприимные заведения круглые сутки держали двери нараспашку. Любой гражданин, даже освобожденный раб, мог оставаться там на всю ночь; правда, от начала

комендантского часа до рассвета он не мог оттуда уйти без риска быть задержанным патрулем.

Но риск не волновал Торби: он не собирался попадаться кому-либо на глаза и, хотя район патрулировался полицией, мальчик хорошо знал о привычках полицейских. Они ходили парами, держась освещенных мест, и вмешивались, лишь когда закон нарушался в открытую. Этот район привлекал Торби еще и тем, что слухи о любом событии разносились тут за много часов до того, как о нем сообщали в новостях, и были много полнее скудных официальных сообщений, в которых факты либо перевирались, либо просто замалчивались.

Наверняка на улице Радости найдется хоть один человек, который знает, что случилось с отцом.

Торби по крышам добрался до этого «веселого» места. Спустившись по водосточной трубе в темный двор, он вышел на улицу Радости и остановился поодаль от фонарей, высматривая патрульных или знакомых. Народу кругом было полно, но в основном это были люди приезжие. Торби знал всех владельцев и почти всех работников каждого из заведений по обе стороны улицы, но войти в них не спешил, опасаясь по-

пасть в лапы полиции. Он хотел найти человека, которому доверял, и поговорить с ним где-нибудь в подворотне.

Ни полиции, ни знакомого лица. А, нет! Вон тетушка Синэм.

Из всех гадалок, промышлявших на улице Радости, тетушка Синэм была самой лучшей, потому что никогда не нагадывала ничего, кроме удачи. И если предсказания тетушки не сбывались, клиенты были на нее не в обиде: приветливый голос тетушки звучал очень уж убедительно. Ходили слухи, что собственное богатство она приумножает, подрабатывая полицейской осведомительницей, но Торби не верил этим сплетням, потому что им не верил отец. Тетушка отлично знала все новости, и Торби решил попытать счастья. Если она и стучит в полицию, то сможет сказать лишь, что он жив и на свободе, а это легавым и так известно.

За углом справа от Торби находилось кабаре «Райский порт». Перед ним-то и расстелила свой коврик тетушка, дожидаясь конца представления, когда на улицу повалят клиенты.

Торби огляделся по сторонам и быстрым шагом дошел вдоль стены почти до самого кабаре.

— Тс-с! Тетушка!

Гадалка испуганно оглянулась, потом лицо ее приняло равнодушное выражение. Не разжимая губ, но достаточно громко, чтобы он мог ее услышать, она проговорила:

— Беги, сынок! Прячься! Ты что, с ума сошел?

— Тетушка... куда они его упекли?

— Забейся в нору и закрой за собой вход! За твою голову назначена награда!

— Награда? Брось, тетушка, кто станет платить за меня награду? Скажи лучше, где они его держат. Ты знаешь?

— Не держат они его!

— «Не держат»? Как это?

— Ты что, не знаешь? Бедный мальчик! Они его укоротили.

Торби был так потрясен, что потерял дар речи. Хотя Баслим не раз говорил с ним о своей смерти, Торби никогда не воспринимал его слова всерьез. Он даже представить себе не мог, что отец когда-нибудь умрет и покинет его.

Она говорила что-то еще, но Торби не слышал, и ей пришлось повторить:

— Ищейки! Сматывайся!

Торби оглянулся. В их сторону шли двое патрульных. Самое время удирать! Но с одной стороны улица, с другой — глухая стена. И ни

одной лазейки, кроме дверей в кабаре... Если он шмыгнет туда в таком наряде, прислуга просто кликнет патруль.

Но другого выхода не было. Торби повернулся к полицейским спиной и вошел в узкое фойе кабаре. Там никого не оказалось. На сцене шло последнее действие, и даже зазывалы не было видно. Рядом стояла стремянка, а на ней висел ящик с прозрачными буквами, которые вывешивались снаружи для оповещения об очередном представлении. Торби бросил на них взгляд, и тут его осенила идея, которая преисполнила бы сердце Баслима гордостью за своего питомца. Схватив ящик и стремянку, Торби выскользнул на улицу.

Полицейские были уже близко, но Торби, не обращая на них внимания, приладил стремянку под небольшим светящимся табло над входом и полез наверх, держась к патрульным спиной. Его тело было ярко освещено, но лицо и плечи скрылись в тени над верхней строчкой афиши. Одну за другой он принялся снимать буквы, из которых было составлено имя звезды нынешнего представления.

Двое полицейских подошли вплотную и остановились прямо под ним. Торби постарался унять охватившую его дрожь и продолжал трудиться

с размеренностью батрака, выполняющего осточертевшую ему работу. Снизу послышался голос тетушки:

— Добрый вечер, сержант!

— Привет, тетушка. Какие байки сегодня травим?

— Вот еще, байки! Я вижу в будущем твоем прелестную юную деву, руки ее прекрасны, как птицы. Дай мне ладонь, может быть, я прочту там ее имя.

— А что скажет моя жена, не знаешь? Нет, сегодня мне не до болтовни, тетушка, — сержант посмотрел на мальчика, меняющего над входом вывеску, и потер подбородок. — Мы ловим отродье старого Баслима. Ты его не видела?

Он еще раз поднял голову, наблюдая за возней наверху, и его зрачки слегка расширились.

— Стала б я тут сидеть, если бы видела!

— М-м-м...— полицейский повернулся к напарнику. — Рой, пошарь-ка в заведении у Туза и не забудь про сортир. А я понаблюдаю за улицей.

— Есть, сержант!

Напарник ушел, и старший полицейский вновь повернулся к предсказательнице.

— Плохи дела, тетушка... Кто бы мог подумать, что Баслим, этот калека, станет шпионить про-

тив Саргона?

— И в самом деле, кто? — она наклонилась вперед. — А правда, что он умер от страха прежде, чем его укоротили?

— У него был при себе яд. Старик, видно, заранее знал, что ему грозит. Из норы его вытащили почти мертвым. Вот уж позлился наш капитан.

— Зачем его укорачивали, если он уже помер?

— Ну, ну, ты же знаешь, тетушка: закон есть закон. Вот его и укоротили, хотя мне это тоже не нравится, — сержант вздохнул. — Такие дела. Как подумаю о несчастном парнишке, которому этот старый мошенник задурил голову... А теперь комендант с капитаном ждут не дождутся получить от парня ответы на вопросы, на которые так и не ответил старик.

— Какая им от него польза?

— Да никакой, естественно, — сержант поковырял землю концом дубинки. — Но будь я на месте этого парня и знай, что старик подох, я был бы уже ой как далеко отсюда. Нашел бы какого-нибудь фермера, которой не интересуется городскими делами и нуждается в дешевой рабочей силе. Но раз я не он, то пусть мне этот парень только попадется, от меня так просто не убежишь, уж я его отведу на допрос к капитану.

— Скорее всего, он сейчас зарылся где-нибудь в бобовые грядки и помирает от страха.

— Возможно. Но это все же лучше, чем расхаживать по городу в укороченном виде,— сержант еще раз осмотрел улицу и крикнул:

— Ладно, Рой! Чего ты там застрял?

Прежде чем уйти, он еще раз взглянул на Торби.

— Ну, пока, тетушка. Если увидишь его, кликни нас.

— Разумеется. Хайль Саргон!

— Хайль, хайль...

Полицейский медленно пошел прочь, а Торби продолжал делать вид, будто работает. Он изо всех сил пытался унять нервную дрожь. Из кабаре повалил народ, и тетушка заголосила, суля счастье, удачу и милости фортуны всего лить за несколько монет. Торби уже собирался спуститься вниз, сложить стремянку, забросить ее в кабаре и смыться, когда в его лодыжку вцепилась чья-то рука.

— Что ты здесь делаешь?

Торби похолодел, но тотчас сообразил, что это всего лишь управляющий, разгневанный тем, что его вывеску разобрали. Не глядя вниз, Торби сказал:

— А что случилось? Вы же сами мне заплатили, чтобы я снял эту афишу.

— Я? Заплатил тебе?

— Ну конечно. Вы сказали мне... — Торби скосил глаза вниз и притворился изумленным и смущенным. — Ой, это были не вы!

— Еще бы! А ну, слезай!

— Не могу! Вы держите меня за ногу!

Человек отпустил Торби и отступил на шаг, чтобы мальчик мог спуститься.

— Не знаю, какой идиот велел тебе... — увидев попавшее в луч света лицо мальчика, он запнулся и закричал:

— Да это же сын того самого нищего!

Торби метнулся в сторону, увернувшись от едва не схватившей его руки. Он лавировал между прохожими, а вслед ему несся вопль:

— Патруль! Патруль! Полиция!

Потом он снова оказался в темном дворе и, подгоняемый адреналином в крови, взлетел вверх по водосточной трубе, словно по ровной дороге. Он остановился, лишь преодолев добрую дюжину крыш, уселся возле дымохода и, переведя дух, попытался собраться с мыслями.

Итак, отец мертв. Невозможное случилось. Старый Подди не стал бы говорить, не знай он

наверняка. И голова отца в эту минуту торчит на колу возле пилона вместе с головами других бедолаг! На миг представив себе это ужасное зрелище, Торби сжался в комок и заплакал.

Прошло немало времени, прежде чем он поднял голову и встал на ноги, вытирая глаза костяшками пальцев.

Папа мертв. Ладно, что же теперь делать?

Во всяком случае, отец сумел избежать допросов. К горечи в душе Торби примешалась гордость. Отец был по-настоящему умным человеком и, хотя они его поймали, он все же напоследок посмеялся над ними.

И все-таки, как же теперь быть?

Тетушка Синэм предупредила: надо скрыться. Сержант Подди абсолютно ясно ему посоветовал, чтобы он сматывался из города. Хороший совет. Если Торби не хочет, чтобы его укоротили, надо покинуть город затемно. Отец не хотел бы, чтобы Торби сидел, дожидаясь ищеек: надо действовать быстро и без промедления. К тому же, отцу уже ничем не поможешь, он мертв... Эй, постой-ка!

«Когда я умру, ты найдешь человека и передашь ему послание. Я могу положиться на тебя? Ты ничего не забудешь?»

Да, папа! Ты можешь быть уверен: я ничего не

забыл, и я передам все слово в слово! Впервые за полтора дня Торби вспомнил, почему он вернулся домой раньше обычного: в порт прибыл корабль «Сизу»; его шкипер был одним из тех людей, которые значились в списке отца. «Первому из тех, кого ты встретишь»,— вот что сказал Баслим. Я не потерял голову, папа; я немножко растерялся, но теперь я вспомнил, я сделаю! Я сделаю то, что ты говорил. Вспышка ярости придала Торби силы: это послание наверняка и есть то самое последнее и самое важное дело, которое не успел завершить отец. Ведь они сказали, что он шпион. Ну что ж, он поможет отцу довести дело до конца. Я все сделаю, папа! Мы им еще покажем!

Торби не мучали угрызения совести из-за той «измены», которую он собирался совершить: его привезли сюда как раба, против воли, и он не испытывал никакой преданности Саргону, а Баслим даже и не пытался ему внушить этого чувства. И вообще самым сильным из всех чувств, которые он питал к Саргону, был суеверный страх, но даже он отступил под натиском яростной жажды мести. Сейчас Торби не боялся ни полиции, ни самого Саргона; он просто хотел избежать встречи с ними, чтобы выполнить последнюю волю Баслима. Ну, а если его поймают, то... он надеялся, что

все же успеет сделать все необходимое прежде, чем его укоротят.

Если «Сизу» все еще в порту...

О, он должен быть там! Тем не менее, первым делом нужно узнать, не покинул ли корабль планету... Хотя, впрочем, нет, сначала нужно укрыться, пока не рассвело. Улизнуть от шпиков сейчас в миллион раз важнее, чем раньше, именно сейчас, когда до его тупой башки дошло, что есть еще кое-что, что он может сделать для папы.

Скрыться, найти «Сизу», передать послание его шкиперу... и это при том, что вся полиция района брошена на его поиски...

Может быть, лучше добраться до космоверфи, где его никто не знает, и, вернувшись в порт кружным путем, найти «Сизу»? Нет, так не годится: он уже чуть не попал в лапы тамошних патрулей, и все потому, что не знал местности. А здесь ему, по крайней мере, знаком каждый дом и большинство жителей.

Но ему нужна помощь. Не может же он просто выйти на улицу и заговорить с первым попавшимся звездолетчиком! К кому из его приятелей можно со спокойной душой обратиться за помощью? Зигги? Чепуха: Зигги тут же его выдаст,

рассчитывая получить обещанную награду. За пару минимов Зигги продаст родную мать — Зигги считает, что тот, кто не думает о своей выгоде в первую очередь, в последнюю и всегда — просто губошлеп и придурок.

Кто же? Торби с огорчением подумал, что все его друзья одного с ним возраста и так же, как и он, мало что могут сделать. Он не знал, где ночует большинство из них, и уж конечно не мог рыскать по округе днем, чтобы встретиться с кем-нибудь. Что же касается тех немногих, что жили вместе с родителями и адреса которых он знал, то, во-первых, им вряд ли можно доверять, а во-вторых, их родичи сразу же побегут в полицию. В большинстве своем законопослушные граждане из тех, что были ему ровней, старались не лезть не в свое дело и не ссориться с властями.

Придется обратиться к друзьям отца.

Их он повычеркивал почти так же быстро. О большинстве этих людей он не мог сказать наверняка, близкие это друзья или просто знакомые. Единственный человек, до которого можно добраться и который сумеет помочь,— мамаша Шаум. Как-то раз она приютила Торби и Баслима, когда их выкурили газом из подземелья, и у нее всегда находилось для Торби доброе слово и

холодное питье.

Приближался рассвет, и мальчик тронулся в путь.

Мамаша Шаум содержала пивную и гостиницу в дальнем конце улицы Радости, прямо напротив ворот порта, через которые звездолетчики выходили в город. Спустя полчаса, миновав немало крыш, пару раз спустившись в темные дворы и один раз перебежав через освещенную улицу, Торби оказался возле ее заведения. Он не осмелился войти прямо в дверь: его увидело бы слишком много народу, и Шаум была бы вынуждена вызвать патруль. Он подумал было о черном ходе и присел на корточки между двумя мусорными баками, присматриваясь, но потом рассудил, что, судя по голосам, на кухне битком народу.

Но когда он добрался до крыши, почти рассвело. Он все-таки отыскал чердачный люк, но ни открыть его, ни сломать голыми руками оказалось невозможно. Торби посмотрел во двор, рассчитывая спуститься вниз и, плюнув на все, проникнуть в дом с черного хода. Солнце почти взошло, и надо было спрятаться любой ценой. Заглянув за край крыши, он заметил вентиляционные отверстия — по одному с каждой стороны чердака. Они были едва ли шире его плеч, но

вели в дом. Их проемы были забраны деревянными ставнями, но после нескольких неудачных попыток ему все же удалось выбить одну из них. Босыми ногами Торби ступил на край проема и скользнул внутрь. Он влез по пояс, но набедренная повязка зацепилась за острые обломки ставни и не дала ему пролезть дальше. Ноги оказались внутри, а руки, грудь и голова — снаружи. Он был не в силах пошевелиться, а небо делалось все светлее и светлее.

Мальчик рванулся что было сил, и повязка порвалась. Он провалился вниз, ударившись головой и едва не потеряв сознание. Он замер и перевел дух, а затем кое-как приладил ставню на место. Конечно, она теперь не задержит всяких вредных зверьков, но снизу, с расстояния в четыре этажа, может обмануть глаз. Только теперь до него дошло, что он чуть не свалился с высоты этих четырех этажей.

Крыша была такая низкая, что по чердаку можно было передвигаться только ползком. Торби лихорадочно обшарил его в поисках люка. Первая попытка не увенчалась успехом, и мальчик даже засомневался, есть ли он здесь вообще. Торби знал, что в домах должен быть лаз на чердак, но вообще-то устройство домов было ему неиз-

вестно, поскольку Торби не часто доводилось в них бывать.

Он смог отыскать лаз только когда солнечные лучи пробились через вентиляционные отверстия и осветили чердак. Лаз оказался с противоположной стороны, ближе к улице.

И он был заперт снизу.

Но крышка оказалась не такой прочной, как ставня. Торби осмотрелся, нашел тяжелый прут, брошенный здесь каким-то строителем, и стал долбить им дерево. В конце концов он выбил сучок, отложил прут в сторону и заглянул в отверстие.

Под ним была комната; Торби разглядел кровать, на которой лежал человек.

Он решил, что большей удачи и быть не может. Ему предстоит иметь дело только с одним человеком, и он уговорит его найти мамашу Шаум, не поднимая тревоги. Он перестал наблюдать, сунул в отверстие палец и нащупал запор, потом ногтем отодвинул защелку и бесшумно поднял крышку.

Человек на кровати даже не шевельнулся.

Торби спустился в люк, уцепившись пальцами за его края, потом прыгнул и сжался в комок, стараясь не шуметь. Человек уже сидел на постели, нацелив на мальчика пистолет.

— Долго же тебя пришлось ждать. Уже целый час слушаю, как ты там скребешься.

— Матушка Шаум! Не стреляйте!

Она подалась вперед, всматриваясь в мальчика.

— Сын Баслима, — женщина тряхнула головой. — Да, парень, видочек у тебя... к тому же ты опаснее горящего матраса... Зачем ты сюда забрался?

— Мне больше некуда идти.

Она нахмурилась.

— Я полагаю, это комплимент... хотя лично я предпочла бы заразиться проказой,— она вылезла из постели в одной ночной рубашке и, прошлепав босыми ступнями к окну, выглянула наружу. — Ищейки здесь, ищейки там... ищейки обнюхивают каждый угол и распугивают моих клиентов... Ты, парень, наделал больше переполоху, чем те бунты на заводах. Почему бы тебе сразу не покончить с собой?

— Вы не спрячете меня, матушка?

— Кто сказал, что не спрячу? Я никогда еще никого не закладывала. Но я вовсе не обязана радоваться этому, — она посмотрела на мальчика. — Когда ты ел в последний раз?

— Не помню.

— Сейчас соберу чего-нибудь... полагаю, запла-

тить ты не сможешь? — она бросила на Торби колючий взгляд.

— Я не голоден. Матушка, вы не знаете, «Сизу» еще в порту?

— Что? Не знаю. Впрочем, знаю; да, он еще здесь, вечером ко мне заходили двое из экипажа. А зачем тебе?

— Я должен передать шкиперу послание. Я должен с ним встретиться. Обязательно!

Матушка Шаум издала полный отчаяния стон.

— Сперва он вламывается в дом порядочной работящей женщины и мешает ей спать, валится сверху, подвергая опасности ее жизнь и едва не переломав ей руки-ноги... да еще лицензию могут отобрать... от него воняет, он весь в крови, и теперь, хочешь не хочешь, а придется дать ему чистое полотенце, а стирка тоже денег стоит. Он голодный и не может заплатить за еду... И он еще смеет нагло требовать, чтобы я бегала по его поручениям!

— Я не голоден... и меня вовсе не волнует, дадут мне помыться или нет. Но я должен увидеться с капитаном Краузой.

— Будь любезен, не командуй в моей собственной спальне. Насколько я знаю старого мошенника, с которым ты жил, он избаловал

тебя и недостаточно часто лупил. Тебе придется подождать, пока не придет кто-нибудь с «Сизу», чтобы я могла передать весточку капитану, — она повернулась к двери. — Вода в горшке, полотенце — на вешалке. Давай, отмывайся!

Матушка Шаум вышла.

Умывшись, Торби почувствовал себя лучше. На туалетном столике нашелся стрептоцид, и он обработал свои царапины. Шаум вернулась и положила перед Торби солидный кусок мяса, два ломтя хлеба-, поставила кувшин молока и, ни слова не говоря, вышла из комнаты. Торби и мысли не допускал, что сможет есть после смерти папы, но теперь у него вновь разыгрался аппетит. Встреча с мамашей Шаум успокоила мальчика.

Хозяйка вернулась.

— Дожевывай и прячься. Ходят слухи, что полиция собирается обыскать каждый дом.

— Да? Тогда мне пора сматываться.

— Замолчи и делай то, что я говорю. Прячься.

— Куда?

— Сюда, — ответила она, указывая пальцем.

В углу у окна стоял пуфик, а рядом с ним размещался встроенный шкафчик. Главным его недостатком были размеры. Шириной он был с человеческое туловище, но высота его составляла

лишь треть роста взрослого мужчины.

— Вряд ли я туда втиснусь.

— То же самое подумают и легавые. Давай быстрее,— она откинула крышку, вытащила барахло и приподняла заднюю стенку шкафчика. В стене открылось отверстие, ведущее в смежную комнату. — Суй туда ноги и не воображай, что ты первый, кто здесь прячется.

Торби влез в шкафчик и, просунув ноги в отверстие, лег на спину; опущенная крышка была в нескольких сантиметрах от его лица. Мамаша Шаум набросала сверху тряпья.

— Как ты там?

— Все в порядке. Матушка, а он правда мертв?

Ее голос смягчился.

— Да, малыш. Это очень печально.

— Вы уверены?

— Поначалу я тоже сомневалась, зная старика. И решила прогуляться к пилонам, убедиться. Это он. И знаешь, что я тебе скажу? У него на лице улыбка, будто он, как всегда, перехитрил их... Да так оно и есть. Они ох как не любят, когда человек умирает до допроса, — она опять вздохнула. — Если хочешь, можешь поплакать, но только тихо. Услышишь кого-нибудь — молчи.

Крышка захлопнулась. Торби боялся задох-

нуться, но через некоторое время понял, что в шкафчике были дыры для вентиляции. Воздуха не хватало, но дышать было можно. Он повернул голову, чтобы наваленная сверху одежда не давила на нос.

И, поплакав, заснул.

Его разбудили шаги и голоса, раздавшиеся очень вовремя: спросонья он едва не сел в своем укрытии. Крышка приподнялась и вновь захлопнулась, оглушив его; мужской голос сказал:

— В этой комнате пусто, сержант!

— Посмотрим! — Торби узнал голос Поддди. — Ты забыл про чердак. Давай лестницу.

— Там ничего нет, — сказала мамаша Шаум. — Наверху ничего, кроме воздуха, сержант.

— Я же сказал: «посмотрим».

И через несколько минут добавил:

— Дай-ка фонарик... Хм... вы правы, Шаум... Но он здесь был!

— Что?

— В том конце крыши выломана ставня... И следы в пыли. Я думаю, он пробрался через чердак, спустился в вашу спальню и убежал.

— Святые и черти! Ведь он мог убить меня в моей же постели! Так-то полиция нас бережет!

— Вы же не пострадали... И все-таки я посо-

ветовал бы вам починить ставню, иначе у вас поселятся змеи и прочие их родственники, — он помолчал и продолжил:

— Мне думается, он хотел отсидеться где-нибудь в этом районе, но понял, что это опасно, и вернулся в развалины. Что ж, если так, мы, конечно же, выкурим его оттуда.

— Так вы полагаете, мне ничего не грозит?

— А зачем ему нужен такой куль с жиром!

— Фи, как грубо! А я-то собиралась предложить вам промыть горло от пыли.

— Да? Ну что ж, идемте на кухню и обсудим это. Быть может, я неправ.

Торби услышал, как они уходят и уносят лестницу. Наконец он осмелился вздохнуть свободнее.

Вскоре мамаша Шаум вернулась и подняла крышку, порча:

— Можешь размять ноги. Но будь готов сигануть обратно. Три пинты моего лучшего пива! Тоже мне, полицейские!

Глава 6

Шкипер «Сизу» появился в тот же вечер. Капитан Крауза был высоким и плотным белокурым мужчиной; озабоченное выражение лица и жесткая складка у рта говорили о привычке командовать и нести на своих плечах бремя ответственности. Он был явно зол на себя и на того человека, который осмелился оторвать его от повседневных забот. Капитан бесцеремонно оглядел Торби с ног до головы.

— Так что, матушка Шаум, это и есть тот человек, который говорил, будто у него ко мне важное дело?

Капитан изъяснялся на языке торговцев Девяти Миров, жаргонном варианте саргонезского, лишенном склонений и спряжений и имевшем чисто рудиментарный позиционный синтаксис. Но Торби понимал это наречие. Он ответил:

— Если вы — капитан Фьялар Крауза, то у меня есть к вам послание, благородный господин.

— Не называй меня «благородным господином». Да, я и есть капитан Крауза.

— Да, благор... то есть я хотел сказать, да, капитан.

— Если у тебя есть что сказать, то я слушаю.

— Да, капитан,— и Торби принялся излагать послание Баслима на языке Суоми. — «Капитану Фьялару Краузе, командиру звездолета «Сизу», от Калеки Баслима. Приветствую тебя, мой старый друг! Я передаю привет также твоей семье, клану и всей родне. Выражаю почтительное уважение твоей досточтимой матери. Я говорю устами своего приемного сына. Он не понимает финского; я обращаюсь к тебе в частном порядке. Когда ты получишь это послание, меня уже не будет в живых...»

Крауза, уже начавший улыбаться, вдруг вскрикнул от изумления. Торби умолк.

— Что он говорит? — вмешалась мамаша Шаум. — Что это за язык такой?

— Это мой язык,— отмахнулся Крауза. — Так это правда? То, что говорит мальчишка?

— Какая правда? Откуда мне знать? Для меня его речь — пустой звук.

— О! Прошу прощения! Он говорит, что старый нищий, который болтался на площади и называл себя Баслимом, умер. Это так?

— Ага! Конечно, это правда. Я сама могла сказать вам, кабы знала, что вам интересно. Все знают о том, что он мертв.

— Все, кроме меня. А что с ним случилось?

— Его укоротили.

— Укоротили? За что?

Она пожала плечами.

— Почем мне знать? Ходят слухи, что он не то отравился, не то сделал еще что-то. В общем, убил себя сам, чтобы не попасть к ним на допрос. Но я не знаю наверняка. Я всего лишь бедная старая женщина, стараюсь жить честно, а цены с каждым днем растут... Полиция Саргона не делится со мной своими секретами.

— Но если... впрочем, не важно. Он обвел их вокруг пальца, верно? Это очень на него похоже, — Крауза обернулся к Торби. — Ну что ж, продолжай.

Прерванный на полуслове, Торби был вынужден вернуться к самому началу. Крауза с нетерпением дождался, пока мальчик дошел до слов «...уже не будет в живых. Мой сын — это все, что у меня было, и я доверяю его твоим заботам. Прошу тебя помочь ему и воспитать его, как это делал я. Я хотел бы, чтобы ты при первой же возможности передал мальчика капитану какого-либо военного корабля Гегемонии. Скажи, что он — похищенный гражданин Гегемонии, и что ему нужно помочь в поисках семьи. Если

они возьмутся за дело как следует, то смогут установить его личность и вернуть парня родным. В остальном всецело полагаюсь на твой опыт. Я велел ему слушаться тебя и полагаю, что он будет это делать. Он хороший мальчик, разумеется, со скидкой на возраст и житейский опыт, и я с легким сердцем доверяю его тебе. А теперь я должен уйти. Я прожил-долгую и богатую событиями жизнь и вполне доволен ею. Прощай».

Капитан закусил губу, и на его лице появилось такое выражение, будто он с трудом сдерживает слезы. Наконец он хрипло произнес:

— Все ясно. Что ж, парень, ты готов?

— Сэр?

— Я забираю тебя с собой. Разве Баслим тебе не говорил?

— Нет, сэр. Но он велел мне делать все, что вы скажете. Я должен пойти с вами?

— Да. Как скоро ты сможешь отправиться в путь?

Торби сглотнул.

— Хоть сейчас, сэр.

— Тогда идем. Я должен вернуться на корабль, — капитан осмотрел Торби. — Матушка, нельзя ли подыскать для него что-нибудь поприличнее? Не могу же я взять на борт такого оборванца.

Впрочем, не надо. Тут на улице есть лавочка, я сам куплю ему костюм и все, что нужно.

Женщина слушала его с возрастающим изумлением.

— Вы берете его к себе на корабль? — спросила она наконец.

— А вы против?

— Что? Вовсе нет... если вас не заботит, что его разорвут на куски.

— О чем это вы?

— Вы с ума сошли? По пути отсюда до ворот порта вы встретите не меньше шести ищеек, которые ради вознаграждения готовы землю рыть!

— Хотите сказать, что этот парень в бегах?

— Как вы думаете, чего ради я стала бы прятать его в своей спальне? Он жжется почище кипящего сыра!

— Но почему?

— Откуда мне знать? Только это так.

— Вы что, в самом деле считаете, будто такой вот парнишка может знать о делах Баслима так много, что они...

— Давайте не будем говорить о том, что делал или мог сделать Баслим. Я — законопослушная гражданка Саргона... и мне вовсе не хочется, чтобы меня укоротили. Вы говорите, что берете

мальчишку на свой корабль. Я говорю «отлично!» Я рада избавиться от хлопот. Но как?

Крауза пощелкал костяшками пальцев.

— Я полагал,— медленно проговорил он,— что должен лишь провести его через ворота и заплатить эмиграционный сбор.

— Вы ошиблись, так что забудьте об этом. Нет ли возможности взять его на борт, минуя ворота?

Капитан явно встревожился.

— На этой планете приняты такие суровые меры против контрабанды, что мой корабль будет конфискован, если парня засекут. Вы просите меня рискнуть своим кораблем... своей головой... и всем экипажем.

— Я не прошу вас рисковать. У меня своих забот достаточно. Я лишь объяснила, как обстоят дела. Если хотите знать мое мнение, то попытка увезти Торби — чистое безумие.

— Капитан Крауза... — подал голос Торби.

— Чего тебе, парень?

— Папа велел мне делать все, что вы скажете... Но я уверен, что он не захотел бы подвергать вас риску из-за меня, — Торби проглотил подкативший к горлу комок. — Я не пропаду.

Крауза нетерпеливо рубанул ладонью воздух.

— Нет! — сурово произнес он. — Баслим хо-

тел, чтобы я это сделал... а долги надо платить! Всегда!

— Не понимаю.

— А тебе и не нужно понимать. Баслим хотел, чтобы я забрал тебя с собой, значит, быть по сему, — он повернулся к мамаше Шаум. — Вопрос один: как это сделать? У вас есть какие-нибудь идеи?

— М-м-м... Есть одна мыслишка. Пойдемте, обсудим ее, — она повернулась. — А ты, Торби, лезь назад в свое укрытие и будь осторожен. Возможно, мне придется кое-куда сходить.

На другой день, незадолго до наступления комендантского часа, большой портшез покинул улицу Радости. Патрульный остановил его, и из-за занавески высунулась голова мамаши Шаум. Патрульный удивился.

— Уезжаете? Кто же будет заботиться о ваших клиентах, матушка?

— У Мюры есть ключи,— ответила женщина. — Но ты, как добрый друг, все же пригляди за моим заведением. Мюре не хватает моей твердости.

Мамаша Шаум вложила что-то в ладонь полицейского. Это «что-то» тотчас исчезло.

— Договорились. Вас не будет всю ночь?

— Надеюсь, что нет. Возможно, лучше иметь пропуск, как ты думаешь? Я хотела бы, завершив

дела, сразу вернуться домой.

— Сейчас с пропусками строго.

— Все еще ищут мальчишку того нищего?

— В общем-то да. Но мы его найдем. Если он удрал за город, то сдохнет с голоду. Если остался здесь, его затравят.

— Ну, меня-то вы с ним не спутаете. Так как насчет краткосрочного пропуска для старой женщины, которой нужно нанести частный визит? — она положила на дверцу руку; между пальцами торчал уголок банкноты.

Патрульный взглянул на бумажку и заозирался по сторонам.

— До полуночи хватит?

— Думаю, этого достаточно.

Полицейский вытащил книжку с бланками, что-то нацарапал в ней, потом вырвал страничку и протянул женщине. Как только она взяла документ, деньги исчезли.

— Только не задерживайтесь после полуночи.

— Надеюсь управиться раньше.

Он заглянул в портшез, затем осмотрел его снаружи. Четверо носильщиков стояли спокойно, не говоря ни слова, да оно и неудивительно, поскольку все они были лишены языков.

— Откуда они? Из гаража «Зенит»?

— Я всегда вызываю оттуда.

— Кажется, я их узнаю. Неплохо подобраны.

— Осмотри их хорошенько. Может, среди них — сын нищего.

— Эти здоровые волосатые скотины? Бросьте, матушка!

— Пока, Шол.

Носильщики плавно подняли портшез и трусцой двинулись вперед. За углом Шаум приказала им замедлить ход и плотно задернула занавески. Похлопала по разбросанным вокруг диванным подушкам.

— Как ты там?

— Вы меня почти раздавили, — ответил слабый голос.

— Лучше быть раздавленным, чем укороченным. Сейчас станет чуть полегче. Ну и острые же у тебя коленки!

Всю последующую милю она сосредоточенно переодевалась и обвешивалась драгоценностями. Затем опустила вуаль так, что видны были только ее живые черные глаза. Покончив с этим, высунула наружу голову и отдала несколько приказаний старшему носильщику; портшез свернул направо, к космопорту. Когда они добрались до высокого глухого забора, уже почти стемнело.

Ворота для звездолетчиков находятся в самом начале улицы Радости. Пассажирский выход был расположен восточнее, в здании эмиграционного контроля. Еще дальше, в районе складов, были торговые ворота, через которые везли грузы, и таможня. Еще дальше, в нескольких милях, находились ворота космоверфи. А между верфью и торговыми воротами была маленькая калитка для знати, для тех ее представителей, у которых хватало денег на содержание собственных космических яхт.

Портшез поравнялся с забором космопорта неподалеку от торговых ворот, свернул и двинулся вдоль стены к воротам, представлявшим собой несколько проездов, ведущих к разгрузочным докам. Дорогу преграждал барьер, подле которого надлежало разгружать прибывшие фургоны. Здесь работали инспекторы Саргона: взвешивали, обмеряли, протыкали и просвечивали грузы, прежде чем пропустить их за барьер, откуда портовые машины доставляли их к кораблям.

Этой ночью барьер третьего дока был открыт: заканчивалась погрузка Вольного Торговца «Сизу». Его хозяин наблюдал за ее ходом, препираясь с инспекторами и не забывая время от времени, как было заведено с незапамятных времен,

«подмазывать» скрипучий механизм таможни. Младший инспектор, управлявшийся с расчетами при помощи блокнота и карандаша, делил с капитаном заботы.

Лавируя между фургонами, портшез приблизился к открытому доку. Оглянувшись, хозяин «Сизу» заметил даму под вуалью, обозревавшую царящую здесь суматоху. Мельком посмотрев на часы, Крауза сказал младшему офицеру:

— Еще одно место, Ян. Отправляйтесь с этим грузовиком, а я поеду на последнем.

— Есть, сэр,— молодой человек забрался в машину и велел шоферу трогаться. Освободившееся место тут же занял пустой грузовик. Работа шла быстро, но хозяин нашел, к чему придраться. Он был чем-то недоволен и потребовал начать все сначала. Старший грузчик хотел было возмутиться, но хозяин прервал его, вновь взглянув на часы:

— Время еще есть. Я не хочу, чтобы контейнеры поломались прежде, чем мы доставим их к кораблю. Груз денег стоит. Так что уложите его получше.

Портшез двинулся вдоль забора. Вскоре совсем стемнело. Дама под вуалью посмотрела на светящиеся часы-перстень и велела носильщикам

перейти на рысь.

Наконец они добрались до калитки для знати. Дама высунула голову и крикнула:

— Открывайте!

У ворот дежурили двое охранников. Один — в маленькой караулке, другой снаружи. Он открыл ворота, но как только портшез двинулся вперед, преградил дорогу жезлом. Остановившись, носильщики опустили портшез на землю. При этом его правая дверца была обращена к воротам.

Дама крикнула:

— С дороги! Яхта лорда Мэрлина!

Преградивший путь охранник заколебался.

— Есть ли у миледи пропуск?

— Ты что — сдурел?

— Если у госпожи нет пропуска,— медленно проговорил тот,— то, возможно, она предъявит какое-нибудь подтверждение тому, что лорд Мэрлин ожидает ее?

Голос женщины доносился из темноты; у охранника хватило ума не светить ей в лицо фонариком. У него был большой опыт общения с благородными господами. И все же голос дамы звучал сердито, она кипела от злости, будто котел.

— Ну, если ты и впрямь сдурел, что ж, свяжись

с лордом. Позвони ему, и, я уверяю тебя, ты очень его обрадуешь!

Из будки вышел второй охранник.

— Что-то случилось, Шон?

— О нет.

Двое охранников принялись шептаться. Младший отправился звонить на яхту, второй остался у портшеза.

Однако у дамы, похоже, кончились остатки терпения. Распахнув дверцу, она выскочила наружу и, словно разъяренная тигрица, ринулась в будку, сопровождаемая изумленным охранником. Звонивший отнял палец от клавиш, так и не добившись соединения, оглянулся... и почувствовал, что у него подгибаются ноги. Он и не представлял себе, что дела его настолько плохи. Перед ним стояла не ветреная инфанта, удравшая от своей дуэньи, а разгневанная матрона, вполне способная упечь человека на общественные работы, а то и куда подальше. И, судя по ее норову, она вполне могла так и сделать. Охранник с разинутым ртом слушал ее цветистую едкую брань и думал о том, что сегодняшний день — самый черный и мрачный из всех за все годы его службы у калитки для благородных господ и леди.

Внимание обоих стражников было целиком

поглощено красочной речью мамаши Шаум. Тем временем из портшеза выбрался человек, шмыгнул в открытые ворота и вскоре исчез из виду, скрывшись во мраке, окутывавшем стартовую площадку. Торби бежал, каждую секунду ожидая горячий удар парализующей пули, но у него достало храбрости не потерять голову и ориентировку. Отыскав по разметке нужную полосу, он ничком бросился на асфальт.

Мамаша Шаум умолкла, чтобы перевести дух.

— Госпожа,— попытался как-то успокоить ее один из охранников. — Если вы дадите нам возможность дозвониться до...

— Забудьте об этом! Впрочем, нет! Помните! Не далее завтрашнего дня вы получите весточку от лорда Мэрлина, — мамаша Шаум рухнула на сиденье портшеза.

— Госпожа, прошу вас...

Она пропустила его слова мимо ушей и отдала отрывистое приказание рабам. Те подняли портшез и сразу пошли рысью. Рука одного из стражников дернулась к поясу, словно он почуял что-то неладное. Но замерла. Охранник не рискнул подстрелить носильщика знатной дамы, что бы там ни было у нее на уме.

К тому же, она ведь не нарушила закон.

Когда владелец «Сизу» наконец-таки остался доволен тем, как загружена последняя машина, он забрался на трейлер, взмахом руки велел водителю трогаться и двинулся вперед, к кабине.

— Эй, ты! — крикнул он, постучав в заднее окошко.

— Да, капитан? — донесся слабый голос водителя.

— Я видел знак «стоп» на дороге, там, где она выходит на полосу, ведущую к кораблям. Я заметил, что большинство водителей даже не обращают на него внимания.

— Ах, этот? Та дорога обычно пуста. Ею пользуются только благородные, потому и стоит знак.

— О чем я тебе и толкую. В любой момент может появиться любой из них, и я просрочу старт из-за дурацкой дорожной аварии. А тогда меня могут задержать на много девятидневок.

— Как скажете, капитан. Чай, деньги вы платите.

— Это точно.

Банкнота в полстеллара исчезла в кабине.

Когда грузовик притормозил, Крауза подошел к заднему борту. Машина остановилась, капитан наклонился и втащил в кузов Торби.

— Тихо!

Мальчик кивнул, сдерживая дрожь. Капитан достал инструменты и принялся за контейнер. Вскоре одна из стенок отвалилась и капитан, откинув джутовую ткань, принялся выгребать наружу листья верги, стоившие бешеных денег на любой другой планете. Вскоре получилось нечто вроде большой норы, а фунтов сто листьев унесло ветром.

— Лезь сюда!

Торби протиснулся в ящик, стараясь сжаться как можно плотнее. Крауза натянул ткань, прибил планки и запечатал контейнер поддельной печатью инспекции, вручную изготовленной в мастерских звездолета. Потом выпрямился и смахнул со лба пот. Машина свернула к погрузочной площадке «Сизу».

Капитан лично проследил за окончанием погрузки. Рядом стоял инспектор Саргона, отмечая каждый контейнер, каждый ящик, исчезавший в трюме. Потом Крауза, как водится, отблагодарил инспектора и шагнул в подъемник вместо того, чтобы воспользоваться пассажирским лифтом. Оператор осторожно повел подъемник вверх, так как в гондоле стоял человек. Трюм был заполнен почти до отказа; груз уже принайтовили, и экипаж взялся за последние ящики. Даже капитан

приложил руку, во всяком случае, сам перетащил один из контейнеров. Освободив груз от талей, экипаж задраил люки. Капитан Крауза вновь полез в карман и, достав инструмент, начал вскрывать контейнер.

Два часа спустя мамаша Шаум стояла у окна спальни и смотрела в сторону космопорта. Она бросила взгляд на часы. С башни взмыла зеленая ракета. Через несколько секунд в небо взметнулся столб белого пламени. Когда донесся рев двигателей, женщина усмехнулась и спустилась вниз посмотреть, как идут дела. Ведь одной Мюре нипочем не справиться.

Глава 7

Первые несколько миллионов миль полета Торби провел в тягостном убеждении, что совершил ошибку.

Он лишился чувств от дурманящего аромата листьев верги и очнулся в крошечной одноместной каюте. Торби проснулся с неприятным ощущением. В «Сизу» поддерживалась сила тяжести в одну стандартную единицу гравитации, но тело мальчика чувствовало, что сила эта не такая, как на Джуб-буле. К тому же искусственное тяготение отличалось от естественного. Тело еще сохранило воспоминание о невольничьем трюме, и ощущение полета навеяло первое за многие годы кошмарное сновидение.

Его усталому одурманенному мозгу потребовалось немало времени, чтобы перебороть страх.

Наконец Торби окончательно пришел в себя и, осмотревшись, сообразил, что находится в безопасности на борту звездолета. Мальчик облегченно вздохнул и с удовольствием подумал о том, что он куда-то летит. Новизна и перемены оттеснили на задний план даже горечь потери отца.

Помещение, в котором он находился, имело форму куба с длиной стороны, превышавшей собственный рост Торби на фут или чуть больше. Мальчик лежал на койке, занимавшей чуть ли не всю каюту, и под ним был настоящий, удивительно мягкий матрац из теплого, упругого и гладкого материала. Торби потянулся и зевнул, удивляясь роскоши, в которой живут торговцы. Затем спустил ноги на палубу и встал.

Койка беззвучно поднялась и утонула в переборке. Торби, как ни старался, не смог понять, каким образом снова опустить ее. Наконец он прекратил свои потуги. Он выспался и теперь хотел осмотреться.

Когда он открыл глаза, потолок слабо светился, а когда встал, свет стал ярче. Но и при свете мальчик не увидел дверей. С трех сторон его окружали металлические панели, каждая из которых могла оказаться дверью, но ни на одной не было видно ни петель, ни замков, ни других привычных деталей.

Торби подумал, что его вполне могли запереть, но это его не обеспокоило. Он жил в подземелье, а трудился на площади, так что ему была неведома боязнь замкнутых или открытых пространств; мальчику лишь хотелось найти дверь, и он подо-

садовал, что не может этого сделать. Даже если дверь закрыта, капитан Крауза вряд ли станет держать его взаперти слишком долго, подумал Торби. Но дверь так и не нашлась.

На полу лежали шорты и рубашка. Он проснулся обнаженным, как спал всегда. Взяв одежду, Торби робко помял ее в руках, дивясь ее великолепию. Он вспомнил, что примерно такие же вещи носит большинство космонавтов, и его на миг охватил восторг от того, что теперь и ему доступна подобная роскошь. Но мгновение спустя его разум отверг столь дерзкое предположение.

Однако затем Торби вспомнил, что капитан Крауза не хотел, чтобы мальчик появлялся на борту в своей обычной одежде — да, капитан собирался зайти в лавку на улице Радости, где продают товары для космонавтов! Он так и говорил!

Наконец Торби убедил себя в том, что одежда приготовлена для него. Для него! Набедренная повязка исчезла, а капитану вряд ли хочется, чтобы Торби ходил по кораблю нагишом. Он не страдал излишней застенчивостью; условности на Джуббуле больше касались высших сословий. Тем не менее, одежду носили.

Торби оделся, дивясь собственному нахальству.

Сначала он натянул шорты задом наперед и лишь потом, заметив оплошность, надел их как следует. Рубашку, похожую на пуловер, он также надел неправильно, но это не так бросалось в глаза. Полагая, что он сделал все как нужно, мальчик не стал переодеваться. Он почувствовал неодолимое желание посмотреться в зеркало. Шорты и рубашка были простого покроя, без особенных украшений, светло-зеленого цвета, из крепкого недорогого материала; это была обычная роба, взятая со склада корабля. Одежду такого типа столетиями носили мужчины и женщины многих планет. Но истинно говорю вам, и Соломон во всей славе своей не был одет, как Торби! Оглаживая костюм, он мечтал только об одном — чтобы кто-нибудь еще увидел это великолепие. Он принялся с удвоенным рвением разыскивать дверь.

Дверь отыскалась сама. Проведя рукой по одной из панелей, Торби почувствовал дуновение и, оглянувшись, увидел, что одна переборка исчезла. За ней был коридор.

По искривленному коридору к Торби приближался молодой человек. Торби был вне себя от радости, увидев, что одежда на человеке мало чем отличается от его. Он шагнул вперед и вежливо приветствовал юношу на саргонезском жаргоне

торговцев.

Глаза молодого человека скользнули по мальчику, но он прошел мимо, как будто к нему никто не обращался. Торби запнулся, озадаченный и немного обиженный. Потом повторил приветствие на интерлингве.

Человек исчез прежде, чем Торби успел пустить в ход другие известные ему языки. Он пожал плечами и решил не обращать внимания. Бродяге нельзя быть слишком чувствительным. Торби принялся изучать звездолет.

За двадцать минут ему удалось увидеть немало интересного. Во-первых, «Сизу» оказался намного больше, чем он думал. До сих пор ему не доводилось видеть космический корабль изнутри, разве что из невольничьего отсека. На расстоянии звездолеты, стоявшие на площадке космопорта в Джуббуле, выглядели весьма внушительно, но не такими громадами! Во-вторых, Торби удивило число людей на борту. Он знал, что экипажи грузовиков Саргона, курсирующих между планетами Девяти Миров, состоят из шести-семи человек, а здесь он за считанные минуты встретил в несколько раз больше людей обоих полов и самых разных возрастов.

В-третьих, Торби с огорчением заметил, что

на него никто не обращает внимания. Люди либо вовсе не удостаивали его взглядом, либо не отвечали на обращенные к ним слова; если бы он вовремя не отступал в сторону, они, похоже, запросто могли бы пройти сквозь него. Единственным человеком, с которым ему почти удалось пообщаться, была крошечная девочка, едва научившаяся ходить. В ответ на его попытку заговорить она посмотрела на него серьезными, чуть печальными глазами, но ее тут же утащила женщина, которая даже не взглянула на Торби.

Такое обращение было ему хорошо знакомо; именно так знать Джуббула относилась к людям его круга. Благородные не видели их, бедняков как бы не существовало, и даже милостыню им передавали через рабов. На Джуббуле Торби не обижало подобное отношение — это было естественно и в порядке вещей, и мальчик не чувствовал себя из-за этого отверженным или оскорбленным. Его всегда окружали добрые друзья, такие же, как и он, бедняки, и Торби никогда не ощущал себя изгоем.

Но, знай он, что члены экипажа «Сизу» отнесутся к нему так же, как джуббульская знать, он ни за что не взошел бы на борт, невзирая на травлю. Однако такого он никак не ожидал. Капитан

Крауза, услышав послание Баслима, отнесся к мальчику дружелюбно, пусть даже по-отечески грубовато, и Торби полагал, что экипаж «Сизу» станет воспринимать его так же, как командир звездолета.

Он бродил по стальным коридорам, чувствуя себя привидением в царстве живых, и в конце концов, загрустив, решил вернуться в каюту, в которой проснулся час назад. Но тут же понял, что заблудился. Он по памяти восстановил дорогу назад (уроки Баслима пошли ему впрок), но обнаружил лишь безликий туннель. Торби начал поиски сызнова и, ощутив некое неудобство, решил, что найдет он свою каюту или нет, но туалет отыщет, даже если ему придется схватить кого-нибудь и как следует встряхнуть, чтобы дознаться, где это место.

Он сунулся в какую-то дверь, но, услышав исполненный негодования женский визг, поспешно отпрянул. За спиной хлопнула дверь.

В тот же миг его едва не сбил с ног шедший быстрым шагом мужчина, который заговорил с ним на интерлингве:

— Чего ты тут шляешься и повсюду суешь свой нос?

Торби почувствовал облегчение. Уж лучше

брань, чем полное пренебрежение.

— Я заблудился, — робко произнес он.

— А чего тебе на месте не сиделось?

— Я не знал, что должен был... простите, благородный сэр. К тому же, там не было туалета.

— Ясно. Туалет расположен напротив твоей каюты.

— Я не знал, благородный сэр.

— М-м-м... да уж, конечно, не знал. Кстати, я не «благородный сэр», а первый помощник главного энергетика. Постарайся запомнить. Пошли, — мужчина схватил Торби за руку и быстро потащил его по лабиринту к тому самому туннелю, в котором мальчик так растерялся от непонятного к нему отношения. Офицер тронул рукой стальную переборку.

— Вот твоя каюта.

Панель скользнула в сторону.

Потом мужчина повернулся и точно так же тронул противоположную переборку.

— Это гальюн для холостяков правого борта, — увидев, что Торби смутился при виде незнакомых приспособлений, человек с легким презрением проинструктировал его, а потом проводил мальчика обратно в каюту.

— Оставайся здесь. Поесть тебе принесут.

— Первый помощник главного энергетика, сэр?

— Что еще?

— Нельзя ли мне поговорить с капитаном Краузой?

Мужчина удивился.

— Ты полагаешь, у шкипера нет других забот, кроме как заниматься тобой?

— Но...

Офицер ушел, и Торби обращался к стальной переборке.

Вскоре появилась еда. Юнец, притащивший поднос, держался так, словно в каюте вообще никого не было. Спустя некоторое время он принес еще несколько тарелок и забрал опустевшие. Торби почти удалось заставить его обратить на себя внимание: уцепившись за поднос, он заговорил на интерлингве. В глазах молодого человека сверкнула искра понимания, но он ответил лишь презрительным:

— Фраки!

Торби не знал этого слова, но интонацию, с какой оно было произнесено, понял прекрасно.

Фраки — это маленькая безобразная полуящерица, питающаяся падалью, обитатель Примы III Альфы Центавра, одного из первых миров,

заселенных людьми. Это мерзкое, практически безмозглое создание с отвратительными повадками. Мясо фраки мог бы съесть только умирающий с голоду. Кожа ее неприятна на ощупь и противно воняет.

Но «фраки» означает нечто большее. Так обычно называют «крота» — того, кто не высовывает носа дальше своей планеты, не нашего, не человека, изгоя, иностранца, дикаря, существо, недостойное даже презрения. В языках старой Земли почти каждое название животного служило ругательством: свинья, собака, корова, акула, скунс, червяк — всего не перечислить. Но ни одно из этих слов не звучало так обидно, как «фраки».

К счастью, Торби смог понять лишь одно: молодой человек не желает с ним разговаривать... это было ясно и без слов.

Вскоре Торби задремал. Но, хотя его и научили движением руки открывать дверь, он так и не сумел найти комбинацию поглаживаний, толчков и надавливаний, которая помогла бы ему откинуть койку. Пришлось ночевать на голом полу. Утром доставили завтрак, но Торби не сумел остановить того, кто его принес, или хотя бы нарваться на новое оскорбление: в туалете напротив ему встретились несколько юношей.

Они по-прежнему не обращали на Торби внимания, но, понаблюдав за ними, он обнаружил, что в туалете можно стирать одежду. Ее полагалось засунуть в специальную машину, которая, поработав несколько минут, выдавала шорты и рубашку свежими и отглаженными. Торби был так очарован техникой, что выстирал свежевыстиранное... целых три раза. Больше делать было нечего. Следующую ночь он опять провел на полу.

Торби сидел в каюте, чувствуя глубокую тоску и боль при воспоминании об отце и жалея, что покинул Джуббул. Вскоре кто-то поскребся в его дверь.

— Можно войти? — раздался робкий голос, произносивший саргонезские слова с сильным акцентом.

— Входите! — с готовностью отозвался Торби и вскочил на ноги, чтобы открыть дверь. Перед ним стояла женщина средних лет с милым добрым лицом. — Добро пожаловать, — сказал он по-саргонезски и отступил в сторону.

— Благодарю, вы очень любезны, — она запнулась и быстро спросила:

— Не говорите ли вы на интерлингве?

— Разумеется, мадам.

— Хвала небесам,— пробормотала она на английском Системы. — Саргонезского у меня совсем мало, — и перешла на интерлингву:

— Тогда давайте говорить на этом языке, если вы не возражаете.

— Как вам будет угодно, мадам, — ответил Торби и добавил по-английски:

— Если, разумеется, вы не предпочтете другие языки.

Она удивилась.

— На скольких же языках вы говорите?

Торби задумался.

— На семи, — ответил он, — и понимаю еще несколько, но не осмелюсь утверждать, что говорю на них.

Ее удивление росло с каждой минутой.

— Возможно, я ошиблась. Но, поправьте меня, если я не права, мне сказали, что вы — сын нищего из Джаббулпорта.

— Я сын Калеки Баслима,— с гордостью произнес Торби. — Саргон по доброте своей выдал ему лицензию на нищенство. Мой отец был мудрым, ученым человеком, и мудрость его была известна всей площади, от края до края.

— Верю... Так что, все нищие Джаббула такие же замечательные полиглоты?

— Что вы, мадам! Большинство говорят лишь на площадном жаргоне. Но мой отец не позволял мне этого... ну, разве что в интересах дела.

— Разумеется, — женщина моргнула. — Хотела бы я быть знакомой с твоим отцом.

— Спасибо, мадам. Может быть, присядете? Мне очень жаль, но я могу предложить вам только палубу. Но уж зато вся она в вашем распоряжении.

— Благодарю, — она уселась с гораздо большим трудом, чем Торби, который провел в позе лотоса тысячи часов, надрывая глотку мольбами о подаянии.

Торби никак не мог решить, закрыть ли ему дверь, или же дама (на саргонезском он называл бы ее «миледи») оставила ее открытой нарочно. Мальчик чувствовал, что тонет в океане незнакомых обычаев и условностей, и общественное устройство корабля было ему совершенно непонятно. Он разрешил эту проблему при помощи здравого смысла, спросив:

— Предпочитаете ли вы закрыть дверь или держать ее распахнутой, мадам?

— А? Не имеет значения. Хотя, впрочем, пусть остается открытой. Здесь живут холостяки, а я располагаюсь в той части корабля, где обитают незамужние женщины. Но я пользуюсь некото-

рыми льготами и дополнительными свободами... ну, скажем, как комнатная собачка. Я — «фраки», но меня терпят, — последние слова она произнесла со смущенной улыбкой.

Торби не уловил смысла.

— Собака? Это животное, произошедшее от волка?

Она пристально посмотрела на него.

— Ты учил этот язык на Джаббуле?

— С самого раннего детства я жил только на Джаббуле. Простите, если я выражаюсь неправильно. Может быть, лучше поговорим на интерлингве?

— Нет, нет... Ты прекрасно говоришь по-английски. Твой земной акцент гораздо меньше моего. А я так и не сумела избавиться в гласных от местного произношения. Но я стараюсь, чтобы меня понимали. Кстати, я забыла представиться. Я не торговец. Я антрополог, и они позволили мне совершить путешествие на их корабле. Меня зовут доктор Маргарет Мейдер.

Торби склонил голову и сложил ладони.

— Рад знакомству. Меня зовут Торби, сын Баслима.

— Мне тоже очень приятно, Торби. Зови меня Маргарет. Мой титул здесь ничего не значит,

поскольку он не имеет отношения к корабельной иерархии. Знаешь ли ты, что такое антрополог?

— Простите, мадам... Маргарет.

— Название громкое, но означает простую вещь. Антрополог — это ученый, исследующий человеческое общежитие.

— Разве это наука? — с сомнением спросил Торби.

— Иногда я и сама не знаю. Но это — достаточно сложные исследования, потому что люди могут устраивать свои общины бесчисленным количеством способов. Существует лишь шесть признаков, объединяющих людей и отличающих нас от животных: три из них относятся к анатомии, к тому, как работает наше тело, а три других приобретаются обучением. Все остальное — поступки людей, их вера, обычаи — чрезвычайно разнообразно. Антропологи изучают это разнообразие, эти переменные величины. Ты знаешь, что такое «переменная»?

— Икс в уравнении? — неуверенно предположил Торби.

— Совершенно верно! — радостно ответила женщина. — Мы изучаем иксы в человеческих уравнениях. Именно этим я и занимаюсь. Я изучаю образ жизни Вольных Торговцев. У них

принят самый, вероятно, необычный во всей истории людей способ решения этой сложной задачи — как быть человеком и выжить. Они уникальны.

Она непрерывно ерзала по полу.

— Торби, можно, я пересяду в кресло? Мое тело уже не так гибко, как в молодости.

Торби покраснел.

— Мадам, у меня ни одного нет. Я не...

— Одно из кресел расположено прямо за твоей спиной. И еще одно — за моей, — она привстала и прикоснулась рукой к стене. Панель раздвинулась, и из нее выползло небольшое кресло.

Увидев озадаченное лицо мальчика, она спросила:

— Разве они тебе не показали? — и сделала то же самое с другой стеной; в каюте появилось еще одно сиденье.

Торби осторожно присел, потом позволил себе расслабиться и уселся всем телом, почувствовав, что кресло само приняло наиболее удобную форму. На его лице появилась широкая улыбка.

— Здорово!

— А ты знаешь, как раскрыть откидной столик?

— Столик?

— Боже праведный, неужели они вообще ничего тебе не показали?

— Ну... сначала тут была койка. Но я потерял ее.

Доктор Мейдер что-то пробормотала и сказала вслух:

— Можно было догадаться. Торби, я восхищаюсь этими Торговцами. Я даже иногда испытываю к ним нежные чувства. Но порой они бывают до глупости спесивыми и самовлюбленными. Впрочем, не буду ругать наших хозяев. Вот, — она дотронулась руками до двух кружков на стене, и исчезнувшая койка появилась вновь. Теперь, при двух откинутых креслах, в каюте почти не осталось места. Пожалуй, тут мог бы стоять только один человек.

— Лучше я уберу ее. Ты заметил, что я делала?

— Дайте я попробую.

Маргарет показала Торби и другие встроенные предметы, которые прятались в, казалось бы, совершенно гладкую стену: два кресла, койку, шкафчики для одежды. Торби обнаружил, что в его распоряжении еще две смены одежды, две пары мягких корабельных туфель, еще несколько странных, на его взгляд, предметов: книжные полки, на которых, впрочем, стояли только бро-

шюры «Устава “Сизу”», фонтанчик для питья, лампа для чтения в кровати, интерком, часы, зеркало, пульт управления температурой в комнате, а также еще какие-то устройства, назначения которых он не мог понять, поскольку сроду не видал таких вещей.

— Что это? — наконец спросил он.

— Это? Наверно, микрофон для связи с кабиной старшего помощника. А может быть, имитация, а настоящий где-нибудь спрятан. Но не беспокойся: на этом корабле никто не говорит по-английски, и у старшего помощника тоже. Тут пользуются «секретным» языком, да только никакой он не секретный: самый обычный финский. У каждого Торговца свой язык — один из земных, а для связи между кораблями официально принят общий «секретный» язык, представляющий собой упрощенную латынь, но и на латыни они не говорят: Свободные Корабли общаются на интерлингве.

Торби слушал вполуха. Ему было просто приятно находиться в обществе, и он наслаждался тем, как к нему относится Маргарет.

— Доктор Мейдер... а почему они не говорят с людьми?

— Что?

— Вы — первый человек, заговоривший со

мной.

— Ага,— она сразу же погрустнела. — Мне следовало понять это самой. Они попросту не замечают тебя, верно?

— Ну... они кормят меня.

— Но разговаривать не желают. Бедный мой! Торби, они не хотят говорить с тобой потому, что ты не относишься к «людям». Так же, как и я.

— С вами они тоже не разговаривают?

— Теперь разговаривают. Для этого потребовалось прямое распоряжение старшего помощника и много терпения с моей стороны, — она нахмурилась. — Торби, у каждой клановой культуры — а я не знаю другую, которой были бы в такой же мере присущи черты клановости — у каждой такой культуры есть особое слово... которое означает «человек». Правда, произносят его по-разному. Такое слово обозначает их самих. «Я и моя жена, мой сын Джон и его жена, нас четверо, а больше никого нет на всем белом свете». Такая точка зрения отсекает их от всех прочих групп людей и отрицает право других считаться людьми. Тебе уже довелось слышать слово «фраки»?

— Да. Но я не знаю, что это значит.

— Фраки — это безвредное, но достаточно противное животное. В их устах «фраки» означает

«чужак».

— Ну что ж, я действительно чужой для них.

— Да, но это означает, что ты никогда не станешь ничем иным. Это означает, что ты и я — недочеловеки, стоящие вне закона — их закона.

Торби растерялся.

— Значит ли это, что мне придется безвылазно сидеть в каюте и ни с кем не разговаривать?

— Великое небо! Не знаю. Но ведь я-то рагоговариваю с тобой.

— Спасибо!

— Посмотрим, что я сумею для тебя сделать. Торговцы отнюдь не жестоки, в них лишь сквозит провинциальное высокомерие. Им и в голову не приходит, что ты способен что-то чувствовать. Я поговорю с капитаном. Мы с ним условились побеседовать, как только корабль окажется в безопасной сверхсветовой области, — она взглянула на часы. — Господи, уже столько времени! Я пришла поговорить о Джуббуле, а мы даже не вспомнили об этом! Ты позволишь мне прийти еще?

— Я хотел бы вас видеть почаще.

— Ну вот и хорошо. Культура Джуббула изучена неплохо, но, как мне кажется, ни один исследо-

ватель не имел возможности взглянуть на нее с вашей точки зрения. То, что ты оказался профессиональным нищим, весьма и весьма меня обрадовало.

— То есть?

— Видишь ли, ученые, которым довелось изучать Джуббул, общались в основном с высшей знатью планеты. О жизни рабов они могли судить... ну, скажем, поверхностно, а не изнутри. Понимаешь?

— Верно, — кивнул Торби, — и если вам захочется узнать о жизни рабов побольше, то я к вашим услугам.

— Ты был рабом?

— Я вольноотпущенник. Мне следовало сказать вам раньше, — проговорил он, ощущая некое неудобство и даже опасение, что новообретенный друг, узнав о его социальном происхождении, отнесется к нему с презрением.

— Что ты! Да я счастлива узнать об этом! Торби, ты просто кладезь сокровищ! Слушай, милый, мне нужно бежать, я опаздываю. Ты не будешь возражать, если я к тебе вскоре загляну?

— Ну что вы, Маргарет! — и он честно добавил: — Ведь мне все равно больше нечего делать.

Этой ночью Торби спал на своей новой чудес-

ной кровати. Все утро он провел в одиночестве, но не скучал, так как у него появилась масса игрушек, с которыми он мог забавляться. Он извлекал предметы и вновь заставлял их прятаться, восхищаясь тем, как удобно и компактно все устроено. Чтобы придумать все это, нужно прямо-таки дьявольское хитроумие, подумал он. Баслим говорил, что магии и волшебства не существует, но факты сильнее любых слов. На Джуббуле есть уйма колдунов, а если они не занимаются магией, то чем же, простите, они занимаются?

Он уже в шестой раз раскладывал койку, когда раздался пронзительный звук, от которого Торби едва не выпрыгнул из башмаков. Это были колокола громкого боя, возвещавшие учебную тревогу и призывавшие всех занять свои места, но Торби об этом не знал. Уняв сердцебиение, он приоткрыл дверь и выглянул наружу. По коридору сломя голову бежали люди.

Мгновение спустя их и след простыл. Мальчик вернулся в каюту и попытался привести в порядок свои мысли. Вскоре его острый слух уловил, что мягкое шуршание вентиляторов стихло. Но Торби не знал, что ему делать. Он должен был сейчас прятаться в особом помещении вместе с детьми и теми, кому не полагалось участвовать в

боевых действиях, но не ведал об этом.

Поэтому он просто ждал.

Снова прозвучали колокола, но на сей раз звук сопровождался рожком, и опять по коридорам помчались люди. Тревога повторялась снова и снова: экипаж отрабатывал «общий аврал», «пробоину в корпусе», «отказ энергосистемы», «отказ системы подачи воздуха», «радиационную опасность» — все приемы, которые обычно предлагаются космонавтам во время учений. В какой-то момент отключилось освещение и исчезло искусственное поле тяготения, и Торби испытал еще с давних времен поражавшее его ощущение свободного падения.

Вся эта непонятная суета продолжалась достаточно долго, и наконец мальчик услышал звук отбоя, а вентиляционная система вновь заработала нормально. Никому даже в голову не пришло побеспокоиться о Торби; старая женщина, командовавшая небоеспособным населением корабля, забыла о каком-то фраки, хотя пересчитывала по головам даже животных, находящихся на борту.

Сразу же после тревоги Торби вызвали к старшему помощнику.

Человек, открывший его дверь, схватил мальчика за плечо и вытащил наружу. Поначалу Торби

был слишком ошарашен, чтобы сопротивляться, но, пройдя несколько шагов, взбунтовался: он был сыт по горло подобным обращением.

Чтобы выжить в Джаббулпорте, он был вынужден научиться приемам уличной драки; однако этот его противник явно изучал боевое искусство, построенное на научных основах и самообладании. Торби все же изловчился и нанес один-един-ственный удар, после чего был прижат к переборке с вывернутым и едва не сломанным запястьем.

— Прекрати дурить!

— А куда ты меня тащишь?

— Я сказал, прекрати эти глупости! Тебя вызывает старший помощник. Не зли меня, фраки, или я выбью мозги из твоей башки!

— Я хочу видеть капитана Краузу!

Мужчина слегка ослабил хватку и ответил:

— Увидишь. Но тебя вызывает старший помощник, а она не любит ждать. Ты успокоишься? Или доставить тебя по частям?

Торби покорно поплелся следом. Вывернутая кисть вкупе с нажимом на нерв, проходящий под костью, имеет свою грубую логику. Они поднялись по палубам, и мужчина втолкнул его в открытую дверь.

— Старший помощник! Я привел этого фраки.

— Благодарю вас, мастер третьей палубы. Вы можете идти.

Торби понял только слово «фраки». Придя в себя, он осмотрелся и увидел, что находится в помещении, в несколько раз превосходящем размерами его собственную каюту. Самым заметным предметом обстановки была огромная кровать, но крохотная фигурка, покоящаяся на кровати, довлела над всем окружающим. Оторвав от нее взгляд, Торби только теперь заметил, что по одну сторону кровати молча стоит Крауза, а по другую — еще одна женщина, ровесница капитана.

Женщина на кровати, несмотря на преклонные годы, излучала властность и силу. Она была богато одета — один шарф, прикрывавший ее тонкие волосы, стоил столько денег, сколько Торби никогда не видел за раз. Однако мальчик видел только ее пронзительные глаза за полуприкрытыми веками.

— Вот как! Я с большим трудом в это поверила, старший сын, — она говорила по-фински.

— Мать моя, послание подлинное.

Женщина фыркнула.

Капитан со смиренной настойчивостью произнес:

— Мать, выслушайте его сами,— он повернулся к Торби и сказал на интерлингве:

— Повтори послание, переданное твоим отцом.

При виде друга отца Торби почувствовал облегчение и покорно воспроизвел непонятный ему текст. Пожилая женщина выслушала его и обернулась к капитану Краузе.

— Что такое? Он говорит на нашем языке? Фраки?

— Нет, мать моя, он не понимает ни слова. Это послание Баслима.

Она вновь обратила взгляд на Торби и обрушила на него шквал финских слов. Мальчик вопросительно посмотрел на капитана.

— Пусть повторит еще раз,— велела женщина.

Капитан отдал приказ. Торби смутился, но с готовностью повторил. Женщина лежала молча, а остальные терпеливо ждали. Злость и отчаяние перекосили ее лицо; наконец она выдохнула:

— Долги надо платить!

— Я тоже так считаю, мать моя.

— Но почему жребий должен был выпасть нам? — сердито спросила она.

Капитан ничего не ответил, и женщина продолжала более спокойно:

— Послание подлинное. Сначала я думала, что все это — сплошная чепуха, и, знай я о твоих намерениях, я запретила бы тебе. Но, старший сын, как ты ни глуп, правда на твоей стороне. А долги надо платить.

Капитан молчал, и женщина гневно воскликнула:

— Ну! Что молчишь? Какой монетой ты собираешься расплачиваться?

— Я уже думал об этом, мать, — медленно проговорил Крауза. — Баслим просил, чтобы мы позаботились о мальчике до тех пор, пока не представится возможность передать его какому-нибудь военному кораблю Гегемонии. Долго ли придется ждать? Год, два года? Тут возникают проблемы. Правда, у нас есть прецедент — та самая женщина-фраки. Семья приняла ее, не без ропота, конечно, но теперь все привыкли к ней и их даже забавляет ее присутствие. Если бы мать вмешалась в судьбу мальчика таким же образом...

— Чепуха!

— Но, мать моя, мы должны это сделать. Долги надо...

— Тихо!

Крауза умолк.

Женщина заговорила слабым голосом:

— Или ты не расслышал, какое бремя взвалил на тебя Баслим? «Помочь ему и воспитать его так же, как это делал я»? Кем был Баслим этому фраки?

— Он называл его приемным сыном. Я думал...

— Ничего ты не думал! Если тебе придется заменить Баслима, то кем ты становишься? Разве можно понять его слова, его просьбу как-то иначе?

Капитан встревожился. Старуха продолжала:

— «Сизу» всегда платит долги сполна. Мы не допускаем обмера и обвеса. Этот фраки должен быть усыновлен... тобой.

Лицо Краузы было непроницаемо. Вторая женщина, до сих пор молча занимавшаяся рукоделием, уронила поднос.

Капитан проговорил:

— Но, мать моя, что решит Семья...

— Семья — это я! — старуха быстро обернулась ко второй женщине. — Жена старшего сына! Пусть все старшие дочери немедлено придут ко мне!

— Слушаюсь, мать моего мужа, — она сделала книксен и вышла.

Старший помощник мрачно посмотрела на

потолок, а затем едва сдержала улыбку.

— Это не беда, старший- сын. Как ты думаешь, что произойдет на следующей Встрече Людей?

— Нас будут благодарить,

— Спасибо в трюм не погрузишь, — она облизнула тонкие губы. — Люди будут в долгу перед «Сизу»... и в статусе кораблей произойдут кое-какие изменения. Мы не прогадаем.

Крауза слабо улыбнулся.

— Вы всегда были хитрой лисой, мать.

— «Сизу» повезло, что им командую я. Возьми мальчишку и подготовь его. Не будем тянуть с этим делом.

Глава 8

У Торби было две возможности: или спокойно позволить усыновить себя, или возмутиться, но все равно быть усыновленным. Он выбрал первый вариант, разумно решив, что противиться воле старшего помощника бесполезно и небезопасно. К тому же, хотя он и чувствовал себя неуютно, вступая в новую семью сразу после смерти папы, он не мог не сознавать, что это пойдет ему на пользу. Будучи фраки, он занимал самую низшую ступень на общественной лестнице. С ним могли сравниться разве только рабы.

И, что было гораздо важнее, отец велел ему делать все, что прикажет капитан Крауза.

Усыновление состоялось в тот же день в кают-компании во время ужина. Церемония велась на «секретном» языке, поэтому Торби мало что извлекал для себя из происходящего и еще меньше — из произносимых слов, однако капитан заранее объяснил, что ему надо делать. В салоне собрался весь экипаж «Сизу» за исключением вахтенных. Даже доктор Мейдер получила приглашение. Она стояла в дверях, в церемонии не участвовала, зато внимательно слушала и глядела в оба.

Когда внесли старшего помощника, все встали. Она заняла место во главе офицерского стола, где за ней тут же принялась ухаживать невестка, жена капитана. Устроившись поудобнее, старший помощник сделала знак, и все уселись, причем капитан занял место по ее правую руку. Дежурившие нынче девушки принесли чаши с жидкой кашицей. Никто к ней не притронулся. Старший офицер ударила ложкой по своей чашке и сказала речь, краткую и выразительную.

Затем наступила очередь ее сына. Торби с удивлением услышал часть переданного им послания: он сумел уловить последовательность звуков.

Капитану ответил старший механик, мужчина, выглядевший старше Краузы, а затем взяли слово еще несколько мужчин и женщин из тех, кто постарше. Старший помощник задала вопрос, и экипаж хором произнес единодушный ответ. Ей не пришлось спрашивать, голосует ли кто-нибудь против.

Торби пытался поймать взгляд доктора Мейдер, когда капитан обратился к нему на интерлингве. Мальчик одиноко сидел на стуле и чувствовал себя не очень уютно, особенно потому, что те немногие, которые удостаивали его взглядом, выглядели не так уж дружелюбно.

— Подойди сюда!

Торби поднял глаза и увидел, что на него смотрят капитан и его мать. Женщина выглядела чуть раздраженной, хотя, вполне возможно, ей вообще была свойственна такая манера. Мальчик торопливо вскочил.

Она опустила ложку в миску и слегка прикоснулась к ней языком. Борясь с ощущением, что делает что-то не то, но повинуясь приказу капитана, Торби осторожно зачерпнул из ее миски и сделал глоток. Женщина потянулась к нему и, пригнув вниз его голову, ткнулась сухими губами в обе его щеки. Он вернул ей этот символический поцелуй, чувствуя, как весь покрывается гусиной кожей.

Затем Крауза пригубил немного из миски Торби, а тот, в свою очередь, — из капитанской. Крауза взял нож и, зажав острие между большим и указательным пальцами, прошептал на интерлингве:

— Смотри не заори.

И уколол плечо Торби.

Мальчик с презрением подумал, что Баслим научил его переносить куда более сильную боль. Кровь брызнула струей. Крауза вывел Торби на середину зала, где все могли его видеть, что-то

громко воскликнул и опустил руку мальчика так, чтобы кровь стекала на палубу, где вскоре скопилась небольшая лужица. Капитан наступил на нее, растер кровь ботинком, опять что-то громко произнес, и все, кто был, в ответ восторженно закричали. После этого он вновь обратился к Торби на интерлингве:

— Твоя кровь — в нашей стали, наша сталь — в твоей крови!

Торби почти всю свою жизнь встречался с симпатической магией[13] и хорошо понимал ее дикую, чуть ли не разумную логику. Он почувствовал прилив гордости, ощутив себя частицей корабля.

Жена капитана заклеила порез пластырем. Затем Торби обменялся едой и поцелуем с ней, а потом и со всеми присутствующими. Он обошел все столы, всех своих новообретенных братьев, сестер, кузин и тетушек. Вместо поцелуев муж-

---

[13] notes: 13

...встречался с симпатической магией... — По Джеймсу Дж. Фрэзеру (1854-1941), известному английскому исследователю истории религии, суть симпатической магии заключается в опосредованном воздействии предметов друг на друга благодаря существующим между ними нематериальным, но, тем не менее, вполне доступным восприятию связям. В свою очередь симпатическая магия делится на гомеопатическую, то есть управляющую объектом или процессом путем подражания ему, и контагиозную (заразительную), когда свойства одного объекта или процесса переносятся на другой.

чины жали ему руку и крест-накрест хлопали по плечам. Подойдя к столу, за которым сидели незамужние девушки, он заколебался, но те не стали его целовать — хихикая, повизгивая и краснея, они торопливо прикасались к его лбу кончиками пальцев.

За его спиной дежурившие девушки убирали со столов миски с кашей, которая оказалась чисто ритуальным блюдом, символизирующим скудость рациона, которым пришлось бы при необходимости довольствоваться в космосе, и подавали изысканные яства. Торби пришлось бы нахлебаться кашицы по самые уши, если бы он вовремя не сообразил, что нужно не есть ее, а только облизывать ложку. Однако, усевшись как полноправный член Семьи за стол холостяков правого борта, он уже не ощущал тяги к лакомствам, поданным в его честь. Приобретение более восьмидесяти новых родственников оказалось нелегким делом. Торби устал, нервничал и вовсе не чувствовал голода.

Он все же попытался поесть. Вскоре до его уха долетело чье-то замечание, в котором он узнал только одно слово — «фраки». Подняв голову, Торби увидел напротив молодого человека, смотревшего на него с неприятной ухмылкой.

Глава стола, сидевший справа от Торби, постучал по столу, привлекая внимание.

— Сегодня вечером мы будем говорить только на интерлингве, и таким образом будем следовать обычаю, который позволяет нашему новому родственнику изучить язык постепенно,— он холодно посмотрел на юношу, с презрением глядевшего на Торби. — А ты, мой побочный кузен по линии супруги, должен уяснить — я больше не стану напоминать — что мой младший приемный брат является для тебя старшим. После ужина зайдешь ко мне в каюту.

Юноша выглядел испуганным.

— О, старший кузен, я только говорил, что...

— Придержи язык.

Старший вежливо обратился к Торби:

— Нужно пользоваться вилкой. Люди не едят руками.

— Вилкой?

— Лежит слева от твоей тарелки. Смотри на меня, и скоро научишься. Не давай окружающим повода смеяться над тобой. Кое-кому из наших мальчишек еще предстоит выяснить, что решения бабушки — закон для всех нас.

Из своей каюты Торби был переведен в менее роскошное помещение большего размера,

предназначенное для четырех холостяков. Его соседями оказались Фриц Крауза, старший неженатый сводный брат и старший по столу холостяков правого борта, Челан Крауза-Дротар, сводный двоюродный брат Торби, и Джек Кингсолвер, его сводный племянник по старшему женатому брату.

Торби быстро постигал финский язык. Однако первые слова, которые ему пришлось выучить, оказались вовсе не финскими, а были заимствованными или изобретенными для обозначения тонкостей родственных отношений. Языки отражают культуру, которую обслуживают; в большинстве языков есть слова для обозначения таких понятий как «брат», «сестра», «отец», «мать», «тетя», «дядя», а также приставки для обозначения связи поколений. В некоторых языках не делается различия между отцами и дядьями, и такие языки отражают клановые обычаи общества. С другой стороны, в ряде языков, например, норвежском, понятие «дядя» расщепляется на женскую и мужскую линии — «морброр» и «фарброр».

Для Вольных Торговцев было обычным делом выражать такие сложные отношения родства, как «сводный двоюродный дядя по супружеству

с материнской стороны» одним-единственным словом, которое означало только это отношение и ничего другого. Таким образом, можно было обозначить отношения между любыми двумя точками на генеалогическом древе. Большинство культур имеет в своих языках около дюжины необходимых в данном случае слов, но у Торговцев их было более двух тысяч. Их языки содержали четкие и краткие термины, обозначавшие различные поколения, прямые и побочные линии, кровных родственников и свойственников, отношения возрастов в пределах одного поколения, пол говорящего и пол человека, о котором он говорит, пол родственников, образующих линию, кровное родство и свойство, а также то, жив ли член семьи, о котором идет речь, или уже умер.

Первой задачей Торби было выучить слова и родственные связи, ими обозначаемые, и научиться правильно обращаться к более чем восьмидесяти родственникам; он должен был усвоить тончайшие оттенки родства, близость и старшинство; он должен был знать также титулы, с которыми каждому родственнику надлежало обращаться к нему. Не запомнив всех этих сведений, он попросту не мог разговаривать

с окружающими, так как при первом же слове допустил бы грубейшие нарушения этикета.

Он должен был научиться сопоставлять пять признаков каждого члена команды «Сизу»: внешность, полное имя (его самого теперь звали Торби Баслим-Крауза), семейный титул, титул, с которым данный член семьи обращается к нему, а также корабельный ранг (например, «старший помощник», «второй помощник кока правого борта»). Он усвоил, что к каждому следует обращаться по семейному титулу, если речь идет о делах Семьи, по корабельному званию, если речь идет о служебных обязанностях, и по имени — в отдельных случаях и лишь с разрешения старшего. Прозвища практически отсутствовали, так как прозвище можно было употребить только сверху вниз, и *ни в коем случае* — вверх.

Не выучив всех этих правил, он не мог считаться полноправным членом Семьи, хотя и был в нее формально принят. Уклад жизни на корабле представлял собой кастовую систему с таким сложным комплексом обязанностей, привилегий и предписанных реакций на обязательные действия, что даже строго расчлененное и стиснутое многочисленными правилами общество Джубула представлялось сплошным хаосом. Жена

капитана приходилась Торби «матерью», но она также была заместителем старшего помощника, и его обращение к ней зависело от того, что он хотел ей сказать. Поскольку Торби попал на корабль холостым мужчиной, между ними не возникло отношений, присущих матери и сыну; тем не менее, она относилась к юноше тепло и всегда подставляла щеку для поцелуя точно так же, как и его соседу по комнате старшему брату Фрицу.

Однако в роли заместителя старшего помощника она могла повести себя с ледяной вежливостью сборщика налогов.

В ее положении были свои сложности: она не могла стать старшим помощником до тех пор, пока старуха не соблаговолит умереть. Пока же она действовала только от имени и по поручению свекрови и должна была ухаживать за ней. Теоретически старшие должности были выборными; на практике же это были выборы с единственнм кандидатом и заранее предрешенным исходом. Крауза унаследовал капитанский чин от отца; его жена стала заместителем старшего помощника только потому, что была супругой капитана, и ей предстояло занять пост старшего помощника и командовать им и всем кораблем — точно так же, как это делала мать Краузы в силу тех же причин.

До тех же пор высокий статус жены капитана был сопряжен с самой тяжелой работой на корабле, без сна и отдыха, ибо старшие помощники служили пожизненно... разве что их снимали с поста, приговаривая к изгнанию на какую-нибудь планету — за неудовлетворительную работу, или в леденящую пустоту космоса — за нарушение древних, ослино-упрямых законов «Сизу». Однако такие случаи были так же редки, как двойное затмение солнца. Мать Торби могла рассчитывать лишь на смерть свекрови от сердечной недостаточности, удара или от иной неожиданности, подстерегающей человека преклонных лет.

Торби как младший приемный сын капитана Краузы, старшего мужчины в своем септе, номинального главы клана «Сизу» (настоящим главой была его мать), оказался по клановому статусу выше трех четвертей своих родственников (корабельного ранга ему еще не присвоили). Однако старшинство отнюдь не облегчило ему жизнь. Ранг приносит привилегии. Но вместе с ними на человека возлагаются ответственность и обязанности, груз которых перевешивает удобства, доставляемые льготами.

Научиться нищенствовать было куда проще.

Торби с головой ушел в эти новые для него

проблемы и по нескольку дней не виделся с доктором Маргарет. Как-то раз, торопливо шагая по главному коридору четвертой палубы — теперь он всегда спешил — Торби налетел на нее, едва не сбив с ног.

Он остановился.

— Здравствуйте, Маргарет!

— Здравствуй, Торговец. А я уж было решила, что ты не захочешь даже разговаривать с фраки.

— Что вы, Маргарет!

Она улыбнулась.

— Я шучу. Поздравляю тебя, Торби. Я рада за тебя: это решение было при таких обстоятельствах самым верным.

— Благодарю вас. Я тоже так думаю.

Перейдя на английский Системы, она с материнской заботливостью спросила:

— Я слышу сомнение в твоем голосе. Что-нибудь не так?

— Да нет, все в порядке, — и вдруг он выпалил всю правду:

— Боюсь, я никогда не смогу понять этих людей.

— В начале каждого полевого исследования я ощущаю то же самое,— мягко проговорила она,— а этот корабль представляется мне самым

загадочным. Так что же тебя беспокоит?

— Ну... Я не знаю. И, боюсь, никогда не сумею разобраться. Возьмем Фрица — он мой старший брат. Он много помогал мне, но, когда я не оправдывал его ожиданий, он начинал орать мне прямо в ухо. Один раз даже ударил меня. Я не остался в долгу, и мне показалось, что он вот-вот взорвется.

— Кто кого имеет право клевать.

— Что?

— Неважно. Это не научное сравнение. Люди — не куры. Так что же произошло?

— Ну, он тут же стал холодно-вежлив и сказал, что прощает мне и все забудет, принимая во внимание мое невежество.

— *Noblesse oblige*[14].

— Простите?

— Извини. Мои мозги — это просто какая-то свалка старья. И что же он? Забыл, простил?

— Начисто. Стал слаще сахара. Не знаю, из-за чего он так разъярился и почему успокоился после того, как я его ударил, — Торби развел руками. — Это же неестественно.

— Неестественно. В жизни вообще очень мало

---

[14] notes: 14
Noblesse oblige (фр.) — «Положение обязывает».

естественного. М-м-м... Торби, я могу тебе помочь. Возможно, я понимаю Фрица лучше, чем он сам. Понимаю благодаря тому, что я — не из Людей.

— Что вы имеете в виду?

— Моя работа как раз и заключается в том, чтобы понимать. Фриц родился среди Торговцев. Многое из того, что он знает — а он очень умный молодой человек, — лежит в области подсознательного. Фриц не может объяснить многие свои поступки: он не думает, а просто действует. Ну, а я два последних года сознательно изучала все, что видела и слышала. Поэтому я могу дать тебе совет каждый раз, когда ты стесняешься спросить что-либо у них. Со мной ты можешь разговаривать совершенно свободно: у меня нет никакого статуса.

— Маргарет, неужели вы действительно можете?

— В любой момент, когда у тебя есть время. Но я не забыла и твоего обещания рассказать мне о Джуббуле. А теперь не буду тебя задерживать. Ты ведь торопишься.

— В общем-то нет,— он застенчиво улыбнулся. — Просто, когда я спешу, мне не приходится так часто говорить с людьми... а я обычно не знаю, как это делать.

— Понятно. Торби, у меня есть фотографии, списки имен, семейная классификация и обязанности каждого члена экипажа. Это поможет тебе?

— Еще бы! Фриц думает, что достаточно показать мне человека и один раз объяснить, кто он есть — и я всех узнаю!

— Тогда пойдем ко мне в каюту. Не стесняйся: мне разрешено принимать у себя для работы всех, кого бы я ни пожелала. Дверь открывается в общий коридор, и тебе не придется заходить на женскую половину.

Обложившись со всех сторон фотографиями и списками, Горби за полчаса усвоил все необходимые сведения благодаря урокам Баслима и дотошности доктора Мейдер. Она приготовила также полное генеалогическое древо «Сизу». Торби впервые видел его — такого не было ни у одного из его новых родственников: они не нуждались в памятках, потому что знали все наизусть.

Маргарет показала Торби место на древе, где располагался он сам.

— Крестик означает, что, хотя ты и находишься

в прямом септе[15], родился ты не его членом. А вот еще пара людей, переведенных из побочных ветвей в септ... я полагаю, это было сделано для того, чтобы назначить их на ведущие должности. Экипаж «Сизу» называет себя Семьей, но в сущности данная группа представляет собой фратрию[16].

— Что это?

— Группа родственников, не происходящих от одного общего предка, практикующая экзогамию — обычай искать супругов вне группы. Законы экзогамии продолжают действовать, однако их дополнило правило мойете[17]. Ты знаешь, как действуют две мойете?

— Они несут вахту по очереди.

— Да, но ты знаешь, почему на вахте правого борта больше холостяков, а на вахте левого — незамужних женщин?

— М-м-м... Пожалуй, не знаю.

---

[15] notes: 15

...находишься в прямом септе... — В антропологии септом называется сообщество, члены которого верят в то, что ведут происхождение от единого общего предка.

[16] notes: 16

...данная группа представляет собой фратрию... — «Фратрия» в буквальном переводе с греческого «братство»,

[17] notes: 17

...правило мойете... (англ.) — Правило «дольности».

— Женщины, принятые с других кораблей, попадают в правую мойете, а местные холостяки — в левую. Каждая девушка с твоей стороны должна быть обменена... если только она не найдет себе мужа среди очень немногих подходящих для этого мужчин. Тебя должны были бы принять на эту сторону, но тогда у тебя был бы другой отец. Видишь эти имена, где крестик и голубой кружок? Одной из этих девушек предстоит стать твоей супругой... если ты не найдешь себе невесту на другом корабле.

Эта мысль неприятно поразила Торби.

— Так я действительно обязан?..

— Если тебе присвоят корабельное звание, соответствующее твоему семейному положению, то тебе придется отбиваться от кандидаток палкой.

Торби сильно рассердился. Запутавшись в семейных делах, он скорее захотел бы обзавестись третьей ногой, чем жениться.

— Большинство сообществ,— продолжала Маргарет,— практикуют и эндогамию, и экзогамию одновременно: человек ищет себе супруга вне семьи, но в среде своего народа, расы, в своей вере. И ваши Торговцы — не исключение. Можно вступить в брак с членом другой мойете, но не с фраки. Однако ваши правила создают не совсем

обычное положение: каждый корабль представляет собой патрилокальный матриархат.

— Что?

— Термин «патрилокальный» означает, что жена переходит жить в племя мужа, ну, а матриархат... скажи, кто управляет кораблем?

— Капитан.

— Так ли?

— Ну, отец, разумеется, слушается бабушку, но она стареет, и...

— Никаких «но». Настоящим хозяином является старший помощник. Поначалу меня это удивляло: я думала, что такое положение существует только на этом корабле. Но нет, это правило распространяется на всех Людей. Мужчины ведут торговлю, управляют кораблем и энергоустановкой, но властвует всегда женщина. В рамках системы это имеет смысл, и брачные обычаи становятся более-менее осмысленными.

Однако Торби явно не желал продолжать обсуждение проблем, связанных с женитьбой.

— Ты еще не видел, как корабли меняются дочерьми Торговцев. Девушки покидают родной корабль, буквально рыдая, и их приходится тащить чуть не волоком... но, попав на другой корабль, они тут же вытирают слезы и готовы

улыбаться и флиртовать, высматривая себе мужа. Подцепив подходящего парня и сумев выпихнуть его вперед, девушка получает шанс стать главой суверенного государства. А слезы ее высыхают очень быстро потому, что в своей Семье она была никем. Теперь подумай: если бы хозяевами были мужчины, такой обычай переродился бы в обычную работорговлю; а так у девушки появляется возможность использовать свой шанс.

Доктор Мейдер отвела взгляд от записей.

— Обычаи, которые облегчают людям совместное существование, никогда не планируются заранее. Но обычаи эти полезны, в противном случае они отмирают. Торби, тебя раздражает то, как ты должен обращаться со своими родственниками?

— Еще бы!

— Что для Торговца самое главное?

Торби задумался.

— Пожалуй, Семья. Все зависит от положения, которое ты занимаешь в Семье.

— Вовсе нет. Главное — это корабль.

— Говоря «корабль», вы подразумеваете «Семья».

— Как раз наоборот. Если Торговец чем-то недоволен, куда ему деваться? Он не может жить в

космосе без корабля, как не может даже представить себе жизнь среди фраки. Ему противна сама мысль об этом. Корабль для Торговца — все, даже воздух для дыхания создается кораблем, так что приходится учиться жить в нем. Но необходимость постоянно пребывать бок о бок с одними и теми же людьми почти невыносима, а избавиться друг от друга невозможно. Напряжение может дойти до предела, и кто-нибудь будет убит... а то и корабль подвергнется разрушению. Но человеку свойственна способность приспосабливаться к любым условиям. Обряды, этикет, образцы поведения, предписываемые реакции являются смазкой для скрипучего механизма общественных отношений. Когда напряжение нарастает и становится невыносимым, Люди прикрываются условностями. Поэтому Фриц перестал сердиться.

— Как это?

— Он не мог злиться дольше. Ты что-то сделал неправильно, и сам этот факт показал, что ты еще невежествен. Фриц забылся на мгновение, но потом вспомнил, кто ты есть, и его гнев улетучился. Люди не позволяют себе злиться на детей; вместо этого они стараются наставить их на путь истинный... и постепенно ты привыкнешь

к сложным правилам, выполнение которых для Фрица — вторая натура.

— Да, я, кажется, понял, — Торби вздохнул. — Но все это не так-то просто.

— Потому что ты родился в другом мире. Но ты усвоишь это, и в будущем следовать всем правилам станет не труднее, чем дышать, и почти так же полезно. Обычаи подсказывают человеку, кто он такой, какому миру принадлежит и что он обязан делать. Лучше нелогичные обычаи, чем никаких; людям без них не прожить. С точки зрения антрополога, «справедливость» означает поиск работоспособных правил.

— Мой отец, я имею в виду Калеку Баслима, говорил, что единственный путь к справедливости — это честное отношение к другим людям. И при этом не нужно обращать внимание на то, как они поступают с вами.

— Разве это противоречит моим словам?

— Пожалуй, нет.

— Полагаю, Баслим счел бы Людей справедливыми, — она потрепала мальчика по плечу. — Не волнуйся, Торби. Веди себя хорошо, и в один прекрасный день ты женишься на какой-нибудь из этих прекрасных девушек. Ты будешь счастлив.

Это пророчество отнюдь не воодушевило Тор-

би.

Глава 9

Когда «Сизу» достиг Лозиана, Торби уже доверили нести вахту — дело, достойное настоящего мужчины. Поначалу его назначили на второстепенную должность на складе одежды. Продвижению Торби по службе помогла его математическая подготовка.

Торби продолжал учиться в корабельной школе. Баслим дал ему хорошее образование, но учителя не замечали этого, поскольку старик даже не затрагивал большинства предметов, которые считались необходимыми на корабле. Тут учили финскому языку, потому что на нем говорила вся Семья, истории Народа и «Сизу», торговым правилам и деловым навыкам, экспортно-импортным законам многих планет, гидропонике, экономике корабля, его безопасности. Баслим уделял особое внимание языкам, математике, галактографии и истории. Торби быстро схватывал новые предметы лишь благодаря методике Реншоу, которой столь настойчиво обучал его отец. Торговцам требовалась прикладная математика для ведения бухгалтерской отчетности, навигационных расчетов и управления термоядерными процес-

сами в двигателях корабля. Первую дисциплину Торби усвоил молниеносно, вторую — почти так же, а когда он дошел до третьей, преподаватели с удивлением обнаружили, что этот бывший фраки, по-видимому, уже изучал многомерную геометрию.

Они поспешили сообщить капитану о том, что на корабле появился математический гений.

Это было явным преувеличением; тем не менее мальчика тут же пересадили за пульт компьютера, управлявшего корабельным вооружением.

Наибольшую опасность для торгового корабля представляют начальный и конечный отрезки пути, на которых звездолет движется со скоростью чуть меньше световой. Теоретически возможно засечь и проследить корабль, движущийся в несколько раз быстрее света, когда судно теряет связь с воспринимаемым органами чувств четырехмерным миром; на деле же это ничуть не проще, чем попасть пущенной из лука стрелой в дождевую каплю во время полуночной бури. Однако быстрому и маневренному кораблю не составит особого труда выследить и атаковать громоздкий медлительный грузовик с битком набитыми трюмами.

«Сизу» мог развивать ускорение в сто стандарт-

ных единиц гравитации, и, стремясь сократить время прохождения опасных участков, экипаж выжимал из двигателей все до последней капли. Тем не менее для достижения световой скорости при ускорении километр в секунду за секунду требовалось три с половиной дня.

Полнедели экипаж проводил в тягостном, изматывающем нервы ожидании. Удвоение ускорения сократило бы это время наполовину, а «Сизу» стал бы столь же резвым, как рейдер[18], но это потребовало бы восьмикратного увеличения мощности термоядерных реакторов и одновременного утяжеления защитного экрана, вспомогательного оборудования и парамагнитной капсулы, сдерживающей термоядерную реакцию. Прирост массы сводил бы к нулю грузоподъемность корабля.

Торговцы зарабатывают на жизнь тяжким

[18] notes: 18

...столь же резвым, как рейдер... — Рейдер — надводный или подводный военный корабль (или даже вооруженное гражданское судно), самостоятельно действующий в одиночку на коммуникациях противника с целью их максимально затруднить или прервать. Чаще всего в качестве рейдеров выступали легкие крейсера, но иногда — тяжелые крейсера и даже линкоры. Во Вторую мировую войну рейдерство было уже преимущественно подводным (хотя в ее ходе известны и рейдерские операции надводных кораблей. Например, рейды в Атлантике и Северном Ледовитом океане немецких «карманных» линкоров «Шарнхорст» и «Адмирал Шеер»), Для успеха рейдерских операций чем выше скорость, тем лучше.

трудом; даже если бы в космосе не шныряли охотящиеся за ними пираты, Люди не могли бы позволить себе приносить свои доходы в жертву экспоненциальным законам многомерной физики. У «Сизу» были лучшие двигатели, какие только могла себе позволить Семья, но их мощности не хватало, чтобы оторваться от преследователя, идущего налегке.

К тому же маневренность грузовика оставляла желать лучшего. Входя в лишенную тропинок ночь п-пространства, «Сизу» был вынужден строго выдерживать принятый курс, иначе при выходе из этого пространства он мог бы оказаться слишком далеко от места назначения; такая ошибка — и рейс может закончиться не прибылью, а убытками. И, что еще неприятнее, капитану судна приходилось быть готовым мгновенно выключить тягу или рисковать тем, что внутреннее гравитационное поле разрушится и экипаж будет размазан по стенкам, словно клубничный джем, ибо хрупкие человеческие тела подверглись бы стократным перегрузкам.

Вот поэтому капитан и наживает себе язву; не страшно, что ему приходится возиться с грузом, ломать голову над скидками и комиссионными, пытаться угадать, на каком товаре можно больше

заработать. И в долгих прыжках через вечную черноту тоже нет ничего плохого — только в это время он и может расслабиться, повозиться с детьми. Убивают его начало и конец полета, долгие, мучительные часы, когда ему, возможно, придется в долю секунды принимать решение, от которого зависят жизни или свобода всех членов его Семьи.

Если бы рейдеры стремились лишь уничтожить грузовые корабли, то у «Сизу» и ему подобных судов не было бы ни малейшего шанса спастись. Но рейдеру нужен груз и рабы; просто расстреляв звездолет, он ничего не выигрывал.

Торговцы же, в свою очередь, не скованы подобными соображениями. Для них идеальным выходом было и остается уничтожение агрессора. Самонаводящиеся торпеды с ядерной боеголовкой баснословно дороги, и их использование изрядно сказывалось на доходах Семьи, но если компьютер говорил, что цель может быть поражена, тут уж плевали на экономию, лупили наотмашь, в то время как рейдер использовал оружие уничтожения только для своего спасения. Пираты стремились ослепить грузовик, спалив его приборы, и подойти к нему достаточно близко, чтобы парализовать находящийся на борту

экипаж или, если это не удается, убить людей, сохранив звездолет и груз.

Торговец уходил, когда мог, и дрался, если его к этому принуждали. Но вступив в бой, он бился насмерть.

Двигаясь с субсветовой скоростью, «Сизу» всеми своими приборами ловил каждый шорох мультипространства, прислушивался к шепоту доносящихся из n-космоса сообщений и к «белому шуму» кораблей, разгоняющихся с ускорениями, многократно превышающими стандартное ускорение гравитации. Данные поступали в корабельный астронавигационный аналог космоса, откуда приходили ответы на вопросы: где находится этот другой корабль? Каким курсом идет? С какими скоростью и ускорением? Успеет ли он перехватить нас прежде, чем мы нырнем в п-пространство?

Если полученные ответы свидетельствовали об опасности, вся информация передавалась в боевые компьютеры правого и левого борта, и «Сизу» готовился к бою. Комендоры ставили ядерные головки на ракеты, поглаживали их узкие, хищные тела и потихоньку бормотали свои заклинания; главный механик вскрывал рычаг самоподрыва, который мог превратить энергоустановку

в водородную бомбу чудовищной мощности, у него хватит смелости в случае необходимости умертвить Семью, избавив ее от худшей участи. Капитан подавал сигнал, переводящий корабль с вахтенной системы на общий аврал. Коки гасили огонь в плитах; инженеры, следящие за вспомогательными системами, перекрывали циркуляцию воздуха; фермеры прощались с зелеными всходами и спешили занять свои места по боевому расписанию; матери, имеющие маленьких детей, участвовали в перекличке, затем привязывались к койкам и крепко держали своих чад на руках.

А потом начиналось ожидание.

Но только не для Торби и тех, кто был занят у боевых компьютеров. Пристегнутые к своим креслам ремнями, они обливались потом, зная, что в течение ближайших минут или даже часов жизнь Семьи находится в их руках. Боевые компьютеры, обработав данные, после миллисекундного раздумья решали, могут ли торпеды поразить цель, и предлагали четыре варианта: баллистически «возможно» или «невозможно» при имеющихся условиях, «да» или «нет» при отключении тяги, изменении положения одного, другого или обоих кораблей сразу. С такими ответами справились бы и автоматические цепи,

но думать машина не могла. Добрая половина схем обеспечивала оператору возможность определить вероятные изменения обстановки в ближайшем будущем — в течение пяти минут или около того — если менялись исходные параметры... и решить, сможет ли торпеда достичь цели при изменении этих параметров.

Окончательное решение принимал человек; интуиция оператора могла спасти корабль — или погубить его. Парализующий луч мчится со скоростью света, а у торпеды нет времени для разгона до скоростей, превышающих несколько сот километров в секунду. Но даже если рейдер пронзал пространство иглой парализующего луча, Торговец мог успеть запустить торпеду прежде, чем ослепнуть... и мгновение спустя после атомной вспышки, в горниле которой погибал пират, приходило спасение.

Но если оператор на миг опережал события или — что в принципе одно и то же — медлил, осторожничая, лишнюю секунду, он мог проиграть сражение. Нетерпеливый стрелок пускал торпеду мимо цели, слишком осторожный вовсе не успевал ее запустить.

Люди в летах не годились для этой работы. Лучше всего с ней справлялись подростки либо

молодые мужчины и женщины, сообразительные и проворные, уверенные в себе, способные к интуитивному нестандартному математическому мышлению, не боящиеся смерти, поскольку они еще не способны представить себе, что это такое.

Торговцам постоянно приходилось искать способных юнцов. Торби, похоже, обладал математическим чутьем; возможно, у него были и другие способности для работы, схожей с шахматной партией в условиях страшного цейтнота или быстрой игрой в пинг-понг. Его учителем стал Джери Кингсол-вер, племянник Торби, живший с ним в одной комнате. По семейному рангу Джери был ниже Торби, но, по-видимому, старше его по возрасту. Вне компьютерной рубки он называл Торби дядей, находясь же на посту, Торби именовал его «старший стрелок правого борта» и добавлял: «сэр».

В течение долгих недель броска сквозь ничто к Лозиану Джери обучал Торби новому для него делу. Сначала предполагалось, что Торби будет учиться на гидропониста, а Джери занимал пост старшего клерка суперкарго, но фермеров на корабле и так уже было достаточно, а для штата суперкарго во время полета работы не было

вовсе. Капитан Крауза велел Джери как следует поднатаскать Торби в компьютерной.

Разгон до световых скоростей длился половину недели и, поскольку все это время на корабле поддерживалась боевая готовность, к каждому боевому посту были приписаны два человека, несущие вахты вместе. У Джери в подчинении находилась его младшая сестра Мата, младший стрелок. Компьютер имел два терминала, и функции управления могли быть переданы любому из них при помощи особого переключателя. Двое стрелков сидели бок о бок: Джери вел наблюдение, а Мата была готова подключиться в любой момент.

После проведенного курса лекций по управлению машиной Джери посадил Торби за один терминал, Мату — за другой и ввел данные из рубки управления корабля. К терминалам были подключены регистрирующие устройства, так что можно было фиксировать действия каждого стрелка, а затем сравнить их с решениями, принятыми в настоящих сражениях — ведь вводимые данные были записями действительных или предполагавшихся столкновений в прошлом.

Уже очень скоро Торби совершенно вымотался; Мата справлялась с заданием гораздо успешнее.

Мальчик попытался сосредоточиться, но дело пошло еще хуже. Обливаясь потом и стараясь уследить за маневрами пирата, некогда появлявшегося на экране радара «Сизу», Торби постоянно и почти болезненно ощущал соседство стройной темноволосой изящной девушки. Ее проворные пальцы едва уловимыми движениями нажимали кнопки и передвигали рычажки, меняя угол или вектор. Мата действовала расслабленно и не спеша, и было до боли унизительно узнать потом, что действия соседки «спасли корабль», в то время как сам он промахнулся.

И что хуже всего, она нравилась ему, о чем он даже не подозревал, лишь чувствуя, что ее присутствие стесняет его.

Закончив учебный бой, Джери связался с ними из рубки управления.

— Конец занятия. Оставаться на местах.

Вскоре он вошел в компьютерную и принялся изучать ленты, читая замысловатые символы так же легко, как обычный человек читает текст книги. Рассматривая ленты Торби, он почмокал губами.

— Стажер, вы стреляли трижды... и ни одна из ваших торпед не взорвалась ближе, чем в пятидесяти тысячах километров от вражеского корабля.

Речь идет не о расходах — это забота бабушки. Но, стреляя, вы должны поразить врага, а не испугать его. Вам придется еще много поработать, чтобы стрелять без промаха.

— Я старался изо всех сил!

— Этого недостаточно. Давай-ка разберемся с тобой, сестрица.

Подобная фамильярность еще более уязвила Торби. Брат и сестра любили друг друга и не утруждали себя обращением по званиям. Торби как-то попытался называть их по именам... и получил щелчок по носу: он здесь был «стажером», а они — «старшим стрелком» и «младшим стрелком». Тут ничего нельзя было поделать: на посту он был младшим. Целую неделю вне занятий Торби называл Джери «приемный племянник», и тот вежливо и неукоснительно именовал его по семейному титулу. Торби в конце концов решил, что это глупо, и вновь стал называть Джери по имени. Но тот все равно продолжал обращаться к Торби во время занятий «стажер». И Мата тоже.

Джери просмотрел записи Маты и кивнул.

— Отлично, сестричка! Ты лишь на секунду проиграла рассчитанному оптимуму, но на три секунды опередила выстрел, который достал этого мерзавца. Я могу с полным правом сказать,

что ты действовала отлично... тем более, что тот выстрел был сделан мною. Рейдер около Ингстела... помнишь?

— Еще бы, — Мата взглянула на Торби.

Торби почувствовал себя омерзительно.

— Это нечестно! — заявил он, отстегивая ремни.

Джери удивился.

— Что вы сказали, стажер?

— Я говорю, это нечестно. Вы дали задачу, и я взялся за нее с нуля и промахнулся, потому что еще слабо подготовлен. А она лишь нажимала кнопки, чтобы получить ответ, который знала заранее... чтобы унизить меня!

На лице Маты появилось выражение растерянности. Торби шагнул к двери.

— Я не напрашивался на эту работу! Пойду к капитану, пусть он даст мне другое занятие.

— Стажер!

Торби остановился. Джери тихим голосом продолжал:

— Сядьте. Сначала я скажу, а уж затем вы пойдете к капитану — если думаете, что это вам поможет.

Торби сел.

— Хочу сказать две вещи, — холодно произнес

Джери. — Во первых... — он обернулся к сестре. — Младший стрелок, вы знали о том, какая именно задача будет поставлена?

— Нет, старший стрелок.

— А раньше вы с ней встречались?

— По-моему, нет.

— Откуда вы знаете об этом случае?

— Что? Так вы ведь сами сказали об Ингстелском рейдере. Я никогда не забуду обед, который тогда состоялся,— вы сидели рядом с бабу... рядом со старшим помощником!

Джери обратился к Торби.

— Вам ясно? Она тоже решала эту задачу с нуля... точно так же, как в свое время и я. И она действовала успешнее меня; я горжусь тем, что у меня такой подчиненный. К вашему сведению, мистер глупый младший стажер, упомянутое сражение состоялось задолго до того, как мой младший стрелок стала стажером. И она эту задачу не решала. Мата лучше вас справилась с заданием — и все тут.

— Ну и хорошо,— мрачно произнес Торби. — Кажется, из меня не выйдет толка. Я сказал — с меня хватит.

— Я не договорил. Никто не напрашивается на эту работу, это сплошная головная боль. Но никто

и не бросает ее. Со временем работа становится не по силам оператору, когда анализы показывают, что он потерял сноровку. Может быть, я уже начинаю ее терять. Но вот что я вам скажу. Или вы научитесь этому делу как следует, или я пойду к капитану и сам скажу ему, что вы не подходите. А до тех пор... если я услышу хотя бы звук, вы будете иметь дело со старшим помощником! — он помолчал и рявкнул: — Приступаем к повторному занятию! Боевой пост! Приготовить оборудование!

И вышел из помещения.

Спустя мгновение вновь послышался его голос:

— Противник! Компьютерный расчет правого борта! Доложить о готовности!

Раздался звонок, приглашающий экипаж к обеду. Мата четко ответила:

— Расчет правого борта к бою готов. Данные получены, приступаю к выполнению задания!

Ее пальцы легли на клавиши. Торби склонился над своим пультом; есть ему совершенно расхотелось.

Несколько дней он говорил с Джери только по делу. Мату он видел только на занятиях либо по ту сторону своего обеденного стола; он обращался к ней с холодной вежливостью и старался

сравняться с ней в умении работать. Он мог встречаться с ней в другое время: молодые люди общались без помех на людях. Но Мата стала для него своего рода табу — потому, что была его племянницей, и потому, что они принадлежали к одной мойете, хотя, конечно, все это не было препятствием для общественных отношений.

Он не мог не встречаться с Джери: они ели за одним столом, спали в одной комнате. Но у Торби была возможность установить между ними стену формальных отношений; так он и сделал. Никто не сказал ни слова — такие вещи случались нередко. Даже Фриц делал вид, будто ничего не замечает.

Как-то вечером Торби отправился в зал посмотреть фильм на тему, связанную с Саргоном; когда же фильм закончился, он не успел избежать встречи с Матой — она обошла вокруг, встала прямо напротив него и, обращаясь к Торби почтительно, как к дяде, спросила его, не согласится ли он перед обедом сыграть с ней партию в мяч.

Он уже хотел отказаться, но девушка смотрела ему в глаза с такой трагической надеждой, что он сказал лишь:

— Почему бы и нет? Спасибо, Мата. Сыграем, нагуляем аппетит.

Мата расплылась в улыбке.

— Чудесно! Скажу Ильзе, чтобы заняла стол. Пойдем!

Торби выиграл три партии и одну свел вничью... неплохой результат, если учесть, что его партнером была чемпионка среди женщин, которая позволяла себе взять лишь-одно очко форы, когда играла с чемпионом среди мужчин. Торби не думал об этом, а просто получал удовольствие от игры.

Его дела в компьютерной пошли на лад, отчасти из-за его серьезного отношения к делу, отчасти потому, что он хорошо чувствовал комплексную геометрию. Помогало и то, что он был сыном нищего, и эта древняя профессия обострила его мышление. Джери более не сравнивал вслух успехи Торби и Маты, ограничиваясь лишь кратким комментарием по его адресу: «Уже лучше» или «Продолжайте, стажер» или, что бывало реже, «Стопроцентное попадание». Торби приобрел уверенность в своих силах; он избавился от стеснительности и гораздо чаще появлялся на людях и играл с Матой в мяч.

Путешествие через мрак близилось к концу, когда закончилось последнее занятие, и как-то раз утром Джери скомандовал:

— Вольно! Я вернусь через пару минут.

Торби с удовольствием стряхнул с себя напряжение, но тут же заерзал; ему казалось, что на этот раз он работал в идеальном согласии со своими приборами.

— Младший стрелок... как вы думаете, он не станет возражать, если я взгляну на свою ленту?

— Думаю, нет, — ответила Мата, — впрочем, давайте-ка я сама ее достану. Тогда ответственность ляжет на меня.

— Мне не хочется доставлять вам неприятности.

— Ничего страшного, — серьезно ответила девушка и, потянувшись к терминалу Торби, вытащила ленту, дунула на нее, чтобы та не скручивалась, и внимательно ее изучила. Потом извлекла свои записи и сравнила с лентой Торби.

Она серьезно посмотрела на юношу.

— На этот раз очень хорошо, Торби.

Впервые за все время она назвала его по имени. Но Торби едва ли это заметил.

— Правда? Вы хотите сказать, что...

— Это очень хороший прогон... Торби. Мы оба поразили цель. Но ваши расчеты достигли оптимума между «возможно» и «критический

предел», в то время как я поторопилась. Видите?

Торби только учился читать записи с ленты, но он был счастлив услышать это от Маты. Вошел Джери и, взяв обе ленты, посмотрел на ленту Торби, а затем пригляделся к ней более внимательно.

— Прежде чем спуститься сюда, я взял записи пост-анализа, — сказал он.

— И что же, сэр? — нетерпеливо спросил Торби.

— М-м-м... После еды я изучу все это более внимательно, но похоже, что ваши ошибки взаимно погасились.

Мата воскликнула:

— Да что ты, братец, ведь он отлично сработал, и ты прекрасно об этом знаешь!

— Ты так думаешь? — усмехнулся Джери. — Но ты не хотела бы, чтобы у нашего лучшего ученика закружилась голова, верно?

— Фу на тебя!

— Вот тебе и «фу», маленькая уродина. Пошли есть.

Узким проходом они вышли в главный коридор второй палубы и зашагали рука об руку. Торби глубоко вздохнул.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил его пле-

мянник.

— Ничуть! — Торби обнял обоих за плечи. — Вы, Джери и Мата, еще сделаете из меня настоящего снайпера!

Впервые с того дня, когда он получил взбучку, Торби обратился к племяннику по имени. И Джери спокойно воспринял его попытку примирения.

— Не торопись с надеждами, кореш. Но я думаю, что мы справились, — и добавил:

— О, я вижу, двоюродная бабушка Тора смотрит на нас своим холодным взглядом. И если кого-то интересует мое мнение, то я думаю, что сестрица может еще ходить без посторонней помощи. Я уверен, что двоюродная бабушка тоже так считает.

— И на нее тоже фу! — быстро защебетала Мата. — Ведь Торби только что справился с заданием на «отлично»!

«Сизу» вынырнул из темноты, замедляясь и двигаясь с субсветовой скоростью. Менее чем в пятидесяти миллиардах километров сияло солнце Лозиана, и через несколько, дней корабль должен был совершить очередную посадку. На «Сизу» была объявлена боевая готовность.

Мата несла вахту в одиночестве; Джери по-

требовал, чтобы стажер дежурил вместе с ним. Первая вахта обычно проходила спокойно; даже если рейдер получал по п-космичес-ким каналам связи точную информацию о времени прибытия и месте назначения «Сизу», при прыжке во много световых лет было невозможно точно предсказать, где и когда именно корабль покажет свой нос в реальном пространстве.

Джери занял свое кресло через несколько минут после того, как Торби затянул ремни со странным, испытанным многими стажерами ощущением, что это уже не учеба. Джери взглянул на него.

— Расслабься. Если будешь напрягаться, заболит спина и ты долго не выдержишь.

Торби озабоченно кивнул.

— Буду стараться.

— Так-то лучше. Сейчас мы сыграем в одну игру, — Джери вытащил из кармана коробочку и открыл ее.

— Что это?

— «Прощай, радость». Ставим ее сюда... — Джери накрыл коробкой переключатель, определяющий, какой из терминалов становился ведущим. — Ты видишь, в каком положении тумблер?

— Что? Нет.

— Тогда возьми с полки пирожок, — Джери пощелкал скрытым от Торби переключателем. — Кто из нас будет управлять ракетой, если придется ее запускать?

— Откуда мне знать? Убери ее, Джери; я и так нервничаю.

— В этом и состоит игра. Может быть, на контроле я, а ты лишь впустую давишь на кнопки, а может быть, все зависит от тебя, а я сплю в своем кресле. Время от времени я буду щелкать тумблером, но ты не будешь знать, в каком положении я его оставил. Так что при появлении пирата — а он не заставит себя ждать, я это нутром чую — ты уже не сможешь надеяться, что старый добрый Джери, человек с твердой рукой, держит ситуацию под контролем. Тогда тебе придется спасать нашу лавочку. Тебе, и никому другому.

Торби с содроганием представил себе расположенные палубой ниже стеллажи с торпедами и людей, застывших в ожидании его решения — единственного правильного решения невероятно трудной задачи жизни и смерти, искривленного пространства, движущихся векторов и комплексной геометрии.

— Ты шутишь, — робко произнес он. — Ты не можешь доверить мне управление. Капитан про-

сто заживо сдерет с тебя шкуру.

— А вот тут-то ты ошибаешься! Наступает день, когда стажер по-настоящему наводит на цель. Только после этого он становится стрелком... или превращается в ангела. Но мы не позволим тебе разволноваться в этот момент. Ни в коем случае! Ты у нас будешь волноваться все время. Вот как это будет делаться. Каждый раз, как только я скажу «Ну!», ты будешь угадывать, чей терминал включен. Если угадываешь, я отдаю тебе свой десерт. Не угадываешь — отдаешь мне твою порцию. Ну!

Торби быстро прикинул.

— Я!

— Ошибка! — Джери приподнял коробочку. — Я выиграл твой десерт, сегодня это ягодный торт; у меня даже слюнки потекли. Отвечай побыстрее — ты должен принимать решения мгновенно. Ну!

— Опять ты.

— Верно. Ну!

— Ты!

— Ничего подобного. Видишь? И я все же съем твой торт. Пока я впереди, мне стоит бросить игру. Ах, какой крем! Ну!

Когда на смену пришла Мата, Торби проигры-

вал Джери десерт за четыре дня.

— В следующий раз начнем при этом счете, — заявил Джери. — Только этот ягодный торт я все-таки возьму. О, я забыл сообщить, что будет главным призом!

— И что же?

— Когда все будет по-настоящему, мы поспорим на три порции. Как только покончим с пиратом, ты сразу же должен будешь отгадать. В настоящем бою награда должна быть больше, не так ли?

Мата фыркнула.

— Ты что, хочешь, чтобы он нервничал?

— Ты нервничаешь, Торби?

— Еще чего!

— Перестань беспокоиться, сестричка. Берись-ка за компьютер своими немытыми пальчиками и держись за него покрепче!

— Я сменяю вас, сэр.

— Пойдем, Торби, нас ждет еда. Ах, ягодный торт!

Три дня спустя счет уравнялся, но лишь ценой множества порций сладкого, с которыми Торби пришлось расстаться. «Сизу» значительно замедлил ход и двигался примерно со скоростью планеты. Солнце Лозиана на экране уже сильно

выросло. Торби со слабым сожалением решил, что на сей раз его умение не подвергнется испытанию.

Внезапно раздался рев тревоги, заставивший юношу подскочить на месте, так что лишь привязные ремни удержали его в кресле. Джери что-то говорил, и его голова быстро повернулась к пульту, он осмотрел приборы и впился пальцами в клавиши.

— Приготовиться! — рявкнул он. — Это уже по-настоящему!

Торби стряхнул с себя оцепенение и склонился над панелью. В компьютер уже поступали данные, и тут же на экране появились результаты баллистического расчета. Боже милостивый, он так близко! И как быстро приближается! Как ему удалось так близко подкрасться незамеченным? Торби отбросил посторонние мысли и начал просматривать ответы. Нет, еще нет... хотя уже скоро... не повернет ли пират и не сбросит ли скорость?., попробовать поворот с шестикратным ускорением... достанет ли его ракета?., достанет ли он, если не...

Он едва почувствовал легкое прикосновение Маты к его плечу. Но очень хорошо расслышал крик Джери:

— Назад, сестрица! Мы засекли его, мы засекли!

На пульте Торби сверкнул огонек, из скрипучего громкоговорителя послышался голос:

— Дружественный корабль, дружественный корабль! Опознан лозианский межпланетный патруль! Отбой аврала!

Торби глубоко вздохнул, почувствовав, что с его плеч свалился тяжелый груз.

— Продолжать прицеливание! — крикнул Джери.

— Как?

— Выполнять задание! Это не лозианский корабль! Это рейдер! Лозиане так не разворачиваются! Ты накрыл его, парень! Пускай ракету!

Торби услышал испуганный всхлип Маты и тут же вновь с головой ушел в бой. Что-нибудь изменить? Он достанет врага! Достанет ли он его в конусе возможных перемещений? Вот сейчас! Он отдал компьютеру команду.

Голос Джери был едва слышен; казалось, что он произносит слова необычайно медленно.

— Ракета вышла. Думаю, ты накрыл его... но ты слишком торопился. Запусти еще одну, пока они не ослепили нас лучом.

Торби автоматически подчинился. Для приня-

тия иного решения оставалось слишком мало времени. Он велел машине отправлять ракету по тому же прицелу. И тут он увидел на своем экране, что цель исчезла, и с непонятным чувством пустоты решил, что его первая ракета поразила цель.

— Вот и все! — сообщил Джери. — Ну-с?

— Что?

— Кто запустил ракету? Ты или я? Три десерта.

— Я! — уверенно заявил Торби. Где-то в глубине его сознания мелькнула мысль, что ему не суждено стать настоящим Торговцем — таким, как Джери, для которого цель была просто фраки. Или три десерта.

— Ошибка. Три-ноль в мою пользу. Я перепугался и взял управление на себя. Разумеется, после приказа капитана ракеты были разряжены, а пусковые шахты заблокированы... но у меня не хватило духу рисковать дружественным кораблем.

— Дружественным?

— Конечно. Но для вас, помощник младшего стрелка, все прошло как в настоящем бою... как я и хотел.

У Торби пошла кругом голова. Мата сказала:

— Это нечестно. Ты сжульничал!

— Еще бы. Ну что ж, теперь он — настоящий стрелок, получил боевое крещение. А мне достался тройной десерт, что тоже очень приятно. Сегодня вечером — мороженое!

Глава 10

Торби недолго оставался помощником младшего стрелка; Джери перешел в стажеры к астронавигаторам, боевой пост у компьютера заняла Мата, и Торби был официально назначен на должность младшего стрелка. Теперь от него зависели жизнь и смерть Семьи, и он был отнюдь не в восторге от этого.

Однако уже очень скоро все опять изменилось.

Лозиан относится к числу «безопасных» планет. Здесь жили цивилизованные негуманоиды и, поскольку порт не подвергался пиратским налетам, в охране посадочных площадок не было необходимости. Мужчины могли спокойно покидать корабль, и даже женщинам это не возбранялось. (Некоторые из женщин, живших на борту, не покидают корабль никогда — за исключением Встреч Людей — с того времени, как попали на «Сизу» в результате обмена.)

Для Торби Лозиан оказался первой «чужой» планетой, поскольку он помнил только Джаббул. Юноша с нетерпением дожидался возможности осмотреть новые для него места. Но на первом месте была работа. После того, как юноша был

утвержден в звании стрелка, его перевели из гидропонистов на младшую должность в штате суперкарго. Статус Торби значительно повысился: торговля считалась более важным делом, чем ведение хозяйства. Теоретически в его обязанности входило осматривать грузы, но на практике этим занимался старший клерк, а Торби вместе со своими сверстниками из других отделов надрывался, перетаскивая контейнеры. Обработка грузопотока относилась к работам, к которым привлекались все свободные рабочие руки. Портовые грузчики не допускались на «Сизу», хотя, в согласии с профсоюзными правилами, их приходилось нанимать и платить им за ничегонеделание.

На Лозиане не существовало таможенных пошлин, так что покупатель получал уложенные в контейнеры мешки с листьями верги прямо у люка корабля. Несмотря на вентиляцию, в трюме стоял острый дурманящий запах, напомнивший Торби о том, как месяцы назад в нескольких световых годах отсюда он, скрюченный в три погибели беглец, боявшийся укорочения, прятался в норе, устроенной в одном из контейнеров, а незнакомый друг тайком спасал его от полиции Саргона. Сейчас это казалось просто невероят-

ным. «Сизу» стал для юноши родным домом, и он даже мыслил на языке Семьи.

С внезапным ощущением вины Торби подумал, что в последнее время он слишком редко вспоминает о папе. Неужели он его забыл? Нет, нет! Он ничего не мог забыть... ни папиного голоса, ни его отрешенного взгляда, когда тот начинал сердиться, ни его неуклюжих движений в зябкие рассветные часы, ни его непоколебимого спокойствия при любых обстоятельствах — да, ведь отец никогда не злился на мальчика... нет, все же один раз Торби вывел его из себя. «Я не хозяин тебе!»

Тогда папа разгневался. Это испугало Торби: он ничего не понял.

И лишь теперь, когда миновали месяцы и за кормой остались световые годы, Торби внезапно понял все. Рассердить отца могла только одна вещь; старик был до глубины души оскорблен напоминанием о том, что он, Калека Баслим — рабовладелец. Папа, который утверждал, что умного человека ничто не может оскорбить, потому что правда — не оскорбление, а на ложь не стоит обращать внимания.

И все же он обиделся, услышав правду, ведь формально он стал хозяином Торби, купив его на аукционе. Чепуха! Мальчик никогда не был

его рабом, он был старику сыном... отец никогда не вел себя с ним как хозяин, даже если порой приходилось всыпать ему по заднице. Папа... был папой..

Теперь юноша понял, что единственное, что Баслим и впрямь ненавидел, было рабство.

Торби не знал, откуда у него взялась такая убежденность, но... он был уверен. Он не мог припомнить ни одного случая, когда Баслим впрямую говорил бы о рабстве; Торби помнил одно: папа постоянно повторял, что человек должен быть свободен в своих мыслях.

— Эй!

К нему обращался суперкарго.

— Да, сэр?

— Ты двигаешь контейнер или хочешь заснуть на нем?

Через трое местных суток, когда Торби и Фриц заканчивали счищать с себя грязь в душе, в ванную заглянул боцман и, указав на Торби, произнес:

— От капитана наилучшие пожелания и просьба клерку Торби Баслиму-Краузе зайти к нему.

— Есть, боцман! — отозвался Торби и чертыхнулся про себя. Торопливо оделся, заглянул в свой кубрик и, предупредив Фрица, быстрым шагом

отправился к капитану, надеясь, что боцман доложит тому, что Торби был в душе.

Дверь была открыта. Торби начал было докладывать по всей форме, но капитан поднял глаза и сказал:

— Здравствуй, сынок. Входи.

Торби перешел на семейное обращение.

— Да, отец.

— Собираюсь пойти прогуляться. Может быть, составишь мне компанию?

— Сэр? То есть, я хотел сказать, отец... было бы здорово!

— Прекрасно. Я вижу, ты уже готов. Пойдем, — он выдвинул ящик стола и протянул Торби несколько изогнутых кусков проволоки. — Это тебе на карманные расходы; можешь купить себе какой-нибудь сувенир.

Торби посмотрел на проволоку.

— Сколько стоят эти штуки?

— Вне Лозиана — ничего. Поэтому оставшиеся ты мне потом вернешь, и я обменяю их на валюту. Лозиане рассчитываются с нами торием и другими товарами.

— Да, но как мне узнать, сколько стоит та или иная вещь?

— Можешь положиться на их слово. Лозиане не

мошенничают и не торгуются. Странные создания. Не то, что на Лотарфе... Там, если ты берешь кружку пива, поторговавшись какой-нибудь час, считай, тебе крупно повезло.

Торби сказал себе, что понимает жителей Лотарфа гораздо лучше, чем лозиан. Было что-то неприличное в том, чтобы приобретать товар, не поторговавшись хорошенько. Но у фраки варварские обычаи, и к ним приходилось приспосабливаться. «Сизу» гордился тем, что в его отношениях с фраки никогда не случалось недоразумений.

— Ну что, идем? Поговорим по дороге.

Когда они спускались, Торби посмотрел на стоящий поблизости корабль «Эль Нидо», принадлежавший клану Гарсиа.

— Отец, мы идем навестить их?

— Нет, мы обменялись визитами сразу по прибытии.

— Я говорю о другом. Будут ли какие-нибудь встречи, вечеринки?

— Ах, это? Мы с капитаном Гарсиа решили отложить развлечения. Они торопятся отправиться в путь. Однако нет никаких препятствий к тому, чтобы ты навестил их в свободное от работы время. Но вряд ли стоит это делать. Обычный

корабль, очень похож на «Сизу», только менее современный.

— Я надеялся, что мне позволят осмотреть их компьютер.

Они опустились и вышли на землю.

— Сомневаюсь, чтобы тебе разрешили зайти в компьютерную. Гарсиа очень суеверны.

Когда они отошли от подъемника, к ним подбежал лозианский малыш и, сопя и обнюхивая их ноги, принялся скакать вокруг. Капитан Крауза позволил ему изучить себя, но потом произнес ровным спокойным голосом:

— Ну ладно, хватит, — и мягко отодвинул мальца в сторону. Подоспевшая мамаша свистом подозвала ребенка и, взяв на руки, пару раз шлепнула его. Крауза махнул ей рукой:

— Здравствуй, приятельница!

— Приветствую тебя, Торговец, — ответила та на интерлингве пронзительным шепелявым голосом. Ростом она была в полтора раза ниже Торби и стояла на четырех лапах, освободив передние. Ребенок опирался на все шесть. Оба, и мать и дитя, были тоненькими, симпатичными и востроглазыми. Они очень понравились Торби; удивило его только одно — у них было два рта: один для приема пищи, другой — чтобы дышать

и говорить.

Капитан Крауза продолжил прерванную беседу.

— Ты великолепно взял на прицел тот лозианский корабль.

Торби покраснел.

— Так вы знаете об этом, отец?

— Плохой был бы из меня капитан, кабы я не знал о таких вещах. А, я понимаю, что тебя тревожит. Не думай об этом. Если я указываю тебе цель, ты просто обязан спалить ее. Заблокировать твою команду, если мы опознали дружественный корабль — это моя задача. Как только я поверну рычаг «отбой», ты уже не сможешь открыть стрельбу, ракеты разоружаются, пусковая установка запирается, и главный механик уже не сможет дать команду на самоуничтожение корабля. Так что даже если ты услышал мой приказ прекратить прицеливание, либо в горячке боя ты его не услышал, это ничего не меняет. Заканчивай наведение и стреляй. Это отличная тренировка.

— Я не знал об этом, отец.

— Разве Джери тебе не объяснил? Ты должен был заметить переключатель — такая большая красная кнопка у моей правой руки.

— Но я ни разу не был в рубке управления, отец.

— Да? Что ж, мы исправим это упущение, в один прекрасный день хозяином рубки можешь оказаться и ты. Напомни мне об этом... как только мы выйдем в подпространство.

— Слушаюсь, отец,— Торби обрадовался возможности войти в эту святая святых — он был уверен, что едва ли хотя бы половина его родственников побывала там — но замечание капитана его удивило. Неужели бывший фраки может взять бразды правления кораблем в свои руки? Приемный сын вполне мог занять высший пост — такое случалось, когда у капитанов не было собственных сыновей. Но бывший фраки?

— Я не уделял тебе должного внимания, сынок, — продолжал капитан Крауза. — Внимания, которого заслуживает сын Баслима. Но наша Семья так велика, что у меня не хватает времени. Как к тебе относятся новые родственники? Все в порядке?

— Еще бы, отец!

— М-м-м... рад это слышать. Ведь... словом, ты родился не среди Людей, понимаешь?

— Да. Но ко мне все относятся очень хорошо.

— Отлично. О тебе дают только прекрасные

отзывы. Похоже, ты очень быстро набираешься ума-разума для... В общем, учишься быстро.

«Для фраки», — Торби с горечью закончил в уме недоговоренную фразу. Капитан продолжал.

— Ты уже побывал в силовом отсеке?

— Нет, сэр.

— Сейчас самое подходящее время, пока мы стоим в порту. Безопаснее, к тому же молитвы и очистительные обряды не займут много времени, — Крауза несколько секунд молчал, потом продолжил: — Впрочем, нет. Подождем окончательного решения вопроса о твоем статусе. По мнению главного механика, тебя надо перевести в его отдел. Ему взбрело в голову, что у тебя все равно не будет детей, и он хочет воспользоваться возможностью зацепить тебя на крючок. Ох уж эти механики!

Торби отлично понял капитана, даже его последний возглас. Все считали механиков слегка свихнувшимися; полагали, что излучение маленькой звезды, обеспечивающей жизнь корабля, ионизирует их мозговую ткань. Как бы то ни было, механики могли позволить себе весьма серьезные нарушения правил этикета. Формула «Невиновен ввиду невменяемости» была молчаливо признававшейся привилегией

людей, непрерывно подвергавшихся одной из опасностей ремесла космонавта. Главный механик осмеливался пререкаться даже со старшим помощником.

Однако младшие механики не допускались к вахтам в силовом отсеке до тех пор, пока могли надеяться обзавестись потомством. Они обслуживали вспомогательное оборудование и несли тренировочные вахты на макетах. Торговцы с большой осторожностью подходили к проблеме мутаций, поскольку были подвержены радиации в гораздо большей степени, чем жители планет. Никто не видел во внешности Людей явных следов мутации. Что происходило с младенцами, родившимися с отклонениями? Это было окутано тайной, хранимой столь строго, что Торби даже не знал о такой проблеме. Он лишь видел, что вахты при силовых установках несут исключительно пожилые люди.

О том, чтобы обзаводиться потомством, Торби тоже не думал. Юноша лишь уловил в замечании капитана намек на то, что главный механик считал его способным в короткий срок приобрести высокий статус вахтенного механика силовой установки. Торби был поражен столь блестящей перспективой. Люди, усмирявшие бешеных дья-

волов ядерных реакторов, уступали по статусу лишь астронавигаторам... но в душе ставили себя куда выше. Их самооценка была гораздо ближе к истине, чем официальное мнение; даже заместитель капитана, пытающийся с высоты своего положения шпынять вахтенного силовой установки, вполне мог перейти к ответственному занятию пересчитывания груза в трюме, в то время как механик, отдохнувши малость в лазарете, вернулся бы на прежнее свое место. Неужели бывший фраки мог мечтать о таких высотах? Неужели он смог бы в один прекрасный день стать главным механиком и безнаказанно пререкаться даже со старшим помощником?

— Отец, — нетерпеливо произнес Торби, — главный механик считает, что я мог бы выучить ритуалы силового отсека?

— А я о чем толкую?

— Да, сэр. Интересно, почему он так решил?

— Не можешь пошевелить мозгами? Или ты такой скромник? Человек, который справляется с математикой прицеливания, сумеет овладеть и ядерной техникой, либо с равным успехом заняться астрогацией, что ничуть не менее важно.

Механики даже не прикасались к грузам; их единственной обязанностью в портах было за-

править корабль торием и дейтерием и решить другие узкоспециальные задачи. К ведению хозяйства они тоже не привлекались. Они...

— Отец! Я вовсе не прочь стать механиком.

— Вот как? Ладно, оставим эту тему.

— Но...

— Что «но»?

— Ничего, сэр. Слушаюсь, сэр.

Крауза вздохнул.

— Сынок, я принял на себя определенные обязательства по отношению к тебе, и я постараюсь устроить все наилучшим образом, — он прикинул, что можно рассказать мальчику. Мать сказала, что, если бы Баслим хотел, чтобы мальчик знал содержание послания, он передал бы текст на интерлингве. С другой стороны, коль уж Торби овладел языком Семьи, он вполне справился бы с переводом. Вероятнее всего, он забыл текст.

— Торби, ты знаешь что-нибудь про свою семью?

Юноша удивился.

— Моя семья, сэр, — это «Сизу».

— Верно! Но я спрашиваю о семье, в которой ты был до того, как появился на корабле.

— Вы говорите о папе? О Баслиме?

— Нет, нет! Он был твоим приемным отцом — таким же, как и я. Что ты знаешь о семье, в которой родился?

— По-моему, у меня никогда не было семьи, — уныло пробормотал Торби.

Сообразив, что задел больное место, Крауза поспешно возразил:

— Нет, нет, сынок, ты вовсе не обязан разделять мнения людей, с которыми сейчас живешь. Если бы не было фраки, с кем бы мы торговали? Как бы тогда жили Люди? Родиться среди Людей — это счастье, но и родиться фраки — вовсе не позор. Каждый атом Вселенной имеет свое предназначение.

— Я ничего не стыжусь!

— Ну-ну, не волнуйся.

— Извините, сэр. Мне нечего стыдиться своих родственников. Просто я не знаю, кто они были. Я же совсем ничего не знаю, может быть, они были даже Людьми.

Крауза не мог скрыть удивления.

— Что ж, может, так оно и было, — медленно произнес он.

В основном рабов покупали на планетах, которые порядочные торговцы даже и не посещают, многие рождаются в поместьях своих хозяев...

но какой-то их процент составляли Люди, захваченные пиратами. Вот этот парень... интересно, пропадал ли какой-нибудь корабль торговцев в соответствующее время? Капитан подумал, нельзя ли во время Встречи заняться установлением личности юноши, покопавшись в записях коммодора.

Но даже и этим не исчерпывались все возможности. Некоторые старшие помощники небрежно относятся к обязанностям, связанным с идентификацией новорожденных, а некоторые дожидаются очередной Встречи. Вот Мать, она никогда не считалась с расходами на длинные передачи через п-пространство и требовала, чтобы дети регистрировались немедленно — на «Сизу» не терпели расхлябанности.

Представим себе, что мальчик был захвачен на торговом корабле, а его данные так и не попали к коммодору. Какая несправедливость — потерять права, положенные человеку по рождению!

В голову капитана закралась мысль. Ошибку можно исправить несколькими путями. Пропадал ли какой-нибудь свободный корабль? Крауза не помнил.

Говорить об этом он тоже не мог. Было бы здорово вернуть мальчику его предков! Эх, была бы

только возможность...

Крауза заговорил о другом:

— В каком-то смысле, парень, ты всегда принадлежал к Людям.

— Извините, отец?

— Баслим был почетным членом Народа.

— Что? Как это, отец? Какого корабля?

— Всех. Его избрали на Встрече. Видишь ли, сынок, когда-то очень давно случилось нечто постыдное. Но Баслиму удалось все уладить. И теперь все Люди в долгу перед ним. Я не могу рассказать тебе больше. Хочу спросить: ты думал о женитьбе?

Такая мысль даже не приходила Торби в голову: больше всего он хотел узнать о том, что сделал отец и как он стал одним из Людей. Но он понял, что его старший собеседник наложил на эту тему запрет.

— Нет, отец.

— Твоя бабушка считает, что ты начал всерьез заглядываться на девушек.

— Да, сэр, бабушка всегда права... но я об этом не думал.

— Холостой мужчина неполноценен. Впрочем, мне кажется, что ты еще недостаточно взрослый. Смейся вместе со всеми девушками, но ни с одной

не дели печалей, и помни о наших обычаях.

Крауза подумал, что согласно пожеланию Баслима он должен обратиться к Гегемонии за помощью и выяснить, откуда же родом мальчик. И будет не совсем удобно, если Торби женится раньше, чем представится такая возможность. Между тем за месяцы пребывания на «Сизу» юноша значительно подрос. К беспокойству капитана примешивалось неприятное ощущение того, что, пускаясь в поиски настоящих (либо мнимых) родителей Торби, да еще не вполне представляя себе, как этого добиться, он нарушает взятые на себя обязательства перед Баслимом.

И тут ему в голову пришла замечательная идея.

— Знаешь что, сынок? Вполне возможно, девушка, которая тебе нужна, вовсе не на нашем корабле. На женской половине левого борта их не так уж и много, а ведь женитьба — дело серьезное. Жена может поднять твой статус, но может и обратить его в ничто. Так что давай пока не думать об этом. На Встрече ты сможешь познакомиться с сотнями подходящих девушек. И если ты встретишь ту, которая тебе понравится и которой понравишься ты, мы обсудим это с бабушкой. Если она одобрит твой выбор, мы

начнем разговор насчет ее обмена. И скупиться мы не станем. Идет?

Такое решение сулило отсрочку в решении проблемы, и это было очень кстати.

— Отличная мысль, отец!

— На том и покончим,— Крауза с облегчением подумал, что, пока Торби будет встречаться с «сотнями девушек», он

сможет порыться в архивах, и ему не придется пересматривать свои обязательства перед Баслимом до того, как он справится с этой задачей. Парень вполне может оказаться потомком Людей; его несомненные достоинства исключали даже предположение, что он родился среди фраки. Если так, то пожелания Баслима будут исполнены в точном соответствии с духом и буквой его послания. Ну, а пока — забыть!

Прошагав около мили, они вышли к окраине города. Поглядывая на изящные лозианские корабли, Торби с раскаянием подумал о том, что едва не сжег одну из этих прекрасных машин. Но потом ему вспомнились слова отца о том, что выбор цели не входит в обязанности стрелка.

Они вступили в зону уличного движения, и Торби тут же забыл о своем беспокойстве. Лозиане не пользуются ни автомобилями, ни такой

роскошью, как носилки и портшезы. Пешком они передвигаются вдвое быстрее бегущего человека, а в случае спешки берут некий аппарат, наводящий на мысль о реактивной тяге. Четыре, а порой все шесть лап просовываются в рукава, оканчивающиеся чем-то вроде коньков. Тело поддерживается рамой, на которой установлен и двигатель (принципа его действия Торби так и не понял). Одетые в такой своеобразный костюм механического клоуна, лозиане носились, словно маленькие ракеты, пренебрегая элементарной безопасностью, рассыпая вокруг себя искры, издавая пронзительный визг. На поворотах они напрочь забывали о трении, инерции, гравитации и тормозили в самый последний момент. Потоки пешеходов и механизированных лихачей свободно смешивались, причем правил дорожного движения, по-видимому, не было и в помине. Казалось, что возрастного ограничения на право вождения тут не существовало, и самые юные лозиане представляли собой лишь еще более бесшабашную копию старших.

Торби даже засомневался, сможет ли он улететь с этой планеты живым.

Лозиане мчались навстречу Торби по чужой полосе движения («своих» полос тут вовсе не

было), останавливаясь у самых его ног, со свистом проносились мимо — так близко, что у него перехватывало дыхание и бешено колотилось сердце — но тем не менее всякий раз благополучно избегали столкновения. Торби едва успевал уворачиваться. После нескольких таких прыжков он счел за лучшее следовать примеру своего приемного отца. Капитан Крауза спокойно и упрямо продвигался вперед, как бы рассчитывая на то, что сумасшедшие водители сочтут его неподвижным предметом. Торби усомнился было в правильности такой тактики, но... по-видимому, здесь невозможно было поступать иначе.

Торби никак не мог понять городскую планировку. Машины и пешеходы устремлялись всюду, куда только можно было проехать или пройти, и разделения на общественные и частные территории, по-видимому, не существовало. Сперва они двигались по чему-то, что Торби про себя назвал площадью, а затем, поднявшись по пандусу, — сквозь некое строение, не имевшее отчетливых границ: ни вертикальных стен, ни крыши, потом вновь вышли наружу и спустились вниз сквозь арку, под которой был проход. Торби полностью потерял ориентировку.

Однажды ему показалось, что они проходят

сквозь частный дом — им пришлось проталкиваться в толпе, которая была занята чем-то вроде званого обеда. Гости только убирали конечности с их пути.

Крауза остановился.

— Мы почти пришли. Сейчас мы нанесем визит одному фраки, который купил наш товар. Мы встречаемся, чтобы утрясти кое-какие недоразумения, возникшие в ходе торгов. Он оскорбил меня, предложив плату; сейчас нам предстоит вновь стать друзьями.

— Мы что, собираемся отдать товар даром?

— Что бы тебе ответила бабушка? Нам уже заплатили, но сейчас я отдам ему товар бесплатно, а он подарит мне торий в знак своей симпатии ко мне. Обычаи лозиан не позволяют им заниматься таким мерзким делом, как торговля.

— Они не торгуют друг с другом?

— Конечно, торгуют. Выглядит это так: один фраки дает другому то, что у него просят. И тут — разумеется, чисто случайно — у второго оказываются в наличии деньги, которые он спешит безвозмездно всучить первому. Потом выясняется, что оба подарка имеют одинаковую стоимость. Лозиане очень хитрые деляги: нам ни разу не удалось вытянуть из них хотя бы незначитель-

ную прибавку.

— К чему же такие нелепости?

— Если задумываться над тем, почему фраки поступают так или этак, можно свихнуться. Находясь на их планете, ты должен приспосабливаться к местным обычаям... так будет лучше всего. Теперь слушай и запоминай. Во время встречи состоится дружеский обед, но... для лозиан это неприемлемо: они «теряют лицо». Поэтому между нами будет установлен экран. Твое присутствие необходимо, потому что там будет лозианин-сын, точнее — дочь. Фраки, с которым я встречаюсь — мать семейства, а не отец. У меня сложилось впечатление, что у лозиан мужчины находятся в подчиненном положении.. Но обрати внимание: когда я буду говорить через переводчика, я буду использовать мужской род.

— Почему же?

— Потому, что они достаточно хорошо осведомлены о наших обычаях, чтобы не знать, что у нас заправляют мужчины. Если ты вдумаешься, то поймешь, что в этом есть определенная логика.

Торби задумался. Кто был главой Семьи? Отец? Или, может быть, бабушка? Разумеется, старший помощник, отдавая распоряжение, подписывает его «по приказу капитана», но это лишь для того,

чтобы... нет. Хотя, как бы то ни было...

Внезапно Торби пришло в голову, что во многих отношениях нелогичны именно традиции Семьи. Но капитан продолжал:

— На самом деле мы не станем есть: это не более чем условность. Тебе подадут сосуд с зеленой тягучей жидкостью. Поднеси его ко рту, но не пей: выест кишки. И... — капитан запнулся, оглядываясь на промчавшегося в опасной близости очередного ездока,— ...будь внимателен, и ты сумеешь понять, как вести себя в следующий раз. О, я совсем забыл! Я спрошу, сколько лет сыну хозяина, и потом такой же вопрос будет задан тебе. Отвечай «сорок».

— Почему сорок?

— Потому что в их понятиях сорок лет — самый подходящий возраст для сына, который помогает отцу.

Наконец они прибыли на место и опустились на корточки напротив двух лозиан, к которым сбоку примостился еще и третий. Разделяющий их экран был размером с шарфик, Торби мог все видеть поверх него. Он пытался смотреть в оба, слушать и вникать, но шум дорожного движения постоянно его отвлекал. Лозиане проносились мимо и даже порой между сидящими, пронзи-

тельно и весело визжа.

Хозяин начал с обвинения капитана Краузы; он говорил, что тот обманом заставил его совершить постыдный поступок. Переводчика было почти невозможно понять, но он проявил удивительное мастерство в употреблении бранных выражений интерлингвы. Торби не мог поверить своим ушам и ожидал, что отец либо тут же повернется и уйдет прочь, либо затеет скандал.

Однако Крауза спокойно выслушал и выступил с вдохновенной, исполненной поэтики речью, обвиняя лозиан во всевозможных пороках — от сутяжничества до неповоротливости на звездных дорогах..

Произнесенные слова настроили договаривающиеся стороны на дружественный лад. Лозианин преподнес капитану торий и выразил намерение подарить ему своих сыновей и все свое имущество.

Крауза с благодарностью принял дар и выразил желание расстаться с «Сизу» и всем, что было на борту.

Затем стороны сделали широкий жест и вернули друг другу подарки. В итоге был сохранен «статус кво», и каждый оставил у себе лишь то, чем уже завладел к нынешнему моменту: лозиа-

нин — много центнеров листьев верги, торговец — слитки тория. Оба сошлись во мнении, что верга и торий — сущая безделица, пустяк, не более чем символ нежной дружбы. В приливе нахлынувшего чувства лозианин подарил капитану своего сына, и Крауза тут же преподнес ему (или ей?) Торби. Последовавший затем обмен мнениями выявил, что оба они слишком молоды, чтобы покидать родные стены.

Возникшее затруднение было разрешено предельно просто: дети обменялись именами. Торби стал обладателем имени, которое ему вовсе не нравилось и которого он даже не мог произнести. Затем последовал «обед».

Торби даже представить не мог, как можно пить эту отвратительную зеленую бурду. Поднеся ее ко рту, он почувствовал, как его ноздри опалило огнем, и закашлялся. Капитан предостерегающе посмотрел на него.

«Поев», они тут же двинулись в обратный путь. Никаких «до свидания», просто поднялись с места и отправились восвояси. Пробираясь, словно лунатик, сквозь уличную толчею, капитан Крауза задумчиво произнес:

— Для фраки они вовсе не плохие существа. Никакого авантюризма, и притом кристально

честны. Меня всегда интересовало, что бы они стали делать, кабы я принял всерьез какой-нибудь из их подарков. Вероятно, отдали бы без всяких возражений.

— Не может быть!

— Не скажи. Ты вполне мог бы уйти отсюда, таща за собой этого лозианского мальца.

Торби умолк.

Покончив с делами, Крауза помог ему сделать покупки и сориентироваться на местности, что принесло юноше немалое облегчение, ибо он не знал ни что купить, ни как пройти к кораблю. Отец привел его в лавку, хозяин которой говорил на интерлингве. Лозиане производят массу вещей, исключительно сложных на вид, о назначении которых Торби мог только догадываться. По совету капитана он выбрал маленький полированный кубик, внутри которого, если его потряхивать, проецировались бесконечные виды Лозиана. Торби протянул продавцу одну из проволочных «банкнот», и тот дал ему сдачу: деньги висели у него на шее, на манер ожерелья. Затем лозианин подарил Торби магазин со всем его содержимым.

Торби передал продавцу через Краузу свои сожаления, что может предложить взамен лишь

свою признательность до гробовой доски. Процедура приобретения сувенира закончилась обменом вежливыми оскорблениями.

Наконец на горизонте показался космопорт, и, увидев вдали родные контуры «Сизу», Торби почувствовал облегчение.

В каюте сидел Джери, задрав ноги на стол и заложив руки за голову. Он хмуро посмотрел на Торби.

— Привет, Джери!

— Здравствуй.

— Выходил в город?

— Нет.

— А я прогулялся. Смотри, что я купил! — Торби протянул племяннику волшебный кубик. — Потряси его, и каждый раз новое изображение.

Джерри посмотрел одну картинку и вернул кубик обратно.

— Очень интересно.

— Ты чего такой смурной? Съел что-нибудь не то?

— Нет.

— Тогда в чем дело?

Джерри опустил ноги на палубу и посмотрел на Торби.

— Я возвращаюсь в компьютерную.

— Что?

— Да нет, статуса я не потерял. Это только на время, пока я кого-нибудь не обучу.

Торби похолодел.

— Ты хочешь сказать, что меня выставляют?

— Нет.

— Так что же случилось?

— Мату обменяли.

Глава 11

Обменяли Мату? Навсегда? Маленькую Матти с серьезными глазами и веселым смехом? Торби ощутил, как накатывает грусть, и, к своему удивлению, осознал, насколько это для него важно.

— Не верю!

— Не валяй дурака!

— Когда это случилось? Куда ее отправили? Почему мне ничего не сказали?

— Ясное дело, на «Эль Нидо»; кроме «Сизу» это единственный корабль Людей в лозианском порту. Ее увели около часа назад. Я не предупредил тебя потому, что сам не знал... до тех пор, пока меня не вызвали в бабушкину каюту, чтобы я попрощался с сестрой,— Джери нахмурился. — Когда-нибудь это должно было произойти... но я думал, что бабушка не отпустит Мату до тех пор, пока она не утратит навыков стрельбы.

— Тогда зачем, Джери? Почему?

Джери встал и холодно произнес:

— Больше я ничего не могу сказать, мой приемный дядя.

Торби пихнул его обратно в кресло.

— Не увиливай, Джери. Я твой «дядя» только

потому, что меня так назвали. Но я по-прежнему все тот же бывший фраки, которого ты обучал мастерству стрельбы, и мы оба это знаем. Так поговорим как мужчина с мужчиной. Давай, выкладывай все начистоту.

— Тебе это не понравится.

— Уже не нравится! Матти ушла... Слушай, Джери, в каюте нет никого, кроме нас. Что бы там ни было, ты должен рассказать мне все. Клянусь тебе сталью «Сизу», что Семья никогда об этом не узнает.

— Нас может подслушать бабушка.

— Если так, то я приказываю тебе говорить и беру всю ответственность на себя. Впрочем, вряд ли сейчас бабушка слушает: обычно в это время она уже сидит за карточным столом. Говори же!

— Ладно,— Джери мрачно посмотрел на собеседника. — Ты сам напросился. Значит, ты хочешь сказать, что не имеешь ни малейшего понятия о причинах, побудивших бабушку выставить с корабля мою сестренку?

— Конечно, нет. Иначе я бы не спрашивал.

Джери нетерпеливо фыркнул.

— Торби, я знал, что ты малость недалек. Но не подозревал о том, что ты глух, слеп и нем.

— Оставь свои комплименты. Расскажи суть

дела.

— Мату обменяли из-за тебя. Из-за тебя,— Джери с отвращением посмотрел на Торби.

— Меня?

— Из-за кого же еще? С кем Мата чаще всех играла в мяч? С кем сидела рядом в кинозале? Подумай, кого из новых членов Семьи постоянно видели рядом с девушкой, принадлежащей к одной с ним мойете? Я намекну тебе — его имя начинается на «Т».

Торби побледнел.

— Джери, мне и в голову не приходило...

— Значит, ты был единственным на корабле, кто этого не видел, — Джери пожал плечами. — Впрочем, тебя я не обвиняю. Это была ее ошибка. Она бегала за тобой, тупой клоун! И лишь одного я не мог себе представить — что ты ничего не знаешь. Я не раз пытался тебе намекать.

В таких делах Торби разбирался не лучше, чем невинная птаха в баллистике.

— Я не верю.

— Веришь, не веришь... какая разница? Все это видели. Впрочем, это могло сходить вам с рук, пока все было открыто и невинно — а я внимательно следил, не переступаете ли вы грань — если бы сестрица не потеряла головы.

— Что же произошло?

— Она сделала нечто такое, что побудило бабушку расстаться с вышколенным стрелком. Мата пришла к ней и попросила, чтобы ее удочерил кто-нибудь из другой семейной ветви. Святая простота! Она решила, что раз уж ты усыновлен, то не имеет никакого значения тот факт, что она твоя племянница — остается лишь немного переиграть, и она сможет выйти за тебя замуж,— Джери хмыкнул. — Если бы тебя усыновили в другой ветви, у нее еще могло бы что-то получиться. Но она, очевидно, рехнулась, если решила, что бабушка — бабушка! — согласится на такой скандал.

— Да, но... мы ведь, в сущности, не были родственниками. Да я и не собирался жениться на ней.

— Ну, хватит! Я уже устал от тебя.

Торби бродил по кораблю, не желая возвращаться в каюту и встречаться с Джери. Он чувствовал себя потерянным и одиноким. Торби был совершенно сбит с толку: жизнь Семьи казалась столь же странной, а обычаи непонятными, как у лозиан.

Ему не хватало Маты. До сих пор у него не возникало такого ощущения. Общество девушки

было приятным, но таким же привычным, как трехразовое питание и прочие удобства, к которым Торби уже привык, живя на корабле. И вот теперь он скучал без нее.

Если уж она так этого хотела, то почему они не исполнили ее желание? Не то чтобы Торби мечтал об этом, но... коль скоро ему все равно суждено обзавестись женой, Мата была бы ничуть не хуже любой другой. Она нравилась Торби.

Наконец он вспомнил, что на корабле есть человек, с которым можно об этом поговорить. И Торби отправился со своей печалью к доктору Мэйдер.

Поскребшись в ее дверь, он тотчас же услышал «Войдите!». Она встретила его, стоя на коленях в груде своих вещей. На ее носу красовалось пятно, а волосы были в беспорядке.

— А, Торби! Очень хорошо, что ты пришел. Мне сказали, что ты вышел в город, и я боялась, что разминусь с тобой.

Она говорила на английском Системы, Торби отвечал ей на том же языке.

— Вы хотели видеть меня?

— Чтобы попрощаться. Я возвращаюсь домой.

— Ой,— Торби вновь ощутил болезненный толчок — такой же, как когда он услышал от Джери о

Мате. Внезапно его охватила волна тоски по отцу. Он взял себя в руки и ответил:

— Мне очень жаль. Я буду скучать по вам.

— И я тоже буду скучать, Торби. В этом огромном корабле ты был единственным человеком, рядом с которым я ощущала себя, словно дома... это странно, ведь твоя и моя жизни отстоят друг от друга так далеко, как только возможно. Мне будет не хватать наших с тобой бесед.

— И мне тоже,— простодушно ответил Торби. — Когда вы уходите?

— «Эль Ни до» отправляется в полет завтра. Но я должна перебраться не позже сегодняшнего вечера. Мне нельзя опоздать к старту, иначе я не смогу попасть домой еще несколько лет.

— «Эль Нидо» идет на вашу планету? — в голове мальчика начал складываться фантастический план.

— Нет, нет. Корабль направляется на Таф Бету-VI. Но там бывают почтовые корабли Гегемонии, и на них я смогу добраться домой. Слишком удачный шанс, чтобы упустить его.

Хитроумный план померк в голове юноши — он с самого начала был нелеп. Торби мог решиться поселиться на незнакомой планете, но Мата не была фраки.

Доктор Мэйдер продолжала:

— Все устроила старший помощник, — она невесело улыбнулась. — Она была рада избавиться от меня. Я даже надеяться не могла, что у нее что-то получится: я хорошо помню, с каким трудом мне удалось попасть на «Сизу»; полагаю, за этим стоит какая-то сделка, о которой бабушка не упоминает. Итак, я покидаю вас... и мне вновь предстоит полная изоляция на женской половине. Не беда: я потрачу это время на обработку полученных данных.

Эти слова напомнили Торби о том, что Маргарет может встретиться на женской половине с Матой. Смущаясь и запинаясь, он принялся объяснять, о чем пришел поговорить. Доктор Мэйдер слушала его со всей серьезностью, продолжая упаковывать вещи.

— Я знаю, Торби. Я услышала об этом печальном деле гораздо раньше, чем ты.

— Маргарет, вы когда-нибудь сталкивались с подобной нелепицей?

Она замялась.

— Да, мне нередко доводилось слышать и о еще более глупых вещах.

— Но ведь в этом ничего страшного не было! И если Мата захотела, то почему бабушка не пошла

ей навстречу... вместо того, чтобы отправлять девушку к чужим людям? Я... мне бы это было легче. Я уже привык.

Женщина-фраки улыбнулась.

— Это самое необычное признание в любви, какое я когда-либо слышала, Торби.

— Вы могли бы передать ей кое-что от меня?

— Если ты хочешь передать свои уверения в вечной любви или что-нибудь в этом духе, то лучше не надо. Бабушка сделала для своей правнучки самое лучшее, что было в ее силах. Сделала это быстро, с любовью и мудростью. Сделала это, исходя из интересов Маты, а не сиюминутных потребностей «Сизу», ведь Мата была превосходным стрелком. Бабушка, как и подобает старшему помощнику, исходила из высших соображений; она обдумала глубинные общие интересы и решила, что они перевешивают потерю одного стрелка. Я начинаю восхищаться ею, только между нами, раньше я ненавидела старушонку, — она вдруг улыбнулась. — Лет через пятьдесят Мата тоже примет подобное мудрое решение. Семья «Сизу» — очень крепкий клан.

— Провалиться мне на месте, если я что-нибудь понимаю!

— Это оттого, что ты почти такой же фраки, как

и я... и не имеешь моей подготовки. Торби, о большинстве вещей можно говорить, плохи они или хороши, только зная истинную их подоплеку; сами по себе плохи или хороши очень немногие вещи. Поступки, которые квалифицируются в определенном обществе как правильные или неправильные, действительно являются именно таковыми. Возьмем такой обычай Людей, как экзогамия. Ты, вероятно, думаешь, что это способ уменьшить опасность мутаций. По крайней мере, в корабельной школе вас учили именно так.

— Конечно. И поэтому я не могу понять, зачем...

— Секундочку. Ты не можешь понять бабушкиных возражений. Но для Людей чрезвычайно важно устраивать браки между членами экипажей разных кораблей. И не в генах дело — они имеют второстепенное значение — а в том, что корабль слишком мал, чтобы быть устойчивой культурой. Корабли должны постоянно обмениваться идеями и достижениями, иначе тот же «Сизу», да и сама культура Людей погибнут, так что закон соблюдается строжайшим образом.

Малейшее отступление от закона — то же самое, что крохотная пробоина в борту корабля, появление которой ведет к гибельным послед-

ствиям, и устранить их можно лишь самыми решительными мерами. Ну... теперь ты понимаешь?

— Э-э... нет, не думаю.

— Сомневаюсь, что сама бабушка отчетливо понимает это; она лишь знает, что хорошо и что плохо для Семьи, и действует дальновидно и решительно. Ты все еще хочешь что-нибудь передать?

— Ну... Не могли бы вы передать Мате, что мне очень жаль — нам даже не удалось попрощаться.

— М-м-м... хорошо. Только, пожалуй, не сразу.

— Вот и отлично.

— Теперь чувствуешь себя лучше?

— В общем, да... ведь вы говорите, что так будет лучше для Маты, — Торби внезапно взорвался: — Но, Маргарет, я не понимаю, что творится со мной! Мне казалось, что все стало на свои места, и вот теперь моя уверенность рассыпалась в прах. Я мыслю и чувствую, как настоящий фраки и сомневаюсь, смогу ли я стать истинным Торговцем.

Лицо собеседницы внезапно омрачилось.

— Ты уже был свободен. И эту дурную привычку трудно преодолеть.

— Как вы сказали?

— Тебе довелось многое пережить. Твой приемный отец — я имею в виду первого, Баслима Мудрого,— купил тебя и усыновил, дав тебе такую же свободу, какой пользовался и сам. И вот теперь второй твой отец из самых лучших побуждений усыновил тебя и тем самым сделал тебя рабом.

— Что вы, Маргарет! — возразил Торби. — Как вы можете такое говорить?

— Если ты не раб, то кто же?

— Ну, я — Вольный Торговец. Во всяком случае, отец надеется, что я смогу им стать, если мне удастся избавиться от моих привычек фраки. Но я не раб. Люди свободны. Семья состоит из свободных людей.

— Все вместе вы свободны... но не по отдельности.

— Что вы имеете в виду?

— Люди свободны. Это составляет главный предмет их гордости. Любой Торговец скажет вам, что именно свобода делает Людей Людьми и отличает от фраки. Люди свободны, странствуя среди звезд и нигде не пуская корней. Столь свободны, что превращают свой корабль в суверенное государство, которое никого ни о чем не просит, странствует, где хочет, дерется с любым

врагом, не нуждается ни в каком пристанище, не вступает ни с кем в союз, который бы его не устраивал. О да, Люди свободны! Старушка Галактика еще не ведала такой полной свободы. Общество, насчитывающее менее сотни тысяч человек, раскинулось в пространстве в четверть миллиарда кубических световых лет, и эти люди совершенно вольны двигаться в любую сторону в любое время. Такой культуры не было никогда и, быть может, не будет. Свободны, как само небо... более свободны, чем звезды, поскольку те движутся твердо установленными путями. Да-да, конечно, Люди свободны! — женщина некоторое время молчала. — Но какой ценой куплена эта свобода?

Торби заморгал.

— Я скажу тебе. Нет, бедность тут ни при чем. Такого высокого уровня жизни, как у Людей, история еще не знала. Доходы от вашей торговли просто баснословны. За них не приходится платить ни физическим, ни душевным здоровьем. Мне не доводилось видеть общества, в котором болели бы так мало. Не приходится платить и счастьем либо самоуважением. Но ваше счастье полно самодовольства, а гордыня почти греховна — разумеется, гордиться вам есть чем. Но за свою

беспрецедентную свободу вы платите... самой свободой. Нет, я не говорю загадками. Люди свободны... за счет потери личной свободы каждого из вас, и капитан со старшим помощником отнюдь не являются исключением: они лишь еще более несвободны, чем кто бы то ни было из вас.

Ее слова казались чудовищными.

— Как мы можем быть свободными и несвободными одновременно? — возразил Торби.

— Спроси Мату. Торби, ты живешь в стальной темнице, вне которой ты проводишь не более нескольких часов за много месяцев. Правила внутреннего распорядка на корабле значительно строже, чем в любой тюрьме. То, что целью этих правил является сделать вас всех счастливыми — и они это делают — сейчас неважно. Вы должны повиноваться им. Вы спите, где прикажут, едите по звонку и только то, что предложат — и совершенно несущественно, что пища вкусная и обильная, важно то, что вас не спрашивают, чего вы хотите. Девяносто процентов времени вы делаете то, что вам прикажут. Вы так стиснуты правилами, что большая часть того, что вы говорите — не живая речь, а предписанный ритуал. За целый день можно не произнести ни одной фразы, которой не было бы в законах «Сизу». Верно?

— Да, но...

— «Да» без всяких «но»! Скажи, Торби, у кого из людей меньше свободы? У рабов? Можешь ли ты подобрать слово точнее?

— Но нас нельзя продать!

— Рабство часто существовало в форме, не допускавшей продажу или покупку людей. Их просто передавали по наследству. Так же, как на «Сизу». Быть рабом означает принадлежать хозяину и не иметь надежды на перемены. Вы, рабы, называющие себя Людьми, не имеете даже надежды, что вас отпустят на волю.

Торби нахмурился.

— Вы полагаете, что именно из-за этого я чувствую себя так противно?

— Мне кажется, рабский ошейник, который не беспокоит твоих товарищей, потому что они родились в нем, начинает душить тебя, ведь ты уже был свободен, — женщина осмотрела свои пожитки. — Мне пора отправляться на «Эль Нидо». Поможешь мне?

— Буду рад.

— На встречу с Матой не рассчитывай.

— Я и не думал об этом, — соврал Торби, — только хотел помочь вам. Мне очень жаль расставаться.

— Честно говоря, я рада, что отправляюсь домой, но мне не хочется прощаться с тобой, — она помедлила. — Я тоже хотела бы тебе помочь. Антрополог никогда не вмешивается, но я уже ухожу, а ты никогда не был настоящей частичкой этой культуры. Ты сможешь понять намек старой женщины?

— Вы совсем не старая!

— Еще одна любезность. Я уже бабушка, хотя старший помощник, пожалуй, удивилась бы, услышь она это от меня. Торби, мне казалось, что ты сумеешь привыкнуть к этой тюрьме. Теперь я в этом не уверена. От привычки быть свободным не так-то легко избавиться. Милый, если ты почувствуешь, что ты не в силах это выдержать, дождись, когда корабль опустится на планету, где царят свобода, демократия и гуманизм, и беги отсюда прочь. Это нужно сделать до того, как бабушка решит тебя женить, ибо промедление — твоя погибель!

Глава 12

От Лозиана к Финстеру, от Финстера к Тоту IV, от Тота IV к Вуламурре — «Сизу» прокладывал свои пути в пространстве диаметром в девяносто световых лет. В центре этой сферы располагалась легендарная Терра, колыбель человечества. «Сизу» никогда не опускался на этой планете; Люди предпочитают миры, где выше прибыль, где меньше полиции и торговля не связана головоломными статьями налогового законодательства.

История «Сизу» утверждала, что первый корабль Семьи был построен на Терре, и там же появился на свет первый капитан Крауза, который был (по слухам) урожденным фраки. Но с тех пор Семья сменила шесть кораблей, а история «Сизу» была верна только в общих чертах, незначительные подробности вполне могли оказаться искажены. Тот «Сизу», сталь которого служила домом нынешнему поколению Семьи, был зарегистрирован на Новой Финляндии, на Шиве III... в этот порт корабль более не возвращался, но местные налоги уплачивались регулярно — это давало Семье законное право в погоне за

прибылью свободно перемещаться в цивилизованном секторе Галактики. Администрация Шивы III понимала нужды Вольных Торговцев и не докучала им инспекциями и проверками, пока те исправно платили положенные взносы. Очень многие корабли Людей сочли удобным зарегистрироваться на этой планете.

На Финстере Торби познакомился еще с одним способом ведения дел. Здешние фраки, известные науке под замысловатым латинским названием и которых Люди называли «эти чертовы слизняки», жили в телепатическом симбиозе с лемуроподобными существами, обладавшими очень сложными развитыми конечностями. Предполагалось, что неуклюжие доминирующие монстры мыслят, а лемуры работают своими тонкими руками.

Планета поставляла на рынок чудесно ограненные драгоценные камни, сырую медь и некое растение, содержащее алкалоид, нашедший применение в психиатрии. Оставалось лишь догадываться о том, что еще здесь можно приобрести. Местные жители не имели ни устной, ни письменной речи, так что общение с ними было крайне затруднено.

Здесь Торби научился новому для себя методу

торговли — безмолвному аукциону, который изобрели финикийские торговцы еще в те времена, когда африканское побережье простиралось за пределы известного мира.

Вокруг «Сизу» были штабелями разложены товары, которые могли предложить продавцы: необходимые местным жителям тяжелые металлы, «вечные» часы, которыми те уже научились пользоваться, и прочие предметы, к которым их надеялась приучить Семья. Когда люди вернулись на борт, Торби подошел к старшему клерку и поинтересовался:

— Мы так и оставим товары валяться на песке? На Джуббуле они тут же исчезли бы, стоило лишь повернуться к ним спиной.

— Разве ты не видел, что комендоры установили пулеметы?

— Нет, я был в нижнем трюме.

— Так вот, пулеметы заряжены, и при них неотлучно находятся стрелки. Местные твари абсолютно аморальны, но отнюдь не глупы. Однако теперь они будут так же честны, как кассир, за которым наблюдает босс.

— И что же дальше?

— Будем ждать. Они осмотрят наши товары и через некоторое время... через день, может

быть, через два... принесут свои и уложат рядом с нашими. Мы еще немного подождем; может быть, они чего-нибудь добавят. А может, уберут принесенное и предложат что-либо другое, и мы рискуем перехитрить самих себя и упустить какой-нибудь пенный товар. Возможно, нам придется разделить штабель надвое, чтобы показать, что нас устраивает товар, но не цена. Может случиться и так, что мы не пожелаем брать их товар ни за какую цену. И придется переместить наш штабель к тому их товару, который нам нужен. Но и тогда мы не станем трогать того, что они принесут: мы будем выжидать. Наконец в течение долгого времени ни мы, ни они не будем ничего передвигать. Значит, цена устраивает обе стороны, и мы забираем их товар, а они уносят наш. Потом мы забираем свои товары, за которые они не дали нужной нам цены, а они уносят все то, что отвергли мы.

Но и это еще не все. К этому моменту и те, и другие уже знают, чего хочет партнер и какую цену он готов предложить. Они вновь принесут что-нибудь, и мы в ответ выставим то, что, как нам уже известно, они захотят взять. Совершается еще несколько сделок. По окончании второго этапа у нас не остается товаров, которые они хо-

тели бы взять по цене, устраивающей нас. Очень хороший способ. На планетах, где мы можем общаться при помощи речи, все проходит куда сложнее.

— Да, но так тратится очень много времени.

— А ты знаешь еще что-нибудь, чего у нас больше, чем времени?

Обмен грузами, цена которых была известна заранее, прошел без сучка и задоринки; когда начали предлагать пробные товары, сделки пошли реже — устройства, хорошо расходившиеся на Лозиане, по большей части не вызывали у жителей Финстера интереса. Шесть упаковок складных ножей, которые предназначались для Вуламурры, были проданы здесь по весьма приличной цене. Однако наибольший ажиотаж вызвали предметы, которые вообще не считались товаром.

Бабушка Крауза, хотя и была прикована к постели, частенько объезжала помещения корабля с личной инспекцией; в результате таких проверок кого-нибудь обязательно наказывали. Незадолго до прибытия на Финстер она пожелала осмотреть детскую и каюты холостяков. Первое, на чем остановились ее глаза, были книжки с комиксами. Бабушка велела конфисковать этот «мусор, годящийся только для фраки».

Затем осмотру подверглись каюты холостяков, в то время как накануне был пущен слух, будто бы бабушка намерена ограничиться детской и женской половиной, так что юноши не успели припрятать картинки с голыми красотками.

Бабушка была шокирована! После изъятия комиксов и фотографий было велено разыскать журналы, из которых они были вырезаны. Кипу контрабандной макулатуры передали механикам, чтобы те распылили эту гадость на атомы.

Там журналы попались на глаза суперкарго, в голове у которого зародилась идея получше. Конфискованную «литературу» вынесли из корабля и бросили рядом с другими товарами.

Напротив пачки бумажного хлама появилась кучка ограненных самоцветов: хризобериллы, гранаты, опал, хрусталь.

Суперкарго, растерянно моргая, осмотрел эти сокровища и отправился с докладом к капитану.

Книжки и журналы разложили по отдельности. Местные жители принесли еще камней.

В конце концов каждый предмет был расчленен на страницы, которые разложили по одной. Было достигнуто окончательное соглашение: за каждую цветную картинку туземцы отдали по одному камню. В этот момент даже самые хитро-

умные юнцы, сумевшие уберечь свои любимые фотографии, внезапно воспылали патриотизмом и проявили врожденную деловитость: в конце концов, они могли пополнить свои запасы в ближайшем цивилизованном порту. Из детской была изъята очередная порция комиксов с приключениями.

Беспрецедентный в истории случай: за комиксы и порнографию Семья получила драгоценные камни, вес которых многократно превышал массу бумаги, на которой были напечатаны безвкусные картинки!

За Тротом IV следовала Вуламурра. Каждый перелет приближал корабль к месту Встречи Людей; корабль охватила карнавальная лихорадка. Членов экипажа освобождали от работы, чтобы дать возможность попрактиковаться на музыкальных инструментах, вахты перетасовывались так, чтобы могли спеться квартеты, для атлетов был составлен тренировочный план, а их самих освободили от всех вахт, кроме боевых, и они выкладывались в спортзале так, что едва доползали до своих постелей. Обсуждая планы шикарных приемов, должных послужить вящей славе «Сизу», люди спорили до хрипоты и головной боли.

Через n-пространство летели длиннющие по-

слания, и главный механик гневно протестовал против скандального перерасхода энергии, ядовито намекая на высокую цену трития. Однако старший помощник, посмеиваясь, одобряла все расходы. Проходили дни, и морщины бабушки все чаще складывались в непривычную для нее улыбку, словно она знала что-то, о чем предпочитала покамест помалкивать. Торби дважды заметил, как она улыбалась, глядя на него. Это насторожило юношу: он считал за благо не привлекать внимания бабушки. В полной мере ему довелось удостоиться ее внимания недавно, и это ему не очень-то понравилось. Торби сжег рейдер, и в его честь был устроен обед, на котором он сидел за одним столом со старшим помощником.

Пират появился на экране «Сизу», когда корабль поднимался с Финстера — весьма необычное для нападения место, поскольку в окрестностях планеты никогда не было особенно оживленного движения. Тревога поднялась лишь спустя несколько часов после старта, когда «Сизу» набрал всего пять процентов световой скорости, так что надежды оторваться от преследователя не было никакой.

Справляться с ситуацией выпало Торби; компьютер левого борта вышел из строя — у него

произошел «нервный срыв», и электронщики, обливаясь потом, возились со схемами еще со времени последнего прыжка. Племянник Торби, Джери, вернулся к астрогаторам. Новый стажер кое-чему подучился во время длительного перелета от Лозиана, но это был безусый юнец, и Торби не очень-то ему доверял, но не стал возражать, когда Джери решил, что Кенан Дротар готов нести вахту, пусть он и не прошел боевое крещение. Джери стремился поскорее вернуться в ходовую рубку по двум причинам. Во-первых, он не желал терять высокого статуса, а во-вторых, о чем он даже сам не думал и не говорил, компьютерная была тем самым местом, где он когда-то работал с покинувшей корабль младшей сестрой.

И поэтому, когда появился рейдер, разбираться с ним пришлось Торби.

Он приступил к решению задачи с чувством неуверенности, поскольку знал, что компьютер левого борта неисправен. Жизнь стрелка значительно облегчает вера в сверхчеловеческие способности команды, работающей на другом борту: «Если даже я лопухнусь, эта куча мозгов все равно накроет его». Тем временем другая команда думает то же самое о нем. И эта мысль давала людям столь необходимую возможность

расслабиться.

На сей раз у Торби такого ощущения безопасности не было.

Финстериане не летали в космос; было невозможно даже предположить, что рейдер принадлежит им. Не мог он быть и Торговцем: он слишком быстро ускорялся. Не был это и гвардеец Гегемонии: Финстер находился слишком далеко от цивилизованного мира. Торби с уверенностью, от которой его затошнило, подумал о том, что через несколько часов ему придется запустить ракету и поразить цель, либо уже очень скоро он вновь станет рабом, и та же участь постигнет его Семью.

Все эти соображения путали расчеты, парализовали мысль.

В конце концов юноша забыл о неисправном компьютере, о Семье, даже о самом пирате забыл. Маневры рейдера стали всего лишь потоком поступающих на терминал данных, превратившись в задачу, которую он умеет решать. Его напарник вскочил в другое кресло и пристегнулся ремнями, когда еще не успел отзвучать сигнал общего аврала. Торби не слышал ответов напарника и даже не заметил, когда звон умолк. Вскоре в компьютерную ворвался Джери, присланный

капитаном; Торби не обратил на него внимания. Джери вытянул из кресла стажера, уселся в него сам и, заметив, что включен терминал Торби, даже не прикоснулся к переключателю. Он молча наблюдал за действиями юноши и продумывал на всякий случай альтернативные решения, готовый включиться сразу после того, как Торби запустит ракету, и тут же выстрелить еще раз. Торби по-прежнему ничего не замечал.

Внезапно динамик заговорил низким голосом капитана Краузы:

— Стрелок правого борта... не помочь ли вам маневром?

Торби не слушал. Джери посмотрел на него и ответил:

— Я бы не советовал, капитан.

— Ну ладно.

Старший стрелок левого борта, грубо нарушая требования Устава, примчался в компьютерную и, утирая пот со лба, наблюдал за безмолвным поединком. Торби его не замечал. Для него в этот момент существовали только рукоятки, клавиши и кнопки, ставшие продолжением его собственной нервной системы. И даже когда ему нестерпимо захотелось чихнуть, Торби подавил это желание, даже сам того не заметив.

Сверившись с последними данными, он ввел тончайшие поправки, автоматическим движением нащупал кнопку и отдал команду запустить ракету в момент достижения расчетной кривой максимума. Двумя секундами позже ракета покинула пусковую шахту и легла на курс.

Джери потянулся к переключателю, но его рука замерла на полпути; Торби отчаянно застучал по клавишам, запуская вторую ракету по траектории, вычисленной с поправкой на возможное выключение целью двигателей. Внезапно поток данных прервался; корабль ослеп: его коснулся парализующий луч.

Последующий анализ показал, что луч действовал семьдесят одну секунду. Джери пришел в себя, когда луч исчез; он увидел, как Торби ошеломленно осмотрел свой терминал и вновь начал лихорадочно действовать, подготавливая очередной пуск в соответствии с последними полученными им данными.

Джери положил ему на плечо руку.

— Бой окончен, Торби.

— Что?

— Ты накрыл его. Отличный выстрел. Мата могла бы гордиться тобой.

Ослепшие «глаза» корабля ремонтировали це-

лый день. Капитан продолжил ускорение: больше ему нечего было делать. Наконец «Сизу» вновь обрел зрение и двумя днями позже благополучно нырнул в безопасный мрак п-пространства. Этим же вечером в честь Торби был дан обед.

Бабушка произнесла обычную речь, вознеся благодарственную молитву за спасение Семьи. И ни кто иной, как сын «Сизу», ныне сидящий рядом с ней, был орудием счастливого избавления. Затем старший офицер вновь откинулась на подушки и приступила к еде; ей прислуживала невестка.

Торби не радовала выпавшая на его долю честь. Он с трудом припоминал ход поединка, и ему казалось, что его чествуют по ошибке. Он долгое время провел в полузабытьи и лишь теперь к нему вновь возвращалось понимание происходящего.

Он понимал, что это были всего лишь пираты. Пираты и работорговцы, они пытались захватить «Сизу» и продать в рабство Семью. Сколько Торби помнил себя, он ненавидел работорговцев — не просто безликий институт рабства, а именно работорговцев он ненавидел с младых ногтей, еще до того, как узнал это слово.

Он был уверен, что папа одобрил бы его; он

знал, что тот при всей его мягкости укоротил бы любого работорговца, не проронив и слезинки.

И тем не менее Торби не чувствовал себя счастливым. Он продолжал думать о живом корабле, на который вдруг обрушилась смерть, превратив его в сгусток излучения. Он посмотрел на свой указательный палец и задумался. Его занимала извечная дилемма, которая преследует всех людей с несложившейся системой ценностей, людей, едящих мясо, но предпочитающих, чтобы туши свежевал кто-нибудь другой.

Трое суток перед званым обедом Торби не спал, и это было по нему видно. Он начал нехотя ковыряться в еде.

Проглотив очередной кусок, он вдруг заметил, что на него внимательно смотрит бабушка. Торби поперхнулся, забрызгав парадную куртку.

— Что с тобой? Уснул? — сердито заговорила старший помощник.

— Ох, извините, бабушка. Вы что-то мне говорили?

Торби уловил предостерегающий взгляд матери, но было уже поздно. Бабушка насупилась.

— Мы все ждем, что ты что-нибудь скажешь.

— Да, да... сегодня чудесный день...

— Не вижу в нем ничего особенного. Видишь

ли, в космосе редко бывает плохая погода.

— Я хотел сказать, что у нас отличный обед. Просто прекрасный. Спасибо вам за то, что устроили такой вечер.

— Это уже лучше. Не забывайте, молодой человек: когда джентльмен обедает с дамой, он должен поддерживать приятную беседу. Может быть, у фраки это и не принято, но Люди соблюдают это правило неукоснительно.

— Да, бабушка. Благодарю вас, бабушка.

— Давай-ка начнем сначала. Мы все рады присутствовать на этом обеде. Да. Мы стараемся сделать так, чтобы каждый из нас чувствовал себя равным другим членам Семьи, и для этого мы стремимся оценивать заслуги каждого по достоинству. Приятно иметь случай — наконец-то — согласиться с остальной Семьей в признании твоего достоинства... достойного всякой похвалы, а может — даже исключительного. Поздравляю тебя. А теперь твоя очередь.

Торби залился румянцем.

Бабушка слегка поморщилась и спросила:

— Как ты готовишься к Встрече?

— Я не знаю, что делать... видите ли, я не умею ни петь, ни танцевать, играю только в шахматы и в мяч. К тому же я ни разу не бывал на Встречах.

Я даже понятия не имею, что это такое.

— Конечно же, не имеешь...

Торби почувствовал себя виноватым.

— Бабушка... — произнес он, — должно быть, вы побывали на очень многих Встречах. Расскажите мне о них.

Это был удачный ход. Бабушка заулыбалась и, понизив голос, заговорила:

— Знаешь, теперь уж не бывает Встреч, какие я видывала в свои молодые годы...

С этого момента Торби открывал рот только для того, чтобы издать очередное восхищенное восклицание. Семье пришлось очень долго ждать, пока бабушка разрешит встать из-за стола.

— ...и у меня была масса предложений от сотни кораблей, вот что я тебе скажу. Я была восхитительным созданием с маленькой ножкой и вздернутым носиком. Многие Люди предлагали моей бабушке соблазнительные условия, но я знала, что мое место — на «Сизу», и сумела настоять на своем. Ах, как я была резва! Танцевала всю ночь напролет, а к утру вновь была свежа, словно...

В общем, если обед и не очень удался, то и провала не было.

Поскольку Торби оказался бесталанным, он

стал актером.

Тетку Торби, главного распорядителя продовольственного склада и лучшего повара Семьи, охватил литературный зуд в самой его тяжелейшей форме: тетя Афина Крауза-Фогарт разродилась пьесой. Произведение, описывавшее жизнь первого капитана Краузы, должно было продемонстрировать безупречный аристократизм Семьи «Сизу». Первый Крауза представал в виде святого с сердцем из стали. Преисполненный отвращения к мерзким фраки, он построил «Сизу» (сам, в одиночку) и возвел на борт свою супругу (в черновике она значилась под фамилией Фогарт, но, прежде чем передать рукопись для прочтения бабушке, в текст вставили ец девичью фамилию) и своих прекраснейших на всем свете детей. На последних страницах пьесы описывалась волнующая сцена: «Сизу» взмывает ввысь, чтобы нести свет культуры и процветание в самые далекие уголки Галактики.

На роль первого Краузы назначили Торби. Услышав об этом, он едва не лишился дара речи, ведь он проходил пробу только потому, что ему велели. Тетка Афина была поражена не меньше его самого и, читая вслух список артистов, запнулась и прочитала имя Торби еще раз. Однако

бабушка, казалась, была довольна. Она посещала репетиции и даже сделала несколько замечаний, с благодарностью принятых автором.

Главную женскую роль играла Лоан Гарсиа, девушка, недавно пришедшая в Семью с «Эль Нидо». Торби не подружился с девушкой, полученной кораблем в обмен на Мату; он не имел ничего против нее, просто не хотелось. Однако найти общий язык с Лоан оказалось нетрудно. Это была темноволосая симпатичная девушка с приятными манерами. Тем не менее, когда ему велели в нарушение всех запретов поцеловать ее на виду у бабушки и прочих зрителей, он перепутал все слова роли.

После его первой попытки бабушка с отвращением воскликнула:

— Что ты делаешь? Собираешься укусить ее? И не отпускай ее сразу, будто она радиоактивна! Это же твоя жена, болван! Ты только что привел ее на корабль и остался наедине со своей любимой женщиной! Давай же! Нет, нет! Афина!

Торби огляделся невидящим взором, но тем не менее заметил Фрица. Глаза того были выпучены, на губах играла блаженная улыбка.

— Афина! Подойди сюда, дочка, и покажи этому недотепе, как нужно целовать женщину! Поце-

луй его сама, а потом пусть он попробует еще раз. Все по местам!

Тетка Афина была вдвое старше Торби, и он стеснялся ее гораздо меньше. Он неуклюже последовал ее наставлениям и наконец сумел поцеловать Лоан, не спотыкаясь о ее ноги.

Вероятно, это была хорошая пьеса; она очень понравилась бабушке, которая предвкушала успех постановки на Встрече.

На Вуламурре бабушка умерла.

Глава 13

Вуламурра — утопающая в зелени планета первопроходцев, только что принятая в состав земной Гегемонии; на ней «Сизу» сделал последнюю остановку перед тем, как направиться прямиком к месту, где должна была состояться Встреча. Здесь было вдоволь продовольствия и сырья, а местные фраки с удовольствием скупали промышленные товары. «Сизу» распродал множество лозианских изделий и драгоценностей с Финстера. Однако Вуламурра крайне скупо отпускала товары, которые могли бы принести значительную прибыль, и атомное топливо здесь было дорогим: планета относилась к разряду слаборазвитых и неохотно расставалась с радиоактивными материалами, в которых так нуждалась зарождающаяся местная промышленность.

Урана «Сизу» приобрел немного, но вдоволь отборного мяса и прочих деликатесов. Семья всегда стремилась иметь на своем столе изысканную пищу; сейчас в трюмы корабля было загружено гораздо больше продовольствия, чем мог съесть экипаж, однако этими лакомствами можно было

похвастаться на Встрече.

За остальное планета расплатилась тритием и дейтерием. Первоначально построенная здесь фабрика водородных изотопов предназначалась для нужд кораблей Гегемонии, однако продукции фабрики хватало всем. В последний раз «Сизу» заправлялся на Джаббуле, так как лозианские корабли приводятся в движение другими ядерными реакциями.

Несколько раз Торби вместе с отцом выходил в порт Новый Мельбурн. Здесь был в ходу английский Системы; Крауза знал этот язык, но местные фраки проглатывали окончания и растягивали гласные, так что капитан понимал едва ли половину. Но для Торби в местном произношении не было ничего странного: казалось, будто он уже слышал когда-то такое. Поэтому Крауза брал его с собой в качестве переводчика.

В этот день им предстояло завершить сделку по приобретению топлива. Затем подписанные документы следовало заверить в центральном банке и отвезти на завод. После того, как на всех бумагах появились печати и были внесены необходимые суммы, капитан сел поболтать с директором. Крауза умел держать себя с фраки на равных и дружелюбно, ничем не показывая, что

их разделяет колоссальная социальная пропасть.

Пока они болтали, Торби мучился сомнениями. Директор рассказывал о Вуламурре:

— Любой толковый мужик с крепкими руками и головой, способный держать ушки на макушке, может отправиться в незаселенный район, получить землю и ковать свое счастье.

— Вне всякого сомнения, — признал капитан. — Я видел ваш мясной скот. Эти животные просто великолепны.

Торби тоже согласился. Быть может, на Вуламурре не хватало асфальта, театров и водопровода, но планета буквально бурлила от открывавшихся на ней возможностей. Кроме того, это был приятный славный мир с приятными свободными нравами. Доктор Мейдер словно бы именно его имела в виду, когда советовала: «...Подожди, когда корабль сядет на планете, где царят свобода, демократия и гуманизм... и тогда беги!».

Жизнь на «Сизу» была приятнее, хотя Торби уже в полной мере осознал, что она требует изоляции от внешнего мира и полного подчинения личности интересам Семьи. Юноше даже начинало нравиться быть актером; сцена оказалась презабавным местом; он даже научился обниматься так, что на лице бабушки появлялась улыбка.

Помимо прочего, хотя все происходило лишь на сцене, обнимать Лоан было очень приятно. Она целовала его и шептала: «Мой муж! Мой благородный муж! Мы вместе покорим Галактику!».

По простоте душевной Торби решил, что она — великая актриса.

Они очень подружились. Лоан было любопытно узнать, чем занимается бортовой стрелок, и как-то раз под бдительным присмотром двоюродной бабушки Торы юноша устроил ей экскурсию в компьютерную.

На лице девушки появилось восхитительное выражение замешательства.

— Что такое n-пространство? Мы видим глазами длину, ширину, толщину... неужели могут быть и иные измерения?

— Давай обратимся к логике. Ты ощущаешь четыре измерения... те три, о которых ты уже говорила, плюс четвертое — время. Его ты не видишь, но измерить можешь.

— Да, но при чем здесь логика?

— Сейчас поймешь. Что такое точка? Это некое место в пространстве. Но представь себе, что нет никакого пространства, даже четырех обычных измерений. Пространства нет. Можно ли в таких условиях представить себе точку?

— Я как раз об этом думаю.

— Об этом нельзя даже думать, не думая одновременно о пространстве. Если ты представляешь себе точку, то думаешь о том, что она расположена в каком-то конкретном месте. Скажем, ты выбираешь линию и представляешь себе точку на этой линии. В общем, точка — это какое-то определенное место, и если это место некуда поместить, точка обращается в ничто. Понимаешь?

— Послушайте, дети, — вмешалась двоюродная бабушка Тора. — Нельзя ли продолжить ваш разговор где-нибудь в другом месте? У меня ноги устали.

— Простите, двоюродная бабушка Тора. Обопритесь на мою РУКУ-

Беседу продолжили в холле.

— Так ты уяснила себе, что для существования точки нужна линия?

— Кажется, да. Если у точки нет возможности где-то находиться, ее нет вообще.

— А теперь подумаем о линии. Ты согласна с тем, что она не может существовать без поверхности?

— Это уже труднее.

— Но если ты сумеешь это себе представить, то справишься и с остальным. Линия — это упо-

рядоченная последовательность точек. Откуда берется порядок? Оттого, что линия лежит на поверхности. Если линия не принадлежит никакой поверхности, она сжимается и исчезает. У линии нет ширины. Ты даже не увидела бы, что она сжалась, ведь тебе не с чем ее сравнить. И все ее точки одинаково близки друг к другу, а упорядоченность исчезает. Понимаешь?

— С трудом.

— Итак, точке нужна линия, линии — поверхность. В свою очередь, поверхность должна быть частью трехмерного пространства, иначе ее структура разрушается. Трехмерное пространство должно быть частью гиперпространства, которое его вмещает... и так далее. Каждое измерение нуждается в еще более высоком, иначе геометрия становится бессмысленной. Исчезает само пространство,— Торби хлопнул по столу. — Но пространство существует, отсюда мы знаем, что гиперпространство тоже существует, несмотря на то, что мы его не видим, как не видим протекающие секунды.

— Но должен быть какой-то предел!

— Ничего подобного. Размерность пространства бесконечна.

Девушка поежилась.

— Это пугает меня.

— Не бойся. Даже главный механик имеет дело лишь с первой дюжиной размерностей. Кстати, когда корабль переходит световой барьер, мы все как бы выворачиваемся наизнанку. Ты это замечаешь?

— Нет. Мне в это не верится.

— Это трудно себе представить, поскольку у нас нет соответствующих органов чувств. Переход может произойти в тот самый момент, когда ты ешь суп, но ты даже капли не прольешь, несмотря на то, что суп тоже выворачивается наизнанку. Это всего лишь математическая концепция, вроде корня квадратного из минус единицы, но с этой самой концепцией мы соприкасаемся, переходя скорость света. Нет нужды видеть многомерное пространство, ощущать его или понимать; нужно лишь разработать соответствующие логические символы. Однако многомерное пространство вполне реально, если только слово «реальность» вообще что-то значит. До сих пор никто не видел электрона. И мысли тоже. Ты не можешь видеть мысль, не можешь измерить, взвесить, попробовать на вкус, тем не менее «мысли — это одна из самых реальных вещей в Галактике»,— процитировал Торби Баслима.

Девушка посмотрела на него с уважением.

— Ты, должно быть, страшно умен, Торби. «Никто не может увидеть мысль»... Мне это нравится.

Торби с достоинством выслушал похвалу.

Вернувшись в каюту, он застал Фрица, который читал, лежа в постели. После разговора с приятным собеседником Торби пребывал в приподнятом настроении.

— Привет, Фриц! Учишься? Или прожигаешь свои молодые годы?

— Ага, учусь. Знакомлюсь с истинным искусством.

Торби скользнул взглядом по обложке.

— Смотри, как бы бабушка тебя не поймала.

— Сам не забудь запастись товаром перед очередным визитом на Финстер!

Вуламурра была «цивилизованной планетой», и холостяки восполнили свои запасы образчиков «истинного искусства».

— Выглядишь так, будто тебе удалось сбить цену у лози-анца. Чего ты такой довольный?

— Только что поболтали с Лоан. Я немножко просветил ее насчет n-пространства... просто удивительно, как быстро она все схватывает.

— Да, Лоан умная девушка, — рассудительно

произнес Фриц. — Когда же бабушка объявит о помолвке?

— О чем ты?

— Что, помолвка не состоится?

— Что за гупости!

— М-м-м... хорошая у тебя подружка. И умная к тому же. Знаешь ли ты, насколько она умна?

— Ну?

— Она настолько способный человек, что ей доверили преподавать в школе «Эль Нидо». Ее специальностью была математика. Точнее — многомерная геометрия.

— Не может быть!

— Я случайно видел ее документы... впрочем, спроси сам.

— И спрошу! Почему же она не преподает математику на нашем корабле?

— Об этом надо спросить бабушку. Послушай, Торби, мой тощий недоразвитый братец, мне иногда кажется, что в детстве тебя неудачно уронили. Несмотря на все эти недостатки, я люблю тебя за ту неуклюжую элегантность, с которой ты вытираешь слюну со своего подбородка. Хочешь выслушать совет старшего мудрого брата?

— Говори. Все равно ты молчать не станешь.

— Спасибо. Лоан — чудесная девушка, и, я по-

лагаю, было бы приятно решать вместе с ней уравнения до последнего дня твоей жизни. Но мне нестерпимо видеть человека, который делает покупку, не обойдя прежде всего рынка. Если ты продержишься хотя бы еще один перелет, ты увидишь, что у Людей есть еще несколько хорошеньких девушек. Несколько тысяч.

— Но я вовсе не ищу себе жену!

— Ну, ну... это, в конце концов, одна из обязанностей мужчины. Все же подожди Встречи, и мы пошарим по прилавку. А теперь умолкни, я возвращаюсь к изучению литературы.

— Можно подумать, это я болтаю!

Торби не стал спрашивать у Лоан, чем она занималась на «Эль Нидо», но теперь у него открылись глаза и он понял, что, сам того не зная, играл главную роль в спектакле «Ухажер». Это его испугало. Торби припомнил совет доктора Мэйдер: «Прежде чем бабушка решит женить тебя, беги... иначе тебе конец!».

Отец болтал с представителем вуламуррской администрации, а Торби продолжал мучиться сомнениями. Не покинуть ли «Сизу»? Если уж он не собирается всю жизнь быть торговцем, то лучше всего сделать это сейчас, пока он холост. Разумеется, можно было потянуть время, как

Фриц. Нельзя сказать, что Торби начал хуже относиться к Лоан, даже несмотря на то, что она его одурачила.

Но если он хочет распроститься с кораблем — а Торби не сомневался в том, что не сможет долго терпеть размеренную монотонную жизнь Торговца — то Вуламурра была лучшим местом для исполнения такого замысла, и другой такой возможности могло не представиться долгие годы. Ни каст, ни гильдий, ни бедности, ни иммиграционных законов — да они готовы были принять даже мутанта! Торби встречал здесь шестипалых, волосатых, альбиносов, людей с волчьими ушами, гигантов и других уродцев. Вуламурре пригодился бы любой, лишь бы он мог работать.

Что ему делать? Сказать «Простите, пожалуйста», выйти из каюты и бежать без оглядки? Или «заблудиться» и ждать, пока корабль стартует? Нет, так Торби поступить не мог. Слишком многим он был обязан отцу и «Сизу».

Что же тогда? Заявить бабушке, что он хочет уйти? Она отпустит его в безжизненное пространство, между звездами! Бабушка сочтет желание покинуть «Сизу» величайшим из грехов.

Кроме того... Приближается Встреча. Торби испытывал неодолимое желание увидеть это

зрелище. К тому же, было бы нехорошо уйти, так и не сыграв в пьесе. Торби не придумывал себе причин для отсрочки; уже заболев сценой, он все еще думал, что не хочет играть героя мелодрамы. Так ему казалось, а на самом деле не терпелось показаться у рампы.

Окончательное решение придется отложить.

Капитан Крауза притронулся к его плечу.

— Нам пора.

— Ох, извините, капитан... я задумался.

— Это хорошее дело, продолжай напрягать мозги. Прощайте, директор, и спасибо. Надеюсь встретиться с вами во время следующего визита на вашу планету.

— Вряд ли вы найдете меня здесь. Я собираюсь уволиться с фабрики и пойти куда глаза глядят. Возьму землю. Если вам прискучат стальные палубы, место на Вуламурре для вас всегда найдется. И для вашего парнишки.

Лицо Краузы ничем не выдало охватившего его отвращения.

— Благодарю вас. Но мы, Торговцы, даже представления не имеем, с какого конца браться за плуг.

— У каждой кошки своя крыса.

Когда они вышли на улицу, Торби спросил:

— Что он хотел сказать, отец? Кошек я видел, но что такое крыса?

— Животное вроде сорси, только более тощее и злое. Но директор имел в виду, что каждый человек должен быть на своем месте.

— Ага.

Некоторое время они шли молча, и Торби размышлял, на своем ли месте он находится сейчас.

Капитан Крауза думал о том же. Недалеко от «Сизу» стоял еще один корабль, и, глядя на него, Крауза испытывал угрызения совести. Это было почтовое судно Гегемонии, экипаж которого составляла гвардия. В памяти Краузы неумолчно звучали слова Баслима: «...как только появится возможность, передай мальчика командиру любого военного корабля Гегемонии».

Стоявший рядом корабль не был военным, но это не имело значения: намерения Баслима были совершенно ясны, и этот корабль вполне отвечал требованиям. Долги надо платить. К сожалению, мать поняла эти слова буквально. Капитан понимал, отчего: она решила предъявить мальчика на Встрече. Она собиралась извлечь максимальную выгоду из того факта, что «Сизу» платит долги Людей. Что ж, это можно было понять.

Но честно ли это по отношению к мальчику?

У Краузы были свои причины представить Торби Людям. Он нисколько не сомневался, что родственники мальчика были Людьми, и надеялся отыскать подтверждение этому в архиве Коммодора.

С другой стороны... Он был согласен с решением матери насчет Маты Кингсолвер. От этой кокетки, которая едва не загнала парня в угол, надо было избавиться как можно скорее. Но неужели мать не подумала, что теперь он понимает, для чего все это было сделано?

Нет, он не должен был позволять! Конечно, мальчик слишком юн, и свадьбу следовало отложить — по крайней мере до тех пор, пока не удастся доказать, что Торби родился среди Людей. Тогда можно было бы считать, что долг Баслиму уплачен.

Однако, глядя на стоящий поодаль почтовый корабль, Крауза понимал, что, хотя он и обвиняет мать в нежелании честно выполнить пожелание Баслима, сам он поступает ничуть не лучше.

Но ведь он делает это ради самого мальчика!

Справедливо ли это?

Что ж, есть один честный выход. Взять парня и в его присутствии открыть матери все карты. Полностью объяснить Торби смысл послания Бас-

лима. Сказать ему, что сейчас есть возможность посадить его на почтовый корабль и отправить в центральные миры. Растолковать, что он должен делать, чтобы отыскать свою семью. Но прежде объяснить ему, что он, Крауза, также считает, что Торби рожден среди Людей и что эту возможность нужно исследовать в первую очередь. И, кстати, прямо сказать ему, что мать пытается связать его женитьбой. Вероятно, она поднимет шум и начнет цитировать Закон, но тут уж ничего не поделаешь: данный случай не касается старшего помощника; Баслим возложил эту обязанность на Краузу. К тому же, поступить так было бы справедливо: парень должен выбрать сам.

Держась строго и подтянуто, но подавляя внутреннюю дрожь, капитан отправился к матери.

У выхода из лифта их ожидал боцман.

— Старший помощник выражает вам свое почтение и желает встретиться с капитаном Краузой.

— Вот так совпадение, — мрачно сказал капитан. — Пойдем, сынок. Встретимся с ней вдвоем.

— Да, отец.

Пройдя по коридору, они оказались у каюты старшего помощника. У дверей стояла жена капитана.

— Здравствуй, дорогая. Боцман сказал, что мать посылала за мной.

— Это я посылала.

— Значит, он что-то спутал. Ладно, говори, что там у тебя, и покороче. Мне нужно увидеться с матерью немедленно.

— Он ничего не перепутал. Тебя действительно вызвала старший помощник.

— Что?

— Капитан, ваша мать умерла.

Капитан выслушал эти слова с каменным лицом, но затем самообладание изменило ему: распахнув дверь, он ринулся к постели матери'и, сев у изголовья, обнял покоившееся на ней хрупкое высохшее тело. Из груди его вырвались глухие страшные звуки, говорящие о глубокой скорби, которая ломает самых крепких людей, когда они уже не в силах носить ее в себе.

Торби смотрел на происходящее с благоговейным ужасом и, вернувшись к себе, погрузился в раздумья. Юноша пытался понять, отчего ему так скверно. Он не любил бабушку; собственно, она ему даже не нравилась.

Так почему же он чувствует себя таким потерянным? Почти так же, как после смерти папы. А ведь папу он любил, а ее — нет.

Оказалось, что не он один в таком состоянии; весь корабль был потрясен. На борту не было ни одного человека, который мог бы представить себе «Сизу» без бабушки; она сама была «Сизу». Словно вечное пламя, двигавшее корабль, она олицетворяла собой неиссякаемую энергию, мощь, главную силу. И внезапно она исчезла.

Она стала придремывать, как обычно, поворчав по поводу того, как плохо соблюдается распорядок дня на Вуламурре — но что поделаешь с этими фраки! Но она заснула, следуя многолетней привычке, которую не могли нарушить никакие расписания.

Когда ее невестка пришла, чтобы разбудить бабушку, та уже спала вечным сном.

Блокнотик, лежащий у кровати, был испещрен множеством заметок. «Поговорить с сыном об этом.» «Велеть Торе сделать то.» «Гл. мех. — проверить температурный режим.» «Обсудить с Афиной праздничное меню.» Рода Крауза вырвала листок, разгладила его и вызвала боцмана, чтобы тот нашел ее супруга.

Капитан не стал обедать. Из зала убрали бабушкино кресло; на его месте расположилась новая старший помощник. Поскольку капитан отсутствовал, она дала знак главному механику; тот,

в согласии с ритуалом, сначала предложил прочесть по усопшей молитву; старший помощник вторила ему в нужных местах. Обед проходил в молчании. Похороны отложили до Встречи.

Старший помощник поднялась с места.

— Капитан хотел бы сообщить,— произнесла она тихим голосом, — что он благодарит всех, кто пытался с ним встретиться. Он приступит к своим обязанностям завтра,— она немного помолчала. — «Атомы приходят из космоса, атомы возвращаются в космос. Дух “Сизу” пребывает вовеки».

И внезапно Торби ощутил, что он больше не одинок.

Глава 14

Большая Встреча превзошла все ожидания Торби. Корабли тянулись многомильной вереницей, более чем восемьсот Вольных Торговцев расположились концентрическими окружностями вокруг площадки диаметром в четыре мили. «Сизу» занял место на внутренней дуге — что порадовало мать Торби — рядом с кораблями, о существовании которых юноша и не подозревал: «Кракен», «Деймос», «Джеймс Квин», «Светлячок», «Бон Марше», «Дом Педро», «Це Квадрат», «Омега», «Эль Нидо»,— Торби вспомнил о Мате — «Святой Кристофер», «Вега», «Вега Прима», «Галактический Банкир», «Цыганочка»,— Торби торопливо набрасывал схему расстановки кораблей, — «Сатурн», «Чанг», «Сельская Лавочка», «Джозеф Смит», «Алоха»...

Очень уж много их было. Разумеется, посещая десять кораблей в день, можно было бы осмотреть большинство. Но были и другие дела, и поглазеть было на что. Торби отбросил такую мысль.

Внутри круга была устроена огромная временная сцена, гораздо более обширная, чем новый амфитеатр в Джаббул-порте. Здесь должны были

происходить выборы, погребения и свадьбы, атлетические состязания, представления и концерты. Торби вспомнил о том, что ему предстоит участвовать в спектакле — и его охватила сценическая лихорадка.

Между сценой и кругом кораблей оставили место для лавочек, игровых площадок, танцевальных залов, которые не закрывались круглые сутки, выставки технических новинок, гадальщиков, открытых баров, предлагавших любые напитки — от соков ягод с Плеяд до бурой жидкости, выдаваемой за старинную «кока-колу» с Терры, производимую нынче на Гекате.

Попав в этот водоворот, Торби чувствовал себя так, будто он вновь бродит по улице Радости — широкой, пестрой и раз в семь более многолюдной. Нынче у фраки была возможность сказочно разбогатеть, дурача хитрейших деляг в Галактике. В этот день люки на кораблях были распахнуты настежь, Торговцы чувствовали себя свободными, и местные купцы вполне могли продать вам вашу же шляпу, стоило лишь на секунду оставить ее на прилавке.

Фриц взял Торби с собой, дабы уберечь от неприятностей, хотя и сам не слишком разбирался, что к чему: до сих пор он побывал лишь на

одной Встрече. Старший помощник обратилась к молодым людям с наставлением, напомнив, что «Сизу» всегда отличался безупречной репутацией, а затем выдала каждому по сотне кредитов, предупредив, что эти деньги надо растянуть до конца Встречи.

Фриц посоветовал Торби оставить большую их часть на борту.

— Поиздержавшись, мы сможем выпросить у отца еще немного. Но таскать с собой всю сумму просто глупо.

Торби не возражал. Он не удивился, почувствовав в кармане руку воришки. Схватив его за кисть, он повернулся, чтобы взглянуть, кого поймал.

Сначала вернул себе свой бумажник, потом внимательно пригляделся к карманнику. Это был совсем юный чумазый фраки, который напомнил Торби Зигги, только у этого было две руки.

— Ничего, в другой раз повезет, — утешил его Торби. — У тебя еще нет навыка.

Мальчишка, казалось, был готов заплакать. Торби уже хотел было его отпустить, но спохватился.

— Фриц, проверь свой бумажник.

Фриц зашарил по карманам. Бумажник исчез.

— Ах, чтоб меня...

— Давай его сюда, парень.

— Я не брал! Отпустите меня!

— Давай, давай... пока я не открутил тебе башку!

Наконец мальчишка вытащил бумажник Фрица, и Торби отпустил его.

— Зачем ты это сделал? — спросил Фриц. — Я уже искал полицейского.

— Именно поэтому.

— Что? Скажи толком.

— Когда-то я пытался освоить эту профессию. Это не так-то просто.

— Ты? Неудачная шутка, Торби.

— А ты помнишь меня? Бывшего фраки, сына нищего? Это глупое покушение на наши карманы вызвало у меня ностальгию. Знаешь, Фриц, там, где я вырос, карманники имели определенный статус. Я же был простым нищим.

— Только не рассказывай об этом матери!

— Не стану. Но я — тот, кто я есть, я знаю, кем я был, и не собираюсь этого забывать. На карманника я так и не выучился, но нищим я был хорошим. Меня учил настоящий мастер. Мой папа. Калека Баслим. Я не стыжусь его, и никакие законы «Сизу» не заставили бы меня это сделать.

— А я и не пытался тебя стыдить, — спокойно ответил Фриц.

Они пошли дальше, протискиваясь сквозь веселящуюся толпу. Торби сказал:

— Не сгонять ли нам в рулетку? Мне кажется, я заметил, в чем тут дело.

Фриц покачал головой.

— Не стоит. Ты посмотри на эти так называемые выигрыши.

— Не хочешь — не надо. Меня в сущности интересовало, как они жульничают с этим колесом.

— Торби...

— Да? Чего это у тебя такая торжественная физиономия?

— Знаешь ли ты, кем на самом деле был Баслим?

Торби задумался.

— Для меня он был отцом. Если бы он хотел, чтобы я знал о нем больше, то он бы мне рассказал.

— М-м-м... пожалуй, да.

— Ты что-то знаешь?

— Кое-что.

— Меня интересует одна вещь. Бабушка велела усыновить меня в уплату какого-то долга. О чем идет речь?

— Я и так уже сказал достаточно.

— Как знаешь.

— К черту! Об этом знают едва ли не все Люди. Об этом еще пойдет речь на нынешней Встрече.

— Ты не позволяй мне уговорить тебя на что-нибудь.

— Ну... видишь ли, Баслим не всегда был нищим.

— Я это уже давно заметил.

— Не мне говорить о том, кем он был. Люди годами держали эти сведения в тайне. И никто не дал мне понять, что их можно разгласить. Но одно обстоятельство известно всем Людям... а ты теперь один из нас. Когда-то давным-давно Баслим спас целую Семью. Люди никогда этого не забудут. Это была «Ганза»... кстати, «Нью-Ганза» уже здесь. На ней изображен щит. Большего я не могу тебе рассказать: на всю эту историю наложено табу — дело было настолько постыдным, что мы никогда о нем не говорим. Я и так сказал достаточно. Но ты можешь пойти на «Нью-Ганзу» и попросить показать тебе их старые журналы. Если ты объяснишь им, кто ты такой и какое отношение имел к Баслиму, они не посмеют тебе отказать. Хотя старший помощник после твоего визита забьется в истерике.

— Хм... я не настолько хочу это знать, чтобы

заставлять даму плакать. Ну что, Фриц? Покатаемся?

После прыжков со сверхсветовой скоростью и ускорений до сотни единиц обычная карусель показалась Торби столь восхитительным развлечением, что он едва не опоздал на ленч.

Большая Встреча, заполненная радостями и встречами старых и новых друзей, преследует также и серьезные цели.

Помимо похорон, поминальных служб по погибшим кораблям, обменов девушками, здесь заключались сделки, затрагивавшие интересы всех Людей. Самыми важными были сделки по приобретению кораблей.

На Гекате были лучшие космоверфи во всей исследованной части Галактики. Точно так же, как у людей, потомство появлялось и у кораблей. К нынешнему дню «Сизу» был явно перенаселен и располагал большим богатством в виде тория и урана; наступило время разделять Семью. По меньшей мере треть всех Семей испытывали острую потребность в жизненном пространстве; фраки — торговцы кораблями потирали руки, предвкушая, какими будут комиссионные. Однако звездолеты нельзя было продавать как прохладительные напитки; порой маклеры и

брокеры в своих мечтах возносились слишком уж высоко. Но, как бы то ни было, в течение ближайших недель предстояло продать около сотни кораблей.

Некоторые из них — новые суда, сошедшие со стапелей «Галактического Транспорта, Лтд», дочерней корпорации известных во всем цивилизованном мире «Галактических Предприятий», либо «Корпорации Космических Инженеров», «Кораблей Гекаты», «Энджинз Инкорпорейтед», «Гаскомба и Сына» — гигантов промышленности. Предложения были на любой вкус. Брокер, не работающий на строителей, мог иметь исключительное право на продажу подержанного судна, или знать по слухам, где есть судно, владельцы которого могут заинтересоваться хорошей ценой — любой мог поймать удачу за хвост — надо было только не зевать. Ярмарка близилась к концу, и это было самое подходящее время для того, чтобы потратиться на дорогостоящие послания через п-пространство.

Семья, которой не хватало места на корабле, могла решить свои проблемы двумя способами: купить новое судно и разделиться, образовав две Семьи, либо же объединиться с другим кораблем, чтобы купить третий, который принадлежал

бы им на паях. Разделение повышало статус: это свидетельствовало о том, что Семья goctoht из умелых торговцев, которые могут обеспечить своим детям самостоятельность, не прибегая к посторонней помощи. Однако на практике обычно выбирали другой путь — объединение и приобретение судна в складчину, причем даже в этом случае нередко бывало так, что для выкупа нового корабля приходилось закладывать все три.

Последний раз «Сизу» разделялся тридцать лет назад. Все эти годы Семье сопутствовал успех, и она могла бы разделиться вновь уже самостоятельно. Однако десять лет назад на последней Большой Встрече бабушка предложила, чтобы «Сизу» гарантировал оплату чужого новорожденного корабля — гарантировал вместе с кораблями-родителями. Новый корабль дал в честь «Сизу» банкет, нырнул в ночь п-пространства и был таков. Космос беспределен. Помянем пропавший корабль на очередной Встрече.

В итоге «Сизу» пришлось выплачивать треть от сорока процентов стоимости пропавшего корабля, и это был тяжелый удар. Корабли-родители, разумеется, рассчитаются с «Сизу»: долги должны быть оплачены, но после разделения они и так

выжали из себя все, что могли, и от них оставались лишь кожа да кости. С неимущего должника требовать нечего: остается лишь ждать.

Бабушка была не глупа. Корабли-родители, «Цезарь Август» и «Дюпон», были родственно связаны с «Сизу»; о своих надо заботиться. К тому же это была неплохая сделка: торговец, не желающий предоставлять кредит, очень скоро понимает, что и ему никто не поможет. Во всяком случае, «Сизу» мог смело выписывать чек и рассчитывать на то, что он будет принят любым Вольным Торговцем с подобающим почтением.

Однако к моменту разделения Семьи у «Сизу» было меньше наличных, чем могло бы быть.

В первый же день по прибытии капитан Крауза посетил «Норберта Винера», на котором держал свой флаг коммодор. Супруга капитана осталась на борту, где у нее было забот выше головы: став старшим помощником, она потеряла покой и сон. Сегодня она работала за письменным столом, иногда отвлекаясь на телефонные разговоры со старшими помощниками других кораблей по телефонной сети, установленной местными службами специально для Встречи. Когда ей принесли поесть, она велела отложить завтрак, но тот так и оставался нетронутым вплоть до возвра-

щения ее мужа. Крауза вошел в каюту и устало опустился в кресло. Прежде чем заговорить, она подсчитала что-то на логарифмической линейке, а затем проверила ответ по калькулятору.

— Если взять корабль Гаскомба «Ф-2», то залог составит всего лишь пятьдесят процентов.

— Рода, ты же знаешь: «Сизу» не под силу приобрести корабль самостоятельно.

— Не торопись, дорогой. Вместе с нами подпишутся «Гус» и «Дюпон», а их подпись — то же самое, что наличные.

— Если им хватит на это денег.

— «Нью-Ганза» тоже согласна присоединиться — смотря по обстоятельствам — и...

— Рода! Еще две встречи назад ты была девчонкой, но все равно должна понимать, что долг ложится равным бременем на всех, не только на «Нью-Ганзу». Кстати, это было общее мнение.

— Но я была достаточно взрослой, чтобы быть твоей женой, Фьялар. Не стоит читать мне Законы. «Нью-Ганза» готова вступить в долю, если условия сделки останутся втайне. Ты не ходил посмотреть на «Галактическую Лямбду»?

— Мне незачем смотреть: я читал ее техническое описание. Слишком маленькая мощность.

— Ну ты даешь! Восемьдесят единиц ускорения

ты называешь «слишком маленькой мощностью»?

— Если бы тебе пришлось сидеть в моем кресле, ты бы сказала то же самое. Корабли класса «Лямбда» проектировались для перевозки грузов в пределах Гегемонии: это все, на что они способны.

— Ты слишком консервативен, Фьялар.

— Я придерживаюсь традиционных взглядов на все, что касается безопасности судна.

— Не сомневаюсь. И мне придется искать решение, которое удовлетворило бы твои предрассудки. Ну что ж, «Лямбда» — лишь один из возможных вариантов. Есть еще... ну, ты знаешь, о чем я говорю. Можно купить за бесценок. *

Крауза нахмурился.

— Несчастливый корабль.

— Да, придется его изрядно почистить, чтобы избавить тебя от этих мрачных мыслей. Но подумай о цене.

— Тут не только «мрачные мысли». Видишь ли, мне до сих пор ни разу не доводилось слышать о старшем помощнике, покончившем с собой. И о сошедших с ума капитанах я тоже не слыхал. Честно говоря, я удивлен, что они добрались сюда.

— Я тоже. Но как бы то ни было, корабль здесь, и его выставят на продажу. А очистить можно любое судно.

— Не знаю, не знаю.

— Не будь суеверным, дорогой. Тут только надо потщательнее проводить обряд, а это уж ты оставь мне. Ну ладно, давай забудем об этом корабле. Мы можем скинуться с другим кораблем.

— А я думал, что ты решила взвалить это дело только на нас.

— Да нет, я просто прикидываю наши возможности. Кстати, у нас есть более важные дела, чем организация в одиночку нового корабля.

— Еще бы! Силовая установка, вооружение, начальный капитал, опытные офицеры на ключевых постах — да что там, мы не сможем составить экипаж для двух кораблей. Да ты возьми хотя бы стрелков. Если...

— Не волнуйся. С этим мы справимся. Фьялар, ты не думал о том, чтобы стать заместителем коммодора?

Крауза осекся на полуслове.

— Рода! У тебя лихорадка?

— Ничего подобного.

— Я знаю десяток шкиперов, достойных занять это место. Я никогда не стану коммодором и, что

еще важнее, я не хочу им быть.

— Я могу согласиться на пост резервного заместителя: коммодор Денбо намерен подать в отставку сразу после того, как будет выбран новый заместитель. Можешь не сомневаться: уже на следующей Встрече ты станешь коммодором.

— Просто нелепо!

— Интересно, отчего вы, мужчины, такие непрактичные? Вот ты, Фьялар, думаешь только о своей ходовой рубке и торговле. Если бы я тебя не подталкивала, ты не смог бы стать даже заместителем капитана.

— Какая ты ненасытная, право!

— Я не жалуюсь, мой милый. Тот день, когда я взошла на борт «Сизу», был для меня большим днем. Так слушай же. Нас поддержат многие, не только «Гус» и «Дюпон». Поможет любой корабль, с которым мы пожелаем объединиться. Я собираюсь отложить решение до окончания нынешних выборов. Все утро ко мне поступают разные предложения от сильных кораблей с хорошими связями. В конце концов, остается «Нью-Ганза».

— И что же «Нью-Ганза»?

— Если ганзейцы назовут твое имя в нужный момент, ты будешь избран без голосования, всеобщим согласием.

— Рода!

— Тебе даже пальцем пошевелить не придется. И Торби тоже. Вы вдвоем покажетесь на людях и продемонстрируете свои мужественные натуры, далекие от политиканства. Я сама все сделаю. Кстати, сейчас поздновато выводить из игры Лоан, но я сделаю все, чтобы прекратить это как можно быстрее. Ваша мать не видела всей перспективы целиком. Мне очень хочется, чтобы мои сыновья женились, но в нынешней обстановке очень важно, чтобы Торби не женился и не имел невесты до тех пор, пока не пройдут выборы. А теперь... ты уже был на флагманском корабле?

— Конечно.

— Так на каком корабле родился Торби? Это может иметь огромное значение.

Крауза вздохнул.

— Торби не рожден среди Людей.

— Что? Не может быть! Ты хочешь сказать, что идентификация неточна... А какой из пропавших кораблей подошел бы ему?

— Я же сказал: он не из Людей! Нет ни пропавших кораблей, ни исчезнувших детей — ничего, что подходило бы к его случаю. Он должен быть либо значительно старше, либо моложе, чем он есть.

Старший помощник покачала головой.

— Не верю.

— Или не хочешь верить?

— Я действительно не верю. Торби родился среди Людей. Об этом можно судить по его походке, по его манерам, его способностям... да вообще по нему самому! М-да... Я сама просмотрю эти досье.

— Давай. Если уж ты не веришь мне...

— Ну, Фьялар... Я же не говорила, что...

— А что же ты сказала? Скажи тебе, что снаружи идет дождь, когда ты этого не хочешь, и ты...

— Ах, милый! Ты же знаешь, что на Гекате в это время года не бывает дождей. Я только...

— О, небо!

— Не выходи из себя. Капитану это не к лицу.

— А ты думаешь, капитану нравится, когда в его словах сомневаются на его собственном корабле!

— Прости, Фьялар, — она понизила голос. — Я не хотела тебя обидеть. Если я расширю круг поисков или пороюсь в несистематизированных материалах — ты же знаешь, как неаккуратно относятся к данным о погибших кораблях — м-м-м... в общем, ты понимаешь, как было бы здорово, если бы еще до выборов удалось узнать, кто были родители Торби. И, поскольку до тех пор я не разрешу ему жениться, известие о том, что сразу

после выборов состоится помолвка, обеспечит нам мощную поддержку.

— Рода!

— Что, дорогой? Если удастся прояснить вопрос с семьей Торби, нас поддержит вся группа «Вега», особенно если мы выберем невесту среди их девушек...

— Рода!

— Не перебивай.

— Дай и мне сказать. Капитану. Слушай, супруга: Торби родился среди фраки. Баслим был в этом уверен... и дал мне совершенно ясное поручение найти его семью. Я надеялся и верил, что в архивах найдется хоть что-нибудь, свидетельствующее о заблуждении Баслима, — Крауза нахмурился и закусил губу. — Крейсер из Гегемонии прибудет сюда через две недели. Тебе должно хватить этого времени, чтобы удостовериться, что я перерыл архив достаточно тщательно.

— Что ты имеешь в виду?

— А разве непонятно? Долги нужно возвращать... и нам предстоит еще одна плата.

Женщина внимательно посмотрела на капитана.

— В своем ли ты уме, дорогой?

— Мне это нравится ничуть не больше, чем

тебе. Торби не только хороший мальчик; он еще и самый лучший стрелок из всех, какие у нас были.

— Стрелок! — с горечью ответила она. — Как ты можешь думать об этом? Фьялар, если ты воображаешь, что я позволю одному из своих сыновей вернуться к фраки... — голос ее прервался.

— Он и есть фраки.

— Ничего подобного. Он — «Сизу», так же, как и я. Меня приняли в Семью так же, как и его. Мы оба — «Сизу», и останемся ими навсегда.

— Это уж как тебе угодно. Я надеюсь, что в глубине души Торби всегда останется «Сизу». Но долги должны быть оплачены.

— Этот долг отдан сполна уже очень давно!

— Не думаю.

— Ты ошибаешься! Баслим просил вернуть мальчика его семье. Какой-то семье фраки — если у фраки вообще бывает семья. Так мы приняли Торби в свою Семью, в свой клан и септ. Неужели это не лучший способ выполнить просьбу Баслима? Или ты считаешь более уместным вышвырнуть мальчика в кишащую мухами навозную кучу фраки? Или ты так низко ценишь «Сизу»?

Она посмотрела на него, и Крауза с горечью

подумал о том, что мнение, будто чистая кровь Людей гарантирует им высокие мыслительные способности, наверное, и вправду справедливо. Общаясь с фраки, он никогда не терял головы. Но мать — а теперь вот и Рода — всегда умели как-то так повернуть дело, что он оказывался неправ.

И если мать, как бы тверда она ни была, никогда не требовала невозможного, то Рода... что ж, она стала старшим помощником лишь недавно... И Крауза сдержанно произнес:

— Старший помощник, эта обязанность возложена лично на меня, а не на «Сизу». И у меня нет иного выбора.

— Вот как? Что ж, капитан, мы еще вернемся к этому разговору. А теперь, сэр, мое почтение, но у меня масса дел.

Встреча понравилась Торби, но все же здесь было не так весело, как он ожидал; мать частенько вызывала его к себе, когда с визитами на «Сизу» прибывали старшие помощники других кораблей. Порой они являлись со своими дочками и внучками, и Торби приходилось развлекать девушек, пока старшие вели свои беседы. Он старался изо всех сил и уже очень скоро мог запросто грубовато трепаться со сверстницами. И даже научился изображать что-то вроде танца,

правда, глядя на танцующего Торби, можно было подумать, что у него либо обе ноги левые, либо колени сгибаются не в ту сторону. Но теперь он мог без содрогания и озноба брать девушку за талию под звуки музыки.

Гости расспрашивали его об отце. Он старался отвечать вежливо, но его раздражало то обстоятельство, что, казалось, все знали о Баслиме больше, чем он. Разумеется за исключением действительно важных вещей.

Однако светские обязанности, оказывается, можно было поделить. Торби сообразил, что он — младший сын, а старший, Фриц, тоже не женат, и обратился к нему за помощью, обещая вернуть этот должок позже.

Фриц одарил его обаятельной улыбкой.

— Что ты можешь предложить мне в возмещение того времени, которое я мог бы провести на Встрече?

— Ну...

— Вот-вот. А если серьезно, то мать и слушать не станет, даже если я сойду с ума и предложу свои услуги. Она назвала тебя, и она имела в виду именно тебя, — Фриц зевнул. — Слушай, парень, я смертельно устал! Та рыженькая с «Сент-Луиса» готова плясать всю ночь. Так что отстань от меня,

я должен выспаться перед банкетом.

— У тебя не найдется лишней парадной куртки?

— Занимайся стиркой сам. И перестань шуметь.

И вот как-то утром, спустя месяц после прибытия на Гекату, капитан взял Торби с собой. Мать не могла задержать мальчика: ее не было на борту. Был День Памяти. Служба должна была начаться не раньше полудня, но мать вышла заранее, чтобы утрясти кое-какие вопросы с завтрашними выборами.

Торби занимали совсем другие мысли. Служба должна была кончиться поминовением его отца. Крауза рассказал мальчику, что он должен будет делать, и пообещал помочь ему прорепетировать, но Торби все же волновался. Его отнюдь не успокоила весть о том, что нынче вечером должна состояться премьера «Духа “Сизу”».

Еще больше Торби расстроился, когда увидел у Фрица экземпляр сценария, который тот тщательно зубрил.

— Учу твою роль! — недовольно пробормотал Фриц. — Отец велел мне подготовиться на случай, если у тебя вдруг отнимутся ноги или ты упадешь от волнения в обморок. Но не беспокойся: я не

собираюсь отнимать твой триумф, я лишь должен помочь тебе расслабиться, если ты, конечно, сможешь сделать это, когда тысячи глаз станут смотреть, как ты лижешься с Лоан.

— А ты сумел бы?

Фриц задумался.

— Можно попробовать. Лоан выглядит просто восхитительно. Может быть, мне стоит самому переломать тебе ноги?

— Голыми руками?

— Не соблазняй меня. Торби, это всего лишь предосторожность. Точно так же и вы, стрелки, несете вахты парами. Но ничто меньшее, чем сломанная нога, не избавит тебя от обязанности произносить эту чушь!

Торби и Крауза вышли из корабля за два часа до начала службы. Капитан заметил: '

— Мы можем пока неплохо провести время. День Памяти — великий праздник, особенно если ты сумеешь настроить свои мысли как надо. Однако сиденья там жесткие, и служба очень длинная.

— Да, отец... расскажите мне, что я должен буду делать во время поминовения моего папы, Баслима?

— Ничего особенного. Ты будешь сидеть в пер-

вом ряду и подавать реплики во время молитвы по усопшим. Ты знаешь слова?

— Не уверен.

— Я запишу их для тебя. Что же касается остального... будешь делать то же, что и я для своей матери, твоей бабушки. Смотри, а когда наступит твоя очередь — делай то же самое.

— Понятно,отец.

— А теперь успокойся.

К удивлению Торби, капитан Крауза встал на движущуюся дорожку, уходившую в сторону от места Встречи, а затем свистом подозвал автомобиль. Экипаж мчался гораздо быстрее, чем было принято ездить на Джуббуле, и почти так же лихо, как на Лозиане. Едва успев обменяться парой слов с водителем, они прибыли на железнодорожную станцию. Торби не успел даже разглядеть город Артемиды.

Он удивился еще раз, когда отец купил билеты.

— Куда мы едем?

— За город, — Крауза посмотрел на часы. — У нас масса времени.

Монорельсовая дорога давала восхитительное ощущение скорости.

— С какой скоростью мы движемся, отец?

— Полагаю, около двухсот километров в час,

— Краузе пришлось повысить голос.

— А кажется, что еще быстрее.

— Достаточно быстро, чтобы свернуть шею. Быстрее и ехать-то нельзя.

Ехали они полчаса. Металлургические заводы и фабрики больших верфей уродовали местный ландшафт, но все это было ново и необычно, и, рассматривая то, что открывалось взгляду, Торби решил, что принадлежащие Саргону заводы — мелкие лавочки по сравнению со всем, что он увидел здесь. За зданием станции, на которой они сошли, тянулась длинная высокая стена; Торби разглядел стоящие за ней звездолеты.

— Куда мы приехали?

— На военный космодром. Мне нужно встретиться с одним человеком, и сегодня самое подходящее время.

Они подошли к воротам. Крауза остановился и осмотрелся: вокруг никого не было.

— Торби...

— Да, отец?

— Ты не забыл то послание, которое мне передал Баслим?

— Сэр?

— Ты можешь его повторить еще раз?

— Ну, не знаю, отец. Это было так давно.

— Все же попробуй. Итак: «Капитану Фьялару Краузе, шкиперу звездолета “Сизу”, от Калеки Баслима. Приветствую тебя, мой старый друг...»

— «...Приветствую тебя, мой старый друг», — подхватил Торби, — «Приветствую тебя и твою Семью, клан, и...» Смотри-ка, я все помню!

— Разумеется, — мягко сказал Крауза, — ведь сегодня День Памяти. Давай дальше.

Торби продолжал. Он услышал голос отца, звучащий из его уст, и по щекам юноши потекли слезы.

— «...Свидетельствую мое уважение твоей достопочтенной матери. Я говорю устами своего приемного сына. Он не понимает финского...» — но я же все понимаю!

— Продолжай.

Когда Торби дошел до слов «...я уже умру...», голос его сорвался. Крауза яростно потер нос и велел говорить дальше. Торби сумел добраться до конца текста, хотя голос предательски дрожал. Крауза дал ему выплакаться, потом строго приказал вытереть лицо и взять себя в руки.

— Сынок, ты понял, о чем шла речь в середине текста?

— Да... да, я понял все.

— Тогда ты понимаешь, что я обязан сделать.

— Я должен... покинуть «Сизу»?

— А что говорил Баслим? «При первой возможности...» Так вот она, эта первая возможность, и мне пришлось очень постараться, чтобы ее получить. И, скорее всего, последняя. Баслим не подарил, а лишь одолжил мне тебя, сынок. И вот я должен отдать долг. Ты понимаешь это?

— Да... полагаю, да.

— Тогда приступим к делу, — Крауза полез во внутренний карман куртки, достал пачку банкнот и сунул их Торби. — Клади в карман. Я должен бы дать гораздо больше, но это все, что мне удалось прихватить, чтобы не подозревала мать. Надеюсь, что смогу переслать тебе еще, пока ты не отправишься в полет.

Торби взял пачку, даже не посмотрев на деньги, хотя такой суммы ему еще не доводилось держать в руках.

— Отец... ты хочешь сказать, что я уже ушел с «Сизу»?

Крауза отвернулся и некоторое время молчал.

— Знаешь, сынок... так будет лучше. Прощание не доставляет удовольствия, только память приятна. К тому же, иначе ничего не получится.

Торби сглотнул.

— Да, сэр.

— Пойдем.

Они быстро зашагали к пропускному пункту и уже почти вошли внутрь, когда Торби остановился и сказал:

— Отец... но я не хочу уходить!

Крауза посмотрел на него без всякого выражения.

— Ты не обязан.

— Но ты, кажется, говорил, что обязан?

— Нет. Баслим потребовал, чтобы я вывез тебя с Саргона и передал послание, которое он предназначал для меня. На этом мои обязанности кончаются, и долг выплачен. Не я приказываю тебе покинуть Семью... Это идея Баслима, он сделал так из лучших намерений, руководствуясь заботой о твоем благе. Должен ли ты выполнять его пожелания — это дело твое и Баслима. Решай сам. Что бы ты ни был должен Баслиму, это не имеет никакого отношения к тому, чем ему обязаны Люди.

Крауза ждал, а Торби молчал, собираясь с мыслями. Чего хотел от него отец? Что он велел ему сделать? «Я могу положиться на тебя?» Да, но чего ты хочешь, пап? «Не надо никаких пожертвований... только передай послание и сделай все, что потребует тот человек». Да, пап, но он ничего от

меня не требует!

— У нас мало времени,— обеспокоенно произнес Крауза. — Мне пора возвращаться. Имей в виду, сынок, твое нынешнее решение будет окончательным. Если ты откажешься покинуть «Сизу» сегодня, другого шанса у тебя не будет. Я в этом уверен.

«Самая последняя вещь, о которой я тебя прошу... могу ли я положиться на тебя?» — услышал мальчик торопливый голос папы, звучавший в его голове.

Торби вздохнул.

— Мне кажется, я должен сделать так, как ты говоришь, отец.

— Я тоже так думаю. А теперь поспешим.

Стража у ворот не спешила их пропустить, особенно после того, как Крауза, хоть и подтвердив свою личность и личность сына по корабельным документам, отказался сообщить, какое у него дело к командиру гвардейского крейсера «Гидра», заявив лишь, что оно «неотложное и официальное».

Наконец в сопровождении подтянутого вооруженного фраки они подошли к подъемнику корабля и были переданы другому стражнику. Их проводили по коридору к двери с табличкой

«Секретарь корабля — входить без стука». Торби понял, что «Сизу» был не столь велик, как он думал до сих пор. Ни разу в жизни юноше не доводилось видеть столько полированной стали. Он успел лишь мельком пожалеть о своем решении.

Секретарем корабля оказался вежливый подтянутый молодой человек со знаками отличия лейтенанта. Он был столь же тверд, как и стража у ворот.

— Простите, капитан, но вам придется изложить свою просьбу мне... если вы хотите встретиться с командиром.

Крауза промолчал и лишь поплотнее уселся в кресло.

Симпатичный молодой человек покраснел и забарабанил пальцами по крышке стола. Потом он поднялся на ноги.

— Прошу прощения...

Вскоре он вернулся и сказал невыразительным голосом:

— Командир дает вам пять минут.

Он провел Торби и Краузу в еще более просторный кабинет и оставил их там. За столом, заваленным бумагами, сидел человек постарше. Он был без кителя, и знаков различия не было видно. Он привстал, протянул руку и осведо-

мился:

— Капитан Крауза? Из Вольных Торговцев... корабль «Сизу», не так ли? Я полковник Брисби, командир корабля.

— Рад посетить ваше судно, капитан.

— Рад встретиться с вами. О чем вы хотите поговорить? — Он взглянул на Торби. — Это ваш младший офицер?

— И да, и нет.

— То есть?

— Полковник, не могли бы вы сказать, какой у вас допуск секретности?

— Что? Ноль-восемь. Зачем это вам?

— Сейчас поймете. Этот мальчик — Торби Баслим, приемный сын полковника Ричарда Баслима. Полковник поручил мне доставить его к вам.

Глава 15

— Что?!

— Это имя что-нибудь говорит вам?

— Разумеется, — командир взглянул на Торби. — Но я не вижу сходства.

— Я сказал вам, что он — приемный сын. Полковник усыновил его на Джуббуле.

Брисби прикрыл двери и сказал Краузе:

— Полковник Баслим мертв, или же «пропал без вести и предположительно мертв» последние два года.

— Я знаю. Все это время мальчик был со мной. Я могу сообщить вам некоторые обстоятельства смерти Баслима, если они неизвестны.

— Вы были его связным?

— Да.

— Подтвердить можете?

— Икс-три-ноль-семь-девять код ФТ.

— Можно проверить позже. А пока примем это за истину. Скажите: откуда вы знаете, что ваш парень — действительно Торби Баслим?

Торби не прислушивался к разговору. В его ушах стоял непрекращающийся шум, словно при перегрузке прицельного оборудования, каюта

то расширялась, то вновь становилась тесной. Он понял, что сидящий перед ним офицер был знаком с папой, и это хорошо... но что он говорил насчет того, что папа был полковником? Папа был Калекой Баслимом, дипломированным нищим милостью... милостью...

Полковник Брисби отрывистым голосом приказал Торби сесть, что он с удовольствием и сделал. Брисби включил вентилятор и повернулся к капитану Краузе.

— Ну ладно, вы меня убедили. Не знаю, согласно какой инструкции я должен это делать... правда, нам вменено в обязанность помогать людям из корпуса «Икс», однако тут несколько иной случай. Но я не могу подвести полковника Баслима.

— Но вы можете просто оказать помощь гражданину, попавшему в беду, — предположил Крауза.

— Не знаю, как это можно применить к человеку, находящемуся на планете Гегемонии, который явно не находится в беде... ну разве что побелел малость вокруг жабр... Впрочем, я постараюсь.

— Спасибо, шкипер, — Крауза посмотрел на часы. — Я могу идти? Мне уже пора.

— Секундочку. Вы что — просто оставите мальчика у меня?

— Боюсь, что это единственный выход.

Брисби пожал плечами.

— Как скажете. Может, хотя бы позавтракаете? Я бы хотел порасспросить вас о полковнике Баслиме.

— Простите, не могу. Если захотите со мной увидеться — приезжайте на Встречу.

— Приеду. Ну, хотя бы кофе выпейте, — командир потянулся к кнопке.

— Шкипер,— произнес Крауза с беспокойством. — Мне нужно уехать немедленно. Сегодня у нас День Памяти... И через пятьдесят минут начнутся похороны моей матери.

— Почему вы не сказали сразу? Господь с вами! Вы не успеете.

— Боюсь, что так... но я должен успеть.

— Минуточку... — Брисби распахнул дверь. — Эдди, аэрокар для капитана Краузы! И побыстрее! Взять его на борт и высадить там, где он попросит. Мигом!

— Есть, шкипер!

Брисби обернулся, вскинул брови и вышел в приемную. Рот Краузы, сидевшего лицом к Торби, горестно искривился.

— Подойди сюда, сынок.

— Да, отец.

— Мне пора идти. Может быть, когда-нибудь... тебе удастся посетить Встречу.

— Я постараюсь, отец!

— Если же нам не суждено увидеться, то помни: твоя кровь в нашей стали, наша сталь в твоей крови. Ты был и остаешься «Сизу».

— Сталь в крови...

— Удачи тебе, сынок. Будь умницей.

— Удачи... Ох, отец!

— Не надо! А то я не выдержу. Слушай, сегодня я буду давать ответы вместо тебя. Ты больше не должен появляться там.

— Да, сэр.

— Я и твоя мать — мы оба любим тебя.

Брисби приоткрыл дверь.

— Вас ждет аэрокар, сэр.

— Иду, шкипер, — Крауза расцеловал Торби в обе щеки и быстро двинулся к выходу. Последнее, что увидел Торби, была его широкая спина.

Вскоре вернулся Брисби. Усевшись в кресло, он посмотрел на мальчика и сказал:

— Я даже не знаю толком, что с тобой делать. Ну ладно, придумаем что-нибудь, — он нажал кнопку. — Эдди, пусть боцман разыщет где-нибудь свободную койку, — и обернулся к Торби. — Мы все уладим, если ты не слишком привередлив. Я

знаю, что вы, Торговцы, живете в роскоши.

— Сэр?

— Что такое?

— Баслим был полковником? Вашей службы?

— М-м-м... в общем, да.

Торби задумался на несколько минут, и воспоминания с новой силой нахлынули на него. Он нерешительно произнес:

— Мне кажется, у меня есть послание... для вас.

— От полковника Баслима?

— Да, сэр. Меня нужно погрузить в легкий транс, но мне кажется, я смогу вспомнить начало и так, — Торби произнес несколько кодовых групп. — Это предназначено для вас?

Полковник Брисби вновь проворно прикрыл дверь и со всей серьезностью сказал:

— Ни в коем случае не употребляй этот код, пока ты не будешь абсолютно уверен, что тебя слушает тот, кому положено, и что комната проверена и не прослушивается.

— Простите, сэр.

— Ничего страшного не произошло. Однако любая информация, закодированная этим шифром, является строго секретной. Надеюсь, содержание послания за два года не утратило своего значения,— и вновь нажал кнопку. — Эдди, отставить

боцмана. Пришли ко мне офицера-психолога. Если его нет на борту, пусть его разыщут.

Он посмотрел на Торби.

— Я все еще не знаю, что с тобой делать. Лично я предпочел бы держать тебя в сейфе.

Длинное послание было вытянуто из Торби в присутствии только самого Брисби, его старшего заместителя подполковника Стэнка, на корабле его попросту звали Стинки, и бортового психолога капитана медицины Исадора Кришнамурти. Дело шло туго; доктору Кришнамурти нечасто доводилось пускать в ход гипноз. Торби был напряжен и не поддавался воздействию, а подполковник, отчаянно богохульствуя, пытался управиться с записывающей аппаратурой. Наконец психолог выпрямился, вытирая со лба пот.

— Я думаю, это все, — устало произнес он. — Но что это значит?

— Забудьте все, что слышали, док,— посоветовал Брисби. — А еще лучше, сразу перережьте себе горло.

— Хм... спасибо, босс.

— Шеф, давайте прокрутим его еще раз, — предложил Стэнк. — Гипноз нашего псих-доктора подействовал на этот бредовый механизм гораздо успешнее, чем на парня. К тому же, у парня

дикий акцент, и я опасаюсь за достоверность информации.

— Ничего подобного. У мальчика чистое земное произношение.

— Ну, значит, дело в моих ушах. Они подвергались вредному влиянию — я слишком долго пробыл на борту.

— Так вот почему так засорен язык ваших офицеров,— хладнокровно проговорил Брисби. — Стинки, птичка, а правда, что все вы, которые с Риффа, записываете сначала на бумажке то, что вам говорят, если хотите понять?

— Только при разговорах с уроженцами Аралеши, сэр... не принимайте мои слова в свой адрес, вы же сами спросили. Так, может быть, повторим? Было бы неплохо отсеять шумы.

— Ваше мнение, док?

— Хм-м... пациент устал. Нельзя ли в другой раз?

— Можно. Теперь он останется у нас надолго. Ладно, будите его.

Вскоре Торби передали сержанту с поручением, чтобы тот подыскал ему койку. Через несколько литров кофе, поднос сэндвичей и пропущенный обед полковник и его помощник начисто переписали тысячи слов последнего донесения Калеки

Баслима. Стэнк откинулся на спинку кресла и свистнул.

— Можете расслабиться, шеф, эта штука будет жечься еще пару сотен лет.

— Да,— серьезно ответил Брисби. — К тому времени успеет погибнуть немало отличных парней.

— Точно. И вы знаете, что поражает меня больше всего? Этот мальчишка-Торговец, который мотался по всей Галактике, неся в голове донесение «перед-прочтением-сжечь». Может быть, отравить его?

— И потом писать бесчисленные объяснительные?

— Ну что ж, может быть, доктор Криш сумеет стереть ему память, не прибегая к лоботомии.

— Полагаю, что если кто-нибудь хотя бы дотронется до мальчика, полковник Баслим восстанет из мертвых и придушит его. Ты знал Баслима, Стинки?

— Он читал мне курс психологического оружия на последнем году обучения в Академии. И сразу после этого ушел в корпус «Икс». Самый блестящий ум, который я когда-либо встречал — конечно, если не считать вашего, папаша-сэр-босс.

— Не напрягайся. Без сомнения, он был великолепным учителем, да и во всем остальном всегда оказывался на высоте. Но если бы ты знал его еще раньше! Мне посчастливилось служить у него в подчинении. Даже теперь, когда я командую кораблем, я часто спрашиваю себя: «А как поступил бы на моем месте Баслим?» Он был лучшим командиром корабля из всех, у кого я служил. Тогда он второй раз стал полковником — ему ведь дали уже генерала, но он предпочел письменному столу палубу корабля.

Стэнк покачал головой.

— А мне, вероятно, так и не дождаться того счастливого мига, когда я пересяду за стол и стану писать за ним инструкции, которые никто не будет читать.

— Ты не Баслим. Не будь его работа так трудна, он нипочем не взялся бы за нее.

— Я не герой. Я всего лишь соль земли. Скажите, шеф, вы были с ним во время спасения «Ганзы»?

— Неужели я не носил бы тогда нашивку? Нет, слава Богу, меня тогда перевели в другое место. Баслиму пришлось сражаться врукопашную. У них там была сущая мясорубка.

— А может, у вас хватило бы ума не напрашиваться в добровольцы.

— Стинки, даже такой толстый лентяй, как ты — и тот мигом шагнул бы вперед, если бы Баслиму потребовались добровольцы.

— Я не лентяй. Просто не привык зря суетиться. Я только вот чего не понимаю: какого черта командир корабля сам повел десантную группу?

— Старик подчинялся только тем правилам, с которыми был согласен. Он хотел лично свалиться на голову работорговцев, потому что ненавидел их лютой ненавистью. Он вернулся героем, и что оставалось делать Департаменту? Ждать, пока Баслим выйдет из госпиталя, чтобы отдать его под трибунал? Знаешь, Стинки, даже эти генералы из штаба способны понять, что к чему, если их хорошенько ткнуть носом. Поэтому они наградили его «за отважное поведение при чрезвычайных обстоятельствах» и определили на должность с ограниченными обязанностями. Однако с тех пор каждый раз, когда возникают подобные «чрезвычайные обстоятельства» , ни один офицер не может оправдания ради ссылаться на уставы. Приходится следовать примеру Старика.

— Только не мне,— твердо заявил Стэнк.

— И тебе тоже. Когда ты будешь командиром и возникнет необходимость делать что-нибудь

неприятное, ты будешь это делать, втягивая живот и выпячивая грудь, с героическим выражением на своей упитанной физиономии. И ничего ты с этим не поделаешь. Тебя будет подталкивать пример Баслима.

Они легли только на рассвете. Брисби собирался поспать подольше, но, следуя старой привычке, поднялся лишь на несколько минут позже обычного. И он ничуть не удивился, застав своего заместителя, так хваставшегося своей ленью, уже за работой.

Полковника дожидался лейтенант из финансовой части. Он держал в руке телеграмму, и Брисби понял, в чем дело. Прошлой ночью, после того, как они просидели несколько часов, разбивая текст донесения на части, чтобы послать их по разным каналам, полковник вдруг вспомнил, что, перед тем как лечь спать, он должен организовать для приемного сына Баслима идентификационный поиск. Брисби вовсе не был уверен в том, что след ребенка, подобранного на Джуббуле, может отыскаться среди досье граждан Гегемонии. Но если Старик попросил бы принести даже ведро космоса — значит, ему нужно именно это, и никаких отговорок. Полковник Брисби испытывал к Баслиму, живому или мертвому, уважение млад-

шего офицера к старшему. Поэтому он написал депешу и поручил дежурному офицеру после побудки взять у Торби отпечатки пальцев и закодировать их. И только после этого полковник позволил себе вздремнуть.

Проснувшись, Брисби первым делом увидел свою телеграмму.

— До сих пор не отправили? — осведомился он.

— Фотолаборатория как раз заканчивает кодировать отпечатки пальцев. Однако офицер связи распорядился передать депешу мне на подпись, поскольку ее содержание не касается корабельных служб.

— Ну, так подпишите. Неужели я должен заниматься такими пустяками?

Казначей понял, что Старик опять не выспался.

— Плохие новости, шкипер.

— Выкладывай, что там у тебя.

— Я не знаю, откуда взять деньги. Сомневаюсь, что у нас найдутся средства, даже если мы сумеем обосновать требуемые расходы.

— Расходы меня не волнуют. Придумай что-нибудь и гони депешу. Пусти ее под общим кодом, каким-нибудь «ноль-ноль-и-что-там-еще».

— «Непредвиденные перерасходы на адми-

нистративные нужды». Не сработает, шкипер. Идентификационный поиск гражданского лица за счет корабля не спишешь. Конечно, я могу присвоить исходящий номер, и вы получите ответ, но...

— Именно этого я и хочу. Мне нужен ответ.

— Да, сэр. Однако через пару дней вся эта история достигнет ушей Центрального ревизионного управления, закрутится бумажное колесо и выплюнет карточку с красной пометкой. Они могут заморозить мой счет до тех пор, пока я не внесу всю истраченную сумму. Таким приемом они заставляют нас выучивать законы назубок и хорошенько считать.

— Ты разрываешь мое сердце на куски. Ну ладно. Отправляй телеграмму, и если ты боишься подписывать ее, сообщи мне исходящий номер. Я сам подпишу запрос своим именем и званием. Идет?

— Да, сэр. Но, шкипер...

— Слушай, у меня была трудная ночь.

— Да, сэр. Однако закон требует, чтобы я давал вам советы. Разумеется, вы не обязаны к ним прислушиваться.

— Еще бы, — мрачно отозвался Брисби.

— Шкипер, вы хотя бы имеете представление о

том, как дорого обходится идентификационный поиск?

— Не думаю, чтобы это было очень уж дорого. И не понимаю, чего вы так всполошились. Я хочу лишь, чтобы клерк оторвал зад от стула и порылся в архивах. Мне кажется, они постесняются присылать нам счет. Все будет сделано в порядке взаимной любезности.

— Мне бы вашу уверенность! Однако вы требуете неограниченного поиска. Поскольку вы не назвали планету, запрос прежде всего попадет в Тихо-Сити, в архив по делам живых и умерших. Или вы желаете ограничиться только живыми?

Брисби задумался. Если Баслим считал, что Торби попал к нему из Внутренних Миров, то, вероятнее всего, его семья считает мальчика погибшим.

— Нет.

— Это уже хуже. Объем информации по умершим втрое больше, чем по живым. Так что для начала его будут разыскивать в архивах Тихо. Это отнимет немало времени даже у компьютера — ведь у них около двадцати миллиардов дел! Предположим, что вы получили нулевой результат. Тогда запрос последует в аналогичные учреждения на всех планетах, поскольку

Центральный архив не успевает обновлять данные, а правительства многих планет вообще не высылают их. Счет все разбухает, особенно если сообщения идут по п-пространству. Полный код отпечатков пальцев занимает объем солидной книги. Разумеется, если вы запрашиваете по одной планете за раз и пользуетесь обычной почтой...

— Это недопустимо.

— Ну что ж... Шкипер, а почему бы не ввести ограничение? Скажем, тысячу кредитов... или сколько вы сможете выделить, если... я хотел сказать, «когда»... они подпишут ваши расходы.

— Тысячу кредитов? Смешно!

— Если я неправ, то ограничение не играет роли. А если прав — а я прав, — то тысячи кредитов хватит для начала, и ваша шея будет в относительной безопасности.

Брисби сердито посмотрел на него.

— Вы здесь не для того, чтобы сообщать мне, чего я не могу делать.

— Да, сэр.

— Вы здесь для того, чтобы растолковать мне, как именно я должен делать все то, что я собираюсь делать. Покопайтесь в ваших книгах и найдите способ. Законный. И чтобы не пришлось

платить.

— Слушаюсь, сэр.

Брисби не сразу вернулся к делам. Он просто кипел — когда-нибудь эта бюрократическая паутина так опутает армию, что просто невозможно будет вывести корабль в пространство. Полковник готов был поспорить, что Старик ушел в корпус «Икс» с чувством облегчения. Агенты корпуса не были стеснены бюрократией; если кто-нибудь из них считал необходимым потратить какую-то сумму, он так и делал, шла ли речь о десяти кредитах или десяти миллионах. Вот так и нужно работать: взять на службу человека и затем доверять ему безоговорочно. Никаких рапортов, бланков — ничего, только делай то, что должен делать.

Потом он взял со стола квартальный отчет о расходе топлива и работе оборудования. Отложив его в сторону, полковник достал чистый бланк депеши и составил сопроводительную записку к донесению Баслима, информируя бюро корпуса «Икс» о том, что внештатный связник, доставивший донесение, все еще находится в распоряжении отправителя и что, по мнению оного, имеется возможность получить дополнительную информацию, если отправитель будет

уполномочен продолжить работу со связником по своему усмотрению.

Шкипер решил не передавать депешу в группу криптографии, открыл сейф и принялся кодировать сам. Он уже заканчивал работу, когда в дверь вновь постучался казначей. Брисби поднял глаза.

— Ну что, нашли нужный параграф?

— Кажется, да. Я поговорил со старшим помощником.

— Короче.

— Итак, у нас на борту находится некое лицо...

— Только не говорите мне, что я должен получать на это разрешение!

— Вовсе нет, шкипер. Прокормить мы его прокормим. Вы можете держать его на борту сколько угодно, и я ничего не замечу. Все идет нормально, пока не наступает время вносить расходы в официальные документы. Но скажите, как долго вы собираетесь держать его на корабле? Наверное, не день и не два — судя по тому, что вы затеяли идентификационный поиск.

Командующий нахмурил брови.

— Возможно, мальчик останется здесь надолго. Для начала я хотел бы узнать, кто он, откуда он появился. Потом, если окажется, что мы идем в

нужном ему направлении, я хочу подбросить его — никуда этого не записывая. Если же мы идем не в ту сторону, то я передам его на какой-нибудь подходящий корабль. Это трудно объяснить, но это необходимо.

— Хорошо. Так почему не взять его на военную службу?

— Что?

— И тогда все станет на свои места.

Брисби нахмурился.

— Понятно. Я могу взять его с собой на законных основаниях... а затем передать парня кому-нибудь еще. А зачисление дало бы тебе табельный номер. Но представь себе, что он с Шивы III, а зачисление еще не состоялось. Что же, прикажешь ему просто смыться с корабля? Кстати, я отнюдь не уверен в том, что он хочет в гвардию.

— Спросите его. Сколько ему лет?

— Сомневаюсь, что он сам знает. Он найденыш.

— Тем лучше. Итак, вы берете его на корабль. Затем, когда мы наконец определим, откуда он родом, вы обнаруживаете ошибку в его возрасте и как-то так оказывается, что он достигает совершеннолетия как раз вовремя, чтобы получить законное увольнение на своей родной планете.

Брисби моргнул.

— Неужто все казначеи такие мошенники?

— Только самые лучшие. Вам не нравится такая комбинация, сэр?

— Очень даже нравится. Хорошо, я обдумаю ваше предложение. И я придержу это донесение. Пошлем попозже.

Казначей сделал невинное лицо.

— О нет, сэр, мы вовсе не станем его отправлять.

— Почему?

— В этом не возникнет необходимости. Мы примем его на службу для заполнения вакансии в штате корабля. Пошлем его данные в бюро кадров. Они начнут обычную проверку — имя, родная планета, скажем, Геката, поскольку мы подобрали его здесь. Тем временем мы будем уже далеко. Они выяснят, что мальчик здесь не числится. Тогда они обратятся в бюро безопасности, и те вышлют нам распоряжение, запрещающее упомянутому лицу нести службу на жизненно важных постах корабля. И это все, что грозит парню, ведь может оказаться и так, что эта несчастная невинная личность не зарегистрирована вообще нигде. Однако бюро безопасности не сможет оставить это дело просто так, и они

начнут именно тот поиск, которого вы и добивались. Сначала — в Тихо, затем по всему космосу, да еще с грифом «срочно», поскольку тут замешаны соображения безопасности. Допустим, они что-то найдут. Тогда, если он не разыскивается за убийство, все ограничится обычной волокитой. Если не найдут ничего, то им придется поломать голову — регистрировать ли его или предложить ему в двадцать четыре часа покинуть пределы Галактики. Ставлю семь против двух, что они предпочтут закрыть глаза, ну разве что прикажут кому-нибудь на борту наблюдать за парнем и сообщать о его подозрительном поведении. Вся прелесть состоит в том, что поиск будет проведен за счет бюро безопасности.

— Вы полагаете, что у меня на корабле есть агенты безопасности, о которых мне не известно?

— А вы как думаете?

— Мм-м... не знаю, но будь я шефом безопасности, я обязательно имел бы таких! К черту, если я доставлю отсюда к Кольцу гражданское лицо, об этом тоже кто-нибудь сообщит, даже если я не сделаю соответствующей записи в вахтенном журнале.

— Я бы не удивился, сэр.

— Давай, вали отсюда! А я вызову парня и

узнаю, как он отнесется к этой идее, — Брисби нажал кнопку. — Эдди!

Вместо того, чтобы вызвать Торби к себе, полковник отправил его на обследование к врачу. Не имело смысла говорить с мальчиком о зачислении, не узнав прежде, способен ли тот нести службу. Перед ленчем к Брисби явился майор Штейн в сопровождении капитана Кришнамурти.

— Итак?

— По состоянию здоровья мальчик годен, шкипер. А психолог пусть доложит свои соображения сам.

— Отлично. Кстати, сколько лет парню?

— Он сам не знает.

— Да, да, — нетерпеливо согласился Брисби. — Ну, а сами-то вы что думаете?

Доктор Штейн пожал плечами.

— А какова структура его генов? В каких условиях он рос? Не подвергался ли мутациям, влияющим на скорость развития организма? Какова сила тяжести на планете, где он жил? Метаболический индекс планеты? По внешнему виду ему можно дать и десять стандартных лет, и тридцать. Могу лишь произвольно прикинуть его возраст, исходя из предположения, что он не

подвергался существенным мутациям и жил в условиях, приближающихся к земным, и вынести ничем не подтвержденное заключение, что его возраст не меньше четырнадцати и не больше двадцати двух стандартных лет. Пока женщины не научатся рожать детей, на теле которых была бы укреплена табличка с их данными, точнее сказать невозможно.

— То есть можно предположить, что ему восемнадцать?

— Ну, в общем, да.

— Хорошо, напишите чуть поменьше этого — пусть будет рекрутирование несовершеннолетнего.

— На его коже имеется татуировка, — вмешался Кришнамурти. — Это может помочь нам. Метка раба.

— Час от часу не легче! — Брисби подумал о том, что донесение в корпус «Икс» все же придется отправить. — Датированная метка?

— Только вольная, по саргонезскому времяисчислению, что подтверждает его рассказ. Клеймо фабричное. Даты нет.

— Это плохо. Ну что ж, если медицинских противопоказаний нет, я могу поговорить с ним лично.

— Полковник?

— Да, Криш?

— Я бы не рекомендовал брать его на службу.

— Что? Мне казалось, он психически не менее здоров, чем вы сами.

— Вне всяких сомнений. Но тут есть немалый риск.

— В чем же дело?

— Сегодня утром я исследовал его под легким гипнозом. Скажите, полковник, у вас когда-нибудь была собака?

— Нет. На моей родной планете они не водятся.

— Очень полезные лабораторные животные, многие их характеристики аналогичны человеческим. Так вот, если вы возьмете щенка и станете бить, дразнить и унижать его, он превратится в злобного хищника. Возьмите его кровного брата, ласкайте его, разговаривайте с ним, кладите спать с собой, но тренируйте его — и получите довольное жизнью, послушное домашнее животное. Возьмите из того же выводка третьего щенка, ласкайте его по четным дням и лупите по нечетным. Он будет сбит с толку и не сможет существовать ни в той, ни в другой роли; он не сможет одичать, но так и не поймет, что

требуется от домашнего животного. Вскоре он перестанет есть и спать, потеряет контроль над собой; лишь будет дрожать и съеживаться.

— Хм... и часто вы, психологи, прибегаете к подобным экспериментам?

— Лично мне не доводилось. Но в литературе такие опыты описаны... и в случае с этим молодым человеком можно провести кое-какие параллели. В детстве, когда его личнось только формировалась, мальчику довелось перенести целый ряд травматических воздействий, последнее из которых случилось с ним лишь вчера. Он растерян и подавлен. Как собака, он готов в любой момент огрызнуться и укусить. Его ни в коем случае нельзя подвергать дальнейшим испытаниям; его нужно окружить заботой и доставить в клинику, где ему окажут психотерапевтическую помощь.

— Ф-фу!

Офицер-психолог пожал плечами. Брисби поспешил извиниться.

— Прошу прощения, доктор. При всем уважении к вашему профессионализму я осведомлен об этом случае гораздо больше вас. Два последних года мальчик находился в превосходных условиях, — Брисби вспомнилось трогательное

прощание, невольным свидетелем которого он был. — А до тех пор он жил на попечении полковника Ричарда Баслима. Слышали о таком?

— Я знаю, какой репутацией он пользовался.

— Я готов рискнуть своим кораблем и держать пари, что Баслим не мог испортить мальчика. Да, парню пришлось перенести тяжелые времена. Но его воспитал самый сильный, разумный и гуманный человек из всех, кто когда-либо носил нашу форму. Вы ставите на своих собак. Я — на полковника Ричарда Баслима. Итак... вы советуете мне зачислить его?

Психолог колебался. Брисби вновь спросил:

— Итак?

— Не волнуйся, Криш,— вмешался майор Штейн, — все равно ответственность на мне.

— Чтобы принять решение,— сказал Брисби,— мне нужен прямой ответ.

Доктор Кришнамурти медленно произнес:

— Мне кажется, я могу констатировать, что серьезных оснований для отказа в зачислении нет, но все же я должен изложить свое мнение в его медицинском свидетельстве.

— Зачем?

— Совершенно очевидно, что вы хотите зачислить мальчика. Но если он что-нибудь натворит,

моя запись поможет ему избежать трибунала, все ограничится лишь отставкой по состоянию здоровья. У него и так хватало неприятностей.

Полковник Брисби хлопнул его по плечу.

— Ну вот и хорошо, Криш! Джентльмены, на этом наше совещание закончено.

Торби провел беспокойную ночь. Боцман разместил его в помещении старших сержантов, и члены экипажа отнеслись к нему хорошо. Однако мальчика привела в замешательство та подчеркнутая вежливость, с которой окружающие отводили взгляд от яркой формы «Сизу». До сих пор он с гордостью ощущал, как ладно сидит на нем его форма; теперь же он с грустью понял, что всякая одежка годится на своем месте. Ночью, прислушиваясь к храпу, доносившемуся со всех сторон — чужие, фраки — он мечтал вернуться к Людям, которые его понимали и считали своим.

Ворочаясь на жесткой койке, он думал о том, кому достанется его место на «Сизу»?

Живет ли сейчас кто-нибудь в той каморке, которую он по-прежнему именовал «домом»? Починил ли новый жилец дверь, содержит ли комнаты в чистоте и порядке, как папа? И что он сделал с папиным протезом?

Засыпая, он видел перед собой и «Сизу», и папу,

и видения смешивались. Наконец, когда перед ним поплыли обезглавленная бабушка и летящий наперерез пират, папа прошептал: «Больше не будет плохих снов, Торби. Никогда. Только хорошие сны».

И только тогда он заснул спокойно — и проснулся в этом ужасном месте, наполненном болтовней фраки. Завтрак оказался сносным, но ему было далеко до стандартов тетки Афины; однако Торби не хотел есть.

После завтрака ему довелось в полной мере ощутить свое бедственное положение. Ему велели раздеться и подвергли унизительному осмотру. Впервые Торби увидел, что медики могут столь бесцеремонно обходиться с человеческим телом — а он терпеть не мог, когда его тыкают и щупают.

И когда командир послал за Торби, тот уже не испытывал радости от того, что увидится с человеком, который знал папу.

Именно в той каюте он прощался с отцом, и это помещение рождало у него неприятные воспоминания.

Он бесстрастно выслушал объяснения Брисби, чуть-чуть оживившись только после того, как понял, что ему будет присвоен статус — не очень

высокий, догадался он. Но тем не менее. У фраки тоже существовало это понятие, но ему не приходило в голову, что оно может иметь для них какое-нибудь значение.

— Тебя никто не принуждает,— заключил Брисби,— но это значительно облегчило бы выполнение воли Баслима — я имею в виду, найти твою семью. Тебе ведь тоже этого хочется, не так ли?

Торби едва не выпалил, что знает, где его Семья. Но он тут же сообразил, что имеет в виду Брисби: его кровных родственников, существования которых Торби даже не мог себе представить. Да и были ли у него кровные родственники?

— Полагаю, да,— медленно проговорил он. — Точно не знаю.

— М-м-м... — Брисби подумал о том, каково приходится картине, потерявшей свою раму. — Полковник Баслим очень настоятельно просил меня найти твою семью. Мне будет проще это сделать, если ты официально станешь членом моего экипажа. Ну? Гвардеец третьего класса... оклад тридцать кредитов в месяц, еды до отвала, а спать — сколько получится. И еще слава. В общем, не много.

Торби поднял глаза.

— Скажите, это та же Сем... — та же служба, где был мой папа? Полковник Баслим, вы его так называете? Он служил здесь?

— Да. Он занимал гораздо более высокий пост, чем я предлагаю тебе. Но служба — та же самая. Мне кажется, ты хотел сказать «семья». Мы считаем свою службу одной большой семьей. Полковник Баслим был одним из самых уважаемых ее членов.

— Тогда я хочу, чтобы меня приняли.

— Зачислили.

— Пусть будет «зачислили», мне все равно.

Глава 16

При более близком знакомстве фраки оказались неплохим народцем.

У них был свой тайный язык, хотя сами они полагали, что разговаривают на интерлингве. Прислушиваясь к их речи, Торби обогатил свой словарный запас несколькими сотнями существительных и парой десятков глаголов, после этого он лишь иногда спотыкался на идиомах. Он обнаружил, что окружающие с уважением относятся к тем световым годам, которые он намотал в космосе в бытность свою Торговцем. Впрочем, Людей тут считали несколько странными. Торби не спорил: фраки в этом не разбирались.

Поднявшись с Гекаты, «Гидра» отправилась к мирам Кольца. Перед самым стартом пришел денежный перевод, к которому суперкарго «Сизу» приложил бумагу, гласящую, что это — одна восемьдесят третья часть доходов звездолета, полученных по пути от Джаббулпорта до Гекаты. Словно он девушка, которую собираются выдать замуж, подумалось Торби. Сумма была велика до неприличия, но в бумаге Торби не нашел пункта, по которому из его доли вычитался процент за

использование основного капитала — стоимости самого корабля. Этот пункт, как ему казалось, должен быть здесь при правильном расчете, ведь он же не родился на этом корабле. Жизнь среди Людей научила нищего мальчишку смотреть на деньги с такой стороны, с какой он никогда не увидел бы их, собирая подаяние. В бухгалтерских книгах должен быть порядок, а долги надобно платить.

Он спросил себя, что бы сказал папа, увидев такую кучу денег. Торби почувствовал изрядное облегчение, узнав, что может сдать их на хранение казначею.

Вместе с деньгами прибыла записка с несколькими теплыми словами и пожеланием удачи, куда бы ни забросило Торби, подписанная «С любовью. Мать». От этих слов Торби сперва приободрился, но потом почувствовал себя еще хуже.

Фриц прислал пакет личных вещей Торби, вложив в него листок со словами: «Дорогой брат, о последних событиях толком никто ничего не знает, но на старом корабле царит напряженность. Не будь это невозможно, я бы сказал, что старшие члены Семьи разошлись во мнениях. Что же до меня, то я не составил себе никакого

мнения и хочу лишь сказать, что уже скучаю по твоей пустой болтовне и глупой морде. Не грусти и не забывай считать сдачу. Кстати, пьеса имела головокружительный успех. Лоан — просто прелесть. Фриц».

Прибывшие с «Сизу» пожитки Торби запихал подальше: теперь, когда он стал гвардейцем, они смущали его. Он выяснил, что гвардия не была замкнутым обществом вроде Людей и для того, чтобы стать гвардейцем, не требовалось никакого чуда: если человек соответствовал предъявляемым требованиям, никто не спрашивал его о том, откуда он прибыл и кем был раньше. «Гидра» набирала экипаж на многих планетах, для этой цели служили компьютеры бюро кадров. Торби видел вокруг себя высоких и маленьких, костлявых и толстых, лысых и волосатых, людей с признаками мутации и без таковых. Сам Торби был близок к норме, а то, что он из Вольных Торговцев, воспринималось окружающими как безобидная эксцентричность; это делало его чем-то вроде космонавта, хотя он и был всего только рекрутом.

В сущности, от остальных его отличало лишь то, что он был новобранцем. Может, на бумаге он и «гвардеец третьего класса», но все равно он

— салага и салагой останется, пока не покажет себя как следует, тем более что Торби не проходил даже начальной подготовки.

Однако его положение было ничуть не хуже, чем у любого новобранца в любом воинском подразделении, гордящемся своим *esprit de corps*[19]. Он получил койку, место за столом, служебные обязанности, и сержант говорил ему, что он должен делать. Торби мыл палубу, а во время тревоги, если отказывала связь, должен был исполнять роль вестового при офицере-оружейнике. Это значило, что его можно было заставить сгонять за чашкой кофе.

В целом его жизнь на корабле была относительно спокойной. Торби разрешалось участвовать в общем разговоре после того, как выскажутся старшие; когда за карточным столом не хватало партнеров, его приглашали поучаствовать в игре; он пользовался привилегией одалживать старшим носки и свитера, если у них возникала такая нужда. Торби уже умел быть младшим; это оказалось совсем нетрудно.

«Гидра» заступила на боевую вахту; разговоры в столовой крутились вокруг возможной «охо-

---

[19] notes: 19

esprit de corps — Дух подразделения, командный дух *(фр.).*

ты». Корабль мог развивать ускорение в триста единиц и вступал в бой с пиратами даже в тех случаях, когда «Сизу» постарался бы избежать встречи с рейдером. Хотя «Гидра» имела многочисленный экипаж и тяжелое вооружение, большую часть корабля занимали энергоустановки и топливные бункера.

Стол, за которым сидел Торби, возглавлял младший офицер, артиллерист второго класса Пибби по прозвищу «Децибел». Как-то раз во время обеда, когда все вокруг обсуждали, куда пойти после еды — в библиотеку или в кают-компанию на стереофильм, — Торби, погруженный в свои раздумья, услышал свое прозвище;

— Верно, Торговец?

Торби гордился своим прозвищем, но ему не нравилось, когда его произносил Пибби; тот самодовольно считал себя великим остряком и любил заботливо осведомиться: «Как дела?», сопровождая вопрос таким жестом, будто считает деньги. До сих пор Торби старался не обращать на него внимания.

— Что «верно»?

— Слушай, а не прочистить ли тебе уши? Или ты вообще не способен слышать ничего, кроме звона и хруста? Я рассказывал ребятам о нашей

беседе с офицером-оружейником: чтобы чаще ловить пиратов, нужно гоняться за ними, а не прикидываться Торговцем, слишком трусливым, чтобы сражаться, и слишком жирным, чтобы убегать.

Торби еле сдержал гнев.

— Кто сказал, будто Торговцы слишком трусливы, чтобы вступать в бой?

— Брось трепаться! Кто хоть раз слышал, чтобы Торговец уничтожил пирата?

В общем-то Пибби говорил правду: Торговцы предпочитали не распространяться о своих победах. Но Торби еще больше разозлился.

— Я, например.

Он хотел сказать, что слышал о том, как Торговцы взрывали пиратов; Пибби же воспринял его слова как похвальбу.

— Ты? Неужели? Послушайте, ребята, да наш коробейник, оказывается, герой! Он поджег пирата своими собственными маленькими ручонками! Ну, так расскажи нам. Ты подпалил его волосы? Или подсыпал ему в пиво цианистый калий?

— Я сбил его, — ответил Торби, — одноступенчатой самонаводящейся ракетой «Марк XIX» производства «Бетельхейм-Антареса» с двадцатимегатонной плутониевой боеголовкой. Я

произвел пуск при сближении чуть большем, чем дальность поражения парализующим лучом, и курсе нашего корабля, рассчитанном на встречу с противником.

Воцарилась тишина. Наконец Пибби холодно осведомился:

— Где ты об этом прочитал?

— На ленте, записанной во время боя. Тогда я был старшим стрелком правого борта. Компьютер левого борта вышел из строя, и я точно знаю, что пирата уничтожил мой выстрел.

— Так он офицер-артиллерист! Кончай трепаться, Торговец!

Торби пожал плечами.

— Я и был им. Точнее, офицером-стрелком. Собственно ракетами я не занимался.

— Скромничаешь, Торговец? Болтать легко.

— Тебе лучше знать, Децибел.

Услышав свою кличку, Пибби задохнулся от возмущения: Торби не имел права позволять себе такую фамильярность. Из угла послышался другой голос, весело заявивший:

— Это уж точно, Децибел, болтать легко. А расскажи-ка нам о схватках, в которых участвовал ты сам. Ну, давай!

Говоривший не имел звания; он служил в шта-

бе писарем и не боялся раздражения Пибби.

Пибби сверкнул глазами.

— Хватит болтать! — рявкнул он. — Баслим, я жду тебя в восемь ноль-ноль в боевой рубке. Там мы посмотрим, какой из тебя стрелок.

Торби вовсе не горел желанием испытывать свои силы: он ничего не знал о вооружении «Гидры». Однако приказ есть приказ, и в назначенное время он предстал перед ухмыляющимся Пибби.

Но ухмыляться тому пришлось недолго. Аппаратура «Гидры» не имела ничего общего с компьютерами «Сизу», но принципы стрельбы были теми же самыми, и старший сержант-оружейник (кибернетист) подтвердил, что бывший Торговец знает, как стрелять. Он постоянно искал таланты, а люди, способные рассчитывать траектории ракеты в сумасшедшей обстановке боя на субсветовых скоростях, встречаются среди гвардейцев так же редко, как и среди Торговцев.

Он расспросил Торби о компьютерах, на которых тот работал, и покачал головой.

— Дюссельдорфскую спаренную установку я видел только на схемах; используемые там принципы уже давно устарели. Но уж коли ты сумел поразить цель с помощью такого барахла, то мы найдем тебе применение, — сержант обернулся к

Пибби. — Спасибо, Децибел. Я сам сообщу офицеру-оружейнику. Баслим, ты остаешься здесь.

— У него есть работа, сержант, — возмутился Пибби.

Сержант Лютер лишь пожал плечами.

— Доложи начальству, что Баслим переведен ко мне.

Торби был поражен, услышав, как прекрасное оборудование «Сизу» называют барахлом. Но уже очень скоро он понял, что имел в виду Лютер: чудовищный боевой мозг «Гидры» был настоящим гением среди компьютеров. В одиночку Торби ни за что не управился бы с ним — вскоре его назначили артиллеристом третьего класса (кибернетистом), что в определенной степени избавляло его от придирок Пибби. Только теперь он начал чувствовать себя настоящим гвардейцем, пусть еще и самым молодым, но все же признанным членом команды.

«Гидра» шла на сверхсветовой скорости к пла-

нете *Ultima Thule*[20] системы Кольца, где она должна была заправиться и начать поиск пиратов. Никаких сведений о личности Торби пока не поступало, и он довольствовался своим статусом в команде, в которой служил и его отец. Торби было лестно думать о том, что Баслим мог бы гордиться им. Юноша скучал по «Сизу», однако на корабле, где не было женщин, жить было гораздо проще, и дисциплина на «Гидре» была не столь жесткой, как на Вольном Торговце.

Однако полковник Брисби не давал Торби забывать, с какой целью его зачислили в экипаж. Между командиром и новобранцами огромная дистанция, и те смели поднять на шкипера глаза лишь во время инспекции. Тем не менее Брисби регулярно посылал за Торби.

Брисби получил из корпуса «Икс» полномочия обсудить донесение Баслима с его связником, не забывая, впрочем, о высшей степени секретно-

---

[20] notes: 20

Ultima Thule (лат.) — Ультима Туле (т.е. Последний Туле, или Последняя Фула) как традиционно переводили это название раньше — последний предел обитаемого мира. Об острове с таким названием впервые поведал в IV веке до н.э. математик, астроном, географ, этнограф и великий путешественник античности Пифей из Массалии — древнегреческой колонии, располагавшейся на месте нынешнего французского Марселя. Разные ученые в различное время отождествляли Туле с Исландией, Фарерскими островами, островом Ян-Майен, различными районами Норвегии (особенно с Тронхейм-фиордом) и др.

сти. Полковник вновь вызвал Торби к себе.

Сперва юноше впервые довелось выслушать строжайшее предупреждение о необходимости сохранения тайны. Брисби внушал ему, что излишняя разговорчивость может повлечь за собой самое тяжелое наказание, какое только способен наложить трибунал.

— Однако главное не в этом. Мы должны быть уверены, что такой вопрос даже не возникнет. Иначе нам не о чем говорить.

Торби замялся.

— Откуда мне знать, что я должен держать рот на замке, если я даже не понимаю, о чем именно я должен молчать?

— Я ведь могу и приказать тебе, — раздраженно произнес Брисби.

— Да, сэр. И я отвечу: «Есть, сэр!» Но убедит ли это вас в том, что я не рискну предстать перед трибуналом?

— Но... Тьфу, черт! Я собираюсь говорить с тобой о работе полковника Баслима. Но ты должен молчать об этом в тряпочку, понял? Иначе я разорву тебя на кусочки вот этими руками! И ни одному сопляку я не позволю валять дурака, если речь идет о работе Старика!

Торби с облегчением перевел дух.

— Почему вы не сказали об этом сразу, шкипер? Я не позволю себе проронить ни слова, если речь идет о папе,— ведь это было первое, чему он меня научил.

— Вот как? — Брисби улыбнулся. — Впрочем, я мог догадаться сам. Ладно.

— Ну, а с вами-то, — задумчиво проговорил Торби, — можно об этом говорить?

Брисби растерялся.

— Я и не понимал, что это — палка о двух концах. Но это так. Я могу показать депешу из Корпуса, предписывающую мне обсудить с тобой донесение Баслима. Это тебя убедит?

Брисби с иронией подумал о том, что сейчас ему придется показывать депешу с грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» самому младшему члену своего экипажа — депешу, которая убедила бы новобранца в том, что капитан корабля имеет право с ним поговорить. Однако сейчас это казалось самым разумным. Только потом, поразмыслив, полковник понял, в какое попал положение.

Торби прочел депешу и кивнул.

— Готов ответить на любой ваш вопрос. Я думаю, папа согласился бы.

— Отлично. Ты знал о том, чем он занимался?

— Ну... и да, и нет. Кое-что я видел. Я знаю, чем именно он интересовался, потому что он заставлял меня наблюдать и запоминать. Я передавал его послания, и каждый раз они были совершенно секретны. Но я так и не понял почему, — Торби нахмурился. — Мне сказали, что он шпион.

— «Сотрудник разведывательной службы» звучит лучше.

Торби пожал плечами.

— Если он шпионил, он так бы это и назвал. Папа всегда и все называл своими именами.

— Да, он называл все своими именами, — согласился Брисби, вспоминая о тех сокрушительных головомойках, которые Баслим некогда задавал ему. — Давай-ка я объясню тебе. М-м-м... ты знаешь историю Земли?

— Самую малость.

— История Земли — это история человеческой расы в миниатюре. Задолго до начала космической эры, когда мы еще не заполонили планету, всегда существовали неосвоенные территории. Каждый раз, когда открывали новые земли, действовали три тенденции: впереди шли торговцы, желавшие попытать счастья, за ними бандиты, нападавшие на честных людей, а потом шел поток рабов. То же самое происходит и сегодня,

когда мы прорываемся сквозь космос вместо того, чтобы осваивать океаны и прерии. Приграничные торговцы — это искатели приключений, идущие на большой риск ради больших прибылей. Преступники — будь то грабители с большой дороги, морские пираты или космические рейдеры — появляются всюду, где нет полиции. И те, и другие — временное явление. Работорговля — совсем другое дело. Это самая ужасная из привычек человечества, и с ней труднее всего покончить. На каждой новой территории она воссоздается вновь, и корни ее вырвать очень нелегко. Стоит лишь какой-либо культуре заболеть этим недугом, и работорговля утверждается в экономической системе, в законах, в повседневных привычках и отношениях людей. Ее запрещают, пытаются подорвать ее устои, но она, словно сорняк, готова вновь прорасти в мышлении людей, считающих рабовладение своим «естественным» правом. Спорить с ними бесполезно: таких людей можно лишь убить, но изменить их натуру невозможно.

Брисби вздохнул.

— Видишь ли, Торби, гвардия — это лишь полицейская и почтовая служба; уже два столетия Галактика не знает крупных войн. В наши обязан-

ности входит невыполнимая по своей сути задача поддержания порядка на окраинах цивилизованного мира, на границе сферы протяженностью по экватору около трех тысяч световых лет — никто даже представить не может себе, как велико это пространство. Человечество не в силах обеспечить его охрану. И протяженность этой границы растет с каждым годом. Полиция планет порой добивается успехов, но что касается нас, то чем дальше, тем больше проблем. Для большинства из нас это работа, благородная работа, но конца ей не видно.

Однако для полковника Ричарда Баслима это было страстью. Особенно он ненавидел торговлю людьми, сама мысль о которой приводила его в ярость — я сам тому свидетель. Он потерял ногу и глаз — я думаю, ты знаешь об этом, — спасая людей, захваченных кораблем работорговца. Многие офицеры сочли бы свой долг исполненным и отправились домой на заслуженный отдых. Но только не наш старый служака! Несколько лет он преподавал в Академии, затем попросился в тот единственный корпус, который мог принять его, как бы сильно он ни был изувечен, и предложил свой план.

Девять Миров — это становой хребет работор-

говли. Сар-гон колонизирован достаточно давно, и после того, как получил самостоятельность, не признает Гегемонию. В Девяти Мирах не соблюдаются права человека, да они и не собираются их соблюдать. Так что нам путь туда заказан, а они не могут посещать наши миры.

Полковник Баслим решил, что мы сумеем сделать торговлю людьми невыгодной, если узнаем, каков ее механизм на Саргоне. Он понимал, что работорговцы должны иметь суда, базы, рынки сбыта и что это не какое-то извращение, а вполне легальный бизнес. И он решил отправиться туда изучать его на месте.

Это была абсурдная затея — один человек против целой империи... однако корпус «Икс» как раз такими задачами и занимается. Но даже они не могли бы послать туда Баслима, если бы он не предложил способа переправлять с Саргона свои донесения. Агент, находящийся в Девяти Мирах, лишен возможности передвижения, не может воспользоваться и почтовой связью, поскольку между нами и ними нет почтовых путей, и уж, конечно, абсолютно невозможно связываться через п-космос. Это было бы еще заметнее, чем духовой оркестр.

Но у Баслима была идея. Единственные, кто

посещает и нас, и Девять Миров, — это Вольные Торговцы. Однако они бегут от политики как от огня — полагаю, ты знаешь об этом не хуже меня — и всеми силами стараются не нарушать местных обычаев. Но у Баслима с ними установились особые отношения.

Я думаю, ты знаешь, что те люди, которых он спас, были именно Торговцами. Баслим сообщил в корпус «Икс», что имеет возможность передавать донесения через своих друзей. И ему разрешили попробовать. По-моему, никто даже не догадывался, что он захочет избрать для прикрытия личину нищего; сомневаюсь, чтобы он планировал такое заранее, но Старик был великим импровизатором. Как бы то ни было, он обосновался на Саргоне, годами вел наблюдение и слал свои сообщения.

Это все, что было известно до сих пор, и я хотел бы выжать из тебя все, что знаешь ты. Ты можешь рассказать нам о методах его работы. В его сообщении, которое я переслал, нет ни слова о методах. Другие агенты могли бы использовать его опыт.

— Я расскажу вам все, что знаю, — грустно ответил Торби. — Но мне известно немногое.

— Ты знаешь больше, чем думаешь. Попро-

буем вытащить содержимое твоей памяти под гипнозом.

— Все, что угодно, если это поможет делу отца.

— Поможет. И вот еще что... — Брисби пересек кабинет и вернулся, держа в руках лист бумаги, на котором был изображен силуэт звездолета. — Что это за корабль?

Торби вытаращил глаза.

— Саргонезский крейсер.

Брисби схватил другой листок.

— А это?

— Хм... похож на работорговца, который садился в Джаббулпорте дважды в год.

— Ничего подобного! — яростно воскликнул Брисби. — Это картинки из наших архивов, тут изображены корабли, построенные нашей крупнейшей верфью! И если ты их видел в Джаббулпорте, то эти корабли — копии, либо куплены у нас!

Торби задумался.

— Они сами строят свои корабли.

— Да, мне так и говорили. Но полковник Баслим передавал нам серийные номера судов — одному Богу известно, как он добывал эти сведения; может быть, ты догадаешься. Он утверждает, что работорговцы получают поддержку из наших

миров! — с невыразимым отвращением произнес Брисби.

Торби регулярно посещал рубку — иногда для того, чтобы встретиться с Брисби, порой — чтобы подвергнуться расспросам под гипнозом, проводимым доктором Кришнамурти. Брисби каждый раз напоминал, что идентификационный поиск продолжается, и внушал мальчику, что тот не должен падать духом: установление личности может занять много времени. Постоянные напоминания изменили отношение Торби к поиску. Раньше он считал его чем-то бесполезным, теперь же думал о нем как о вполне реальном деле, могущем уже очень скоро принести ощутимые результаты. Торби даже начал задумываться о своей семье, гадал, кем был он сам — как было бы здорово узнать это, стать таким же, как все прочие люди.

Брисби был гораздо менее оптимистичен: в день старта с Гекаты он получил инструкцию не допускать Торби к работе на жизненно важных участках. Полковник надеялся, что поиск сразу даст положительный результат, и держал это известие при себе, так как был непоколебимо уверен, что Баслим никогда не ошибается и вскоре все прояснится.

Когда Торби перевели в боевую рубку, Брисби вспомнил о предписании и забеспокоился — то был «секретный» отсек, закрытый для посетителей. Полковник успокоил себя мыслью, что непосвященный не сможет увидеть там ничего, что могло бы повлиять на безопасность судна, и, кроме того, парень имел отношение к куда более щекотливым делам. Брисби понимал, что ему удалось узнать очень важные вещи — например, о том, как Старик использовал в целях конспирации личину одноногого попрошайки, причем и взаправду вел жизнь нищего: он и мальчик жили только на подаяния. Брисби восхищался его способностью к перевоплощению: это была прекрасная школа для других агентов.

Однако Старик всегда был неподражаем.

Поэтому Брисби допустил Торби к боевым вахтам. Он не стал официально оформлять перевод, чтобы не пришлось докладывать об этом в бюро кадров. И с нетерпением ждал сообщения о личности мальчика.

Когда оно прибыло, Брисби совещался с заместителем. Документ был зашифрован, однако Брисби тут же разглядел номер, присвоенный Торби: он сам много раз писал его, отправляя депеши в корпус «Икс».

— Смотри-ка, Стинки! Здесь говорится о том, кто такой наш найденыш. Подай-ка машинку: сейф открыт.

Через десять минут сообщение было расшифровано. Текст гласил:

ПОЛНЫЙ ИДЕНТПОИСК ТОРБИ БАСЛИМ ГВРД-3 РЕЗУЛЬТАТ НУЛЕВОЙ РАЗРЕШАЕМ И ПРИКАЗЫВАЕМ СНЯТИЕ БОРТА ЛЮБОМ ПУНКТЕ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ПЕРЕДАЧЕЙ ГЕКАТУ ЦЕЛЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ ШЕФ ОТДЕЛА БЕЗОПАСНОСТИ

— Стинки, что за ерунда?

Стэнк пожал плечами.

— Так уж легли кости, босс.

— У меня такое ощущение, будто я обманул Старика. Он был уверен, что у мальчишки есть гражданство.

— Не сомневаюсь, что многие миллионы граждан попали бы в суровое положение, пытаясь подтвердить свою личность. Возможно, полковник Баслим был прав, но сейчас это невозможно доказать.

— У меня и в мыслях нет передавать куда-то парня. Я чувствую себя ответственным за него.

— Вы ни в чем не виноваты.

— Ты никогда не служил с Баслимом. С ним было легко... Единственным его требованием была стопроцентная надежность. И мне кажется, что я не оправдал его надежд.

— Не стоит упрекать себя. Вы должны подчиниться предписанию.

— Тогда можно сразу с этим и покончить! Эдди! Пригласи ко мне стрелка Баслима!

Торби заметил, что шкипер мрачен — но он нередко бывал не в духе.

— Стрелок третьего класса Баслим по вашему приказанию прибыл!

— Торби...

— Да, сэр?

Торби удивился: до сих пор шкипер называл его по имени только во время сеансов гипноза.

— Пришло сообщение о результатах поиска.

— Как? — от неожиданности Торби забыл о правилах обращения к старшему по званию. Он ощутил прилив радости: наконец-то он узнает, кто он такой!

— Они не смогли идентифицировать тебя, — Брисби помолчал и отрывисто спросил: — Понимаешь?

Торби сглотнул застрявший в горле комок.

— Да, сэр. Они не знают, кто я такой. Я... никто.

— Ничего подобного! Ты остался тем, кем был.

— Да, сэр. Это все? Я могу идти?

— Минутку. Я должен передать тебя обратно на Гекату, — и, увидев выражение лица юноши, торопливо добавил: — Но ты не беспокойся. Скорее всего, они позволят тебе продолжить службу, если ты изъявишь желание. В конце концов, они ничего не имеют против тебя: ты не сделал ничего плохого.

— Да, сэр, — удрученно проговорил Торби.

Никто и ничто... Торби ослепило внезапное видение старого-старого кошмара: он стоит на платформе, слыша, как аукционист во весь голос расписывает его, и видя устремленные на него холодные глаза. Но он взял себя в руки и до конца дня держался совершенно спокойно. И лишь в темном кубрике он вцепился зубами в подушку и прошептал, глотая слезы: «Папа... Ох, папа!»

Форменные брюки прикрывали его ноги, но в душевой Торби никак не мог скрыть татуировку на левом бедре. Он, нимало не смущаясь, объяснял любопытствующим, что она означает. Реакция людей сменялась от любопытства, легкого недоверия до удивления тем, что на корабле имеется человек, прошедший через такие испытания — пленение, торги, рабство — и неве-

роятным, чудесным образом вновь обретший свободу. Большинство гражданских даже не подозревали, что рабство до сих пор существует; гвардейцы кое-что знали об этом.

Татуировка никого не шокировала.

На следующий день после поступления сообщения о нулевом результате поиска Торби столкнулся в душе с Децибелом. Мальчик не проронил ни слова: он сторонился Пибби, хотя они и сидели за одним столом. Но сейчас Пибби сам заговорил с Торби.

— Привет, Торговец!

— Здравствуй, — ответил Торби, откручивая кран.

— Что у тебя на ноге? Грязь?

— Где?

— На бедре. Стой спокойно. Дай я посмотрю.

— Убери свои лапы.

— Не будь таким неженкой. Повернись к свету. Что это такое?

— Метка раба, — вежливо пояснил Торби.

— Правда? Так ты раб?

— Был им.

— Тебя держали в кандалах? Может быть, ты даже целовал хозяйскую ногу?

— Отстань!

— Вы только послушайте его! Знаешь что, мальчик-Торговец? Я думаю, ты сам нарисовал эту печать, чтобы все об этом говорили. Так же, как о том, что ты спалил пиратский корабль.

Торби прикрыл кран и вышел.

За обедом, черпая из миски картофельное пюре, он слышал голос Пибби, но, как всегда, пропускал мимо ушей его бесконечную болтовню. А Децибел все не унимался:

— Эй, Раб! Передай мне картошку! Не делай вид, будто не слышишь! Прочисти уши!

Торби передал миску с картошкой по самой короткой траектории, и ее содержимое вошло в прямой контакт с физиономией Децибела.

Выдвинутое против Торби обвинение гласило: «Оскорбление старшего по званию во время рейса на корабле, находящемся в состоянии боевой готовности». Пибби выступил и свидетелем, и пострадавшим.

Полковник Брисби сидел, вперив взор в крышку стола, и на его скулах ходили желваки. Он выслушал заявление Пибби:

— Я просил его передать пюре... а он залепил мне его прямо в лицо.

— И все?

— Ну, сэр... может быть, я обратился к нему не

очень вежливо. Но это же не причина...

— Делать выводы я буду сам. Драка имела продолжение?

— Нет, сэр. Нас разняли.

— Отлично. Баслим, хотите что-нибудь добавить?

— Нет, сэр.

— Все было именно так?

— Да, сэр.

Брисби продолжал играть желваками и молча размышлял. Он был полон гнева — чувства, которого не мог себе позволить, находясь при исполнении служебных обязанностей, — он чувствовал, что его обманули. Нет, тут что-то не так.

Он решил повременить с принятием решения.

— Отойдите назад. Полковник Стэнк...

— Да, сэр?

— Там были и другие. Я хотел бы выслушать и их тоже.

— Они ждут вызова, сэр.

— Очень хорошо.

Торби был приговорен к трем дням карцера на хлебе и воде с отсрочкой исполнения на тридцать суток и разжалованию.

Против Пибби было выдвинуто обвинение в «подстрекательстве к бунту с использованием

оскорбительных выражений, относящихся к расе, месту рождения другого гвардейца и прочим обстоятельствам, предшествовавшим вступлению его в должность на борту корабля, находящегося...» — и так далее. Приговор гласил: «три дня карцера на хлебе и воде, с отсрочкой на девяносто дней, понижение в звании на одну ступень».

Брисби в сопровождении помощника вернулся в свой кабинет. Лицо полковника было хмуро: разбирательство вывело его из себя. Стэнк сказал:

— Хуже всего, что ты наказал мальчишку Баслима. Мне кажется, он был прав.

— Согласен. Однако «подстрекательство» не оправдывает самого бунта.

— Разумеется. Но мне не нравится этот тип Пибби. Надо бы выяснить, соответствует ли он занимаемому посту.

— Ну что ж, займись этим. Но, черт побери, мне кажется, что я и сам замешан в этом деле.

— Как это?

— Два дня назад мне пришлось рассказать Баслиму о том, что его не смогли идентифицировать. Он вышел отсюда в шоке. Надо было послушаться психолога. Парень перенес тяжелые испытания и теперь не способен верно реагировать на соответ-

ствующие — я хотел сказать, несоответствующие — раздражители. И я рад, что дело ограничилось пюре и не дошло до поножовщины.

— Ну, босс! Едва ли можно убить миской картошки!

— Тебя не было здесь в тот момент, когда я сообщил мальчику о неудаче поиска. Торби решил, что теперь он никто. Эта мысль очень больно ранила его.

На пухлое лицо Стэнка легла тень задумчивости.

— Босс, сколько лет было мальчику, когда его захватили в плен?

— Криш считает, около четырех.

— Скажите, шкипер, вот вы сами родились в сельской дыре, в каком возрасте у вас взяли отпечатки пальцев, определили группу крови, сфотографировали глазное дно и так далее?

— Как только я пошел в школу.

— У меня тоже. И готов спорить, на большинстве планет эти данные снимаются не раньше.

Брисби моргнул.

— Так вот почему у них нет ничего о Баслиме!

— Возможно. А вот на Рифе ребенка идентифицируют сразу после рождения.

— И у нас тоже. Но...

— Да, да, это общее правило. Но как?

Брисби побледнел и грохнул кулаком по столу.

— Отпечатки ступней! А мы их не выслали, — и рявкнул в микрофон: — Эдди! Баслима ко мне, немедленно!

Торби с мрачной миной на лице спарывал шеврон, который он с таким удовольствием носил, увы, так недолго. Неожиданный приказ перепугал его чуть ли не до полусмерти. Но он поспешил исполнить его.

Брисби бросил на него короткий взгляд.

— Баслим, снять обувь!

— Сэр?

— Снять обувь!

Через сорок восемь часов из бюро кадров поступил ответ на депешу Брисби, дополненную отпечатками ступней. «Гидра» получила его во время завершающего этапа пути к Ultima Thule. Полковник расшифровал сообщение лишь после того, как корабль благополучно опустился на поверхность планеты.

Он прочел:

ГВАРДЕЕЦ
ТОРБИ БАСЛИМ ИДЕНТИФИЦИРОВАН КАК
ПРОПАВШИЙ

ТОР БРЕДЛИ РАДБЕК ТЕРРА НЕ ГЕКАТА ПЕРЕСЛАТЬ РАДБЕКА САМЫМ БЫСТРЫМ ПОЧТОВЫМ ИЛИ КОММЕРЧЕСКИМ ТЕРРУ УВОЛЬНЕНИЕ ПРИБЫТИИ БЛИЖАЙШИЕ РОДСТВЕННИКИ
УВЕДОМЛЕНЫ ПОВТОРЯЮ БЫСТРЕЙШИМ ШЕФ ОТДЕЛА БЕЗОПАСНОСТИ

Брисби прищелкнул языком.

— Полковник Баслим никогда не ошибался — мертвый или живой.

— Босс...

— Да?

— Прочитайте еще раз. Обратите внимание на то, кто он.

Брисби перечитал сообщение и сдавленным голосом произнес:

— Ну почему такие истории случаются именно с «Гидрой»? — и крикнул, распахнув дверь:

— Эдди!

Торби пробыл на прекрасной *Ultima Thule* всего лишь два часа двадцать семь минут. Пройдя в космосе триста световых лет, из всех ее прелестных пейзажей он увидел лишь кусок летного поля между «Гидрой» и почтовым курьером гвардии «Ариэль». Через три недели Торби прибыл на Терру. Голова его шла кругом.

Глава 17

Прекрасная Терра, матерь миров! Какой поэт, посчастливилось или нет ему посетить Землю, не пытался передать тоску человечества по своей колыбели... ее прохладные холмы, гряды облаков, волнующиеся океаны, ее чарующее материнское тепло.

Торби впервые увидел легендарную Терру на экране почтового курьера «Ариэль». Капитан гвардии Н'Ганги прибавил резкость и показал юноше остроконечные тени египетских пирамид. Торби не знал об их историческом значении и уставился в другое место на экране. Однако ему понравилось смотреть на планету из космоса: он впервые удостоился такой привилегии.

На «Ариэле» было довольно скучно. Почтовый корабль — одни лишь двигатели и крошечный груз — управлялся тремя инженерами и тремя астрогаторами; они либо несли вахту, либо спали. Поначалу к Торби отнеслись с прохладцей — капитан Н'Ганги был раздосадован указанием «подождать пассажира» с «Гидры». Почтовое судно должно идти без задержек, никого не беря на борт.

Но Торби вел себя прилично, разносил еду с камбуза и проводил все свободное время в библиотеке (представлявшей собой ящик под койкой шкипера), и к тому времени, когда корабль вошел в Солнечную систему, раздражение капитана улетучилось... Но, когда он получил приказ садиться на поле «Галактических Предприятий», вместо того чтобы идти на базу гвардии, Н'Ганги вновь впал в ярость. Вручая Торби свидетельство об отставке и чек от казначея, капитан с видимым облегчением пожал юноше руку.

Выглянув наружу, Торби вместо веревочного трапа (подъемников на почтовых кораблях не бывает) увидел поданное к борту подъемное устройство. Его платформа остановилась у комингса, и мальчику оставалось лишь ступить на нее. Внизу его поджидал мужчина в форме «Галактических Предприятий».

— Мистер Радбек?

— Да, полагаю, это я.

— Прошу сюда, мистер Радбек.

Они спустились на лифте под землю в прекрасно отделанный зал. Торби, все эти недели не имевший возможности толком помыться в тесной стальной коробке, почувствовал себя неуютно. Он робко огляделся.

Его встречали восемь или десять человек, ближе всех стояли седовласый самоуверенный мужчина и молодая женщина. Одежда каждого из них стоила поболее годового жалованья гвардейца. На костюм мужчины Торби не обратил особого внимания, но наметанный глаз Торговца оценил платье женщины: чтобы выглядеть так, одновременно и скромно, и вызывающе, надо платить большие деньги.

С точки зрения Торби, впечатление несколько портила ее высокая прическа — величественное сооружение зеленого, переходящего в золотой, цвета. Торби только моргнул, рассмотрев покрой ее одежды: ему доводилось видеть богатых дам Джаббулпорта, в жарком климате которого одежда служила лишь украшением, но, по-видимому, здесь иначе относились к проблеме — какие участки тела оставлять голыми. Торби с тоской подумал о том, что ему вновь придется привыкать к новым обычаям.

Важный мужчина встретил его при выходе из лифта.

— Тор! Добро пожаловать домой, мой мальчик! — он схватил Торби за руку. — Я Джон Уимсби. Сколько раз, бывало, я качал тебя на коленях! Зови меня дядя Джек. А это твоя кузина Леда.

Девушка с зелеными волосами положила руки на плечи Торби и поцеловала его. Он опешил от неожиданности, не зная, как ему поступить в ответ.

— Как хорошо, что ты вернулся домой, Тор!

— Э-э... спасибо.

— А теперь поздоровайся с бабкой и дедом, — воскликнул Уимсби. — Профессор Бредли... и твоя бабушка Бредли.

Бредли был старше Уимсби: с аккуратно подстриженной бородкой, сухощавый и стройный, несмотря на легонько выпирающее брюшко. Как и Уимсби, он был при параде: пиджак, короткая накидка, впрочем, не столь изысканного покроя. У женщины было доброе лицо и живые голубые глаза; ее одежда не имела ничего общего с платьем Леды, но шла ей. Она чмокнула Торби в щеку и тихо произнесла:

— Это все равно, что возвращение сына.

Ее супруг с жаром встряхнул руку юноши.

— Не правда ли, это чудо, сынок? Ты выглядишь точь-в-точь так же, как наш мальчик — твой отец. Верно, дорогая?

— Так и есть!

Завязалась общая беседа, и Торби с трудом заставлял себя держаться непринужденно; он был

смущен и сбит с толку.

Очутиться среди этих чужих людей, его кровных родственников, оказалось труднее, чем быть усыновленным Семьей «Сизу». Неужели эти старики и впрямь его бабушка и дедушка? В глубине души Торби никак не мог поверить в это, хотя умом и понимал, что это действительно так.

Торби с облегчением вздохнул, когда мужчина — кажется, Уимсби? — назвавший себя его дядей Джеком, вежливо, но твердо сказал:

— Пора отправляться. Готов поспорить, мальчик устал. Я отвезу его домой.

Мистер и миссис Бредли пробормотали, что они согласны, и вся компания двинулась к выходу. Остальные присутствующие, все — мужчины, которых юноше не представили, потянулись следом. В проходе их подхватила движущаяся дорожка, которая набирала скорость до тех пор, пока не замелькали стены. По мере приближения к выходу скорость уменьшалась — они проехали несколько миль, прикинул Торби — и наконец дорожка остановилась.

На выходе было полно людей; потолок виднелся высоко над головой, а стен не было видно за толпой народа. Торби уловил запах, присущий любой транспортной станции. Сопровождавшие

их молчаливые мужчины блокировали толпу, и они двинулись по прямой, не обращая внимания на окружающих. Несколько человек попытались прорваться сквозь оцепление, и одному мужчине это удалось. Он сунул под нос Торби микрофон и быстро заговорил:

— Мистер Радбек, что вы думаете о...

Охрана быстро оттеснила его от Торби. Мистер Уимсби поспешно произнес:

— Потом, потом. Позвоните мне в контору, и я все вам расскажу.

Со всех сторон (впрочем, издалека) на них были нацелены объективы. Они нырнули в другой проход, и за их спинами тут же сомкнулись створки ворот. Очередная дорожка доставила их к скоростному лифту, на котором они поднялись наверх и вышли к небольшому закрытому аэропорту. Их уже ожидал аппарат, и у его борта еще один, поменьше,— два узких, гладких, приплюснутых эллипсоида. Уимсби остановился.

— Все хорошо? — спросил он у миссис Бредли.

— О да, разумеется! — ответил профессор Бредли.

— Вам понравился этот аэрокар?

— Конечно. Отличный полет, и обратный, я думаю, будет не хуже.

— Тогда нам пора прощаться. Я позвоню вам, когда он наконец придет в себя и осмотрится. Договорились?

— Да, да, еще бы! Мы будем ждать, — бабушка чмокнула юношу в щеку, а дедушка хлопнул по плечу. Затем Торби, сопровождаемый Уимсби и Ледой, вошел в большой аэрокар. Шкипер приветствовал Уимсби и отдал честь Торби. Тот кое-как сумел ответить.

Мистер Уимсби остановился в центральном проходе.

— Почему бы вам, дети, не пойти вперед и не насладиться полетом? Мне нужно позвонить в несколько мест по делам.

— Разумеется, папочка.

— Ты извинишь меня, Тор? Дела не ждут, и дяде Джеку пора возвращаться в свои авгиевы конюшни.

— Конечно... дядя Джек.

Леда провела его вперед, и они заняли места в прозрачной сферической кабине. Аэрокар поднимался вертикально вверх, пока не набрал высоту в несколько тысяч футов. Сделав круг над пустынной равниной, он направился на север, к горам.

— Тебе удобно? — спросила Леда.

— Еще бы. Только я потный и грязный...

— В конце салона есть душ, но скоро мы будем дома. Давай уж лучше насладимся полетом, как говорит папочка.

— Хорошо, — Торби не хотелось прерывать знакомство со сказочной Террой. Она выглядит совсем как Геката, решил он. Нет, скорее похожа на Вуламурру — вот только прежде ему не доводилось видеть столько разных построек. И горы...

— Что это за белая штука? Мел?

Леда выглянула наружу.

— Да это же снег! Горы Сангре де Кристос[21].

— Снег, — повторил Торби. — Замерзшая вода.

— Ты что, не видал снега?

— Я слышал о нем. Но он не такой, каким я его себе представлял.

— Это в самом деле замерзшая вода, но не совсем: снег более мягкий, — Леда вспомнила предупреждение отца: она ничему не должна удивляться.

— Я научу тебя кататься на лыжах, — сказала она.

Позади осталось много миль, и прошло несколько минут, пока Леда объясняла, что такое лыжи

---

[21] notes: 21

...горы Сангре де Кристос... — В переводе с испанского, горы Крови Христовой. Находятся на юге штата Колорадо и севере штата Нью-Мексико и являются частью массива Скалистых гор.

и зачем люди пользуются ими. Торби подумал: этой штукой можно заняться позже, но лучше не надо. Леда сказала, что сломанная нога — самое худшее, что ему грозит. Так ли это смешно? К тому же она объяснила, какой холодный этот самый снег. В сознании Торби холод был связан с голодом, побоями и страхом.

— Может быть, я научусь, — с сомнением в голосе заявил он. — Но скорее всего, у меня не получится.

— Конечно, ты научишься! — Леда сменила тему разговора: — Прости мое любопытство, но твоя речь с небольшим акцентом.

— Я даже не знал, что говорю с акцентом...

— Я не хотела тебя обидеть.

— И не обидела. Полагаю, я подцепил его в Джаббулпор-те. Там я жил дольше всего.

— Джаббулпорт... Дай вспомнить... это...

— Столица Девяти Миров.

— Ах, да! Одна из наших колоний, верно?

Торби представил себе, как такое предположение было бы воспринято Саргоном.

— Не совсем так. Сейчас это суверенная империя, и по традиции они считают, что так было всегда. Они не признают себя выходцами с Терры.

— Какая странная точка зрения!

Стюард принес напитки и легкие закуски. Тор взял запотевший бокал и осторожно отхлебнул. Леда продолжала:

— Чем ты там занимался? Ходил в школу?

Торби припомнил уроки папы, но тут же понял, что Леда имеет в виду нечто другое.

— Я нищенствовал.

— Как?

— Я был нищим.

— Извини?

— Попрошайка. Дипломированный нищий. Человек, который просит милостыню.

— Да, я тебя поняла, — ответила она. — Я знаю, что такое нищий: я читала книги. Но, Тор, извини меня, я всего лишь домашняя девочка. Я немножко удивилась.

Она была отнюдь не «домашней девочкой», а умной женщиной, прекрасно соответствующей своему окружению. С тех пор, как умерла ее мать, Леда вела хозяйство в доме отца, умела беседовать с людьми, прибывшими из разных миров, поддерживать за обеденным столом светскую болтовню на трех языках. Леда умела ездить верхом, танцевать, петь, плавать, кататься на лыжах, вести хозяйство, считать, хотя и с трудом,

читала и писала, если возникала крайняя необходимость, и вполне разумно вела беседу. Она была интеллигентной, красивой, доброжелательной женщиной, чем-то вроде профессиональной охотницы за черепами, в культурном, разумеется, смысле, способной, умелой и приспособленной к своей роли.

Однако этот странный пропавший и вновь нашедшийся кузен оказался для нее диковинкой. Помедлив, она задумчиво произнесла:

— Прости мое невежество, но на Земле нет ничего подобного. Меня поразили твои слова. Наверно, это было ужасно?

Торби вспомнил, как он, бывало, сидел в позе лотоса на площади, пристроившись рядом с папой и ведя с ним беседу.

— Это было счастливейшее время в моей жизни,— просто ответил он.

— О! — Это было все, что она могла сказать в ответ.

Однако папочка оставил их наедине для того, чтобы она получила возможность заняться делом. Расспрашивая человека о нем самом, всегда можно рассчитывать на успех.

— Как все это начиналось, Тор? Я даже представления не имею, как такое происходит.

— Меня научили. Видишь ли, меня продали с торгов, и... — Торби подумал, как бы объяснить ей, кем был для него папа, и решил повременить с этим. — В общем, меня купил старый нищий. И обучал.

— Купил?

— Я был рабом.

Леда почувствовала себя так, будто нечаянно окунулась с головой в воду. Скажи Торби, что он был вурдалаком, каннибалом или колдуном, она была бы потрясена меньше. У нее наступило нечто вроде мысленного удушья.

— Тор, прости меня, если я была невежлива, но мы все хотим знать, как ты жил все это время. Господи, ведь прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как ты пропал! Но если ты не хочешь об этом говорить, так и скажи. Ты был чудесным ребенком, и я так любила тебя — только, пожалуйста, не лупи меня, если я спрошу что-нибудь не то.

— Ты не веришь мне?

— А что мне остается делать? На Земле уже много столетий нет рабства.

Торби пожалел о том, что покинул «Гидру», но тут же отбросил эту мысль прочь. Служа в гвардии, он понял, что очень многие фраки во Внутренних Мирах не имеют никакого понятия

о рабстве.

— Ты знала меня маленьким?

— О да!

— Как же получилось, что я не помню тебя? Впрочем, я не помню ничего из тех времен, когда я еще не был... Я даже Терру не помню.

Леда улыбнулась.

— Я на три года тебя старше. Когда я видела тебя в последний раз, мне было шесть, и я все хорошо помню. Тебе было три года, поэтому ты забыл.

— Да, — Торби пришло на ум, что у него появилась возможность узнать свой возраст. — А сколько тебе сейчас?

Леда криво улыбнулась.

— Сейчас мне столько же лет, сколько и тебе, и так будет до тех пор, пока я не выйду замуж. Так и быть, если ты задашь неправильный вопрос, я тоже не стану обижаться. На Земле не принято расспрашивать женщину о ее возрасте; ты всегда должен делать вид, будто считаешь ее моложе, чем она есть.

— Вот как? — Торби задумался над столь забавным обычаем. Среди Людей женщины старались прибавить себе лет, поскольку это повышало их статус.

— Да, так. Например, твоя мать была чудесной

женщиной, и я не знала ее возраста. Когда нас познакомили, ей можно было дать двадцать пять лет, а может быть, и сорок.

— Ты была знакома с моими родителями?

— О да! Дядюшка Крейтон был очаровательным мужчиной с грохочущим голосом. Он постоянно совал в мою маленькую ручку кипу долларов, чтобы я могла накупить себе конфет и воздушных шариков, — Леда нахмурилась. — Но я не могу вспомнить его лица. Глупо, правда? Впрочем, не обращай внимания, Тор. Ты можешь рассказывать мне все, что угодно. Буду рада услышать все, о чем ты не захочешь умолчать.

— Мне нечего скрывать, — ответил Торби. — Но, хотя меня, видимо, похитили, я этого совсем не помню. Я совсем не помню родителей, будто у меня их совсем не было. Я был рабом, сменил несколько планет и многих хозяев, а потом попал в Джаббулпорт. Там меня продали вновь, и это оказалось самым счастливым событием в моей жизни.

Светская улыбка сползла с лица Леды. Она без всякого выражения проговорила:

— Ты это вправду? Или разыгрываешь меня?

Торби охватило чувство, с древности знакомое всем путешественникам, возвращающимся из

странствий.

— Если ты думаешь, что с рабством покончено... Видишь ли, Галактика чрезвычайно обширна. Я могу закатать штанину и показать тебе...

— Что показать?

— Татуировку раба. Клеймо, которое ставит работорговец на свой товар, — Торби обнажил левую ногу. — Видишь? Вот дата моего освобождения — это на саргонезском, что-то вроде санскрита, я не думаю, что ты сможешь прочесть.

Леда смотрела округлившимися глазами.

— Какой кошмар! Просто ужас!

Торби опустил штанину.

— Все зависит от хозяина. Но, в любом случае, ничего хорошего.

— Но почему никто с этим не борется?

Он пожал плечами.

— Это не так-то просто.

— Но... — Леда умолкла, увидев входящего отца.

— Привет, дети! Тебе нравится полет, Тор?

— Да, сэр. Пейзажи просто потрясающие.

— По сравнению с Гималаями Скалистые горы — всего лишь жалкое нагромождение камней. Но

наши Тетоны[22] действительно великолепны... кстати, вот они показались. Скоро мы прибудем, — он указал вперед. — Видишь? Там находится Радбек.

— Это название города?

— Раньше, когда он был деревней, его именовали Джонсоновой Дырой, или как-то наподобие этого. Но я говорил не о Радбек-Сити, я имел в виду наш дом... твой дом, Радбек. Над озером виднеется башня, а за ней — Большие Тетоны. Самое потрясающее зрелище в мире. Ты — Радбек из Радбека, который около Радбека... Радбек в кубе, как говорил твой отец... Он вошел в нашу семью после женитьбы и был весьма равнодушен к этому имени. А мне нравится: оно похоже на раскат грома, и это прекрасно, что Радбек возвращается в свою обитель.

Торби блаженствовал в ванне под острыми струями душа и в горячем бассейне, стенки которого массировали его, словно тысячи пальцев; затем он нырнул в теплую воду плавательного бассейна, которая тут же стала прохладной. Здесь

---

[22] notes: 22

... но наши Тетоны... — Горная гряда расположена на северо-западе штата Вайоминг и юго-востоке штата Айдахо, является частью массива Скалистых гор; высшая точка Тетонских гор, пик Большой Тетон, поднимается на 4176 м над уровнем моря.

Торби держался с опаской, поскольку не умел плавать.

Лакея у него тоже никогда не было. Он заметил, что в доме Радбеков немало людей, вероятно, несколько десятков — не так уж много для такого просторного помещения, но Торби понял, что большинство из них были слугами. Это произвело на него определенное впечатление, впрочем, не очень сильное: он знал, как много рабов держат в богатых домах Джуббула. Торби даже не догадывался о том, что иметь живых слуг на Терре — невероятная роскошь, большая, чем портшез на Джуббуле или хлебосольство Встреч. Торби лишь понял, что в его распоряжении трое слуг, присутствие которых весьма стесняло его. Торби отказался от их помощи во время купания и лишь позволил побрить себя, поскольку здесь пользовались классическими опасными лезвиями, а собственная его электробритва не работала от сети дома Радбеков. Кроме того, он покорно выслушал советы, касающиеся незнакомого одеяния.

Одежда, которая ожидала Торби в гардеробе, не вполне подходила ему по размеру; старший камердинер тут же перекроил и вновь склеил ее, бормоча извинения. Он заканчивал прихораши-

вать Торби и укреплял на его груди жабо, когда появившийся дворецкий объявил:

— Мистер Уимсби приветствует Радбека и приглашает его в Большой зал.

Идя туда, Торби запоминал дорогу.

Дядя Джек, одетый в черное с красным, ожидал его вместе с Ледой, на которой было... Торби даже растерялся: цвета ее платья менялись столь причудливым образом, что их едва ли можно было определить. Но выглядела она прекрасно. Теперь ее прическа отливала всеми цветами радуги. Торби высмотрел среди ее украшений камень с Финстера и подумал, не на «Сизу» ли он был привезен — очень забавно, но, вполне возможно, сам Торби укладывал его в контейнер.

— Итак, ты здесь, мой мальчик! — весело заявил дядя Джек. — Освежился? Мы не станем тебя утомлять, это просто семейный обед.

На обеде присутствовали двенадцать человек. Он начался в Большом зале, где неслышно ступавшие по паркету слуги разносили напитки и закуски. Торби одного за другим представляли прибывших.

— Радбек из Радбека, леди Уилкс, это твоя тетя Дженнифер, она приехала из Новой Зеландии, чтобы познакомиться с тобой... Радбек из Радбе-

ков, мистер Брудер, судья, наш главный советник, — и так далее. Торби запоминал имена, связывая их с лицами, и думал, что все это очень похоже на Семью, хотя родственные отношения тут не были столь четкими. Он затруднялся определить место каждого гостя в семейной иерархии. Торби никак не мог понять, какое из восьмидесяти с лишним известных ему родственных отношений, название которых включает слово «кузина», применимо к Леде; в конце концов он решил, что она — его двоюродная сестра, поскольку дядя Джек носил фамилию Уимсби, а не Радбек. Таким образом, Леда становилась для Торби своего рода табу, что, вполне вероятно, огорчило бы ее.

Торби понял, что является членом септа богатой Семьи. Однако ему так и не сказали, каков его собственный статус, да и в статусах гостей он не разобрался. Две юные девушки одна за другой присели перед ним в реверансе. В первый раз он решил, что девушка поскользнулась, и попытался помочь ей; когда вторая сделала то же самое, он ответил приветствием, сложив вместе ладони.

Старшие женщины, по-видимому, ожидали от него почтительного отношения. Положение судьи Брудера он так и не понял. Тот не был представлен как родственник — и в то же время обед

был семейным. Он окинул Торби оценивающим взором и проворчал:

— Рад, что вы вернулись домой, молодой человек. Должен быть в Радбеке Радбек. Ваши каникулы доставили нам немало хлопот, не правда ли, Джон?

— Да уж,— согласился дядя Джек. — Но теперь все в порядке. Не будем торопиться. Пусть парень придет в себя.

— Конечно, конечно. Не станем сразу распахивать шлюзы.

Торби подумал: что бы это могло быть — шлюзы — но

Леда тут же подошла к нему, взяла за локоть и повела в столовую. Остальные двинулись следом. Торби усадили с одного конца стола, а дядя Джек занял место напротив. Справа от Торби расположилась тетя Дженнифер, а слева — Леда. Тетя Дженнифер засыпала юношу вопросами, тут же давая на них собственные ответы. Торби сообщил ей, что он совсем недавно покинул службу в гвардии, похоже, она так и не смогла понять, что он не был офицером; Торби не стал ее убеждать. О Джаббулпорте он рассказывать не стал — Леда отбила у него охоту говорить об этом. Впрочем, для беседы нашлась другая тема — Торби спросил

о Новой Зеландии, и тетка тут же выдала ему целую груду сведений.

Затем им занялась Леда, закончившая беседу с судьей Брудером; тетка Дженнифер обернулась к мужчине, сидевшему справа от нее.

Посуда, которой пользовались за столом, выглядела иногда довольно странно, особенно щипцы для бифштексов и какие-то шпильки — ими скреплялось мясо. Однако ложки были ложками, вилки — вилками; поглядывая на Леду, Торби управлялся с ними вполне сносно. Блюда подавались в полном соответствии со строгим обеденным ритуалом, но он видел, как таким же образом обслуживали бабушку. Не забыл Торби и полных колкостей и ехидства уроков Фрица, так что он чувствовал себя за столом вполне уверенно. И только в самом конце он растерялся. Старший виночерпий поставил перед ним громадный бокал и, плеснув туда жидкости, замер в почтительном ожидании. Леда прошептала:

— Пригуби, кивни и отставь.

Торби подчинился, и слуга исчез.

— Не пей, это очень крепкое, — добавила Леда. — Я же говорила папе: никаких спиртных напитков!

Наконец обед завершился. Леда вновь подска-

зала:

— Вставай.

Торби поднялся на ноги, остальные последовали его примеру.

«Семейный обед» оказался только началом. Дядя Джек показывался лишь за столом, да и то не всегда. Он оправдывал свое отсутствие, говоря: «Кто-то должен поддерживать огонь в очаге. Дела не ждут». Как Торговец, Торби прекрасно понимал, что бизнес есть бизнес, но он ждал долгого обстоятельного разговора с дядей Джеком. Вместо этого ему приходилось принимать участие в светских развлечениях.

Леда сочувствовала ему, но помочь ничем не могла: она и сама толком ничего не знала.

— Папочка невероятно загружен делами. Всякие там компании и прочее. Все это слишком сложно для меня. Давай, поторопись: нас ждут.

Их всегда кто-нибудь ждал. Танцы, катание на лыжах — Торби нравилось ощущение скорости, но сам способ перемещения казался ему рискованным, особенно после того, как он влетел в сугроб, едва не врезавшись в дерево — карточное застолье, обеды с молодыми людьми, где Торби занимал один конец стола, а Леда усаживалась на другом, затем опять танцы, полеты в Йелло-

устон, где они кормили медведей, полуночные пирушки, пикники в саду. Хотя поместье Радбек располагалось в Тетонских горах среди снегов, в доме был огромный тропический сад с таким прозрачным куполом, что Торби даже не догадывался о его существовании, пока Леда не заставила его коснуться крыши рукой. У Леды была масса веселых приятелей, и постепенно Торби научился болтать ни о чем. Молодые люди называли его «Тор» вместо «Радбек», а Леду величали «Бездельницей». Они обращались к Торби с фамильярным уважением и не скрывали интереса к тому, что он служил в гвардии и побывал во многих мирах, но чересчур личных вопросов не задавали. Сам же Торби, наученный горьким опытом, предпочитал не откровенничать.

В конце концов непрерывное веселье начало ему надоедать. Побывать на Встрече приятно, но тот, кто привык работать, предпочитает взяться за дело.

Эта мысль окончательно утвердилась в его голове, когда он в компании десятка приятелей отправился кататься на лыжах. Когда Торби остался в одиночестве на склоне для новичков, с вершины скатился мужчина и затормозил рядом, взметнув снежный вихрь. Каждый день в поме-

стье прилетали новые люди; вновь прибывшего звали Джоэл Делакруа.

— Привет, Тор.

— Здравствуй, Джоэл.

— Я хотел бы с тобой поговорить. У меня есть одна идея, и я хочу обсудить ее с тобой, когда ты примешься за дела. Нельзя ли встретиться с тобой так, чтобы вокруг не крутились десяток-другой секретарш?

— Как только я примусь за дела?

— Или позже, когда тебе будет удобно. Мне необходимо поговорить с человеком, который может принимать решения, в конце концов, ведь ты же наследник. Я не хотел бы встречаться с Уимсби... даже если он и согласится принять меня, — вид у Джоэла был озабоченный. — Мне нужно всего десять минут. Ну, скажем, пять, если я не сумею заинтересовать тебя сразу. Идет?

Торби попытался вникнуть в смысл сказанного. Взяться за дела? Наследник? Он осторожно ответил:

— Я не хотел бы давать никаких обещаний, Джоэл.

Делакруа пожал плечами.

— Ну что ж... и все-таки подумай над этим. Я могу доказать, что дело прибыльное.

— Подумаю, — согласился Торби и стал оглядываться в поисках Леды. Уединившись с ней, он пересказал содержание беседы с Джоэлом.

Она чуть заметно поморщилась.

— Пожалуй, ничего страшного в этом нет, ведь ты ничего не обещал. Я знаю лишь, что Джоэл — прекрасный инженер. Лучше спроси у папочки.

— Я не об этом. Скажи, что он имел в виду, говоря «браться за дело»?

— Ну, постепенно ты возьмешь в свои руки...

— Что возьму?

— Все. Ты же Радбек из Радбека.

— Что значит «все»?

— Ну, ну... — она обвела рукой горы, озеро и Радбек-Сити, видневшийся вдали. — Все это. Радбек. Целую массу вещей. То, что принадлежит тебе лично, например, ранчо в Австралии, дом на Майорке. И дела. Компания Радбек включает в себя многое — на Земле и на других планетах. Я даже не знаю, с чего начать. Но все это твое, ну, может быть, наше, ведь здесь участвует вся семья. Но ты — Радбек из Радбека; как сказал Джоэл — наследник.

Торби глядел на нее, чувствуя, как пересыхают его губы. Облизнув их, он проговорил:

— Почему мне не сказали?

Леда расстроилась.

— Тор, дорогой, мы собирались дать тебе немножко времени. Папа не хотел беспокоить тебя.

— Да уж, — ответил Торби. — Вот теперь я забеспокоился. Самое время поговорить с дядей Джеком.

Дядя Джек вышел к обеду, но было слишком много гостей. Когда все ушли, Уимсби отвел Торби в сторону.

— Леда сказала мне, будто бы тебя что-то волнует.

— Вовсе нет. Но я хотел бы кое-что прояснить.

— Прекрасно — я так и думал, что тебе скоро надоест праздная жизнь. Что ж, пойдем ко мне в кабинет.

Войдя в кабинет, Уимсби отпустил секретаря и спросил:

— Что тебя интересует?

— Меня интересует, — медленно проговорил Торби, — что означает «быть Радбеком из Радбека».

Уимсби развел руками.

— Все... и ничего. Ты номинальный глава дела с тех пор, как погиб твой отец... если, конечно, он погиб.

— Есть какие-то сомнения?

— Полагаю, нет. А ты вернулся.

— Если он погиб, то кем стал я? Леда сказала, будто бы я владею всем. Что это значит?

Уимсби усмехнулся.

— Ты же знаешь девчонок. Их головы не годятся для бизнеса. Право собственности на наши предприятия распределено среди множества людей, большую часть которых составляют наши служащие. Если твой отец погиб, к тебе переходит контрольный пакет Ассоциации «Радбек», которая, в свою очередь, имеет свои интересы — иногда контрольные — в самых разных областях. Сейчас я не стану их перечислять. Я управляю компанией при помощи целого штата юристов, так как сам я ведаю практической стороной дела и у меня нет времени беспокоиться о том, кто какой частью владеет. Кстати, ты мне напомнил... у тебя не было пока случая тратить особенно много денег, но они могут тебе понадобиться,— Уимсби выдвинул ящик и достал сверток. — Вот тебе мегабак. Когда кончится, обращайся ко мне.

Торби помял пачку в пальцах. Земные деньги не смущали его: сотня долларов — кредит, который он представлял себе в виде пяти буханок хлеба (трюк, которому он научился у суперкарго),

тысяча кредитов — суперкредит, тысяча суперкредитов — мегабак. Столь простая система, что Люди предпочитали пересчитывать деньги разных планет через земную валюту.

Однако здесь была сотня купюр по десять тысяч кредитов...

— Это и есть мое наследство?

— О нет, это лишь карманные деньги. Точнее, чеки. Ты можешь разменять их в любом магазине или банке. Знаешь, как это делать?

— Нет.

— Перед тем, как сунуть в щель автомата, оставь на чувствительной пластинке отпечаток большого пальца — но не раньше. Впрочем, пусть Леда тебя научит. Если бы эта девчонка так же легко зарабатывала деньги, как тратит их, то ни мне, ни тебе не пришлось бы работать вообще. Однако,— добавил Уимсби,— уж коли мы здесь, давай-ка провернем одно маленькое дельце. — Он достал папку и вытащил из нее бумаги. — Ничего сложного, тебе нужно лишь подписать каждый документ на последней странице и поставить рядом отпечаток большого пальца; потом я позову Берта и он все заверит. Давай-ка я придержу их, чтобы листы не скручивались.

Он показал пальцем, где должна стоять под-

пись. Торби поколебался и, вместо того, чтобы расписаться, потянул листок к себе. Уимсби не отдавал документ.

— Что случилось?

— Прежде чем подписывать, я должен прочитать, — Торби вспомнил, как занудно втолковывала это ему бабушка.

Уимсби пожал плечами.

— Это обычные документы, которые для тебя приготовил судья Брудер, — и, положив документ поверх остальных, собрал их в пачку и сунул обратно в папку. — Эти бумаги содержат распоряжение мне продолжать то, что я и так делаю. Кто-то ведь должен заниматься работой.

— Зачем же моя подпись?

— Мера предосторожности.

— Не понимаю.

Уимсби вздохнул.

— Дело в том, что в бизнесе ты не разбираешься. Впрочем, никто от тебя этого не требует; у тебя не было возможности учиться. Вместо тебя приходится работать мне: дело не ждет.

Он помедлил и добавил:

— Проще всего будет объяснить это так. Когда твои отец и мать отправлялись в свое второе свадебное путешествие, они должны были оставить

кого-нибудь, кто вел бы дела в их отсутствие. Естественно, они выбрали меня, поскольку я уже тогда вел их дела, а до того дела твоего дедушки: он умер до их отлета с Земли. Так что во время их увеселительной прогулки компанией управлял я. Не подумай, что я жалуюсь: от такой чести не отказался бы ни один член семьи. К сожалению, твои родители не вернулись назад, и я продолжал исполнять свои обязанности.

Но теперь ты вернулся, и мы должны убедиться в том, что все в порядке. Во-первых, следует официально установить, мертвы ли твои родители, причем сделать это нужно до тех пор, как ты вступишь в права наследника. Это займет немало времени. И вот перед тобой я, твой управляющий — управляющий делами всей семьи — и ты не даешь мне никаких деловых указаний. В этих бумагах и содержатся такие указания.

Торби поскреб подбородок.

— Если я еще не вступил в права наследника, то почему вам что-то нужно от меня?

Уимсби улыбнулся.

— Я сам задаю себе этот вопрос. Однако судья Брудер считает необходимым предусмотреть все варианты. С тех пор, как ты стал совершеннолетним...

— «Совершеннолетним»?

Для Торби это был новый термин; у Торговцев человек считался взрослым настолько, насколько он мог принимать участие в деле.

Уимсби принялся объяснять.

— Как только тебе исполняется восемнадцать лет, ты входишь в «законный возраст», после чего дела значительно упрощаются. Отныне в суде тебя не должен представлять опекун. У нас имеются полномочия, переданные нам твоими родителями, теперь к ним добавятся твои, и уже неважно, как долго суд будет устанавливать, мертвы твои родители или нет, и разбираться с их завещаниями. Я, судья Брудер и остальные, кто занимается делами, смогут продолжать их и дальше. Тем самым мы избегаем потери времени... которая могла бы обойтись компании во много мегабаков. Ну, теперь ты понимаешь?

— Думаю, да.

— Отлично. Давай же покончим с этим, — Уимсби начал открывать папку.

Бабушка говорила, что прежде чем подписывать, нужно прочесть бумаги и хорошенько все обдумать.

— Дядя Джек, я хотел бы прочесть их.

— Но ты ничего не поймешь!

— Может быть, вы и правы,— Торби взял папку. — Но я должен их изучить.

Уимсби потянул папку к себе.

— В этом нет необходимости.

На Торби накатила волна упрямства.

— Вы же говорили, что судья Брудер подготовил их для меня?

— Да.

— Поэтому я хочу взять их с собой и попытаться разобраться в них. Я — Радбек из Радбека, и я должен знать, что я делаю.

Уимсби помедлил и пожал плечами.

— Ну что ж, попробуй. Ты сам убедишься в том, что я продолжаю делать для тебя то, что делал и прежде.

— И все же я хотел бы знать, что я делаю.

— Ну что ж! Спокойной ночи.

Торби читал бумаги до тех пор, пока не начали слипаться глаза. Язык документов был малопонятен, но, по-видимому, в них действительно было написано то, о чем говорил дядя Джек — инструкции Джону Уимсби продолжать рутинное управление сложной организацией. Торби заснул с головой, полной терминов типа: «все полномочия советника», «все виды деятельности», «получение и выплата доходов», «подлежит от-

мене только при взаимном согласии», «отказ от личного вмешательства», «полное доверие», «доверенность на голосование на всех совещаниях акционеров, как ежегодных, так и внеочередных» и так далее.

Засыпая, Торби вдруг вспомнил, что так и не попросил посмотреть распоряжения, которые оставили его родители.

Ночью ему порой грезился голос бабушки: «...и все хорошенько обдумай! Если ты не понимаешь, о чем идет речь, не знаешь законов, по которым дела будут претворяться в жизнь — не подписывай, независимо от того, какой ты мог бы получить доход. Поспешность может погубить Торговца точно так же, как и лень».

Торби беспокойно ворочался в постели.

Глава 18

В поместье Радбеков почти никто не спускался к завтраку. Но завтракать в постели не входило в привычки Торби; он ел в саду в одиночестве, нежась в лучах горного солнца в окружении тропических цветов, любуясь великолепием заснеженных склонов. Снег очаровал его — он даже представить себе не мог, что в мире могут существовать такие восхитительные вещи.

Однако в это утро Уимсби вышел в сад, едва Торби успел усесться за завтрак. Тут же появилось еще одно кресло, и слуга немедленно подал еще один прибор.

— Только кофе, — сказал Уимсби. — Доброе утро, Тор.

— Доброе утро, дядя Джек.

— Ну как, изучил документы?

— Что, сэр? Ах, да. Я заснул, пока их читал.

Уимсби заулыбался.

— Верно, юридический язык действуют как снотворное. Так что же, ты убедился в том, что документы содержат именно то, о чем я говорил?

— Полагаю, да.

— Ну вот и хорошо.

Уимсби отставил в сторону чашку с кофе и обратился к слуге:

— Принесите мне телефон домашней связи... Тор, вчера вечером ты просто вывел меня из себя.

— Простите, сэр.

— Тем не менее, ты прав. Ты должен прочитывать все, что собираешься подписать, — эх, если бы у меня хватало на это времени! Мне приходится верить сотрудникам на слово, иначе у меня не оставалось бы времени на политику... И мне показалось, что ты должен сделать то же самое по отношению ко мне. Однако твоя осторожность весьма похвальна, — он поднял трубку телефона. — Картер, принесите бумаги из комнаты Радбека. В сад.

Торби подумал, что Картер вряд ли отыщет их — в его покоях был сейф, но он так и не понял, как его открывать, и спрятал бумаги за книгами. Он начал было объяснять, но дядя Джек уже говорил.

— Есть еще кое-что, с чем ты, возможно, пожелаешь ознакомиться — список недвижимости, которая принадлежит тебе... или будет принадлежать тебе, когда разберутся с завещанием. Это имущество отношения к нашему делу не имеет.

Торби просмотрел список в искреннем изумлении. Неужели он владеет островом под названием Питкэрн[23]... на пятнадцати чего-то южного и ста тридцати западного— что это все такое? Поместье на Марсе... Охотничьи угодья на Юконе — где он, этот «Юкон», и почему там надо охотиться? Пойти на такой риск, как стрельба, можно только в открытом космосе... И что значит все остальное?

Он попытался найти знакомое ему название

— Дядя Джек... а как же Радбек?

— Э-э... Так ты в нем и находишься.

— Да... но принадлежит ли он мне? Леда что-то такое говорила...

— Ну, в общем, да. Но здесь есть оговорка. Дело в том, что твой прапрадедушка решил, что поместье не может быть продано... так что в Радбеке всегда будет Радбек.

— Ясно.

— Мне думается, осмотр твоих владений мог

---

[23] notes: 23

...остров под названием Питкэрн... — Вулканический остров расположен в юго-восточной части Тихого океана, площадью 4,5 кв.км; вместе с необитаемыми островами Оэно, Дюси и Хендерсон входит в состав британского владения Питкэрн; в единственном поселке под названием Адамстаун живет чуть больше сотни человек. Примечателен этот клочок суши тем, что заселили его мятежники с «Баунти», и эта история прогремела на весь мир. Назван остров по фамилии матроса, первым его заметившего в 1767 году с палубы корабля экспедиции под командованием английского капитана Ф. Картерта.

бы доставить тебе немало удовольствия. Я уже распорядился подать аэрокар. Тебе понравился тот, на котором мы сюда прилетели?

— Что? О господи, ну конечно же! — Торби заморгал.

— Ну и чудесно. Он принадлежал твоей матери, и я оказался слишком сентиментален, чтобы отправить его на свалку. Однако в его конструкцию внесены всевозможные усовершенствования. Можешь взять с собой Леду; она знакома с большинством мест из этого списка. Возьми с собой друзей и развлекайся, сколько тебе заблагорассудится. Мы можем найти подходящего сопровождающего.

Торби отложил список в сторону.

— Может быть, я так и сделаю, дядя Джек... немного погодя. Но сейчас я хотел бы взяться за дела.

— Что?

— Сколько времени надо, чтобы стать юристом на Терре?

Лицо Уимсби прояснилось.

— Я понимаю. Овладение языком юриспруденции дается не так просто. Это займет от четырех до пяти лет.

— В самом деле?

— Тебе придется провести два или три года в Гарварде и еще год-два в какой-нибудь хорошей бизнес-школе.

— Это действительно необходимо?

— Уверяю тебя.

— Что ж... полагаю, вы знаете об этом куда больше меня.

— Так оно и есть! По крайней мере, сейчас.

— Но неужели я не могу узнать кое-что о бизнесе до того, как начну учиться? Я же не имею ни малейшего представления о том, что это такое!

— На это уйдет уйма времени.

— И тем не менее я хочу начать учиться уже сейчас.

Уимсби начал было хмуриться, но потом заулыбался и пожал плечами.

— Тор, ты упрям, как твоя мать. Хорошо, я оборудую для тебя кабинет в нашей главной конторе в Радбек-Сити и подберу штат людей, которые помогут тебе. Но, предупреждаю тебя, это не игрушки. Не человек командует делами, а дела командуют им. Ты становишься их рабом.

— Что ж... тем не менее, я должен попробовать.

— Рад это слышать.

Замигал телефон, стоявший возле чашки Уимсби. Он поднял трубку, послушал, нахмурился и

произнес:

— Подождите, — и обернулся к Торби. — Этот болван не может найти бумаги.

— Я собирался вам сказать... Я спрятал их, потому что не хотел оставлять на виду.

— Понятно. И где же они?

— Ох... Полагаю, что найти их сумею только я сам.

Уимсби сказал в трубку:

— Ладно, я разберусь, — и, передав телефон слуге, обернулся к Торби:

— Так тащи их сюда, если не возражаешь.

У Торби такого желания не возникло. Он положил в рот лишь четыре куска, так что же — бросить завтрак и бежать за бумагами? Радбек он или не Радбек? Или все еще вестовой у офицера?

— Я займусь этим после завтрака.

Дядя Джек с трудом скрыл раздражение. Он сказал:

— О, прошу прощения. Но если ты слишком занят, то не будешь ли так любезен сказать мне, где они все-таки лежат? У меня впереди тяжелый день, так что я хотел бы покончить с этими мелочами и взяться за работу. Если ты ничего не имеешь против.

Торби вытер губы.

— Я бы не хотел,— медленно произнес он,— подписывать их сейчас.

— Как? Но ведь ты сам сказал, что твое любопытство удовлетворено!

— Нет, сэр. Я сказал лишь, что прочел документы. Но я не понял их. Дядя Джек, где бумаги, подписанные моими родителями?

— М-м-м? - Уимсби быстро взглянул на юношу. — Зачем тебе?

— Хочу с ними ознакомиться.

Уимсби задумался.

— Должно быть, лежат в сейфе в Радбек-Сити.

— Отлично. Я еду туда.

Уимсби вскочил на ноги.

— Ты уж извини меня, но мне пора заняться делами. Молодой человек, когда-нибудь вы поймете, что я сделал для вас! Ну а сейчас, коли вы так несговорчивы, я, пожалуй, приступлю к исполнению своих обязанностей!

Он резко повернулся и ушел. Торби обиделся — он вовсе не собирался отказываться от сотрудничества... но уж если они ждали годы, то почему бы им не подождать еще немного и не дать ему шанс?

Он вытащил бумаги и позвонил Леде. Она отве-

тила, не включая экрана:

— Тор, дорогой, чего ради ты вскочил среди ночи?

Торби стал объяснять, что он хочет узнать, где находится

главная контора семейного дела.

— Я подумал, что ты могла бы мне подсказать.

— Ты уже поговорил с папочкой?

— Он пообещал организовать для меня кабинет.

— Я не просто расскажу, я провожу тебя. Только позволь мне умыться и выпить стакан апельсинового сока.

Поместье было связано с конторами в Радбек-Сити скоростным подземным туннелем. Они вышли в небольшой изолированный холл, в котором сидела пожилая секретарша. Подняв глаза, она сказала:

— Здравствуйте, мисс Леда! Рада вас видеть!

— И я рада вас видеть, Агги. Пожалуйста, передайте папочке, что мы приехали.

— Да-да, сейчас,— она вопросительно посмотрела на Торби.

— Ох, — сказала Леда. — Я совсем забыла. Это Радбек из Радбека.

Агги торопливо вскочила на ноги.

— Ой, простите! Я не знала... прошу прощения, сэр!

Дальнейшее происходило с ошеломляющей быстротой. Уже через минуту Торби очутился в кабинете, полном спокойного величия, с такой же секретаршей, которая называла юношу его двойным именем и предложила звать себя Долорес. У него сложилось впечатление, будто в стенах скрываются бесчисленные джинны, готовые выскочить по мановению ее пальца.

Леда немного помедлила, а потом спросила:

— Если уж ты намерен превратиться в скучного бизнесмена, то я, пожалуй, пойду, — но, поглядев на Долорес, добавила:

— А может быть, ты вовсе и не собираешься скучать? Нет, уж лучше я останусь... — но все же ушла.

Торби был опьянен свалившимся на него ощущением богатства и власти. Старшие служащие называли его «Радбек», младшие — «Радбек из Радбека», а совсем юные — к месту, не к месту — добавляли к имени «сэр», так что он легко различал их статус по тому, как они к нему обращались.

Хотя он не включился в дела — видеть Уимсби ему доводилось очень редко, а судья Брудер, тот и

вовсе был недоступен — однако все, в чем Торби нуждался, появлялось мгновенно. Одно слово Долорес — и рядом возникает солидный молодой человек, объясняя непонятную юридическую статью, еще слово — и появляется оператор со стереопроектором и фильмами, разъясняющими суть деятельности предприятия, где бы оно ни находилось — хоть на другой планете. Торби просматривал ленты целыми днями, но им конца не было.

Его офис столь стремительно наполнялся книгами, катушками, картами, брошюрами, слайдами, папками и плакатами, что Долорес пришлось переоборудовать смежную комнату в библиотеку. Цифры на диаграммах описывали в форме налоговых сводок деятельность предприятий столь громадных, что иначе в их делах разобраться было невозможно. Цифр было так много, и они были таким сложным образом связаны, что у юноши разламывалась голова. Он начинал сомневаться в своем призвании быть финансовым магнатом. Оказывается, дело не ограничивалось тем, что ты входишь в кабинет, сопровождаемый почтительными приветствиями, и все твои пожелания выполняются без промедления. Какой смысл в занятии, от которого

ты не получаешь удовольствия? Быть гвардейцем гораздо проще.

И все же ощущать свою значимость было приятно. Большую часть жизни Торби был никем, в лучшем случае он был самым младшим.

Если бы папа мог видеть его сейчас! В столь изысканной обстановке, с парикмахером, приводящим его прическу в порядок, пока он работает (Баслим подстригал ему волосы под горшок), с секретаршей, заранее угадывающей его пожелания, и десятками людей, сгорающих от желания услужить ему. Но каждый раз, когда папа являлся ему во снах, на лице его бывало укоризненное выражение; Торби никак не мог понять, в чем же он неправ, и вновь окунался с головой в море цифр.

Картина постепенно прояснялась. Главным предприятием было «Радбек и Компания, Лимитэд». Насколько мог понять Торби, сама эта фирма ничего не производила. Она была учреждена в виде частного инвестиционного треста и лишь владела всем остальным. Большая часть имущества, которое перешло бы к Торби после установления факта гибели его родителей, представляла собой лишь некий вклад в эту компанию. Он не владел ею целиком; узнав, что обоим его родителям принадлежало лишь во-

семнадцать процентов из многих тысяч акций, Торби почувствовал себя едва ли не нищим.

Потом он выяснил, что такое «голосующие акции» и «не голосующие»; ему принадлежало восемнадцать сороковых частей всех голосующих, остаток распределялся среди родственников и посторонних.

«Радбек и Компания» владели акциями других компаний, и это значительно усложняло ситуацию. «Галактические Предприятия», «Галактическая Вексельная Корпорация», «Галактический Транспорт», «Межзвездный Металл», «Налоги Трех Планет» (на самом деле это предприятие орудовало на двадцати семи планетах), «Гавермейерские Лаборатории» (которые занимались всем, от барж и пекарен до исследовательских станций) — список был бесконечным. Казалось, все эти корпорации, тресты, картели и банки переплетаются, словно спагетти. Торби выяснил, что ему принадлежит (через его родителей) пай в компании «Хонас Бразерс», причем владение осуществлялось посредством цепочки из шести предприятий: восемнадцать процентов из тридцати одного от сорока трех и девятнадцать из сорока четырех процентов от двадцати семи — доля столь ничтожная, что цепочку эту было почти

невозможно проследить. Однако его родители владели напрямую семью процентами акций тех же «Хонас Бразерс», и в конце концов выходило, что косвенный пай в одну двадцатую процента давал право осуществлять контроль деятельности компании, но приносил незначительный доход, а прямые семь процентов приносили в сто сорок раз больше, но не давали права контроля.

Для Торби стало откровением то обстоятельство, что управление и владение предприятием связаны между собой очень слабо; до сих пор он считал, что «обладать» и «управлять» — суть одно и то же. Если вы, например, имеете горшочек для подаяний или костюм, то вы, разумеется, вправе ими распоряжаться!

Слияния, разделы и полная невозможность понять, что кому принадлежит во всех этих предприятиях и компаниях, смущали его и вызывали чувство протеста. Все это было так же сложно, как боевой компьютер, но при этом лишено холодной компьютерной логики. Торби пытался вычерчивать схемы, но все впустую. Владение каждым объектом порождало хитроумное сплетение обычных и привилегированных акций, облигаций ранних и поздних выпусков, ценных бумаг со странными наименованиями и непонятными

функциями; порой одна компания обладала частью другой непосредственно, а другой частью — через третью, две компании могли владеть отчасти друг другом, либо компания владела частью самой себя, словно змея, вцепившаяся себе в хвост. Во всем этом не прослеживалось смысла.

Это не было делом — в том значении, какое вкладывали в это слово Люди — покупкой, продажей, извлечением доходов. Такой «бизнес» напоминал глупую игру, ведущуюся по диким правилам.

Но Торби беспокоило не только это. До сих пор он не знал, что Радбеки занимаются строительством космических кораблей. «Галактические Предприятия» распоряжались «Галактическим Транспортом», одно из многочисленных подразделений которого выпускало звездолеты. Поначалу Торби ощутил прилив гордости, но потом в его душе поселилась смутная тревога: что-то такое говорил Брисби... и папа вроде бы подтвердил... «крупнейшая», или, может быть, «одна из крупнейших» земных верфей была связана с работорговлей.

Он пытался уговорить себя, что думать так глупо — этот роскошный офис был настолько далек от грязного бизнеса работорговли, насколько это

было возможно. Но как-то ночью, уже засыпая, он буквально подскочил на кровахи от мысли, пронизанной черной иронией: а вдруг один из невольничьих кораблей, в вонючем трюме которого он валялся, мог быть собственностью паршивого забитого раба?

Это был кошмарный сон, и Торби прогнал прочь страшную мысль, которая, тем не менее, лишила его всякого удовольствия от работы.

Как-то вечером он изучал длинный меморандум из юридического отдела, так сказать, краткий сводный перечень интересов «Радбека и Компании», и вдруг поймал себя на мысли, что зашел в тупик. Складывалось впечатление, будто писавший намеренно затушевывает смысл. Казалось, что текст написан на древнекитайском языке, да что там — еще хуже! Тот же саргонезский включал в себя немало китайских слов.

Торби отпустил Долорес и сел, уронив голову на руки. Почему, ну почему он не остался в гвардии? Там он был бы счастлив, в том мире все было ему понятно.

Потом он встал и сделал то, что так долго откладывал: позвонил по видеофону своим бабушке и дедушке. Он уже давно намеревался съездить к ним, но первым делом хотел разобраться со

своими обязанностями.

Конечно, они обрадовались его звонку!

— Поторопись, сынок, мы будем ждать!

Затем был чудесный полет над прериями и могучей Миссисипи (которая казалась с высоты тоненьким ручейком), над белесыми пятнышками городов и ферм. Аэрокар приземлился в сонном университетском городке Вэлли-Вью, где тротуары были по-старинному неподвижны и само время, казалось, остановило свой ход. Дом стариков, заметно выделявшийся в городке, казался таким тихим и уютным по сравнению с пустынными громадными холлами Радбека.

Но отдохнуть во время визита не удалось. На обед были приглашены гости — ректор колледжа и деканы факультетов, а после обеда явились и другие. Некоторые из них называли Торби Радбеком из Радбека, другие неуверенно обращались к нему «мистер Радбек», третьи, краем уха слышавшие, как сплетничают о нем близкие, говорили по-свойски «Радбек». Бабушка суетилась вокруг, счастливая, насколько только может быть счастлива хозяйка дома, а дедушка был, как всегда, подтянут и во всеуслышанье называл Торби «сынок».

Торби изо всех сил старался не подвести их.

Вскоре он понял, что его слова не имеют значения, для людей важен сам факт разговора с Радбеком.

И лишь следующим вечером, который бабушка — с явной неохотой — сделала чисто семейным, Торби смог поговорить со стариками. Ему был нужен совет.

Поначалу они принялись расспрашивать друг друга. Торби узнал, что его отец, женившись на единственной дочери дедушки Радбека, предпочел взять ее фамилию.

— Это можно понять,— объяснял Бредли. — Рад беку нужен Радбек. Главой оставалась Марта, но Крейтон должен был председательствовать на собраниях, конференциях и обедах, даваемых по этим случаям. Я надеялся, что мой сын пойдет по моим стопам и вступит на поприще исторических исследований. Но когда он женился, то что мне оставалось, кроме как радоваться за него?

Родители Торби и он сам стали жертвой стремления отца сделаться самым-самым Радбеком из Радбека: он хотел лично осмотреть как можно больше колоний своей экономической империи.

— Твой отец всегда отличался добросовестностью, и когда дедушка Радбек скончался, до того, как Крейтон закончил свое, так сказать,

ученичество, он оставил во главе компании Джона Уимсби. Я полагаю, ты знаешь, что Джон — второй муж младшей сестры твоей другой бабушки, Арии, а Леда, разумеется, его дочь от первого брака.

— Нет, я не знал об этом, — Торби перевел эти сведения на язык семейных отношений «Сизу»... и с удивлением понял, что Леда принадлежит к другой ветви! - если, конечно, на Земле обращали внимание на такие вещи, что было сомнительно. И дядя Джек вовсе не был «дядей», а... ну как это сказать по-английски?

— Джон был секретарем-и доверенным лицом твоего другого дедушки, и он был вполне достоин своего места; он знал дела лучше, чем кто бы то ни было, не считая самого дедушки Радбека. Когда мы пришли в себя после потрясения, вызванного вашим трагическим исчезновением, мы поняли, что жизнь должна продолжаться и что Джон способен справляться с делами так успешно, как если бы он сам был Радбеком.

— Он великолепно проявил себя! — прощебетала бабушка.

— Да, верно. Я должен сказать тебе, что после женитьбы Крейтона мы с бабушкой стали жить гораздо лучше. На заработную плату в колледже

мы не могли бы позволить себе многое из того, чем располагаем теперь. Крейтон и Марта были весьма щедры. После того, как наш сын исчез, у нас с бабушкой могли появиться трудности, если бы Джон не сказал, что нам не о чем беспокоиться. Он внимательно следил, чтобы наше благосостояние оставалось на прежнем уровне.

— И ,даже выросло! — с воодушевлением прибавила бабушка Бредли.

— Да, да. Вся семья — мы считаем себя частью семьи Радбек, хотя продолжаем с гордостью носить нашу собственную фамилию — так вот, вся семья совершенно удовлетворена тем, как Джон ведет дела.

Однако Торби интересовали вовсе не достоинства дяди Джека.

— Вы упоминали, что мы стартовали с Акки, направляясь к Дальним Звездам, но так и не прибыли туда? Странно, ведь это так далеко от Джуббула.

— Я думаю, ты прав. В колледже есть только малый галактический атлас, и я должен признать: действительно, очень трудно представить, что дюйм на карте оборачивается многими световыми годами в пространстве.

— В данном случае — ста семьюдесятью свето-

выми годами.

— Давай-ка подсчитаем, сколько это в милях?

— Это столь же бессмысленно, как измерять в микронах длину дивана, на котором вы сидите.

— Ну, ну, сынок. Не будь таким педантом.

— Что вы, дедушка! Я лишь размышлял о том, как далеко отстоит место, где нас взяли в плен, от той точки, где меня в последний раз продали.

— Я уже один раз слышал от тебя слово «продали». Ты должен понимать, что этот термин неточен. Крепостное право, практикуемое на Саргоне, не является рабовладением. Оно идет от древнеиндийской системы каст — стабильной социальной упорядоченности сверху донизу, подразумевающей взаимные обязательства. Ты не должен называть эту систему рабством.

— Я не знаю другого слова для перевода саргонезского выражения.

— Я мог бы предложить несколько, хотя и не знаю саргонезского. Видишь ли, этот язык мало где изучают. Но, дорогой Тор, ты ведь не изучал человеческую историю и культуру, так что положись на мой авторитет в области, в которой я считаюсь специалистом.

— Ну что ж... — Торби ощутил замешательство. — Я не очень хорошо знаю английский Системы,

и я незнаком с историей... ведь этой истории очень много.

— Верно. Я первый с этим соглашусь.

— Но я не могу перевести лучше — меня продали, и я был рабом!

— Ну, ну, сынок.

— Не спорь с дедушкой, будь умницей.

Торби умолк. Он уже упоминал о том, что несколько лет был нищим, и бабушка пришла в ужас от такого бесчестья, хотя прямо об этом не говорила. И он обнаружил, что хотя дедушка и знает об очень многих вещах, когда дело касалось рассказов Торби, он рассуждал с обычной своей уверенностью, не будучи никогда прав. Он с грустью подумал, что это происходит от осознания взрослыми своего превосходства над младшими и что с этим ничего не поделаешь. Он слушал рассуждения дедушки об истории Девяти Миров. Бредли категорически не соглашался со взглядами, бытовавшими на Саргоне, но, в общем-то, его точка зрения была близка к тому, чему учил Торби Баслим — во всем, что не касалось рабства. Он обрадовался, когда разговор вновь вернулся к организации дела Рад беков. Торби заговорил о своих затруднениях.

— Рим не в один день строился, Торби.

— Мне кажется, я никогда не смогу научиться! Я уже подумывал о возвращении в гвардию.

Дедушка нахмурился.

— Это не очень умно.

— Почему, сэр?

— Если ты не чувствуешь призвания к бизнесу, найдутся другие не менее почетные занятия.

— Считаете, что служба в гвардии к ним не относится?

— М-м-м... я и твоя бабушка — мы относим себя к пацифистам философского толка. Нельзя отрицать, что покушению на человеческую жизнь нет морального оправдания.

— Никогда! — подтвердила бабушка.

Торби подумал, что бы сейчас сказал папа? Черт возьми, он знал, что ради освобождения рабов Баслим готов был крушить все направо и налево!

— А что бы вы сделали, если бы на вас шел пират?

— Кто?

— Пират. Представьте, что у вас на хвосте висит пират и приближается с каждой секундой.

— Думаю, следует убегать. Оставаться и вступать в драку аморально. Видишь ли, Тор, насилием ничего нельзя добиться.

— Но вы не можете бежать: у пирата более мощные двигатели. Выход один: ты или он.

— В таком случае следует сдаться; это лишает смысла его намерения... как доказал бессмертный Ганди.

Торби глубоко вздохнул.

— Дедушка, простите меня, но его намерения вовсе не лишаются смысла. Вам приходится драться. Рейдеры захватывают рабов. Больше всего я горжусь тем, что мне удалось сжечь один из них.

— Сжечь один из них?

— Я накрыл его самонаводящейся ракетой. Разнес корабль в клочья.

Бабушка всхлипнула. Наконец дедушка сухо сказал:

— Тор, боюсь, ты подвергся дурному влиянию. Вероятно, ты в этом не виноват. Но у тебя масса неверных представлений, как о фактах, так и об их оценке. А теперь прислушайся к логике. Если ты «сжег» его, то откуда тебе знать, что он был намерен — как ты это говоришь? — «брать рабов». Что бы он с ними делал? Ничего.

Торби продолжал молчать. Было очень важно, с какого края площади человек смотрел на мир... и если ты не имел статуса, тебя не слушали. Это

был всеобщий закон.

— Давай-ка не будем больше говорить на эту тему, — продолжал дедушка Бредли. — Что же касается всего остального, то я дам тебе тот совет, который хотел дать твоему отцу: если ты не чувствуешь призвания к торговле, то даже не пытайся заняться ею. Но сбежать в гвардию, словно мальчишка, начитавшийся романтических книжек... нет, сынок! Однако тебе еще долго не придется ломать голову, ведь Уимсби — очень способный управляющий; тебе не придется принимать никаких решений,— дедушка поднялся на ноги. — Насколько я мог понять из бесед с Джоном, он не прочь нести свою ношу еще немного... а если это потребуется, то и больше того. А теперь пойдем спать. Скоро рассветет.

Наутро Торби уехал, провожаемый вежливыми заверениями, что их дом — его дом, и в конце концов юноша стал подозревать, что так оно и есть. Проведя ночь без сна, он принял решение и с ним явился в Радбек-Сити. Он хотел жить, видя вокруг себя переборки и палубы корабля. Он хотел вернуться к тому делу, которому служил папа; быть миллиардером — не его удел.

Сначала нужно сделать вот что. Добраться до бумаг, подписанных его родителями, сравнить

их с теми, которые были приготовлены для него — ведь отец, вероятно, хорошо знал, что нужно делать — затем подписать их, чтобы дядя Джек мог спокойно продолжать работу после того, как Торби покинет планету. Дедушка был прав: Джон Уимсби прекрасно разбирается в делах, которых он, Торби, совершенно не понимает. Он должен быть благодарен дяде Джеку. Перед тем, как проститься, надо будет его поблагодарить. А затем — покинуть Терру и вернуться к людям, с которыми он говорит на одном языке.

Войдя в свой офис, он тут же связался с кабинетом дяди Джека, но того не было в городе. Торби решил написать ему записку, выдержанную в самых вежливых выражениях — о да! надо попрощаться с Ледой.

Он позвонил в юридический отдел и попросил разыскать документы, оставленные его родителями, и прислать их к нему в кабинет.

Вместо документов появился судья Брудер.

— Радбек, зачем вам документы, которые вы затребовали из сейфа?

— Я хотел бы взглянуть на них, — объяснил Торби.

— Брать бумаги из сейфа могут только руководящие работники компании.

— А кто же я?

— Боюсь, что вы — всего лишь мальчишка, который плохо представляет себе, что происходит вокруг. Со временем вы будете допущены к руководству фирмой, но сейчас вы — всего лишь гость, пытающийся разобраться в делах своих родителей.

Торби проглотил эту пилюлю: как бы ни звучали слова судьи, в них была доля истины.

— Я собирался проконсультироваться об этом с вами. А как продвигается дело об установлении факта смерти моих родителей?

— Торопитесь похоронить их?

— Разумеется, нет. Но дядя Джек сказал, что без этого не обойтись. Так как же обстоят дела?

Брудер фыркнул.

— Никак. И все из-за вашего упрямства.

— То есть?

— Молодой человек, неужели вы думаете, что служащие компании начнут процесс, который может принести неисчислимые убытки, и будут надеяться, что вы сумеете предотвратить их? Разбирательство с завещаниями может затянуться на годы, в течение которых дела будут стоять на месте... только потому, что вы отказываетесь подписать документы, подготовленные мной

много недель назад.

— Хотите сказать, что пока я не подпишу их, ничто не сдвинется с места?

— Совершенно верно.

— Не понимаю. Допустим, я умер — или вообще не появился на свет. Неужели дела останавливаются каждый раз, когда умирает Радбек?

— М-м-м... В общем, нет. С разрешения суда дела ведутся своим чередом. Но вы-то здесь! И нам приходится с этим считаться. Так вот: мое терпение иссякает. Похоже, выдумаете, что, прочтя несколько балансовых отчетов, вы начали разбираться в бизнесе. Ничего подобного! Например, вы убеждены, что имеете право потребовать документы, врученные Джону Уимсби лично, документы, которые даже не являются собственностью компании. И если вы сейчас попытаетесь лично возглавить фирму — если, конечно, нам удастся установить факт смерти ваших родителей — то, насколько я могу судить, нас ожидают многочисленные неприятности. Мы не можем себе это позволить. Так что я хотел бы, чтобы бумаги были подписаны сегодня же, и без всяких проволочек! Вам ясно?

Торби набычился.

— Я не стану подписывать.

— Что значит «не стану»?

— Я не подпишу ни единой бумаги до тех пор, пока не буду твердо знать, что она означает. Тем более, что я не видел документов, оставленных моими родителями.

— Мы еще посмотрим!

— Я буду стоять на своем до тех пор, пока не разберусь, что здесь происходит!

Глава 19

Торби обнаружил, что выяснить истину непросто. Дела шли как прежде, но что-то изменилось. У него появились смутные подозрения, что та помощь, которой он пользовался, изучая бизнес, подавалась не самым лучшим образом. Он начал тонуть в потоке непонятных цифр, не имевших отношения к делу, и неясных «заключениях» и «анализах», которые ничего не анализировали. Но подозрения возникли далеко не^разу.

Они перешли в уверенность с того дня, когда он бросил вызов судье Брудеру. Долорес трудилась, как всегда, не покладая рук, и все окружающие по-прежнему рьяно бросались ему на помощь, но обильный приток информации стал иссякать, пока наконец не прервался вовсе. Перед Торби извинялись, приводя массу причин, по которым было совершенно невозможно найти то, что он просил. То «обзор еще не готов», то «человек, который за это отвечает, сейчас в отъезде», то «эти данные хранятся в сейфе, но в конторе нет ни одного служащего, имеющего к ним доступ». К дяде Джеку и судье Брудеру пробиться стало невозможно, а их помощники демонстрировали

вежливую беспомощность. Дядю Джека нельзя было поймать даже в поместье. Леда каждый раз сообщала юноше, что «папочка отбыл в деловую поездку».

В собственном офисе Торби начали происходить странные вещи. Хотя библиотека была устроена Долорес, она сама не могла ничего найти и даже припомнить, где находятся бумаги, размещенные в библиотеке на хранение. Наконец Торби потерял терпение и накричал на нее.

Она восприняла все его упреки с олимпийским спокойствием.

— Прошу прощения, сэр. Я стараюсь изо всех сил.

Торби смягчился. Он достаточно насмотрелся на портовых грузчиков и отлично чувствовал, когда люди начинали «тянуть волынку». Но стоящее перед ним несчастное создание было тут ни при чем; он зря набросился на нее. Торби примирительно сказал:

— Извините меня, Долорес. Возьмите выходной.

— О нет, сэр, я не могу.

— Кто вам это сказал? Отправляйтесь домой.

— Я бы не хотела...

— Что ж, дело ваше. Во всяком случае, прилягте

на диванчик в дамской комнате, в общем, отдохните. Это приказ. Увидимся завтра.

Встревоженная, Долорес ушла. Торби уселся за свой девственно чистый стол и задумался.

Ему нужно было побыть в одиночестве, позабыв на время о потоке цифр и прочей информации. Торби стал прикидывать, что же ему удалось раскопать.

Итак: дядя Джек и судья Брудер оказывают на него жесткое давление, чтобы принудить его подписать бумаги.

Далее. Он может быть Радбеком из Радбека, но до тех пор, пока его родителей не признают погибшими, дела будет вершить дядя Джек.

Далее. Судья Брудер недвусмысленно намекнул ему, что до тех пор, пока Торби не признает свою некомпетентность и не подпишет документы, делу его родителей не будет дан ход.

Далее. Он так и не узнал, какие распоряжения оставили его родители. Он пытался преодолеть сопротивление, оказываемое ему на этом пути, и его постигла неудача.

И последнее. Оказывается, «владеть» и «управлять» — совершенно разные вещи. Дядя Джек управляет всем тем, чем владеет Торби; сам же Уимсби владеет лишь одной, для формальности,

акцией, что позволяет ему возглавлять совет директоров. Леде принадлежит куда больший кусок, поскольку она — член семьи Радбек, но, вероятно, дядя Джек контролирует и ее долю тоже. Сама Леда в дела не вмешивается.

Вывод...

Какой же отсюда следует вывод? Может быть, дядя Джек занимается какими-то махинациями и боится допустить Торби к своим секретам? Непохоже. Дядя Джек получает столь солидные оклады и премии, что только законченный сквалыга захотел бы иметь еще больше денег — денег, как средств к существованию. Счета родителей, похоже, в полном порядке, и уже принесли весьма солидный доход. Мегабак, который ему выдал дядя Джек, вряд ли сколь-нибудь подорвал его благосостояние. Еще одна статья расходов — содержание дедушки и бабушки плюс незначительные расходы на семью и содержание поместья — ничего серьезного, какая-нибудь пара мегабаков.

Вывод: дяде Джеку нравится быть боссом, и он намерен продержаться на этом посту так долго, как это будет возможно.

Статус... Уимсби занимает высокое положение и будет стремиться его сохранить. Торби поду-

мал, что он наконец понял дядю Джека. Уимсби говорил Торби о том, что на его плечи возложена очень тяжелая ноша; он взвалил ее на себя потому, что ему нравилось главенствовать — точно так же капитаны и старшие помощники Вольных Торговцев трудятся в поте лица, несмотря на то, что все остальные члены Семьи получают равную с ними долю. Дядя Джек здесь — «старший помощник», и он не намерен сдавать свои позиции человеку, который втрое моложе его и (скажем честно) совершенно не разбирается в деле, понимать которое просто обязан, находясь на этом посту.

Осознав это, Торби почувствовал, что лучше всего было бы подписать бумаги и доверить дяде Джеку дело, над которым он столь упорно трудился и которое Торби всего лишь унаследовал. Вероятно, дядя Джек был жестоко разочарован, когда Торби вернулся живым; судьба нанесла ему тяжелый удар.

Так пусть все остается ему! Уладить дела — и прочь отсюда, назад, в гвардию.

Однако Торби отнюдь не был готов сложить оружие перед судьей Брудером. В жизни его достаточно пинали, и естественной реакцией Торби стало сопротивление любой власти, кото-

рую он не признавал; это было вбито в его душу палками. Он сам не отдавал себе в этом отчета и лишь понимал, что надо проявить упорство. Торби чувствовал, что папа дал бы ему именно такой совет.

Подумав о папе, Торби вспомнил кое-что еще. Не замешаны ли Радбеки, хотя бы и косвенно, в работорговле? Он понял, зачем папа заставлял его продолжать борьбу: он не мог уйти, пока не узнает все подробности и не положит конец этой мерзейшей ситуации, если она существует. Но как это выяснить? Он Радбек из Радбека, но его опутали тысячами нитей, как парня из папиной сказки... «Гулливер и его звездолет»... вот как она называлась.

Итак, папа докладывал в корпус «Икс» о том, что крупные кораблестроители каким-то образом связаны с правительством Саргона и пиратами-работорговцами. Пиратам крайне необходимы корабли. Корабли... На прошлой неделе Торби читал книгу — в ней рассказывалось о каждом звездолете, выпущенном «Галактическим Транспортом» — от номера 0001 до самых последних. Юноша отправился в библиотеку. Хм-м... толстая красная книга, а не магнитная лента.

Она исчезла, как и многие другие вещи. Однако,

интересуясь кораблями, Торби успел вызубрить ее наизусть почти целиком. Он принялся набрасывать заметки.

Большинство звездолетов несли службу внутри Гегемонии, некоторые принадлежали Радбекам, некоторые — другим компаниям. Торби с удовольствием подумал о том, что многие из них были приобретены Торговцами. Однако были корабли, зарегистрированные на имя владельцев, которых он не мог определить... А ведь Торби казалось, что он знает, хотя бы по названиям, все компании, занятые законной межзвездной торговлей в пределах Гегемонии, и уж во всяком случае он смог бы припомнить любой клан Вольных Торговцев.

Но сидя за столом, да еще не имея на руках книги, сделать определенные выводы было невозможно. Может быть, здесь, на Терре, в этом вообще не разобраться. Может быть, дядя Джек и судья Брудер даже не подозревают о том, что за их спинами творятся грязные дела.

Торби включил галактический атлас, установленный по его настоянию в кабинете. Атлас охватывал только исследованную часть Галактики, но, несмотря на это, масштаб был чрезвычайно мелок.

Торби взялся за ручки управления. Для начала он высветил зеленым Девять Миров. Затем добавил желтого, отметив им опасные места, которых избегали Торговцы. Зажег две планеты, между которыми был захвачен корабль его родителей, и подобным же образом обозначил все пропавшие суда Людей, относительно которых он знал направление последнего прыжка.

Выстроилась цепочка разноцветных огоньков, расположенных весьма близко друг к другу — в масштабе межзвездных расстояний, конечно — в том же секторе, где находились Девять Миров. Торби вгляделся в эту картину и присвистнул.

Папа знал, о чем говорил, но без такого наглядного изображения трудно было представить ситуацию целиком.

Юноша вспомнил о линиях регулярных рейсов и заправочных станциях, установленных в том районе «Галактическим Транспортом»... затем высветил оранжевым цветом банковские учреждения «Галактической Вексельной Корпорации», размещенные по соседству.

И принялся сосредоточенно изучать полученную схему.

Это еще нельзя было считать неопровержимым доказательством, но с какой целью в том секторе

они развили такую бурную деятельность?

Торби решил доискаться.

Глава 20

Торби увидел, что Леда приказала накрыть стол в саду. Они сидели вдвоем, и снег покрывал искусственный небосвод сверкающим куполом. Свечи, цветы, струнное трио и сама Леда добавляли этой картине привлекательности, но она не радовала глаз Торби, хотя девушка ему нравилась, а сад был его любимым уголком в Радбеке. Они уже почти кончили есть, когда Леда сказала:

— Я бы не пожалела доллара, чтобы узнать, о чем ты думаешь.

Торби виновато потупился.

— Да так... ни о чем.

— Должно быть, это «ничто» очень тебя тревожит.

— Ну... да.

— Ты не хочешь рассказать об этом Леде?

Торби прикрыл глаза. Дочь Уимсби была последним из людей, с кем он захотел бы откровенничать. Его беспокойство было вызвано раздумьями о том, что ему придется делать, если вдруг вскроется, что семья Радбек замешана в делах работорговцев.

— Мне кажется, бизнес — не мое призвание.

— Отчего же? Папочка говорит, что твоя голова потрясающе воспринимает цифры.

Торби фыркнул.

— Тогда почему он... — и тут же умолк.

— Что «он»?

— Ну...

Черт возьми, должен же он поговорить с кем-нибудь, кто ему симпатизирует и кто в случае необходимости может даже прикрикнуть на него. Как папа. Или Фриц. Или полковник Брисби. Вокруг Торби постоянно вертелись люди, но он чувствовал себя совершенно одиноким. Казалось, только Леда старается быть с ним дружелюбной.

— Леда, какую часть того, что я тебе рассказываю, ты передаешь отцу?

К его удивлению, девушка покраснела.

— Зачем ты так говоришь, Тор?

— Ну, у вас с ним такие трогательные отношения... Так как же?

Она вскочила.

— Если ты позавтракал, то давай прогуляемся.

Торби поднялся из-за стола, и они побрели по дорожкам сада, прислушиваясь к завыванию ветра над куполом. Леда привела его в укромный, далекий от дома уголок, скрытый кустами, и присела на валун.

— Отличное место для разговора с глазу на глаз.

— Неужели?

— Когда в саду установили подслушивающие устройства, я отыскала местечко, где могла целоваться, не опасаясь папиных соглядатаев.

Торби удивился.

— Ты что, серьезно?

— Разве ты не понимаешь, что тебя везде подслушивают, ну разве что за исключением горнолыжных склонов?

— Я даже не думал... И мне это не нравится.

— А кому это может понравиться? Но это обычная мера предосторожности, ведь речь идет о такой важной персоне, как Радбек. И ты не должен ругать за это папочку. Мне пришлось потратить несколько кредитов, чтобы узнать, что сад прослушивается далеко не так тщательно, как ему кажется. И если ты собираешься сказать что-нибудь и не хочешь, чтобы тебя подслушал папочка, то говори сейчас. Он об этом никогда не узнает. Обещаю тебе.

Торби помедлил, внимательно осматриваясь вокруг. Он решил, что если где-нибудь поблизости установлен микрофон, то он должен быть замаскирован под цветок... что было вполне

возможно.

— Пожалуй, стоит подождать до лыжной прогулки.

— Успокойся, милый. Если ты мне доверяешь, то уж поверь, что это место вполне безопасно.

— Ну, ладно, — Торби заговорил, выплескивая накопившееся в его душе раздражение... Он поделился подозрениями в том, что дядя Джек ставит ему палки в колеса, чтобы не отдавать власть. Леда слушала его с серьезным видом. — Ну вот. Скажешь, что я сумасшедший?

— Тор,— произнесла она. — Ты не догадываешься, что папочка подсовывал меня тебе?

— Что?

— Не понимаю, как ты этого до сих пор не заметил. Только если ты совершенно... Наверное, так оно и есть. Но это чистая правда. Это должен был быть один из тех браков по расчету, который все окружающие восприняли бы «на ура» — все, кроме тех двоих, кто имеет к нему самое прямое отношение.

Услышав столь удивительное утверждение, Торби разом забыл о своих тревогах.

— Ты хочешь сказать, что... ну, что ты... — он окончательно смутился и замолчал.

— О господи, дорогой ты мой! Если бы я соби-

ралась так поступить, разве стала бы я говорить об этом с тобой? Признаюсь: перед тем, как ты появился здесь, я обещала папочке обдумать такую возможность. Однако ты не обращал на меня внимания, а я слишком горда, чтобы проявлять в таких условиях настойчивость, даже если от этого зависело бы процветание Радбеков. Так что там насчет бумаг, которые оставили Марта и Крейтон и которые папочка не желает тебе показывать?

— Да, мне их не показывают; и я не собираюсь подписывать документы, пока не ознакомлюсь с доверенностями родителей.

— А если покажут, ты подпишешь?

— Ну... может быть, и подпишу. Но я хотел бы знать, какие распоряжения оставили мои родители.

— Не понимаю, почему папочка отказывается выполнить столь естественное пожелание. Разве что... — Леда нахмурилась.

— Разве «что»?

— Как насчет твоей доли? Она переходит к тебе?

— Какой доли?

— Той, которая принадлежит тебе. Ты знаешь, какой долей владею я. Когда я родилась, Радбек

передал ее мне — я имею в виду твоего дедушку. Вероятно, тебе предназначалось примерно вдвое больше, поскольку ты должен был стать настоящим Радбеком.

— У меня ничего нет.

Леда мрачно кивнула.

— Вот одна из причин, почему папочка и судья не желают показывать тебе документы. Наши личные вклады ни от кого не зависят, и по достижении совершеннолетия мы можем делать с ними все, что нам заблагорассудится. Твои родители распоряжались твоими вкладами, а папочка до сих пор распоряжается моими. Однако сейчас никакие доверенности, которые были подписаны в прошлом, не имеют законной силы. Ты можешь потребовать свою долю, и им придется либо выполнить твое пожелание, либо пристрелить тебя — Леда покачала головой. — Нет, конечно, убивать тебя не станут. В общем-то мой отец во многих отношениях совсем не плохой человек.

— Я и не считал его плохим.

— Я не люблю его, но восхищаюсь им. Но если разобраться, я — Радбек, а он — нет. Глупо, не правда ли? В сущности, в нас, Радбеках, ничего особенного нет; мы лишь скуповатые прижимистые крестьяне. Но и меня кое-что беспокоит.

Помнишь Джоэла Делакруа?

— Тот самый парень, который хотел поговорить со мной наедине?

— Верно. Так вот, он больше здесь не работает.

— И что же?

— Разве ты не знал, что Джоэл был восходящей звездой в инженерном отделе «Галактических»? Официально объявлено, что Джоэл нашел себе другое место. Он сам говорит, что его уволили за попытку переговорить с тобой за их спиной.— Леда нахмурилась. — И я не знала, чему верить. Теперь я верю Джоэлу. Так что же ты собираешься делать, Тор — поднять лапки кверху или доказать, что ты в самом деле Радбек из Радбека?

Торби пожевал губу.

— Я бы хотел вернуться в гвардию и выкинуть из головы всю эту грязь. Мне всегда хотелось узнать, что это такое — быть богатым. И вот я стал им и понял, что это — сплошная головная боль.

— Так ты все бросаешь? — в ее голосе промелькнуло презрение.

— Я этого не сказал. Я намерен остаться и выяснить, что же тут происходит. Не знаю только, с чего начать. Ты считаешь, что я должен грохнуть кулаком по столу дяди Джека и потребовать свою долю?

— М-м-м... только чтобы рядом стоял адвокат.

— Тут и так полно юристов!

— Поэтому тебе не обойтись без адвоката. Чтобы снять с судьи Брудера скальп, надо найти классного специалиста.

— Где же его искать?

— Черт побери, я ни разу не обращалась к адвокатам. Но поискать можно. А теперь давай-ка побродим и поболтаем, чтобы не вызывать подозрений.

Торби провел утомительное утро, изучая статьи законов, касающихся деятельности корпораций. Сразу после ленча ему позвонила Леда.

— Тор, ты не хочешь прокатиться со мной на лыжах? Ветер стих, и снег — то, что надо, — она многозначительно посмотрела ему в глаза.

— Ну...

— Да собирайся же!

Они молчали до тех пор, пока не отошли достаточно далеко от дома. Наконец Леда заговорила:

— Человек, который тебе нужен — это Джеймс Гарш из Нью-Вашингтона.

— Я так и думал, что ты позвонила мне только из-за этого. Ты действительно собираешься кататься? Я бы хотел сию минуту вернуться в кабинет и связаться с ним.

— Ну, ты даешь! — Леда печально покачала головой. — Тор, мне, наверно, придется выйти за тебя замуж только для того, чтобы стать тебе матерью. Итак: ты возвращаешься домой и звонишь адвокату, который не состоит на службе у Радбеков, адвокату с высочайшей репутацией. Как ты думаешь, что произойдет потом?

— Что же?

— Скорее всего, ты проснешься в тихом местечке в окружении мускулистых нянек. Я провела бессонную ночь и теперь уверена, что они играют всерьез. Мне хотелось бы, чтобы папочка продолжал вести дела, но если он затеял грязную игру, то я на твоей стороне.

— Спасибо, Леда.

— Он говорит «спасибо»! Тор, я сделаю это ради Радбека. Но давай не будем отвлекаться. Ты не можешь просто так полететь в Нью-Вашингтон, чтобы встретиться с адвокатом. Насколько я знаю судью Брудера, он уже принял всевозможные меры на такой случай. Однако ты мог бы отправиться осматривать свои владения... и начать со своего дома в Нью-Вашингтоне.

— Хитро придумано.

— Я сама поражаюсь своей хитрости. Если хочешь, чтобы все прошло гладко, ты пригласишь с

собой меня — папочка велел помочь тебе осмотреться.

— Ну конечно, Леда. Если тебя не затруднит.

— Пусть это тебя не беспокоит. Мы и в самом деле осмотрим некоторые достопримечательности, в Департаменте Северной Америки например. Меня беспокоит одно: как нам ускользнуть от охраны?

— Охраны?

— Без охраны не путешествует ни один человек, занимающий такое высокое положение, как Радбек. Иначе тебя замучают репортеры и сумасшедшие.

— Мне кажется,— медленно произнес Торби,— что тут ты не права. Я ездил к бабушке и дедушке, и со мной не было никаких охранников.

— Они умеют не мозолить глаза. Готова спорить, что во время твоего визита к старикам в доме находилось не меньше двух телохранителей. Видишь того одинокого лыжника? Готова поклясться, что он катается вовсе не ради удовольствия. Так что нам нужно придумать способ оторваться от них на то время, пока ты беседуешь с Гаршем. Но не беспокойся; я что-нибудь придумаю.

Торби с интересом осматривал великую сто-

лицу, но ему не терпелось приступить к делу, ради которого они сюда приехали. Леда с трудом сдерживала его прыть.

— Первым делом — достопримечательности. Мы должны вести себя естественно.

Дом по сравнению с поместьем казался более чем скромным — двенадцать комнат, и только две из них большие. Он содержался в таком виде, будто хозяева покинули его лишь накануне. Двоих слуг он узнал — они работали и в поместье. К услугам наших путешественников был автомобиль с шофером и дворецким в ливрее Радбеков. Казалось, шофер заранее знает, куда их нужно везти. Они ехали под зимним субтропическим солнцем, и Леда показывала посольства и консульства различных планет. Когда они проезжали мимо величественного здания штаб-квартиры гвардии Гегемонии, Торби велел притормозить и едва не свернул себе шею, разглядывая его.

Леда спросила:

— Твоя альма-матер, верно? — и прошептала: Смотри внимательно. Здание напротив главного входа — именно то место, куда тебе нужно попасть.

Около мемориала Линкольна они вышли из машины, поднялись по ступеням, и их охватило

чувство, знакомое миллионам людей, когда-либо смотревших на этот гигантский монумент. Торби внезапно подумал, что статуя очень похожа на папу — не буквально, но что-то такое в ней было. Его глаза затуманили слезы.

Леда прошептала:

— Здесь я всегда чувствую волнение, словно в церкви. Ты знаешь, кем он был? Линкольн — основатель Америки[24]. Древняя история — она внушает благоговение.

— Он сделал кое-что еще.

— Что же?

— Освободил рабов.

— Да-да,— Леда спокойно осматривалась вокруг. — Это так много значит для тебя, верно?

— Очень много,— Торби хотел было рассказать Леде о главной причине, побудившей его броситься в драку: ведь они были одни, и это место наверняка не прослушивалось. Но не смог. Юноша знал, что Баслим не возражал бы, но он обещал полковнику Брисби.

---

[24] notes: 24

...Линкольн — основатель Америки... — Авраам Линкольн (1809-1865), 16-й президент США (1861-1865), является символом американских традиций, свобод, государственности, духовным отцом нации. Он был одним из организаторов республиканской партии (1854); открыл путь американскому фермерству, проведя в жизнь земельный закон, и освободил рабов, издав «Прокламацию об освобождении» (22 сентября 1862 г.).

Торби с трудом разбирал надписи на стенах; эти буквы и грамматика были в ходу еще до того, как английский стал английским Системы. Леда потянула его за рукав и прошептала:

— Пойдем. Я не могу долго оставаться здесь... Иначе я начну плакать.

Они отошли на цыпочках.

Леда объявила, что ей хочется посмотреть шоу в «Млечном Пути». Они вышли из машины, велев шоферу вернуться за ними через три часа десять минут. За билет в двойную ложу Торби пришлось заплатить спекулянту бешеные деньги.

— Ну вот! — воскликнула девушка, как только они заняли свои места. — Полдела сделано. Дворецкий, конечно, выпрыгнет из машины, как только она завернет за угол, но от шофера мы на некоторое время освободились: поблизости нет ни одной стоянки. И все же дворецкий будет торчать рядом, если он дорожит своим местом. Полагаю, в эту самую минуту он как раз покупает билет. А может быть, он уже здесь. Не оглядывайся.

Они поднялись по эскалатору.

— Это даст нам выигрыш в несколько секунд. Он не сможет последовать за нами, пока мы не скроемся из виду. А теперь слушай. Люди, сидя-

щие на наших местах, уйдут, когда мы покажем билеты. Только я собираюсь заплатить одному из них, чтобы он оставался на месте. Надеюсь, это будет мужчина, потому что нашему опекуну потребуется лишь несколько минут, чтобы определить, где мы находимся... несколько секунд, если он уже успел узнать номер нашей ложи. Когда он найдет нашу ложу, он увидит, что я сижу там с мужчиной. В темноте он не разглядит его лица, но меня узнает, так как я специально надела платье, которое светится в темноте. Этим он удовлетворится. Ты покинешь здание через любой выход, кроме главного; возможно, там будет дежурить шофер. Постарайся вернуться к выходу за несколько минут до того, как подадут машину. Если не успеваешь, бери такси и езжай домой. А я стану громко жаловаться, что тебе не понравилось шоу и ты ушел.

Торби решил, что корпус «Икс» много потерял, не завербовав Леду в свои ряды.

— А вдруг они сообщат, что потеряли мой след?

— Найдя нас, они будут так счастливы, что даже пикнуть не посмеют. Вот мы и пришли — давай действуй. Встретимся позже.

Торби покинул помещение через боковой вы-

ход и, немножко поплутав и наведя справки у полисмена, наконец отыскал здание, стоявшее напротив штаб-квартиры гвардии. Просмотрев список, он выяснил, что кабинет Гарша находится на 34-м этаже, и уже через пару минут Торби стоял перед секретаршей, губы которой, казалось, были способны произносить только одно слово: «нет».

Она холодно сообщила юноше, что советник принимает только тех, кому назначена встреча. Не желает ли он изложить свое дело кому-нибудь из помощников советника?

— Имя, будьте любезны!

Торби огляделся. Приемная была переполнена людьми. Секретарша нажала рычажок.

— Говорите! — потребовала она. — Я включила систему против подслушивания.

— Пожалуйста, передайте мистеру Гаршу, что с ним хотел бы встретиться Радбек из Радбека.

Торби показалось, что она собирается приказать ему не нести чепухи. Но она торопливо встала и куда-то ушла.

Скоро она вернулась и тихо произнесла:

— Советник может выделить вам пять минут. Пройдите сюда, сэр.

Кабинет Джеймса Гарша являл собой разитель-

ный контраст всему зданию и приемной, да и сам его владелец был похож на неприбранную постель. Он носил брюки без подтяжек, и над ремнем нависал солидный живот. Сегодня адвокат явно не брился, и его топорщащаяся щетина была под стать лохматым остаткам волос, окружавшим плешь. Он даже не приподнялся с кресла.

— Радбек?

— Да, сэр. Вы — Джеймс Гарш?

— Да. Покажите документы. Кажется, я видел вас в выпуске новостей, но не могу припомнить когда.

Торби протянул ему идентификационную карточку. Гарш изучил общегражданский документ, а затем и более редкое и трудноподделываемое удостоверение «Радбек и Компания», и протянул их обратно.

— Садитесь. Чем могу быть полезен?

— Мне нужен совет... и помощь.

— Именно этим товаром я и торгую. Но у вас есть Брудер и целая толпа юристов. Чем я, именно я, могу быть полезен?

— Мы можем говорить доверительно?

— Как клиент с адвокатом, сынок. Нужно говорить: «как клиент с адвокатом». Юриста не спрашивают о таких вещах: он либо честен,

либо нет. Я честен наполовину. Тебе придется рискнуть.

— Ну... в общем, это длинная история.

— Так изложи ее покороче. Говори. Я слушаю.

— Вы согласны взяться за мое дело?

— Говори. Я слушаю, — повторил Гарш. — Может быть, я засну. Сегодня я чувствую себя не лучшим образом. Впрочем, со мной всегда так.

— Ну ладно,— Торби приступил к рассказу. Гарш слушал, прикрыв глаза, сцепив пальцы на животе.

— Вот и все,— закончил наконец Торби,— за исключением того, что я намерен разобраться во всем этом и вернуться в гвардию.

Гарш впервые проявил интерес к его словам.

— Радбек из Радбека? В гвардию? Не говори глупостей, сынок.

— На самом деле я не «Радбек из Радбека». Я рядовой гвардеец, а то, что я стал Радбеком, зависело не от меня.

— Я знаю эту часть твоей истории; авторы слезливых статеек уже давно ее мусолят. У каждого из нас возникают обстоятельства, над которыми мы не властны. Дело в том, что человек не может покинуть свою работу, особенно — если это действительно его работа.

— Это не моя работа, — упрямо заявил Торби.

— Хватит пустых слов. Для начала мы добьемся признания твоих родителей умершими. Затем потребуем представить их завещания и доверенности. Если противник начнет тянуть волынку, мы получим ордер. И даже могущественный Радбек не устоит перед простой бумажкой «явитесь в суд, или будете арестованы за неуважение»,— Гарш покусал ноготь. — Может пройти некоторое время, прежде чем будут установлены имущественные права и определено твое положение. Суд может дать полномочия тебе, либо тому, кто упомянут в завещании, либо вообще кому-нибудь третьему, но только не

Уимсби и не Брудеру, если все, что ты рассказал — правда. На такое не решились бы даже судьи, которых Брудер держит в кармане; это было бы уже слишком, и всякий судья знает, что такое решение будет отменено.

— Но что я могу сделать, если они даже не начнут процесса по установлению факта смерти моих родителей?

— А кто сказал, что ты должен их ждать? Ты — заинтересованная сторона, а они не дотяги-

вают даже до статуса *amicus curiae*[25]. Я что-то такое слышал, что они — наемные служащие, имеющие по одной, чисто номинальной акции на брата. Ты — номер первый, самое что ни на есть заинтересованное лицо. Так действуй же! А как насчет других родственников? Двоюродные братья? Сестры?

— Двоюродных нет. А о других ближайших родственниках я ничего не знаю. Впрочем, у меня есть дедушка и бабушка Бредли.

— Я и не думал, что они еще живы. Они не станут совать тебе палки в колеса?

Торби хотел было сказать «нет», но передумал.

— Не знаю.

— Ближе к делу станет ясно. Другие родственники... впрочем, о них мы сможем узнать только после оглашения завещаний, на что, вероятно, потребуется решение суда. Кстати, есть ли у тебя возражения против дачи показаний под гипнозом? Под воздействием химических препаратов? Против детектора лжи?

— Нет. А что?

---

[25] notes: 25

...не дотягивают даже до статуса amicus curiae... (лат.) — В юридической практике так называют человека, который, не выступая на процессе в качестве стороны, добровольно или по приглашению суда высказывает свои рекомендации.

— Ты — самый важный свидетель смерти родителей, их длительное отсутствие не является решающим доказательством.

— Даже если их нет очень долго?

— Смотря по обстоятельствам. Временной промежуток — лишь одно из обстоятельств, которые рассматривает суд, в законах об этом ничего не сказано. Когда-то считалось, что достаточно семи лет, но теперь эта статья отменена. Нынче на вещи смотрят шире.

— С чего начнем?

— У тебя есть деньги? Или их от тебя прячут? Я дорого стою. Обычно я требую оплаты каждого своего вдоха и выдоха.

— Ну... у меня есть мегабак... и еще несколько тысяч. Около восьми.

— Хм... разве я еще не сказал, что берусь за твое дело? А ты не задумывался над тем, что твоей жизни может угрожать опасность?

— Нет, никогда.

— Сынок, ради денег люди способны на все. Но ради власти над деньгами они творят еще более ужасные вещи. Всякий, кто живет рядом с миллиардом кредитов, подвергается опасности. Это ничуть не лучше, чем держать дома кобру. На твоем месте, почувствовав недомогание, я

сам бы подобрал себе врача. Я с опаской входил бы в двери и сторонился открытых окон,— он задумался. — Поместье Радбек сейчас не самое лучшее место для тебя; не искушай их. Кстати, здесь тебе бывать не следует. Ты уже вступил в дипломатический клуб?

— Нет, сэр.

— Вступи немедленно. Все будут удивлены, если ты этого не сделаешь. Я туда частенько заглядываю. В районе шести часов. У меня там нечто вроде отдельного кабинета. Номер двадцать-одиннадцать.

— Двадцать-одиннадцать?

— Я все еще не сказал, что берусь за дело. Ты не думал над тем, что мне делать, если я его проиграю?

— Что? Нет, сэр.

— Что за город ты упоминал? Джаббулпорт? Вот туда-то мне тогда и придется переехать, — Гарш внезапно улыбнулся. — Но у меня что-то боевое настроение. Радбек, а? Брудер. Что ты говорил про мегабак?

Торби вытащил книжку чековых сертификатов и передал ее адвокату. Просмотрев, Гарш спрятал ее в ящик стола.

— Пока не станем получать по ним деньги: они

наверняка следят за твоими тратами. Имей в виду: дело обойдется гораздо дороже. До свидания. Увидимся через пару дней.

Торби ушел в прекрасном настроении. До сих пор ему ни разу не доводилось видеть такого меркантильного, хищного и корыстного старика — он напомнил Торби покрытых шрамами профессиональных грабителей, шнырявших вокруг нового амфитеатра.

Выйдя на улицу, Торби увидел штаб-квартиру гвардии. Еще раз окинув здание взглядом, он быстро нырнул в плотный поток автомобилей и, перебежав улицу, поднялся по ступенькам.

Глава 21

В огромном холле Торби увидел ряды расположенных по периметру кабинок. Протолкавшись сквозь толпу, он вошел в одну из них. Приятный женский голос сказал:

— Наберите на клавиатуре вашу фамилию. Номера отдела и кабинета сообщите устно в микрофон. Дождитесь, пока не загорится свет, и изложите свое дело. Напоминаем вам, что рабочий день окончен и вас примут, только если у вас дело особой важности.

Торби набрал на машине «Торби Баслим», а затем сказал: — «Корпус Икс».

Он ждал. Записанный на пленку голос повторил:

— Назовите в микрофон ваше имя, отдел и номер...

Внезапно динамик умолк. Мужской голос сказал:

— Повторите еще раз.

— Корпус «Икс».

— По какому делу?

— Лучше посмотрите в своих досье, кто я такой.

Наконец послышался другой женский голос:

— Следуйте за световым указателем. Не теряйте его из виду.

Торби поднимался по эскалаторам, спускался в туннели и наконец вошел в дверь без таблички, где его встретил мужчина в гражданском. Он провел Торби еще через две двери. Наконец он оказался лицом к лицу с еще одним мужчиной в штатском. Тот поднялся и сказал:

— Радбек из Радбека? Я — генерал авиации Смит.

— Торби Баслим, а не Радбек.

— Важно не имя, а личность. Я тоже не Смит, но сойдет и так. Полагаю, у вас есть документы?

Торби вновь полез за карточкой.

— У вас, наверное, есть мои отпечатки пальцев.

— Сейчас их доставят. Вы не против оставить их еще раз?

Пока Торби отпечатывал «пальчики», на столе генерала появилась дактилоскопическая карточка. Сунув изображения в компаратор, Смит, казалось, забыл о юноше, и лишь когда вспыхнула зеленая лампочка, его голос зазвучал чуть теплее.

— Ну ладно, Торби Баслим... Радбек. Чем могу

быть тебе полезен?

— Скорее — чем я могу быть полезен вам?

— Вот как?

— Я пришел сюда по двум причинам, — заявил Торби. — Во-первых, мне есть что добавить к последнему донесению полковника Баслима. Вы знаете, о ком я говорю?

— Я был с ним знаком и очень его уважал. Продолжай.

— Во-вторых, я хочу вернуться в гвардию и поступить в корпус «Икс», — Торби не мог припомнить, когда он принял это решение, но оно было твердо — не только носить форму папы, но продолжать его дело. Его работу.

«Смит» приподнял брови.

— Неужели? Радбек из Радбека?

— Мое решение окончательно.— Торби в двух словах объяснил, что сейчас он должен вступить во владение имуществом своих родителей, чтобы разобраться в делах. — А потом я свободен. Я понимаю, что говорить о корпусе «Икс» слишком дерзко с моей стороны, ведь я всего лишь стрелок третьего класса... еще и отставной... но я смог бы быть полезен. У меня есть друзья среди Людей... среди Вольных Торговцев. Я знаю несколько языков. Знаком с условиями жизни в Девяти Мирах.

Я побывал во многих местах... Конечно, я не астрогатор, но путешествовал немало. К тому же, я видел, как работал полковник Баслим, и думаю, что смог бы делать нечто подобное.

— Чтобы работать успешно, ты должен быть влюблен в это дело. Зачастую нам приходится делать неприятные вещи... какие уважающий себя человек делать не станет, если только не считает их абсолютно необходимыми.

— Но я считаю! Я был рабом. Вы знали об этом? Может быть, мне поможет то, что я знаю, как чувствует себя раб.

— Возможно. Хотя из-за этого ты можешь поддаться эмоциям. К тому же, мы занимаемся не только маршрутами работорговли. Мы не можем обещать новичку, что дадим ему какую-то конкретную работу. Ему приходится делать то, что прикажут. Мы выжимаем из людей все до последней капли. В нашем корпусе очень высокая смертность.

— Я буду делать все, что мне прикажут. Так получилось, что больше всего меня интересует работорговля. Большинство людей на Земле, похоже, даже не знают о том, что она существует.

— Большей части того, чем мы занимаемся, для общества вовсе не существует. Можно ли ожи-

дать от людей, которые окружают тебя на улицах, что они воспримут всерьез рассказы о далеких мирах? Не забывай: лишь менее одного процента населения хотя бы раз в жизни покидает свои родные планеты.

— Думаю, вы правы. Во всяком случае, убедить их трудно.

— Но это отнюдь не самое сложное в нашей работе. Земная Гегемония — по сути своей не империя, это свободная конфедерация планет, связанная неким руководством. И между тем, что могла бы сделать гвардия, и тем, что ей позволено, лежит глубокая пропасть. Если ты пришел к нам, надеясь, что уже в течение своей жизни увидишь конец рабства, то я должен тебя разочаровать. По самым оптимистичным оценкам, на это уйдет не менее двух столетий. И за это время рабство возродится на планетах, которые сейчас еще не открыты. Такую проблему раз и навсегда не решишь. Это очень долгий процесс.

— Я лишь хочу узнать: могу ли я принести пользу?

— Не знаю. И дело вовсе не в том, что, по твоим словам, ты был просто рядовым. У нас в корпусе очень много людей такого ранга. Корпус «Икс» — это идея, а не табельное расписание. Меня не

беспокоит проблема поиска работы для Торби Баслима; для него всегда нашлось бы дело, он может хотя бы переводить... Но Радбек из Радбека... М-да, это уже сложнее.

— Я же сказал, что собираюсь покончить с этим!

— Ну что ж, подождем, пока это свершится. Ты сам сказал, что не готов вступить в корпус прямо сегодня. А что ты еще говорил? Ты хотел дополнить донесение полковника Баслима?

Торби замялся.

— Сэр, поковник Брисби, мой командир, сказал, будто па... полковник Баслим выявил связи между работорговцами и нашими крупными судоверфями.

— Он так и сказал?

— Да, сэр. Загляните в донесение Баслима.

— В этом нет нужды. Продолжай.

— Ведь он говорил о Радбеках? О «Галактическом Транспорте», не так ли?

«Смит» задумался.

— Почему ты спрашиваешь у меня, не замешана ли ваша компания в работорговле? Это ты должен нам рассказать.

Торби нахмурился.

— У вас найдется галактический атлас?

— Да, в холле.

— Можно им воспользоваться?

— Почему бы и нет? — генерал провел его через отдельный коридор в конференц-зал, в котором был установлен стереоэкран, поблескивающий созвездиями. Такого большого атласа Торби еще не видел.

Управление было достаточно сложным, и Торби долго выяснял назначение рычагов пульта. Затем он принялся за работу. Его лицо исказилось от напряжения. Он высвечивал разноцветными огнями звезды, воссоздавая ту картинку, которую прежде построил на атласе в своем кабинете. Он ничего не объяснял, и генерал молча следил за его работой. Наконец Торби сделал шаг назад.

— Это все, что я знаю.

— Ты кое-что упустил, — генерал добавил несколько желтых и несколько красных огоньков, затем неторопливо обозначил еще дюжину пропавших кораблей. — Но воспроизвести все это по памяти — это здорово, и мысли у тебя работают в верном направлении. Я вижу, ты не забыл про корабль своих родителей. Наверно, личный интерес помогает, — генерал отошел назад. — Итак, Баслим, ты задал вопрос. Готов ли ты на него ответить?

— Полагаю, «Галактический Транспорт» увяз в этом по уши! Не все, конечно, но руководители в этом замешаны. Поставка кораблей. Ремонт и топливо. Может быть, финансирование.

— М-м-м...

— А как иначе все это объяснить?

— А ты понимаешь, что они скажут, если ты обвинишь их в торговле невольниками?

— Не в самой торговле. Думаю, напрямую они не участвуют.

— Но связаны с ней. Во-первых, они заявят, что и слыхом не слыхали о какой-то там работорговле и что все это — бред сумасшедшего. Во-вторых, они уж во всяком случае скажут, что они лишь торгуют кораблями, а разве хозяин скобяной лавки отвечает за то, что купленным у него ножом муж убивает жену?

— Здесь нет ничего общего.

— Они не согласятся с тобой. Они заявят, что не нарушали никаких законов и, даже если допустить, что где-то существует рабство, то как они могут нести ответственность за действия людей, которые творят зло за много световых лет отсюда? Тут они, кстати, правы: нельзя подозревать людей в том, чего они сами не делают. Потом найдется какой-нибудь лощеный тип, который

отважится заявить, что-де рабство, когда оно еще существовало, не было таким уж злом, так как большинство населения было бы счастливо избавиться от ответственности, возлагаемой на свободного человека. И добавит, что, мол, если они прекратят продавать корабли, этим займутся другие — таковы уж законы бизнеса.

Торби подумал о сотнях безымянных маленьких Торби, скорчившихся в темноте и плачущих от страха, боли и одиночества в вонючих трюмах кораблей работорговцев — кораблей, которые, возможно, принадлежат ему.

— Один удар хлыста выбил бы дурь из его башки!

— Это уж точно. Но на Земле отменены телесные наказания. Иногда я думаю — не рановато ли? — генерал взглянул на экран. — Я запишу эту схему. Тут есть некоторые аспекты, о которых мы еще не думали. Спасибо, что пришел к нам. Если появятся еще идеи, добро пожаловать.

Торби понял, что его просьба о зачислении в корпус не воспринята всерьез.

— Генерал Смит... я мог бы сделать кое-что еще.

— А именно?

— До того, как вступить в корпус... если вы меня

возьмете, конечно... или после — я не знаю, как у вас это делается... Я, Радбек из Радбека, мог бы посетить на своем собственном корабле те самые места — красные, наши. Может быть, босс сумел бы докопаться до таких вещей, которые недоступны секретному агенту.

— Возможно. Но ты, вероятно, знаешь, что твой отец уже пытался однажды совершить инспекционный полет. И знаешь, чем это кончилось, — Смит поскреб подбородок. — Кстати, мы так и не смогли разобраться с этим. Пока ты не вернулся, мы считали исчезновение обычным несчастным случаем. Яхта с тремя пассажирами, экипажем из восьми человек, без груза на борту — не очень-то заманчивая добыча для пиратов, которые чаще всего прекрасно знают, что они делают.

Торби был поражен.

— Так вы думаете, что...

— Я ничего не думаю. Но хозяева, желающие разузнать о делишках своих служащих, которыми те занимаются в нерабочее время и в отдаленных местах, частенько обжигают пальчики. А твой отец явно что-то подозревал.

— Насчет работорговли?

— Не стану гадать. Он стал проверять лично.

Тот самый район. А теперь мне нужно идти. Приходи ко мне еще... или позвони, и к тебе придет кто-нибудь из наших.

— Генерал Смит... Скажите, могу ли я обсуждать наш разговор с другими людьми? И что именно я могу обсуждать?

— Да все, что угодно. Если только не будешь примешивать сюда корпус и гвардию. Но известные тебе факты... — Смит пожал плечами. — Кто тебе поверит? Однако имей в виду: обсуждая свои подозрения с деловыми партнерами, ты рискуешь вызвать у людей неприязнь к себе... и это чувство иногда будет искренним. Что же касается остальных... Кабы я знал!

Торби вернулся так поздно, что Леда уже начала терять самообладание, сгорая от любопытства. Однако ей пришлось скрывать свое нетерпение — не только из боязни быть подслушанной, но также из-за пожилой тетки, которая завернула к ним засвидетельствовать свое почтение Радбеку из Радбека, да так и осталась на ночь. И только на следующий день, осмотрев в музее реликвии ацтеков, они смогли поговорить.

Торби поведал ей о своем разговоре с Гаршем, а потом решился пойти еще дальше.

— Вчера я сделал попытку вернуться в гвар-

дию.

— Тор!

— Не беспокойся, я не бросаю это дело. Но у меня есть важная причина. Гвардия — единственная организация, пытающаяся положить конец рабству. Но как раз поэтому я не могу вступить в нее сейчас, — он рассказал о своих подозрениях относительно связи Радбеков с работорговлей.

Леда побледнела.

— Это самые страшные слова, какие я когда-либо слышала. И я не могу в это поверить.

— Я был бы рад узнать, что это неправда. Но, как бы то ни было, кто-то ведь строит им корабли и ремонтирует их! Работорговцы — не инженеры, они — паразиты.

— И все же я с трудом верю в то, что рабство вообще существует.

Торби пожал плечами.

— Десять плеток убедили бы любого.

— Тор! Ты хочешь сказать, что тебя секли плетьми?

— Точно не помню. Но у меня вся спина в шрамах.

По пути домой Леда не проронила ни слова.

Торби еще раз встретился с Гаршем, потом они с Ледой отправились на Юкон в обществе старой

тетки, которая не желала оставить их в покое. Гарш принес на подпись Торби два документа и сказал:

— Первый шаг должен быть сделан в Радбеке, ведь там официальная резиденция твоих родителей. И второе: я покопался в старых газетных подшивках...

— И что же?

— Твой дедушка действительно отписал тебе солидную долю. Эта история наделала много шуму, когда ты родился. В биржевых бюллетенях перечислены номера всех акций до единой. Так что в один прекрасный день мы крепко их огорошим. Лишь бы только они ничего не пронюхали заранее!

— Вам лучше знать.

— Но я не советую тебе возвращаться в Радбек до тех пор, пока все не будет улажено. Вот мои координаты. Если придется, ты сможешь даже позвонить мне по телефону. Но было бы гораздо лучше, если бы ты предоставил мне возможность связываться с тобой.

Торби обдумал несколько вариантов, не забывая о том, что он постоянно находится в окружении телохранителей.

— Может быть, вы... или какой-нибудь молодой

человек, сможете позвонить моей кузине и передать кодированное сообщение? Ей постоянно звонят разные люди, чаще всего — молодые. Она тут же сообщит мне, и я отыщу безопасное место, откуда смогу позвонить вам.

— Неплохая мысль. Он спросит, знает ли она, сколько дней осталось на рождественские покупки. Ну все, увидимся в суде. — Гарш улыбнулся. — Ну и потеха же будет! И обойдется тебе очень, очень дорого. До свиданья.

Глава 22

— Хорошо отдохнул? — дядя Джек ухмылялся ему в лицо. — Ну и погонялись же мы за тобой. Не стоило этого делать, мой мальчик!

Торби хотелось ударить его. Телохранители, впихнув юношу в комнату, отпустили его руки, но стянули ему запястья веревкой.

Дядя Джек перестал улыбаться и взглянул на судью Брудера.

— Тор, ты так и не смог понять, как много мы с судьей сделали для твоих отца и дедушки. Естественно, мы знали, как следует поступать. Но ты доставил нам немало неприятностей, и сейчас мы покажем тебе, как следует обращаться с маленькими детьми, которые не ценят добра. Мы хорошенько проучим тебя. Готовы, судья?

Брудер кровожадно оскалился и вытащил из-за спины хлыст.

— Привяжите-ка его к лавке!

Торби проснулся в холодном поту. Боже, ну и кошмар! Он оглядел тесный гостиничный номер и попытался вспомнить, где теперь находится. Уже несколько дней Торби ежедневно переезжал с места на место, иногда — на другой конец

планеты. Он уже достаточно освоился с нравами и обычаями Земли, чтобы не привлекать к себе внимания, и даже купил себе поддельные документы, не уступавшие по качеству настоящим. Это оказалось не так уж трудно: Торби быстро выяснил, что подпольный бизнес везде живет по одним и тем же законам.

Наконец он вспомнил: он находится в Южной Америке.

Прозвенел будильник. Полночь — пора уматывать отсюда. Юноша оделся и, бросив взгляд на свой багаж, решил оставить его. Спустившись по черной лестнице, он вышел из отеля через заднюю дверь.

Тетке Лиззи не нравился холодный климат Юкона, но она терпела. Время от времени Леде сообщали по телефону, что на рождественские покупки осталось лишь несколько дней, и им приходилось уезжать. Торби ухитрился позвонить лишь из Ураниум-Сити. С экрана улыбался Гарш.

— Увидимся в окружном суде графства Радбек, четвертое отделение, в девять пятьдесят девять утра четвертого января. А теперь исчезни и замети следы.

В Сан-Франциско Леда в присутствии тетки

Лиззи закатила Торби скандал. Она хотела ехать в Ниццу, Торби настаивал на Австралии. Наконец он гневно заявил:

— Забирай свой аэрокар, я поеду один!

Он выбежал вон и купил себе билет до Большого Сиднея.

Он проделал старый, как мир, трюк с туалетной комнатой, на метро перебрался на другую сторону залива и, убедившись в том, что избавился от своего телохранителя, пересчитал деньги, которые Леда сунула ему тайком во время их прилюдной ссоры. Там была еще записка с извинениями: Леда не смогла собрать больше, так как деньги потребовались неожиданно.

Сидя в южноамериканском порту, Торби подсчитал, сколько у него осталось наличности, и решил, что потратил совсем неплохо — и время, и деньги. Куда только девалось и то и другое!

В Радбек-Сити его чуть не растерзали репортеры; все вокруг буквально кишело ими. Протолкавшись сквозь толпу, он плюхнулся на скамью рядом с Гаршем в девять пятьдесят восемь. Старик кивнул.

— Сиди здесь. Сейчас выйдет Хиззонер.

Появился судья, и секретарь провозгласил древнюю формулу:

— ...Приблизьтесь, и вас выслушают!

Гарш проворчал:

— Этот судья у Брудера на поводке.

— Тогда что мы здесь делаем?

— Ты платишь мне, чтобы беспокоился я. Любой судья хорош, когда он знает, что за ним внимательно наблюдают. Оглянись.

Торби осмотрелся. Помещение забито представителями прессы, так что простым гражданам даже стоять было негде.

— Я неплохо потрудился, поверь мне, — Гарш ткнул пальцем в первые ряды. — Вон тот носатый толстяк — посланник Проксимы. А старый мошенник рядом с ним — председатель комитета по законности. А вон тот... — Гарш умолк.

Дядю Джека Торби не видел, но судья Брудер восседал за другим столом, не глядя на юношу. Леда тоже не появлялась, и Торби остро почувствовал одиночество. Покончив со вступительными формальностями, Гарш уселся и прошептал:

— Юная леди велела передать, что она желает тебе удачи.

Торби участвовал в суде как свидетель, и то после многих отводов, контротводов и предупреждений суда. Произнося формулу присяги, он заметил в первом ряду отставного председателя

Верховного Суда Гегемонии, который как-то раз обедал в Радбеке. Что происходило потом, Торби не помнил, так как свидетельские показания брались у него под гипнозом, в который его погрузил психотерапевт.

Несмотря на то, что каждый пункт обсасывался до бесконечности, лишь однажды слушания едва не приобрели драматический характер. Суд принял возражение Брудера, выдержанное в таком тоне, что по рядам прокатился возмущенный ропот, а некоторые из присутствующих повскакивали с мест. Судья побагровел.

— К порядку! Иначе бейлиф[26] очистит зал!

Началось рассмотрение вопроса об удалении публики из зала, сопровождавшееся протестом репортеров. Однако передние ряды сидели неподвижно, не сводя глаз с судьи. Высокий посланник Веганской Лиги наклонился к своему секретарю и что-то ему прошептал; тот зашелестел клавишами стенографической машинки.

Судья прочистил горло.

— ...Пока не прекратится беспорядок... суд не потерпит неуважительного отношения...

Торби не без удивления выслушал его заклю-

---

[26] notes: 26

...иначе бейлиф... — Бейлифами называют судебных приставов, а также помощников шерифа.

чительную реплику:

— ...Из чего следует заключить, что Крейтон Бредли Радбек и Марта Бредли Радбек погибли одновременно в результате бедствия и отныне считаются умершими. Да упокоятся их души в мире. И пусть будет сделана соответствующая запись,— судья ударил по столу своим молотком. — Если имеются завещания и если здесь присутствуют опекуны или душеприказчики, то пусть они подойдут ко мне!

О собственных акциях Торби даже не упоминалось. Он расписался в получении сертификатов в комнате судьи. Ни Уимсби, ни Брудер при этом не присутствовали.

Когда они с Гаршем выходили из зала, юноша глубоко вздохнул.

— Мне даже не верится, что мы наконец победили.

Гарш усмехнулся.

— Не обманывай себя. Мы лишь выиграли по очкам первый раунд. Отныне расходы только увеличиваются.

На лице Торби появилось глубокое разочарование. Их окружили охранники и принялись расталкивать толпу.

Гарш оказался прав. Брудер и Уимсби про-

должали управлять компанией и сдаваться не собирались. Торби так и не увидел доверенностей, выданных его родителями. В сущности, он лишь хотел убедиться в том, что, как он подозревал, единственное различие между теми бумагами и документами, подготовленными судьей Брудером, состояло в словах «подлежит отмене» и «подлежит отмене только по обоюдной договоренности».

Однако, как только суд потребовал предоставить доверенности, Брудер заявил, что они были уничтожены при очистке архивов от ненужных бумаг. За оскорбление суда его приговорили к десяти дням заключения, но исполнение приговора было отсрочено, и на этом все кончилось.

Но, хотя Уимсби и лишился контроля над акциями Крейтона и Марты Радбек, не получил их и Торби; счета были заморожены вплоть до утверждения завещаний. А тем временем Уимсби и Брудер продолжали распоряжаться фирмой, пользуясь поддержкой большинства директоров. Торби не имел права даже появляться в конторе, не говоря уж о его бывшем кабинете.

Уимсби покинул поместье Радбек, и ему выслали его личные вещи. В апартаменты дяди Джека Торби вселил Гар-ша, и старик частенько оста-

вался там ночевать: у них была масса работы.

Как-то раз Гарш сказал Торби, что уже возбуждены девяносто семь дел, касающихся его имущества; некоторые — против Торби, некоторые — в его пользу. Часть дел отложена, но многим уже дан ход. Завещания были по сути своей просты: Торби — основной наследник. Однако обнаружилось немало затруднений: появились многочисленные родственники, желавшие поживиться хоть чем-нибудь, если завещания не будут утверждены. Вновь был поднят вопрос о законности признания умершими родителей Торби, вопрос об «одновременности» гибели или гибели в разное время, встал даже вопрос о подлинной личности юноши. Во всех этих делах не было даже и следа присутствия Уимсби и Брудера: заявления подавались родственниками и держателями акций, и Торби был вынужден заключить, что кандидатура дяди Джека устраивает очень многих людей.

Однако по-настоящему юношу огорчил только иск, поданный его бабушкой и дедушкой: они предлагали установить над ним опеку ввиду его некомпетентности. В качестве доказательства помимо того неоспоримого факта, что сложная жизнь Терры ему в новинку, приводилась вы-

держка из медицинского заключения, полученного в гвардии. Доктор Кришнамурти утверждал, что Торби *«в потенции эмоционально неустойчив и в состоянии стресса не может нести полной ответственности за свои действия»*.

Гаршу пришлось устроить Торби скандальный публичный осмотр у личного врача Генерального Секретаря Ассамблеи Гегемонии. Торби был официально признан вменяемым. И тут же последовал шквал требований акционеров признать юношу профессионально непригодным для ведения дел компании «Радбек», как того требовали частные и общественные интересы.

Торби был измучен этими нападками; он начинал понимать, что быть богатым слишком разорительно. Ведение дел в суде и содержание поместья требовали денег, а Торби был по уши в долгах. Он не мог воспользоваться своими же богатствами, так как Уимсби и Брудер продолжали утверждать, будто бы его личность сомнительна, хотя этот вопрос был уже неоднократно решен в пользу Торби.

Прошло немало времени, прежде чем суд, на три степени выше, чем окружной, предоставил, наконец, ему право распоряжаться деньгами родителей (под надзором суда, который вправе был

аннулировать свое решение) и право голосовать их акциями до тех пор, пока не будет окончательно улажен вопрос об их имуществе.

Торби созвал общее собрание акционеров для выборов руководства компании, пользуясь правом инициативы акционера, как это предусматривалось местными законами.

Собрание было устроено в конференц-зале поместья. Его посетило большинство акционеров, живших на Терре, хотя многие из них были представлены по доверенностям. В последнюю минуту в зал впорхнула Леда, весело крикнув:

— Привет всем!

Потом она обернулась к своему отцу.

— Папочка, я получила извещение и решила повеселиться, так что вскочила в автобус и примчалась сюда. Надеюсь, я ничего не пропустила?

Она лишь мельком глянула на Торби, хотя он сидел на возвышении вместе с директорами. Юноша почувствовал облегчение и обиду одновременно: он не виделся с Ледой с тех пор, как они расстались в Сан-Франциско. Он знал, что девушка живет где-то в Радбек-Сити и нередко появляется в городе, но Гарш сказал, чтобы он даже не пытался встречаться с ней.

— Только круглый дурак может волочиться за

женщиной после того, как она ясно дала понять, что не желает его видеть.

Однако Торби не забывал, что он должен вернуть Леде некую сумму — с процентами, и чем быстрее, тем лучше.

Уимсби попросил тишины и объявил, что в соответствии с повесткой дня собранию предстоит выдвинуть кандидатов и провести выборы.

Молоток с грохотом опустился на крышку стола.

— Сейчас секретарь огласит список кандидатов на пост председателя Совета, — лицо Уимсби озарилось торжествующей улыбкой.

Эта улыбка встревожила Торби. С учетом его собственной доли и доли родителей, он располагал примерно сорока пятью процентами акций. Зная имена акционеров, возбудивших против него дела, а также пользуясь другими источниками информации, он мог заключить, что Уимсби контролирует около тридцати одного процента; Торби нужно было набрать еще шесть. Он рассчитывал, что ему поможет громкое имя «Радбек из Радбека», но надежда была весьма слабая, хотя Уимсби было необходимо набрать из оставшихся голосов втрое больше. Торби не был уверен в том, что дядя Джек еще не «положил их в карман».

Но он встал и, от имени своих акций, выдвинул собственную кандидатуру.

— Тор Радбек из Радбека.

Затем акционеры один за другим отказывались от права выдвижения кандидатуры, и наконец прозвучала фамилия Уимсби. На нем представление закончилось.

— Секретарь огласит список! — объявил Уимсби.

— Прошу сообщить, сколько у вас имеется голосов и сколько вы представляете по доверенности. Клерк сверит номера акций с записями в Главной книге. Тор Радбек... из Радбека!

Торби назвал свои сорок пять процентов и уселся на место, ощущая все возрастающее беспокойство. Он достал карманный калькулятор. Всего было девяносто четыре тысячи голосов, и Торби не мог позволить себе считать в уме. Секретарь зачитал номера, и клерк уткнулся в свои записи. Для того, чтобы победить с преимуществом в один голос, Торби нужно было набрать пять тысяч шестьсот пятьдесят семь.

Он начал медленно складывать; двести тридцать два, девятьсот шесть, тысяча девятьсот семнадцать — некоторые напрямую, другие — по доверенностям. Однако на счету Уимсби тоже

прибывало. Некоторые акционеры объявляли, что отдают свои голоса доверенному, иные вовсе не отзывались. По мере того, как зачитывались все новые и новые имена, обладатели которых никак не реагировали, Торби начинал подозревать, что все их доверенности находятся в руках Уимсби. Однако счет Радбека из Радбека рос — две тысячи двести пять, три тысячи тридцать шесть, четыре тысячи триста девять... и вдруг все кончилось. На оставшиеся имена никто не откликнулся.

Гарш склонился к уху Торби.

— Остались только наши приятели.

— Я знаю,— Торби убрал калькулятор. Что ж, в конце концов Уимсби победил.

Было ясно, что секретаря заранее проинструктировали, чьи имена назвать под занавес.

— Его честь Курт Брудер!

Брудер отдал свой единственный голос Уимсби.

— Наш председатель, мистер Джон Уимсби!

Уимсби встал, радостно улыбаясь.

— Лично мне принадлежит только одна акция. Но в силу доверенностей, которые я получил и которые находятся у секретаря, я...

Торби не стал слушать и потянулся за своей

шляпой.

— Подсчет голосов завершен, и я хотел бы... — начал секретарь.

— Нет!

Леда вскочила на ноги.

— Я присутствую здесь лично! Это мое первое собрание, и я собираюсь участвовать в голосовании!

Уимсби поспешно забормотал:

— Все в порядке, Леда, ты не должна вмешиваться, — он обернулся к секретарю. — Это не повлияет на результат.

— Еще как повлияет! Я отдаю свои тысячу восемьсот восемьдесят голосов Тору, Радбеку из Радбека.

Уимсби вытаращил глаза.

— Леда Уимсби!

— Мое имя — Леда Радбек! — звонким голосом объявила девушка.

— Незаконно! — вскричал Брудер. — Голоса подсчитаны! Это уж слишком...

— Ничего подобного! — ответила Леда. — Я здесь, и я голосую. Я отозвала свою доверенность. Это зарегистрировано в почтовом отделении на первом этаже, и я предъявила оформленный и подписанный документ официальным лицам

корпорации — я правильно выражаюсь, судья? — за десять минут до начала собрания. Если не верите — убедитесь сами. Впрочем, какая разница? Я сама здесь. Можете меня потрогать, — она обернулась к Торби и улыбнулась ему.

Торби попытался выдавить ответную улыбку и гневно прошептал Гаршу:

— Почему вы держали это в секрете?

— Чтобы наш «честный Джим» не сообразил, что ему следует выпросить, занять или купить недостающие голоса. Тогда он вполне мог выиграть. Леда по моему совету держала его в счастливом неведении. Вот это девушка! Смотри, не упусти ее.

Пятью минутами позже Торби, бледный и потрясенный, поднял молоток, брошенный Уимсби, и посмотрел в зал.

— Приступаем к выборам членов правления,— объявил он нетвердым голосом. Список, составленный им и Гаршем, не вызвал возражений. В него было внесено лишь еще одно имя: Леда Радбек.

Она вновь вскочила на ноги.

— Что вы? Как можно!

— Возражение отклоняется. Вы взяли на себя ответственность, так несите ее.

Девушка умолкла и села на место.

Как только секретарь объявил результаты, Торби обратился к Уимсби:

— Вы еще и генеральный управляющий, не так ли?

— Да.

— Вы уволены. Ваша акция аннулирована. Не пытайтесь вернуться в свой бывший офис. Забирайте свою шляпу и уходите.

Брудер вскочил с места. Торби обернулся к нему.

— И вы тоже. Сержант, проводите их к выходу.

Глава 23

Торби мрачно глядел на стопку бумаг, каждая из которых была помечена грифом «срочно». Он взял один документ, начал его читать... и отложил в сторону.

— Долорес, переключите все вызовы на меня, и можете идти домой.

— Сэр, я могу задержаться.

— Я же сказал: отправляйтесь домой. Неужели вы надеетесь найти себе мужа, имея такие синяки под глазами?

— Спокойной ночи.

Хорошая девушка, ей можно доверять, подумал он. По крайней мере — ему хотелось на это надеяться. Торби вовсе не хотел оказаться «метлой, которая чисто метет». Администрация должна продолжать работу. Он набрал номер.

Безликий голос произнес:

— Скрэмбл семь[27].

— «Прикованный Прометей»,— ответил Тор-

[27] notes: 27

...скрэмбл семь... — Скрэмблер (с англ. «взбалтыватель», «перемешиватель») — аппарат для шифровки телефонных разговоров. Диалог в романе посвящен установлению скрэмблерного режима.

би,— плюс девять будет шестнадцать.

— Скрэмбл организован.

— Здесь тоже, — подтвердил Торби.

На экране появилось лицо генерала «Смита».

— Привет, Тор.

— Мне очень жаль, но нашу ежемесячную встречу опять пришлось отложить. Мне бы не хотелось этого делать, но посмотрите на мой стол.

— Никто и не думал, что ты станешь отдавать делам корпуса все свое время.

— Черт побери! Именно это я и собирался сделать: разгрести дерьмо, приставить к делу подходящих людей и уйти в корпус! Но это не так-то просто.

— Тор, ни один нормальный офицер не позволит себе расслабиться до тех пор, пока в его подразделении не будет наведен порядок! И мы оба знаем, что у тебя на многих участках неладно.

— Так... В общем, я пока не могу с вами встретиться. У вас есть пара минут?

— Ну, Бог с тобой, — смилостивился «Смит».

— Мне кажется, я нашел одного парня, который мог бы охотиться на дикобразов. Вы не забыли?

— Еще бы. «Дикобраза не едят».

— Точно! Но, чтобы понять ваши слова, мне

пришлось отыскать изображение этого животного. Пользуясь лексиконом Торговцев, можно сказать так: чтобы придушить какое-либо дело, надо сделать его неприбыльным. Нападение на корабли с целью захватить людей в рабство — по сути своей обычный бизнес, так что покончить с ним можно, лишь поставив на его пути красный свет. И если потенциальные жертвы пиратов утыканы иглами, к ним никто не подступится.

— Если бы мы располагали такими средствами... — ответил шеф корпуса. — А что, у тебя есть какие-то идеи насчет оружия?

— За кого вы меня принимаете? За гения? Ну ладно, скажу: кажется, мне удалось найти одного парня. Его зовут Джоэл Делакруа. По-видимому, этот парень — ярчайшая звезда МТИ. Как-то раз я говорил с ним о задачах, которые мне приходилось решать на посту корабельного стрелка «Сизу». И он тут же предложил одну великолепную идею... Он сказал: «Тор, это же просто смешно: парализующий луч выводит из строя корабль, вооружения которого хватило бы, чтобы зажечь маленькую звезду».

— Очень маленькую. Но я с ним согласен.

— Отлично. Так вот, я отправил Джоэла в наши Гавермейерские лаборатории в Торонто. Как

только ваши ребята одобрят его планы, я дам ему грузовик денег и полную свободу действий. Я расскажу ему все, что знаю сам о тактике рейдеров и прочих вещах — у меня не будет времени работать с ним лично, но уж то, что у меня в голове, я ему отошлю обязательно. Меня последнее время буквально разрывают на части.

— Но ему потребуются хорошие помощники. В домашней мастерской такие исследования провести невозможно.

— Знаю. Я представлю вам имена, как только у меня будет время этим заняться. Для проекта «Дикобраз» Делакруа получит столько средств и людей, сколько будет нужно. Скажите лишь, сколько таких установок я смогу продать гвардии?

— Что?

— Мне нужно делать дело. Если будут убытки, меня попросту уволят. Я мог бы осыпать проект «Дикобраз» дождем мегабаков, но я отчитываюсь перед директорами и акционерами. Если выйдет что-то путное, я мог бы продать несколько сотен установок Вольным Торговцам и какое-то количество передать своим собственным предприятиям. Но для того, чтобы оправдать расходы, мне нужна уверенность, что у меня будет большой потенци-

альный рынок. Сколько может взять гвардия?

— Тор, ты напрасно беспокоишься. Даже если ты не изобретешь сверхоружия — кстати, тут твои шансы невелики — то все равно исследования, производимые твоими лабораториями, окупятся. Акционеры ничего не потеряют.

— Я не зря беспокоюсь. Я добился своего поста лишь незначительным большинством голосов; собрание акционеров может вышвырнуть меня на улицу хоть завтра. Я уверен: исследования окупятся. Быстро ли? Не знаю. Можете быть уверены: люди, желающие избавиться от меня, знают о каждом моем шаге. И мне приходится отчитываться за каждый доллар.

— Может быть, заключим контракт на исследовательские работы?

— И чтобы ваш подполковник дышал в затылок моим ребятам и говорил, что они должны делать? Я же сказал: мы намерены предоставить им полную свободу действий.

— М-да... Может быть, составить протокол о намерениях? Мы заплатим по максимуму. Придется просить аудиенции у Главнокомандующего. Он сейчас находится на Луне, а я не смогу выкроить время, чтобы отправиться туда лично. Так что придется подождать несколько дней.

— Я ждать не стану; мне достаточно вашего слова. Расправлюсь со своими делами и завяжу с этой сумасшедшей работой; если даже вы не возьмете меня в корпус, я уж во всяком случае смогу стать простым артиллеристом.

— Зайди ко мне вечерком. Я зачислю тебя и тут же прикажу исполнять свои обязанности на том месте, которое ты сейчас занимаешь.

У Торби отвисла челюсть.

— Вы не можете так поступить со мной!

— Если ты будешь таким идиотом, что поступишь под мое начало, я так и сделаю, Радбек!

— Но... — Торби умолк. Спорить не имело смысла; впереди еще была бездна работы.

— Хочешь сказать что-нибудь еще? — добавил «Смит».

— Э-э... нет.

— Я займусь Делакруа завтра же. Увидимся позже.

Торби дал отбой, и на душе стало еще пасмурнее. Дело было не в полушутливой угрозе генерала; необходимость потратить большие средства, принадлежавшие другим людям, на проект, который мог провалиться, тоже не беспокоила его. Просто он взялся за работу, которая оказалась гораздо труднее, чем можно было

ожидать.

Он взял из стопки верхний лист и вновь положил его обратно. Нажав клавишу, соединился с поместьем. На экране появилось лицо Леды.

— Я сегодня опять задержусь. Ты уж извини меня.

— Ну что ж, придется перенести начало обеда на более поздний срок. Пускай гости развлекаются, а я присмотрю на кухне за канапе.

Торби покачал головой.

— Не надо, садитесь за стол. В крайнем случае, поужинаю прямо здесь. Может быть, даже заночую.

Леда вздохнула.

— Если, конечно, ты вообще ляжешь спать. Давай договоримся, мой милый глупыш: ты отправишься в постель не позже полуночи и встанешь не раньше шести. Обещаешь?

— Хорошо. Постараюсь.

— Уж постарайся, или будешь иметь дело со мной. Пока!

На сей раз Торби даже не прикоснулся к верхнему листу.

Он просто сидел и размышлял. Хорошая девушка Леда, она даже пыталась помочь ему в делах, пока не стало ясно, что бизнес — не самая силь-

ная ее сторона. Но Леда оказалась единственным огоньком во тьме, единственной, кто неизменно оказывал Торби поддержку. И не будь женитьба проклятьем для гвардейца... нет, он не мог так поступить с Ледой; к тому же, Леда не давала ему повода думать, что она вообще захочет выйти за него. Кстати, он поступил очень некрасиво, отказавшись в последнюю минуту явиться на званый обед. И вообще в последнее время он вел себя не лучшим образом. Надо постараться быть более внимательным к девушке.

На первый взгляд все казалось самоочевидным: взять управление в свои руки и провести дезинфекцию в секторе, ведущем дела с Саргоном. Но чем глубже он вникал в ситуацию, тем больше видел сложностей. Налоги... дела с налогами всегда были чертовски запутаны. Вот, скажем, программа колонизации новых планет, предложенная Веганской Лигой — откуда ему знать, стоящее ли это дело, ведь он там не бывал и ничего не видел! А если бы и побывал и посмотрел — разве это помогло бы ему? И как найти время?

Это смешно, но владелец сотен звездолетов автоматически, вследствие этого, лишен возможности взойти на борт одного из них и отправиться в космос. Может быть, через год-два...

Черт побери, но эти проклятые завещания даже и тогда не будут еще утверждены окончательно! Уже прошло два года, а суды все тянут эту резину. Неужели вопрос о смерти родителей нельзя решить прилично, как это делают Торговцы?

И пока тянется дело, он не может взяться за работу папы.

Конечно, кое-что сделать удалось. Он предоставил корпусу архивы Радбеков, тем самым прояснив некоторые детали; генерал рассказал ему о рейде, вычистившем одно из прибежищ работорговли. Успех налета обеспечили сведения, полученные от служащих компании, которые даже не догадывались о значении этих сведений.

А может быть, все-таки кто-то догадывался? Порой ему казалось, что Уимсби и Брудер все знали, иногда он думал, что нет, ведь все документы свидетельствовали о полной законности их деятельности... Правда, иногда их партнерами оказывались сомнительные личности. Но кто знал, что это за люди?

Торби открыл ящик стола и извлек оттуда папку, на которой не было надписи «срочно» только потому, что он вообще никогда не выпускал ее из рук. По его мнению, папка содержала самые неотложные дела компании, а может быть, и

всей Галактики — даже более срочные, чем проект «Дикобраз», который представлялся делом отдаленного будущего. То, что было в этой папке, могло нанести тяжелый удар по работорговле или как минимум серьезно подорвать ее. Однако дело шло медленно, и впереди был непочатый край работы.

Слишком много дел. Бабушка любила повторять, что никогда не следует покупать больше яиц, чем влезает в корзинку. Интересно, где она выискала такое сравнение? Вольные Торговцы не покупали яиц. А у Торби скопилось множество корзин, в каждой из которых их явный излишек. И каждый день приносит новую корзину.

Разумеется, в трудную минуту он мог спросить себя: «А что бы сделал на моем месте папа?» Брисби говорил так: «Я просто задаю себе вопрос: как бы поступил полковник Баслим?»

Это помогало, особенно когда он вспоминал о словах судьи, который призывал его проявить осторожность в тот день, когда акции его родителей окончательно перейдут к нему:

— Никто не может обладать чем-либо единолично, и чем больше богатство человека, тем в меньшей степени оно принадлежит ему. Вы не в силах распоряжаться собственностью по своему

собственному усмотрению и не имеете права делать глупости. Ваши интересы перекрываются интересами акционеров, служащих и всего общества в целом.

Прежде чем приступить к проекту «Дикобраз», Торби мысленно обсудил это предостережение с папой.

Судья был прав. Как только Торби возглавил компанию, его первым желанием было сразу же прекратить всякую деятельность Радбеков в зараженном работорговлей секторе и тем самым нанести ей сокрушительный удар. Но это было невозможно. Борясь с преступниками, нельзя наносить ущерб тысячам и миллионам честных тружеников. Здесь требовалось тонкое хирургическое вмешательство.

Именно этим Торби и пытался заниматься сейчас. Он принялся изучать содержимое безымянной папки.

В дверь просунулась голова Гарша.

— Все корпишь? Что за спешка, парень?

— Джим, где найти десяток честных людей?

— Хм... Диоген был бы счастлив найти хотя бы одного. И с этим не смог справиться.

— Вы знаете, о чем я толкую. Мне нужны десять честных грамотных специалистов, которые

могли бы возглавить представительства Радбеков на различных планетах. («И таких, против которых не возражал бы корпус», — добавил про себя юноша).

— Ничего себе проблемка.

— А что еще можно сделать? Я бы заменил ими управляющих, работающих в зловонном секторе. Просто уволить управляющих нельзя; нам придется принять их здесь. Ведь нам ничего наверняка не известно. А новым людям мы сможем доверять, они разберутся в принципах работорговли и поймут, что именно нужно искать.

Гарш пожал плечами.

— Да, похоже это лучшее, что только можно придумать. Но не думай, что нам удастся решить задачу одним лихим наскоком; столько честных и квалифицированных специалистов зараз не найти. И уж конечно, парень, вряд ли ты сумеешь отыскать решение прямо сейчас, даже если будешь пялиться в эти списки всю ночь напролет. Когда ты станешь стариком вроде меня, то поймешь, что нельзя заниматься всем сразу, если не хочешь загнать себя в гроб. Все равно когда-нибудь ты умрешь, и работу продолжит кто-то другой. Ты мне напоминаешь человека, который вознамерился сосчитать все звезды на

небе. Чем быстрее он считал, тем больше вспыхивало звезд. И тогда он отправился на рыбалку. Ты должен поступать так же, и чем раньше и чаще, тем лучше.

— Джим, чего ради вы связались со мной? Все уже давно ушли, а вы все здесь.

— Потому что я старый идиот. Кто-то ведь должен тебе помочь. К тому же, я радуюсь возможности хорошенько врезать по такому грязному делу, как работорговля. И это — единственный способ. Я уже слишком стар и толст, чтобы действовать по-другому.

Торби кивнул.

— Это уж точно. Вот я мог бы бороться по-своему, но, черт побери, у меня так много обязанностей, что я не в силах выкроить ни секунды на все то, что мне следовало бы делать, и уж конечно, у меня никогда не будет ни малейшей возможности делать то, что я хочу!

— Это всеобщий закон. Чтобы выстоять в этой жизни, ты должен время от времени позволять себе делать то, что тебе больше всего хочется. Давай начнем прямо сейчас. Не станем ничего планировать на завтра, а просто прихватим пакет с бутербродами и отправимся глазеть на красивых девушек.

— У меня на завтра назначен званый обед. Я хотел сегодня поработать подольше.

— Ничего подобного. Даже стальной корабль порой нуждается в ремонте. Так что забудь о делах.

Торби глянул на стопку бумаг.

— Ну ладно.

Старик жевал бутерброд, прихлебывал пиво и смотрел на красивых девушек. На его лице играла улыбка невинного удовольствия. Вокруг было полно красоток: в Радбек-Сити всегда хватало шоу-звезд.

Торби не обращал на них ни малейшего внимания. Он размышлял.

Человек не должен забывать о возложенной на него ответственности. Не должен капитан, не должен и старший помощник. Но Торби не видел никакой возможности вступить в корпус Баслима, не нарушая этого принципа. И все же Джим прав: здесь также было поле битвы с грязным бизнесом — торговлей невольниками.

Даже если ему не нравится такой способ борьбы? Даже тогда. Полковник Брисби, вспоминая о Баслиме, как-то раз сказал: «...если ты предан делу свободы, то ради нее отказываешься от своей собственной свободы... живешь, как нищий, как

раб... или даже гибнешь ради того, чтобы жила свобода».

Да, папа... но я не знаю, как взяться за это дело. Я лишь пытаюсь, иду ощупью, ведь у меня нет никаких способностей к этой работе.

— Чепуха! — отвечал Баслим. — Ты можешь выучиться всему, если сумеешь себя заставить. Ты научишься, даже если мне придется оторвать твою глупую башку!

Из-за плеча папы выглядывала бабушка, кивая в знак одобрения и серьезно глядя на юношу. Торби кивнул ей в ответ.

— Да, бабушка! Хорошо, папа! Я постараюсь.

— Надо не просто постараться. Этого мало.

— Да, папа.

— А теперь ступай обедать.

Торби послушно потянулся за ложкой, но увидел, что перед ним вместо миски с похлебкой лежит сэндвич.

— Что ты бормочешь? — спросил Гарш.

— Ничего. Принял одно решение.

— Дай своим мозгам отдохнуть и раскрой пошире глаза. Для всего есть свое время и свое место.

— Вы правы, Джим.

— Доброй ночи, сынок, — шепнул старик нищий. — Добрых снов... и удачи тебе!

Роберт Хайнлайн
Марсианка Подкейн

1

Всю жизнь я мечтала слетать на Землю. Не жить там, конечно, а просто посмотреть. Всем известно: Земля — чудесное место для всяких-разных экскурсий, но чтобы жить там… Для этого она не годится.

Лично я не верю, будто человечество произошло с Земли.

Это подтверждается лишь фунтом-другим старых костей плюс рассуждениями антропологов, которые между собою-то не могут толком договориться, а еще силятся скормить эту чепуху всем прочим.

Сами посудите: сила тяжести на Терре явно велика для человека и оттого многие страдают грыжами, плоскостопием и сердечной недостаточностью. Люди там вынуждены укрываться от солнца, чтобы не упасть в обморок или не сыграть в ящик, — а ведомо ли вам хоть одно живое существо, которое бы защищалось от собственной среды обитаниями. А уж зеленая экология…

Ерунда все это. Мы, люди, просто не могли зародиться на Земле, да и на Марсе, признаться, тоже, хотя нынешний Марс ближе к идеалу, чем

прочие планеты Системы. Может быть, нашей прародиной была погибшая планетами, но моя родина — Марс; я всегда буду помнить его, куда бы меня ни забросило.

А я собираюсь далеко, очень далеко.

Но сперва я хочу слетать на Землю — вроде как для разминки перед стартом — и заодно посмотреть, как, Во Имя всех святых, восемь миллиардов людей могут жить буквально друг на друге (хотя на Терре заселена едва половина суши). И еще я хочу увидеть океан… с безопасного расстояния. Это что-то фантастическое. Меня в дрожь бросает, как представлю столько воды безо всякой посуды. А если войти и океан, вода покроет тебя с головой. Невероятно!

Скоро я увижу его!

Наверное, пора уже представить нас, семейство Фрайзов, я имею в виду. Меня зовут Подкейн Фрайз, для друзей — просто Подди. Если хотите, можем подружиться. Пол — женский, возраст — юный; сейчас мне чуть больше восьми лет. Как говорит дядя Том, на яичницу я уже не годна, а до замужества еще не доросла. Все верно, ведь марсианская гражданка может подписать неограниченный брачный контракт без согласия опекуна не раньше девятой годовщины. Мой

рост без каблуков — 157 сантиметров, вес — 49 килограммов. «Пять футов, два дюйма и голубые глаза», — как зовет меня Па. Он историк и романтик, а вот я совсем не романтичная; когда мне исполнится девять лет, я не буду спешить с браком, даже ограниченным. У меня другие планы.

Я вовсе не против замужества. Думаю, мне не придется долго искать мужчину по вкусу. В этих записках можно быть откровенной — зачем скромничать, если никто их не прочтет, пока я не стану старой и знаменитой, а до тех пор я десять раз успею переписать все набело. Но я все-таки подстраховываюсь: пишу по-английски древнемарсианскими письменами. Па мог бы разгадать этот шифр, но он никогда не тронет моих бумаг без разрешения. Он умница и не опекает меня по мелочам.

А вот мой братец Кларк вполне может сунуть сюда нос. К счастью, он считает английский мертвым языком и, уж конечно, не станет забивать мозги древнемарсианским письмом.

Может, вам попадалась такая книга: «Одиннадцать лет. Адаптационный кризис мужчины перед половым созреванием». Я приперла ее в надежде, что она поможет совладать с братцем.

Кларку всего шесть, но в книге имеются в ви-

ду зеленые годы: написал-то ее землянин. Если взять шесть с коэффициентом 1,8808, то как раз и выйдет одиннадцать земных лет-недомерков.

Толку от книги было мало. Автор рассуждал о «смягчении перехода в социальную группу», а Кларк, похоже, пока не собирается присоединяться не только к группам, но и ко всему роду человеческому. Он, скорее, выдумает способ разнести Вселенную вдребезги, чтобы полюбоваться взрывом. Поскольку отвечать за него приходится мне, а его «ай-кью» (коэффициент интеллектуальности) — 160 (против моих 146-ти), можете себе представить, как мне недостает солидности и возраста. Пока что я вывела для себя правило: «Всегда будь начеку и не верь ни единому слову». И обращаюсь с Кларком соответственно.

Но вернемся ко мне. В моих жилах смешалось бог знает сколько кровей, но по внешности я ближе к скандинавскому типу с пикантной капелькой полинезийского и азиатского. У меня довольно длинные ноги, окружность талии — 48 сантиметров, а груди — 90, причем, будьте уверены, это не сплошная грудная клетка (мы, потомки первых колонистов, склонны к гипертрофии легких), осталось место и для расцветающих вторичных половых признаков. Добавлю, что я

натуральная блондинка с вьющимися волосами, и я — симпатичная. Не красавица — Пракситель не взглянул бы на меня второй раз — но ведь рафинированная красота отпугивает людей и порождает самомнение, а вот симпатичная внешность — качество ценное, если с умом ею пользоваться.

Еще года два назад я горевала, что не родилась мужчиной (несмотря на мои амбиции), но потом сообразна, что все это глупости и жалеть об этом, все равно что мечтать об ангельских крылышках. Как говорит мама, работать надо с тем, что есть под руками… И я нашла, что мои подручные материалы вполне меня устраивают. Я почувствовала, что мне нравится быть женщиной: гормональный баланс у меня — о'кей, я вполне приспособлена к среде, а она — ко мне. Я довольно умна, но не кичусь этим, у меня большой рот и курносый нос. Когда мне нужно выглядеть сконфуженной, я его морщу, и мужчины бывают рады выручить меня, особенно те, кто вдвое старше. Образно говоря, баллистическую траекторию лучше всего рассчитывать не на пальцах.

Такова я, Подди Фрайз, свободная гражданка Марса, женщина; в будущем — пилот, а потом — командир исследователей глубокого космоса.

Ищите мое имя на первых полосах.

Мама смотрится вдвое лучше, чем я. Сколько бы я ни росла, ее мне не догнать. Больше всего она похожа на валькирию, готовую умчаться в небо на боевой колеснице. Ее диплом инженера крупномасштабного строительства действителен по всей Системе, а за участие в перестройке Фобоса и Деймоса маму наградили медалью Гувера и Офицерским Крестом Христианского Ордена. Но она вовсе не сухой технарь, из тех что зажаты рамками узкой специализации. Мама хорошо держится в обществе и легко варьирует поведение в пределах от чарующей дружелюбности до леденящей неприступности, смотря по обстоятельствам. У нее куча почетных дипломов, и время от времени она публикует маленькие шедевры, вроде «Критерии строительства связанных многослойных структур под давлением с учетом радиационного воздействия».

Работа часто отрывает маму от дома, и мне волей-неволей приходится опекать братца. Я утешаюсь тем, что для меня — это хорошая практика: как же я буду заправлять космическим кораблем, если не смогу приручить шестилетнего дикаря. Мама говорит, что, если начальник бьет подчиненных по головам гаечным ключом, он, чаще

всего, неправ. Так что я стараюсь не применять силу к нашему юному нигилисту, тем более что с Кларком это небезопасно. Весит он не меньше меня и не брезгует грязными приемами.

Мы с Кларком появились на свет именно из-за маминой работы на Деймосе, Она твердо решила закончить строительство в срок, а папа, выпускник Арес-Университета и гуггенхеймовский стипендиат, с еще большим упорством дрался за каждый камешек древних марсианских строений, и ему было наплевать на строительство и его сроки. Папа с мамой так враждовали, что вскоре уже не могли жить друг без друга. В конце концов, они поженились, а потом пошли дети. Па с мамой ориентированы в разные стороны: — его интересует прошлое, а ее — будущее: она ведь сама его строит. У Па еще звание профессора земной истории, но его настоящая любовь — история Марса, особенно то, что было 50 миллионов лет назад. Но не подумайте, Па не какой-нибудь засушенный «проф», занятый только высокими материями. Ему еще не было моих лет, а он уже сражался за Революцию и потерял руку во время ночного штурма здания Компании. Но и с одной рукой он стреляет без промаха.

И, наконец, последний член нашего семейства

— дядя Том, брат моего деда по отцовской линии. Сам себя он называет нахлебником. Действительно, за работой его увидишь не часто, но ведь он состарился еще до моего рождения. Как и папа, он — ветеран Революции, в прошлом — Командир Марсианского Легиона и Старший Сенатор Республики. Сейчас он отошел и от политики, и от Легиона, и от работы в выборных органах. Вместо этого он ошивается в Клубе Стервятников, где играет в пинокль с такими же осколками славного прошлого. Пожалуй, из нашей семьи он мне ближе всех: он не такой целеустремленный, как мои родители, и не так занят; у него всегда есть время поболтать со мной. Ко всему прочему, на нем сидит маленький чертенок, то и дело совлекающий его с пути истинного. Дядя Том говорит, что мой чертенок побольше и посильнее, поэтому он и относится сочувственно к моим проблемам. Сама я предпочитаю забыть этот вопрос.

Вот такая у меня семья, и все мы собираемся слетать на Землю. Ой, я забыла еще троих детей. Но они, пожалуй, не считаются, то-то я о них и не вспомнила. Когда папа с мамой поженились, Бюро ДЭГ (Демография, Экология, Генетика) дало им разрешение на пятерых детей. Им разрешили бы и семерых.

Вы, наверное, уже поняли, что в марсианском обществе они котируются довольно высоко.

Но мама твердо заявила, что пятеро детей — максимум, на больше у нее времени не хватит, и родила всех нас в самые сжатые сроки. При этом она работала в Бюро Планетной Инженерии, чтобы не умереть со скуки. А потом заморозила одного за другим всех своих детишек. Всех, кроме меня; я-то была первой. Кларк два года провел при глубоком минусе, а то был бы моим ровесником. Конечно, время гибернации не считается: официально Кларк родился в тот день, когда его разморозили.

Помню, я страшно ревновала. Мама тогда вернулась с разведки Юноны и сразу же занялась Кларком, а мне это казалось ужасной несправедливостью.

Дядя Том помог мне смириться с этим, он-то никогда не забывал приласкать меня. Теперь я, конечно, больше не ревную к Кларку — просто здорово устала от него.

Так что под зданием яслей в Марсополисе дожидаются своего часа Гамма, Дельта и Эпсилон. Вернувшись с Земли, мы разморозим кого-то из них и дадим настоящее имя. Мама хочет разом ревитализовать Гамму и Эпсилон (они девочки),

а мальчика Дельту запустить не раньше, чем девочки научатся помогать по дому. Папа же говорит, что это несправедливо: Дельта имеет все права быть старше Эпсилон по естественному праву первородства. А мама отвечает, что это — благоговение перед прецедентом, и недурно бы папе оставить эти пережитки прошлого в кампусе и не тащить домой. Папа упрекает маму в абсолютной бесчувственности, а мама соглашается и говорит, что чувства только мешают разумному решению проблемы. «Ладно, будем разумными, — говорит тогда Па. — Старшие сестры или подавят личность ребенка, или вконец его избалуют».

Мама называет папину гипотезу ненаучной и нелогичной.

Па говорит, что она собирается увильнуть от своих обязанностей, подменив воспитание серийным производством, и мама радостно соглашается с этим, а потом спрашивает: «Отчего бы не применить в семейной жизни апробированные технологические принципы?»

Па оставляет вопрос висеть в воздухе и со вкусом описывает, какое любопытное зрелище явят собой две одинаковые девчушки… Назвать их надо будет Маргарит и Марго, а в домашнем оби-

ходе звать Пэг и Мэг.

Однажды Кларк шепнул мне: «А зачем их размораживать? Не лучше ли забраться туда ночью и открыть вентили, будто случилась авария?»

Я велела ему прополоскать рот синильной кислотой и посоветовала не говорить ничего такого при папе. Представляю, какую трепку задал бы ему папочка. Хоть он и историк, но в педагогике следует самоновейшим принципам: всякий раз, когда нужно, чтобы урок не забылся, он закрепляет информацию в коре больших полушарий при помощи болевых ощущений. «Пожалеешь розгу — испортишь ребенка», — говорит он.

Я с величайшей готовностью усваиваю новые навыки. Очень рано я научилась предвидеть неприятные случайности и избегать приложения к себе папочкиной педагогики вкупе с его рукой. Другое дело — Кларк: если его треснуть дубинкой, он и внимания на вас не обратит.

В общем, дело идет к тому, что скоро у нас будут сестрички-двойняшки. Но меня это не колышет — для девушки моих лет вполне достаточно одного Кларка. Когда они вырастут настолько, чтобы досаждать мне, я уже буду довольно далеко.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Привет, Под!

Ты, значит, возомнила, что я не смогу прочесть твои каракули, разительно похожие на червоточину. Много ты обо мне знаешь! Так вот, Подди (о, простите, я хотел сказать — Капитан Подкейн Фрайз, Славный Разведчик Дальнего Космоса, повелительница мужчин)... так вот, дорогая капитан Подди, надо думать, ты никогда этого не прочтешь — тебе и в голову не придет, что я разгадал твой «шифр» и пишу комментарий на широких полях твоего мемуара.

К твоему сведению, дорогая сестрица, я читаю на староанглийском не хуже, чем на орто. Не так уж это трудно. Я его выучил, когда обнаружил, что миллионы интересных книг никогда с него не переводились. Свои таланты я предпочел держать в рукаве; так оно спокойнее, а то кто-нибудь непременно запретит тебе заниматься любимым делом. Родная сестра, например.

Подумать только, простую подстановку ты величаешь шифром! Если бы ты, Подди, взаправду умела писать на древнемарсианском, я бы вовек не прочел твои писульки. Но ты не умеешь! Бог

мой, ведь даже Па не может свободно на нем писать, а уж он-то знает древнемарсианский лучше всех в Системе.

А вот мой шифр тебе нипочем не разгадать — у меня его попросту нет.

Попробуй-ка взглянуть на эту страничку в ультрафиолете, под кварцевой лампой, например.

2

Дьявол!!!

Грязь в ушах и заусенцы! Плевать хочу! ТЬФУ!

МЫ НИКУДА НЕ ЛЕТИМ.

Сперва я подумала, что это новая грязная выходка моего хитроумного братца, но вскоре поняла, что он здесь не при чем. (Спасибо хоть на этом.) Тут мало одних черных замыслов, тут нужна машина времени. Конечно, Кларк и ее бы тишком построил, если бы смог… Хотя, с тех пор как он перенастроил робота-слугу, я уже ни в чем не уверена. Тот подавал Кларку невообразимые блюда и записывал их на мой кодовый номер. При этом было установлено, что гарантийную пломбу на контрольном блоке никто не трогал.

Никто и никогда не узнает, как Кларк умудрился все это провернуть. Компания готова была все простить и даже бесплатно исправить робота, если он согласится — если соизволит!

— рассказать, каким образом он совратил с пути истинного стопроцентно надежную машину. Но Кларк был глух к посулам — он состроил тупую мину и упорно молчал. Начали было подозревать меня, хотя любой, кто знает нас с братом

(Па и мама, например), присягнет, что я просто не способна заказать мороженое с засахаренными леденцами под соусом «голландез» или… нет, лучше не вспоминать, а то стошнит. А вот Кларк метелит все, что неспособно схарчить его самого, это все знают.

К счастью, записи в памяти робота доказывали мое алиби: во время этих тошнотворных застолий я гостила у друзей в Большом Сырте, за тысячу километров от дома. Ну да что там вспоминать. Ни одной девушке не пожелаю такого подарка — Сумасшедшего Гения, вселившегося в младшего братца. Лучше пусть он будет глуповатым и послушным созданием, пусть тихо сидит перед экраном видео и глазеет с открытым ртом на ковбойскую классику, не рассуждая, откуда берутся эти чудесные картинки.

Ну вот, опять меня увело от главного.

У нас не будет двойняшек.

У нас уже есть тройня.

Всем спорам пришел конец. Гамма, Дельта и Эпсилон превратились в Грейс, Дункана и Элспет во крещении и, что хуже всего, во плоти. Если, конечно, Па опять не передумает, а то у них уже было по три имени. Да что там имена!… Главное, что они здесь, и для них к дому пришлось прива-

рить детскую.

Три беспомощных человечка — кожа у ник розовая, как у канального червя, — и все почти одинаковые. Ручки-ножки дергаются, глазки не фокусируются, и сколько их не мой, от них всегда тошнотворно пахнет кислым молоком. С одного конца от них исходят скрипучие звуки — так они индуцируют друг друга, а о том, что творится на другом конце, лучше не вспоминать за столом. (Есть у них чудесная способность — писаться одновременно.)

Но все– таки в них что-то есть. Наверное, я привязалась бы к ним, если бы по их милости не пошли прахом все мои мечты. Ручаюсь, Дункан уже узнает меня.

Мне еще предстоит привыкать к ним, а вот мамино отношение вернее всего определить как торжество атавистических инстинктов. Литературу по специальности она совсем забросила, глаза у нее сияют, как у мадонны, она даже стала как-то шире и ниже ростом. И все это за какую-то неделю.

А это, значит, во-первых: ни с малышами, ни без оных ни на какую Землю она не полетит.

Во– вторых: Па без нее тоже не полетит; на эту тему они с Кларком крупно поговорили.

В– третьих: без них и мы, то есть Кларк и я, никуда не полетим. Я-то вполне могла бы путешествовать самостоятельно.

(Па согласен считать меня взрослой, учитывая взрослость суждений.) Но все это только в теории — ведь я еще не готова взвалить на себя полную ответственность за братца. Если уж нам случится быть за миллионы километров от родителей, я бы хотела иметь под рукой что-нибудь не менее авторитетное, «моргенштерн» [палица с острыми шипами], например. К тому же Па справедлив до абсурда: путешествие обещалось нам обоим, и он слышать не хочет о том, что полетит кто-то один из нас.

Конечно, справедливость — лучшая из родительских добродетелей, но в этом случае я бы, так уж и быть, смирилась с тем, что меня балуют и портят.

В общем, совершенно ясно одно — в этой невероятной дикой истории не замешаны ни Кларк, ни машина времени. Все это ударило по нему не слабее, чем по мне.

Как же это случилось? Подсаживайтесь поближе, расскажу.

Еще месяц назад, когда мы обсуждали, как полетим на Землю, все уже свершилось и только

ждало часа заорать нам в уши.

Дело обстоит так: тысячи младенцев дожидаются в яслях Марсополиса, когда родители удосужатся заняться милыми крошкам.

Тут они в абсолютной безопасности, при температуре чуть выше абсолютного нуля.

Говорят (и я этому верю), что яслям нипочем даже прямое попадание ядерной бомбы. Лет через тысячу спасатели разберут развалины и найдут резервуары и действующую аппаратуру, которая морозила младенцев все это время с точностью до сотых долей градуса.

Поэтому мы, люди Марса (не марсиане, заметьте себе; те — негуманоиды и почти все вымерли), рано вступаем в брак, заводим положенное число детей и избавляемся от них до лучших дней, когда будут время и средства для воспитания. Вот так мы обходим противоречие, которое портило жизнь людям Терры еще во времена промышленной революции — между возрастом, оптимальным для биологического воспроизводства, и теми летами, когда социальное положение родителей позволяет дать потомству наилучшие обеспечение и воспитание.

Именно так поступила лет десять назад чета Брайзов.

Когда они поженились, ей только-только исполнилось девять лет, а ему — чуть больше десяти. Он учился на пилота, она слушала какой-то курс в Арес-Университете.

Они подали прошение на троих детей, получили разрешение, сделали их и отложили до лучших дней. А сами продолжали учиться. Очень разумно.

Шли годы. Он летал пилотом, потом капиталом, а она сперва вела документацию на его корабле, а потом дослужилась до суперкарго; короче говоря, идиллия. Для тех, кто комплектует экипажи, супружеские пары — идеальный вариант.

Так вот, капитал Брайз и его миссис, отслужив свои 10,5 (20 земных) лет, вышли в отставку с пенсией в половину жалования и сразу же по радио распорядились раскупорить всех троих малышей.

Радиограмму в яслях получили, отстучали подтверждение и приступили к делу. Через пять недель счастливая чета получила своих крошек и вступила во вторую фазу безоблачной семейной жизни.

Это они так думали…

Но в ясли они сдали двоих мальчиков и девочку.

А получили двух девочек и мальчика — наших.

Невероятно, но факт.

Подмену они обнаружили только через неделю. В таком возрасте разница между совершенно новеньким младенцем-мальчиком и совершенно новенькой девочкой пренебрежительно мала, но все же есть. Как и следовало ожидать, открытие сопровождалось истерикой, суетой и активным вмешательством соседей.

Здесь нет ничего удивительного — ведь обычно детей купают по очереди. Но вот однажды миссис Брайз надумала искупать их вместе… и обнаружила… и упала в обморок. Младенца она уронила в воду, тут бы ему и конец, если бы на ее вопль не прибежал мистер Брайз, а следом — соседи.

Вот так у нас и появились тройняшки одного месяца от роду. Юрист, представлявший ясли, так ничего толком и не объяснил. Их система опознавания считается надежной на все сто процентов: компьютеры, регистраторы, серийные номера, отпечатки ножек. Лично мне кажется, что в этой системе все же есть слабое звено. К примеру, один клерк получает радиограмму за подписью «Брайз», другой скармливает машине карту с надписью «Фрайз», ну а машина честно

доводит дело до конца.

Но представитель явился не для объяснений. Он изо всех сил старался замять историю, решить все миром, без суда. В обмен на обязательство помалкивать маме и папе предлагался чек.

Родители приняли его (сумма равнялась трехгодовому маминому окладу) и адвокату явно полегчало.

Но никто не предложил компенсацию мне — за тяжелый урон, нанесенный моим надеждам, моим планам и всей моей жизни.

Кларк предложил вполне резонный, как ему думалось, выход — поменяться с Брайзами, Пусть, мол, они забирают тепленьких, а мы оставим за собой холодненьких и слетаем-таки на Землю.

Мой братец, похоже, так и не понял, как близко от него пролетел Азраил. Наш Па — очень добрый человек… но в тот день на него свалилось слишком много всего.

На меня тоже. По всем законам, божеским и человеческим, я должна уже быть на полпути к Земле. Это было бы мое первое путешествие за орбиту Фобоса. Но Фобос не в счет — это была обычная школьная экскурсия, своего рода медовый месяц для всего нашего класса.

Попробуйте-ка, догадайтесь, чем я занята?

Вам, наверное, невдомек, сколько раз на дню приходится менять пеленки под нашей тройней.

3

Без паники! Двигателям — стоп! Стереть все записи! Рапорты опротестовать…

МЫ ВСЕ-ТАКИ ЛЕТИМ НА ЗЕМЛЮ!!!

Правда, не все. Остаются Па и мама, ну и тройня, конечно, тоже… Нет, лучше расскажу все по порядку.

Вчера меня ДОСТАЛО. Я как заведенная меняла малышам пеленки — как только я разбиралась с последним, первый снова был мокрый. Выть хотелось, стоило представить, что должно было быть в это самое время. Я вхожу в салон-ресторан «Космопроходца» об руку с кем-нибудь из офицеров… или даже с капитаном (пошли мне судьба такую СЛУЧАЙНУЮ ВСТРЕЧУ, я бы уже сумела пустить в ход свою коронную мину озадаченного котенка).

И на этом самом месте суровая реальность снова ткнула меня носом в пеленки. Это меня и доконало. «Авгиевы конюшни», — подумала я и заплакала.

Вошла мама, и я попросилась отдохнуть хоть пару часиков.

— Конечно, отдохни, — ответила она, даже не

взглянув на меня.

Она тетешкалась с одним из младенцев и даже не заметила, что я плачу. Потом взялась перепеленывать младенца, причем того самого, которого я только что запеленала.

Перед этим она битый час втолковывала кому-то, что никуда не летит, но участвовать в новом проекте не сможет, потому что малышей нельзя оставлять даже на минуту. Словом, ее одолевал материнский зуд.

Да, мама сильно изменилась. Похоже, она накоротко замкнула цепи коры больших полушарий и отдала себя во власть дремучих инстинктов. Когда-то у нас была кошка, звали ее Мисс Полька, а потом, естественно, Мадам Полька. Так вот, мама возится с малышней, точно как Мадам Полька со своим первым пометом. Та, помнится, очень нас любила и доверяла во всем, что не касалось котят. Стоило кому-нибудь тронуть котенка, и она начинала беспокоиться. А уж если котенком хотели полюбоваться и доставали из ящика, тут же следом за ним выскакивала и мамаша, хватала его за холку и уволакивала назад. Ясно было, что только она одна знает, как следует обращаться с маленькими. При этом она яростно виляла хвостом, красноречиво показывая, что

она думает о безответственных людях.

Мама сейчас как раз такая. Мою помощь она принимает лишь по необходимости — с тройней слишком много забот. Сама она всерьез думает, будто без ее присмотра я толком не смогу взять младенца на руки.

Я обиделась и ушла из детской. Какой-то инстинкт повлек меня к дяде Тому.

Как повелось, в это время он был в Клубе Лосей. Мне пришлось порядком поскучать, пока он разделывался со своими партнерами по картам. Минут через десять он наконец вышел, пересчитывая толстую пачку купюр.

— Прости, что заставил ждать, — сказал он. — Я как раз учил наших сограждан чувствовать карту, ну и пришлось задержаться, собрать плату за урок. Ну а как твои дела?

Я хотела было рассказать все по порядку, но прямо-таки захлебнулась. Дядя вывел меня в парк, усадил и угостил пакетиком воздушного шоколада. Тут я выложила ему все, и мне сразу полегчало.

Он потрепал меня по плечу.

— Не вешай нос. И запомни: никогда не бывает так плохо, чтобы не могло стать еще хуже.

Он достал из кармана фон и позвонил куда-то.

Чуть погодя он сказал:

— Говорит сенатор Фрайз. Мне нужен директор. Не паникуйте, мисс, вызов неофициальный. — Через минуту он добавил: — Хайми? Это Том Фрайз. Как себя чувствует Джудит? Хорошо, хорошо… Хайми, сейчас я подъеду и запихаю тебя в один из наших баков с гелием… Минут через пятнадцать или около того. Так что у тебя еще есть время смыться из города. У меня все, — он сунул фон в карман. — Пойдем-ка, поужинаем. Никогда не вешайся натощак, моя милая, это вредно для желудка.

Дядюшка Том привел меня в Клуб Пионеров. Я не бывала там давным-давно, и с тех пор клуб, кажется, стал еще респектабельнее. У них там живые официанты… такие старые, что вполне могли быть Пионерами, а то и встречать здесь первый корабль с Земли. Все суетились вокруг моего дядюшки, а он называл их просто по именам, и они звали его просто «Том», но звучало это как «Ваше Величество». Сам хозяин подошел к нашему столику и принес десерт, а еще шесть официантов стояли наготове и подавали дяде все что нужно, ну прямо как знаменитому хирургу во время ответственной операции.

Вскоре дядюшка Том рыгнул, деликатно при-

крывшись салфеткой, всех поблагодарил, и мы вышли. Жалко, что дядя не предупредил меня заранее, тогда я надела бы свое бесподобное вечернее платье. Правда, мама строго запретила надевать его, пока мне не стукнет девять лет, но ведь не каждый день удается попасть в Клуб Пионеров.

Потом мы поехали куда-то на экспресс-полосе. Дядюшка Том сидел всю дорогу, пришлось и мне сесть. Вообще-то, я предпочитаю идти, а то и бежать по полосе — так раньше попадешь на место, но дядя сказал, что ему и без того с избытком хватает беготни.

Оказалось, что мы едем в ясли Марсополиса, и от этого я совсем разволновалась. Перед дверью с табличкой «КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА. ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ» дядюшка Том сказал:

— Поброди где-нибудь неподалеку. Ты мне еще понадобишься, — и ушел.

В приемной было полно народу, журналы на столиках были для домохозяек и молодых мамаш, так что я поболталась-пошаталась и пошла по коридору, который, оказывается, вел в детскую.

Табличка на двери предупреждала, что посетители допускаются с 16:00 до 18:30, а сама дверь была заперта. Я пошла дальше и увидела еще

одну дверь, как мне показалась — весьма интересную. Правда на ней было написано: «ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН», но не пояснялось — кому. К тому же она не была заперта. Одним словом, в нее-то я и вошла.

Столько младенцев не увидишь и за целую жизнь!

Ряды, ряды и ряды прозрачных кубов с младенцами. Толком я могла рассмотреть только ближний ряд: все детишки были, наверное, одного возраста и куда больше походили на людей, чем наша троица. Они были маленькие, все и морщинках, словно печеные яблоки, и миленькие, как щенята. Многие спали, другие сучили ножками, ворковали, хватались за игрушки. Не будь между нами пластика, я бы нахватала полные руки детишек.

Еще в комнате было много девушек, то есть молодых женщин. Все они занимались с младенцами и меня не замечали. Но вдруг поблизости заплакал малыш, над его кубом зажегся свет, и одна из девушек поспешила на зов. Она открыла куб, достала младенца, пошлепала его по попке и он затих.

— Мокрый? — спросила я.

Только тут она меня заметила.

— Нет, за этим следят машины. Просто ему одиноко. — Ее голос отчетливо доносился сквозь пластик, хотя я не видела ни микрофонов, ни динамиков. Она побаюкала младенца. — Ты у нас новенькая? Заблудилась?

— Нет, — быстро ответила я, — у меня другая работа.

Просто я…

— Тогда тебе сюда нельзя, особенно сейчас. Может быть… — она довольно скептически оглядела меня, — ты ищешь класс молодых матерей?

— Нет-нет! Еще нет, — и поспешила добавить: — Я — гостья директора.

Я почти не врала. Я была гостьей гостя директора, а это почти одно и то же.

Девушка, похоже, успокоилась и спросила:

— Так что же тебе надо? Могу я помочь тебе?

— Просто расскажите мне кое-что. Я пишу что-то вроде реферата. Что у вас в этой комнате?

— Здесь шестимесячные дети, через день-другой их отправят по домам.

Няня положила младенца в куб, приладила ему молочную соску, выключила какой-то прибор снаружи, закрыла крышку, подошла к соседнему кубу и взяла другого.

— Лично я считаю, — добавила она, — что

шесть месяцев — самое время. В год они уже умные и обязательно заметят перемену. А эти — нет. Им все равно, кто их нянчит… но они уже большенькие и матерям будет чуть легче. Мы знаем, как ухаживать за детьми, мы к этому привыкли. Иной раз приходится возиться с ними всю ночь напролет, но мы часто сменяемся и не устаем. Поэтому мы не раздражаемся и, уж конечно, никогда не орем на них. Конечно, малыш не понимает, когда на него кричат, ведь он еще не может разговаривать. Но он чувствует! И можно так скособочить его психику, что иного лет спустя он отыграется-таки на ком-нибудь. Ну-ну, лапушка, — (это уже не ко мне), — теперь тебе лучше? Хочешь поспать, а? Полежи спокойно, а Марша тебя побаюкает, вот ты и заснешь.

Она внимательно посмотрела ребенку в личико, потом положила в колыбель и закрыла крышку. Над одним из кубов вспыхнул свет, и Марша метнулась туда.

— У детей нет чувства времени, — добавила она, доставая из колыбели вопящую квинтэссенцию ярости. — Если уж ему что-то понадобилось — подавай прямо сейчас. Он и знать не знает…

Тут к ней подошла женщина постарше.

— С кем это ты болтаешься Ты же знаешь пра-

вила.

— Да, но… она гостья директора.

Сестра строго осмотрела меня с ног до головы.

— Директор сам послал вас сюда?

Мне срочно нужно было выбрать один из трех ни к чему не обязывающих ответов, но тут сама судьба распорядилась за меня. Мягкий голос, исходивший, казалось, отовсюду, произнес:

— Мисс Подкейн Фрайз просят пройти в кабинет директора.

Мисс Подкейн Фрайз, пройдите, пожалуйста, в кабинет директора.

Я задрала нос повыше и сказала с достоинством:

— Это меня. Будьте добры, сестра, позвоните директору, скажите, что мисс Фрайз сейчас будет у него.

И вышла с наивозможной поспешностью.

Директорский кабинет был вчетверо больше и раз в шестнадцать представительнее, чем у нас в школе. Сам директор был невысок ростом, с коричневой кожей, на нем был серый костюм, а на лице — весьма обеспокоенное выражение. Кроме него и, конечно, дяди Тома в кабинете был адвокат (тот самый, что уговаривал папу и маму) и… мой братец Кларк. Хоть убейте, не пойму,

откуда он взялся… У Кларка какой-то сверхъестественный нюх на места, где что-то затевается.

Кларк глянул на меня безо всякого выражения, я холодно кивнула ему. Директор и его орел-адвокат поднялись мне навстречу. Дядя Том, оставаясь в кресле, промолвил:

— Доктор Хаймен Шенстайн, мистер Пун Квай Яу — моя племянница Подкейн Фрайз. Садись, голубка, никто здесь тебя не укусит. Директор хочет предложить тебе кое-что.

Законник встрепенулся:

— Я не думаю…

— Верно, — согласился дядя Том, — вы не думаете. Иначе вам пришло бы в голову, что не бывает событий без последствий.

— Но… Доктор Шенстайн, мы же получили от профессора Фрайза обязательство не разглашать инцидент и выплатили определенную сумму сверх обычной неустойки. Это шантаж. Я…

И тут дядя Том встал, ухмыляясь, словно маска смерти.

Казалось, он вырос раза в два.

— Что это за слово вы сказали?

— Я? — испугался адвокат. — Наверное, я оговорился. Я просто хотел…

— Я все отлично слышал, — пророкотал дядя

Том, — и у меня есть три свидетеля. На этой пока еще свободной планете за такие словечки приходится отвечать перед судом. Видит бог, старый толстый Том Фрайз еще сдерет с вас последнюю рубашку в счет компенсации за моральный ущерб. Пошли отсюда, ребята.

Директор поспешил вмешаться:

— Том… сядь, пожалуйста. Мистер Пун, будьте добры, не говорите ни слова, пока я не попрошу у вас совета. Том, ты ведь отлично понимаешь, что не сможешь ни вчинить иск, ни потребовать компенсации за то, что адвокат, то есть мистер Пун, в частной беседе сказал своему клиенту, то есть мне.

— Я смогу сделать и то и другое, и все вместе. Вопрос в том, на чьей стороне будет суд, а это выяснить несложно, стоит только возбудить дело.

— И вытащить инцидент на всеобщее обозрение.

— Нет, Том, это невозможно. Мой адвокат выпалил это от избытка усердия. Правда ведь, Мистер Пун?

— Мне очень жаль, сэр. Беру свои слова обратно.

— Что скажете на это, сенатор?

Дядя Том учтиво поклонился мистеру Пуну. Тот

ответил еще более учтивым поклоном.

— Идет, сэр. Я не принял оскорбление на свой счет, следовательно, его не было. — Тут дядя Том ухмыльнулся, выпятил живот и сказал ровным голосом: — Ладно, Хайми, вернемся к вашему злодеянию. Твой ход.

Доктор Шенстайн начал осторожно:

— Юная леди, мне только что сказали, будто прискорбный инцидент, который мы обсуждаем, стал причиной горького разочарования для вас и вашего брата.

— Ясное дело, — ответила я не совсем учтиво.

— Так вот… Ваш дядя говорил о последствиях. Эти самые последствия могут просто утопить нашу фирму — ей перестанут доверять. У нас особый бизнес, мисс Фрайз. На первый взгляд мы обычные инженеры, ну и, конечно, няньки, воспитатели. Но самое главное заключается в том, что мы имеем дело с древнейшими человеческими чувствами. И если хоть кто-нибудь усомнится в нашей добросовестности и компетентности, то… — тут он беспомощно развел руками, — мы и года не продержимся. Теперь-то мы знаем, отчего все так вышло. Даже при прежней методике это не могло бы повториться, а теперь мы добавили еще кое-какие процедуры. И все-таки, — он

глянул на меня совсем уж беспомощно, — если хоть обмолвитесь о нашей ошибке, нас можно хоронить и не выкапывать…

Мне стало его жалко, и я уже готова была выпалить, что не проболтаюсь даже во сне, даже под страхом смерти, но тут Кларк шепнул мне:

— Осторожнее, Под! Заряжено.

Так что я ничего не сказала и продолжала смотреть на директора холодным взглядом сфинкса. Я знала — на чутье Кларка можно положиться.

Доктор Шенстайн жестом велел мистеру Пуну помалкивать.

— Итак, дорогая моя леди, я не требую от вас молчания. Как говорит ваш дядя сенатор, вы приехали сюда не для шантажа, а торговаться мне нечем. Но фирма «Ясли Марсополиса, Анлимитед» никогда не увиливает от своих обязательств, даже если они нигде не записаны. Я пригласил вас, чтобы вместе подумать, как мы можем исправить положение. Я говорю о ваших планах, которые мы нарушили, хотя и непреднамеренно. Ваш дядя сказал, что собирался в путешествие с вами и с вашей семьей… но теперь вынужден лететь один. Он летит ближайшим рейсом линии Треугольника. Скорее всего, это будет «Трезубец», он стартует через десять дней. Что если мы по-

пытаемся хоть отчасти исправить наш промах и купим вам и вашему брату билет в первый класс Линии Треугольника, в оба конца, естественно?

Что если?! У «Космопроходца» только и плюсов, что он летает в космосе и ходит к Земле. Старый неповоротливый грузовик. А корабли Треугольника — настоящие дворцы, это все знают! Я только и смогла, что кивнуть.

— Вот и хорошо. Надеюсь, путешествие будет приятным. Но… юная леди… пообещайте, просто по доброте души, что не будете рекламировать наши ошибки.

— А разве это не входит в условия сделки?

— Никакой сделки не будет. Ваш дядя доказал, что мы должны вам это путешествие при любых условиях.

— А-а… знаете, доктор, со всеми этими сборами, беготней я так умаюсь, что мне некогда будет вспоминать о каких-то ошибках! А вы лично, похоже, совсем в этом не виноваты.

— Спасибо, — он повернулся к Кларку. — Ну а ты, сынок?

Кларк, мягко говоря, не любит, когда его называют сынком, но сейчас он просто не обратил на это внимания и холодно выдал свой ответ, точнее, вопрос:

— А как насчет дорожных расходов?

Доктор Шенстайн вздрогнул, а дядя Том расхохотался.

— Ай да парень! Я же говорил, что он прожорлив, как песчаный ящер. Мальчик далеко пойдет, если его раньше не отравят.

— Ну так что вы можете предложить?

— Вот что, Кларк. Посмотри мне в глаза. Или мы сейчас договоримся, или я запихну тебя в контейнер и отправлю в утилизатор. Тогда вообще некому будет болтать, ведь твоя сестра улетит. Предлагаю вам по тысяче, нет, по пятнадцать сотен на дорожные расходы, а ты за это навсегда опечатаешь свою вякалку… или я кликну четверых громил с черными сердцами. Мы вырежем твой язык и скормим кошкам. Ну как, заметано?

— Мне еще полагаются комиссионные — десять процентов с этих пятнадцати сотен. У сестры не хватает мозгов потребовать свое.

— Это я должен бы содрать с вас комиссионные за все. Договорились мы или нет?

— Договорились, — согласился Кларк.

Дядюшка Том поднялся.

— Вот и все, док. Он парень надежный, можешь ему верить. Так что расслабься, И вы, Квай Яу, переведите дух. Чек можете прислать завтра утром

на мой адрес. Пошли, ребята.

— Спасибо, Том. Хотя, боюсь, это слово совсем не к месту. Чек будет у тебя дома раньше, чем ты сам. И… еще один вопрос…

— Слушаю, док.

— Том, я еще не родился, а ты уже жил здесь, так что я мало знаю о твоем прошлом — обычные сплетни да статья в «Кто есть кто на Марсе»… За что тебя сюда привезли, Том? Ведь не своей же волей ты сюда попал, правда?

Казалось, мистера Пуна вот-вот хватит удар. Меня тоже.

Но дядя Том не обиделся. Он от всей души рассмеялся и сказал:

— Меня обвинили в том, что я замораживаю детишек в корыстных целях. Облыжно, конечно. Я бы никогда не докатился до такого. Идемте, дети мои. Выберемся из этого гнезда вурдалаков, пока они не уволокли нас в свои подземелья.

Вечером, в постели, я сквозь дрему все вспоминала наш набег. Папа и мама ничуть не возражали — дядя Том все уладил по телефону еще до того, как мы вернулись домой. Тут кто-то из малышей заплакал, я поднялась и босиком пошлепала в детскую. Это был Дункан, мой милый братик, еще сухой, но ужасно одинокий. Я взяла его на руки,

потетешкала немного, он поворковал, а потом описался, и пришлось медлить ему пеленки.

Хоть он и смотрит пока в разные стороны, мне он кажется очень хорошеньким, даже лучше, чем детишки в яслях, пусть они и старше на пять месяцев. Он уже крепко спал, когда я клала его в постельку. Пошла спать и я.

И вдруг остановилась как вкопанная. Линия Треугольника потому так и называется, что обслуживает все три планеты — Марс, Венеру и Землю. И маршрут корабля зависит от взаимного расположения планет в тот или иной момент.

Но как они расположены сейчас?

Я пошла в гостиную, отыскала еженедельник «Боевой Клич», скормила его проигрывателю… и отыскала страницы с расписанием прибытий и стартов.

Точно! Я попаду не только на Землю, но и на Венеру!

Венера! Знай об этом мама… нет, пока ей не стоит ничего говорить. А дядя Том наверняка окажется сговорчивее… там.

Наверное, я буду сильно скучать по Дункану — он такой миленький, прямо как пупсик.

4

Несколько дней я не могла урвать ни минуты, чтобы черкнуть хоть слово. Хорошо, что прививки для Терры, фотографии, паспорта и все такое прочее не пришлось делать заново, а то бы я так никуда и не улетела. Все шло наперекосяк. Правда, мама очнулась от своего атавистического изумления и здорово мне помогла. Секунды две-три она сносила вопли малышей и только потом бросалась к ним, а меня оставляла всю в булавках.

Не знаю, как собирался Кларк и собирался ли он вообще.

Он все так же слонялся по дому, молчал, а если и отвечал, то только невнятным ворчанием. И у дяди Тома, похоже, не было никаких забот. За все эти сумасшедшие дни я видела его всего два раза (я поклянчила у него багажный лимит и мой лучший из всех дядей согласился). Оба раза пришлось выскребать его из карточной комнаты в Клубе Лосей. Я спросила, как он умудряется готовиться к полету, да еще и в карты играть.

— Все очень просто, — ответил он. — Я купил новую зубную щетку. Разве нужно что-нибудь

еще?

Я сказала ему, что он совершенный дикарь, а он усмехнулся и взъерошил мне волосы. Спрашивается: пресыщусь ли и я когда-нибудь космическими полетами? Наверное, да, если мне суждено стать астронавтом. Правда, Па говорит, что половина смака состоит именно в сборах… так что пресыщаться, пожалуй, не стоит.

Как бы то ни было, мама все-таки умудрилась вовремя привезти меня в челночный космопорт Марсополиса, со всем багажом и тысячей бумажек — билеты, медицинские справки, паспорт, универсальный комплект для идентификации, гарантийный сертификат родителей, три вида валюты, аккредитивы, свидетельство о рождении, полицейский сертификат, справка Службы Безопасности и не-помню-что-еще-с-печатями. Все было как полагается; я жонглировала свертком, который не влез в чемоданы, одна шляпка была у меня на голове, а другая — в руке.

(Хоть убейте, не знаю, куда потом подевалась эта вторая шляпка. Наверное, так и осталась на Марсе, но я обошлась и одной.)

Прощались мы нежно и со слезами (когда Па обнял меня, мне даже расхотелось улетать). А тут еще в порт приехали человек тридцать моих

одноклассников (честное слово, не ожидала), да еще с плакатом: БОН ВОЯЖ, ПОДКЕЙН! [Счастливого пути, Подкейн! (франц.)]

Все мы перецеловались и если бы кто-нибудь из нас был нездоров, началась бы серьезная эпидемия. Меня поцеловали даже те мальчики, которые раньше даже не пытались. Я вовсе не какая-нибудь недотрога, если браться за дело спокойно и без грубостей. По-моему, инстинкты надо развивать так же, как и разум.

Только на борту челнока я обнаружила, что мне сломали корсет — папин подарок. Наверное, именно тогда я потеряла вторую шляпку — точно теперь не узнаешь. Я бы растеряла весь багаж, но дядя Том был настороже. Кроме всех прочих, нас провожали фотографы и корреспонденты — конечно, не меня, а дядю. Все кончилось разом — челнок ждать не может, он должен стартовать в определенную секунду, чтобы попасть в Деймос, хотя тот и движется гораздо медленнее Фобоса. Репортер из «Боевого Клича» до последнего силился выпытать у дяди Тома его мнение о предстоящей конференции Трех Планет, но дядя лишь указал на свое горло и прошипел:

— Ларингит.

Мы вошли в челнок и люк за нами закрылся.

Наверное, это был самый мимолетный ларингит в анналах медицины: по дороге в порт дядя Том говорил совершенно нормально, в челноке — тоже.

Все челночные полеты похожи друг на друга; на Фобос ли, на Деймос ли — без разницы, Но нельзя привыкнуть ни к первому взвыву двигателей, ни к перегрузке, когда дышать-то трудно, не то что шевелиться. И в невесомости всегда странно и жутковато. Хвала Господу, желудок и вестибулярный аппарат у меня в норме, но все равно — подташнивает.

На Деймосе — та же невесомость: у спутников почти нет собственного притяжения. Поэтому прежде чем отстегнуть ремни, надо надеть подошвы с присосками Деймос отличается-таки от Фобоса, но природа-матушка тут не при чем. Фобос — часть Марсианской Республики и лететь туда можно безо всяких формальностей. Нужны только деньги, свободный день и привычка к пикникам в космосе.

А Деймос — вольный порт, он навечно арендован Администрацией Договора Трех Планет. Преступник, объявленный к розыску в Марсополисе, может здесь пересесть с корабля на корабль прямо на глазах у полицейских, а те не посмеют

и пальцем его тронуть. В таком случае нужно возбудить дело в Верховном Межпланетном Суде, что на Луне, выиграть процесс и при этом доказать, что этот тип виновен не только по нашим, но и по интерпланетным законам… а уж потом просить прокторов Администрации арестовать его, если он все еще околачивается на Деймосе, что, сами понимаете, маловероятно.

Все это я знаю из школьного учебника «Основы марсианской политики». В главе «Экстерриториальность» все это убралось на полстраницы. Теперь мне дали время припомнить школьный курс: как только мы вышли из челнока, нас тут же заперли в комнате под лицемерным названием «Зал для гостей». Мы ждали «процедур». Через стеклянную стену комнаты я видела холл космовокзала — люди куда-то спешили, делали что-то непонятное, но интересное. Нам же приходилось сидеть в компании чемоданов и синеть со скуки.

С каждой минутой я все больше наливалась злобой, что на меня совсем не похоже — от природы я приветлива и любезна.

Подумать только, неужели моя мама построила все это для того, чтобы меня держали в стеклянной коробке, как белую мышь в виварии.

(Честно говоря, мама только достраивала Дей-

мос, начали-то марсиане, когда у них под рукой оказался блуждающий астероид. Бог весть сколько миллионов лет назад космос им надоел, и все свое время они с тех пор тратят на разбор того-и-этого-не-разбери-поймешь. Так что Деймос был здорово запущен, когда за дело взялась мама. Ей пришлось полностью его перестраивать, от скорлупы до косточки.)

Как бы то ни было, все, что я видела сквозь стеклянную стенку, было плодом маминых талантов, изобретательского и инженерного. Я начала закипать. Кларк уединился в углу с каким-то типом, они тихо беседовали. Несмотря на свои антисоциальные наклонности, Кларк везде и всюду находит знакомцев, хоть бы и во втором колене. Временами он напоминает мне функционера какого-то подпольного братства — у него довольно сомнительные знакомые, и он никогда не приводит их домой.

Злиться на пару с Кларком — одно удовольствие: он всегда готов помочь ненавидеть что-нибудь ненавистное и при этом найдет резоны, из которых станет ясно, что положение еще даже, чем тебе думалось вначале. Но он был занят, так что оставался только дядя Том. Ему-то я и стала жаловаться, как, мол, возмутительно, что

свободных граждан Марса на марсианской же Луне держат взаперти, словно зверей, и все из-за Администрации Договора Трех Планет и ее дурацких правил.

— Политики! — процедила я. — Честное слово, я все устроила бы гораздо лучше.

— Конечно, — серьезно согласился дядя. — Но ты еще не все понимаешь.

— Еще как понимаю!

— Нет, голубка моя. По-твоему, было бы логичнее позволить пассажирам шататься по магазинам. И это верно: зачем держать тебя здесь, когда ты могла бы осчастливить дюжину спекулянтов своими деньгами. То, что для тебя — мелочь, для них — мечта всей жизни. И вот ты произносишь: «политики», словно это какая-то брань, и думаешь, будто все объяснила. — Он перевел дух. — А вот это НЕ верно. Политика — вовсе не зло, это самое чудесное из людских изобретений. Хорошая политика — и все прекрасно… плохая — тоже хорошо.

— Как это? — вымолвила я.

— А ты подумай сама. Политика — это способ вести дела… без драки. Мы торгуемся из-за каждой мелочи, в чем-то уступаем друг другу, причем каждый думает, что обжулили именно

его, спорим до хрипоты и, наконец, кое-как договариваемся, не разбивая при этом голов. Вот что такое политика. Есть и другой способ — разбить-таки эти головы… Так и бывает, когда одна или обе стороны больше не желают торговаться. Поэтому-то я и говорю, что хороша даже плохая политика… ведь единственная альтернатива — насилие и страдания.

— Э-э… странные слова для ветерана Революции. Сдается мне, дядя Том, что среди кровожадных злодеев, что подняли пальбу, был и ты. Так говорит Па.

Он ухмыльнулся.

— Я большей частью увертывался. Если политика не срабатывает, надо драться. Наверное, надо пострелять в человека, чтобы он понял, насколько лучше путаться в политических дрязгах, чем подставлять лоб под пули. — Он нахмурился и вдруг сделался совсем старым. — Самая трудная из жизненных проблем: когда говорить, а когда — драться. — Тут он улыбнулся и снова помолодел. — Это не люди изобрели войну, она появилась задолго до нас. Но мы изобрели политику. Вникни, малышка: ведь Homo sapiens — самое безжалостное, самое злобное, самое хищное и, уж конечно, самое смертоносное жи-

вотное в этой планетной системе. Но именно человек придумал политику! Он придумал, как сосуществовать с себе подобными, и в результате мы не убиваем друг друга, во всяком случае, как правило. И чтобы я больше не слышал, как ты ругаешься словом «политика».

— Прости, дядя Том, — покорно сказала я.

— Так я тебе и поверил. Но если эта мысль поварится в твоей голове лет двадцать-тридцать, ты, может быть… Ага! Вот твой мучитель, девочка — тот самый бюрократ, поставленный сюда грязными политиканами специально для того, чтобы неправедно держать тебя в заточении подлом. Так вцепись же ему в очи, покажи, что ты думаешь об его идиотских инструкциях.

Я светила гордым молчанием. Никогда не угадаешь, шутит дядя Том или нет; он любит поводить меня за нос, да еще и оторвать не прочь. Сейчас он имел в виду проктора Администрации Трех Планет — тот стоял на пороге нашего загона и напоминал служителя зоопарка, когда тот смотрит, чисты ли клетки.

— Паспорта! — каркнул он. — Сперва дипломатические. — Он оглядел нас попристальнее и засек дядю: — Пожалуйста, Сенатор.

Дядя Том покачал головой:

— Спасибо, но сейчас я просто турист.

— Как вам будет угодно, сэр. Прошу построиться в порядке, обратном алфавитному.

Это отбросило нас в самый хвост очереди, и пошла изнуряющая волокита на полных два часа: паспорта, медицинские свидетельства, проверка багажа. Марсианская Республика не взимает таможенной пошлины, но зато есть куча вещей, которые нельзя вывозить без специального разрешения. В первую очередь, это марсианские древности. Па часто прохаживался по адресу первых исследователей, которые изрядно выпотрошили Марс, отчего бесценные марсианские артефакты хранятся теперь в Британском музее и в Кремле. Кое-что, например, наркотики, нельзя вывозить ни при каких обстоятельствах. Пистолеты и другое оружие можно вывозить, но на корабле они обязательно сдаются казначею.

Именно во время проверки Кларк решил блеснуть своим аномальным юмором. Вдоль очереди пустили длиннющий список запрещенных к вывозу предметов — захватывающий перечень, я и не знала, что нелегального, аморального и смертоносного может быть так много.

— Хотите-заявить-о-чем-нибудь? — одним духом выпалил инспектор, когда семейство Фрайз

добралось до барьера. Сам он был с Марса и, подняв глаза, сразу узнал дядю Тома. — О-о! День добрый, Сенатор! Польщен и счастлив нашей встречей. Думаю, ваш багаж не нужно проверять. Эти молодые люди с вами?

— Пошманали бы вы все-таки мое хозяйство, — посоветовал дядя Том. — А то я волоку оружие для интерпланетных подразделений нашего Легиона. А детки — мои племяши. Вот за них я ручаться не стану; оба они — подрывные элементы. Особенно девчонка; пока мы ожидали, она призывала к ниспровержению основ государства.

Инспектор улыбнулся.

— Пожалуй, не будет беды, если вы провезете пару ружей, Сенатор: вы-то знаете, с какого конца за них берутся. Ну а вы, ребята? Хотите о чем-нибудь заявить?

— Мне не о чем заявлять, — ответила я с ледяным достоинством.

И тут встрял Кларк.

— Я хочу заявить, — пискнул он срывающимся голосом. — У меня два кило «пыльцы блаженства»! А кому какое дело? Я заплатил за нее наличными и не позволю толпе бюрократов заиграть мою собственность.

Тон его был довольно вызывающим, а морда

прямо-таки кирпича просила.

Все мигом переменилось. Инспектор собирался формы ради заглянуть в один из моих чемоданов, и тут мой дурак-братец нарочно начал бузу. Стоило прозвучать словам «пыльца блаженства», как вокруг нас выросли еще четыре инспектора. Судя по акценту, двое из них были с Венеры, остальные — с Земли.

Конечно, для нас, марсиан, эта пыльца не представляет ничего особенного. Настоящие марсиане пользуют ее, как люди — табак, но без каких-либо вредных последствий. Что они с нее имеют — мне неведомо. Кое-кто из «песчаных крыс» перенял эту привычку у марсиан. Однажды, на уроке биологии, мы попробовали ее под надзором учителя — и никто не поймал ни малейшего кайфа. Мне, помнится, на весь день заложило нос.

Ровным счетом ноль в квадрате.

Другое дело — аборигены Венеры. Ради «пыльцы блаженства» они готовы на все, причем она превращает их в кровожадных маньяков. Пыльца очень дорого стоит на тамошнем черном рынке… а ее хранение автоматически карается пожизненным заключением на спутниках Сатурна.

Чиновники жужжали вокруг Кларка, словно шмели.

Никакой пыльцы они, конечно, не нашли. И тут подал голос дядя Том:

— Позвольте внести предложение, инспектор.

— Что? Конечно, Сенатор.

— Мой племянничек, к сожалению, заварил густую кашу. Отведите его в сторону — я бы и сам не прочь заковать его в кандалы — а честные люди пусть себе идут дальше.

Инспектор мигнул.

— Отличная идея.

— Тогда проверьте нас с племянницей, чтобы не задерживать остальных.

— Это совсем не обязательно. — Инспектор шлепнул штампы на дядины чемоданы и закрыл мой. — Не стоит ворошить вещички юной леди. А этого молодого да раннего мы обыщем до костей, да и кости, пожалуй, просветим.

— Бог в помощь.

Потом мы с дядей прошли еще с пяток барьеров — валютный контроль, учет перемещений, бронирование мест и прочая дурь — и наконец очутились у центрифуги, где взвешивали багаж и самих пассажиров. Так я и не пошастала по магазинам.

Когда я сошла с этой карусели, выяснилось, что я на три килограмма превышаю свой лимит.

Дикость совершенная — ведь за завтраком я съела меньше обычного, а воды совсем не пила: невесомость я переношу хорошо, но вода может запросто ударить в нос и тогда… пошла-поехала весьма неприятная реакция.

Я совсем уж было собралась объявить, что весовщик слишком сильно крутанул центрифугу, но тут же сообразила, что не могу поручиться за точность весов у нас дома, и промолчала.

Дядя Том молча вытащил бумажник и спросил:

— Сколько?

— Ммм… — задумался весовщик. — Давайте сперва крутанем вас, Сенатор.

Дядя Том не дотягивал до своего лимита почти два килограмма. Весовщик пожал плечами и сказал:

— Не берите в голову, Сенатор. Тут несколько пассажиров в минусе, так что я могу не замечать излишка. В случае чего, к вам обратится казначей корабля. Но я уверен, что все обойдется.

— Спасибо. Напомните, как вас зовут?

— Майло. Майлс М.Майло — Ложа Стервятников, номер семьдесят четыре. Может, вы видели нашу показательную учебную команду два года назад на съезде Легиона — я был левым цен-

тральным.

— Конечно, видел!

Тут они обменялись особым легионерским рукопожатием, о котором чужие не знают (это они так думают).

— Ну спасибо, Майлс. До встречи.

— Не за что… Том. Оставь багаж в покое, — мистер Майло нажал кнопку и позвал. — Эй, на «Трезубце»! Кого-нибудь за багажом Сенатора, живо!

Когда мы остановились у переходного модуля, чтобы поменять наши присоски на маленькие магнитные подковки, мне пришло в голову, что нам не пришлось бы ждать нигде и ничего, пожелай дядя Том воспользоваться своими привилегиями.

В любом случае, путешествовать в компании важной персоны приятно, даже если это всего лишь дядя Том, у которого ты частенько прыгала на животе, пока не подросла. На наших билетах было написано просто «первый класс», но поместили нас в апартаментах с табличкой «Каюта Арматора». На самом деле это была вовсе не каюта, а номер с тремя спальнями и гостиной. Невероятно!

Но тогда мне было недосуг озираться по сто-

ронам. Сначала пристегнули наш багаж, потом — нас самих к стационарным креслам в стенке гостиной. Этой стенке, судя по крошечной силе тяжести, явно полагалось быть полом, но сейчас она стояла почти вертикально. Когда уже взвыли предстартовые сирены, кто-то втащил Кларка и пристегнул его к третьему креслу.

Вид у него был взъерошенный, но нахальный.

— Салют, контрабандист, — добродушно встретил его дядя Том. — Ну как, нашли что-нибудь?

— Было бы чего искать.

— Я так и думал. Надеюсь, за тебя крепко подержались.

— Не-а.

Я не очень-то поверила Кларку: мне приходилось слышать, что, если прокторы настроены не вполне дружелюбно, они могут сделать полный личный досмотр весьма неприятным, хоть и удержаться в рамках закона.

Убеждена, что Кларку пошло бы на пользу, если бы за него «крепко подержались», но ему, похоже, обыск не доставил ни малейшего неудобства.

— Кларк, — сказала я, — ты вел себя как законченный идиот. И к тому же все это была ложь, глупая и бессмысленная.

— Увянь, — сердито ответил он. — Если я везу

что-нибудь незаконное, пусть поищут, им за это платят жалованье. «Хотитезаявитьочемнибудь?» — передразнил он инспектора. — Дурь какая. Кто же станет «заявлять», что волочет контрабанду.

— Все равно, — не отставала я, — если бы Па услышал тебя…

— Подкейн.

— Да, дядя Том?

— Оставь его. Скоро старт. Это очень интересно.

— Но ведь… да, дядя.

Немного упало давление, потом дернуло так, что только ремни удержали нас в креслах. Потом раздался чудовищный рев — это мы отрывались от Деймоса. Вскоре настала полная невесомость, а за ней — мягкая, но неодолимая тяга в одном направлении.

Комната начала поворачиваться… медленно, почти незаметно. Слегка закружилась голова.

Мало– помалу (всего минут двадцать) наш вес увеличивался, пока не достиг нормального… и пол встал наконец почти горизонтально. Но не совсем…

Вот что произошло. Первый рывок — это ракетные буксиры зацепили «Трезубец» и вышвырнули его на свободную орбиту.

Это не слишком трудно: притяжение чуточных-крошечных спутников типа Деймоса можно не брать в расчет, нужно только стронуть с места весьма солидную массу корабля.

А мягкую тягу — одна десятая стандартного земного — создавал маршевый двигатель самого корабля. «Трезубец» — корабль с постоянным ускорением, он не мелочится с расчетами экономичных траекторий с неделями и месяцами свободного полета. Он движется быстро и быстро набирает ускорение.

Но пассажирам для полного комфорта мало одной десятой "g", они привыкли к большему. Как только корабль лег на курс, Капитан включил вращение и наращивал его до тех пор, пока центробежная сила вкупе с ускорением не достигли в векторном сложении силы притяжения на поверхности Марса (или 37% земной нормали) для уровня кают первого класса.

Однако полы не встанут строго горизонтально, пока вращение плюс ускорение не достигнут одного стандартного "g" или земной нормали.

Может, я объясняю не совсем понятно. Во всяком случае, в школе я так толком и не разобралась в этом. Позже, когда я увидела машины, вращающие корабль, и приборы, вычисляющие

величину центробежной силы, я все поняла. Вспомните, ведь «Трезубец» и его братья — «Треугольник», «Трилистник», «Триада» и «Тройка» — представляют собой огромные цилиндры. Направление ускорения совпадает с осью цилиндра, это очевидно.

Центробежная сила стремится от оси — куда же еще? Эти силы складываются для создания в пассажирской зоне «искусственного тяготения», но, поскольку одна из них (ускорение) постоянна, а другая (вращение) может меняться, то есть лишь одна величина центробежной силы, которая, слагаясь с ускорением, заставит полы лечь строго горизонтально.

Для «Трезубца» нужно 5,42 оборотов в минуту, чтобы обеспечить ровные полы и земную силу тяжести. Я точно это знаю: мне сказал сам Капитан… а я потом проверила его арифметику и ошибок не нашла. Пол нашей каюты — в тридцати с небольшим метрах от оси корабля, так что все в порядке.

Как только пол оказался у нас под ногами и прозвучал сигнал отбоя, я отстегнулась и выскочила из каюты. Мне не терпелось осмотреть корабль, я даже чемоданы не стала разбирать.

Тот, кто изобретет путный дезодорант для

космических кораблей, станет миллионером. Сшибает прямо с порога.

Надо отдать справедливость, с этим борются, еще как борются. На каждом цикле воздух прогоняют через фильтры, его моют, ароматизируют, добавляют кислород, чистый, как помыслы младенца. Кислород получают тут же, это побочный продукт оранжереи. Такому воздуху можно смело присуждать большую медаль Общества Искоренения Дурных Намерений.

И экипаж все время что-то чистит, полирует, моет, стерилизует — словом, стараются все!

И все же, даже от новенького роскошного суперлайнера, вроде нашего «Трезубца», так и разит людским потом и первородным грехом с явственными обертонами гниющей органики, случайных травм и прочего, о чем лучше не вспоминать. Однажды Па взял меня на вскрытие древней марсианской могилы — тогда-то я и поняла, зачем ксеноархеологам кислородные маски. Но от корабля прет еще хуже, чем от могилы.

От жалоб толку мало. Вас выслушают с профессиональным участием, пошлют с вами кого-нибудь из команды и опрыскают вашу каюту каким-то составом, причем я подозреваю, что состав этот просто притупляет на время ваше

обоняние. Команда даже сочувствовать-то вам толком не может: они, бедняжки, давно принюхались. Они проводят на кораблях долгие годы и просто не замечают эту несравненную вонь. Кроме того, они знают, что воздух кристально чист — это показывают все корабельные приборы. Так что космонавт-профессионал просто не поймет, о каком-таком запахе вы говорите.

И к жалобам пассажиров они тоже привыкли — симулируют сочувствие и делают вид, что исправляют дело.

Я жаловаться не стала. Если надеешься повергнуть к своим стопам весь экипаж, не стоит начинать с брюзжанья. Но все прочие новички жаловались, и я их вполне понимала. Честно говоря, у меня забрезжило сомнение, стоит ли мне становиться космонавтом.

А дня через два мне уже казалось, что корабль основательно подвычистили, и я думать забыла о запахе. Я поняла, почему космонавты не чувствуют вони, о которой говорят пассажиры: их нервные узлы просто отсекают знакомые запахи, вроде как компьютеры у астрономов игнорируют объекты, чьи орбиты заложены в их память.

Конечно, запах не исчез. Наверное, он въедается прямо в металл и останется там, даже если

металл переплавить. Слава богу, что нервная система у людей бесконечно адаптивна.

Это, похоже, не относится к моей нервной системе во время блиц-разведки «Трезубца»; добро еще, что за завтраком я ничего не пила и почти ничего не ела. Мой желудок порывался к действию, но я строго внушила ему, что сейчас не до него — мне очень хотелось осмотреть корабль и не было времени потакать слабостям, «кои суть бремя всякоей плоти».

«Трезубец», в общем и целом, недурен — в точности как на рекламных проспектах… если не считать этого ужасного запаха. Бальный зал роскошный и такой большой, что можно проследить дугу окружности (ведь наш корабль, если помните, цилиндр). И пол у него никогда не встает дыбом. Еще есть салон отдыха с видом открытого космоса, который можно заменить голубым небом с пушистыми облаками. Там уже вовсю дребезжали какие-то старые перечницы.

Обеденный салон показался мне маловат, я живо вспомнила о первых-вторых сменах и рванулась поторопить дядю Тома, а то все хорошие места разберут до нас.

В каюте его не было. Я по-быстрому заглянула во все двери и в МОЕЙ комнате обнаружила Клар-

ка — он закрывал мой чемодан!

— Что ты тут забыл? — возмутилась я.

Он обернулся и живо надел личину тупицы.

— Я посмотрел, нет ли у тебя таблеток от тошноты, — соврал он деревянным голосом.

— И для этого перерыл все мои вещи! — я потрогала его щеки — жара не было. — Нет у меня никаких таблеток. Но я знаю, где каюта врача. Если тебе плохо — давай, отведу; он тебя вдосталь ими накормит.

Он отстранился.

— Не стоит… похоже, все уже прошло.

— А теперь слушай меня, Кларк Фрайз. Если ты…

Но он и не думал слушать: скользнул мимо меня в свою комнату и щелкнул замком.

Я закрыла чемодан — и тут меня осенило. Именно этот чемодан собирался досматривать инспектор, когда Кларк отмочил насчет «пыльцы блаженства».

А мой братец ничего не делает без причины. И никогда.

Причины эти могут быть совершенно непостижимыми, но стоит копнуть поглубже, и вы убедитесь, что дури там — ни на грош. Мой братец логичен, как компьютер… и такой же бесчув-

ственный.

Теперь мне стало ясно, зачем ему понадобился скандал на таможне.

И почему я оказалась на три кило тяжелее.

Но я не знала, ЧТО он протащил в моем багаже.

И ЗАЧЕМ?

ИНТЕРЛЮДИЯ

Рад видеть, Подди, что ты снова взялась за дневник. Дело, конечно, не в твоих забавных девчачьих суждениях; просто ты иногда (хоть и не часто) снабжаешь меня полезной информацией.

Если я взамен могу чем-нибудь помочь — только позови.

Может, надо поднатаскать тебя по части грамматики? Твои излюбленные неполные предложения изобличают неполное мышление.

Тебе не кажется?

Разберем, чисто теоретически, проблему робота, которого невозможно вскрыть. Пломбу ломать нельзя, тут думай не думай, а кроме головной боли ничего не надумаешь. Но анализ подсказывает, что всякий кубический или квазикубический объект имеет шесть граней. А пломба стоит лишь на одной.

Разовьем этот вывод. Квазикуб нельзя передвинуть — порвутся провода, но пол под ним можно опустить чуть не на полметра, хотя на это и уйдет целый день.

Если бы эта проблема не была чисто теоретической, я бы посоветовал вооружиться зеркалом,

фонарем на длинной ручке, инструментами, приспособленными для работы под углом, и, конечно, великим терпением.

Именно его тебе вечно не хватает, Подди, — ТЕРПЕНИЯ.

Надеюсь, оно поможет тебе решить чисто теоретический вопрос насчет «пыльцы блаженства». И сделай милость, не стесняйся обращаться ко мне со своими маленькими проблемами.

5

Первые три дня каюта Кларка была заперта — я точно знаю, потому что торкалась в дверь всякий раз, когда он выходил из номера.

На четвертый день он оставил ее незапертой, причем можно было сказать наверняка, что самого его в ближайший час не будет: он записался на экскурсию по тем отсекам, куда пассажиров обычно не пускают. Меня такие экскурсии мало трогали — к этому времени я успела укомплектовать из членов экипажа личную эскортную службу «Подди-спэшиал». С дядей Томом хлопот не было — он стакнулся с любителями пинокля и все время торчал в курительном салоне.

Замки на дверях кают — не проблема для девушки, у которой есть пилка для ногтей, кусочек того, кусочек сего и свободный доступ в контору казначея, словом, для меня.

И тут обнаружилось, что возиться с замком не надо — язычок не защелкнулся. Я прикинула, что выиграю на этом минут двадцать, и выдала положенный в таких случаях вздох облегчения.

Я не собираюсь подробно описывать обыск. Надеюсь, что даже Бюро Расследований не про-

вернуло бы его быстрее и аккуратнее, если бы располагало только голыми руками. Предмет моих поисков наверняка числился в списке вещей, запрещенных к вывозу. На Деймосе нам всем выдали по копии; я свою сохранила и выучила чуть не наизусть. Весить он должен три кило с небольшим. Кларку пришлось прятать его в багаже — значит, он большой и жесткий, иначе бы братец спрятал его на себе и хладнокровно положился бы на свою молодость, невинный вид плюс покровительство дяди Тома. И, уж конечно, он не стал бы ничего совать в мой багаж — не было гарантии, что можно будет вызволить предмет без моего ведома.

Мог он рассчитывать, что я брошусь осматривать корабль, прежде чем распакую вещи? В принципе — да, хотя я сделала это под влиянием минуты. Приходится признать, что Кларк возмутительно точно и часто предугадывает мои действия. Как противника его нельзя недооценивать. Конечно, он рисковал, но немного.

Ладно. Большое, довольно массивное и запрещенное невесть что. И все, что отвечает первым двум требованиям, может быть лишь футляром.

Итак, я взялась за дело…

Минут через десять я установила, что ОНО

может быть только в одном из трех чемоданов — их я нарочно оставила напоследок. В каюте полным-полно всяких лючков, ниш, подставок и прочего, но я знала, что чисто открыть их без специальных инструментов нельзя, я уже пробовала (в своей каюте). Я только осмотрела все это и поздравила Кларка с тем, что у него хватило ума не связываться с такими, с позволения сказать, тайниками.

Затем я проверила все явное по принципу «Похищенного письма» [имеется в виду знаменитый рассказ А.Конан Дойла] — одежду и прочее. Книга вполне могла оказаться лишь похожей на книгу, а пиджак — на пиджак.

В итоге — минус ноль, и я взялась за чемоданы, запоминая, как сложены вещи и в каком порядке.

Первый был пуст. Может, за подкладкой и было что-нибудь, но явно не то, что я искала, да и весил он не больше обычного.

Второй — то же самое, да и третий… но в нем я нашла конверт и сунулась в него, хотя он и не походил на искомое.

И тут меня взорвало.

На нем значилось:

"Мисс Подкейн Фрайз,

пассажиру К.К. «Трезубец».
Вручить на борту корабля".

Ах, мелкая сволочь!!! Перехватывать мою почту! Я еле открыла конверт, — так меня трясло от ярости — увидела, что его уже вскрывали, и совсем взбесилась. Слава богу, письмо было на месте. Я судорожно развернула его и прочла.

Всего пять слов:

«Привет, Подди. Опять ты шпионишь».

Естественно, написано это было почерком Кларка, Долго-долго я стояла столбом, красная как свекла и до меня доходило, что я — СНОВА — блистательно одурачена.

Три человека на всем белом свете способны заставить меня почувствовать себя дура-дурой, и двое из них — Кларк.

Позади меня кто-то кашлянул. Я резко обернулась. В дверном проеме (а ведь я защелкнула замок) стоял мой братец.

Он улыбнулся и сказал:

— Привет, сестренка. Ищешь что-то? Тебе помочь?

Я не стала оправдываться и просто спросила:

— Кларк Фрайз, что ты протащил на корабль в моем багаже?

Он мигом надел личину клинического идиота,

которая может довести самого уравновешенного педагога до визита к психиатру.

— О чем ты, Подди?

— Ты знаешь, о чем! О контрабанде!

— А! — он просиял лицом. — Ты о тех двух кило «пыльцы блаженства»? Господи, Подди, мне бы твои заботы! Не было никакой пыльцы, я просто подшутил над этим индюком-таможенником. Я думал, до тебя дошло.

— Я говорю не о «двух кило пыльцы»! Я говорю о трех кило невесть чего, что ты спрятал в моем багаже.

Он скроил озабоченную рожу.

— Слушай, Подди, может, ты заболела?

— Удушу, ПЕРХОТЬ!!! Не ломай дурака, Кларк Фрайз! Ты все отлично понимаешь! Когда меня крутили на центрифуге, я и мой багаж потянули на три кило сверх положенного. Ну?!

Он задумчиво осмотрел меня.

— Мне не хотелось огорчать тебя, Подди, но ты, похоже, чуть пополнела. Наверное, здешняя еда слишком калорийна, а у тебя не хватает воли ограничить себя. Подумай над этим, Подди. Плохо, когда девушка не следит за фигурой.

Жаль, что в руке у меня был конверт, а не топор. Я услышала утробное рычание, поняла, что рычу

это я, и тут же перестала.

— Где письмо из этого конверта?

— Да оно же у тебя в руке, — истово удивился Кларк.

— И это все? Больше там ничего не было?

— Ничего. Только пара слов от брата к своей сестричке. Я что-то не то написал? Мне казалось, они как раз подходят к такому случаю… Я же знал, что письмо вскоре попадет к тебе. — Он гадко улыбнулся. — В следующий раз, когда тебе захочется покопаться в моих вещах, скажи мне. Я помогу. Видишь ли, там могли быть сюрпризы, которые делают бо-бо. Для разных недоумков, что суются в воду, не зная броду. Я бы не хотел, чтобы на них напоролась моя сестричка.

Говорить было больше не о чем. Я рванула мимо него в свою каюту, заперла дверь и разревелась…

Потом взяла себя в руки, привела в порядок лицо — я при этом обхожусь без полного комплекта чертежей — и решила впредь не говорить об этом с Кларком.

Но с кем же тогда? С Капитаном? Его я уже изучила: капитанское воображение не простирается дальше следующей точки траектории. Как сказать ему, что мой братец везет контрабандой невесть что, и хорошо бы обыскать весь корабль,

ибо в каюте этой штуки нет? Не будь дурой в кубе, Подди! Во-первых, Капитан лишь посмеется над тобой, а во-вторых, маме и Па не понравится, если Кларка заловят.

Поговорить с дядей Томом? Он тоже не поверит, а если и поверит — сам пойдет к Капитану… с тем же результатом.

Я решила не тревожить дядю Тома до поры до времени.

Лучше я буду держать глаза настежь, ухо востро и сама найду ответ.

Конечно, забота о грешной кларковой душе не занимала все мое время; ведь я первый раз летела на настоящем космическом корабле — то есть была на полпути к своей мечте — и мне было чем заняться и чему поучиться.

Кстати, об авторах рекламных проспектов — они стараются быть точными, но не всегда им это удается.

Вот, к примеру, фраза из роскошного буклета Линии Треугольника: «…полные романтики дни в Марсополисе, городе, древнее чем время. Экзотические ночи под стремительно летящими марсианскими лунами…»

А теперь переведем это на людской язык. Я люблю Марсополис, это мой родной город, но

романтики в нем не больше, чем в бутерброде без джема. Его построили люди сравнительно недавно, построили для житья и работы, а не для романтики.

Что касается развалин за городом, то, во-первых, марсиане называли свой город отнюдь не Марсополисом, а во-вторых, яйцеголовые, включая Па, закрыли от туристов все самое интересное, дабы они не царапали свои инициалы на том, что было древним городом еще в те времена, когда каменный топор считался чудо-оружием. Кроме того, эти руины не кажутся людям ни прекрасными, ни впечатляющими, ни красочными. Чтобы оценить их, нужно прочесть по-настоящему хорошую книгу с иллюстрациями, диаграммами и без зауми, например — «Путь, непохожий на наш», которую написал Па.

Теперь об экзотических ночах. На всякого, кто без крайней необходимости окажется за городом после захода солнца, следует надеть смирительную рубашку. Там ХОЛОДНО. Сама я всего лишь дважды видела Фобос и Деймос ночью и оба раза не по своей вине. Мне было не до «стремительно летящих лун», я боролась за жизнь.

Не стоит верить рекламе, когда речь идет о кораблях.

Конечно, «Трезубец» — настоящий дворец, хоть присягнуть. Чудо из чудес, что такой огромный, такой роскошный и такой невероятно комфортабельный механизм способен летать (извините за выражение) в космосе.

Но заглянем в буклет…

Вы знаете, что я имею в виду: полноцветные трехмерные фотографии приятных молодых людей обоего пола, которые весело болтают, играют в холле, танцуют в бальном зале… а еще — интерьеры «типичных кают».

Это не надувательство. Просто каюта снята хитрым объективом с хитрой точки, вот она и кажется вдвое больше. А в ролях приятных веселых молодых людей, похоже, снимаются профессионалы.

Таких молодых и красивых пассажиров на нашем «Трезубце» можно перечесть по большим пальцам одной руки. Наш типичный пассажир — прабабушка, гражданка Терры, состоятельная вдова, в космосе — первый раз и, возможно, в последний, ибо она не уверена, что он ей нравится.

Правда– правда, все наши пассажиры, похоже, сбежали из гериатрической клиники. Я вовсе не издеваюсь над старостью и хорошо понимаю, что и мне не миновать ее, если доживу (900 милли-

онов вдохов-выдохов без поправки на тяжелую физическую работу). Старость может быть прекрасной, тому примером дядя Том. Почтенный возраст -не заслуга, это со всяким может случиться, вроде как с лестницы упасть.

Но мне начинает надоедать, что молодость здесь считают уголовно наказуемым деянием.

Наш типичный пассажир-мужчина — в том же духе, но в меньшем числе. От своей супруги он отличается тем, что не смотрит на меня сверху вниз и порой пытается «по-отечески» шлепнуть меня. Я не верю в это «по-отечески», терпеть этого не могу, избегаю, насколько это в человеческих силах — но обо мне все равно идут толки.

Наверное, я бы не так удивилась тому, что «Трезубец» — суперлюкс для престарелых, если бы лучше знала жизнь и экономику.

«Трезубец» — дорогой корабль. ОЧЕНЬ дорогой. Нас с Кларком здесь вообще бы не было, не выкрути дядя Том руки доктору Шенстайну. Сам он, конечно, может себе позволить все на высшем уровне, ведь он входит в вышеназванную категорию, правда, только по возрасту, а не по темпераменту. Па с мамой собирались лететь на «Космопроходце», дешевом грузовике, из тех что летают по экономичным траекториям. Па и мама

не бедняки, но и богачами им, похоже, не бывать: ведь им предстоит вырастить пятерых детей.

Кто может позволить себе летать на роскошных лайнерах?

Правильный ответ: старые богатые вдовы, состоятельные супруги-пенсионеры, большие шишки, чье время так дорого, что им приходится летать самыми скоростными кораблями, ну и прочие, входящие в категорию редких исключений.

Мы с Кларком — именно такие исключения. Еще одно — мисс, скажем, Герди Фитцснаггли. Если я назову ее настоящее имя, и если мои записи попадутся кому-нибудь на глаза, он легко ее вспомнит. По моему мнению, таких как Герди — еще поискать, и плевать мне, что там шипят корабельные сплетницы. Похоже, во все время полета от Земли до Марса молодые офицеры были ее личной собственностью. Я отхватила у нее порядочный кусок, но она не ревнует, обращается со мною тепло, как женщина с женщиной; о ЖИЗНИ и МУЖЧИНАХ я узнала от нее гораздо больше, чем от мамы.

(Похоже, мама гораздо наивнее Герди в этих вопросах. Наверное, это удел всех женщин-инженеров, которые стараются обыграть мужчин

в мужских играх. Мне следует заняться этим всерьез… ведь такое может статься и с женщиной-астронавтом, а мой Генеральный План не предусматривает статуса скисшей старой девы.)

Герди примерно вдвое старше меня, иначе говоря, почти девочка в сравнении с прочей компанией. Соседство моей не совсем еще оформившейся фигуры подчеркивает ее прелести, достойные Елены Прекрасной. Одно могу сказать наверняка: с моим прибытием на корабль давление на Герди ослабло — сплетницы получили две мишени вместо одной.

А сплетничают они профессионально. Одна, например, сказала о Герди: «Она поменяла больше колен, чем салфетка».

Если это и так, ей, надеюсь, понравилось.

Теперь о наших веселых танцевальных вечерах. Свершаются они по вторникам и субботам, исключая время стоянок в портах. Музыка начинается в 20:30 и к этому времени Женская Ассоциация Охраны Моральных Устоев уже занимает места согласно штатному расписанию. Присутствует, дабы блюсти меня, дядя Том, — он очень представителен во фраке. Присутствую я, на мне вечернее платье, далеко не такое девчачье, как во времена приобретения, по причине

хирургического вмешательства, произведенного при закрытых дверях. Мама бы его не узнала.

Присутствует даже Кларк, ибо больше нигде ничего интересного не происходит. Чтобы попасть на бал, ему тоже приходится напяливать фрак, и он так хорошо сидит на нем, что я горжусь братом.

У чаши с пуншем мнутся младшие офицеры в парадных френчах.

Капитан безошибочно выбирает одну из вдовиц и ведет ее танцевать. Двое мужей приглашают своих благоверных. Дядя Том предлагает мне руку и выводит на танец. Двое-трое младших офицеров следуют примеру Капитана. Кларк, пользуясь моментом, атакует чашу с пуншем.

Но НИКТО не приглашает Герди.

Это неспроста. Капитан Сказал Свое Слово (абсолютно точные сведения от моих агентов) и ни один офицер не смеет приглашать мисс Фитцснаггли, пока не протанцует, по крайней мере, дважды с другими партнершами. Кроме меня, надо добавить, ибо и на меня простерта эта опала.

Попробуйте, скажите после этого, что Капитан — не Последний Абсолютный Монарх!

На площадке топчутся шесть или семь пар. Это максимум.

Девять десятых кресел занято, а по площадке можно кататься на велосипеде, не мешая при этом танцам. У зрительниц такой вид, будто они вяжут близ черных колесниц. Не хватает лишь гильотины посреди зала [намек на так называемых «вязальщиц Робеспьера» — женщин, которые, присутствуя на публичных казнях, громко приветствовали приговоры Конвента; при этом в руках у них были спицы и вязание].

Музыка прерывается. Дядя Том ведет меня к месту и приглашает Герди — Капитан не выражает неудовольствия, ведь дядя Том Платит Наличными. Я все еще табу, поэтому я иду к пуншевой чаше, отбираю у Кларка бокал, приканчиваю его сама и говорю:

— Пошли, Кларк. Так и быть, поучись у меня.

— Э-э, да это же вальс! — (или «флай хок», или «гиассэ», или «файв стэп» — то есть нечто совершенно неприемлемое).

— Пошли… а то я скажу миссис Грю, что ты давно хочешь ее пригласить, только стесняешься.

— Только попробуй — я ее уроню! Нарочно споткнусь и опрокину!

Все же Кларк понемногу сдается и я развивало успех:

— Лучше выводи меня и потопчись чуток на

моих ногах, или я сделаю так, чтобы Герди вообще с тобой не танцевала.

Это решает дело. Кларк в муках переживает свою первую щенячью любовь, и Герди ведет себя по-джентльменски, обращается с ним на равных и с теплой учтивостью принимает знаки внимания.

Итак, Кларк танцует-таки со мною. Танцует он вполне прилично, и вести его почти не приходится. Он любит танцевать, но не хочет, чтобы кто-нибудь (особенно я) подумал, будто ему нравится танцевать с сестрой. Я невысокого роста, и потому мы неплохо выглядим со стороны. А Герди отлично смотрится с дядей Томом. Это, конечно, заслуга Герди, ведь у дяди Тома нулевое чувство ритма, хотя и масса энтузиазма, Но Герди может танцевать с кем угодно. Если бы партнер сломал ногу, она бы сломала свою в том же месте. Но толпа помаленьку редеет: мужья, отработав первый танец, слишком устали для второго, а заменить их некому.

Да, здорово мы веселимся на нашем роскошном «Трезубце»!

Честно говоря, мы по-настоящему веселимся. После второго танца мы с Герди вольны выбирать кавалеров из младших офицеров. Все они

танцуют хорошо или, во всяком случае, здорово поднатаскались. Около 22:00 Капитан удаляется спать, а вскоре и бдительные вдовицы исчезают по одной. Ближе к полуночи остаемся мы с Герди, полдюжины младших офицеров и казначей — он по долгу службы перетанцевал со всеми дамами и наслаждается честно заработанным отдыхом. Кстати, для своих лет он неплохо танцует.

С нами обычно остается и миссис Грю — она отнюдь не солидарна с вязальщицами и хорошо относится к Герди. Это толстая пожилая дама, под завязку набитая грехами и острыми шутками. Она не ждет, что кто-то пригласит ее, просто ей нравится смотреть на молодежь. И офицеры любят с ней поболтать.

Она веселая.

Где– то к часу ночи дядя Том присылает Кларка сказать мне, чтобы я шла спать, если не хочу ночевать в коридоре.

Конечно, он шутит, но я ухожу — у меня гудят ноги.

Старый добрый «Трезубец»!

6

Капитан понемногу убыстряет вращение корабля, имитируя силу тяжести на Венере. Это 84% земной нормали, то есть вдвое больше той, к которой я привыкла. Так что большую часть времени, свободного от изучения астрогации и пилотирования, я провожу в спортивном зале, тренируюсь для Венеры.

Не хочу вдруг оказаться слабой и неловкой.

Если я смогу приспособиться к 0,84 "g", переход к земной нормали покажется мне тортом с шоколадной глазурью.

Обычно зал в полном моем распоряжении. Большинство пассажиров — с Земли или с Венеры, им нет нужды адаптироваться.

Из дюжины с лишком марсиан, похоже, я одна всерьез принимаю грядущие тяготы. А пригоршню инопланетян мы даже не видим — они сидят в своих специально оборудованных каютах. Тренируются офицеры (многие из них настоящие фанатики спорта), но в те часы, когда пассажиры отдыхают.

Так вот, в тот день (тринадцатого Цереры по-нашему, но на «Трезубце» пользуются земным

исчислением, так что пусть будет девятого марта, хотя земное время и отнимает по полчаса сна от каждой ночи) я ворвалась в зал такая злая, что готова была плеваться ядом. Следовало переработать злость в мускулы, а то мне грозило содержание в кандалах за нанесение увечий.

И увидела там Кларка. Он был в шортах и со здоровенной штангой.

— Что ТЫ здесь делаешь? — выпалила я сгоряча.

— Тупею по твоему примеру, — буркнул он.

Правильно, сама напросилась: никто и ничто не запрещает Кларку тренироваться в зале. Я заткнулась, отшвырнула накидку и начала разминаться.

— Сколько весит? — спросила я про штангу.

— Шестьдесят кило.

Я взглянула на шкалу пружинного динамометра со стандартной земной шкалой — 52%. Прикинула в уме: 52/37 от шестидесяти плюс 900 на 37, да еще 1/9 до 1000 на 40, минус 25 — одним словом, то же, что поднять 85 килограммов на Марсе.

— Чего же ты потеешь?

— Вовсе я не потею, — он положил штангу.

Посмотрим, как ты справишься.

— Давай!

Он отошел, я присела, взялась за гриф… и передумала.

Поверьте мне на слово, дома я все время работала с 90 кило, да и здесь нагружала штангу до привычного (сравнительно) веса плюс еще понемногу каждый день. Моя цель (похоже, безнадежная) — поднимать со временем тот же вес и на Венере.

Так что я вполне осилила бы 60 кило при 0,52% земной нормали.

Но горе той девушке, которая покажет себя сильнее мужчины… даже если это всего лишь брат. Особенно если у этого брата злокозненный характер, а вы вдруг придумали, как использовать это в своих целях. Помните, я уже говорила, что если вы кого ненавидите, то Кларк — превосходный компаньон.

Так что я отдувалась и хрюкала, стараясь сыграть получше, потом вывела гриф на грудь, начала выжимать…

— Помоги, — заверещала я.

Кларк одной рукой подтолкнул в середине грифа, и мы выжали штангу до конца.

— Держи за меня, — выдавила я сквозь зубы.

Он опустил штангу на пол.

— Слушай, Кларк, ты стал ужасно сильным, — вздохнула я.

— Стараюсь.

Сработало: Кларк растаял до такой степени, какую позволяла его природа. Я предложила заняться акробатикой, если он не прочь работать внизу. Я, видите ли, не уверена, удержу ли его при 0,52 "g".

Он был не против — это давало лишний повод побыть мужественным и мускулистым. А уж он-то точно удержит меня, ведь я на 11 кг легче штанги. Когда он был поменьше и оставался на моем попечении, мы частенько этим занимались, но тогда я поднимала его — только при этом условии он помалкивал. Сейчас он с меня ростом и, бьюсь, сильнее. Мы все еще кувыркаемся немного, но внизу работаем по очереди — дома, конечно.

Но при полуторной тяжести я предпочла не рисковать.

Когда он поднял меня на вытянутых руках, я перешла к следующей фазе своего плана.

— Слушай, Кларк, как ты относишься к миссис Роуйер?

Он фыркнул и издал непристойный звук.

— А в чем дело?

— Да так. Ммм… не знаю, стоит ли говорить.

— Ты что, хочешь, чтобы я оставил тебя стоять в воздухе?

— Только посмей!

— Тогда договаривай, раз начала.

— Ладно. Только подожди, я встану на ноги.

Он подождал, и я спрыгнула на пол. При повышенном тяготении главное не сколько ты весишь, а быстро ли ты падаешь.

А у Кларка, если вывести его из себя, не заржавеет оставить меня в воздухе вниз головой.

— Ну так что насчет миссис Роуйер? — спросил он.

— Так, ничего особенного. Просто она считает всех марсиан швалью.

— Вот как? Ну, значит, это взаимно.

— Точно так. По ее мнению, это позор для Линии — позволять нам путешествовать первый классом… и Капитан, мол, не должен был сажать нас в одной столовой с порядочными людьми.

— Давай-ка поподробнее.

— Да тут, пожалуй, нечего рассказывать. Мы же отбросы общества. Ссыльные. Сам знаешь.

— Забавно, — процедил Кларк. — Очень забавно.

— И ее подруга, миссис Гарсиа, с нею согласна.

Но, наверное, не стоит об этом говорить. Ведь у каждого есть право на собственное мнение.

Кларк не ответил, а это очень плохой признак. Вскоре он ушел, так и не сказав ни слова. Я вдруг испугалась, что выпустила джинна из бутылки, окликнула его, но он не обернулся. Слух у него в полном порядке, но временами он нарочно глохнет.

Все равно было уже поздно. Я надела сбрую для грузов, добавила себе вес до венерианского и начала пробежку на тренажере. Вскоре я была вполне готова к душу и смене белья.

Откровенно говоря, мне было наплевать, что станется с этими гарпиями, и я надеялась, что Кларк проведет все на обычном высоком уровне, а сам останется чистеньким. И даже вне подозрений. Я не сказала Кларку и половины того, что услышала.

Честное слово, до полета на «Трезубце» я не догадывалась, что можно презирать людей за их происхождение или место жительства. Конечно, я встречала туристов с Земли, чьи манеры оставляли желать лучшего, но Па говорит, что все туристы кажутся нахальными, ведь они чужаки и не ведают местных обычаев. Я поверила, потому что Па никогда не ошибается.

А профессор-землянин, которого он однажды приводил к нам обедать, был само очарование — значит, и у землян бывают хорошие манеры.

Я заметила, что пассажиры «Трезубца» чуждаются нас, но не придала этому значения. В конце концов, даже на Марсе, где нравы просты и естественны, как и на всяком фронтире, незнакомые люди не бросаются друг другу на шею. Кроме того, большинство пассажиров летело с Земли; они уже сбились в кланы и клики, а мы были вроде новых ребят в чужой школе.

Как бы то ни было, я говорила «доброе утро» всем, кого встречала в коридорах, а если мне не отвечали — списывала это на глухоту. Для многих из пассажиров уже пришла пора быть тугоухими. Во всяком случае, пассажиры мало меня трогали, меня гораздо больше привлекала дружба с офицерами корабля, особенно, с пилотами: они могли добавить к моим книжным познаниям бесценный опыт. Девушке очень трудно попасть на курсы пилотов, ей надо быть вчетверо лучше кандидата-мужчины, и здесь может помочь любая мелочь.

Мне сразу же подвернулся отличный случай: в столовой нас посадили за стол Капитана!

Это, конечно, из-за дяди Тома. Я не так спесива,

чтобы не понять, что «мисс Подкейн Фрайз из Марсополиса» не много значит. (Ладно, подождите лет десять!) А вот дядя Том, хоть он и любит пинокль, все же Старший Полномочный Сенатор Республики. Наверняка, агент Линии Треугольника хорошо знал это и постарался, чтобы об этом узнал и экипаж «Трезубца».

Так или иначе, я не из тех, кто отвергает дары небес, каким бы путем они ни достались. С первых же минут я начала обрабатывать Капитана Дарлинга. Честное слово, у него такая фамилия — Бэррингтон Бэбкок Дарлинг. Интересно, не зовет ли его жена «Бэби Дарлинг»? [Дорогая крошка (англ.)]

Ясное дело, на борту у капитана нет имени: для команды он «Капитан», «Хозяин», «Шкипер», за глаза — «Старик». Но никогда его не называют по имени — он просто величественное и безличное олицетворение власти.

(Интересно, будут ли меня когда-нибудь называть за глаза Старухой? Как-то это не звучит.)

Но со мной Капитан Дарлинг не величествен и не безлик.

Я вознамерилась внушить ему, что я ужасно славная соплячка, что совершенно благоговею перед ним и что я… не слишком умна. При первом

знакомстве не стоит показывать мужчине, что у вас есть мозги — это сделает его неспокойным и подозрительным, вроде как Цезарь опасался «худого и голодного» вида Кассия ["Хочу я видеть в свите только тучных, А Кассий тощ, в глазах голодный блеск, Он много думает — такой опасен".

В.Шекспир, «Юлий Цезарь»]. Сперва надо перетянуть мужчину на свою сторону, а уж потом можно позволить ему — помаленьку — обнаружить у вас интеллект. Пусть думает, что ваш ум отпочковался от его собственного.

Так что я задалась целью внушить Капитану чувство стыда за то, что я не его дочь (у него, к счастью, одни сыновья).

И не успела окончиться первая трапеза, как я открылась ему в своем страстном желании учиться на пилота… скрыв, конечно, высшие устремления.

И Кларк, и дядя Том сразу поняли мою игру. Но дядя Том ни за что бы меня не выдал, а Кларку было просто наплевать — он и с Армагеддоном не станет связываться, если ему не отчислится 20% прибыли.

Мне все равно, что подумали родственники о моей хитрости, главное — она сработала. Капитана Дарлинга, очевидно, позабавили мои

грандиозные и «невозможные» стремления… и он предложил показать мне рубку управления.

Первый раунд по очкам выиграла Подди.

Теперь я — неофициальный талисман корабля с правом свободного посещения рубки управления и почти такими же привилегиями в инженерном отсеке. Ясное дело, Капитан не стал убивать время, обучая меня практической навигации. Он провел меня по рубке и на ясельном уровне объяснил, как что работает, а я слушала, старательно делая большие глаза. Я чувствую, что интересую его, но по-особому. Он не стремится усадить меня к себе на колени, не такой он человек, но должен же кто-то с видом изумленного котенка слушать его рассказы.

Что я и делаю. При этом он литрами вливает в меня чай. Я и в самом деле хороший слушатель, ведь никогда не знаешь наперед, где обретешь что-нибудь полезное. Кроме того, в любой точке Вселенной женщина может прослыть «очаровательной», если слушает, пока говорит мужчина.

Но Капитан Дарлинг не единственный астрогатор на корабле.

Он пустил меня в рубку, а я сделала все остальное. Второй астрогатор, мистер Суваннавонг, просто диву дается, как быстро я усваиваю мате-

матику. Ему кажется, будто это он научил меня решать дифференциальные уравнения. Конечно, он, если говорить о чертовски сложных, которые используют для корректировки вектора корабля при постоянном ускорении. Но, если бы я не прослушала дополнительный курс в прошлом семестре, я бы ни слова не поняла из его объяснений. Сейчас он учит меня составлять программу для баллистического компьютера.

Третий — младший астрогатор мистер Клэнси — еще доучивается, чтобы получить неограниченный сертификат, и у него есть все нужные мне справочники и учебные пленки. Он тоже всегда готов к услугам. Он ненамного старше меня и вполне мог бы заболеть хватательной болезнью… но только законченный болван полезет к женщине, когда она сама не дает ему повода. Мистер Клэнси далеко не глуп, а я поводов не даю.

Может быть, я поцелую его… минуты за две перед тем, как навсегда покину корабль. Не раньше.

Все они крайне предупредительны и считают мой серьезный подход к наукам очень милым. Хотя, правду сказать, практическая астрогация оказалась куда труднее, чем я ожидала.

Я догадывалась, что главным поводом к отчет-

ливой неприязни было то, что нас посадили за стол Капитана, хотя брошюрка «Добро пожаловать на „Трезубец“!» (а она есть в каждой каюте) ясно говорит, что в каждом порту сотрапезники Капитана меняются — такова традиция — и что выбирают их из новых пассажиров.

Не думаю, что предупреждение делает эту рокировку приятнее, мне, например, совсем не понравится, когда на Венере меня выпихнут из-за капитанского стола.

Но это лишь одна из причин…

Только три пассажирки относились ко мне дружелюбно: миссис Грю, Герди и миссис Роуйер. Миссис Роуйер я встретила раньше всех и поначалу думала, что она мне понравится. Конечно, она скучновата, но к скуке у меня иммунитет. Я повстречалась с нею в холле в первый же день. Она поймала мой взгляд, улыбнулась, пригласила присесть рядом и засыпала вопросами о жизни на Марсе.

Я рассказала, хотя и не всю правду. Я сказала, будто Па — учитель, а мама воспитывает детей, и что мы с братом путешествуем при нашем дяде. Нехорошо хвастать своими предками, могут ведь и не поверить. Гораздо лучше, если люди сами узнают все хорошее о твоей семье. При этом

можно надеяться, что ничего плохого до них не дойдет. (Я не хочу сказать, что за мамой и Па числится что-то плохое.)

Я сказала, что меня зовут Подди Фрайз.

— Подди? — переспросила она. — Мне кажется, в списке пассажиров я видела другое имя.

— Да, верно, мое полное имя — Подкейн, — объяснила я. — В честь марсианского святого.

Она о таком слыхом не слыхивала.

— Довольно странно давать девочке мужское имя, — вымолвила она.

Конечно, мое имя действительно необычно, даже среди людей Марса, но не по этой причине.

— Возможно, — согласилась я, — но марсиане сами выбирают себе пол.

— Ты шутишь! — выпучилась она.

Я начала было объяснять, как марсианин перед созреванием выбирает один из трех полов… и что это имеет значение лишь на кратком этапе его жизни.

Но вскоре я сдалась, увидев, что объясняю в глухую стенку. Миссис Роуйер просто не могла вообразить другую жизнь, непохожую на ее собственную. Я быстренько сменила тактику.

— Святой Подкейн жил очень давно. Никто в точности не знает, мужчина это или женщина.

Это просто традиция.

Конечно, традиция эта вполне определенна, и многие из живущих ныне настоящих марсиан ведут свой род от святого Подкейна. Па говорил, что мы точнее знаем то, что было на Марсе миллион лет назад, чем то, что было две тысячи лет назад на Земле. Во всяком случае, большинство марсиан включают «Подкейн» в длинный список своих имен — у них в ходу этакий генеалогический конспект. Считается, что он (или она, или оно) может в трудную минуту придти на помощь своему «крестнику».

Как я уже говорила, Па — романтик и ему показалось, что будет здорово снабдить девочку таким сильным покровителем. Я не романтична и не суеверна, но мне нравится носить имя, принадлежащее только мне и никому другому. Лучше быть Подди Фрайз, чем одной из сонмища Элизабет, Дороти или еще каких-нибудь.

Но миссис Роуйер все это явно ставило в тупик, так что мы вскоре сменили тему. С высот своего опыта «старого космического волка», основанного на единственном перелете с Земли на Марс, она поведала мне много всякого о кораблях и космических полетах. В большинстве своем ее суждения и рядом не лежали с истиной, но я

слушала и не перебивала. Она представила меня кое-кому из пассажиров и выложила массу сплетен о них, об офицерах корабля etc. Между делом она ознакомила меня со своими хворями, болячками и симптомами, поведала какая важная шишка ее сын и какой важной шишкой был ее покойный муж, пообещала познакомить с достойными Людьми, когда прибудем на Землю.

— Может быть, у вас на Марсе этому не придают особого значения, но в Нью-Йорке УЖАСНО ВАЖНО ПРАВИЛЬНО НАЧАТЬ.

Я определила ее для себя как глупую, но безвредную болтушку.

Однако очень скоро я обнаружила, что не могу от нее отделаться. Когда я шла через холл в рубку, она ловила меня, и я не могла удрать, не прибегая к прямой грубости или явной лжи.

Вскоре она начала использовать меня как девочку на побегушках. «Подкейн, дорогая, не могла бы ты сходить ко мне в каюту за лиловой шалью. Она, кажется, на кровати… или в шкафу. Что-то меня знобит» или «Подди, детка, я звонила-звонила, а стюардесса словно оглохла. Принеси мне книгу и вязанье, ладно. А заодно — чашечку чая из буфетной».

Ну ладно, я здоровая, а у нее, может, трещат

коленки.

Но это продолжалось бесконечно… а чуть погодя, вдобавок к этому, я сделалась и сиделкой при ней. Сначала она попросила почитать ей на сон грядущий. «Такая ужасная мигрень, а твой голос, лапочка, так успокаивает».

Целый час я читала, еще час растирала ей виски и затылок. Конечно, человек время от времени должен для тренировки оказывать другим мелкие услуги. У мамы, когда она переработает, бывают жуткие головные боли, и массаж хорошо помогает.

В этот раз ей вздумалось заплатить мне. Я отказалась.

Она настаивала.

— Ну-ну, детка, не спорь с тетей Флосси.

— Нет, миссис Роуйер. Лучше передайте эти деньги в Фонд инвалидов космоса. А я не могу их взять.

Она сказала «фи» и «ерунда», при этом попыталась всунуть их мне в карман. Я выскользнула и пошла спать.

За завтраком я ее не видела — ей подают в каюту. Однако еще до полудня стюардесса сообщила, что миссис Роуйер хочет меня видеть и ждет у себя. Это было совсем не ко времени: мистер

Суваннавонг сказал, что если я зайду в рубку часам к десяти, то увижу весь процесс коррекции траектории и он объяснит мне все стадии. Если бы она убила более пяти минут моего времени, я бы опоздала.

Все же я заглянула к ней. Она была, как и всегда, приветлива.

— А вот и ты, дорогая! Я так долго тебя ждала. Эта дура стюардесса… Подди, милочка, вчера ты прямо чудо сотворила… а сегодня у меня буквально отнялась спина. Ты представить себе не можешь, как это ужасно! Вот если бы ты, по своей ангельской доброте, чуть-чуть помассировала меня… ну с полчасика, я бы воспрянула. По-моему, массажный крем вон там, на туалетном столике… Помоги мне, пожалуйста, снять халат.

— Миссис Роуйер…

— Да, душечка? Крем вон в том толстом розовом тюбике. Нужно всего…

— Миссис Роуйер, я не могу. Я опаздываю.

— Как так, дорогая? Ой, все это глупости, пусть подождут. На этом корабле ничего не делается вовремя. Тебе, наверное, лучше нагреть ладони перед…

— Миссис Роуйер, я не буду этого делать. Если у вас болит позвоночник, я и дотрагиваться до

него не должна, можно покалечить. Если хотите, я попрошу врача зайти к вам.

Она резко сменила тон.

— Ты хочешь сказать, что не желаешь этого делать?

— Можно сказать и так. Позвать вам врача?

— Ах ты гадкая… УБИРАЙСЯ ВОН!

Я убралась.

На следующее утро я встретила ее в коридоре. Она глянула сквозь меня, я тоже промолчала. Шла она ровно — видно, спине полегчало. В тот день мы встречались еще дважды, и оба раза она меня в упор не видела.

Утром следующего дня я торчала в холле у визора — изучала учебную пленку мистера Клэнси о сближении и стыковке с помощью радара. Визор стоит в углу, за рядом искусственных пальм и меня, наверное, совершенно не было видно. А может, им было наплевать.

Я прервалась, чтобы отдохнули глаза и уши, и услышала голос миссис Гарсиа. Она разговаривала с миссис Роуйер.

— …что мне там совсем не нравится, так это промышленность. Почему бы не оставить Марс естественным и прекрасным?

— Чего же от них ожидать? Это жуткие люди!

Официальный язык корабля — орто, но многие пассажиры беседуют по-английски и часто с таким видом, будто никто не способен их понять. Эти даже не понижали голоса. Я прислушалась.

М– с ГАРСИА: Именно это я говорила миссис Римски. Они же все преступники.

М– с РОУЙЕР: Если не хуже. Вы заметили эту маленькую марсианку? Племянницу, как они говорят, этого огромного черного дикаря?

Я сосчитала от десяти до нуля на древнемарсианском и напомнила себе, чем карается убийство. Я не против, когда меня называют марсианкой. Они же ни черта не знали о Марсе, и уж, во всяком случае, это не походило на оскорбление. Марсиане имели высокую культуру задолго до того, как люди поднялись с четверенек. Но «черный дикарь»! Дядя Том такой же смуглый, как я светлая. Маорийская кровь плюс марсианский загар сделали его кожу похожей на хорошо выделанное седло.

Не знаю, как другим, а мне нравится. И уж конечно, дядя Том никакой не дикарь — он умный, воспитанный, вежливый… и куда бы он ни поехал, все его любят.

М– с ГАРСИА: Да, видела. По-моему, ничего особенного.

Конечно, она эффектна, но все это дешевка, хотя и привлекает некоторых мужчин.

М– с РОУЙЕР: Вы далеко не все знаете, дорогая. Я попыталась было ей помочь -мне ее жалко стало, и я всегда готова помочь тем, кто ниже меня по положению.

М– с ГАРСИА: Ну конечно, дорогая.

М– с РОУЙЕР: Я попробовала намекнуть ей, как надо держаться с достойными людьми. Я даже платила ей за разные мелкие услуги, чтобы она не чувствовала себя неловко. Но она оказалась неблагодарной тварью -вообразила, что может выжать из меня побольше. Она так грубо вела себя, что я даже испугалась за свою жизнь. Ну и мне, конечно, пришлось выставить ее.

М– с ГАРСИА: Вы мудро поступили, что отделались от нее.

Природа — хорошая или дурная — всегда дает себя знать. А смешанная кровь — это ХУЖЕ ВСЕГО. Все они преступники… да еще это БЕССТЫДНОЕ СМЕШЕНИЕ РАС. В этой семейке все налицо.

Мальчишка совсем не похож на сестру, а дядя… Вы ведь намекнули на это, дорогая? Вам не кажется, что она ему вовсе не племянница… а, скажем, гораздо ближе?

М– с РОУЙЕР: Это на них похоже!

М– с ГАРСИА: Ну же, Флосси, расскажите, что вам известно.

М– с РОУЙЕР: Да ничего я не говорю. Но у меня есть глаза -как и у вас.

М– с ГАРСИА: И это на виду у всех!

М– с РОУЙЕР: Вот чего я никак не пойму -почему Линия позволяет этим жить вместе с нами. Может, она и обязана возить их по какому-то глупому договору, но нельзя же заставлять нас общаться с ними… и даже есть в одной столовой!

М– с ГАРСИА: И я так же думаю. Как только вернусь домой, сразу же напишу самую решительную статью об этом. Всему есть предел. Знаете, мне сперва показалось, что капитан Дарлинг -джентльмен… Но когда я увидела этих созданий за его столом… я прямо глазам своим не поверила. Меня чуть не стошнило.

М– с РОУЙЕР; Да, конечно. Но ведь капитан и сам родом с Венеры.

М– с ГАРСИА: Но на Венеру никогда не высылали преступников. И этот мальчишка… он сидит на моем месте, на моем стуле!

(Я отметила для себя: попросить стюарда заменить Кларку стул. Еще заразится, чего доброго.)

На этом они покончили с нами, «марсианами», и принялись перемывать косточки Герди, жало-

ваться на пищу и обслуживание, за глаза лягать кое-кого из своей когорты. Но я уже не слушала, просто молча сидела и молилась, чтобы достало терпения посидеть молча еще чуток: если бы они меня заметили, я бы их проткнула их же спицами.

Наконец они ушли поднабраться сил для второго завтрака.

Я вскочила, переоделась в спортивный костюм и понеслась в зал, чтобы как следует измотаться и никого не покалечить.

Там я встретила Кларка и сказала ему ровно столько, сколько было нужно. А может быть, слишком много.

7

Мистер Суваннавонг сказал, что в любой момент мы можем встретить радиационный шторм, и что сегодня у нас будет учебная тревога, для практики, так сказать. Станция солнечной погоды на Меркурии сообщила, что наступает сезон вспышек. Предупреждены все корабли и обитаемые спутники. Предполагают, что сезон вспышек продлится около…

ХОП! Учебная тревога застала меня на середине фразы.

Потренировались, и Капитан застращал всех до дрожи. Кое-кто хотел наплевать на тревогу — их приволокли члены команды, облаченные в тяжелые скафандры. Приволокли и Кларка. Его выудили последним, и Капитан Дарлинг публично отчитал его (выговор был шедевром ораторского искусства), а под конец пообещал, что, если в следующий раз Кларк не окажется в убежище первым, он безвылазно проведет там весь остаток рейса.

Кларк выслушал все это с обычной своей деревянной физиономией, но его, похоже, проняло. Уверена, что и на прочих пассажиров речь про-

извела должное впечатление. От таких словес за двадцать шагов волосы дыбом встают. Похоже, что именно для прочих она и предназначалась.

Потом Капитан заговорил тоном терпеливого учителя и простыми словами объяснил, почему нужно бежать в убежище сразу же, даже если принимаешь в это время ванну, и почему все будут в безопасности, если выполнят инструкцию.

Он сказал, что во время вспышек возникает излучение, очень похожее на рентген. («И кое-что еще», — подумалось мне.) Такое излучение всегда присутствует в космосе, но вспышки делают его в 1000, а то и в 10000 раз интенсивнее «нормального», а поскольку мы пересекли орбиту Земли, это, мягко выражаясь, не подарок: незащищенного человека убивает быстрее, чем пуля в затылок.

Потом он рассказал, почему мы обходимся без брони в 10000 раз толще нашей. Действует принцип каскада: внешний корпус поглощает более 90% любого излучения; следом идет «кессон» (грузовые отсеки и баки с водой) — он задерживает еще немного. Потом идет внутренний корпус — цилиндр, в котором расположены каюты первого класса.

Во всех обычных случаях такой защиты хватает — уровень радиации в каютах ниже, чем у нас

на Марсе, ниже, чем на Земле, особенно в горах. (Интересно будет посмотреть на земные горы.)

Но вот в один прекрасный день на вас обрушивается отнюдь не прекрасный солнечный шторм, и уровень радиации увеличивается в 10000 раз. Можно во сне получить смертельную дозу и проснуться лишь на том свете.

Волноваться, однако, не стоит. Убежище находится в самом центре корабля, под защитой еще четырех корпусов и каждый задерживает свыше 90%, того, что пропускает предыдущий.

Примерно так:

10000

1000 (после первого корпуса)

100 (после второго корпуса)

10 (после третьего корпуса)

1 (после четвертого, внутри убежища)

На самом же деле защита гораздо лучше, и во время солнечного шторма в убежище безопаснее, чем в Марсополисе.

Единственное (зато большое) неудобство — убежище немногим больше рубки и пассажиры плюс команда теснятся в нем, как щенки в корзине. Мое место — ячейка чуть подлиннее, чем я сама, шириной в полметра и еще полметра в высоту. С обеих сторон торчат локти соседей.

Я не страдаю клаустрофобией, но даже в гробу, наверное, просторнее.

Паек — сплошные консервы, НЗ на всякий случай, а средства личной гигиены иначе как ужасными не назовешь. Молю бога, чтобы это был просто солнечный шквал, за которым обычно следует хорошая «погода». Если нам суждено сидеть в убежище до Венеры, чудесное путешествие обернется кошмаром.

Капитан закончил так:

— Может быть, мы получим предупреждение со станции «Гермес» минут за пять или десять. Но это вовсе не значит, что вы будете добираться до убежища пять минут. Как только прозвучит сигнал тревоги, НЕМЕДЛЕННО БЕГИТЕ В УБЕЖИЩЕ. Со всех ног. Если вы раздеты, позаботьтесь прихватить что-нибудь, а одеваться будете уже здесь. Если вы задержитесь хоть на секунду, вы можете погибнуть.

Члены команды после сигнала обыщут всю пассажирскую зону. У них приказ — силой тащить в убежище любого, кто шевелится недостаточно быстро. Они не будут церемониться, я разрешаю им бить, пинать и волочь по полу.

И последнее. Кое-кто из вас пренебрегает личными счетчиками облучения. Закон позволяет

мне наложить за это крупный штраф. Обычно я смотрю на это сквозь пальцы — здоровье ваше, не мое. Но сейчас счетчики обязательны. Всем вам раздадут новые счетчики, старые нужно сдать врачу. Он занесет данные в ваши карточки.

Потом он скомандовал отбой и мы, потные и взъерошенные (я, во всяком случае), пошли в пассажирскую зону. Едва я начала умываться, как СНОВА прозвучал сигнал тревоги, и я пронеслась через четыре палубы со скоростью перепуганной кошки.

На финиш я пришла лишь второй, хотя и с минимальным разрывом: на полпути меня обогнал Кларк.

Это была очередная тренировка. На этот раз все уложились в четыре минуты, и Капитан остался доволен.

До сих пор я спала голышом, но отныне буду надевать пижаму, а рядом класть халат. Конечно, Капитан Дарлинг — душка, но слов на ветер не бросает. Не стоит изображать леди Годиву [леди Годива, графиня Ковентри, проехала по улицам города обнаженной, чтобы избавить подданных от непосильных податей, наложенных ее супругом], тем более что на корабле нет ни одной лошади.

Нынче за обедом не было ни миссис Роуйер, ни миссис Гарсиа, хотя во время тревог они проявляли изумительную прыть. И в холле после обеда их не было; каюты их заперты, и я видела, как от миссис Гарсиа выходил врач.

Забавно. Не отравил же их Кларк, в самом деле. А может, и отравил. Самого его я спросить не решаюсь, боюсь ответа.

Узнавать что-либо у врача значило привлечь внимание к семье Фрайз. Хорошо бы уметь видеть сквозь стены, если такое, вообще, возможно.

Надеюсь, таланты Кларка не проявились здесь в полной мере. Конечно, я по-прежнему зла на этих двух… потому что во всех пакостях, которые они изрыгали, ровно столько правды, чтобы разозлить. У меня действительно смешанная кровь.

Кое– кому это может не нравиться, но на Марсе это в порядке вещей. Среди моих предков есть ссыльные, я никогда этого не скрывала. Но ссыльный -не обязательно преступник. Было время, когда на Земле заправляли политические комиссары, а Марс служил исправительной колонией для инакомыслящих. Это все знают, и стыдиться тут нечего.

Людей ссылали на Марс по политическим мотивам. Что же в этом страшного?

Потом на Марс прибыли колонисты, их было раз в пятьдесят больше, чем ссыльных, и каждый из них отбирался тщательнее, чем невеста выбирает подвенечное платье. Только намного научнее. И наконец, после нашей Революции, мы отменили все препоны для въезда и рады приветствовать любого человека, нормального физически и умственно.

Я не стыжусь ни своих предков, ни своего народа, какого бы цвета ни была их кожа и как бы они ни попали на Марс. Я горжусь ими. И меня бесит, если кто-то над ними издевается.

Кстати, ручаюсь головой, что эти две грымзы не получили бы вида на жительство даже при нынешней политике открытых дверей. Они слабоумные.

Я все же надеюсь, что Кларк не хватил через край. Я бы не хотела, чтобы он провел всю свою жизнь на Титане. Люблю я этого бандита.

Немного.

8

Не миновал нас этот шторм. Правда, шторм был дохленький: радиация всего в 1500 раз превысила нормальную для этих мест — мы сейчас в 0,8 астрономической единицы от Солнца, то есть примерно в 120 миллионах километров, если пользоваться более наглядными мерами. Мистер Суваннавонг сказал, что хватило бы перевести пассажиров первого класса на палубу второго. Конечно, это было бы удобнее, чем запихивать всех, кто есть на корабле, в этот мавзолей абсолютной безопасности.

Каюты второго класса — тесные и мрачные, а что до третьего… лучше уж лететь вместе с грузом.

Но второй и третий покажутся раем после 18 часов в убежище. Лучше уж в улье жить.

Первый раз в жизни я позавидовала пассажирам-инопланетянам. Они не спешат в убежище, а остаются в своих каютах.

Их вовсе не бросают на произвол судьбы, их каюты с индексом "X" находятся почти в самом центре корабля. Кроме того, у них автономная защита. Нельзя же ожидать от марсианина, что

он будет обходиться без привычных давления и влажности. Это все равно, что сунуть его головой в ванну и подержать там.

Конечно, если бы у него была голова.

И все же лучше уж потерпеть 18 часов, чем всю дорогу сидеть взаперти в одной клетушке. Правда, марсианин способен все это время (и даже дольше) рассматривать тонкую разницу между понятиями «ноль» и «ничто», а венерианец попросту эстивирует. Но все это не по мне. Приключения нужны мне больше, чем покой, а то у меня дым из ушей пойдет.

Капитан не знает заранее, долгим будет шторм или коротким. Он обязан предположить худшее и обеспечить безопасность пассажиров и команды. Потом выяснилось, что между сигналом тревоги и первым ударом шторма прошло одиннадцать минут. Но это было потом… а капитан, если он задним умом крепок, угробит и корабль, и экипаж, и пассажиров.

Я начала понимать, что быть капитаном — это не только принимать приветствия, носить четыре золотых шеврона и возглавлять экипаж в разных рисковых приключениях. Капитан Дарлинг моложе Па, но выглядит старше — из-за морщин.

ВОПРОС: Подди, ты уверена, что сможешь командовать исследовательским кораблем?

ОТВЕТ: А что такое было у Колумба, чего нет у меня? Не считая, конечно, королевы Изабеллы. Держись на курсе, девчонка!

Я часто бывала в рубке перед штормом. Станция «Гермес» не предупреждает о начале шторма, скорее наоборот. Она НЕ предупреждает, что шторм НЕ начался. Звучит, конечно, диковато, но дело тут вот в чем.

Наблюдатели «Гермеса» работают в абсолютной безопасности — в бункерах на теневой стороне Меркурия. Их приборы осторожно высовываются из-за горизонта в зону терминатора и выжимают из Солнца всю возможную информацию, включая непрерывные телефото на волнах разной длины.

Но Солнце совершает полный оборот за 25 дней, поэтому «Гермес» не может наблюдать его все время целиком. Еще хуже, что Меркурий и сам обращается вокруг Солнца в направлении его вращения, совершая один оборот за 88 дней, так что, когда Солнце снова поворачивается к Меркурию той же стороной, его там уже нет. Все это приводит к тому, что «Гермес» наблюдает одно из полушарий Солнца примерно раз в семь недель.

Само собой разумеется, что так нельзя предсказать шторм, который может сформироваться за день-другой, набрать силу за считанные минуты и за секунду прикончить все живое.

Правда, за солнечной погодой приглядывают и с Луны, и с искусственного спутника Венеры, и немножко с Деймоса, но информация с этих станций запаздывает на Меркурий из-за ограниченной скорости света. Около 15 минут опоздания для Луны и 1000 секунд для Деймоса… многовато, когда счет идет на секунды.

Но сезон сильных штормов в цикле Солнца недолог — примерно, один год из шести. (Я имею в виду настоящие, марсианские годы. Вообще-то, цикл составляет около одиннадцати земных лет, которыми почему-то упорно пользуются астрономы.)

Это облегчает положение: пять лет из шести корабли могут летать без особого риска.

А вот во время штормов осторожный шкипер (а только такие и доживают до пенсии) спланирует полет так, чтобы пересечь орбиту Земли в то время, когда Меркурий лежит между ним и Солнцем, чтобы «Гермес» всегда мог предупредить его. Именно так поступил Капитан Дарлинг: «Трезубец» задержался на Деймосе на три недели,

чтобы подойти к Венере под контролем «Гермеса» — ведь сейчас середина сезона штормов.

Надо думать, эти задержки — нож острый для администрации Линии, во время штормов они терпят убытки. Но лучше уж потерять деньги, чем корабль с пассажирами.

Тупик? Не совсем. «Гермес» может заметить собирающийся шторм, распознать такую ситуацию на Солнце, которая почти наверняка означает будущую вспышку. Они посылают штормовое предупреждение, а на «Трезубце» и других кораблях проводят учебные тревоги. А потом наступает ожидание. Мы ждем день, два или целую неделю, а шторм тем временем или скисает, или развивается и начинает плеваться всякой гадостью по всем осям координат.

И все это время радиостанция «Гермеса» непрерывно передает штормовое предупреждение и сводку состояния Солнца……и вдруг передача прерывается.

Возможно, упало напряжение в сети «Гермеса» и вскоре включится аварийный передатчик. Возможно, виновато обычное «затухание» радиоволн, а шторм еще не разразился, и вскоре «Гермес» пришлет ободряющую сводку.

Но возможно, что на Меркурий со скоростью

света обрушился первый солнечный шквал, выжег датчики приборов и голос станции поглощен более мощным излучением.

Дежурный офицер в рубке ничего не знает наверняка, а рисковать не имеет права. Как только связь прерывается, он мгновенно включает большой секундомер. Когда тот отстучит положенное время (и если «Гермес» еще молчит) — раздается сигнал общей тревоги. Эта отсрочка зависит от положения корабля относительно Солнца и «Гермеса».

Вот тут– то капитан начинает грызть ногти и зарабатывает седину и высокое жалование… Ведь именно он должен решать, на сколько секунд отсрочить тревогу. Собственно, если учесть, что первый шквал движется со скоростью света, у него вообще нет времени, потому что частицы достигают корабля в то же мгновение, когда прерывается передача. А если корабль в неудобном положении, если забит радиоприем, он может просто не услышать «Гермеса». И не узнать последних новостей.

Но он хорошо знает, что, если всякий раз будет включать сирену и гнать всех в убежище, люди перестанут пугаться и в случае настоящей тревоги среагируют недостаточно быстро.

Еще он знает, что наружная обшивка останавливает любое излучение электромагнитного спектра. Только самое жесткое рентгеновское излучение (а больше ничего не распространяется со световой скоростью) способно проникнуть в пассажирскую зону, да и то немного. Но чуть погодя приходит настоящая опасность — тяжелые, средние, легкие частицы — весь обычный мусор ядерного взрыва. Все это летит быстро, но не со скоростью света. До встречи с ними людей надо укрыть в убежище.

Капитан Дарлинг, исходя из положения корабля и сводки «Гермеса», назначил отсрочку в 25 секунд. Я спросила, почему он выбрал именно этот интервал, а он только осклабился без особого веселья и сказал: «Посоветовался с духом моей бабушки».

Пока я была в рубке, дежурный пять раз включал секундомер… и пять раз связь с «Гермесом» восстанавливалась.

На шестой раз секунды истекли одна за другой, связь не восстановилась, и, словно труба Страшного Суда, завыл сигнал тревоги.

Капитан с каменным лицом подошел к люку, ведущему в убежище. Я осталась на месте, надеясь, что мне позволят остаться в рубке.

Собственно, рубка — тоже часть убежища, сообщается с ним и защищена не хуже.

Просто удивительно, сколько людей уверены, будто капитан управляет кораблем, глядя в иллюминатор, вроде как автомобилем. Все, конечно, по-другому. Рубка расположена в центре корабля, а управлять гораздо удобнее с помощью экранов и навигационных приборов. Единственный смотровой иллюминатор расположен на носовом конце главной оси «Трезубца». Он сделан для того, чтобы пассажиры могли полюбоваться звездами.

Но мы все время движемся «носом к Солнцу», так что он всегда задраен.

Я знала, что рубка в безопасности, и чуть задержалась — авось меня как «любимицу капитана» оставят здесь, и не придется проводить часы или даже дни на тесной полке среди балаболок и истеричек.

Я могла бы и сама догадаться. Капитан чуть задержался, входя в люк и отрывисто произнес: «Пойдемте, мисс Фрайз».

Я пошла. Он всегда называл меня просто «Подди», но на этот раз в его голосе сквозил металл.

В убежище уже вваливались пассажиры третьего класса, идти им было ближе всех, а члены команды распределяли их по койкам. После

первого предупреждения с «Гермеса» экипаж перешел на особый график: вместо одной вахты в сутки они дежурили четыре часа и четыре часа отдыхали. Часть команды всегда в скафандрах (надо думать, это ДЬЯВОЛЬСКИ неудобно). Они просто присутствуют в пассажирской зоне. Им запрещено снимать скафандры, пока не придет смена, тоже в скафандрах. Это «охотники», они рискуют жизнью, проверяя пассажирскую зону, выковыривают копуш из кают и после всего этого пытаются вовремя добраться до убежища, не получив лучевого удара. Все они — добровольцы. «Охотники», занятые по сигналу тревоги, получают солидную премию, а те, кто к этому времени сменился, — премию поменьше.

Первым отрядом «охотников» командует старший помощник, вторым — казначей. Они не получают ни гроша, хотя по закону и традициям последними входят в убежище… это считается не только обязанностью, но и делом чести.

Остальные члены команды дежурят в убежище.

Разумеется, из-за того что часть команды оторвана от своих обычных обязанностей, обслуживание резко ухудшилось.

Большинство постов по тревожному расписа-

нию занимает именно обслуживающий персонал: инженеров, связистов и иже с ними нельзя отрывать от работы. Так что каюты весь день остаются неприбранными, если не прибирать самой, обед затягивается вдвое, а обслуживание в холле и вовсе отменено.

Казалось бы, пассажиры должны понимать неизбежность этих мелких неудобств и благодарить людей, которые обеспечивают их безопасность.

Как бы не так! Поверьте этому — и вы поверите чему угодно. Вы ничего не видели в жизни, если не видели пожилого богатого землянина, которому приходится обходиться без привычных удобств. Он думает, что купил все и вся, заплатив за билет. Я видела, как одного такого чуть удар не хватил, а ведь он в возрасте дяди Тома и должен бы соображать, что к чему. А он побагровел, полиловел, понес околесицу, и все потому, что официант не сразу принес ему новую колоду карт.

Официант в это время сидел в скафандре, а стюард пытался успеть в три места разом, да еще отвечал на вызовы из кают. Но нашему славному попутчику на все это было наплевать, он угрожал вчинить иск Линии и всем ее директорам.

Конечно, не все ведут себя так. Миссис Грю, несмотря на полноту, сама заправляет постель и никогда не теряет терпения. И некоторые из тех, кто раньше требовал массу услуг, тоже стараются обойтись собственными силами.

А некоторые ведут себя, прямо как избалованны дети. Это и в детях-то неприятно, а уж в дедушках и бабушках — просто отвратительно.

Итак, я вошла вслед за Капитаном в убежище и сразу же убедилась, как четко работает тревожная команда «Трезубца».

Меня схватили прямо в воздухе, как мяч, и передали из рук в руки. Конечно, при 0,1 "g" это нетрудно, но все равно дух захватывает. Меня запихнули на полку так же небрежно и безразлично, как хозяйка укладывает чистое белье. Кто-то крикнул: «Фрайз Подкейн!», а другой ответил: «Есть».

Места вокруг меня заполнялись удивительно быстро — команда работала с невозмутимым автоматизмом робота-сортировщика почтовых капсул. Где-то плакал ребенок, и сквозь плач я услышала, как Капитан спросил: «Это последняя?»

«Последняя, капитан, — ответил казначей. — Как со временем?»

«Две минуты тридцать семь секунд. Твои ребята могут подсчитывать фишки — тревога не учебная».

«Я так и подумал, Шкипер. Значит, я выиграл пари у старпома».

Тут казначей пронес кого-то мимо моей полки. Я попыталась приподняться, треснулась головой и глаза мои полезли на лоб.

Пассажирка, которую он нес, была в обмороке — голова ее моталась. Сначала я не узнала ее, потому что лицо у нее было ярко-ярко красное. Потом чуть не упала в обморок сама: это была миссис Роуйер.

Эритема — первый симптом при любом сильном облучении.

Даже когда перекалишься на солнце или под ультрафиолетовой лампой, первое, что бросается в глаза, — розовая или ярко-красная кожа.

Но как ее угораздило схватить ТАКУЮ дозу? Или это потому, что ее принесли последней?

В таком случае, обморок здесь ни при чем. Она была мертва.

А это значило, что те из пассажиров, кто последними добрался до убежища, получили две или три смертельные дозы.

Они еще ничего не чувствуют и могут прожить

еще несколько дней. Но они так же мертвы, как если бы лежали в морге.

Сколько их! Догадаться я не могла. Возможно, точнее, вероятно, — все пассажиры первого класса, им дольше всех добираться, да и защита тоньше.

Дядя Том и Кларк…

Тут на меня накатила черная тоска и я пожалела, что была в это время в рубке. Если дядя Том и Кларк при смерти, мне и самой незачем жить.

Не помню, чтобы я хоть в малой степени жалела миссис Роуйер. Конечно, ее полыхающее лицо меня потрясло. Но ведь, правду сказать, я считала ее саму паразитом, а ее суждения — достойными лишь презрения. Умри она от сердечной недостаточности, клянусь, я не потеряла бы аппетита. Никто ведь не точит слез над теми миллионами и миллиардами, что умерли в прошлом… или по тем, что еще живут, или по тем, кому предстоит родиться и в конце концов умереть. Включая и саму Подкейн Фрайз. Так не глупо ли реветь, оттого что оказалась рядом, когда та, кого ты не любишь — фактически, презираешь — отдает концы?

Некогда мне было ее жалеть — я горевала о братишке и дяде. Я казнила себя, что не жалела дядю Тома, по каждому поводу садилась ему на

шею и заставляла все бросать, чтобы помочь мне. И за то, что так часто дралась с Кларком. Он, в конце концов, был ребенком, а я женщина, должна понимать.

Глаза мои наполнились слезами, и я чуть не пропустила первые слова Капитана.

— Спутники, — сказал он ровно и твердо, — моя команда и наши гости на борту «Трезубца»... это не тренировка, это — настоящий солнечный шторм.

Пожалуйста, не волнуйтесь. Все мы и каждый из нас — в абсолютной безопасности. Наш врач проверил личный счетчик у последнего, кто вошел в укрытие. Его показания не внушают опасений. Даже если сложить их с общей дозой облучения самого облученного человека на борту — это, кстати, один из членов команды — сумма окажется ниже опасной для здоровья и сохранности генов.

Повторяю. Никто не пострадал и теперь уже не пострадает, просто нам предстоят некоторые неудобства. Я хотел бы вам сказать, сколько времени придется сидеть в убежище, но сам не знаю. Может быть, несколько часов, может — несколько дней. Самый долгий шторм продолжался менее недели. Надеюсь, что старина Сол рассер-

дился не всерьез. Но нам придется сидеть здесь, пока с «Гермеса» не дадут отбой. Когда шторм кончится, понадобится еще немного времени, чтобы проверить корабль и уровень радиации в ваших каютах. А пока будьте терпимее, повторяю, терпимее друг к другу.

Стоило Капитану заговорить, и мне стало легче. Его голос завораживал, он успокаивал нас, как материнская колыбельная — младенца. Я немножко отошла от пережитых страхов, но чуть позже принялась размышлять. Мог ведь Капитан Дарлинг сказать нам, что все в порядке, просто потому, что уже ничего не поделаешь?

Я перебрала в уме все, что знала о лучевом поражении, начиная с детсадовского курса личной гигиены и кончая одной из пленок мистера Клэнси, которую я просмотрела на этой неделе.

И решила, что Капитан сказал чистую правду. Почему? Потому что, если бы даже сбылись мои опасения и нас ударило бы так сильно, словно рядом рванула ядерная бомба, все равно можно кое-что предпринять. Нас поделили бы на три группы. В первую вошли бы те, кто совсем не пострадал и наверняка не умрет (это все, кто был в рубке плюс все или почти все пассажиры третьего класса, если они не мешкали). Вторая

группа — облученные так страшно, что умрут наверняка, несмотря ни на что (скажем, пассажиры первого класса). И, наконец, третья группа, не сказать насколько большая, — те, кто облучен опасно, но могут быть спасены, если действовать быстро и решительно.

В этом случае не было бы так тихо.

У нас забрали бы личные счетчики и заново пересортировали бы нас, выбирая тех, кто нуждается в немедленном лечении, кололи бы морфий обреченным и отделяли бы их от прочих, а тех, кто был в безопасности, собрали бы в кучу, чтобы не путались под ногами или приставили бы помогать врачу.

Вот как должно бы быть. Но ничего не происходило, абсолютно ничего — только слышалось бормотанье и рев малышей.

Даже на наши счетчики не смотрели. Похоже, врач и в самом деле проверял их только у аутсайдеров.

Следовательно, Капитан сообщил нам простую и ласкающую сердце истину.

Я так обрадовалась, что забыла удивиться помидорной внешности миссис Роуйер. Улеглась поудобнее и начала обсасывать теплый и счастливый факт: мой милый дядя Том не собирается

умирать, а братик проживет достаточно долго, чтобы причинить мне кучу мелких хлопот. Я даже задремала…

…и вдруг моя соседка справа завизжала: «Выпустите меня отсюда! Выпустите меня отсюда!!!»

И снова я увидела, что такое решительные действия в особом положении.

К нам вскарабкались двое из команды и сцапали ее. Тут же стюардесса запечатала ей рот клейкой лентой и сделала укол в руку. Мою соседку чуть придержали, пока она не перестала трепыхаться, а потом куда-то унесли.

Вскоре появилась другая стюардесса. Она собрала личные счетчики и раздала снотворное. Многие взяли, но я отказалась — я вообще не люблю таблеток и, уж конечно, не буду глотать препарат, который вырубит меня на самом интересном месте.

Стюардесса настаивала, но я не сдавалась. Наконец она пожала плечами и отошла. Потом было еще три-четыре приступа острой клаустрофобии (или истерических припадков, я не знаю). Со всеми справились быстро и без шума. Убежище затихло, если не считать храпа, нескольких голосов и неумолчного рева младенцев.

В первом классе детей немного, а младенцев

нет вовсе.

Во втором — детей достаточно, а уж третий прямо кишит ими, словно каждая семья везет хоть одного сосунка. Оно и понятно: почти весь третий класс — это земляне, перебирающиеся на Венеру. Земля перенаселена, и человеку с большой семьей эмиграция вполне может показаться наилучшим выходом. Он подписывает трудовой контракт, а Венерианская Корпорация оплачивает перелет в счет будущего заработка.

Что ж, наверное, можно и так. Им нужно уехать, а Венере нужны люди. Но я очень рада, что Марсианская Республика не субсидирует въезд, иначе бы нас затопило. Конечно, мы принимаем иммигрантов, но они должны сами оплатить перелет и оставить в совете ДЭГ обратные билеты, причем деньги за них не выдаются раньше двух марсианских лет.

И правильно. По крайней мере треть иммигрантов не может адаптироваться. Появляется подавленность, ностальгия; ну и летят они назад. Не могу понять, чем может не понравиться Марс, но им виднее. По мне, так даже лучше, что они улетают.

Так я и лежала, думала о разном, немножко скучала, немножко волновалась и удивлялась,

почему никто не займется бедными крошками.

Лампы были притушены. Кто-то подошел к моей полке.

— Ты здесь? — послышался тихий голос Герди.

— Похоже на то. Что случилось? — так же тихо ответила я.

— Детей пеленать умеешь?

— Конечно.

Мне подумалось, как там Дункан… я ведь не вспоминала о нем несколько дней. Может, он забыл меня? И не узнает Бабушку Подди.

— Тогда идем со мной, подруга. Есть работа.

Еще бы ее не было! Нижняя часть укрытия, что над инженерным отсеком, была поделена на четыре части, словно торт.

Санузлы, два изолятора — мужской и женский (оба забиты до отказа), — а между изоляторами — жалкая пародия на детскую, метра по два в каждом направлении. Три ее стены были увешаны холщовыми люльками с младенцами, да еще часть перехлестывала в женский лазарет. И почти все они орали.

Посреди этого пандемониума две измотанные стюардессы пеленали малышей на узехоньком выдвижном толе. Герди похлопала по плечу одну из них.

— Порядок, девочки, подошло подкрепление. Идите перекусите, да и отдохните немного.

Та, что постарше, посопротивлялась для порядка, но видно было, как они рады подмоге. Мы с Герди встали по местам и взялись за дело. Не знаю, сколько мы работали (просто не было времени глянуть на часы), но работы было явно больше, чем нас, и мы пытались нагонять. Все же это было лучше, чем лежать в ячейке, глазеть на потолок в паре сантиметров от носа. Хуже сего была теснота. Я все время прижимала локти, чтобы не пихнуть Герди, а сзади меня все время подталкивала люлька.

Но все равно я не жалуюсь. Конструктору «Трезубца» пришлось попотеть, чтобы разместить максимум людей в минимуме объема единственным возможным образом, да еще достаточно хорошо экранировать этот объем. Понятно, что заботился он не о гигиене младенцев, а о том, чтобы сохранить им жизнь.

Но малышу-то этого не объяснишь. Удивительно, но Герди работала спокойно и уверенно, без единого лишнего движения.

Никогда бы не подумала, что ей приходилось возиться с пеленками. Но работала она споро и побыстрее меня.

— А где их мамаши? — спросила я, подразумевая: «Почему эти лентяйки бросили своих детей?»

Герди меня поняла.

— Одни заняты своими малышами. Забот полон рот, успокоить и прочее. А другие вырубились и отсыпаются, — она кивнула на изолятор.

Это была святая правда, и я заткнулась. В таких конуренках просто невозможно толком обиходить ребенка, но, если бы все разом потащили детей сюда, возникла бы неописуемая пробка. Пожалуй, конвейерная система себя оправдывает.

— Пеленки кончаются, — сказала я.

— В шкафчике должна быть еще стопка. Ты знаешь, что приключилось с миссис Гарсиа?

— Что? — Я достала пеленки. — Ты, наверное, хочешь сказать — с миссис Роуйер?

— Ей тоже досталось. Но миледи Гарсиа первой попалась мне на глаза. Ее как раз приводили в чувство, и я хорошо все разглядела. Так ты ее не видела?

— Нет.

— Вот подменят нас — загляни в женский изолятор. Такого изумительного желтого цвета и в москательной лавке не увидишь, не то что на человеческом лице.

Я так и села.

— Господи! Я видела миссис Роуйер — она ярко-красная. Герди, ради бога, что же с ними случилось?

— Что случилось — ясно, — подумав, ответила Герди, — а вот как — никто в ум не возьмет.

— Не понимаю.

— Цвет говорит сам за себя. Это водорастворимые пигменты, их применяют в фотографии. Ты что-нибудь смыслишь в фотографии?

— Почти ничего, — ответила я.

Все что я знала, рассказал мне Кларк, он довольно искусный фотограф. Конечно, это лучше держать при себе.

— Ну ты наверняка видела, как фотографируют другие. Вынимаешь пластинку — и фото готово, только изображения еще нет. Она все еще прозрачная. Потом кладешь ее на свет и картинка начинает проявляться… и когда цвета наберут яркость, досушиваешь ее в темноте. Главное — не переборщить с цветами. — Она хихикнула. — Похоже, эти дамы не сообразили вовремя закрыть лица и остановить процесс. Наверное, они попытались смыть краску и сделали еще хуже.

— Все равно, не понимаю, как это вышло, — озадаченно молвила я.

— Никто не понимает. Но у доктора есть версия: кто-то сыграл шутку с их полотенцами.

— Что?

— У кого-то на борту был запас несвязанных пигментов. Кто-то пропитал непроявленными, то есть бесцветными, пигментами их полотенца и хорошенько высушил в темноте. Потом этот кто-то тайком подменил полотенца. Это не трудно, если у человека крепкие нервы: последнее время обслуживание ухудшилось из-за шторма. Все полотенца на корабле одинаковые, поди тут, догадайся.

«Надеюсь, что не догадаются», — подумала я, а вслух сказала:

— Да, догадаться трудно.

— Конечно. Это могла быть стюардесса или кто угодно из пассажиров. Но откуда взялись пигменты? В корабельном магазине их нет, разве что в пленках. А доктор готов прозакладывать голову, что только специалист-химик, да еще в хорошей лаборатории, способен выделить краску из пленки. Еще он говорит, что на Марсе эти пигменты не производятся, значит, этот «кто-то» — с Земли. — Герди взглянула на меня и улыбнулась. — Так что ты, Подди, вне подозрений. Не то, что я.

Если меня не подозревают, значит, и Кларк в

безопасности.

— А с чего бы им подозревать тебя? Это же смешно!

— Конечно, смешно… будь у меня эти краски, я не знала бы, что с ними делать. Но я могла купить их еще на Земле, а причин любить этих дамочек у меня нет.

— Я от тебя слова о них не слыхала.

— Да, зато они выдали несколько тысяч слов по моему адресу, а у людей есть уши. Так что меня крепко подозревают, Подди. Но ты не бойся за меня. Я этого не делала и никто не докажет, что я виновата. — Она хмыкнула. — Надеюсь, настоящего виновника не найдут.

Я промолчала. Знала я одного человечка, способного безо всякой лаборатории выделить пигмент из пленки. Я быстро припомнила, что видела во время обыска в каюте Кларка.

Там не было НИЧЕГО такого. Даже фотопленки не было.

Но это ровным счетом ничего не доказывает, когда дело касается Кларка. Надеюсь, он не оставил отпечатков пальцев.

Потом пришли две стюардессы, и мы накормили малышей. Мы с Герди кое-как помылись и перекусили на ходу. А после я прилегла на свою

койку и мигом заснула.

Должно быть, я дрыхла часа три или четыре и проспала роды миссис Дирксон. Она эмигрирует с Терры на Венеру, и ребенок у нее должен был появиться после перелета, но волнение ускорило ход событий. Как бы то ни было, начались схватки, ее отнесли в изолятор, а доктор Торланд, едва взглянув, велел нести ее в рубку — больше расположиться было негде.

Так что ребенок так и родился в рубке — между сейфом для карт и компьютером. Доктор Торланд и Капитан Дарлинг были крестными отцами, а старшая стюардесса — крестной матерью. Малышку назвали Радиантой — имя приличное, но юмор довольно кислый.

Прямо в рубке для Радианты сотворили инкубатор, а миссис Дирксон отправили в изолятор и кольнули ей снотворное. К этому времени я и проснулась.

Я решила рискнуть, рассудив, что Капитан сейчас помягче, чем обычно, и сунулась в рубку.

— Можно мне взглянуть на ребеночка?

Капитан сперва рассердился, но потом усмехнулся и сказал:

— Ладно, Подди. Быстренько посмотри и выметайся.

Я так и сделала. Радианта весит около килограмма и, если откровенно, выглядит так, что невольно подумаешь, стоило ли с нею возиться. Но доктор Торланд считает, что дела ее идут неплохо, и со временем она станет красивой и здоровой девушкой, причем будет привлекательнее меня. Надо думать, он знает, что говорит, но для этого ей предстоит здорово потрудиться. Цветом она почти как миссис Роуйер и состоит в основном из складочек.

Конечно, скоро она перерастет это состояние, но пока она точь-в-точь как картинка из премиленького пособия под названием «Чудо жизни» (предыдущие картинки из этой серии еще менее аппетитны). Хорошо, что мы не видим детей, пока они не оформятся для дебюта, иначе бы род человеческий пресекся.

Может, лучше было бы откладывать яйца. Наш процесс размножения далеко не совершенен, и женщины понимают это лучше прочих.

Я пошла вниз посмотреть, не пригожусь ли детишкам постарше. Выяснилось, что нет: их только что покормили, и теперь в изоляторе дежурили одна из стюардесс и молодая женщина, которую я раньше не встречала. Они клялись, что работают всего несколько минут. Но я все

равно осталась с ними, лишь бы не лезть на свою полку. Потом попыталась помочь: проверяла младенцев, передавала мокреньких, как только освобождался столик.

Это немного ускорило дело. Потом я достала из люльки маленького кривляку и начала укачивать.

— Я готова, давай его, — повернулась ко мне стюардесса.

— Он сухой, — ответила я. — А может, она. Просто ему одиноко и он хочет, чтобы его приласкали.

— Перебьется.

— Это еще неизвестно. — Самое гадкое в этих яслях — шум. Детишки будят друг друга и децибелы растут в геометрической прогрессии. Конечно, все они были напуганы — я бы на их месте наверняка испугалась. — Ласка детям нужна больше, чем что-либо другое.

— Им всем давали по бутылочке.

— Бутылочка ведь нянчить не умеет.

Она не ответила, просто стала проверять других детей. Я знала, что права: ведь малыш слов не понимает, не знает, зачем он здесь и что случилось. Он кричит, и его нужно успокоить.

Герди появилась как раз во время.

— Могу ли я помочь?

— Конечно, можешь. Вот… держи этого.

Минут через пять я завербовала еще троих девушек примерно моего возраста и зацепила Кларка — вместо того чтобы спокойно лежать на койке, он таскался по проходам. Энтузиазма он не проявил, но и не удрал — лучше уж что-то делать, чем скучать.

Больше помощников искать не стоило — им будет негде стоять. А работали мы так: две няньки отступили на шаг в изоляторы, а управляющая всем процессом (это я) стояла на крошечном пятачке у трапа, готовая шарахнуться в любой момент и в любом направлении, впуская людей в туалеты и выпуская, конечно. Герди, самая высокая из нас, стояла чуть сбоку и передавала самых плаксивых мне для вынесения вердикта: мокрых — пеленать, а сухих — укачивать.

В деле разом были, самое малое, семь малышей, а иногда и целый десяток, потому что при 0,1 "g" ноги совсем не устают, а ребенок почти ничего не весит. Можно держать по малышу на каждой руке, что мы, кстати, и делали.

Через десять минут наших стараний крик и плач затихли до уровня отдельных всхлипов.

Я и не надеялась, что Кларк выстоит до конца,

но он держался молодцом. Может, потому что Герди была в той же комнате? Никогда раньше я не видела у него такого лица — сурового и благородного одновременно. Он стойко нянчил малышей и вскоре даже начал приговаривать «баю-бай» и «спи, малышка, спи», словно всю свою жизнь только этим и занимался. И вот ведь чудо: детишкам он очень нравился, у него на руках они затихали быстрее, чем у любой из нас. Может, он их гипнотизировал?

Время от времени мы перегруппировывали силы: подходили свежие добровольцы, а те, кто уставал — отдыхали. Меня тоже разок подменили. Я быстренько перекусила, часок полежала в своей ячейке и снова приняла вахту.

Я пеленала детишек, когда из динамика раздался голос Капитана:

«Прошу внимания. Через пять минут корабль перейдет в режим свободного полета и наступит невесомость. Искусственное тяготение будет восстановлено, как только мы закончим ремонтные работы на внешнем корпусе корабля. Все пассажиры должны пристегнуться. Экипажу занять места согласно вахтенному расписанию для режима свободного полета».

Я продолжала пеленать малыша — это дело

нельзя бросать на полпути. Тем временем убаюканных младенцев разложили по люлькам, а команду баюкальщиков разогнали по ячейкам. Вращение корабля заметно замедлялось.

— Подди, беги наверх и пристегнись, — сказала мне стюардесса.

— Глупости, Биргит, — ответила я. — Здесь же дел невпроворот.

— Подди, это же приказ. Ты ведь пассажирка.

— А кто будет возиться с малышней? Одна ты? А куда девать четверых из женского изолятора?

Биргит хлопнула себя по лбу, подхватилась и понеслась в изолятор. Других стюардесс поблизости не было — все они проверяли ремни у пассажиров — и загонять меня в ячейку было некому. А когда Биргит вернулась, на нее навалилось столько хлопот, что она больше не напоминала мне о приказе. Она закрепляла люльки, а я застегивала полог каждой. Честное слово, это не легче, чем закрепить ремни на взрослом. Пологи держат детишек плотно, но мягко, только головки остаются свободными.

Я еще возилась, когда завыла сирена, и Капитан остановил двигатель.

Мамочка моя! Вот когда начался сущий шабаш! Сирена разбудила спавших малышей, перепугала

остальных, и все они заорали во всю мочь, а один, над которым я еще не застегнула полог, невесть каким образом выскочил из люльки. Я ухватила его за ножку, но сама оторвалась от пола, и мы поплыли в воздухе, пока не ткнулись в стену. Правда, теперь она была не стеной, а просто препятствием. Невесомость все здорово путает, если вы к ней еще не привыкли.

Стюардесса ловко схватка нас обоих, водворила пискуна в люльку и застегнула полог, а меня подвесила на ремень. Тем временем выпростались еще двое.

На этот раз я управилась получше: цапнула одного и держала, пока Биргит разбиралась со вторым. Она-то чувствовала себя как рыба в воде, двигалась плавно, словно балетная примадонна, только вдвое медленнее. Я отметила для себя, что и мне нужно этому научиться.

Я сочла было, что кончились наши муки, но не тут-то было, Младенцы не любят невесомости. Мало того, что она их пугает; главное — у них совершенно отказывают сфинктеры.

Кое– что впитывают пеленки, но далеко не все. К тому же шестерых малышей недавно покормили.

Вот тут– то я и поняла, почему стюардессы

обучаются на курсах нянь: в следующие минуты мы вдвоем спасли от удушья пятерых малышей. Биргит прочистила горлышко одному малышу, я, посмотрев, как она это делает, помогла второму, она привела в порядок третьего… И так далее.

А потом мы вооружились чистыми пеленками и кое-как почистили воздух. Вот что я вам скажу, милочка моя: если вы думаете, будто пережили самое худшее, когда маленький братик стравил на ваше новое вечернее платье, попробуйте того же самого в невесомости, где все это нигде не оседает, а вольно летает, словно дым на ветру. Словом, или вы достанете это, или оно достанет вас.

В шести экземплярах. В тесном закутке.

Когда мы вычистили (процентов на 95) наши авгиевы конюшни, нас от макушек до щиколоток покрывало кислое молоко.

Тут Капитан велел всем приготовиться к ускорению и сразу же врубил тягу. К великому моему облегчению. Явилась миссис Пил, главная стюардесса, и ужаснулась, что я не в ячейке и не пристегнута. Я изящно и вежливо послала ее к черту (будь я другого возраста и пола, она бы у меня услышала!) и спросила, что сказал бы Капитан, если бы два младенца задохнулись насмерть

только потому, что я соблюла инструкцию. Биргит подтвердила, что я спасла двоих малышей, а может, и больше, ей, сами понимаете, было не до счета.

Миссис Пил тут же сменила тон, извинилась передо мной, выразила мне благодарность, глубоко вздохнула, вытерла лоб, пошатнулась. Словом, видно было, что она прямо-таки с ног валится. Впрочем, это не помешало ей перед уходом проверить всех малышей. Вскоре явилась смена, а мы с Биргит залезли в женский туалет и попытались привести себя в порядок. Без особого успеха — переодеться-то нам было не во что.

Сигнал отбоя вызволил наши души из чистилища, а горячая ванна приобщила к сонму ангелов. Пока на внешнем корпусе проводили ремонт, на палубе "А" проверили уровень радиации и объявили, что она безопасна. Сам ремонт, как я тут же выяснила, был вполне рутинным. Дело в том, что некоторые наружные приборы — антенны и кое-что еще — не могут выстоять против солнечного шторма, они буквально сгорают, так Что после каждого шторма их приходится заменять. Это обычное дело, вроде как простые люди заменяют перегоревшие лампочки, но те, кто этим заняты, получают такую же надбавку

к жалованью, как и «охотники» — ведь старина Сол может чихнуть напоследок и испепелить их.

Я нежилась в ванне и вспоминала, как настрадалась за последние восемнадцать часов, Все было позади и потому выглядело не так уж плохо.

Лучше уж страдать, чем скучать.

9

Мне уже двадцать семь лет.

Венерианских, конечно, но насколько это лучше звучит.

Все, изволите ли видеть, относительно.

Но даже за тысячу лет неувядаемой молодости я не согласилась бы жить на Венере. Я здесь видела не так уж много, но, честно говоря, больше и не хочется. Венусбург похож на рукотворный кошмар, а его окрестности еще хуже. Просто диву даюсь, почему эта мрачная, задушенная смогом планета носит имя богини любви и красоты. Здорово похоже, что ее слепили из мусора, который остался после сотворения Солнечной системы.

Мне обязательно нужно было увидеть полет фей, иначе бы я носа не высунула из Венусбурга. Единственная фея, которую я пока видела, стоит в холле местного хилтона. Чучело, сами понимаете.

Венера оказалась для меня Глубоким Разочарованием, и я теперь считаю дни до отлета на Землю. Молюсь, чтобы Земля не оказалась такой же. Наверное, мне там понравится: есть что-то волнующе первобытное в том, что там можно

выйти под открытое небо даже без Кислородной маски. Дядя Том говорит, что в Средиземноморье (это такой океан в La Belle France) земляне купаются вообще без одежды, не говоря уже об изолирующих костюмах.

Я бы так не смогла. Я вовсе не стесняюсь своего тела; мы, марсиане, любим хорошенько попотеть в сауне, но мысль искупаться в чем-то больше и глубже ванны ужасает меня до косоглазия. Слишком уж много воды. Я однажды видела, как из Большого Канала выудили утопленника. Говорят, перед кремацией он долго оттаивал.

А на Средиземноморье, по слухам, воздух прогревается до температуры человеческого тела, а вода лишь ненамного холоднее. Пусть так, но Подди Фрайз рисковать не будет.

Земля фантастична, невероятна, и мне не терпится посмотреть на нее поближе. Я вдруг обнаружила, что самые яркие мои впечатления о Терре имеют в своей основе сказку о стране Оз. Не самый надежный источник, правда? Дороти беседует с Волшебником — поучительно, но фактической информации мало. В детстве я, помнится, верила каждому слову о стране Оз, но сейчас-то я уже не маленькая и здорово сомневаюсь, что смерч — надежное транспортное

средство, а также, что бывают Железные Дровосеки и дороги из желтого кирпича.

Другое дело — Тик-Токи. Их часто можно встретить в Марсополисе, их там используют на разных простых работах. Конечно, на пленках Тик-Ток совсем другой, но малым детям нужно не так уж много, чтобы поверить, будто сказка о стране Оз, как минимум, основана на реальных фактах, а то и правдива до последнего слова.

А вот Голодного Тигра я видела собственными глазами. Он жил в муниципальном зоопарке Марсополиса, калькуттский клуб «Кавани» подарил его своим «марсианским собратьям». Так вот, этот тигр всегда смотрел на меня так, словно оценивал мои гастрономические достоинства. Он околел, когда мне было пять лет, и я не знала, радоваться мне или горевать. Тигр, конечно, был очень красивым… но очень Голодным.

Впрочем, до Земли еще далеко. Приходится пока довольствоваться венерианскими достопримечательностями.

Настоятельно рекомендую всем путешествовать в компании дяди Тома. Нас не тиранили на таможне, наоборот — порт предоставил нам льготный режим (к вящему возмущению миссис Роуйер). Это значит, что никто не сует носа в ваш

багаж и никого не интересуют ваши документы: паспорт, справка о здоровье, справка Службы Безопасности, свидетельство о платежеспособности, свидетельство о рождении и еще девятнадцать глупых бумажонок. Нас мигом перебросили со спутника в космопорт на личной яхте Председателя Правления. На планете нас встретил сам Председатель (!), усадил в свой «роллс» и с ветерком отвез нас в отель «Тангейзер».

Он даже предложил нам остановиться в его «коттедже» (так по-венериански называется дворец), но сделал это, похоже, лишь из вежливости. Как бы то ни было, дядя Том саркастически поднял левую бровь и сказал:

— Мистер Председатель, предположим, что вам удастся меня подкупить. Но зачем нужно, чтобы об этом знали другие?

Мистер Председатель вовсе не обиделся, он громко рассмеялся, и живот его заходил ходуном, как у Санта Клауса.

(Кстати, он здорово похож на него: есть и борода, и пунцовые щеки, и смеется он часто. Вот только глаза у него при этом не смеются.)

— Сенатор, — сказал он, отсмеявшись, — как вы могли так плохо обо мне подумать? Я буду действовать тоньше, через молодую леди, например.

Мисс Подкейн, вы любите бриллианты?

Я ответила в том смысле, что они мне ни к чему — все равно потеряю.

— А ты, сынок? — обратился он к Кларку.

— Предпочитаю наличные, — ответил мой братец.

Все это было, конечно, не всерьез: ведь когда дядя Том отверг гостеприимство Председателя, «роллс» никуда не свернул — он с самого начала вез нас в «Тангейзер».

Похоже, что дядя Том — вовсе не турист… Конечно, я и раньше знала, что дядя играет не только в пинокль, но и в другие игры, где ставки гораздо выше. Но теперь я это чувствую. Честно признаюсь — все это выше моего понимания, да и информации у меня маловато. Я знаю, что вскоре откроется Конференция Трех Планет, но это всякому известно.

Вопрос: а не замешан ли в этом дядя Том? Надеюсь, что нет, иначе нам предстоит не одну неделю кантоваться на Луне.

Трудно попусту торчать на мрачном шарике космического шлака, когда тебя ждут все чудеса Терры. Одну меня туда дядя, ясно, не отпустит. А с Кларком — тем более.

Кстати, о Кларке: надеюсь, он шутил, отвечая

Председателю. Ведь не продаст же он, в самом деле, родного дядю за деньги. С другой стороны, к деньгам он относится очень серьезно. Тут надо крепко подумать…

Одно утешение — тот, кто сунет Кларку взятку, обнаружит, что мой братец вместе с деньгами отхватил и руку по локоть.

Похоже, наш номер в «Тангейзере» — тоже своего рода взятка. Я уже не знаю, платим ли мы за него, а дядю Тома спрашивать неудобно. Одно я знаю точно: слуги, которые нас обхаживают, не берут чаевых. Вообще. В свое время я дотошно разузнала, как полагается давать чаевые на Венере и на Земле, и у меня сложилось впечатление, что на Венере без чаевых шагу не ступишь, даже в церкви.

А «наши» слуги не берут ни гроша. По пятам за мной ходят две куколки с янтарной кожей — совершенные близнецы. Они бы меня даже купать стали, если бы я позволила. Они говорят по-португальски, а орто не понимают. К сожалению, на португальском я могу сказать только «спасибо» и не могу еще объяснить им, что вполне могу одеваться и раздеваться без посторонней помощи. Кроме того, я еще толком не знаю как их зовут — обе они откликаются на имя Мария.

Надо бы как-то выяснить, правда ли, что они не знают орто.

На Венере два официальных языка: португальский и орто, но в первый же час я услышала языков двадцать. Местный немецкий звучит так, будто у человека удавка на шее, французский ярко иллюстрирует кошачью драку, испанский похож на патоку, которая, густо булькая, вытекает из кувшина, а кантонезский… представьте себе человека, который поет Баха, а сам терпеть его не может.

К счастью, все здесь говорят еще и на орто, кроме Марии и Марии. Впрочем, кто их знает…

Я могла бы всю жизнь обходиться без прислуги, но честно признаюсь: этот номер доставляет массу удовольствий простой неизбалованной марсианской девчонке по имени Подди Фрайз.

Здесь стоит сказать, что мне предстоит проторчать в нем еще не один день. Доктор Торланд, врач «Трезубца», успел сделать мне кое-какие прививки для Венеры, но, как выяснилось, далеко не все. Как только я вошла в наш номер, появился местный эскулап и начал разыгрывать партию у меня на спине. Красные начинают и ставят мат в пять ходов. Другими словами, через три часа на мне было десятка три болячек, и все жутко

чесались… Ладно, замнем для ясности.

Кларк вовремя смылся, но получил-таки свое на следующее утро. Теперь есть надежда, что он не умрет от лиловой чесотки, тем более что судьба явно хранит его для виселицы. А дядя Том и вовсе обошелся без прививок — он вкусил все эти прелести лет двадцать назад. Надо сказать, он уверен, что «тысяча природных мук — наследье плоти» [Вильям Шекспир, «Гамлет», акт 3, сцена первая, или другими словами, монолог Гамлета] — всего лишь плод излишней впечатлительности.

Словом, на день, два, а то и больше я обречена вкушать все роскошества «Тангейзера». Захоти я выйти за порог, мне придется напялить маску, да еще перчатки. С другой стороны, у нас в номере есть экран во всю стену, и стоит только пожелать, как на нем появится запись или прямая трансляция из любого театра или клуба Венусбурга. Цветная и выпуклая. Некоторые «развлекательные» программы — я смотрела их, когда поблизости не было ни Кларка, ни дяди Тома — изрядно расширили мой кругозор. Надо сказать, что у нас на Марсе культура, в общем-то, пуританская. А на Венере нет законов как таковых, только инструкции и правила Венери-

анской Корпорации, но они не касаются личного поведения. Я выросла с убеждением, что Марсианская Республика — общество личной свободы, и до сих пор так считаю. Но оказалось, что между марсианской свободой и венерианской — огромная разница.

Венерианская Корпорация владеет здесь всем, чем стоит владеть и контролирует все более-менее прибыльные гешефты.

Дела здесь делаются так, что любой марсианский бизнесмен хлопнулся бы в обморок. Но и венерианам, наверное, пришлись бы не по вкусу наши обычаи. Одно я могу сказать точно: одна девушка с Марса покраснела в первый раз за много лет и переключила программу, хотя и не поверила, что такое может быть на самом деле.

Но экран во всю стену — не единственная достопримечательность нашего номера. Чтобы обследовать его целиком, надо запастись пищей и водой, а бассейн такой огромный, что в нем наверняка бывают бури. Моя «личная» ванная побольше иного гостиничного номера, и в ней столько разных штучек, что без инженерного диплома там и рук не вымоешь. Но я все-таки научилась ими пользоваться и теперь даже удивляюсь: выходит, что я всю жизнь обходилась без

элементарных удобств.

Короче говоря, я просто влюбилась в ванную! До сих пор верхом моих притязаний по этой части был отдельный умывальник. При таком братишке, как Кларк, в пузырьке, где еще вчера был лосьон, вполне может оказаться азотная кислота, а то и что-нибудь похуже. Он считает, что ванна придумана не ради гигиены, а для химических опытов.

Но самое дивное в нашем номере — рояль. Нет, милые мои, это вовсе не клавиатура с электронной схемой, это настоящий рояль. Деревянный. На трех ножках. Громадный. Грациозный и неуклюжий одновременно. Такой не задвинешь в угол, он предназначен для зала. И внутри все без обмана: стоит приподнять крышку и вам откроется сияющая арфа и весьма сложный механизм.

По моим подсчетам, на всем Марсе не более четырех роялей. Один стоит в музее и, наверное, сломан, на нем никто не играет. Второй — в Академии Лоуэлла, но внутри у него — электроника. Третий — в Розовом Доме, будто у Президента есть время музицировать. Четвертый — в Зале Изящных Искусств, на нем иногда играют заезжие знаменитости, хотя сама я ни разу не была на таких концертах. Появись на Марсе пятый рояль,

об этом долго бы трубили в новостях.

«Наш» рояль сделал некий Стейнвей. Наверное, у него ушла на это вся его жизнь. Репертуар у меня бедный, лучше всего у меня выходят «Палочки для еды». Этот опус я и исполняла, пока дядя Том не зажал уши. Потом я его наглухо закрыла: мне не понравилось, как Кларк смотрит на рояльную механику.

Я пообещала переломать ему во сне руки, если он хотя бы пальцем дотронется до рояля. Именно так. Вежливо, но твердо.

Он сделал вид, что не слышит, но я-то знаю, что говорила не в пустоту. Рояль служит Музам и не должен стать жертвой нашего Маленького Архимеда.

Что бы ни говорили электронщики, разница между «роялем» и Роялем огромна, пусть даже их глупые осциллоскопы показывают, будто звук у них одинаковый. Одно дело — закутаться в сорок одежек и совсем другое — забраться на колени к Па и согреться по-настоящему.

Когда закончился мой домашний арест, я побывала в казино с Герди и Декстером Куной. Декстер — родной сын мистера Курта Куны, Председателя Правления. Кстати, Герди собирается остаться на Венере, и это очень меня огорчает.

Мы с ней сидели одни в нашем огромном номере. Герди тоже живет в «Тангейзере», но она сняла весьма скромный номер, он чуть больше ее каюты на «Трезубце». Я от большого ума пригласила ее к нам и только потом сообразила, каково ей было смотреть на весь этот блеск и великолепие. Я попросила Герди помочь мне одеться. Дело в том, что я теперь ношу целую сбрую, чтобы не расплюснуться, как амеба, при 84% земной нормали. В туфлях у меня — супинаторы, то тут, то там — разные штуковины, Я умолчу, как их называет Кларк, он грубиян, невежа и вообще варвар.

Тошно мне от них, но никуда не денешься, а упражнения, которыми я изнуряла себя на «Трезубце», помогли мало. Одно это вполне может отшибить охоту жить на Венере и на Земле, будь они даже столь прекрасны, как наш Марс.

Герди помогла мне надеть эту сбрую, Кстати, именно она и купила ее для меня. Но сначала она раскритиковала мой грим, а ведь я в точности скопировала его из последнего номера «Афродиты».

— Иди умойся, Подди, — сказала она, едва глянув на меня, — а потом начнем все сначала.

— И не подумаю! — решительно ответила я, надув губы.

С первых же шагов, я заметила, что на Венере все женщины раскрашены, как Краснокожие Индейцы, которые стреляют в Славных Ребят. Мария и Мария, например, на работе носят втрое больше грима, чем мама на званом ужине. А когда мама на работе, она и вовсе не пользуется косметикой.

— Подди, ну будь же умницей!

Я и так умница. Даже малый ребенок знает, что нужно все делать так, как делают местные жители, иначе покажешься невежей. А ты сама? Посмотри-ка в зеркало!

Грим Герди был явно из того же журнала.

— Я знаю, как выгляжу. Но я вдвое с лишком старше тебя, и никто не поверит, будто я молода, нежна и невинна. Оставайся собой, Подди, никогда никем не прикидывайся. Вспомни миссис Грю. Она толстая пожилая дама, но с ней приятно, потому что она не корчит из себя кошечку.

— Ты хочешь, чтобы меня приняли за какую-нибудь деревенщину?

— Я хочу, чтобы тебя приняли за Подди Фрайз. Давай-ка попробуем найти золотую середину. Конечно, здесь даже сопливые девчушки мажутся сильнее, чем взрослые женщины на Марсе. Я предлагаю компромисс. Вместо того чтобы размалевывать тебя под венусбургскую шлюху, мы

сделаем из тебя юную леди из хорошей семьи, прекрасно воспитанную, много путешествовавшую, терпимую к любым обычаям и нравам и настолько уверенную в себе, что гримасы местной моды оставляют ее совершенно равнодушной.

Герди — истинный художник. Она возилась со мной больше часа, а когда закончила, невозможно было понять, есть на мне грим или нет. Получилось вот что: я стала года на два старше, если считать по-марсиански, а по-венериански — на все шесть. Лицо стало тоньше, куда-то подевалась курносость, откуда-то взялось очаровательное выражение легкой усталости от всего мира. Глаза сделались огромными.

— Ну как, довольна? — спросила Герди.

— Я же стала красавицей!

— Да, красавицей, потому что осталась Подди Фрайз. Я всего лишь проявила те черты, которые и сами по себе проявятся довольно скоро.

Я даже прослезилась от восхищения, и Герди пришлось промокать и ретушировать мое новое лицо.

— Теперь нам нужны твоя маска и тяжелая дубинка, — объявила Герди.

— Разве можно портить все это маской?! А дубинка зачем?

— Чтобы отбиваться от миллионеров, которые будут кидаться к твоим ногам. А маску надень, иначе мы никуда не пойдем.

В конце концов мы кое-как договорились. Я согласилась надеть маску на то время, пока мы не доедем до казино, а Герди пообещала исправить все, что смажется, и поучить меня, чтобы я сама могла создавать такую же прелесть. Считается, что в казино можно обходиться без маски — воздух там фильтруется и всячески обрабатывается, словом, выделывается, освобождаясь от малейших следов пыльцы, вирусов, коллоидной взвеси и всего прочего. Это делается потому, что многие туристы не хотят подвергаться утомительной иммунизации, а без этого жить на Венере нельзя. Но Корпорация и здесь блюдет свою выгоду не может же она выпустить туриста из своих лап, не высосав из него все до последней капли. Отели и казино стерильны, но каждый турист может недорого застраховать свое здоровье. Вскоре он обнаруживает, что может обменять свой полис на игральные фишки в казино. Я так поняла, что Корпорации почти не приходится платить по этим полисам.

Даже в закрытом такси Венусбург лезет в глаза и уши. Я уважаю свободу предпринимательства,

как, впрочем, и все марсиане; это одна из основ нашей жизни и основная причина того, что мы ни в какую не желаем объединяться с Землей (и вечно быть в меньшинстве — один к пятистам). Но одно дело — свобода предпринимательства, и совсем другое — слепить и глушить человека, едва он выйдет за порог. Магазины здесь никогда не закрываются, как, впрочем, и все остальное, и стереореклама залезает в такси, плюхается к вам на колени и вопит прямо в ваши уши.

Не спрашивайте меня, как они это делают. У инженера, который ее изобрел, наверняка, были копыта, хвост и небольшие рожки. Красный чертик метрового роста, явно созданный по образу и подобию изобретателя, возник между нами и переборкой, отделяющей водителя от пассажиров, и начал тыкать в нас своими вилами.

«Привыкайте к Хай-Хоу!!! — заверещал он. — Хай-Хоу пьют все! Хай-Хоу глотнешь — и на все наплюешь! К Хай-Хоу легко привыкнуть! ПО-ТРЯ-СА-ЕТ!!! Накачайтесь Хай-Хоу до самых ушей!»

Я в испуге забилась в угол.

— Ради бога, уберите это, — сказала Герди шоферу.

Чертик на несколько секунд истаял до розового контура, уже не вопил, а шептал, но тут же снова

разбуянился в полную силу.

— Не могу, мадам, — ответил водитель. — Они пробивают экранирование.

Тут я кое-чему научилась по части чаевых. Герди достала из кошелька бумажку и показала водителю. Ничего не изменилось. Она добавила еще одну — чертик начал таять. Герди передала деньги водителю через щель в переборке, и больше нас никто не беспокоил. Правда, чертик еще маячил и что-то шептал, но так мы хоть могли разговаривать. Снаружи слепили и глушили огромные рекламы, машин было много и все они неслись как на пожар. Удивительно, но наш водитель умудрялся маневрировать, резко меняя то направление, то высоту. Казалось, он везет тяжелораненого к операционному столу, этакие Гонки Со Смертью.

Когда он остановился на крыше казино «Дом Педро».

Смерть отстала на целых полпрыжка.

Потом мне объяснили, почему они так носятся. Почти все таксисты работают на Корпорацию, но твердого оклада у них нет; они и служащие, и предприниматели одновременно. Каждый день он «зашибает» определенную сумму для Корпорации, а все, что заработает сверх того,

делит с Корпорацией пополам. Вот они и гоняют — сперва, чтобы побыстрее расплеваться с «тягомотиной», а потом, чтобы побольше заработать самому.

Дядя Том говорит, что на Земле такие же порядки, только там вас обдирают один раз в год, и называется это подоходным налогом.

В Ксанадупуре чудо-парк
Велел устроить Кубла-Хан…

[Колридж «Кубла-Хан»]

Это сказано про казино «Дом Педро». Роскошь. Великолепие. Экзотика. «ВСЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ», — написано над входом. Вполне возможно. Правда, мы с Герди побывали только в игорных залах и в ресторане.

В жизни не видала столько денег!

Игроков встречала надпись:

ПРИВЕТ ЛОПУХИ!

Здесь играют честно, но заведение всегда выигрывает.

ПОПРОБУЙТЕ-КА НАС ОБЫГРАТЬ!

Заходите и развлекайтесь!

Принимаем чеки и кредитные карточки.

Когда вы спустите все, заведение бесплатно угостит

вас завтраком и оплатит такси до отеля.
Ваш добрый хозяин ДОМ ПЕДРО

— А разве Дом Педро существует на самом деле? — спросила я.

— Конечно, — уверенно кивнула Герди. — Правда, это не настоящее его имя. Вид у него прямо королевский. Я покажу тебе его. Ты можешь познакомиться ним, и он поцелует тебе руку, если захочешь. А теперь — пошли, нечего топтаться на пороге.

Она пошла к столику с рулеткой, а я на ходу пыталась разглядеть все разом. Мне показалось, что я попала в калейдоскоп: безукоризненно одетые джентльмены (служащие казино), люди, одетые по-всякому, от строгих вечерних туалетов до рубашек навыпуск и бермудских штанишек (туристы), яркий свет, громкая музыка, звон, и шелковый шелест, роскошные портьеры, охрана в опереточной форме и с оружием, подносы с выпивкой и закусками, лихорадочное возбуждение и деньги, деньги, деньги…

Вдруг я встала как вкопанная, Герди тоже пришлось остановиться. За столом в форме полумесяца сидел мой братец Кларк, перед ним лежали высокие стопки фишек и солидная пачка банкнотов, а очень красивая леди сдавала

карты.

Хотя что тут удивительного? Если вы думаете, что шестилетнему — если считать по-марсиански — мальчишке не разрешат играть в венусбурском казино, значит, вы никогда не были на Венере. В Марсополисе на этот счет строго, а здесь, чтобы сделать ставку, нужно только:

а) быть живым;

б) быть при деньгах.

Не нужно даже знать португальский или орто, можно и вовсе не говорить, а кивать, мемекать, хрюкать или вилять хвостиком. Вашу ставку примут. Последнюю рубашку, например.

Да, удивляться не стоило. Кларка тянет к деньгам, как железяку к магниту. Теперь понятно, где он пропадает и куда сорвался в первый же вечер.

Я подошла к нему и похлопала по плечу. Кларк не торопился оборачиваться, зато невесть откуда, словно джинн из лампы, возник некий субъект и крепко взял меня за руку.

Кларк объявил «пас» и соблаговолил обернуться.

— Привет, сестренка, Все в порядке, Джо, это моя сестра.

— В порядке? — недоверчиво переспросил субъект, все еще стискивая мою руку.

— Да-да, все нормально. Она не опасна. Познакомься, Подди, это Жозе Мендоса, полицейский Корпорации. Я нанял его на этот вечер. Привет, Герди! — голос Кларка выдавал явное воодушевление. — Джо, сядь на мое место, последи за игрой. Герди, как хорошо, что вы выбрались сюда! Хотите сыграть в блэк-джек? Можете занять мое место. Ну, дорогие мои, если это не любовь, то какая-то тяжелая форма лихорадки!

Герди вежливо отказалась, сказав, что собирается попытать счастья в рулетку.

— Можно, я помогу вам? — с надеждой спросил мой братец.

— В колесико мне тоже везет…

Герди все так же вежливо объяснила, что у нее своя система, и пообещала подойти к нему позже. Она на удивление терпелива с Кларком. Я бы…

Хотя, если хорошенько подумать, она на удивление терпелива и со мной.

На этот раз Герди, похоже, предпочла не пользоваться своей системой. Мы отыскали два места рядом, и Герди предложила мне несколько фишек. Я сказала, что не хочу играть, но Герди объяснила мне, что в таком случае мне придется освободить место. Я вспомнила, что делают с моими ногами 84% земной нормали, купила

полдюжины фишек и начала ставить по маленькой то на оба цвета, то на «чет» и «нечет» разом. При этом я брала пример с Герди. Ставя таким образом, не выигрываешь и не проигрываешь; правда, время от времени шарик останавливается на «зеро», и тогда плакали ваши фишечки. Что ж, нас честно предупредили, что заведение всегда выигрывает.

Конечно, крупье мигом засек наши уловки, но возражать не стал — все было в рамках правил. То и дело перед нами мелькали подносы с выпивкой и закусками; те, кто играл, не платил ни за то, ни за другое. Герди выпила бокал вина. Сама я не пью ни капли даже по праздникам и, уж конечно, старалась подальше держаться от «Хай-Хоу». Я заказала стакан молока (за ним специально куда-то сходили) и несколько сэндвичей. Чаевых я дала столько же, сколько и Герди. За час я с горем пополам выиграла четыре фишки. Глубоко вздохнув, я откинулась на своем табурете… и выбила бокал из руки молодого человека, что стоял за моей спиной. Его облило с головы до ног, да и мне немножко перепало.

— Ой, мамочка! — воскликнула я, спрыгнула с табурета и попыталась исправить положение носовым платком. — Простите!

— Ничего страшного, — церемонно поклонился потерпевший.

— Это всего лишь содовая. Но ваше платье, наверное, погибло.

— Осторожнее, девочка, — тихо процедила Герди.

— Мое платье? — ответила я. — Это всего лишь дорожная одежда. Если это всего лишь содовая, на нем через десять минут ни пятнышка не останется.

— Так вы издалека? Тогда позвольте представиться по всей форме, хотя, каюсь, холодный душ — не лучший повод для знакомства с очаровательной юной леди, — и он достал карточку.

Герди слегка нахмурилась, а мне он показался симпатичным. Он был старше меня, но ненамного; ему было лет двенадцать по-марсиански, то есть тридцать шесть местных (потом я узнала, что ему всего тридцать два). На нем был элегантный вечерний костюм, шитый по последней венерианской моде. Знаете — плащ, пышное жабо, тросточка… А еще он носил очаровательные усики.

На карточке значилось:

ДЕКСТЕР КУРТ КУНА,

Акционер

Я дважды прочла карточку и спросила:

— Вы, случайно, не родственник…

— Родной сын, — ответил он.

— Ой, да я же знаю вашего отца! — воскликнула я и протянула ему руку.

Вам когда-нибудь целовали руку? Мурашки пробегают вверх по руке, по плечам и вниз по другой руке… На Марсе ничего такого не заведено, и это явный недостаток нашей культуры.

Впрочем, я любой ценой намерена его восполнить… даже если мне придется нанимать для этого Кларка.

Итак, мы познакомились, и Декстер пригласил нас слегка перекусить и потанцевать на крыше казино, но Герди заартачилась.

— Мистер Куна, — сказала она, — конечно, у вас очень симпатичная карточка, но я отвечаю за Подкейн перед ее дядей и не отказалась бы посмотреть на ваше удостоверение личности.

На мгновение Декстер застыл, но потом широко улыбнулся.

— Мы сделаем лучше, — сказал он и поднял руку.

К нам подошел самый представительный пожилой джентльмен, какого я когда-либо видела. Поверх умопомрачительного костюма было на-

вешано столько отличий, что становилось ясно — этот человек выигрывал все конкурсы правописания, начиная с первого класса. И манеры у него были истинно королевские.

— Слушаю вас, Акционер, — произнес он.

— Дом Педро, представьте меня, пожалуйста, этим леди.

— С удовольствием, сэр.

Словом, Декстер оказался Декстером, мне еще раз поцеловали руку. Дом Педро проделывает это с шиком, но у Декстера получается лучше: мне кажется, он вкладывает в это больше души.

Герди решила взять с собой Кларка и тот, наверное, пожалел, что не может раздвоиться: ведь он все еще выигрывал.

Однако любовь победила, и он отправился на крышу под ручку с Герди, а следом Жозе тащил награбленное. Признаюсь, я даже зауважала своего братца: нанимая охранника за наличные, он воистину пересилил свое естество. Пожалуй, бросить игру, когда идет карта, куда как проще. Сад на крыше — его называют Бразильским Залом — еще шикарнее, чем казино. Потолок имитирует звездное небо с Южным Крестом и Млечным Путем, которых, конечно, никто и никогда с Венеры не видывал. За бархатным канатом собралась

довольно длинная очередь туристов, но нас это не касалось. Вокруг нас шелестели сплошные: «Пожалуйте сюда, Акционер» и «Если вам будет угодно, сэр». Под конец нас усадили за лучший столик: и сцена была как на ладони, и оркестр не дудел в уши.

Мы много танцевали, ели такое, о чем я раньше слыхом не слыхивала. Я даже взяла бокал шампанского, но пить не стала — мне пузырьки в нос ударяют. Я бы с удовольствием выпила молока или, хотя бы, воды — венерианская кухня явно практикует культ специй — но попросить постеснялась.

Тут Декстер наклонился ко мне и сказал:

— Подди, мои шпионы доложили, что вы любите молоко.

— Да, люблю.

— Я тоже, но стесняюсь заказывать, если приходится пить его одному.

Он поднял палец, и невесть откуда появились два стакана молока. Кстати, свой стакан он едва пригубил.

Я все еще считала, что это происходит как-то само по себе. Но тут певица, высокая и смуглая девушка, одетая в цыганский костюм, — неужели цыганки так и одевались?! — сошла с эстрады и

прошла вдоль столиков, наигрывая на старинной гитаре популярный мотив. В программке ее называли «Цыганка Роза»…

Она остановилась у нашего столика, взяла несколько аккордов, уставилась прямо мне в глаза и запела:

Декстер — просто молодчина!

Он порадовал всех нас:

К нам пожаловала нынче
Дорогая Подди Фрайз!
На ней платье голубое,
Туфли блещут серебром.
Пьем за Подди дорогую,
Из бокалов полных пьем.
Выпьем же за Подди, Подди дорогую!
Свет еще не видел милую такую!

Тут все захлопали, Кларк замолотил ладонью по столу, Цыганка Роза сделала мне реверанс, а я прослезилась, но тут же вспомнила, что плакать мне нельзя — грим потечет. Я промокнула глаза салфеткой, надеясь, что ничего не смазала, а когда проморгалась, оказалось, что на всех столиках волшебным образом появились серебряные ведерки с шампанским, и все выпили за

меня стоя, под барабанную дробь и раскатистые аккорды оркестра.

Я онемела и только улыбалась направо и налево. Правда, у меня еще хватило мозгов не вскочить вместе со всеми. Тут Декстер хватил свой бокал об пол, и все последовали его примеру, а я чувствовала себя как Озма, когда она снова стала Озмой, и ежесекундно напоминала себе о гриме.

Чуть позже, когда мне все-таки удалось заглотнуть желудок на его природное место, и когда перестали дрожать коленки, мы с Декстером снова танцевали. Он сказочно танцует, ведет даму твердо и уверенно, но не превращает танец в схватку на татами.

— Декстер… — сказала я ему посреди медленного вальса, — признайтесь, ведь вы нарочно пролили свою содовую.

— Признаюсь… А как вы догадались?

— Но у меня же и в самом деле голубое платье и серебристые туфли. Таких совпадений не бывает.

— Сдаюсь, — ухмыльнулся он, ничуть не смутившись. — Сперва я поехал в ваш отель, а там битых полчаса копались, прежде чем выяснили, куда и с кем вы поехали. Я был буквально вне

себя: ведь папа велел непременно вас отыскать. Но я все-таки нашел.

Я попробовала все это на вкус и мне не понравилось.

— Значит, вы взялись меня развлекать потому, что так велел мистер Куна. И потому, что я племянница Томаса Фрайза.

— Ну что вы, Подди…

— Расклад выходит именно такой, припомните-ка…

— Нет, Подди. Папа никогда не стал бы поручать мне ничего такого. Вот если бы вы были у нас в гостях, так сказать, официально, и сидели бы за столом слева от меня, тогда — другое дело. Он просто показал мне вашу фотографию и спросил, найдется ли у меня время. Я решил, что найдется. Теперь я вижу, что фотография была плохая, да и чего еще ожидать от слуг в «Тангейзере».

(Я решила при случае избавиться от Марии и Марии: должна же быть у девушки личная жизнь.)

Хотя, честно признаться, все сложилось не так уж плохо.

— А когда я все-таки нашел вас, — продолжал он, — вы оказались просто ослепительны, никакого сходства с фотографией. Я оробел и не знал,

как к вам подступиться. Вот тогда мне и пришла в голову идея спровоцировать аварию. Признаюсь, я долго стоял позади, прислонив этот несчастный стакан чуть ли не к самому вашему локтю; из содовой все пузырьки вышли. А когда вы все-таки шевельнулись, то толкнули стакан так слабо, что мне пришлось самому себя окатить, чтобы создать достаточный повод для извинений.

Тут он улыбнулся самым обезоруживающим образом.

— С вами все ясно, — сказала я. — Однако вы напрасно ругаете фотографию. Это не настоящее мое лицо.

Я рассказала, что со мною сотворила Герди.

Он пожал плечами.

— Тогда я не оставляю надежду, что когда-нибудь вы умоетесь, и я увижу настоящую Подди. Держу пари, я ее узнаю. Кстати, если уж пошло начистоту, авария эта была сфабрикована лишь наполовину.

— Как это так?

— Меня назвали Декстером ["Декстер" по-английски означает «правый»] в честь деда по материнской линии, а потом обнаружили, что я левша. Оставалось два выхода: или назвать меня Синистером, а это не слишком благозвучно, или

переучить меня на правшу. Остановились на втором варианте, и в результате я стал самым неуклюжим человеком на всех трех планетах. — Все это он заливал, выписывая со мною изящные восьмерки вальса. — Я всегда что-нибудь проливаю или опрокидываю. Меня очень легко найти по звону бьющегося стекла. Пожалуй, самым трудным для меня было не пролить содовую до нужного момента.

— Он опять улыбнулся во все лицо. — Я горжусь, что мне это удалось. А когда меня переделывали в правшу, возник один неожиданный эффект: я стал мятежником в душе. Вы, я думаю, такая же.

— Э-э… Возможно.

— А я — наверняка. Все ждут от меня, что со временем я стану Председателем Правления Корпорации, как отец и дед. Как бы не так! Я решил работать в дальнем космосе.

— Ой! И я тоже!

Мы бросили вальсировать и разговорились о космосе и космонавтах. Оказалось, что Декстер собирается стать капитаном исследовательского корабля, как и я. Конечно, я не стала болтать, что мечу в капитаны: не следует говорить мужчинам, тем более — открытым текстом, будто вы способны на то же, что и они. Декстер собирается

поступить в Кембридж, изучить там парамагнетику и дэвисову механику, чтобы быть готовым к тому моменту, когда построят первые межзвездные корабли.

Скорее бы!

— Возможно, мы попадем в один экипаж. Женщины в космосе тоже нужны, — сказал он, а я молча кивнула. — Но бог с ним, с космосом. Лучше поговорим о вас, Подди. Меня очаровала вовсе не ваша внешность…

— А что же? — я почувствовала легкое разочарование.

— Я знаю, вы всю жизнь провели в Марсополисе. А я побывал везде, где возможно. Я учился в школе на Земле, совершил там кругосветное путешествие, и на Луне побывал, и по всей Венере поездил. Бывал я и у вас на Марсе, вы тогда были совсем еще маленькой. Хотел бы я тогда вас встретить.

— Спасибо… — промямлила я, чувствуя себя бедной родственницей.

— Я хорошо понимаю, что Венусбург — городишко типа «боже упаси», и какой шок он вызывает с непривычки, особенно у тех, кто воспитывался в сдержанном и цивилизованном Марсополисе. Конечно, я люблю свой город, но

хорошо знаю, чего он стоит, — мне есть с чем сравнивать. Так вот, Подди, меня совершенно восхитил ваш апломб.

— Апломб? У меня?

— Точнее, изумительная и совершенная светскость в новых условиях, Мистер Фрайз побывал везде, да и Герди, я полагаю, тоже много путешествовала. Большинство женщин, впервые оказавшись в нашем злачном Венусбурге, ведут себя просто устрашающе, буквально сходят с ума. А вы держитесь, словно наследная принцесса. Одно слово — светскость.

(Он меня просто очаровал! Честное слово. Когда много лет подряд слышишь, что у тебя, мол, «нос не дорос», и вдруг тебе говорят такое… словом, с женщиной при этом что-то происходит. Я даже не заподозрила, что он говорит это всем девушкам подряд. Я просто не хотела об этом думать.)

Вечер пролетел быстро. Вскоре Герди шепнула мне, что пора вкушать «сон для красоты». Кларк в сопровождении Жозе вернулся за карточный стол. Хотела я приказать ему мотать домой, но потом раздумала. Во-первых, это отдавало бы дурным тоном, а во-вторых, он все равно бы не послушался. Декстер отвез нас в «Тангейзер» на «роллсе» своего отца, а может, на собственном,

кто знает. На прощанье он поцеловал мне руку.

Я всю дорогу ждала, что он поцелует меня по-настоящему, и решила оказать ему при этом всемерную поддержку. Но он даже не попытался. Может, у них в Венусбурге такого не заведено.

Мне хотелось поболтать и я уговорила Герди подняться ко мне.

— Ой, Герди, — призналась я, забравшись с ногами в кресло, — это был самый чудесный вечер в моей жизни!

— Мне тоже понравилось, — тихо ответила она. — Для меня весьма полезно знакомство с сыном Председателя Правления.

Туг– то она и объявила, что остается на Венере.

— Но почему, Герди?!

— Мне нужна работа. Я вконец поиздержалась.

— Зачем тебе работа? Ты же богата, это все знают.

— Была богата, дорогая, — улыбнулась она. — Но мой бывший муж пустил все по ветру. Он был веселым парнем и отличным человеком, но вовсе не таким деловым, как ему самому казалось. Так что придется бедняжке Герди затянуть поясок и заняться делом. Венусбург — как раз то, что мне нужно. На Земле мне оставалось бы только паразитировать на старых друзьях, рискуя на-

доесть им до тошноты. Представляешь, этакая безвылазная гостья. Конечно, любой из них дал бы мне работу, но я ведь ничего не умею и не хочу становиться объектом благотворительности. Можно было еще забраться в какую-нибудь нору поглубже и сменить имя… А здесь всем на все наплевать, и всегда для всех есть работа. Я не пью, не играю, словом, Венусбург как по мерке сшит для меня.

— Но кем ты будешь работать? — Мне трудно было вообразить Герди кем-нибудь, кроме богатой дамы из высшего общества: ведь слухи о ее приемах и о ее чудачествах докатывались даже до Марсополиса.

— Надеюсь дослужиться до крупье. Они прилично зарабатывают… к тому же для этой работы нужно не так уж много, были бы хорошие манеры. Я могла бы работать банкометом за столами, где играют в «блэк-джек», «фараон» или «железку». Но, скорее всего, придется начинать разменщицей.

— Разменщицей? Герди… и ты будешь так же одеваться?

— Почему бы и нет, — она пожала плечами. — Фигура у меня все еще неплохая… а деньги я считаю быстро. Это честная работа, Подди, не

лучше и не хуже прочих. Кстати, на подносах у этих девушек часто набирается до десяти тысяч.

Я поняла, что села в лужу, и заткнулась. Выходит, что девушка может покинуть чопорный Марсополис, но Марсополис девушку не покинет. Все верно: пусть разменщицы не надевают почти ничего, кроме поясов с подносами, но это, конечно же, честная работа… а у Герди такая фигура, что все молодые офицеры «Трезубца» так и вились вокруг нее кругами, опустив одно крыло. Конечно, она легко могла бы выйти замуж за любого богатого холостяка и до старости жить припеваючи. Но разве не честнее работать? А если так, почему бы ей не использовать с выгодой то, что дала ей мать-природа?

Мы еще немного поболтали, а потом Герди строго велела мне отправляться в постель и спать. Лечь-то я легла, но никак не могла заснуть. Конечно, в разменщицах Герди не задержится и вскоре станет крупье… В потрясающем вечернем платье… Она будет копить деньги, откладывая из жалованья и чаевых, и когда-нибудь купит акции Венецианской Корпорации, А это все, что нужно человеку на Венере для обеспеченной жизни. А я буду время от времени возвращаться из дальнего космоса и навещать ее.

Может, я должна попросить Декстера, чтобы он замолвил словечко о Герди где надо.

Тут мои мысли перетекли на Декстера.

Конечно, никакая это не любовь. Я уже однажды влюблялась и знаю, какое болезненное это чувство.

А сейчас мне просто здорово!

10

До меня дошел слух, будто Кларк намерен продать меня на черном рынке одному из комиссионеров, которые сотнями отправляют невест колонистам. Может быть, это ложь с начала до конца, но слухи ходят.

Больше всего меня взбесила предполагаемая цена: не так уж высоко ценит он родную сестру!

Скорее всего, эту сплетню пустил сам Кларк, чтобы лишний раз меня позлить. Конечно, он вполне способен обречь меня на рабский труд и Постное Существование, если будет точно знать, что это сойдет ему с рук, но не такой он человек, чтобы поступиться хотя бы истертым пенни в любой грязной сделке. Голову даю на отсечение.

Вероятнее другое: Кларк жалеет, что в тот вечер вел себя со мной почти как человек, и решил таким образом восстановить наши отношения до нормального здорового статуса холодной войны. Пожалуй, такое не сошло бы ему даже на черном рынке: контракта с Корпорацией я не подписывала, а, если бы Кларк умудрился его подделать, в моей колоде есть еще козырной король — Декстер, и братец это знает. Герди просветила меня,

что подпольная торговля невестами идет, в основном, за счет разменщиц и горничных отелей, которые не сумели урвать мужей в Венусбурге, где недостает мужчин, и поэтому готовы завербоваться в глубинку, где недостает женщин. Сами они довольны и не пищат, а Корпорация смотрит на все это сквозь пальцы.

Многие такие невесты — иммигрантки, только что с кораблей. Комиссионеры оплачивают их проезд, но за это выжимают мзду и из самих невест, и с колонистов-женихов. И все довольны.

Никак не пойму, на чем держится здешнее общество. На Венере нет никаких законов, если не считать правил Корпорации. Желаете жениться? Бог в помощь! Найдите кого-нибудь, кто называет себя священником, и женитесь по любому обряду.

Но закон здесь ни при чем, закон — это контракт с Корпорацией. Хотите развестись? Соберите вещички и делайте ноги, а уж оставлять прощальную записку или нет — ваше дело. На Венере слыхом не слыхивали о незаконнорожденных. Ребенок — это ребенок, он подрастет и начнет работать, а на Венере хроническая нехватка рабочей силы, так что Корпорация не оставит крошку в нужде. Здесь нет запрета ни на полигамию, ни

на полиандрию. Всем на это наплевать, а Корпорации — в первую очередь.

Физическое насилие? В Венусбурге это не проходит — патрули здесь на каждом шагу. Кроме того, считается, что преступления против личности плохо влияют на бизнес. Марсополис, например, довольно безопасный город, но в некоторые районы я ни за что не пошла бы в одиночку. Дело в том, что некоторые «песчаные крысы» сильно стукнуты солнцем и не отвечают за свои действия в полной мере. А по Венусбургу можно ходить в одиночку, и единственное насилие, которому я здесь подвергаюсь — неотвязная реклама.

Другое дело джунгли. Но и там опасны не люди, а сама Венера. Кроме того, всегда существует вероятность напороться на аборигена, который недавно перехватил крупинку-другую «пыльцы блаженства».

Убийство? Оно здесь считается очень серьезным нарушением. Ваш заработок будет арестован на долгие-долгие годы, чтобы компенсировать убыток, нанесенный внезапным расторжением контракта. При этом учитывается средний период трудоспособности и предполагаемая ценность жертвы для Корпорации.

Обсчитывают все это специалисты страхового

общества при Корпорации, а у них, как известно, сердец нет, а только системы циркуляции жидкого гелия.

Если вы задумали кого-то убить, не делайте этого в Венусбурге. Выманите жертву на такую планету, где убийца — враг всего общества, где вас за убийство всего лишь повесят или расстреляют. На Венере у этого жанра нет будущего.

Люди здесь делятся на три категории: крупные акционеры, наемные служащие и обширная прослойка, в которую входят акционеры-служащие (такой собирается стать Герди), служащие-предприниматели (таксисты, скотоводы, шахтеры, мелкие лавочники и т.п.) и, конечно, будущие служащие — дети, чье образование еще не закончено. Туристов на Венере за людей не держат: они здесь на положении кастрированных бычков. О них заботятся, как о любом другом ценном имуществе, но не жалеют.

Гость с другой планеты может быть здесь туристом хоть один час, хоть всю жизнь, смотря по тому, насколько хватит денег. Никаких виз, никаких ограничений, был бы обратный билет. Кстати, получить за него наличные можно только после заключения контракта с Корпорацией, если вы, конечно, подпишете этот контракт. Я бы,

например, не стала.

И все же я не могу понять, на чем держится здешняя общественная система. Дядя Том долго и терпеливо объяснял мне это, но потом признался, что сам еще не все понимает. Он называет эту систему корпоративным фашизмом и до сих пор не решил, то ли это самая мрачная тирания в истории человеческой расы, то ли самая совершенная демократия.

Он говорит, что условия здесь получше, чем те, в которых пребывают девяносто процентов земного населения, а последние, в свою очередь, живут лучше, чем определенные категории марсианского населения, «песчаные крысы», например. И это при том, что на Марсе никто не голодает и все пользуются медицинской помощью.

Не понимаю, и все тут. Правда, теперь я ясно вижу, что раньше судила обо всем исключительно по марсианским меркам.

Конечно, в школе нам рассказывали о других планетах, но все это как-то не доходило до моей души. Сейчас я эмоционально постигаю, что есть иные пути… и что люди, которые по ним идут, вполне счастливы. Возьмем Герди. Я могу понять, почему она решила покинуть Землю: там ей солоно пришлось. Она могла бы остаться на Марсе

— нам нужны иммигранты такого класса — но Марс ее не прельстил.

Это меня обескуражило. Я, как вы уже, наверное, догадались, считаю, что Марс почти совершенен. Герди, как мне кажется, тоже почти совершенна. И все-таки она выбрала для себя этот дикий Венусбург. Она говорит, что для нее это Вызов.

Дядя Том, узнав об этом, сказал, что Герди совершенно права: она в два счета заставит весь Венусбург есть у нее из рук и станет акционером быстрее, чем я научусь правильно выговаривать «добавочные дивиденды».

Наверное, он прав. Я очень жалела Герди, когда узнала, что у нее нет денег. «Я горевал, что у меня нет башмаков, пока не встретил человека, у которого нет ног». Примерно таким образом. Я никогда не бывала разорена, будущее всегда сияло передо мною радужными красками, я сроду не голодала, и все же мне частенько бывало жаль бедняжку Поддди, которая не может получить новое вечернее платье из-за финансовых затруднений в семье. И вдруг оказалось, что богатая и блистательная мисс Фитцснаггли (я все же не хочу называть ее настоящее имя) занимала деньги, чтобы купить пресловутый обратный билет. Мне

было жалко ее до слез.

Но теперь я понимаю, что Герди крепко стоит на ногах, точнее — приземлилась на ноги. Есть у нее такой талант.

Она и вправду сделалась разменщицей (на целых две ночи) и попросила меня не пускать Кларка в казино. Ей, наверное, было совершенно безразлично, увижу ли я ее в таком виде…

но она понимала, как втюрился в нее Кларк, и, по доброте душевной, не хотела усугублять процесс и (или) шокировать парня.

Сейчас она уже банкомет и учится на крупье, а Кларк каждый вечер ошивается в казино, хотя она настрого запретила ему играть за ее столом. Она прямо сказала, что может иметь с ним дело или как человек и друг, или как профессионал, но ни в коем случае не желает смешивать эти свои роли. Кларк никогда не спорит с неизбежным: он играет за другими столами, а все остальное время таскается за Герди.

Я начинаю подозревать в своем братце при-способности.

Ясно, что он не телепат, иначе он давно бы перерезал мне горло. Но дело в том, что он все еще выигрывает.

Декстер заверил меня в том, что:

а) игра ведется абсолютно честно;

б) никто не может здорово разбогатеть на игре, если вовремя не остановится.

Конечно, бывает, что выигрывают по-крупному. Декстер рассказал, что в прошлом году некий турист унес с собой поболее полумиллиона. Казино с радостью выплатило ему выигрыш, разрекламировав это по всей Системе, и вернуло свое, когда счастливчик сел за стол во второй раз.

— Не подумай, что мы делаем поблажку твоему брату, — сказал Декстер. Мы с ним давно уже перешли на «ты». — Если он будет продолжать игру, заведение отыграет у него не только весь выигрыш, но и те монеты, с которыми он сел за стол в первый раз. Если он такой умный, как ты говоришь, он остановится, пока еще выигрывает. Большинству игроков не хватает для этого ума, а Венерианская Корпорация никогда не рискует, если не уверена в выигрыше.

Я снова почувствовала себя дура-дурой. То ли из-за Герди, то ли из-за перманентных выигрышей Кларк снова повел себя со мною как человек. Временно, конечно.

Это случилось на прошлой неделе, в тот вечер, когда я встречалась с Декстером. Герди велела

мне спать, я пошла, но никак не могла заснуть. Дверь я оставила открытой, чтобы услышать, как придет Кларк, или, если он не вернется, позвонить кому-нибудь, чтобы его приволокли домой. Хотя дядя Том отвечает за нас обоих, я считаю, что, как и раньше, отвечаю за брата. Мне бы очень хотелось, чтобы Кларк оказался в постели, прежде чем проснется дядя Том. Привычка.

Через два часа он все-таки вернулся, крадучись на цыпочках. Я зашипела на него, и он зашел ко мне.

Я в первый раз увидела шестилетнего мальчишку с такой кучей денег!

Он сообщил мне, что Жозе проводил его до самого номера.

Не спрашивайте меня, почему он не положил деньги в сейф «Тангейзера»; может, он хотел насладиться ими.

И похвастаться. Он разложил их стопками на моей постели, пересчитал, чтобы я непременно увидела, сколько он выиграл. Он даже подтолкнул одну пачку ко мне.

— Тебе нужна мелочь, Подди? Я даже процентов с тебя не возьму. Там, откуда я это принес, еще много осталось.

У меня перехватило дыхание. Не из-за денег,

конечно, я и сама была при деньгах, а из-за такого великодушного предложения. Кларк и раньше ссужал меня деньгами и драл сто процентов за такое одолжение, пока Па не узнал об этом и не отлупил нас обоих.

Я от всей души поблагодарила его и немножко пошелестела деньгами, чтобы сделать ему приятное.

Вдруг он спросил:

— Как ты думаешь, сестренка, сколько лет Герди?

«Так вот почему он такой странный», — подумала я и осторожно ответила:

— Честно говоря, догадаться трудно. — Мне не нужно было догадываться, я это точно знала. — Почему бы тебе не спросить у нее самой?

— Я спросил, но она только улыбнулась и сказала, что у женщин не бывает дней рождения.

— Возможно, на Земле не принято спрашивать об этом, — сказала я и сменила тему — Слушай, Кларк, как тебе удалось столько выиграть?

— Ничего сложного, — ответил он. — Во всех этих играх кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Ну а я стараюсь оказаться в числе выигравших.

— Да, но как тебе это удается?

В ответ он только гнусно осклабился.

— А сколько денег у тебя было в самом начале? — спросила я.

Тут он насторожился. И все же он еще оставался удивительно мягок для обычного Кларка, так что я решила дожать его.

— Слушай, — сказала я, — насколько я тебя знаю, ты не будешь счастлив, если хотя бы кто-нибудь не будет знать, насколько ты преуспел. А мне-то ты можешь рассказать. Я ведь никогда еще на тебя не капала. Так?

В знак согласия он промолчал. Я сказала чистейшую правду. Когда он был еще маленьким, я, бывало, отвешивала ему затрещины, но никогда не ябедничала. Сейчас с затрещинами стало сложнее: он учинит мне сотрясение мозга гораздо быстрее, чем я ему. Но я все равно на него не доносила.

— Ну давай, выкладывай, — подзуживала я. — Тебе ведь больше не перед кем похвастаться. Сколько тебе заплатили, чтобы ты проволок на «Трезубец» эти три килограмма в моем багаже?

Он расплылся от уха до уха.

— Достаточно.

— Что ж, не говори, если не хочешь. Но что это было? Я все мозги вывихнула, но так и не

догадалась.

— Ты бы непременно обнаружила это, если бы не загорелась идиотским желанием немедленно обследовать весь корабль.

Согласись, Подди, ты ведь глуповата. Ты так же предсказуема, как движение светил. Поэтому я так часто обхожу тебя.

Я сдержалась. Если Кларк сумеет разозлить вас — вы у него в руках.

— Похоже, что так, — признала я. — Так ты скажешь мне, что это было? Надеюсь, не «пыльца блаженства»?

— Боже упаси! — Кларк даже оскорбился. — Знаешь, что здесь делают с контрабандистами, если заловят на пыльце? Их отдают аборигенам, которые наглотались пыльцы, так что потом даже кремировать нечего.

Меня передернуло и я поспешила вернуться к прежней теме.

— Так ты расскажешь мне, или нет?

— Ммм…

— Клянусь Святым Подкейном, я никому не скажу, — это моя личная клятва.

— Лучше не стоит, — предупредил меня Кларк. — Боюсь, тебе это не понравится.

— Клянусь Святым Подкейном! — повторила я.

Лучше бы мне тогда зашили губы проволокой.

— Ладно, скажу, — сдался он. — Но помни, чем ты поклялась. Это была бомба.

— ЧТО?!

— Да-да, маленькая такая бомбочка кустарной работы. Полное разрушение в радиусе чуть больше километра. Сущий пустяк.

Я кое– как вернула сердце на место.

— Но зачем? И что ты с нею сделал?

Он пожал плечами.

— Они болваны. Заплатили мне солидную сумму только за то, чтобы я пронес эту коробку на борт «Трезубца». Наплели мне сорок бочек арестантов насчет того, что это, мол, сюрприз для капитана. Я должен был завернуть коробку в серебряную бумагу и передать капитану в последнюю ночь перед посадкой на Венеру. Этот кретин сказал мне: «Сынок, только никому ее не показывай, помни — это сюрприз. Дело в том, что последняя ночь перед посадкой — это не только праздник на корабле, но и день рождения капитана Дарлинга». Ты меня знаешь, сестренка: я и в детстве не проглотил бы такую чепуху, шитую белыми нитками. Если бы это и в самом деле был подарок ко дню рождения, его можно бы было отдать казначею на хранение, и это не стоило бы

им ни гроша. Так вот, я прикинулся дурачком, но при этом изрядно набил себе цену. И этот идиот заплатил! Он сильно перетрусил — помнишь, ведь подходила наша очередь на паспортном контроле — и заплатил столько, сколько я запросил. Потом я просто запихнул коробку в твой чемодан, пока ты трепалась с дядей Томом, ну а дальше ты все сама видела.

Как только мы оказались на борту, я хотел изъять коробку, но помешала стюардесса: она чем-то опрыскивала твою каюту. Пришлось поторопиться, а тут еще пришел дядя Том, чтобы забрать свою трубку. Как бы то ни было, в первую же ночь я открыл коробку в темноте и со стороны дна. Я уже понял, что это такое.

— Каким образом?

— Почаще шевели мозгами, сестричка, не жди, пока они вконец заржавеют. Посуди сама. Сначала они предлагают мне сумму, о которой, как они полагают, мальчишка и мечтать не может. Я отказываюсь. Тогда они начинают обильно потеть и увеличивают сумму до тех пор, пока я не нахожу ее приемлемой. Заметь еще одно: они даже не потрудились сплести сказочку о том, с какими словами и от чьего имени я должен вручить коробку капитану. Из этого следует: для

них было важно, чтобы эта штуковина попала на корабль, а что с нею дальше будет — им наплевать. По-моему, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы раскумекать, что к чему. Поэтому я и открыл коробку. Там оказалась бомба, и часовой механизм был поставлен на три часа третьего дня полета. БА-БАХ!!!

Я вздрогнула.

— Какой ужас!

— Да, могло получиться не смешно, — согласился Кларк, — если бы я в самом деле был таким дураком, за какого они меня приняли.

— Но почему они хотели взорвать именно «Трезубец»?

— Кому-то очень не хотелось, чтобы корабль попал на Венеру.

— Почему?

— Сообрази сама. Я уже понял.

— Э-э… ну и что же ты с нею сделал?

— Разобрал на части и оставил у себя. Нельзя сказать заранее, когда может понадобиться бомба.

Вот и все, что я из него вытянула, оказавшись при этом связанной страшной клятвой. У меня еще оставалось десятка два вопросов. Была ли бомба на самом деле? Или я снова осталась в

дураках, благодаря таланту моего братца на ходу придумывать сказки, которые уводят тебя с прямого пути? А если была, то ГДЕ ОНА ТЕПЕРЬ? Все еще на «Трезубце»? Или прямо здесь, в номере? Может, в сейфе «Тангейзера»? Возможно, Кларк поручил ее Жозе, своему личному телохранителю? В тысяче возможных мест по всему огромному Венусбургу? Или я от волнения просто ошиблась на три килограмма, а Кларк копался в моих вещах, следуя поганой своей привычке совать нос в чужие дела? Это ведь его любимое занятие от нечего делать.

Гадать было бесполезно. Поэтому я решила выжать все возможное из минуты родственной близости, если, конечно, это можно так назвать.

— Здорово, что ты ее нашел, — сказала я. — Но мне больше понравилось, что ты сотворил с миссис Гарсиа и миссис Роуйер. Герди тоже в восторге.

— Правда?

— Конечно, правда. Ясно, я не сказала, что это твоих рук дело. Можешь сам рассказать ей, если хочешь.

— Ммм… — на его физиономии появилось выражение неземного блаженства. — Для подстраховки я сделал еще кое-что: запустил мышь

в постель почтенной миссис Роуйер.

— Кларк, милый, вот здорово! А где ты взял мышь?

— Договорился с корабельным котом.

Боже, как бы мне хотелось жить в симпатичной, нормальной, чуть глуповатой семье. Как бы мне было легко и приятно.

И все же, надо честно признать, что у Кларка есть кое-какие достоинства.

Впрочем, у меня не было времени скорбеть о душе моего братца: Венусбург предлагает слишком много развлечений для вполне развившейся девушки, доселе не изведавшей, что такое шикарная жизнь. А ведь есть еще Декстер…

Я больше не прокаженная и могу ходить где угодно, даже за городом, без фильтра-намордника. В нем я похожа на голубоглазую хрюшку. Кстати, душка Декстер всегда готов сопровождать меня по магазинам. С двумя лишними руками девушка вполне способна оставить в магазинах Венусбурга капитал любого банка. Но я веду себя почти разумно и трачу только те деньги, которые у меня отложены для Венеры. Если бы я была менее строгих правил, Декстер купил бы все, что мне угодно.

Для этого ему достаточно просто указать паль-

цем. Он не носит с собой ни наличных, ни чековой книжки; даже чаевые он дает по какой-то невидимой кредитной системе. Однако я не позволяю ему покупать мне ничего дороже какого-нибудь затейливого мороженого. Не стоит менять свой статус почетной гостьи на красивые шмотки. Но мороженое не может меня скомпрометировать, а за талию беспокоиться не приходится: я пока от макушки до лодыжек состою из вогнутостей.

Пробегав целый день со мной по магазинам, Декстер ведет меня в кафе, где подают хорошее мороженое. Кафе это так же похоже на наш Дворец Сладостей, как «Трезубец» на пескоход.

Он сидит, ковыряя порцию мороженого с изюмом, и с изумлением смотрит, как я разминаюсь каким-нибудь пустячком, вроде содовой с клубничным сиропом, потом берусь за нечто серьезное, созданное шеф-кондитером из мороженого, кремов, сиропов, экзотических фруктов и, конечно же, орехов, и заканчиваю парой десятков мини-рожков с различными сортами мороженого, каким-нибудь «Тадж-Махалом» или «Большими Скалистыми Карамельными Горами».

Бедная Герди! Она сидит на диете все триста шестьдесят пять дней земного года. Интересно,

пойду ли я когда-нибудь на такие жертвы ради красоты? Или я страшно растолстею, как миссис Грю?

С Декстером мне приходится быть настороже и по другому поводу он оказался профессором по части обольщения, и у него всегда наготове какая-нибудь амурно-постельная история. Но в моем возрасте рано еще становиться Покинутой Девой. Трагедия Ромео и Джульетты не в том, что они умерли молодыми, а в том, что рефлексы возобладали у них над здравым смыслом.

Ну мои– то рефлексы в полном порядке и гормональный баланс в норме, хотя бесплодные увертюры Декстера вызывают у меня приятное чувство где-то в глубине желудка и подхлестывают обмен веществ. Наверное, мне следовало бы оскорбиться по поводу его Гнусных Намерений. В Марсополисе я так бы и сделала, но здесь же Венусбург, и разницу между гнусным предложением и официальным предложением руки и сердца может уловить только специалист-семантик. Все дело, как мне кажется, в интонации. Насколько я знаю, у Декстера уже было семь жен, он зовет их по дням недели: Суббота, Воскресенье и так далее. Мне до этого дела нет, равно как и намерения становиться восьмой, тем более что

восьмого дня недели еще не придумали.

Я обсудила все это с Герди и спросила, почему я не чувствую себя оскорбленной. Неужели в мою схему забыли вмонтировать контур морали, как это, вне всякого сомнения, случилось с Кларком?

Герди улыбнулась своей мягкой и таинственной улыбкой, которая обычно означает, что она не собирается выбалтывать все свои мысли.

— Подди, — сказала она, — девушек учат оскорбляться по поводу таких предложений для их же собственной пользы или, если хочешь, для защиты. Это здравая мысль, так же полезно держать в доме огнетушитель, хотя и не ожидаешь немедленного пожара. Но ты права: это вовсе не оскорбление и никогда не было оскорблением. Просто это абсолютно честное признание очарования, привлекательности и женственности. Все остальное, что говорят нам мужчины — вежливая ложь или около того… но в этом, единственном, мужчина абсолютно честен. И вовсе незачем оскорбляться, если предложение делается галантно и вежливо.

Я поразмыслила и сказала:

— Наверное, ты права, Герди, и это — своего рода комплимент. Но почему это все, чего хотят мужчины? Во всяком случае, девять из десяти.

— Посмотри на все это с другой стороны, Подди. Чего ради они должны хотеть чего-то еще? Миллионы лет эволюции — вот основа каждого такого предложения. Мы должны радоваться, что они научились добиваться своего, целуя нам руки; раньше нас просто лупили дубиной по голове. Сейчас у нас больше возможностей, чем когда-либо за всю историю человечества. Мы живем в женском мире, Наслаждайся этим и благодари бога.

Я никогда не думала об этом в таком ключе. Честно сказать, когда я раньше думала о мужчинах и женщинах, все сводилось к досаде, из-за того что женщине трудно получить «мужскую» профессию. Например, трудно стать пилотом космического корабля.

В последние дни я часто думала о профессии пилота и о том, как ловчее снять шкуру, не убивая при этом медведя.

Смогу ли я жить, если все-таки не стану знаменитой исследовательницей дальнего космоса, то есть капитаншей? Или меня вполне осчастливит любая должность на корабле?

Конечно, я должна работать в космосе, и моя маленькая прогулка с Марса на Венеру окончательно укрепила меня в этом намерении.

Я с легкостью отказалась бы даже от кресла Президента Республики ради места младшей стюардессы на «Трезубце». Корабельная жизнь — это нечто особое: отправляясь в космос, ты берешь с собой и свой дом, и своих друзей. А новые межзвездные корабли с приводом Дэвиса — это же целые города. Одним словом, Подди собирается в дальнюю дорогу. Она рождена для странствий.

Но давай– ка не будем себя дурачить. Кто доверит Подди корабль, на который угрохали миллиарды и еще раз миллиарды монет?

У Декстера, например, куда больше шансов, чем у меня.

Он не глупее меня, а то и поумнее, образование он получит (или купит) первоклассное. Я не собираюсь изменять Арес-Университету, но хорошо понимаю, что с Кембриджем ему не сравняться. Более того, мистер Куна может просто КУПИТЬ Декстеру корабль типа «Звездный Скиталец». Но главное все-таки в том, что Декстер — мужчина и сложен куда крепче меня. Даже если вывести за скобки капиталы его отца, кого, по-вашему, выберет любая комиссия?

Но складывать руки все же не стоит. Вспомните-ка Федру или Екатерину Великую. Предоставьте мужчине управлять всем, чем он хочет, а сами

управляйте мужчиной. Я вовсе не против брака, но, если Декстер захочет на мне жениться, придется ему тащиться за мной в Марсополис, а у нас там довольно старомодные обычаи. И никаких венусбургских шалостей! Конечно, брак — главная цель любой женщины, но вовсе не конец жизни.

Герди рекомендует мне «быть естественной и оставаться собой». Попробуем, а пока давай-ка, милочка, внимательно посмотрим в зеркало и оставим на время Знаменитую Исследовательницу Дальнего Космоса Подкейн Фрайз. Что мы там видим?

Бедра у меня округляются, точно. Меня уже не спутаешь в полутьме с мальчиком. Так уж нас спроектировали, чтобы легче было рожать детей. А что, неплохая мысль, правда? Особенно, если малыш будет похож на нашего славного Дункана. Все малыши очень милые, хотя некоторые их проявления милыми не назовешь.

Признайся, Подди, разве разнесчастные восемнадцать часов солнечного шторма не были самой яркой страницей в твоей жизни? Возиться с малышом даже интереснее, чем решать дифференциальные уравнения.

На межзвездных кораблях, конечно, будут

ясли. Что же выбрать? Изучать педиатрию, психологию раннего возраста и педагогику, чтобы сделаться хозяйкой межзвездных яслей? Или все-таки прорваться на курсы пилотов, осилить все трудности и сделаться женщиной-пилотом… которую никто не берет на работу.

Что ж, у меня еще есть время подумать.

Скорее бы на Землю. «Злачные места», в конце концов, надоедают девушке со здоровыми — или ограниченными, если вам угодно, — вкусами. Мои «венерианские» деньги иссякли: надо же оставить сколько-нибудь и на Париж. Конечно, можно попытать счастья в казино, но ведь я отношусь к той категории игроков, которые обеспечивают выигрыши Кларку и ему подобным. Кстати сказать, местная реклама вполне способна породить преждевременные морщины там где прежде были милые ямочки. Похоже, Декстер, начинает надоедать моя наивность: я, видите ли, никак не пойму, к чему он стремится.

За свои восемь с половиной марсианских лет я поняла, что отношения с мужчиной надо закруглять прежде, чем ему станет с тобой скучно. Я увижусь с Декстером еще один, ПОСЛЕДНИЙ, раз, когда буду стоять на трапе «Трезубца» и подарю ему последний, страстный и настоящий поцелуй,

чтобы всю свою жизнь он думал, что все могло быть, если бы он сделал верный ход.

За пределами Венусбурга я побывала один-единственный раз, да и то в герметичном туристском автобусе. Мне кажется, что весь этот шарик, целиком состоящий из болот и плотного смога, надо бы оставить аборигенам, вот только и им он, похоже, ни к черту не нужен. Однажды мне показали летящую фею, но из-за тумана я ничего не разглядела.

Мне бы очень хотелось увидеть фею, летящую или сидящую.

Декстер говорит, что километрах в двухстах от Венусбурга располагается их колония, и берется свозить меня туда на своем «роллсе». У его машины есть автопилот, но я бы предпочла Герди или, на худой конец, Кларка.

Кое– чему Венера меня научила. Давать чаевые, например.

Бывалому Путешественнику без этого не обойтись. В Марсополисе чаевые считают пороком, но в Венусбурге без них шагу не ступишь: механизм обслуживания не может работать без смазки.

Честно говоря, отношение к туристу в Марсополисе колеблется от безразличного до чудовищного. До сей поры я считала это совершенно

естественным. Марсианин треплется с коллегами или занимается чем-нибудь еще, а потом, как бы случайно, замечает вас и снисходит до ваших нужд.

Другое дело — Венусбург! И дело здесь не только в деньгах. Похоже, я постигла Великий Секрет Великих Путешественников. Португальский я почти не знаю, а на орто здесь говорят далеко не все. Однако не надо быть великим лингвистом, чтобы выучить на пяти-шести-семи-восьми языках слово «спасибо».

Я начала постигать это, общаясь с Марией и Марией: раз по сто в день я лопотала «приго-приго», что, если произносить правильно и не торопясь, должно звучать как «о бригадо». Вас обслужат гораздо лучше, если вы дадите ничтожные чаевые и скажете при этом «спасибо», чем если вы молча отвалите солидную купюру.

Я выучилась этому волшебному слову на десятке языков и всегда стараюсь поблагодарить человека на его родном языке, если, конечно, могу угадать его национальность. Не страшно, если ошибешься: швейцары, клерки и таксисты знают Волшебное Слово на нескольких языках. Вот что следует выписать и выучить каждому путешественнику:

«О бригадо, Данке Шен, Мерси, Спасибо, Киат осс, М'гой, Грациа, Ори гато, Грейси-осс, Ток».

Или «деньги-ток», что, по мнению Кларка, означает «в деньгах толк». Бедняга Кларк ошибается по молодости лет: он не снисходит до того, чтобы сказать «спасибо», и ему приходится давать «на чай» гораздо больше, чем мне. Ему это, — нож острый, но даже торговые автоматы, не говоря уже о таксистах, обходятся с ним, как с неодушевленным предметом, едва он пробует восстать против местной простой, но эффективной «системы смазки». Он, ясное дело, бесится, и каждый чих обходится ему вдвое дороже, чем мне.

Если я скажу финну «ток», а не «киат-осс», он поймет меня правильно. Если я спутаю японца с кантонезцем и скажу «м'гой» вместе «ори гато», он не обидится. А уж «о бригадо» знают все.

А если вы угадаете родной язык вашего собеседника, то перед вами расстелют цветной коврик и преклонят колени, причем с искренней улыбкой. С меня в таких случаях даже чаевых не брали — и это в Венусбурге, где патологическая меркантильность Кларка считается совершенно естественной.

А я– то сдуру изучала книжонки с советами «как-вести-себя-на-других-планетах»! Клянусь,

мой способ стоит двух дюжин других.

Мне кажется, что дядя Том чем-то здорово озабочен. Он какой-то рассеянный… Правда, он по-прежнему улыбается мне, когда я (с трудом) обращаю на себя его внимание, но улыбка у него какая-то ритуальная и быстро тает. Может, это связано с Венусбургом и пройдет, как только мы стартуем. Скорее бы!

Следующая остановка — Луна-Сити.

11

Положение ужасное: от Кларка уже двое суток ни слуху ни духу, и дядя Том места себе не находит. Кроме того, я поссорилась с Декстером, хотя это, конечно, чепуха по сравнению с исчезновением брата.

А дядя Том всерьез поругался с мистером Председателем.

Я, правда, не знала, в чем дело, но сразу же приняла сторону дяди Тома. Декстер, как оказалось, так же слепо предан своему отцу, как я дяде Тому, вот мы и поссорились. Жалко: мне сейчас очень нужна жилетка, в которую можно выплакаться. Я слышала из их разговора не так уж много, но поняла, что за внешней холодностью и вежливостью скрываются бурные страсти, и что лет триста назад такая беседа завершилась бы шпагами или пистолетами на рассвете.

Мистер Куна явился к нам вовсе не похожий на Санта Клауса. Дядя встретил его холодно:

— Я предпочел бы, сэр, встретиться с кем-нибудь из ваших подчиненных.

Мистер Председатель пропустил это мимо ушей, и тут дядя Том заметил меня, хотя я спря-

талась за роялем и сидела тише мыши. Он велел мне идти в свою комнату, что я и сделала.

Кажется, я понимаю, в чем дело. Сначала я думала, что нам с Кларком разрешено бродить по всему Венусбургу совершенно свободно, но оказалось, что это не так: нас днем и ночью охраняла полиция Корпорации. Я об этом даже не подозревала, и Кларк, конечно, тоже, иначе не стал бы тратиться на Жозе. Дядя Том знал обо всем с самого начала и принял это как само собой разумеющуюся любезность со стороны мистера Председателя. У него оказались развязаны руки, и он смог заняться своими делами, вместо того чтобы трезорить своих племяшей, один из которых до макушки набит всяческими прибабахами. (Вы, конечно, понимаете, о ком я говорю.)

Так вот, я поняла, что дядя Том винит Председателя в том, что Кларк пропал. Вряд ли это справедливо: если бы Кларк заметил, что за ним присматривают, он бы с легкостью смылся от полутора дюжин детективов, всего Космического Патруля и стаи гончих впридачу.

По словам Декстера, они так и не договорились, каким образом вернуть Кларка. Сама я думаю, что Кларк пропал нарочно: он хочет опоздать к старту «Трезубца» и остаться в Венусбурге, где,

во-первых, Герди, а во-вторых, множество легких денег. Возможно, правда, что я перепутала «во-первых» и «во-вторых».

Я пытаюсь уверить себя в этом, но мистер Кун настаивает на том, что это похищение. Он говорит, что есть только один способ вернуть похищенного живым и невредимым.

Акционер Венерианской Корпорации не боится ничего, кроме киднэппинга. А похитители так боятся акционеров, что возвели свой промысел в ранг ритуала. Если бандит играет по правилам и не наносит жертве физического ущерба, его не тронут и даже оставят ему любой выкуп, какой он смог выманить.

Но, если он нарушает правила, и его в конце концов ловят, с ним обходятся сурово. Декстер только намекал, что самое мягкое наказание — «смерть в четыре часа», Я поняла только, что ему вводят какой-то наркотик, который не снимает, а наоборот, усиливает болевые ощущения.

Декстер сказал, что Кларк будет в полной безопасности, если «старый дурень» не будет мешать естественному развитию событий. Через полминуты я поняла, кого он называет старым дурнем, и влепила ему пощечину.

В ответ он глубоко вздохнул и пожелал мне

счастливого девичества в Марсополисе, где я, хотя бы, понимала, что к чему. Выходит, что здесь я не понимаю ни черта.

Дядя Том строго внушил мне, что без него я не должна делать ни шагу. Он даже запретил мне выходить из номера.

Правда, благодаря этому обстоятельству, я сподобилась побывать в коттедже семейства Куны. Все было бы очень здорово, если бы я могла думать о чем-нибудь, кроме брата. Коттедж мистера Председателя — «маленький скромный домик» чуть поменьше «Тангейзера». Шикарный Розовый Дом Президента Марсианской Республики мог бы целиком поместиться в большом зале коттеджа. Тут-то я и поссорилась с Декстером, пока дядя Том и мистер Куна продолжали свою великосветскую ссору.

Когда мы с дядей возвращались в «Тангейзер», я заметила, как он постарел за последние дни: он выглядел лет на пятьдесят или, если считать по-венериански, на полтораста.

Мы пообедали у себя в номере, причем оба едва прикоснулись к еде. Потом я села к телеокну, которое показывало Великий Каньон в Эльдорадо или Колораде, или как оно там еще называется, но не высидела ничего, кроме приступа агорафобии

и слез в два ручья. А каньон и вправду Великий.

А дядя Том просто сидел и был похож на Прометея перед очередным визитом орла.

Я сунула руку ему в ладонь и попросила:

— Отшлепай меня, дядя Том.

— Что?! — он тряхнул головой и вернулся к реальности. — Зачем?

— Потому что это я во всем виновата.

— О чем ты, дорогая?

— Это ведь я отвеча… отвечаю за Кларка. И всегда отвечала. Он же глупенький. Маленьким он так и норовил свалиться в Канал. Я его раз сто спасала.

Дядя Том отрицательно помотал головой.

— Нет, Подди, за все отвечаю я один. Я ведь loco parentis [опекун (лат.)] вам обоим. А ваши родители были совсем уж loco [безумец (исп.)], когда доверились мне.

— Но я чувствую себя ответственной за него.

— Нет, — дядя Том снова покачал головой. — Если честно, ни один человек не может в полной мере отвечать за другого.

Каждый из нас сам ведет свою игру со Вселенной, а она всегда остается сама собой и ни для кого не меняет своих правил.

Рано или поздно она выигрывает и получает

свое. Но нас это не останавливает. Мы пытаемся отвечать за другого, а потом оглядываемся и видим, что могли бы сделать это гораздо лучше. — Он помолчал, потом вздохнул и добавил: — Я совершенно напрасно упрекал мистера Председателя, хотя он сам вызвался организовать охрану. Я знал это с самого начала. Дело в том, что я от большого ума заподозрил, будто он воспользовался Кларком, чтобы надавить на меня. Я был, конечно же, неправ: мистер Куна — честный, по-своему, человек, и не в его правилах использовать детей в политических целях.

— В политических?

Дядя Том удивленно посмотрел на меня, словно говорил с самим собой и только сейчас обнаружил, что не один в комнате.

— Пожалуй, я должен рассказать тебе все, Подди. Я все время забываю, что ты уже выросла, и думаю о тебе, как о маленькой девочке, которая всегда готова забраться ко мне на колени и клянчить, чтобы я рассказал «Сказку о Подди». — Он снова глубоко вздохнул. — Правда, всего я тебе рассказать не смогу кое-что в этой истории составляет государственную тайну. Но перед мистером Куной я обязан извиниться. Ведь это я использовал Кларка в политической игре. И тебя

тоже, Подди…

— Как?!

— Я прикрылся вами, дорогая моя, чтобы все думали, будто старый маразматик не нашел себе дела лучше, чем сопровождать внучатых племянников в развлекательном круизе. Извини, Подди, но это лишь маска. На самом деле я чрезвычайный посол и полномочный представитель Марсианской Республики на Конференции Трех Планет. Мы решили, что лучше держать это в секрете, пока я не вручу свои верительные грамоты.

Я была так ошарашена, что ничего не сказала в ответ.

Конечно, я всегда знала, что дядя Том — фигура видная и в свое время много сделал для Республики, но для меня он всегда был любимым дядюшкой, у которого всегда найдется время скормить мне длинную вереницу всяких небылиц или обсудить, какое имя больше подходит новой кукле.

— Вот для этого-то я и воспользовался тобой и Кларком, — продолжал он. — Потому что… Подди, ты хочешь узнать о политической паутине, которая сплетена вокруг нашего путешествия?

Я очень хотела, но постаралась ответить, как подобает взрослой женщине:

— Расскажи мне то, что считаешь нужным, дядя Том.

— Хорошо. Вокруг этого накопилось много всякой мерзости, а местами все так запугано, что пришлось бы слишком долго объяснять. Кое-что я обязан держать в секрете даже от тебя: это касается Бозо… то есть, прости, нашего Президента и интересов Республики. Ты знаешь, кто наш посол в Луна-Сити?

Я попыталась вспомнить.

— Кажется, мистер Суслов…

— Нет, Подди, он был послом при прошлом президенте.

Сейчас в Луна-Сити сидит Арти Финнеган. Он неплохой парень, но почему-то считает, что президентом должен быть он, потому что лучше разбирается в межпланетной политике и лучше знает, что нужно Марсу. Он, сама понимаешь, желает нам всем добра…

Я промолчала, потому что вспомнила это имя. Однажды Па и дядя Том говорили о нем, а я, по их предположениям, уже крепко спала. Самые безобидные оценки из этого диалога — «тупица, мешок с дерьмом, прирожденный мошенник» и «самомнение двенадцатого размера в душонке размера девятого».

— Да, желает добра, но у нас с Президентом другое мнение о проблемах, которые встанут на Конференции. Заметь, Подди, если Президент не посылает на Ассамблею специального полномочного представителя, то от имени Марса говорит посол.

Что ты знаешь о Швейцарии?

— Ну-у… про Вильгельма Телля и яблоко.

— Вполне достаточно, хотя мне кажется, что никакого яблока на самом деле не было. Так вот, Подди, представь, что Марс — Швейцария Солнечной Системы, если тебя не коробит от такого сравнения. Так думаем мы с нашим Президентом. Небольшая страна или планета — как, например, Швейцария или Марс — может выстоять перед большими и сильными соседями, но для этого всегда должна быть готова к отпору. Мы никогда не воевали, и я молю бога, чтобы и дальше не пришлось, потому что мы, скорее всего, проиграем войну. Но, если мы будем готовы к отпору, к нам, может быть, никто и не сунется. Так считаем мы с Президентом… А вот мистер Финнеган полагает, что Марс мал и слаб, и поэтому должен вступить в Земную Федерацию. Возможно, когда-нибудь так и случится, но это станет концом нашей независимости. А если Марс поступится самосто-

ятельностью, то в скором времени та же участь ожидает Венеру. Как только мы прилетели сюда, я взялся убеждать мистера Куну. Если Марс и Венера единым блоком выступят против притязаний Терры, то к ним вполне может примкнуть и Луна: ведь мы могли бы снабжать селенитов куда дешевле, чем Терра. С меня семь потов сошло… Корпорация издавна предпочитает не вмешиваться в высокую политику, она просто торгует и не задается головоломными проблемами.

Я пытался объяснить мистеру Куне, что означает для Венеры блок Терры, Луны и Марса (спутники Юпитера пока можно не брать в расчет): лет через десять Венерианская Корпорация будет не более независима, чем нынешние «Дженерал Моторс» или «ИГ Фарбениндустри». Он явно склонялся на нашу сторону, но тут я поторопился с выводами насчет исчезновения Кларка и накричал на него… — Дядя Том горестно покачал головой. — Плохой из меня дипломат, Подди.

— Не ты один потерял голову, — успокоила я его и рассказала о пощечине.

Он в первый раз улыбнулся.

— Ах, Подди, Подди, никогда-то ты не станешь настоящей леди. Ты ничем не лучше меня.

Я оскалилась и грубо ковырнула ногтем в зубах

— такой у нас с дядей Томом секретный знак. Мы, маори, некогда были весьма кровожадны, и я даже не стану намекать на то, что наши предки выковыривали из зубов. Дядя Том частенько пользуется этим вульгарным жестом, дабы намекнуть мне, что я веду себя не так, как подобает воспитанной девушке.

Тут он улыбнулся по-настоящему и взъерошил мне волосы.

— Ты самая белокурая и голубоглазая дикарка из всех, что я встречал в своей жизни. Но все равно дикарка, на все сто процентов. Я тоже. Будет лучше всего, лапушка моя, если ты извинишься перед Декстером. Он был абсолютно прав: я вел себя именно как старый дурень. А я извинюсь перед его отцом, причем подползу к нему на брюхе, если он того захочет. Человек должен уметь извиняться и исправлять то, что еще можно исправить. А ты поцелуйся и помирись с Декстером, он отличный парень.

— Я, конечно, помирюсь с ним и попрошу прощения, но целоваться не стану. Не такие у нас отношения.

— Да ну? — удивился дядя Том. — Он что, не понравился тебе? Может, в твоих жилах слишком много норвежской крови?

— Во-первых, Декстер мне очень нравится, а во-вторых, ты, надо думать, наглотался местного смога, если полагаешь, будто норвежская кровь хоть чуть холоднее маорийской. У нас с ним все может быть всерьез и по большому счету, поэтому я не тороплю события.

Он поразмыслил над этим.

— Я думаю, ты права, дорогая моя. Лучше всего упражняться в поцелуйчиках с мальчишками, которым ты безразлична или около того. А Декстер, хоть он и хороший парень, в подметки не годится моей дикарке-племяннице.

— Кто знает… А что ты собираешься предпринять, чтобы вернуть Кларка?

— Ничего. Вообще ничего.

— Но ведь должны же мы хоть что-то делать!

— Что именно, Подди?

Я примолкла. Я уже раз сто прикидывала в уме разные варианты, но без видимого толка. Сообщить в полицию? Мистер Председатель сам — полиция, все они на него вкалывают. Нанять частного детектива? Если они и водятся на Венере, то наверняка работают по контракту с Венерианской Корпорацией, другими словами, с тем же мистером Председателем. Поместить объявления в газетах? Опросить всех таксистов?

Расклеить повсюду портреты Кларка и назначить награду за сведения о нем? Куда ни сунься, все на Венере принадлежит мистеру Куне, точнее, Корпорации, которую он возглавляет. Это почти одно и то же, хотя дядя Том и говорит, что клан Куна владеет только частью пакета акций.

— Подди, мы с мистером Куной уже обсудили все варианты. Он делает все возможное и убедил меня не соваться: местные условия он знает гораздо лучше меня.

— И что же нам остается?

— Ждать и ждать. Но если тебе придет в голову что-то исключительное, немедленно скажи мне. Мы позвоним мистеру Куне и обсудим это. Если я буду спать — буди без жалости.

— Хорошо. — Я здорово сомневалась, что дяде Тому удастся заснуть. Как и мне, впрочем. — А что ты станешь делать, если Кларк не появится до старта «Трезубца»?

Он ничего мне не ответил, только морщины у него на лбу стали еще глубже. Я поняла, что он принял свое Ужасное Решение, поняла, чего ему это стоило.

Теперь и мне надо было принять Ужасное Решение. Я долго советовалась со Святым Подкейном, и мы решили, что я должна нарушить

свою страшную клятву. Возможно, со стороны это выглядит глупо, но только не для меня. Я ни разу в жизни не нарушала эту клятву, и теперь уже никогда не смогу до конца верить Поддди Фрайз.

Я рассказала дяде Тому о бомбе. Он отнесся к этому на удивление серьезно, а ведь я почти убедила себя, что Кларк все выдумал, чтобы лишний раз поиздеваться надо мной. Кстати, контрабанду можно найти на любом космическом корабле. Но бомба — это уж из ряда вон! Может, Кларку всучили обыкновенный контрабандный товар и заплатили еще раз, когда он передавал его стюарду, грузчику или кому-нибудь еще. Насколько я знаю своего братца…

Однако дядя Том настоял, чтобы я как можно подробнее описала типа, с которым Кларк говорил на Деймосе.

— Я почти не запомнила его, дядя. Неприметный мужчина, каких тысячи. Не маленький, но и не высокий, не толстый, но и не худой. Одежда на нем была самая обыкновенная, а лица я и вовсе не видела. Ничего характерного… Обыкновенный…

— Может, это был кто-нибудь из пассажиров «Трезубца»?

Я тщательно обдумала это предположение.

— Нет. Я бы заметила его на борту и вспомнила.

Нет… я почти уверена, что он не встал в нашу очередь, а пошел к выходу, к порту челночных кораблей.

— Правильно сделал, — согласился дядя Том, — если это и в самом деле была бомба. Мы-то с тобой знаем, какая богатая у Кларка фантазия.

— Но для чего подкладывать в корабль бомбу?

Он ничего мне не ответил, но я и сама поняла, зачем.

Кто– то хотел взорвать «Трезубец», угробить всех пассажиров: и стариков, и детишек, и экипаж -словом, всех. И не ради страховки, как об этом пишут в детективных книжонках. На уроке экономики в школе нам объяснили, что на такой выходке не разбогатеешь: Ллойд страхует корабли только в пределах их действительной стоимости.

Тогда зачем же?

Чтобы корабль не попал на Венеру?

Но «Трезубец» ходил к Венере десятки раз…

Скорее всего, чтобы КТО-ТО из пассажиров не попал на Венеру. Или на Луну.

Кто?

Ясно, что не Поддди Фрайз. Если я кому-нибудь и кажусь значительной, то только себе самой.

Потом мы два часа кряду обыскивали номер.

Мы ничего не нашли, да я и не надеялась. Если бомба все-таки была — а я все еще не могла в это поверить — и если Кларк унес ее с корабля, он не стал бы прятать ее в отеле. К его услугам был огромный город и масса времени, чтобы вынести из отеля хоть вазу с цветами, хоть… что угодно.

Напоследок мы обыскали комнату Кларка, исходя из предположения, что там он станет что-то прятать в последнюю очередь. Начали мы вместе, а заканчивать пришлось одному дяде Тому стоило мне дотронуться до вещей брата, как я разревелась, и дядя отослал меня отлежаться.

К тому времени, когда он сдался, я уже проревелась и даже придумала кое-что.

— Может, стоит послать за счетчиком Гейгера? — предложила я.

Дядя Том устало опустился в кресло и покачал головой.

— Мы ведь не бомбу ищем, девочка.

— А что же?!

— Вовсе не бомбу. Если бы мы нашли ее, это только подтвердило бы, что Кларк сказал тебе правду, а я отбросил эту версию, как наименее вероятную. Видишь ли, девочка, я знаю об этом деле больше, чем рассказал тебе… знаю слишком много, а это смертельно опасно для некоторых

людишек. Они могут далеко зайти… Политика — жесткая штука, даже война считается лишь продолжением политики другими средствами. Бывает, что и бомба становится политическим аргументом; их применяли в этом качестве сотни раз, если не тысячи. Нет, Подди, нам нужна не бомба, а след человека, которого ты видела на Деймосе. Даже, пожалуй, не этого человека, а его хозяина. Я не исключаю, что он может оказаться близким сотрудником нашего Президента.

— Господи! — воскликнула я. — Ну что мне стоило рассмотреть его получше и запомнить!

— Не расстраивайся, лапушка. У тебя не было причин пялиться на этого типа и запоминать его. А вот Кларк, должно быть, хорошо его запомнил. Если… Когда Кларк вернется на Марс, мы попросим его просмотреть личные дела сотрудников Президента и фотографии для выездных виз за последние десять лет, если потребуется. Мы непременно найдем этого типа, а через него выйдем на другого, которому Президент совершенно напрасно доверяет. — Дядя Том вдруг преобразился в свирепого дикого маори. — Я сам им займусь. Вот тут-то мы и посмотрим, кто кого переиграл. — Туг он широко улыбнулся и добавил: — А теперь Подди должна поспать. В последнее время ты

ложилась поздно, а ведь сейчас нам нужно быть в хорошей форме.

— Ммм… а сколько сейчас времени в Марсополисе?

— Двадцать часов семнадцать минут, — ответил дядя Том, взглянув на марсианские часы. — Надеюсь, ты не собираешься звонить родителям?

— Боже упаси! Я им ни словечка не скажу, если… пока не вернется Кларк. Да и тогда, мне кажется, лучше будет помалкивать. Но ведь сейчас всего двадцать часов с небольшим, то есть еще не поздно, если считать по-нашему. А спать мне не хочется. Подожду, пока ляжешь ты.

— Я, может быть, совсем не лягу.

— Вот и хорошо. Посидим вместе.

— Ладно, Подди, — мягко ответил он и подмигнул. — Человек не может повзрослеть по-настоящему, если не проведет без сна хотя бы одну бесконечную ночь.

Мы долго сидели и молчали. Все уже было сказано, не стоило повторяться и бередить раны.

— Дядя Том, — попросила я наконец, — расскажи мне «Сказку о Подди»…

— Это в твоем-то возрасте?

— Ну пожалуйста. — Я бухнулась к нему на колени. — Мне очень нужно посидеть у тебя на

коленях и еще разок услышать эту сказку.

— Ладно, — согласился он и обнял меня за плечи. — Давным-давно, когда мир был совсем молодым, в самом счастливом городе жила-поживала маленькая девочка, и звали ее Подди.

Больше всего она походила на часы. «Тик-тик-тик», — говорили ее каблучки, «тик-тик-тик», — вторили им вязальные спицы, и так же неустанно тикал ее маленький, но шустрый ум. Волосы ее цветом напоминали весенние лютики, глаза походили на солнце, если смотреть на него сквозь весенние потоки, когда из каналов уходит лед. Ее носик еще не решил, какую форму принять, а ротик был полон вопросительных знаков. Весь мир был для нее сюрпризом, и она не замечала в нем ничего плохого. И вот однажды…

— Но я уже не маленькая, — прервала я дядю Тома, — и не верю, что мир когда-то был молод.

— Вот тебе платок, — ответил он, — вытри нос. Я ни разу не смог рассказать тебе эту сказку до конца: ты засыпала раньше. А кончается она чудом.

— Настоящим чудом?

— Самым настоящим. Вот какой конец у этой сказки: «А когда Подди выросла, у нее появилась другая маленькая Подди. И мир снова стал мо-

лодым».

— И это все?

— А что ты еще хочешь? По-моему, чудеснее не бывает.

12

Видимо, я все-таки заснула, и дядя Том уложил меня в постель. Во всяком случае, проснулась я без туфель на ногах, зато вся растрепанная и скомканная. Дяди Тома уже не было, но он оставил записку, в которой написал, что я могу найти его по личному коду мистера Куны. У меня не было причин тревожить его, равно как и охоты видеть кого бы то ни было. Я отослала Марию и Марию, а завтрак съела прямо в постели. У меня вдруг проснулся дикий аппетит — молодой организм требовал свое.

Впервые после посадки я откопала свой дневник. Естественно, я продолжала вести его, но уже не писала, а наговаривала на магнитную пленку. В библиотеке нашего номера есть стационарный магнитофон, а еще раньше, на корабле, мистер Клэнси позволял мне пользоваться диктофоном, с помощью которого он вел вахтенный журнал.

Но у библиотечного магнитофона был существенный недостаток: к нему в любой момент мог сунуться Кларк. В первый же мой поход по магазинам, я увидела в супермаркете «Венус-Мэйш» очень симпатичный крохотный магнитофон

всего за десять с половиной кредитов. Я сразу же в него влюбилась, купила и с тех пор постоянно ношу в сумочке. Он легко убирается в кулак и в него можно диктовать незаметно для других.

Я выкопала тетрадь, чтобы посмотреть, не записала ли я ненароком что-нибудь важное о том типе, который разговаривал с Кларком в космопорте.

Ничего такого там не было. Совсем ничего. ЗАТО Я НАШЛА ЗАПИСКУ ОТ КЛАРКА.

"Под, — писал он, — если ты найдешь это письмо, читай его побыстрее: я пишу его двадцатичетырехчасовыми чернилами и надеюсь, что к тому времени уже вернусь, и ты, следовательно, так и не увидишь этого письма.

Герди попала в переплет, и я должен выручить ее. Никто об этом не знает, потому что это исключительно мое дело, и я не хочу, чтобы в него совались другие.

Однако умный игрок подкрепляет свои ставки, если может.

Если меня долго не будет, и ты все-таки найдешь письмо, поймай дядю Тома и пусть он поймает мистера Куну.

У Южных Ворот расположен газетный киоск. Надо купить в нем «Мерчант Тудей» и спросить,

есть ли у них вечносветки.

Потом надо сказать: «Дайте мне две. Там, куда я собираюсь, очень темно».

Вот и все, что я могу рассказать.

Только ты сама не делай ничего, а то все испортишь.

Если все кончится плохо, оставь себе на память обо мне мою коллекцию камней.

Сдачу пересчитай. Лучше всего, на пальцах. КЛАРК."

У меня все поплыло перед глазами. Я никогда не видела завещаний, но последние строчки были именно завещанием, я уверена. Потом я собралась, сосчитала до десяти и обратно, а в конце добавила крепкое словцо, чтобы снять нервное напряжение. Пришло время действовать.

Я сразу же позвонила дяде Тому. В одном я была совершенно согласна с Кларком: Подди не стоит тягаться ни с Космическим Скитальцем Стилуортом, ни с Железным Человеком.

Это, скорее, в духе Кларка, а я собиралась заручиться всей возможной помощью. Чтобы выручить Кларка и Герди, я охотно мобилизовала бы пару полков морской пехоты и весь Марсианский Легион.

Так вот, я набрала личный код мистера Пред-

седателя, и автоответчик попросил позвонить по другому номеру. Я набрала этот другой номер… и мне ответил голос дяди Тома. Тоже запись. Он не сказал ничего нового, все инструкции такого рода были в записке: дяди не будет весь день, а я ни под каким видом не должна выходить из номера. Еще он добавил, что я не должна пускать в номер никого, кроме тех, кого я знаю лично.

Марии и Марии, например.

Когда запись начала прокручиваться по третьему разу, я дам отбой и попыталась дозвониться до мистера Председателя по обычному телефону, через контору Корпорации. Дохлое дело!

Нажимая на то, что я — мисс Фрайз, племянница Сенатора Марсианской Республики, я с горем пополам добралась до его секретарши или, может быть, секретарши его личного секретаря.

— К моему глубокому сожалению, мисс Фрайз, — ответила она, — мистера Куна вызвать невозможно.

Тогда я потребовала найти дядю Тома.

— Я очень сожалею, но у меня нет сведений о сенаторе Фрайзе, мисс Фрайз.

Я велела соединить меня с Декстером.

— Мне очень жаль, мисс Фрайз, но мистер Кун-младший находится в инспекционной поездке

по заданию мистера Куны-старшего.

Она то ли не могла, то ли не хотела сказать, когда вернется Декстер, не могла или не хотела найти способ связаться с ним. Врала, по-моему. Если бы я владела Всепланетной Корпорацией, я бы поставила дело так, чтобы в любой момент могла связаться с любой шахтой, с любым ранчо, фабрикой или воздушным кораблем, которыми владеет Корпорация. А уж мистер Председатель, надо думать, лучше меня знает, как управлять своим хозяйством.

Я ей так и сказала, призвав на помощь цветистую фразеологию «песчаных крыс» и жителей каналов. Я и не думала, что помню эти словечки. Другими словами, я озверела. Видимо, прав дядя Том: стоит соскрести с меня нордический лак, и на свет явится кровожадная дикарка…

Вы не поверите, но на нее все это подействовало не больше, чем на бандита из песков.

— Мне очень жаль, мисс Фрайз, — повторила она и отключилась.

Мне даже показалось, что мистер Куна держит на телефоне андроида, вроде наших «тик-таков». Живая женщина хоть как-то отреагировала бы на мою непотребщину, пусть даже и не поняла бы половину. Я и сама понимаю далеко не все

эти словечки, но знаю, что это далеко не комплименты.

Я даже собралась позвонить Па. Он оплатил бы счет, даже если бы ему пришлось выложить все сбережения. Но до Марса — одиннадцать световых минут, это было написано прямо на диске телефона. А связь через станцию «Гермес» и Луна-Сити совсем уж никуда не годится. Если между вопросом и ответом проходит двадцать две минуты, понадобится целый день, чтобы только рассказать, в чем дело. Правда, плату взимают только за разговор, а не за ожидание.

Ну позвонила бы я ему… а что бы он мог сделать, находясь за триста миллионов километров от нас? Дело кончилось бы тем, что он вконец бы поседел.

Вскоре я успокоилась и сообразила, что в записке Кларка есть какая-то несуразица. Это касалось Герди…

Мы не виделись с нею уже дня два. У нее было неудобное расписание: новеньким крупье достаются не лучшие смены. Но я, кажется, перебросилась с нею парой слов, когда Кларка уже не было, хотя я тогда и подумать не могла, что он вообще не ночевал в отеле.

А дядя Том говорил с Герди как раз перед тем,

как мы отправились в коттедж мистера Председателя. Он спросил, не видела ли она Кларка, и она ответила, что не видела.

Получилось так, что мы видели Кларка последними.

Я безо всякого труда связалась с Домом Педро, правда, не с тем, которого встретила в тот вечер, а с Домом Педро этой смены, К этому времени все Домы Педро уже знали, кто такая Подди Фрайз. Это та самая девушка, которую часто видят с мистером Декстером. Он тут же сообщил мне, что смена Герди закончилась полчаса назад и лучше всего позвонить ей в отель, если, конечно, она не пошла по магазинам.

Я уже знала, что в отеле ее нет. Кстати, к этому времени она съехала из «Тангейзера» в гостиницу подешевле. Я оставила на ее автоответчике такую запись, что Герди немедленно свяжется со мной.

Вот и все. Тупик. Звонить было некуда, оставалось только сидеть в номере и ждать дядю Тома, как он мне и приказал.

Что ж, я взяла сумочку, накинула плащ и вышла из номера.

Я успела пройти целых три метра. На моем пути вырос высокий, широкий и мускулистый тип. Я попыталась обойти его, но не тут-то было.

— Не надо, мисс Фрайз, — сказал он. — Ваш дядя приказал никуда вас не выпускать.

Я сунулась в другую сторону и обнаружила, что ноги у него довольно быстрые для такого громилы, а реакция получше моей. Итак, я арестована и сижу в своем номере, словно в узилище, в неволе мрачной, в заточении жестоком. Похоже, дядя Том мне не доверяет.

Я вернулась в номер, закрыла дверь и поразмыслила. Номер был все еще не прибран, грязная посуда от завтрака не убрана. Кое-как преодолев языковый барьер, я втолковала Марии и Марии, что мисс Фрайз крайне неприятно, когда все кому не лень вторгаются в ее комнату и нарушают ее уединение.

Неуклюжий двухэтажный столик-тележка, на котором мне доставили завтрак, все еще стоял у кровати и более всего напоминал город, дочиста разграбленный пиратами.

Я сняла судки с нижней полки, рассовала их, куда возможно, и накрыла столик специальной большой салфеткой — такие применяют, чтобы не оскорблять взоры богатых клиентов видом грязной посуды и объедков.

Потом я взяла трубку внутренней связи и велела немедленно убрать грязную посуду.

Я не очень высокого роста и довольно-таки легкая. Словом, мои сорок девять килограммов и сто пятьдесят сантиметров можно, если постараться, запихать в довольно малый объем. Нижняя полка оказалась темноватой, но можно было потерпеть. Хуже всего, что на ней была лужица соуса, которую я впопыхах не заметила.

Распоряжения дяди Тома (или мистера Куны) выполнялись неукоснительно. Обычно тележку с посудой увозит бой из посудомойки, но на этот раз явились обе Марии и отвезли столик к служебному лифту. Попутно я узнала кое-что интересное, но не слишком удивительное. Одна Мария сказала что-то по-португальски, а вторая ответила на чистейшем орто: «Наверное, в ванне полощется, обормотка ленивая».

Я решила ничего не дарить ей ни к Рождеству, ни ко дню рождения.

Внизу кто-то выкатил меня из лифта и задвинул в угол. Я чуть подождала и выбралась из моего экипажа. Мойщик в грязном переднике так и застыл от удивления. Я сказала «о бригадо», сунула ему два кредита и гордо вышла через служебный вход. Через две минуты я уже садилась в такси.

Сейчас я еду в такси к Южным Воротам и диктую на магнитофон, чтобы не обгрызть себе ногти

до локтей. Чувствую я себя прекрасно, хотя и нервничаю немного. Действовать лучше, чем ждать. Ничего страшного со мной не случится, а вот неведение вполне способно свести с ума.

Кассета кончается. Я поставлю новую, а эту отошлю от Южных Ворот дяде Тому. Может быть, стоило оставить записку, но и кассета сойдет. Удачи мне.

13

Теперь я не могу пожаловаться, что не видела фей. Они и в самом деле очень симпатичны, но я не буду горевать, если никогда больше их не увижу.

Отважно ринувшись в гущу событий, я преодолела огромные трудности и смело…

Все было совсем не так. Я вляпалась. По самые уши. Сижу неизвестно в какой глуши, а в моей комнате нет ни одного окна, только дверь. Но от двери мало толку: над ней на жердочке сидит фея. Она довольно красива, ее зеленый мех сильно напоминает балетную пачку. Она не совсем похожа на миниатюрного человека с крыльями, но говорят, что чем дольше они живут с людьми, тем больше походят на людей. Уголки глаз у нее приподняты кверху, как у кошки, время от времени она улыбается.

Я назвала ее Титанией: произнести ее настоящее имя выше моих сил. Она знает несколько слов на орто. Совсем немного, но ее маленький мозг просто не может вместить больше. Мозга у нее, кстати сказать, лишь вдвое больше, чем у кошки. Другими словами, она — идиот, пытаю-

щийся сдать экзамен на кретина, но без особого успеха.

Почти все время она просто сидит на своей жердочке и нянчит детеныша — он величиной с котенка, но гораздо симпатичнее. Я зову его Ариэлем, хотя не знаю, какого он пола.

Насчет Титании я тоже не уверена: говорят, что выкармливанием у фей занимаются и самки и самцы. Они не млекопитающие, так что назвать это выкармливанием можно лишь условно. Ариэль еще не умеет летать, и Титания учит его: швыряет в воздух. Он кое-как планирует на пол, лежит и пищит, пока она не спустится с жердочки и не заберет его.

А вот что делаю я:

а) думаю;

б) надиктовываю свой дневник;

в) налаживаю отношения с Титанией (она уже позволяет мне поднимать Ариэля с пола и передавать ей, малыш ничуть не боится меня);

г) постепенно прихожу к выводу, что мое вынужденное безделье затянулось.

Я могу ходить по комнате и делать все, что мне угодно, но к двери подходить не решаюсь. Как вы думаете, почему?

Сдаетесь? Потому что феи — плотоядные суще-

ства, и у них очень острые зубы и когти. Я уже заработала укус и две глубокие царапины на левой руке. Они саднят и заживать не собираются. Стоит мне приблизиться к двери, Титания мигом спикирует на меня. Во всех прочих случаях она довольно дружелюбна.

В чисто физическом смысле мне не на что жаловаться.

Несколько раз в «день» приходит абориген и приносит полный поднос весьма недурной еды. Я при этом отворачиваюсь: во-первых, венерианцы слишком похожи на людей, а во-вторых, чем больше на них смотришь, тем хуже для желудка. Вы, конечно, видели их на фотографиях, но они не могут передать запаха из вялого слюнявого рта. Здорово похоже, что это создание долго лежало мертвым, а потом его оживили при помощи какого-то грязного колдовства.

Я называю его Булавоголовым, и это еще комплимент.

Кстати, насчет его пола не может быть никаких сомнений. От такого красавчика любая… бегом бы убежала в монастырь.

Я ем, то что мне приносят, потому что совершенно уверена, что готовит не он. А та, на кого я думаю, должна быть отличной поварихой.

Здесь мне придется вернуться немного назад.

— Лучше дайте мне сразу две, — сказала я продавцу. — Там, куда я собираюсь, очень темно.

Он удивленно посмотрел на меня, и я повторила пароль.

Через несколько минут я уже летела в аэромобиле куда-то за город. Машина петляла, — закладывала широкие виражи, вокруг был сплошной туман, и я совершенно потеряла ориентацию.

Знаю только, что место это в двух часах полета от Венусбурга, и что рядом расположена небольшая колония фей. Перед самой посадкой я увидела, как они летают, и так засмотрелась, что даже не заметила никаких ориентиров. Впрочем, это бы не помогло…

Я вышла из аэромобиля, и он тут же улетел. А я оказалась перед домом с распахнутой дверью.

— Подди! — донесся знакомый голос. — Входи, милочка, входи!

Я почувствовала такое облегчение, что бросилась к ней в объятья. Это была миссис Грю, толстая и добрая.

Потом я осмотрелась и увидела Кларка! Он совершенно спокойно взглянул на меня и удостоил лишь одним словом:

— Дура!

Тут я увидела в другом кресле дядю Тома и хотела броситься к нему, но объятия миссис Грю вдруг превратились в железные обручи.

— Нет-нет, милая, не так быстро, — сказала она, а Булавоголовый приложил что-то к моей шее.

Потом меня усадили в большое удобное кресло. С тем же успехом они могли просто посадить меня на пол: оказалось, что шевелить я могу только головой. При этом я чувствовала себя отлично, если не считать слабого покалывания по всему телу.

Дядя Том напоминал президента Линкольна, горюющего по убитым при Геттисберге, Он ничего мне не сказал.

— Итак, все семейство в сборе, — весело произнесла миссис Грю. — Что скажете, сенатор? Мы договоримся?

Дядя Том едва наклонил голову.

— Вот и хорошо, — продолжала она. — Мы ведь не хотим, чтобы вы опоздали на конференцию. Нам только хочется… несколько ориентировать вас. Если же мы не договоримся, я постараюсь, чтобы никого из вас больше не увидели. По-моему, это естественно. Жалко, но ничего не поделаешь. Особенно жаль детишек.

— Вы не посмеете! — сказал дядя Том.

— Еще как посмеет, сучка каторжная! — крикнул Кларк, и я поняла, что он по-настоящему взвинчен. Он презирает вульгарные словечки, говорит, что они изобличают низость характера.

Миссис Грю спокойно, даже, пожалуй, с нежностью посмотрела на него и кликнула Булавоголового.

— Унеси его и не давай ему спать, пока не подохнет, — велела она.

Абориген унес Кларка, но последнее слово все-таки осталось за моим братцем.

— А еще ты жульничаешь в солитер! Я заметил!

На долю секунды миссис Грю разозлилась по-настоящему, но тут же вернула на лицо обычное участливое выражение и снова обратилась к дяде Тому:

— Теперь, когда оба ребенка у меня, я могу пожертвовать одним. Кажется, вы особенно любите Поддди? Даже слишком любите, как сказали бы психиатры.

Я обмозговала это… и решила при первой же возможности сделать из ее шкуры коврик и подарить дяде Тому.

А сам дядя Том пропустил это мимо ушей. Тут откуда-то послышался ужасный грохот — лупили

металлом о металл.

— Грубо, конечно, но действенно, — сказала миссис Грю и улыбнулась. — Когда-то здесь было ранчо, и от прежнего хозяина остался бак, в котором он грел воду. Конечно, он слишком мал, чтобы в нем можно было стоять или сидеть, но такому грубому мальчишке нечего рассчитывать на удобства. А грохот от того, что по баку бьют железной трубой. — Туг она чуть призадумалась. — Не представляю, как мы будем договариваться под такой шум. Наверное, стоит перенести экзекуцию подальше… или поближе, чтобы вы послушали, как вопит мальчишка.

Может, тогда наш разговор пойдет поживее. Как вы думаете, сенатор?

— Миссис Грю!… — вмешалась я.

— Подди, милочка, сейчас я очень занята. Позже мы поболтаем за чашкой чая. Итак, сенатор?

— Миссис Грю, вы плохо знаете дядю Тома. Так вы от него ничего не добьетесь.

Она поразмыслила над этим.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь, дорогая. Выдаешь желаемое за действительное.

— Да нет же!!! Поверьте, нет никакой возможности заставить дядю Тома изменить интересам Марса. Если вы повредите Кларку или мне, он

совсем закаменеет. Конечно, он любит нас, но не до такой же степени, чтобы предать Марс. Вы просто теряете время попусту!

Я говорила быстро и искренне. Мне казалось, что я слышу вопли Кларка. Конечно, только казалось: невозможно перекричать такой дьявольский грохот. Помню, когда Кларк был совсем малышом, он забрался в папину корзину для бумаг… и страшно орал, пока я его не вызволила, Наверное, мое подсознание воскресило эти вопли.

Миссис Грю ласково улыбнулась.

— Милая Подди, ты совсем еще маленькая, и головка у тебя полна всякой патриотической чепухи. Сенатор сделает именно то, что я от него потребую.

— А вот и нет! Если вы убьете Кларка…

— Помолчи, дорогая, или мне придется влепить тебе пару пощечин, чтобы ты научилась слушать старших. Я вовсе не собираюсь убивать твоего брата…

— Но вы же сказали…

— ТИХО!!! Этот абориген не понял и половины из того, что я сказала. Он понимает лишь несколько слов на торговом орто, на целую фразу у него мозгов не хватит. Вскоре я прикажу достать

Кларка из бака и ты сама увидишь, как он будет ползать на брюхе и умолять мистера Фрайза сделать все, что я от него хочу. — Она ласково улыбнулась. — Теперь поговорим о патриотизме. Тебе вдолбили, будто он сильнее инстинкта самосохранения. А такой прожженный политикан, как твой дядя, знает, что это всего лишь абстракция, и не придает ему особого значения. Его волнует другое: если он сделает по-моему, он кончится как политик. Но он все-таки сделает. Ведь так, сенатор?

— Мадам, — отозвался дядя Том с легким пренебрежением, — я не вижу смысла в этой дискуссии.

— Я тоже. С вами я буду говорить на другом уровне. А пока я объясняю Подди что к чему, вам придется послушать. Так вот, милочка, твой дядя — сильный и упорный человек, он не может просто так угробить свою политическую репутацию. Чтобы заставить его танцевать под мою музыку, нужно дергать за определенные ниточки. Я уверена, что ты — одна из главных ниточек.

— Я вам никакая не ниточка!

— Хочешь пощечину? Или предпочитаешь кляп? Ты мне нравишься, Подди, и мне не хотелось бы применять к тебе грубые методы. Так

вот, ниточка — именно ты, а не твой братец. Конечно, твой дядя делает вид, что любит вас обоих одинаково — подарки на Рождество и все такое прочее, — но ведь совершенно очевидно, что твоего брата любить не за что. Такого даже родная мать возненавидит. А вот тебя сенатор любит, и намного сильнее, чем хотелось бы ему самому. Так что твоего брата обрабатывают лишь для того, чтобы сенатор понял, каково будет тебе на месте Кларка. Кстати, ничего с ним не случится, разве что оглохнет, Сама видишь, сенатору некуда деться. Придется ему говорить на конференции именно то, что я хочу.

— Она задумчиво посмотрела на дядю Тома. — Я еще не решила, сенатор, какой способ лучше. Вы, конечно же, согласитесь сотрудничать с нами, но мне хотелось бы, чтобы вы не забыли об этом. Политики хорошо умеют забывать то, что обещали. Не стоит ли послать с вами Кларка, чтобы вы лучше помнили, или лучше оставить его здесь и работать с ним каждый день понемногу… на глазах у Подди? Чтобы она ясно видела, что будет с нею, если в Луна-Сити вы начнете выкидывать фортели. Как вы полагаете, сэр?

— Мадам, этот вопрос не имеет смысла.

— Отчего же, сенатор?

— Оттого, что без детей я не полечу в Луна-Сити.

Миссис Грю фыркнула.

— Оставьте браваду для предвыборной кампании, сенатор. А сейчас, — она посмотрела на старинную брошь с часами, приколотую к ее могучему бюсту, — пора прекратить этот грохот, пока у меня голова не разболелась. Тем более что ваш племянник, сенатор, надо думать, его уже не слышит.

Она на диво легко встала и вышла из комнаты.

Грохот вдруг прекратился. Это было так неожиданно, что я подпрыгнула бы, если могла.

Дядя Том повернулся ко мне.

— Ах, Подди, Подди, — мягко проговорил он.

— Дядя Том, — ответила я, — не вздумай уступать этой гадине!

— Я просто не могу уступить ей, Подди. Ни на йоту. Ты понимаешь?

— Ясно, понимаю! Но почему бы тебе не схитрить? Наобещай ей что угодно, выберись отсюда и вытащи Кларка, а потом вы сможете вызволить и меня. Я продержусь, честное слово.

— Милая Подди… милая Подди, — сказал дядя Том каким-то странным голосом. — Знаешь… здорово похоже… что это конец. Крепись, дорогая

моя, не бойся.

— Честно сказать, у меня в этом мало опыта. Но я попробую. — Я, конечно, боялась, но не по-настоящему разве можно испугаться, если рядом дядя Том, пусть даже он пальцем шевельнуть не может. — Дяди Том, а что ей от тебя надо? Она что, фанатичка какая-нибудь?

Мне ответил веселый утробный смех миссис Грю.

— Фанатичка, подумать только! — Она ласково потрепала меня по щеке. — Никакая я не фанатичка, милая Подди, и политике не придаю особого значения, впрочем, как и твой дядя. Много лет назад когда я была молода и красива, — тебе никогда не быть такой красоткой — я поняла, что лучший друг девушки — деньги. Вот я и работаю. — Туг она обратилась к дяде Тому. — Сенатор, мальчик, похоже, оглох, но точно сказать трудно: он сейчас без сознания. Позже мы это выясним, а теперь мне хочется вздремнуть. Надеюсь, и вы не против небольшого отдыха.

Она позвала Булавоголового и тот отнес меня в эту комнату. Я здорово испугалась, когда он поднял меня, но тут же обнаружила, что могу слегка шевелить руками и ногами. А кололо в них просто нестерпимо! Я слабо подрыгалась, но,

ясно, без малейшего толка. Итак, меня засунули в эту комнату.

Чуть погодя наркотик перестал действовать, и я почувствовала себя совершенно нормально, если не считать легкой дрожи.

Вскоре я убедилась, что Титания — отличный сторож, и с тех пор не суюсь к двери, а левая рука у меня здорово болит и даже, кажется, опухает.

Я обследовала комнату. Пусто. Кровать с матрацем, но без белья; собственно, оно и ни к чему в таком климате. Откидной столик и прикрепленный к полу табурет рядом с ним.

Светящиеся трубки под потолком. Я обыскала всю комнату, как только убедилась, что Титания — не просто симпатяшка с прозрачными крылышками. Было совершенно ясно, что миссис Грю или тот, кто оборудовал эту комнату, не оставили здесь ничего, чем можно было бы одолеть Титанию. Мне не оставили ни плаща, ни сумочки.

Особенно я жалела о сумочке: у меня в ней масса полезных вещей. Пилка для ногтей, например. С нею в руках я, пожалуй, схватилась бы с кровожадной феюшкой. Но что толку сожалеть?

Я обнаружила еще кое-что: раньше в этой комнате держали Кларка. Здесь оказалась его сумка. Я непременно обнаружила бы, что ее нет в номе-

ре, если бы не разнюнилась прошлым вечером и не оставила дядю Тома заканчивать обыск в одиночку.

В сумке были вещи, довольно необычные для рыцаря, отправившегося освобождать плененную деву: три тенниски, две пары шортов, пара обуви, логарифмическая линейка и три книжки с комиксами.

Я не удивилась бы, обнаружив портативный огнемет или компоненты для изготовления взрывчатки, — это было бы вполне в духе Кларка. Похоже, что Кларк, несмотря на весь свой ум, еще сущий мальчишка.

Я подумала о том, что он оглох, и чуть не разревелась.

Впрочем, я быстро успокоилась: слух ему не так уж и нужен, он уже давно не слушает никого и ничего.

От нечего делать я легла на кровать и начала листать комиксы. Я не любительница комиксов, но эти оказались довольно забавными: их герои с блеском выходили из разных переделок, а приходилось им куда хуже, чем мне.

Вскоре я уснула, и мне снились героические сны.

Меня разбудил Булавоголовый, он принес зав-

трак (более похожий на обед). Поднос он унес с собой, а пластиковые ложка и вилка совсем не походили на смертоносное оружие. Зато мне вернули мою сумочку!

Моего восторга хватило ровно на десять секунд: я обнаружила, что в сумочке нет ни ножика, ни пилки для ногтей.

Самыми смертоносными предметами в ней были губная гармоника и носовой платок. Миссис Грю оставила мне деньги и магнитофон, но выгребла все, что могло принести пользу (или вред), Я поскрежетала зубами, поела и от нечего делать стала надиктовывать дневник. Вот что мне осталось: спать, есть и помогать Ариэлю летать. Он чем-то напоминает мне дункана. Конечно, он совсем не человек, но ведь все малыши похожи друг на друга, верно?

Я дремала, поскольку других занятий не было. Вдруг меня разбудили.

— Подди, милочка…

— Здравствуйте, миссис Грю.

— Не делай резких движений, — предупредила она.

Но я и не собиралась дергаться: в руке у нее был пистолет, и целилась она точно в мой пупок. А я его очень ценю — он у меня единственный.

— А теперь будь послушной девочкой, повернись и сложи запястья за спиной.

Я повиновалась и она повязала меня довольно крепко и искусно. Из конца веревки она сделала петлю и накинула мне на шею. Я оказалась на поводке и удавила бы сама себя, если бы начала дергаться. Так что я не рыпалась.

Конечно, было несколько секунд, когда пистолет смотрел мимо меня, а запястья были еще свободны. Любой из героев комиксов непременно воспользовался бы этими золотыми мгновеньями, обезвредил бы миссис Грю и повязал бы ее же собственной веревкой.

К сожалению, ни один из этих героев не носил имени «Подди Фрайз». Мое образование включало в себя кулинарию, шитье, изрядные дозы математики, истории и естественных наук, а также всякие полезные вещи, вроде черчения от руки или изготовления свечей и мыла. А вот рукопашный бой я изучала только в редких, но яростных стычках с Кларком. Мама считает, что это большой недостаток (сама она хорошо владеет каратэ и прочими приемами мгновенного убийства, а стреляет не хуже Па). Правда, Па не хотел, чтобы его «малышка» училась таким вещам.

Теперь я полностью согласна с мамой. Ведь

могла бы я лягнуть старую бандитку в солнечное сплетение, свернуть ей шею, спустить с мачты «Веселого Роджера» и поднять национальный флаг. Совсем как в «Острове сокровищ».

В жизни везет только раз… а мне не повезло, меня обошли.

И увели на веревочке, словно щенка-несмысленыша. Когда мы подошли к двери, Титания забеспокоилась, но миссис Грю закудахтала на нее, и фея занялась детенышем.

Миссис Грю провела меня через комнату, где я видела дядю Тома и Кларка, через коридор, в большую комнату…

— Познакомься, милочка, — весело сказала миссис Грю. — Вот твой новый сосед.

Половина комнаты была отгорожена толстыми стальными прутьями, как в зоопарке. А за прутьями был… в общем, это был Булавоголовый, хотя мне понадобилось с полминуты, чтобы узнать его. Вы уже поняли, что я не считаю Булавоголового красавцем. Ну так вот, мои дорогие, он был Аполлоном Бельведерским по сравнению с этим кошмарным красноглазым маньяком.

Потом я валялась на полу, и миссис Грю отхаживала меня нюхательной солью, Да, леди и джентльмены, Капитан Подкейн Фрайз, Зна-

менитая Исследовательница Дальнего Космоса сделала оверкиль на мелком месте, словно обыкновенная глупая девчонка.

— Очнулась, милочка? — участливо спросила миссис Грю.

— Неужели вы и вправду собираетесь поселить меня рядом с… этим?

— Конечно же, нет. Я просто пошутила. Я уверена, что твой дядя не вынудит меня к таким мерам. — Она задумчиво посмотрела на Булавоголового; тот просунул руку между прутьями, пытаясь дотянуться до нас. — Я дала ему всего пять миллиграммов «пыльцы блаженства». Такому законченному наркоману эта доза лишь поднимает тонус. Но если придется сунуть к нему тебя или Кларка, я расщедрюсь на пятнадцать миллиграммов. Мне нужен твой совет, дорогая Подди. Пора отправлять сенатора в Венусбург, иначе он опоздает к старту «Трезубца». Как бы его уговорить? Может, сунуть туда Кларка прямо сейчас, пока твой дядя видит все это? Кстати, он видел, как ты грохнулась в обморок. Это было убедительно — даже нарочно ты не смогла бы сделать лучше.

— Дядя Том видит нас?

— Да, конечно…

— ДЯДЯ Том!!!

— Лучше не надрывайся, Подди. Видеть-то тебя он видит, но не слышит и помочь тебе не может. Гмм… Ну что ж, умница-разумница, мне, пожалуй, уже не нужен твой совет. Давай-ка, поднимайся на ноги!

И она отвела меня в мою камеру.

Все это было всего несколько часов назад, но мне они показались годами.

Словом, хватило и нескольких часов, чтобы Подди растеряла все свое мужество. Вы понимаете, что я могла бы и не рассказывать об этом, и никто бы ничего не узнал. Но я ни разу не покривила душой в своем дневнике, не буду и сейчас.

Так вот, я решила при первом же случае просить… умолять дядю Тома сделать ВСЕ ЧТО УГОДНО, лишь бы меня не бросили к туземцу-наркоману.

Я отнюдь не горжусь этим. Похоже, я уже никогда не смогу относиться к себе с прежним уважением Тыкайте меня в это носом, но бывают вещи, которые ломают человека. Вот и я сломалась.

Ну вот, я призналась в своем малодушии и мне чуть полегчало. Надеюсь, со временем я стану тверже. Не знаю…

А потом ко мне впихнули Кларка!

Я одним махом слетела с кровати, обняла его и запричитала:

— Кларк, миленький! Бедный мой братик! Что они с тобой сделали? Скажи мне что-нибудь! Ты меня слышишь?

— Подбери слюни, Под, — сказал он мне в самое ухо.

Тут я поняла, что если он и пострадал, то не слишком сильно: ответ был вполне в духе моего братца.

— Ты меня слышишь? — уже тише повторила я.

— Конечно, — прошептал он мне в ухо, — но пусть она думает, будто я оглох.

Он высвободился из моих объятий, заглянул в свою сумку и быстро обследовал всю комнату. При этом он так близко подошел к двери, что Титания забеспокоилась. Потом он подошел ко мне вплотную и прошептал:

— Подди, ты умеешь читать по губам?

— Нет. А что?

— Не притворяйся. Только что сумела.

Положим, это было не совсем верно: Кларк прошептал это, хоть и едва слышно. Но я обнаружила, что и в самом деле «слышу» его, как если бы

он говорил вслух. Это довольно забавно, и Кларк объяснил, что читать по губам может почти каждый, нужно только чуть потренироваться. Сам он давно это умеет, только помалкивал на всякий случай.

Он велел мне говорить как можно тише и сам говорил так же.

— Слушай, Под, я не уверен, что старая леди Грю прослушивает эту комнату. — Вместо слова «леди» он произнес совсем другое. — С тех пор как я здесь сидел, вроде бы ничего не изменилось. Но здесь есть, по меньшей мере, четыре места, где можно спрятать микрофон. Может и больше, не знаю. Лучше нам помалкивать: неспроста она посадила нас вместе. Болтай вслух сколько душе угодно… но только всякий вздор. Вроде, как ты ужасно беспокоишься, не оглох ли я навсегда. И все такое прочее.

Так мы и сделали: я стонала и причитала над бедным своим братиком, а он жаловался, что не может расслышать ни слова и все просил меня найти карандаш и написать, что я хочу сказать. В антрактах мы «разговаривали» о важных вещах, в которые не стоило посвящать никого, особенно миссис Грю.

Я спросила, был ли он в этом баке, а если был,

то почему не оглох.

— Был, к сожалению, — ответил он, — но не такой уж я балбес, как она подумала. В карманах у меня нашлась кое-какая бумага, я изжевал ее в кашу и заткнул уши. — Он скривился, как от боли. — Двадцатку на это перевел. Клянусь, это была самая дорогая затычка всех времен и народов. Потом я обмотал голову рубашкой и почти ничего не слышал. Черт с ними… Слушай дальше. — Он туманно поведал о том, как угодил в эту ловушку. — Ну согласен, провели меня, но и вы с дядей Томом так же лопухнулись. А ведь вы постарше и отвечаете за меня.

— Еще чего! — с негодованием прошипела я.

— Выходит, ты безответственная девчонка, а это еще хуже. Логика — упрямая вещь. А теперь забудем об этом, есть дела поважнее. Слушай, Под, скоро мы выберемся отсюда.

— Как? — я показала глазами на Титанию. Она нянчила Ариэля, но ни на секунду не отводила от нас глаз.

Кларк проследил за моим взглядом и произнес:

— Когда придет время, я позабочусь об этом насекомом, а пока забудь о нем. Нам придется сматываться в темпе быстрого вальса и непре-

менно ночью.

— А почему ночью? Тут и днем-то ни черта не видно из-за смога, а уж ночью…

— Под, не расчесывай свои царапины, тогда они быстро затянутся… Дело в том, что на ночь Джоджо запирают.

— Джоджо?

— Ну эта гора мяса, которая работает на старуху Грю.

— Я зову его Булавоголовым.

— Джоджо, Булавоголовый, Альберт Эйнштейн — не все ли равно. Одним словом, любитель «пыльцы блаженства». Он приносит нам ужин, моет тарелки, а потом она его запирает и выдает вечернюю дозу пыльцы. А запирает она его потому, что боится поддатого венерианца, как и любой нормальный человек. Так что сбежать мы можем только ночью, пока он в клетке. Может быть, и старуха заснет. Правда, есть еще тип, который привез нас сюда, но он часто ночует в Венусбурге. Но мы должны рассчитывать на худшее. Когда «Трезубец» уходит на Луну?

— Восьмого, в двенадцать часов семнадцать минут по корабельному и гринвичскому времени.

— А по местному?

— В девять часов шестнадцать минут по време-

ни Венусбурга. В среду, двадцатого.

— Нужно проверить, — пробормотал он, доставая из сумки логарифмическую линейку.

— Но зачем?

— Заткнись, — ответил он, гоняя бегунок.

— Хочешь высчитать марсианское время? — Я здорово гордилась тем, что могла делать эти расчеты в уме, как и полагается заправскому пилоту. Мистер Клэнси здорово натаскал меня, хоть и остался без заслуженной награды.

— Не-а. Я его знаю не хуже тебя. Давай-ка, сверим наши часы. Начали отсчет!

Я взглянула на часы и обомлела.

— Кларк, но сегодня же девятнадцатое число.

— А я-то думал, что нынче Рождество, — злобно прошипел он. — Ты что разоралась? Забыла, о чем мы договорились?

— Но «Трезубец» уходит завтра! — я сумела произнести это одними губами.

— Через шестнадцать с небольшим часов, если быть точным. А мы не можем ничего сделать, пока эту скотину не запрут. Шансов у нас мало…

— Но дядя Том не попадет на конференцию.

Кларк пожал плечами.

— Может, и не попадет. Улетит он или нет — мне это совершенно безразлично.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла я. — Как это он улетит?

Кларк не ответил, но я и сама сообразила: дяди Тома уже нет здесь. Я вдруг почувствовала себя покинутой.

— Ты уверен? — спросила я.

— Конечно. Старуха, черт ее возьми, позаботилась, чтобы я увидел, как его увозят. Джоджо тащил его, словно мешок с мукой. Сейчас дядя Том уже в Венусбурге.

— Значит, он освободит нас! — обрадовалась я.

— Под, не будь дурой в квадрате… — мрачно ответил Кларк.

— Конечно же, освободит! Дядя Том… и мистер Председатель… и Декстер… и остальные…

— Во имя Святого Петра, заткнись, Подди! — оборвал меня Кларк. — Помолчи и подумай. Поставь себя на место дяди Тома. Вот ты оказалась в Венусбурге, тебе предоставили всевозможную помощь, дали людей и транспорт. А КАК ТЫ ОТЫЩЕШЬ ЭТО МЕСТО?

— Э-э-э… — ответила я и заткнулась.

— Согласен, именно «э-э-э…» Отыскать его невозможно, разве что лет через восемь-десять непрерывных поисков. Вбей в свою красивую головку, сестренка: никто нам не поможет и никто

нас не освободит. Или мы сбежим этой ночью, или мы пропали.

— Но почему именно этой ночью? Я, конечно, согласна, но что, если нам не подвернется случай?…

— Тогда завтра утром, в девять часов шестнадцать минут мы будем уже мертвы. Ясно?

— Но почему?

— Сообрази сама, Под. Поставь себя на место старой Грю-биянки. «Трезубец» стартует завтра. Дядя Том или улетает на нем, или нет. А у тебя остаются его племянник и племянница. Что ты с ними сделаешь? Поразмысли над этим. Только следуй ее логике, а не своей.

Я попыталась, но ничего не вышло. Я просто не могла представить, что можно убить человека, если он тебе мешает.

Такая «логика» совершенно чужда мне.

Но я понимала, что Кларк прав: едва стартует «Трезубец», мы превратимся в досадную помеху. Особенно сильно мы будем мешать ей, если дядя Том не улетит. Если же он улетит, она каждый день рискует, что мы смоемся, сообщим об этом дяде, и он тогда не станет плясать под ее дудку. Она ведь думает, что сломила дядю Тома.

Я так и не смогла представить себе хладно-

кровное убийство. Но ведь мы с Кларком можем заразиться зеленым сифилисом и умереть. Пожалуй, это на все сто процентов устроило бы миссис Грю.

— Сообразила, — ответила я наконец.

— Молодец, — похвалил меня Кларк, — думай почаще, это полезное занятие. Или мы сбежим нынче ночью, или завтра утром нас замочат… А потом она уберет Джоджо и сожжет этот дом дотла.

— А Джоджо-то чем перед ней виноват?

— А ты еще не поняла? Мы же знаем, что она снабжает пыльцой наркомана, а на Венере суровые законы на этот счет. Она не оставит свидетелей.

— Но ведь дядя Том тоже знает об этом.

— Ну и что с того? Она думает, что в Луна-Сити он будет держать язык за зубами. А когда конференция кончится, она будет уже на Земле и бесследно затеряется среди восьми миллиардов людей, Здесь ей опасно околачиваться — могут схватить в любую секунду. Она подождет, пока дядя Том сядет… или, не сядет на «Трезубец», а потом приведет в исполнение план "А" или план "Б". И тот и другой исключают наше существование. Вломи это в свою тупую головку.

— Ладно. — Я поежилась. — Уговорил.

Кларк ухмыльнулся.

— А вот мы ждать не станем. План у меня есть, и мы постараемся обскакать старуху. — Тут его физиономия украсилась гадкой самодовольной миной. — Ты, сестренка, угодила сюда только потому, что не послушалась меня. А дядя Том попался совсем уж глупо: он подумал, что это дело можно уладить при помощи денег. Один я оказался во всеоружии.

— Вот как? И чем же ты собираешься их одолеть? Логарифмической линейкой? Или комиксами?

— Комиксы — это камуфляж. Ты же знаешь, я сроду их не читал.

(Это точно. А я-то думала, что обнаружила его Тайный Порок.)

— Но чем же тогда?

— Преисполнись терпения, возлюбленная сестра моя. Всему свое время. — Он задвинул свою сумку под кровать и добавил: — Сядь вот сюда и наблюдай за дверью. Если явится Леди Макбет — я читаю комикс.

Я выполнила его просьбу, но все же задала ему еще один вопрос. Конечно, совсем на другую тему — ведь если Кларк упрется, его бесполезно расспрашивать. Лучше уж воду ножом резать.

— Как ты думаешь, миссис Грю из той же банды, что сосватала тебе бомбу?

— Какую бомбу? — Кларк искусно прикинулся идиотом.

— Которую ты протащил на «Трезубец». Ты что, забыл?

— Бедная Подди, ты веришь всему, что тебе говорят. Когда будешь на Терре, смотри, чтобы тебе не всучили по-дешевке египетские пирамиды.

Он с чем– то возился за моей спиной, а я еле сдерживала досаду.

— Если бы она знала о бомбе, — сказал Кларк чуть погодя, — она ни за что не полетела бы на «Трезубце».

Кажется, я уже писала, что Кларк в любой момент может выставить меня дурой. Это же совершенно очевидно, я должна была сама догадаться.

— Значит, на дядю Тома охотятся сразу две банды.

— Ну… старуху вполне могли нанять те же гады, что придумали фокус с бомбой. Так сказать, в качестве резерва.

Мозги мои быстренько заработали и надумали страшный вывод.

— Но ведь они могут достать дядю Тома и на

пути к Луне! Может быть и третий заговор!

— Может… Наш дядя интересует многих людишек. Вероятнее всего, действуют две группы: одна с Марса — они не хотят, чтобы дядя Том попал на конференцию; другая с Земли, ведь старуха прибыла именно оттуда. Эти стремятся, чтобы он плясал под их дудку. Иначе она никогда не выпустила бы дядю Тома, а просто велела бы Джоджо ткнуть его головой в первую же лужу и подождать, пока он не перестанет пускать пузыри. — Тут Кларк на минуту умолк. — Под, повтори-ка за мной, только шепотом: мы находимся на ранчо в двадцати трех километрах от Южных Ворот и почти точно на юг от них, точнее — семь градусов западнее.

Я все повторила и спросила:

— Откуда ты знаешь?

Он показал мне черную коробочку чуть больше пачки сигарет.

— Прибор инерциального слежения, армейская модель. Их здесь продают на каждом углу и всякий, кто суется в местные кусты, непременно держит его в кармане.

Я с интересом рассмотрела приборчик. Такого маленького инерциала я еще не видела. На пескоходах у «песчаных крыс» тоже стоят инерциалы,

но они и гораздо больше, и точнее, хотя на Марсе всегда видны Солнце и звезды. Не то что в этой бочке с туманом. Конечно, я знала, как он действует, потому что инерционная астрогация и векторное суммирование ускорений необходимы для пилотирования космических кораблей. Ясно, что на «Трезубце» инерциал в тысячу раз точнее, чем эта игрушка. Но и она повышала наши шансы в тысячу раз!

— Кларк, а у дяди Тома был такой приборчик? Если он знает…

— Если даже и был, — Кларк покачал головой, — он ему не помог. Сдается мне, что его сразу же усыпили газом: из аэромобиля его выгружали как мешок. А я не мог сказать ему, где находится этот сарай: я только сейчас смог взглянуть на инерциал. А теперь положи его в сумочку, без него ты не доберешься до Венусбурга.

— Ммм… в сумочке он будет заметен. Лучше спрячь его туда, где он лежал. Не бойся, я не потеряюсь. Обещаю ни на минуту не отпускать твою руку.

— Нет, Под…

— Почему нет?

— Во-первых, я не собираюсь волочь с собой эту сумку, а прятал я его именно в ней, в двойном дне.

Во-вторых, в Венусбург мы вернемся порознь.

— Ничего подобного! Только вместе! Я за тебя отвечаю.

— Это ты так думаешь. Слушай, Под, я вытащу тебя из этого бардака, если ты не будешь мучить свою головку — она у тебя протекает. Главное — слушай и запоминай, слушай и делай так, как я тебе скажу. И все у тебя будет хорошо.

— Но ведь…

— У тебя есть план, как выбраться отсюда?

— Нет.

— Тогда заткнись. Если ты сейчас начнешь репетировать роль Старшей Сестры, то добьешься только одного: нас угробят.

Я заткнулась. Надо признаться, план у Кларка был толковый. По его наблюдениям, в доме не было никого, кроме миссис Грю, Джоджо и Титании с Ариэлем. Да еще изредка появляется водитель аэромобиля. Было похоже, что миссис Грю старается обойтись минимумом свидетелей. Окажись я на ее месте, — сохрани меня бог — я поступила бы точно так же.

Этого водителя не видели в лицо ни я, ни Кларк, но, если он здесь временами ночевал, считаться с ним стоило.

По плану Кларка, справившись со всей этой

бандой, мы должны будем разбежаться: Кларк — на восток, а я — на запад, насколько нам позволят болотные ямы и джунгли. Может быть, нам не удастся уйти далеко.

Потом мы повернем на север и выйдем на кольцевую дорогу, что идет вокруг всего города. Кларк говорит, что до нее всего три километра. Он даже набросал мне какие-то кроки.

Надо отдать ему должное — отправляясь «выручить Герди», он хорошо изучил карту.

По кольцевой дороге я пойду направо, а Кларк — налево.

Если нам попадется машина или ранчо с телефоном, мы должны будем немедленно связаться с дядей Томом или мистером Куной и вызвать подкрепление.

Разделиться — это он хорошо придумал: хоть один из нас доберется до цели и вызовет подмогу. Миссис Грю такая толстая и неповоротливая, что не догнала бы нас и на беговой дорожке, не говоря уже о здешней сильно пересеченной местности. А Джоджо она выпустить не посмеет, резонно опасаясь за собственную жизнь. Если нас и станут преследовать, то это, наверное, будет водитель, а он не сможет гнаться за нами сразу в двух направлениях. Не исключено, что на миссис Грю

работают и другие аборигены, но и в этом случае у нас будет больше шансов, если мы разделимся.

Инерциал возьму я — Кларк нипочем не верит, что я смогу сориентироваться в джунглях. Наверное, он прав. Сам он намерен воспользоваться следующими навигационными приборами: часами, намусоленным пальцем, чтобы определить направление ветра, и поляризационными очками. Честное слово, он и их припас!

Напрасно я издевалась над его комиксами: он великолепно экипировался. Если бы его не усыпили и не сунули в багажник аэромобиля, он бы им задал шороху. Ручной огнемет в сумке, автоматический пистолет «Ремингтон», приклеенный скотчем к телу, ножи, парализующие бомбочки и даже еще один инерциал на самом виду, поверх одежки и комиксов.

Я спросила, зачем он ему понадобился.

— Я учитывал, что меня могут захватить. В этом случае они стали бы искать инерциал: ведь без него никто не выходит из Венусбурга. Так оно и вышло. Старая зараза здорово потешалась надо мною, дурачком: взял прибор, а включить его не сообразил. — Тут он презрительно усмехнулся. — Она считает меня недоумком, а я всячески укрепляю ее в этом мнении.

Он рассказал, что с его багажом сделали то же, что и с моим: конфисковали все более-менее опасное и вернули остальное. Двойное дно миссис Грю не заметила; честно говоря, его не заметил бы и эксперт фирмы-изготовителя.

— Но почему она не обратила внимание на вес? — спросила я.

— Пришлось рискнуть, — пожал плечами Кларк. — Кто не рискует, тот не выигрывает. Джоджо приволок сумку прямо сюда, и старуха обшманала ее. Она даже не поднимала ее — обе руки были полны всяким хламом.

Даже если бы она обнаружила тайник, у Кларка оставались бы еще голова и руки, а он вполне способен разобрать швейную машинку и собрать из ее деталей пушку. Конечно, он для меня сущее наказание, но в таланте ему не откажешь.

Сейчас я собираюсь немного соснуть. Булавоголовый только что принес ужин, а впереди у нас, как я полагаю, довольно много дел. Сейчас я сменю кассету, а записанную отдам Кларку, чтобы он передал ее дяде Тому. На всякий случай. Точнее, на тот случай, если Подди пустит пузыри в болоте. Но даже это гораздо лучше, чем оказаться соседкой Джоджо. Собственно, беспокоиться не о чем: Кларк вполне владеет положением.

— Если встретишь людей или вызовешь подмогу, скажи им, что после девяти часов сюда соваться не стоит.

— Почему?

— Не твое дело. Просто предупреди их.

— Но ты же отлично знаешь, что я не смогу остановить взрослых людей, если не приведу веской причины.

Он помешкал.

— Ладно. Надеюсь, полукилотонная бомба — достаточно веская причина. Дохлятина, конечно… но когда она рвется, лучше быть подальше. Значит, если они захотят обезвредить ее, то пусть поспешат. У него и в самом деле есть ядерная бомба! Я ЕЕ ВИДЕЛА!

Лежит себе под фальшивым дном… Те самые три килограмма, что так озадачили меня на Деймосе. Кларк объяснил мне, как она работает, но не сказал, как ее обезвредить. Спрашивала я его, спрашивала, но он знай себе помалкивал. Я поняла так: если у нас все получится, он вернется сюда с подмогой и обезвредит бомбу задолго до взрыва. Ну а если сорвется, он хочет прихватить с собой и миссис Грю.

Я попыталась объяснить ему, что это будет самосуд, что нельзя подменять собой закон.

— Какой еще закон? — спросил он. — Закон здесь ни при чем. Простая логика: все, что может делать группа, может делать и отдельное лицо.

Я не смогла опровергнуть его «логику» и попробовала просто уговорить его, но он разозлился.

— Может, тебе хочется посидеть в клетке на пару с Джоджо?

— Ну уж нет!

— Тогда прекрати валять дурака. Знаешь, Под, я все это придумал, когда сидел в баке. Я только потому и не спятил, что представлял в деталях, когда и как разнесу их в пыль.

Я, правда, усомнилась, что он не спятил, но придержала это при себе. Возможно, я просто плохо переношу всяческого рода кровопролития.

На что имеет моральное право группа, на то имеет моральное право и один человек… В этом должен быть какой-то логический изъян. Меня всегда учили, что человек не должен чинить самосуд и подменять собою закон. Но я не нахожу в этом выводе никакого изъяна, он больше похож на аксиому.

Попробуем перевернуть его. Если отдельный человек неправ, делая нечто, может ли это нечто стать правильным, если это делают много людей (правительство)? По общему согласию…

Мне кажется так: если что-то неправильно, его не сделаешь правильным, а голосование здесь ни при чем.

Посплю– ка я лучше… Правда, я не уверена, что сумею заснуть с атомной бомбой под кроватью.

ПОСТЛЮДИЯ

Кажется, заканчивать придется мне.

Подди уснула, как только повторила за мной, что должна делать. Я улегся на полу, но заснул не сразу. Подди у нас спокойная по натуре, я — другое дело. Я еще раз перебрал детали своего плана и кое-что додумал. Потом и меня сморило.

У меня в мозгу — биологический будильник, так что проснулся я именно тогда, когда было нужно, за час до рассвета.

Начав позже, мы рисковали бы встретить Джоджо. Начинать раньше тоже не было смысла, потому что было бы еще темно, а венерианские джунгли и днем полны опасностей. Я не хочу, чтобы Подди вляпалась во что-нибудь клейкое. Или чтобы кто-нибудь откусил ей ногу. Или чтобы это случилось со мной.

Выбор был невелик: или мы отважимся идти сквозь джунгли, или старуха убьет нас, когда ей заблагорассудится. В первом случае у нас оставался хоть какой-то шанс.

Я еле убедил Подди, что нас в самом деле могут убить.

Вообще– то, она не глупа, но тут я подумал, что

в голове у нее опилки вместо мозгов. Она просто не может представить, что на свете бывают настолько плохие люди, насколько это вообще возможно. Зло для нее -это когда я не слушаюсь.

Что до меня, то я вполне могу понять, как работают мозги у миссис Грю. Зло для меня — вполне конкретная категория.

Возможно, вы сделаете вывод, что я и сам полон зла. На доброе здоровье! Каким бы я ни был, старуху Грю я раскусил еще на «Трезубце»... когда Подди (и даже Герди!) считали эту пакостницу чуть ли не верхом совершенства.

Я не доверяю людям, которые смеются попусту. Не доверяю и тем, которые неизменно добродушны. Из всего этого так и прет фальшь. К тому же она жульничала даже в солитер.

Если уж приходится выбирать между джунглями и миссис Грю, я предпочитаю джунгли. Надеюсь, Подди согласна со мной.

Интересно, здесь ли водитель? С одной стороны, это было бы хорошо — можно свистнуть аэромобиль, а с другой — гадко: придется иметь дело с двумя вооруженными бандитами, а мы безоружны. Бомбу я не считаю: ее ведь не наставишь между глаз.

Прежде чем разбудить Подди, я разобрался с

этой крылатой квазиобезьяной, так называемой феей. Замечательно вредная тварь. Пистолета у меня не было, да оно и к лучшему: эти бестии знают, что это такое, и попасть в них трудно.

Зато в запасных башмаках у меня были стальные супинаторы, в манжетах — тугие резинки, а в карманах — несколько мелких стальных шариков.

Стоит соединить супинаторы, и получается стальная вилка. Добавьте хорошие резинки — и рогатка готова. И нечего тут смеяться: «песчаные крысы» предпочитают на охоте именно рогатку. Шума меньше и боеприпасы возвращаются к тебе.

Я хорошенько прицелился, приняв во внимание здешнюю силу тяжести, и прострелил фее грудную клетку. Она без единого звука упала с жердочки, а я треснул ей по черепу каблуком, да еще и повернулся на нем, чтобы отомстить за царапины на руке Подди. Детеныш начала вякать, и я запихал труп подальше в угол, а детеныша положил сверху. Он заткнулся. Хорошо, что я надумал в одиночку разобраться с этой тварью: у Подди насчет этих «фей» какой-то сентиментальный заскок, она, чего доброго, стала бы хватать меня за руки. Лучше уж так — тихо, чисто и быстро.

Подди все еще посапывала в подушку, а я разулся и на мягких лапах провел блиц-разведку.

Оказалась, что наша ведьма уже проснулась и достала свое помело. Выходило так, что Джоджо с минуты на минуту окажется на свободе. Насчет аэромобиля и водителя я так ничего и не узнал. Я быстренько вернулся и разбудил сестру.

— Под, — прошептал я. — Ты проснулась?

— Да.

— Совсем проснулась? Примемся за дело прямо сейчас. Кричи, но только громко и убедительно.

— Принято.

— Но сначала подсади меня вон на ту полку над дверью. Твоя рука выдержит?

Она кивнула, быстро выскользнула из постели и встала у двери. Я вспрыгнул ей на плечи, она чуть подтолкнула меня, и я мигом оказался на полке.

Подди выскочила за дверь и завопила:

— Миссис Грю! МИССИС ГРЮ!!! Помогите! Помогите! С моим братом творится что-то страшное!

Получилось убедительно. Почти сразу же она вбежала в комнату, а следом за ней, пыхтя, ввалилась миссис Грю.

Я спрыгнул ей на плечи, свалил на пол и выбил из руки пистолет. Она вздохнуть не успела — я

свернул ей шею.

Подди, надо отдать ей должное, действовала расторопно: подхватила пистолет, прежде чем он упал на пол. Я осторожно отобрал пистолет.

— Хватай свою сумочку, Подди! Мы уходим! Держись позади, но не отставай.

Оказалось, что Джоджо уже на свободе. Он стоял в гостиной и озирался, видимо, пытался понять, отчего такой шум. Я пристрелил его.

Ни водителя, ни аэромобиля не было. Я не знал, радоваться мне или горевать. Я уже настроился пристрелить и его, хотя могло выйти и наоборот. Жаль, что не было машины, она избавила бы нас от блуждания по джунглям.

Я хотел уже изменить наш план и вместе с Подди пойти на север, к кольцевой дороге. Наверное, так и следовало поступить.

Я решил отдать пистолет Подди — ей с ним будет спокойнее, а меня он только отвлечет от дороги. Я велел ей идти медленно и осторожно, но не останавливаться ни на минуту.

Оружие у нее в руке ходило ходуном.

— Кларк… — проговорила она. — Я же никогда ни в кого не стреляла.

— Авось не промахнешься, если придется.

— Наверное…

— Тут нет ничего трудного. Наставь пистолет и нажми на спуск. Лучше держи его обеими руками. И не пали попусту.

— Хорошо.

Я слегка шлепнул ее пониже спины.

— Вперед! До скорой встречи.

Двинулся и я. Один раз я обернулся, но Подди уже не было видно, она растворилась в тумане. Я быстро пошел на запад.

И заблудился самым позорным образом. Я думал, что вполне обойдусь без инерциала, но не тут-то было. Ветер был слишком слаб, чтобы уловить его направление, послюнявив палец, да и Солнца я не нашел, не помогли и поляризационные очки. По моим расчетам, я уже давно должен был выйти на кольцевую дорогу, но вместо этого все еще бродил по болоту, обходя открытую воду и стараясь не попасть на закуску какой-нибудь местной твари.

И тут вспыхнул ослепительный свет. Я рухнул ничком, закрыл голову руками и начал считать про себя.

Я легко отделался: взрывная волна обдала меня грязью, грохот был оглушительный, но настоящие неприятности меня не коснулись. Через полчаса меня подобрала полицейская машина.

Конечно, мне следовало бы обезвредить бомбу. Я так и хотел сделать, если все пройдет хорошо. Я предназначал ее для трюка «Самсон во храме», на самый крайний случай.

Наверное, нужно было отключить часовой механизм сразу же, как только я свернул шею старой гадине… но тогда нас мог застукать Джоджо, а ведь он был все еще под кайфом. Потом я был слишком занят, разбираясь с Джоджо и снаряжая Подди в путь. Честно говоря, я вспомнил о бомбе лишь отойдя от дома на пару сотен метров и не захотел возвращаться, даже если бы мог отыскать этот дом в густом тумане.

А вот Подди смогла. Похоже, она все-таки вернулась к дому. Ее нашли в тот же день. Она оказалась за пределами радиуса полного уничтожения, но ей капитально досталось от ударной волны.

С нею был живой детеныш феи, она прикрыла его своим телом, и он совсем не пострадал.

Вот поэтому я и думаю, что Подди возвращалась в дом.

Конечно, я не уверен, что это Ариэль. Она вполне могла подобрать его на болоте. Но дикий детеныш просто не дался бы ей в руки, а его предки разорвали бы ее в клочья.

Наверное, она с самого начала решила спасти Ариэля, но помалкивала. Помните, я говорил о сентиментальных заскоках?

Подди знала, что взрослую фею придется убить, и ни словом не возразила. Она умеет пользоваться разумом, когда это совершенно необходимо. А потом она просто забыла захватить его, как я забыл обезвредить бомбу. Потому-то она и вернулась.

Она где– то потеряла инерциал; по крайней мере, ни при ней, ни рядом его не нашли. И пистолет, и сумочка были с ней, а инерциал она, надо думать, уронила в трясину. Но у нее оставалась еще масса времени. Даже если она возвращалась к дому, она успела бы отойти километров на десять. Вероятно, она потеряла прибор в самом начале и все время ходила по кругу.

Я рассказал обо всем дяде Тому и готов был повторить все полиции, мистеру Куне и так далее, готов был принять любое наказание. Но дядя Том велел мне помалкивать. Он согласился с тем, что я здорово напортачил. Равно как и он сам, и все остальные. Он обращался со мною вежливо, даже, пожалуй, нежно. Я бы предпочел, чтобы он меня выдрал.

Мне очень жаль Подди. Конечно, она достав-

ляла мне массу хлопот, пыталась командовать и была вопиюще нелогичной, но я все равно очень ее жалею.

Хотел бы я научиться плакать.

В сумочке у нее нашли магнитофон и кое-что из записей удалось разобрать.

«…куда я собираюсь, очень темно, — говорит она. — Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе. Помни об этом, Кларк, это важно. Все нуждаются в заботе. Моя опора — Святой Подкейн! Святой Подкейн, ты слышишь меня? Дядя Том, Па, мама… слышит меня кто-нибудь? Послушайте, это очень важно. Я люблю…»

На этом запись обрывается. Никто не знает, о чем она хотела сказать, кого или что она любила.

Может быть, всех.

Теперь я здесь один. Мистер Куна задержал «Трезубец», пока не выяснилось, поправится Подди или умрет. Потом дядя Том улетел, а я остался в Венусбурге один. Конечно, если не считать кучи детективов и медсестер, Декстера Куны, который днюет и ночует в госпитале, и целого взвода охраны. Я никуда не могу выйти без охранника за спиной, а в казино меня и вовсе не пускают. Впрочем, меня туда и не тянет.

Я подслушал кусочек разговора дяди Тома с отцом. Вернее сказать, я услышал только монолог дяди Тома, поскольку отца не было слышно, да и разговор шел с двадцатиминутными паузами.

— Глупости, сэр! — говорил дядя Том. — Я не уклоняюсь от ответственности и не снимаю с себя вины. Она будет лежать на мне вечно. Но я не могу дожидаться вас здесь, и вы знаете, почему. Дети будут в большей безопасности с мистером Куной, нежели со мной… это вы тоже знаете. Сейчас я скажу вам кое-что полезное, а вы, сэр, извольте передать это вашей супруге. Людям, которые пускают воспитание на самотек, вообще не стоит заводить детей. Вы вечно утыкаетесь в книгу, ваша жена носится бог знает где, а ваша дочь едва не погибла. Не ваша и не моя заслуга, что она осталась в живых. Просто повезло. Скажите вашей супруге, сэр, что строить корабли и станции в космосе и на планетах — хорошее дело, но у женщины есть и другие, более важные занятия. Когда-то, много лет назад, я уже говорил вам об этом… и мне было предложено заниматься своими делами. Сейчас самое время напомнить вам об этом. С Подди все будет хорошо, я уверен, хотя в этом и нет никакой вашей заслуги. Я опасаюсь за Кларка… Бог может помочь вам… если

вы сами поспешите. Смотрите, не опоздайте! А теперь — конец связи!

Я мигом растворился в деревянной панели и дядя Том меня не заметил. Но почему он опасается за меня? Я совершенно не пострадал, и он это отлично знает. На мне нет даже ни одного ожога, просто перемазался с головы до ног… а вот Подди все еще опутана проводами и трубками, словно люлька в яслях.

Хоть убейте, не пойму, что он имел в виду.

Я ухаживаю за маленькой феей. Когда Подди начнет замечать окружающих, она захочет ее увидеть. Она всегда была сентиментальной. Со зверьком много возни, он часто плачет, вот и приходится мне его нянчить, чтобы он не чувствовал себя одиноким.

Часто он будит меня среди ночи. Наверное, он думает, что я — его мать. Я не против, других занятий у меня мало.

Похоже, я ему нравлюсь.

Роберт Хайнлайн
«Астронавт Джонс»

Джиму Смиту, моему другу

Глава 1
ТОМАГАВК

Макс любил это время года, это время дня. Урожай уже убран, можно пораньше покончить со своими вечерними делами и расслабиться, побездельничать. Вычистив свинарник и покормив кур, он не пошел ужинать, а вместо этого поднялся по тропинке на холм к западу от амбара и улегся на траву, не обращая никакого внимания на прыгавших вокруг блох. У него была с собой книга, взятая в прошлую субботу в местной библиотеке, бонфортовские «Твари небесные: Путеводитель по экзотической зоологии», но он ее просто положил себе под голову вместо подушки. Голубая сойка начала было высказывать свои сомнения в отношении порядочности его поведения, но, не получив ответа, заткнулась. Рыжая белка замерла на пне и уставилась на него. Поглазев немного, она снова принялась таскать в дупло орехи.

Макс смотрел на северо-запад. Он любил это место потому, что отсюда были видны стальные опоры и направляющие кольца магнитной

дороги Чикаго-Спрингфилд-Земпорт. Дорога появлялась из отверстия в склоне справа от него. В самом отверстии можно было видеть направляющее кольцо — здоровенный, футов двадцати в диаметре, стальной обруч. Пара ходулеобразных опор поддерживала другое кольцо футах в ста от первого. Третье и последнее справа кольцо находилось к западу от него. Склон там еще круче спускался в долину, поэтому опоры этого кольца были высотой футов в сто с лишком. На половине высоты этого кольца была видна силовая антенна, направленная поперек провала.

Слева от него, на дальнем краю провала, опять шли направляющие кольца ЧСЗ-дороги. Входное кольцо было побольше из-за возможного сноса поезда в сторону ветром; на его опорах была приемная силовая антенна. Этот склон был круче, еще одно кольцо — и дорога опять исчезала в туннеле. Макс читал, что на Луне входные кольца были не больше остальных: там никогда нет ветра, отклоняющего поезд. Когда он был ребенком, это кольцо было чуть поменьше, и однажды, во время жуткого урагана, поезд в него ударился. Произошло невероятное крушение, погибло больше четырех сотен людей. Сам он этого не видел, а отец не разрешил ему и потом сходить

посмотреть. Из-за всех этих трупов. Однако след крушения и по сию пору был виден на левом склоне — пятно зелени, более темной, чем вся остальная.

Он смотрел на проходящие поезда всегда, когда была такая возможность. Ничего плохого он пассажирам не желал, — но все равно, если уж случится вдруг катастрофа, не хотелось бы снова ее пропустить.

Макс не спускал глаз с отверстия туннеля: «Томагавк» должен был появиться с минуты на минуту. Неожиданно отверстие озарилось серебристым сиянием, затем из него вылетел сверкающий цилиндр с острым, как игла, носом. Словно яркая вспышка, он промелькнул сквозь последнее кольцо, а затем — от этого перехватывало дыхание — какие-то мгновения находился в свободном полете между двумя обрывами. Чуть ли не быстрее, чем Макс смог перевести взгляд, летящий поезд вошел в кольцо на другой стороне лощины и исчез в горе. И только тогда дошел звук.

Это было как удар грома, раскатившийся между горных склонов. Макс схватил воздух разинутым ртом.

— Ни фига себе! — тихо сказал он. — Вот это

да! — Невероятное зрелище и звуковой удар каждый раз производили на него одно и то же впечатление.

Макс слышал, что для пассажиров поезд был совершенно бесшумным, так как все звуки от него отставали, но в точности он этого не знал. Ведь он никогда не летал на таком поезде и, с работой на ферме и мамочкой, вряд ли сможет когда-нибудь в будущем.

Он сел и открыл книгу, держа ее так, чтобы не терять из виду юго-западное небо. Через семь минут после пролета «Томагавка» он, если вечер был ясным, наблюдал запуск ежедневного лунного корабля. До космодрома в Земпорте было довольно далеко, так что зрелище получилось куда менее драматичным, чем прыжок магнитного поезда с расстояния в какие-то сотни ярдов, но именно посмотреть на этот корабль он и пришел сюда. Магнитные поезда, конечно, были очень интересны, но космические корабли были его страстью — даже такие игрушечные, как лунный челнок.

Однако только он нашел место, где остановился, — описание крайне разумных, но флегматичных ракообразных с Эпсилона Кита-IV, — как его отвлек оклик откуда-то сзади.

— Эй, Макси! Максимиллиан! Мак-си-миль-ян!

Он замер и ничего не отвечал.

— Макс! Я же тебя вижу, Макс, иди сюда сию же секунду, ты слышишь меня?

Макс что-то пробормотал себе под нос и поднялся на ноги. Он медленно спускался по тропинке, оглядываясь на небо. Потом все поле его зрения заслонил сарай. Мамочка вернулась, и никуда уж тут не денешься — если он не явится и не сделает, что от него требуется, она сумеет отравить ему жизнь. Когда сегодня утром она уезжала, у него было такое ощущение, будто ее не будет по крайней мере до следующего утра. Не то чтобы она сама так сказала — мамочка никогда этого не делала, — но он научился распознавать признаки. И вот теперь ему придется выслушивать ее нытье и ее мелочные сплетни вместо того, чтобы почитать. А то, что ничем не лучше, его будет отвлекать какой-нибудь из ее обожаемых слюнявых сериалов по стереовидению. Ему не раз приходилось бороться с соблазном поломать проклятый СВ — и сделать это всерьез, топором. Сам он почти никогда не имел возможности посмотреть интересную для себя передачу.

Подойдя к дому, он вдруг остановился. Он-то думал, что мамочка прикатила на автобусе из

Углов и, как обычно, прошла остаток пути пешком. Но сейчас около веранды стоял щегольской уницикл — и к тому же она была не одна.

Сначала он подумал, что это «иностранец», но, подойдя поближе, узнал нежданного гостя. Макс гораздо охотнее повстречался бы даже с иностранцем, любым иностранцем. Бифф Монтгомери был местным, правда, он не работал на ферме. Макс не припоминал, чтобы хоть раз в жизни видел Биффа, занятого честным трудом. Говорили, что Монтгомери иногда нанимали охранником самогонщики, когда один из их аппаратов еще действовал где-то там, в горах. Вполне возможно — Монтгомери был здоровый, плотный мужчина, и эта роль вполне ему подходила.

Макс знал Монтгомери с незапамятных времен, часто видел, как тот толкался около Клайдовских Углов. Но обычно он не обращал на Монтгомери никакого внимания и не имел с ним никаких дел — до последнего времени: мамочку стали все чаще замечать в его компании, она даже стала ходить с ним на танцы, которые устраивались в сараях и кукурузных лущильнях. Макс несколько раз пытался сказать ей, что покойному отцу это не очень бы понравилось. Да разве может кто-нибудь спорить с мамочкой — она просто не

слышит того, чего не хочет слышать.

Но домой она притащила его впервые. Макс почувствовал, что в нем разгорается ярость.

— Поскорее, Макси! — крикнула мамочка. — Да не стой ты там, как чурбан. — Макс неохотно двинулся дальше и подошел к ним. — Макси, пожми руку своему новому отцу, — пропела мамочка и шаловливо глянула на него, словно выдала нечто очень остроумное.

Макс тупо уставился на нее, от удивления открыв рот.

Монтгомери ухмыльнулся и выставил свою клешню.

— Ага, Макс, ты теперь Макс Монтгомери — я твой новый папаша. Но ты все равно можешь называть меня Монти.

Макс уставился на руку, а затем, очень неохотно, пожал ее.

— Моя фамилия Джонс, — сказал он без всякого выражения.

— Макси, — протестующе воскликнула мамочка.

Монтгомери жизнерадостно расхохотался.

— Да не торопи ты его так, Нелли, лапочка. Пусть Макс попривыкнет к этому. Живи сам и давай жить другим — вот мой девиз. — Он

повернулся к своей жене. — Подожди, пока я возьму багаж. — С одного багажника уницикла он снял тюк скомканной одежды, а с другого — две плоские пинтовые бутылки. Заметив, что Макс наблюдает за ним, он подмигнул и сказал: — Тост за новобрачную.

Упомянутая новобрачная стояла около двери, и он попытался проскользнуть мимо нее. Та запротестовала:

— Но как же это, Монти, дорогой, разве ты не собираешься…

Монтгомери остановился.

— Совсем позабыл, у меня ведь мало опыта в таких делах. Конечно же. — Он повернулся к Максу. — Возьми все это хозяйство, — и сунул ему тюк и бутылки. Потом он подхватил мамочку на руки, что-то хрюкнув при этом, перенес ее через порог, снова поставил на ноги и поцеловал. Она тем временем повизгивала и краснела. Макс молча прошел вслед за ними, положил принесенное на стол и отвернулся к плите. Плита совсем остыла, он не пользовался ею со времени завтрака. Была еще и электрическая плита, но она перегорела еще при жизни отца, а денег на починку так и не нашлось. Он вытащил из кармана складной нож, настрогал щепок, добавил растопки и поднес к

получившейся кучке зажигалку. Когда пламя разгорелось, он вышел с ведром за водой.

Когда он вернулся, Монтгомери сказал ему:

— Не мог понять, куда это ты пошел. Неужели в этой мусорной куче нет даже водопровода?

— Нет. — Макс поставил ведро на пол и подложил в огонь пару поленьев ватного дерева.

Мамочка сказала:

— Макси, у тебя уже должен был быть готов обед.

Монтгомери благожелательным голосом вмешался в разговор:

— Ну успокойся, дорогая, он же не знал, что мы приедем. И к тому же это дает время для тоста.

Макс стоял, повернувшись к ним спиной, и уделял все свое внимание нарезанию грудинки. Перемена была столь ошеломляющей, что ему пока еще не хватило времени полностью ее осознать.

— Эй, сынок! Подними стакан за новобрачную! — окликнул его Монтгомери.

— Мне надо готовить ужин.

— Чепуха! Вот твой стакан. Быстренько!

Монтгомери налил в стакан на палец янтарно-желтой жидкости; его собственный стакан был наполнен до половины, а у новобрачной по

крайней мере на треть. Макс взял свой стакан, подошел к ведру и черпаком долил в него воды.

— Ты же только испортишь!

— Я к этому не привык.

— Ну ладно. Ну, значит, за зардевшуюся новобрачную и всю нашу счастливую семейку! Пей до дна!

Макс осторожно хлебнул из стакана и отставил его. По вкусу это напоминало горькую микстуру, которую давала ему как-то весной окружная врачиха. Он вернулся к своему прерванному занятию, но Монтгомери опять окликнул его.

— Эй, как это, ты же не допил.

— Послушайте, мне надо готовить ужин. Вы же не хотите, чтобы все подгорело, правда?

— Ну что же, — пожал плечами Монтгомери, — тем больше останется нам. Это твое хозяйство мы используем на запивку. Знаешь, сынок, когда я был в твоем возрасте, я мог опрокинуть полный стакан, а потом сделать стойку на руках.

Макс собирался поужинать грудинкой и разогретыми оладьями, но их осталось только полсковородки. Он поджарил яичницу на жире от грудинки и сварил кофе, этим и ограничился. Когда они сели ужинать, Монтгомери оглядел поданные блюда и громко объявил:

— Лапочка, я надеюсь, что начиная с завтрашнего дня ты сумеешь делом подтвердить все то, что наговорила мне про свои кулинарные таланты. Твой парень — совсем никудышный повар.

Несмотря на эти слова, он поел от души. Макс решил не говорить ему, что он готовит лучше, чем мамочка; Монти очень скоро и сам это обнаружит.

В конце концов Монтгомери отодвинулся от стола, вытер рот, налил себе еще кофе и закурил сигару. Тогда мамочка вопросила:

— Макси, дорогой, а что будет на десерт?

— Десерт? Ну — в холодильнике есть то мороженое, что осталось после Дня Солнечного Союза.

— Ой, господи! — хихикнула мамочка. — Боюсь, что его там нет.

— Что?

— Ну, боюсь, что я вроде его съела как-то вечером, когда ты был на южном поле. Был такой жутко жаркий день!

Макс не ответил ничего, он совсем не удивился. Но мамочка не унималась.

— Ты что, не приготовил ничего на десерт, Макс? Но ведь сегодня такой особенный день.

Монтгомери вытащил сигару изо рта.

— Заткнись, лапочка, — сказал он ласково. — Я

не слишком люблю сласти, я больше насчет мяса и картошки — это нарастает на кости. Поговорим лучше о более приятных вещах. — Он повернулся к Максу. — Макс, что ты еще умеешь делать, кроме как копаться на ферме?

— Чего? — удивился Макс. — Я никогда не делал ничего другого. А что?

Монтгомери стряхнул пепел с сигары на тарелку.

— Просто мы покончили с работой на ферме.

Второй раз за последние два часа Макс услыхал новость, которую не смог сразу переварить.

— Как это? Что вы имеете в виду?

— А вот так, что мы продали ферму.

У Макса появилось такое ощущение, словно из-под его ног выдернули ковер. Однако по выражению мамочкиного лица он понял, что это правда. У нее всегда был такой вид, когда она ему устраивала что-нибудь подобное — торжествующий, но слегка настороженный.

— Отцу бы это не понравилось, — резко сказал Макс. — Эта земля принадлежит нашей семье уже четыре сотни лет.

— Ну, Макси! Я же говорила тебе, не знаю сколько раз, что я не создана для деревенской жизни. Я выросла в городе.

— Клайдовские Углы! Тоже мне город!

— Но все равно это не ферма. И я была совсем юной девушкой, когда твой папаша привез меня сюда — а ты был уже большим парнем. Передо мной еще вся жизнь. Не могу же я прожить ее, похоронив себя на ферме.

— Но ты же обещала отцу, что… — прибавил громкости Макс.

— Заткнись, — оборвал его Монтгомери. — И постарайся говорить повежливее, когда обращаешься к своей матери — и ко мне.

Макс замолчал.

— Земля продана, и нечего больше об этом спорить. А как ты думаешь, сколько стоит этот участок?

— Ну, по правде говоря, я никогда не задумывался об этом.

— Что бы ты ни думал, я получил больше. — Он подмигнул Максу. — Да, сэр. Твоей мамаше дико повезло в тот день, когда она обратила на меня внимание. Я ведь такой человек, что на три фута в землю вижу. Я же знаю, чего это тут появился агент, скупающий эти бесплодные, не имеющие никакой ценности огрызки недвижимости. Я…

— Я использую предоставляемые правительством удобрения.

— Я сказал «никакой ценности», и они не имеют никакой ценности. В смысле, для сельского хозяйства. — Он ухмыльнулся с видом большого пройдохи и объяснил. Судя по его словам, был намечен большой правительственный проект, для которого были выбраны как раз эти места. Монтгомери изъяснялся про все это крайне таинственно, из чего Макс заключил, что знает он очень мало. Некий синдикат втихую скупал землю, надеясь содрать за нее побольше с правительства. — Так что мы получили с них раз в пять больше, чем они собирались платить. Совсем неплохо, правда?

Тут в разговор встряла мамочка.

— Вот видишь теперь, Макси? Если бы твой папаша узнал, что мы когда-нибудь сумеем получить…

— Смолкни, Нелли!

— Но я только хотела сказать ему, сколько…

— Я же сказал «смолкни».

Она замолчала. Монтгомери отодвинул стул, засунул в рот сигару и встал. Макс поставил греться воду для мытья посуды, соскреб объедки с тарелок и отнес их курам. Он провел во дворе порядочное количество времени, глядя на звезды и пытаясь собраться с мыслями. Неожиданная

перспектива иметь Биффа Монтгомери в семье потрясла его до глубины души. Интересно, какие права имеет отчим или, скорее, двоюродный отчим, человек, женившийся на его мачехе. Этого он не знал.

В конце концов Макс решил, что надо вернуться в дом, как бы ни было ему это противно. Он увидел, что Монтгомери стоит у книжной полки, которую он приспособил над стереоприемником; этот тип лапал его книги и сложил несколько из них стопкой на приемнике.

— Вернулся? — оглянулся Монтгомери. — Не уходи пока никуда, я хочу, чтобы ты мне рассказал кое-что относительно вашей живности.

В двери появилась мамочка.

— Дорогой, — пропела она, — неужели все это не может подождать до утра?

— Не торопись, радость моя, — отмахнулся Монтгомери. — Этот самый аукционер появится здесь завтра, прямо с утра. Мне нужно иметь к этому времени опись. — Он продолжал вытаскивать книги с полки. — Гляди-ка, а вот это — отличные штуки. — У него в руках было полдюжины томиков, напечатанных на самой тонкой бумаге и переплетенных в гибкий пластик. — Интересно, сколько они стоят? Нелли, дай-ка мне мои очки.

Макс торопливо подскочил к нему и протянул руку к книгам.

— Это мои!

— Чего? — Монтгомери глянул на него, а затем поднял книги высоко в воздух. — Ты слишком молод, чтобы у тебя было что-нибудь свое. Нет, загоним все. Вымести все дочиста и начать жизнь с чистой страницы.

— Они мои! Мне их подарил дядя. — Он воззвал к мачехе. — Скажи ему, мамочка!

— Слушай, Нелли, — ровным голосом процедил Монтгомери, — приведи-ка ты в порядок этого мальчишку, чтобы мне не пришлось заниматься его воспитанием.

Нелли озабоченно наморщила лоб.

— Ну, по правде говоря, я и не знаю. Они принадлежали Чету.

— А Чет был твоим братом? Тогда ты и есть наследница Чета, а не этот щенок.

— Он не был ее братом, он был ее шурином!

— Ах так? Это не важно. Твой отец был наследником твоего дяди, а твоя мать — наследница отца. А не ты, так как ты еще несовершеннолетний. Такой уж, сынок, закон. И ничего тут не поделаешь. — Он поставил книги на полку, но остался стоять между ними и Максом.

Макс почувствовал, как его верхняя губа начала непроизвольно дергаться; он знал, что не сможет говорить членораздельно. Его глаза затуманились от слез, он едва различал ненавистную жуликоватую морду «отчима».

— Вы… ты вор.

— Макс! — взвизгнула Нелли.

На лице Монтгомери появилось выражение холодной ярости.

— А вот это уже чересчур. Боюсь, что теперь ты вполне заслужил ремня. — Его пальцы начали расстегивать тяжелый пояс.

Макс на шаг отступил. Монтгомери вытащил ремень и сделал шаг вперед.

— Монти! — еще громче взвизгнула мамочка. — Я прошу тебя!

— Не лезь не в свое дело, Нелли, — оборвал ее Монтгомери, а Максу сказал: — Мы должны раз и навсегда установить, кто тут старший. Извинись.

Макс не отвечал.

— Извинись, — повторил Монтгомери, — и мы про это забудем.

Он помахивал ремнем, как кот хвостом. Макс отступил еще на один шаг. Монтгомери сделал шаг вперед и попытался его схватить.

Макс увернулся и через открытую дверь выбежал в темноту. Он не останавливался, пока не уверился, что никто за ним не гонится. Потом, все еще кипя яростью, он перевел дыхание. Он уже почти жалел, что Монтгомери не погнался за ним; он не думал, что кто-нибудь сумеет совладать с ним в темноте в его родном дворе. Он знал, где сложены дрова, а Монтгомери не знал; и где тут лужа, в которой купаются свиньи. И он знал, где тут колодец, — даже это, если уж на то пошло.

Прошло довольно много времени, пока Макс достаточно успокоился для того, чтобы думать рационально. Теперь он был рад, что все так легко кончилось. Монтгомери был значительно тяжелее его и, по слухам, дрался отчаянно.

Если это действительно уже кончилось, — поправил он себя. Он думал, решит ли Монтгомери к утру позабыть обо всем. В комнате все еще горел свет; он укрылся в сарае и ждал, сидя на земляном полу, прислонившись спиной к дощатой стене. Через некоторое время Макс почувствовал страшную усталость. Он подумал, не лечь ли спать прямо в сарае, но тут не было подходящего места, чтобы лечь, даже при том, что старый мул сдох. Тогда, вместо этого, он встал и посмотрел на дом.

Свет в комнате погас, но был виден в спальне;

конечно же, они еще не уснули. Кто-то прикрыл дверь после его бегства; она не запиралась, так что попасть внутрь можно было без труда, но он боялся, что Монтгомери услышит. Его собственной комнатой была небольшая пристройка, добавленная к кухонному концу главной комнаты, напротив спальни. Однако у нее не было наружной двери.

Не важно, он решил эту проблему давно, когда вырос достаточно для того, чтобы уходить и приходить ночью, не спрашивая разрешения у старших. Он крадучись обошел дом, нашел козлы для пилки дров, поставил их под окном, забрался на них и вытащил гвоздь, удерживавший раму. Мгновение спустя он беззвучно спустился с подоконника в свою комнату. Дверь в главную комнату была закрыта, однако он решил все равно не рисковать и не включать свет: Монтгомери может зачем-нибудь выйти в комнату, и тогда он увидит свет в щели под дверью. Макс тихо выскользнул из одежды и забрался на кровать.

Сон не шел. Один раз он начал было ощущать теплую дремоту, но затем какой-то еле слышный звук вырвал его из этого состояния. Вероятно, это была просто мышь, но на какое-то мгновение ему показалось, что это Монтгомери стоит над его

кроватью. С колотящимся сердцем он сел на край постели, все еще совершенно раздетый.

Перед ним стояла проблема, что же теперь делать — не только в следующий час, не только завтра утром, но и следующим утром, и каждым утром после этого. Сам по себе Монтгомери не представлял проблемы; он не остался бы по своей воле даже в одном округе с этим человеком, но как же мамочка?

Когда отец уже знал, что умирает, он сказал ему:

— Позаботься о своей матери, сынок.

Что ж, он так и делал. Каждый год он собирал урожай — в доме была еда и даже деньги, пусть и совсем немного. Когда сдох мул, он и с этим справился: одолжил упряжку у Макалистера и расплатился собственной работой.

Однако имел ли отец в виду, что он должен заботиться о своей мачехе, даже если она снова выйдет замуж? Ему как-то никогда не приходило в голову подумать об этом. Отец велел ему позаботиться о ней, и так он и делал, хотя пришлось бросить школу и конца этому не было видно.

Но ведь она больше не миссис Джонс, она теперь миссис Монтгомери! Имел ли отец в виду, что он обязан заботиться о миссис Монтгомери?

Конечно же, нет! Если женщина выходит замуж, о ней заботится муж. Это все знают. И отец, конечно же, не ожидал от него, что он станет противостоять Монтгомери. Макс встал, сразу приняв решение.

Оставался единственный вопрос — что взять с собой. Брать было почти нечего. В темноте, на ощупь, он нашел рюкзак, которым пользовался при вылазках на охоту, и запихнул в него носки и вторую рубашку. К этому он добавил круглую астронавигационную линейку дяди Чета и кусок вулканического стекла, который дядя прихватил на Луне. Удостоверение личности, зубная щетка и отцовская бритва — не то чтобы она слишком часто была ему нужна — почти закончили его поспешные сборы.

За кроватью была плохо прибитая доска. Он нащупал ее, оторвал, пошарил в отверстии и не нашел ничего. В этом месте он иногда припрятывал немного денег на черный день, так как мамочка то ли не умела, то ли не хотела экономить. Видимо, она успела найти этот тайник при одном из своих обысков. Ничего не поделаешь, уходить все равно надо; хотя пропажа денег немного все усложнила.

Макс вдруг вспомнил, у него даже перехвати-

ло дыхание. Ведь было то, что он просто обязан взять с собой. Книги дяди Чета. И они (по-видимому) все еще стоят на полке, которая висит на общей со спальней стене комнаты. Но он обязан взять их, даже рискуя при этом наткнуться на Монтгомери.

Очень осторожно, очень медленно он открыл дверь в комнату и стоял на пороге, обливаясь потом. В щели под дверью спальни все еще виднелся свет, Макс помедлил еще, с трудом заставляя себя двигаться дальше. Монтгомери пробормотал что-то, непонятное отсюда, а мамочка хихикнула.

Когда глаза Макса привыкли к полумраку, он рассмотрел в слабом свете, сочившемся из-под двери, что у наружной двери что-то нагромождено. Это была куча кастрюль и сковородок, которая устроила бы страшный грохот при любой попытке открыть дверь. Очевидно, Монтгомери ожидал, что мальчик вернется домой, и был наготове, чтобы тут-то с ним и разделаться. Макс очень обрадовался, что прокрался домой через окно.

Медлить дальше смысла не было — он прокрался через комнату, ни на секунду не забывая о скрипучей половице рядом со столом. Рассмотреть что-либо было невозможно, но он хорошо

знал свои книги на ощупь. Он осторожно вытащил их, стараясь не уронить остальные.

Макс прошел уже весь обратный путь к двери своей комнаты, когда вспомнил про библиотечную книгу. И остановился, покрывшись от страха холодным потом.

Он не мог снова пройти этот путь. На этот раз они могут его услышать. Или Монтгомери встанет попить воды, или еще что-нибудь.

Но в его очень ограниченном кругозоре воровство библиотечной книги — или ее невозвращение, что то же самое, — было если уж не смертным грехом, то, по крайней мере, одним из первых пунктов списка постыдных поступков. Он стоял на месте, обливаясь потом и размышляя.

Потом он проделал снова весь этот путь, осторожно обойдя скрипучую доску и катастрофически позабыв о другой такой же. Наступив на нее, он застыл. Однако, очевидно, звук не встревожил парочку в спальне. Наконец он перегнулся через СВ-приемник и начал шарить на полке.

Монтгомери не только перелапал, но и переставлял все книги, так что Максу пришлось вынимать их одну за другой и пытаться разобраться в них на ощупь, открывая каждую и отыскивая библиотечную перфорацию титуль-

ного листа.

Она оказалась четвертой из ощупанных им книг. Макс вернулся в свою комнату, двигаясь очень медленно и осторожно, с трудом сдерживая желание двигаться побыстрее. Потом его начало трясти, и пришлось переждать, пока это пройдет. Он опять не решился испытывать судьбу, закрывать дверь и включать свет, — а вместо этого оделся в темноте. Еще через несколько мгновений он вылез в окно, нащупал босыми ногами козлы и бесшумно спрыгнул на землю.

Ботинки лежали в рюкзаке на самом верху, и он решил не вынимать их оттуда, пока не отойдет подальше от дома. Он опасался шума, который могли произвести обутые ноги. Он обогнул дом по широкой дуге и оглянулся назад. Свет в спальне все еще горел; Макс стал срезать угол, выходя на дорогу, и вдруг заметил уницикл Монтгомери. И остановился.

Пройдя дальше, он выйдет на дорогу, по которой ходит автобус. Повернет ли он налево или направо, у Монтгомери будут шансы пятьдесят на пятьдесят догнать его на уницикле. Двигаться предстояло на своих двоих — денег на автобус у него не было.

Ерунда это все. Монтгомери и пробовать не

станет вернуть его домой. Скажет: скатертью дорожка, — и тут же из головы выкинет.

Но все-таки мысль эта его тревожила. А что, если мамочка уговорит Монтгомери? А что, если Монтгомери не сможет забыть оскорбление и не пожалеет трудов, чтобы с ним посчитаться?

Он вернулся и, снова держась подальше от дома, пошел по склону холма в направлении правого участка ЧСЗ-дороги.

Глава 2
ДОБРЫЙ САМАРИТЯНИН

Макс хотел бы, чтобы было светло, но и темнота не слишком его беспокоила. Он прекрасно знал эти места, каждый холмик, чуть ли не каждое дерево. Он держался высоких мест, передвигаясь с холма на холм, пока не добрался до выходного кольца, откуда поезда перепрыгивали через долину. Здесь он вышел на служебную дорогу, которой пользовался обслуживающий персонал магнитной дороги. Тогда он сел на землю и обулся.

Служебная дорога была просто тропой, шедшей сквозь лес по просеке. Эта тропа годилась для гусеничного транспорта, но не для колесных машин. Она спускалась в долину, а затем поднималась и проходила немного ниже того места, где магнитная дорога скрывалась в дальнем обрыве. Макс пошел по служебной тропе не спеша, но быстро, легкой, свободной походкой прирожденного горца.

Через семнадцать минут он пересек долину и оказался под входным кольцом. Он прошел дальше, пока не приблизился к кольцу, располо-

женному прямо в черневшем зеве туннеля. Здесь он остановился на — по его расчету — безопасном расстоянии и снова оценил свои шансы на успех.

Обрыв был высоким, иначе кольца установили бы не в туннеле, а в выемке. Он часто охотился здесь и знал, что для подъема на обрыв потребовалось бы часа два — при дневном свете. В то же время вспомогательная дорога проходила прямо сквозь гору, под кольцами. Весь путь по ней займет не больше десяти-пятнадцати минут.

Макс никогда не проходил сквозь обрыв. Это было строго запрещено и преследовалось по закону. Не то чтобы запрещение сильно беспокоило Макса, он и так уже находился на запретной территории. Дело было в другом. Иногда свинья или какое-нибудь дикое животное забредали в туннель и не успевали выбраться оттуда до прохода поезда. Они погибали — мгновенно и без единой царапины. Как-то Макс высмотрел в туннеле совсем неподалеку от входа погибшую лису. Он быстро сбегал и вытащил ее. На ней не было никаких внешних повреждений, но когда он снимал шкуру, то увидел, что ее тело представляло собой сплошную массу мелких кровоизлияний. Несколько лет тому назад какой-то человек был «пойман» поездом внутри туннеля — и дорожные

рабочие извлекли труп.

Туннель был шире, чем кольцо, но ненамного — только чтобы позволить поезду двигаться, обгоняя свою собственную ударную волну, отраженную от стенок. Ничто живое, попавшее в туннель, не могло избежать этой волны; этот непереносимый громовой раскат, от которого даже на порядочном расстоянии болели уши, был заряжен такой энергией, что вблизи обозначал неминуемую мгновенную смерть.

Однако Максу совсем не хотелось карабкаться по обрыву; он прокручивал в уме ночное расписание поездов. Тот, за которым он наблюдал на закате, назывался «Томагавк»; прохождение «Джавелина» он слышал тогда, когда прятался в сарае. И «Ассегай» тоже должен был пройти уже довольно давно, хотя он его вроде бы и не слышал. Оставался полуночный «Кинжал». Макс посмотрел на небо.

Венера, конечно же, уже ушла за горизонт. Однако, к его удивлению, Марс все еще стоял на западе. Луны не было. Попробуем вспомнить — полнолуние было в прошлую пятницу. Конечно же…

Получавшийся ответ казался ошибочным, поэтому он дополнительно проверил себя, тща-

тельно оценив положение Веги и сравнив его с тем, что ему говорило положение ковша Большой Медведицы. Тогда он тихо присвистнул — несмотря на всю уйму происшедших событий, сейчас было всего еще только десять часов, плюс минус пять минут; звезды никогда не ошибаются. В таком случае «Ассегай» будет не раньше, чем через три четверти часа. Если не брать в расчет какой-нибудь специальный поезд, вероятность которого крайне мала, у него была уйма времени.

Макс направился прямо в туннель. Пройдя ярдов пятьдесят, он уже пожалел о своем поступке и даже немного запаниковал; здесь было темно, как в могиле. Зато идти здесь было гораздо легче, стенки туннеля были совершенно гладкими, так как ничто не должно мешать прохождению ударной волны. После нескольких минут торопливого, хотя и на ощупь, продвижения по туннелю, когда глаза его адаптировались к полной темноте, он различил впереди еле заметный серый круг. Тогда он побежал — сначала рысцой, а затем, подгоняемый страхом перед этим местом, — со всех ног.

Когда Макс достиг выхода, сухое горло его горело, а сердце колотилось как сумасшедшее;

потом он бросился вниз по склону, не обращая внимания на то, что почва под ногами сразу стала хуже, когда он покинул туннель и побежал по служебной тропе. Он не замедлял своего бега, пока не оказался около опоры кольца, опоры такой высокой, что кольцо, которое она поддерживала, казалось снизу совсем маленьким. Здесь он остановился и попытался справиться со своим дыханием.

Что-то ударило его сзади и сшибло с ног.

…Он поднялся, ничего не понимая и шатаясь, как пьяный. Постепенно он вспомнил, где находится, и понял, что на какое-то время потерял сознание. Одна из его щек была в крови, ладони и локти ободраны. Только рассмотрев все это, он осознал, что случилось: над ним пролетел поезд.

Поезд пролетел не так близко от Макса, чтобы убить его, однако достаточно близко, чтобы ударная волна сбила его с ног. Это никак не мог быть «Ассегай»; он поглядел на звезды и снова убедился в этом. Нет, это был специальный, дополнительный, — и Макс выбежал из туннеля всего за какую-то минуту до него.

Тогда его затрясло, и прошло много минут, прежде чем он взял себя в руки. Потом он направился по служебной тропе со всей скоростью, на

какую было способно его изодранное тело. Еще через какое-то время он обратил внимание на странное обстоятельство: ночь была совершенно безмолвной.

Но ведь ночь не бывает безмолвной. Никогда. Уши Макса, с младенческого возраста привыкшие к звукам и голосам родных холмов, должны были бы слышать несмолкаемое переплетение разнообразных ночных звуков — шелест листьев на ветру, копошение его меньших братьев — древесных лягушек, стрекотание насекомых, крики сов.

Неумолимая логика подсказала Максу, что он лишился слуха — стал глухим, как чурбан. Его оглушила ударная волна. Однако поделать с этим нельзя было сейчас ничего, так что он продолжил свой путь; мысль вернуться домой даже не пришла ему в голову. В глубине этой лощины, где опоры колец достигали высоты в триста футов, он свернул со служебной тропы на обычный проселок и пошел по нему вниз. Первая его задача — добраться до такого места, где Монтгомери вряд ли будет его искать, — была выполнена. Хотя Макс и находился пока что всего в нескольких милях от своего дома, но все же, пройдя сквозь хребет, он оказался совсем в другой местности.

Несколько часов он продолжал спускаться по проселку. Дорога эта была совсем примитивной, пригодной разве для телег, но все-таки получше, чем та, служебная. Где-то там, внизу, где холмы сменялись долиной, в которой жили «иностранцы», он найдет шоссе, проложенное параллельно магнитной дороге и ведущее в Земпорт. Именно Земпорт избрал он своим конечным пунктом, имея при этом более чем смутное представление относительно того, что будет делать, добравшись туда.

Луна светила теперь Максу в спину, и он шел довольно быстро. Кролик выпрыгнул на дорогу, присел на секунду, уставившись на него, и куда-то ускакал. При виде кролика Макс пожалел, что не захватил с собой малокалиберку. Спору нет, винтовка была очень старая, изношенная и стоила в таком виде гроши. К тому же последнее время становилось все труднее и труднее найти патроны для такого допотопного оружия, но кролик в котелке — это сейчас было бы великолепно, просто великолепно. Он понял, что не только страшно устал, но и очень проголодался. Он только чуть поковырял свой ужин там, дома, а на завтрак ему, похоже, придется сосать лапу.

Вскоре внимание Макса переключилось с

голода на звон в ушах, звон, который, к его беспокойству, становился все сильней и сильней. Он тряс головой и хлопал себя по ушам, но ничего не помогало. Ему не оставалось ничего другого, как смириться и перестать обращать внимание на этот звон. Пройдя еще с полмили, он неожиданно обнаружил, что слышит звук своих шагов. Он остановился как вкопанный; затем сильно хлопнул ладонями — и отчетливо различил хлопок сквозь продолжавший звучать в ушах звон. Дальше он пошел с полегчавшим сердцем.

В конце концов Макс оказался на уступе, с которого открывался вид на широкую долину. При лунном свете он увидел плавный изгиб шоссе, ведущего на юго-запад, и даже смог различить флюоресцентные разделительные линии на его полотне. Он поспешил вниз.

Он приближался к шоссе и уже даже слышал рев пролетающих мимо грузовиков, когда заметил впереди себя огонек. Макс осторожно приблизился, уверенный в том, что это и не машина, и не фермерский дом. С близкого расстояния выяснилось, что там горит небольшой костер, который можно было увидеть только сверху, с холма; со стороны шоссе его заслонял известняковый выступ. Какой-то человек, сидя

на корточках, помешивал содержимое большой консервной банки, пристроенной на камнях над огнем.

Макс подкрался еще ближе и теперь глядел на стоянку бродяги почти прямо сверху. До него донесся запах варева, и рот его увлажнился. Разрываемый, с одной стороны, голодом, а с другой — врожденным недоверием горца к «иностранцам», он лежал неподвижно и смотрел. В конце концов человек снял посудину с огня и крикнул:

— Ты, там, кончай прятаться! Спускайся сюда!

Макс был слишком поражен, чтобы ответить сразу. Человек добавил:

— Иди сюда, к огню. Я не собираюсь нести его к тебе наверх.

Макс поднялся и вошел в круг света, отбрасываемого костром. Человек поднял на него глаза.

— Привет. Бери стул.

— Привет. — Макс присел на другой стороне костра. Бродяга был одет даже хуже него самого и явно давно не пользовался бритвой. Однако и в этих лохмотьях он производил впечатление какой-то изысканной небрежности и держался с прямо-таки воробьиной самоуверенностью.

Человек продолжал помешивать варево в своей посудине, а затем зачерпнул его ложкой, подул

на нее и попробовал.

— Считай готово, — объявил он. — Четырехдневная похлебка уже почти созрела. Бери себе тарелку.

Он поднялся, покопался в куче меньших банок за своей спиной и выбрал одну из них. Макс чуть помедлил, а затем сделал то же самое, остановив свой выбор на той, в которой когда-то был кофе и которая, похоже, с того времени больше не использовалась. Гостеприимный хозяин налил ему щедрую порцию варева, а потом протянул ложку. Макс посмотрел на нее.

— Если ты не доверяешь тому парню, который пользовался ею до тебя, — рассудительно произнес бродяга, — подержи ее над огнем, а потом оботри. Что касается меня, то не беспокойся. Если клоп укусит меня, то погибнет в страшных мучениях.

Макс послушался этого совета, подержав ложку в огне, пока терпели пальцы, а потом вытерев ее собственной рубашкой.

Похлебка была хорошая, а голод сделал ее совершенно великолепной. Она была густая, из овощей и какого-то неопределенного мяса. Макс не стал ломать голову относительно происхождения составных элементов похлебки; он просто

наслаждался ею. Через некоторое время хозяин сказал:

— Добавки?

— А? Конечно. Спасибо.

Вторая порция варева насытила Макса и наполнила каждую клеточку его организма ощущением блаженства. Он лениво потянулся, наслаждаясь своей усталостью.

— Ну что, полегчало? — спросил бродяга.

— Да, да еще как. Вот уж спасибо.

— Кстати, можешь называть меня Сэм.

— Ой, забыл. Меня звать Макс.

— Рад с тобой познакомиться, Макс.

Макс несколько помедлил, прежде чем задать вопрос, беспокоивший его все это время.

— Слышь, Сэм? А как ты узнал, что я был там? Ты что, услышал меня?

— Нет, — ухмыльнулся Сэм. — Но твой силуэт рисовался на фоне неба. Никогда больше не делай этого, мальчик, а то как-нибудь это станет последним, что ты сделаешь.

Макс резко повернулся и поглядел на то место, откуда смотрел на костер. Конечно же. Сэм был прав. Это надо же так влипнуть. Сэм продолжил:

— И далеко ты собрался?

— Чего? Да, еще чапать и чапать.

Сэм помолчал, а затем сказал:

— Дома твои, верно, без тебя соскучились?

— Чего? Откуда ты это знаешь?

— Что ты из дома сбежал? Ведь ты же так и сделал, правда ведь?

— Да. Похоже, что так я и сделал.

— Когда ты сюда притащился, видок у тебя был — прямо скажу. Может, еще не поздно все это дело послать, пока ты еще не совсем сжег за собой мосты. Ты подумай, парнишка. На дороге — оно не сахар. Я-то это хорошо знаю…

— Вернуться? Я никогда не вернусь!

— Что, так уж тебя достало?

Макс не отвечал, глядя на пламя костра. Ему было крайне необходимо разобраться в своих собственных мыслях, даже если для этого требовалось рассказать чужаку о своем, личном, — а этот чужак был какой-то очень легкий в общении. С ним говорить было просто.

— Сэм, а Сэм, у тебя была когда-нибудь мачеха?

— Что? Как-то не припомню, чтоб у меня была такая штука. Меня целовал на ночь детский дом центрального Джерси.

— Вот оно что. — Макс, спотыкаясь, выложил всю свою историю. Сэм иногда прерывал Макса сочувственными вопросами, чтобы разобраться

в невнятице его рассказа. — И вот тогда я смылся, — заключил Макс. — Больше нечего делать. Ведь правда?

Сэм пожевал губами.

— Пожалуй что и правда. Этот самый твой отчим в квадрате — он смахивает на мышь, которая хочет стать крысой. Но теперь ты от него хорошо ушел.

— Ты же не думаешь, что они попробуют найти меня и притащить назад, ведь не думаешь?

Сэм помолчал, подкладывая в костер новую деревяшку.

— А вот в этом я не уверен.

— Что? А зачем? Я ему не нужен. Ему нет до меня никакого дела. Да и мамочке тоже, если говорить правду. Она, конечно, может поскулить малость, но сама для меня пальцем о палец не ударит.

— Все это так, но есть еще и ферма.

— Ферма? Мне она не нужна. Теперь, когда отец умер. Да по правде говоря, и ферма та слова доброго не стоит. Там хребет себе переломить можно, пока вырастишь хоть какой-нибудь урожай. Если бы Закон о пищевом производстве не запретил владельцам земли прекращать использование сельскохозяйственных угодий, отец давным-давно бросил бы обрабатывать свой участок. Без

этого самого казенного проекта невозможно было бы найти такого идиота, который избавил бы нас от этой фермы.

— Про то я и говорю. Этот тип уговорил твою, так сказать, мамашу загнать ферму. Так вот, мое юридическое образование, может, и не очень, — но похоже, что деньги эти должны бы пойти тебе.

— Что? Да хрен с ними, с теми деньгами, мне лишь бы уйти куда подальше от этой парочки.

— Не произноси таких слов про деньги; власти предержащие повелят тебе заткнуться за подобное богохульство. Однако, скорее всего, то, как ты сам к этому относишься, не имеет ровно никакого значения. Насколько я понимаю, гражданин Монтгомери вскоре страстно возжелает увидеть тебя.

— С чего бы это?

— Твой отец оставил завещание?

— Нет. А зачем? Он не оставил после себя ничего, кроме этой фермы.

— Я, конечно, не знаком со всеми хитростями законов вашего штата, однако то, что по крайней мере половина этой фермы — твоя, ясно как божий день. Вполне возможно, что мачеха твоя имеет только право пожизненного пользования

своей половиной с передачей тебе после ее смерти. И совершенно очевидно, что она не может заключить законную сделку без твоей подписи. И вот вскоре после того, как завтра утром откроется судебная контора вашего округа, предполагавшиеся покупатели это выяснят. Вот тут-то они и забегают, разыскивая ее. И тебя. И ровно через десять минут этот самый красавчик Монтгомери бросится искать тебя. Если только он не занят этим прямо сейчас.

— Господи боже! А если они меня найдут, имеют они право заставить меня вернуться?

— А ты не давай им себя найти. Ты успел для начала уйти довольно далеко.

Макс подобрал с земли свой рюкзак.

— Пожалуй, я лучше двинусь дальше. Огромное спасибо, Сэм. Может, и я тебе когда-нибудь пригожусь.

— Да сядь ты.

— Послушай, я уж лучше постараюсь убраться отсюда подальше.

— Парень, ты сейчас совсем выжатый, и поэтому голова у тебя не очень соображает. Ну и далеко ты сегодня уйдешь, в такой отличной форме? Вот завтра, ранним утром, ясным и солнечным, мы с тобой спустимся вместе к шоссе, пройдем по нему

с милю на юг. Там есть кафе, в которое заезжают шоферы грузовиков. И вот тут-то мы и подцепим какого-нибудь дальнобойщика, когда он будет выходить в хорошем настроении после хорошего завтрака. Договоримся, чтобы он нас подвез, и ты за десять минут проедешь больше, чем пройдешь сейчас за всю ночь.

Макс не мог не согласиться, что устал, точнее — совершенно вымотался. Кроме того, Сэм без всякого сомнения понимал в таких делах больше, чем он.

— А одеяло-то у тебя есть в этой твоей торбе? — спросил Сэм.

— Нет. Только рубашка… и книги.

— Книги, говоришь? Я и сам люблю почитать, когда есть подходящий случай. Дай посмотреть.

Макс довольно неохотно вытащил свои книги. Сэм поднес их поближе к костру и перелистал.

— Ничего себе, чтоб я был трехглазый марсианин! Да ты, парень, хоть представляешь себе, что это у тебя за книги?

— А как же.

— Но этого же просто не может быть, чтобы они были твоими. Ты же не член гильдии астронавигаторов.

— Нет, а дядя мой был. Он участвовал в первом

полете к Бете Гидры, — гордо добавил Макс.

— Трепешься!

— Вот те крест.

— Но сам-то ты никогда не был в космосе? Да нет, конечно же, нет.

— Но я обязательно буду. — Тут Макс неожиданно признал то, о чем никогда ни с кем еще не говорил: желание повторить путь своего дяди и тоже отправиться к звездам. Сэм задумчиво слушал его. Когда Макс кончил говорить, он медленно произнес:

— Так, значит, ты хочешь стать астронавигатором?

— Конечно же хочу.

Сэм почесал себе нос.

— Послушай, парень, не хотел бы я, чтобы мои слова были для тебя холодным душем, но ты же и сам понимаешь, как все это делается. Стать астронавигатором почти так же трудно, как попасть в Гильдию водопроводчиков. Гильдия не встретит тебя с распростертыми объятиями только из-за того, что тебе, видишь ли, захотелось в нее вступить. Членство в ней, как и во всех хорошо оплачиваемых гильдиях, передается по наследству.

— Но ведь мой дядя был членом этой гильдии.

— Вот именно, дядя, а не отец.

— Нет, но член гильдии, у которого нет сыновей, имеет право представить кого-нибудь другого. Дядя Чет мне это объяснял. Он говорил мне, что собирается зарегистрировать мою кандидатуру.

— И он это сделал?

Макс молчал. В то время, когда дядя умер, он был еще слишком юным, чтобы суметь разобраться, как это можно узнать. А когда за дядей последовал отец, его без остатка поглотили домашние дела, и он так ничего не выяснил, подсознательно предпочитая лелеять свою мечту вместо того, чтобы подвергать ее проверке.

— Не знаю я, — наконец ответил он. — Я отправлюсь в Земпорт в Великое Братство и все узнаю.

— Да-а. Ну что ж, удачи тебе, парень. — Сэм глядел на огонь костра, как казалось Максу, печальными глазами. — Так я сейчас на боковую, и тебе советую. Если продрогнешь, там, под тем камнем, есть кой-чего — мешковина, упаковочные материалы и всякое такое. Не замерзнешь, если не боишься подхватить блоху-другую.

Макс заполз в указанную ему темную нору и обнаружил, что это что-то вроде пещеры в известняке. Ощупав пол, он нашел некое подобие подстилки. Он думал, что будет плохо спать, од-

нако полностью выключился еще раньше, чем Сэм потушил костер.

Разбудило его солнечное сияние, разливавшееся снаружи. Он выполз из тесной норы, встал и потянулся, прогоняя одеревенение из своего тела. Судя по солнцу, было часов семь. Сэма нигде не было видно. Он осмотрел все вокруг, покричал, правда не слишком громко, и решил, что Сэм отправился к ручью попить и умыться. Тогда он вернулся в свое прибежище и вытащил оттуда рюкзак, собираясь сменить носки.

Дядиных книг не было.

На его запасной рубашке лежала записка: *«Дорогой Макс,* — говорилось в ней. — *В котелке еще остался супчик. Можешь подогреть его на завтрак. Пока. Сэм. P. S. Жаль, что так вышло».*

Последующее исследование содержимого рюкзака показало, что пропало и удостоверение личности, но остальное жалкое хозяйство Макса Сэма не заинтересовало. Макс не притронулся к похлебке, а сразу пошел к шоссе, терзаемый горькими мыслями.

Глава 3
ЗЕМПОРТ

Грузовое шоссе по виадуку пересекало грунтовую дорогу, по которой шел Макс. Он поднялся к дальней стороне шоссе и направился на юг по его обочине. Путь этот был отмечен знаками «Проход воспрещен», но, несмотря на это, тропинка была хорошо протоптана. Потом шоссе расширилось, чтобы дать возможность машинам снижать скорость. Далее, на расстоянии порядка мили, виднелось кафе — видимо, то самое, о котором говорил Сэм.

Макс перескочил через изгородь, окружавшую кафе и стоянку для машин, и подошел к стояночным ячейкам, в которых в ряд выстроилось порядка дюжины больших наземных кораблей. Один из них, готовившийся к отправлению, мелко дрожал, его плоское днище уже зависло в нескольких дюймах от металлического покрытия площадки. Макс подошел к переднему концу этого грузовика и снизу заглянул в кабину. Дверца была открыта, и через нее был виден водитель, наклонившийся над приборной доской.

— Эй, мистер! — окликнул его Макс.

Водитель высунул голову наружу.

— Чего тебе?

— Вы, случаем, не подвезете меня на юг?

— Да иди ты, парень. — Дверца захлопнулась.

Ни один из остальных грузовиков не готовился к скорому отправлению, кабины их были пусты. Макс собрался было уже уйти, когда еще один гигантский грузовик скользнул по тормозной полосе, достиг стоянки, медленно вполз в ячейку и, наконец, опустился на землю. Макс думал, не подойти ли к водителю сразу, но решил подождать, пока тот поест. Он отошел к зданию кафе и сквозь стекло стены, сглатывая слюни, смотрел, как изголодавшиеся мужчины изничтожают пищу, когда услышал за своим плечом приятный голос:

— Простите, пожалуйста, но вы заслоняете дверь.

— Ой, извините, пожалуйста, — испуганно дернулся Макс.

— Проходите, пожалуйста, вы же раньше меня. — Говоривший был лет на десять старше Макса. Его густо усыпанное веснушками лицо улыбалось почему-то только одним из уголков рта, а к шапочке, как заметил Макс, был приколот значок Гильдии водителей грузовиков. — Входи-

те, — повторил человек, — а то рискуете, что вас тут в сутолоке затопчут.

Макс убеждал себя, что он просто посмотрит, нет ли там, внутри, Сэма, — в конце концов, не возьмут же они с него плату за то, что он просто войдет внутрь, если он не будет ничего есть. Почти втайне от самого себя он подумывал спросить управляющего, если у того будет достаточно дружелюбный вид, не найдется ли у них какой мелкой работы за обед. Слова этого веснушчатого склонили чашу весов; он проследовал за своим носом по направлению источника божественных запахов, струившихся из дверей кафе.

Кафе было переполнено, свободен был только один столик на двоих. Человек легко опустился в кресло и пригласил:

— Садитесь. — Увидев, что Макс мнется, он добавил: — Давай садись. Ненавижу есть в одиночку.

Макс ощутил на себе взгляд управляющего и сел. Официантка вручила каждому из них меню, и водитель одобрительно окинул ее взглядом. Когда девушка отошла, он заметил:

— Раньше в этой помойке была автоматическая система обслуживания, и они разорились. Вся торговля перешла в «Тиволи», в восьмидесяти

милях отсюда. Новый хозяин выкинул всю эту хурду-мурду на свалку, набрал девиц, и дело снова пошло. Ничто не улучшает вкус еды так, как хорошенькая девушка, ставящая ее на столик перед тобой. Верно ведь?

— Э-э… наверное. Конечно.

Макс не слышал, что ему сказал водитель. Он очень редко бывал в кафе, да и то только за стойкой в Клайдовских Углах. Цены в меню его ужаснули; ему хотелось заползти под столик.

Шофер внимательно посмотрел на него.

— В чем дело, браток, что тебя беспокоит?

— Беспокоит? Да ничего.

— Ты что, без цента?

Жалкое выражение лица Макса само ответило на этот вопрос.

— Ерунда, со мной такое частенько бывало. Ты успокойся. — Махнув рукой, он подозвал официантку. — Давай сюда, радость моя. Мы с напарником возьмем по бифштексу с яйцом сверху, а к нему это вот и вот это. И я хочу, чтобы яйцо было совсем чуть прожарено. Если оно будет, как подошва, я прибью его к стене как предостережение для потомков. Ясно?

— Да ты небось не сможешь даже гвоздь в яичницу вбить, — фыркнула девица и отошла, со-

блазнительно покачиваясь. Водитель не спускал с нее глаз, пока она не исчезла на кухне. — Видишь, про что я говорю! Ну разве ж может с этим конкурировать какая-то там механизма?

Бифштекс был отличным, и яйцо свернулось не совсем. Водитель сказал, чтобы Макс называл его «Рэд», а Макс в ответ сказал свое имя. Макс как раз подтирал кусочком хлеба остатки желтка с тарелки и раздумывал, сейчас поднять вопрос насчет поездки или чуть погодя, когда Рэд слегка наклонился вперед и негромко сказал:

— Макс, ты куда-нибудь торопишься? У тебя найдется время для небольшой работы?

— Что? Ну, вполне возможно. А какая работа?

— Не против малость проехать на юго-запад?

— Юго-запад? По правде говоря, туда я и направляюсь.

— Добро. Так вот, какое дело. Хозяин говорит, что на каждой машине должно быть два водителя — а в противном случае надо отдыхать восемь часов после восьми за рулем. А я не могу сейчас этого себе позволить. За опоздание будет штраф, а напарник мой отключился. Этот дуболом налакался, и мне пришлось оставить его, чтобы малость пришел в себя. Так вот, через сто тридцать миль отсюда будет контрольный пост.

Если я не предъявлю им второго водителя, они заставят меня остановиться.

— Да ты что, Рэд, я же не умею водить. Конечно, очень жалко.

— Да тебе и не надо будет — отмахнулся Рэд. — Ты каждый раз будешь отдыхающим водителем. Ты что, думаешь, я доверю свою малютку «Молли Мэлоун» кому-нибудь, незнакомому с ней? Я продержусь на стимуляторах, а посплю недобранное уже в Земпорте.

— Ты что, едешь до самого Земпорта?

— Конечно.

— Тогда заметано.

— Порядок. Так вот как это будет. Каждый раз, когда будем проезжать контрольный пункт, ты — спишь на койке. Ты помогаешь мне нагружать и разгружать — я должен скинуть часть груза и взять кое-что еще в Оклахома-Сити. А я тебя кормлю. Порядок?

— Порядок.

— Тогда почапали. Я хочу смыться отсюда до того, как тронутся остальные. Никогда не знаешь, кто из них может настучать. — Рэд кинул на стол бумажку и не стал ждать сдачу.

«Молли Мэлоун» была двухсот футов в длину и имела обтекаемую форму, создававшую на ходу

отрицательную подъемную силу. Макс понял это, глядя на приборы; когда она задрожала и приподнялась над землей на стоянке, шкала «расстояние от грунта» показала девять дюймов, а после разгона это расстояние уменьшилось до шести.

— Отталкивание обратно пропорционально кубу расстояния, — объяснил Рэд. — Чем сильнее воздух прижимает нас к полотну, тем сильнее дорога нас отталкивает. Это не дает нам прыгнуть за горизонт. Чем быстрее мы едем, тем устойчивее.

— А что, если ты пойдешь с такой скоростью, что воздух прижмет днище к дороге? Ведь тогда же все мы на куски разлетимся!

— Шевели мозгами. Чем сильнее мы проседаем, тем сильнее нас отталкивает вверх. Я же сказал, обратно пропорционально кубу.

— А, ясно. — Макс вытащил дядину счетную линейку. — Если она как раз удерживает свой вес при клиренсе девять дюймов, тогда при трех дюймах отталкивание будет в двадцать семь раз больше ее веса, при одном дюйме — в семьсот двадцать девять, а при четверти дюйма…

— О таком даже и не думай. Даже при максимальной скорости я не могу опустить ее до пяти дюймов.

— А что ее двигает?

— Сдвиг по фазе. Поле бежит вперед, а «Молли» пытается его догнать… и никогда не может. Ты только не пытай меня про всю эту теорию — я просто нажимаю кнопки. — Рэд закурил сигарету и, держа рычаг управления одной рукой, удобно откинулся на спинку сидения. — А теперь забирайся-ка ты, друг, в койку. Контрольный пост через сорок миль.

Койка была расположена за кабиной, поперек машины, это было что-то вроде полки над сиденьем. Макс вскарабкался туда и замотался в одеяло. Рэд подал ему шапочку, точь-в-точь как свою.

— Натяни ее себе на глаза, только пусть будет видно эту бляху. — Бляхой был значок Гильдии водителей. Макс сделал, как ему было сказано.

Через некоторое время звук встречного потока воздуха с негромкого рева перешел на легкое посвистывание, а потом и совсем стих. Грузовик осел на дорожное полотно, дверца кабины открылась. Он лежал тихо, и ему не было видно происходящего.

— И как долго ты ее гонишь? — спросил какой-то голос.

— Да вот, сел после завтрака у Тони.

— Всего-то? Что ж это у тебя такие красные

глаза?

— Это оттого, что я веду дурную жизнь. А язык показать?

На шуточку инспектор реагировать не стал, а вместо этого наставительно заметил:

— Твой напарник не расписался в путевке.

— Как вам будет угодно. Хотите, я разбужу этого придурка?

— Э-э… да нет, обойдемся. Распишись за него сам. Только скажи ему потом, чтобы был в другой раз повнимательней.

— Точно.

«Молли Мэлоун» тронулась с места и набрала скорость. Макс сполз вниз.

— Когда он спросил про мою подпись, я уже думал, что мы влипли.

— Да нарочно я это сделал, — ухмыльнулся Рэд. — Всегда надо кинуть им какую-нибудь косточку, чтоб погрызть, а то они сами начнут все раскапывать.

Грузовик Максу понравился. Огромная скорость, да еще так близко к земле, приводила его в восторг; он уже стал подумывать, что, если вдруг не удастся стать астронавтом, такая жизнь — это тоже было бы неплохо; он узнает, сколько надо на вступительный взнос в гильдию и начнет

откладывать деньги. Ему нравилась непринужденность, с которой Рэд выбирал на дорожном полотне линию, соответствующую скорости «Молли», и потом клал огромный грузовик в вираж. Обычно это бывала внешняя, самая быстрая линия, «Молли» заваливалась набок, и горизонт перекашивался под диким углом.

Подъезжая к Оклахома-Сити, они пролетели под кольцевыми направляющими ЧСЗ-дороги как раз в тот момент, когда проходил поезд — «Бритва», по расчетам Макса.

— Когда-то я водил эти штуки, — произнес Рэд, бросив взгляд вверх.

— Ты водил их?

— Ага. Но потом мне стало в них как-то неспокойно. Я ненавидел ощущение невесомости, которое появлялось при каждом прыжке. А еще мне стало казаться, что у поезда есть собственные намерения и он просто рвется свернуть вбок вместо того, чтобы спокойно войти в следующее направляющее кольцо. От таких мыслей не приходится ждать ничего хорошего. Тогда я нашел водителя, который горел желанием поднять свое положение, и заплатил обеим гильдиям за разрешение поменяться с ним. И не пожалел потом об этом ни разу. Две сотни миль в час на таком

малом расстоянии от земли — этого более чем достаточно.

— А как насчет космических полетов?

— Ну, это же совсем другое дело. Там у тебя есть свободное место со всех сторон. Знаешь, парень, когда ты будешь в Земпорте, обязательно хорошенько посмотри на эти большие штуки. Они того стоят.

Библиотечная книга прямо жгла Макса через рюкзак; в Оклахома-Сити он заметил почтовый ящик около стоянки грузовиков и, повинуясь мгновенному импульсу, кинул книгу туда. Сделав это, он почувствовал легкий укол беспокойства: этим он раскрывал свое местоположение, и этот ключ мог попасть к Монтгомери. Но, с другой стороны — ведь он же обязан вернуть книгу. Его не беспокоили нарушения закона: ни то, что он заходил в места, обозначенные «Вход воспрещен», ни то, что он сейчас изображал из себя второго водителя; невозвращение библиотечной книги — это было совсем другое дело. *Это был грех.*

Когда они прибыли на место, Макс спал на койке. Рэд потряс его за плечо.

— Парень, конец маршрута.

Макс сел, широко зевая.

— А где мы?

— Земпорт. Давай малость встряхнемся и разгрузим эту красотку.

К тому времени, как они разобрали груз «Молли», с восхода прошло два часа и уже становилось по-пустынному жарко. Рэд последний раз повел Макса завтракать. Он кончил есть первым, заплатил и затем положил рядом с тарелкой Макса бумажку.

— Спасибо, парень. А это — тебе на счастье. Пока.

Пока Макс сидел с раззявленным ртом, он уже исчез. Макс так никогда и не узнал его фамилии; он даже не заметил номера на его значке.

Земпорт был самым большим поселением, какое Макс когда-либо видел в своей жизни. Все здесь смущало и несколько пугало — спешащие куда-то толпы не обращающих ни на что внимания людей, огромные здания, движущиеся дорожки, заменявшие обычные улицы, шум, пустынное солнце, сверкавшее в небе, ровная, как стол, местность — это надо же, вплоть до горизонта невозможно было найти ни одного, даже самого завалящего холмика.

Тут он впервые увидел инопланетянина — восьмифутового уроженца Эпсилона Близнецов-V. Тот вышел из какого-то магазина со свертком

под левыми руками — так же непринужденно, подумал Макс, как фермер, явившийся в Углы за субботними покупками. Макс уставился на инопланетянина. По снимкам в газетах и СВ-программам он знал, что это за существо, но увидеть своими глазами — это ж совсем другое дело. Многочисленные глаза, видом напоминавшие цепочку желтых виноградин вокруг головы, придавали существу гротескный, вроде как безликий вид. Макс крутил головой, следя за ним.

Существо подошло к полицейскому, дотронулось одной из многочисленных рук до шапочки и произнесло:

— Проштите, пошалуста, шеф, вы не мокли пы шкашать, как пройти к атлетическому клупу «Пальмы пуштыни»? — Откуда исходили звуки — этого Макс так и не понял.

В конце концов Макс заметил, что, кроме него, никто не глазеет на инопланетянина; тогда он медленно побрел дальше, время от времени поглядывая назад. Это вскоре привело к тому, что он налетел на одного из прохожих.

— Ой, простите меня, пожалуйста! — испуганно выпалил Макс.

Незнакомец внимательно поглядел на него.

— Поосторожней, браток. Ты же теперь в боль-

шом городе.

После этого Макс старался быть внимательнее.

Он собирался сразу найти, где находится Гильдия Великого Братства астронавигаторов, в отчаянной надежде на то, что даже без дядиных книг и удостоверения личности он сможет доказать, кто он такой, и узнать, успел ли дядя Чет позаботиться о его будущем. Однако все вокруг было так интересно и так хотелось на все поглазеть, что он заблудился. Макс обнаружил себя в конце концов перед фасадом Имперского Дома, отеля, обещавшего обеспечить необходимое сочетание давления, температуры, освещения, атмосферы, псевдогравитации и питания для любого известного вида разумных существ. Он поошивался некоторое время неподалеку в надежде увидеть кого-либо из постояльцев, но единственный, появившийся из отеля за то время, пока он ждал, выкатился в чем-то вроде цистерны высокого давления, заглянуть внутрь которой не было никакой возможности.

Он заметил, что охранник, стоящий у двери отеля, поглядывает на него, и двинулся было дальше, но потом решил спросить, в какую сторону идти, рассуждая, что если уроженец созвездия Близнецов мог расспрашивать полицейского, то,

конечно же, и человек может сделать то же самое. И с удивлением обнаружил, что прямо цитирует инопланетянина.

— Простите, пожалуйста, сэр, вы не могли бы сказать мне, как пройти к Гильдии астронавигаторов?

Полицейский оглядел Макса.

— В конце Авеню Планет, перед самым портом.

— Мм… а в какую…

— Недавно здесь?

— Ага. Да, сэр.

— И где ты остановился?

— Остановился? Да пока еще нигде. Я только что сюда приехал. Я…

— А какие у тебя дела в Гильдии астронавигаторов?

— Это по поводу моего дяди, — жалко пробормотал Макс.

— Твоего дяди?

— Он… он астронавигатор, — Макс мысленно попросил у Бога прощения за использование в фразе настоящего времени.

Полицейский вновь оглядел его.

— Отправляйся по этой дорожке до ближайшего перекрестка, там перейди и ступай на запад. Это здоровое здание со знаком Гильдии — изобра-

жением солнца над входом. Мимо не пройдешь. Только не лезь в места, куда запрещен вход.

Макс двинулся, не дав себе труда выяснить, каким, собственно, образом он должен догадываться, куда запрещен вход. Найти Гильдию и вправду оказалось просто; бежавшая на запад движущаяся дорожка нырнула под землю, а когда она вновь вынырнула и пошла на поворот в обратную сторону, Макс оказался прямо перед нужным ему зданием.

Но глядел он не на него. На запад, где кончалась авеню и не было больше домов, расстилалась площадь космопорта, а на ней — корабли, миля за милей. Маленькие проворные стрелы боевых кораблей; тупорылые лунные челноки; крылатые работяги, которые обслуживают орбитальные станции; автоматические грузовики, мощные и неуклюжие. А прямо напротив входа, не более чем в полумиле от него, стоял огромный корабль, который он узнал с первого взгляда, — звездный корабль «Асгард». Он знал его биографию, на нем служил дядя Чет. Сотню лет назад его построили в космосе, это был корабль системы «космос-космос», не садившийся ни на какую планету, только тогда он назывался «Принц Уэльский». Прошли годы, с него сняли ракетные двигатели, разожгли

вместо них масс-конверсионный факел и дали ему новое имя: «Эйнштейн». Прошли еще годы, около двадцати лет он вращался вокруг Луны — бесполезная, допотопная пустая скорлупа. Теперь на нем вместо факела стояли движители Хорста-Конрада, отталкивающиеся от самой ткани пространства; благодаря им он смог наконец познакомиться с поверхностью Матушки-Земли. В ознаменование нового рождения он получил имя «Асгард», в честь небесного обиталища богов.

Его грузная грушеподобная туша покоилась на более остром своем конце, поддерживаемая лесом невидимых издалека выдвижных опор. Вокруг корабля стояло ограждение, долженствующее преградить неосторожным случайным людям путь в опасное место.

Макс прижался носом к входным воротам космопорта, пытаясь получше разглядеть этот корабль. Через некоторое время его окликнул чей-то голос:

— Брысь отсюда, Джек! Ты что, знака не видишь?

Макс взглянул на ворота. Над его головой висел знак «Запретная зона». Он с неохотой отошел от ворот и направился к зданию Гильдии.

Глава 4
ГИЛЬДИЯ АСТРОНАВИГАТОРОВ

Все в здании Великого Братства представлялось глазам Макса роскошным, устрашающим; впечатление было такое, словно находишься в церкви. Огромные двери при его приближении бесшумно раскрылись, уйдя куда-то в глубь стен. На покрытом ковром полу шагов было не слышно. Он глядел вдоль длинного, высокого фойе, раздумывая, куда же идти теперь, когда его остановил твердый голос.

— Я могу быть вам чем-нибудь полезной?

Он повернулся. На него смотрела строгого вида очаровательная молодая женщина. Она сидела за столом. Макс подошел к ней.

— М-м-м… Может, вы можете сказать мне, миссис, к кому бы мне тут обратиться. Я, по правде говоря, не совсем точно знаю…

— Секунду. Пожалуйста, как ваша фамилия? — За несколько минут она вытащила из него все основные факты, связанные с его розысками. — Насколько я могу понять, вы не имеете здесь никакого статуса, а также и никакого повода

обращаться в Гильдию.

— Но я же вам рассказал, что…

— Ладно. Я передам это в юридическое управление. — Она дотронулась до какой-то кнопки, и из стола поднялся экран. Глядя на экран, женщина произнесла: — Мистер Хэнсон, вы можете уделить минутку?

— Да, Грейс?

— Тут у нас один юноша, который считает, что наследственно принадлежит к Гильдии. Вы можете с ним побеседовать?

— Грейс, — ответил голос, — вы же знаете, как это делается. Запишите адрес, пошлите его заниматься своими делами, а бумаги пришлите сюда для рассмотрения.

Она нахмурилась и тронула другую кнопку. Теперь, хотя Макс и видел, что женщина продолжает говорить, не слышал ни звука.

Поговорив, она кивнула, затем экран скользнул обратно в стол. Она тронула еще одну кнопку и позвала:

— Скитер!

Из двери за ее спиной выскочил мальчик-посыльный и оглядел Макса холодными глазами с головы до ног.

— Скитер, — продолжила она, — проводите

этого посетителя к мистеру Хэнсону.

Посыльный фыркнул:

— Его, что ли?

— Его. А кроме того, застегните воротник рубашки и выкиньте куда-нибудь эту свою жвачку.

Мистер Хэнсон выслушал рассказ Макса и передал его своему начальнику, главному юридическому советнику. Пришлось рассказывать в третий раз. Чиновник задумчиво побарабанил пальцами по крышке, а затем поговорил с кем-то, используя такое же заглушающее приспособление, как ранее девушка.

Потом он повернулся к Максу.

— Сынок, тебе очень повезло. Наипочтеннейший Верховный Секретарь соблаговолил уделить тебе несколько минут своего времени. Так вот, когда ты войдешь к нему, не садись, помни, что ты должен говорить только тогда, когда к тебе обращаются, и быстро удались, когда он скажет тебе, что аудиенция окончена.

По сравнению с кабинетом Верховного Секретаря вся та роскошь, которая поражала Макса до этого, казалась строгим аскетизмом. Один ковер стоил не меньше, чем вся ферма, на которой вырос Макс. Нигде не было видно средств связи, документов, не было даже письменного стола.

Верховный Секретарь полулежал в огромных размеров кресле, какой-то служитель массировал ему затылок. При появлении Макса Секретарь поднял голову и произнес:

— Входи, сынок. Садись сюда. Как тебя зовут?

— Максимиллиан Джонс, сэр.

Они глядели друг на друга. Секретарь видел долговязого юнца, которому не помешали бы стрижка, ванна и приличная одежда; Макс видел толстого коротышку в помятой униформе. Голова его казалась великовата для туловища, а что касается глаз, то Макс не мог решить однозначно — смотрят они сочувственно или холодно.

— И ты — племянник Честера Артура Джонса?

— Да, сэр.

— Я хорошо знал Брата Джонса. Великолепный математик. — Верховный Секретарь продолжил: — Я так понимаю, что ты имел несчастье потерять свое правительственное удостоверение личности. Карл.

Он не повышал голоса, однако в кабинете мгновенно появился молодой человек.

— Да, сэр?

— Сними отпечаток большого пальца этого юноши, свяжись с Бюро Идентификации — не здешним, а с главной конторой в Новом Вашинг-

тоне. Передай привет от меня начальнику Бюро и скажи ему, что я буду крайне благодарен, если они произведут идентификацию, пока ты находишься у аппарата.

С Макса быстро сняли отпечаток, и человек по имени Карл ушел из кабинета. Верховный Секретарь продолжил:

— Какова цель твоего приезда сюда?

Макс неуверенно объяснил, что дядя собирался представить его для ученичества в Гильдии.

— Так я и думал, — кивнул Верховный Секретарь. — Жаль разочаровывать тебя, юноша, но Брат Джонс не сделал никаких представлений.

Макс с трудом осознал смысл такого простого утверждения. Настолько его внутренняя гордость была связана с гордостью за профессию дяди, настолько все его надежды покоились на вере в то, что дядя назвал его наследником своей профессии, что он не мог так сразу принять приговор, что он — никто и ничто. Он выпалил:

— А вы совершенно уверены? Вы проверяли?

На лице массажиста появилось шокированное выражение, но Верховный Секретарь ответил спокойно:

— Архивы были обследованы, и не один раз, а дважды. Сомнений быть не может. — Он сел,

сделал легкое движение рукой, и служитель испарился. — Крайне сожалею.

— Но он же мне говорил, — набычился Макс. — Он говорил, что собирается.

— И несмотря ни на что, он этого не сделал. — Человек, бравший отпечаток пальца, появился в кабинете и передал Верховному Секретарю записку. Тот бросил на нее взгляд и откинул ее в сторону. — У меня нет ни малейших сомнений, что он думал о тебе. Представление кандидатуры в наше братство связано с серьезнейшей ответственностью; вполне обычна ситуация, когда бездетный брат в течение длительного времени присматривается к какому-либо подходящему парню, прежде чем решит, стоит он того или нет. По каким-то причинам твой дядя не назвал твоего имени.

Макс был крайне поражен этой унижавшей его теорией, что любимый дядя мог счесть его недостойным. Это не могло быть правдой — ведь как же, всего за день до своей смерти он говорил… Макс прервал свои мысли, чтобы сказать:

— Сэр, думаю, что я знаю, как это все получилось.

— Да?

— Дядя Честер умер внезапно. Он собирался

назвать меня, но не имел такой возможности. Я совершенно в этом уверен.

— Возможно. Нередко человек не успевает привести в порядок свои дела, прежде чем выходит на последнюю орбиту. Однако я обязан исходить из предположения, что он знал, что делает.

— Но как же…

— Молодой человек, это все. Нет, не уходи еще. Я думал о тебе сегодня. — На лице Макса появилось изумление. Верховный Секретарь улыбнулся и продолжил: — Видишь ли, ты — второй «Максимиллиан Джонс», явившийся к нам с этой историей.

— Как?

— Вот именно, как. — Он сунул руку в карман своего кресла, вытащил оттуда несколько книг и карточку и протянул их Максу, который смотрел, не веря своим глазам.

— Книги дяди Чета!

— Да. Другой человек, старше тебя, вчера появился здесь с этими книгами и твоим удостоверением. Но у него было поменьше амбиций, чем у тебя, — сухо добавил Секретарь. — Он был согласен на положение не столь высокое, как у астронавигатора.

— И что же вышло?

— Когда мы попытались снять у него отпечатки пальцев, он неожиданно исчез. Сам я его не видел. Но когда сегодня появился ты, мне уже стало интересно, сколько еще «Максимиллианов Джонсов» удостоят нас своим вниманием. В будущем береги получше эту карточку — я так понимаю, что мы спасли тебя от штрафа.

Макс положил удостоверение во внутренний карман.

— Огромное спасибо, сэр.

Он начал засовывать книги в свой рюкзак, но Верховный Секретарь жестом остановил его.

— Нет, нет! Верни, пожалуйста, эти книги.

— Так ведь дядя Чет подарил их мне.

— Очень жаль, но в самом крайнем случае он мог дать их тебе на время — и даже этого он не должен был делать. Орудия нашей профессии не бывают личной собственностью — они выдаются каждому из братьев на время. Выходя в отставку, твой дядя должен был их вернуть, хотя некоторые братья из сентиментальных соображений не хотят с ними расставаться. Передай их, пожалуйста, мне.

Макс все-таки медлил.

— Да ты сам подумай, — увещевающе сказал чиновник. — Разве годится, чтобы наши профес-

сиональные секреты бродили неведомо где и были доступны кому угодно. Такого не допускают даже парикмахеры. На нас лежит огромная ответственность перед народом. Законным хранителем этих руководств может быть только член нашей гильдии, который прошел обучение, тренировку, проверку, принял присягу и был принят.

Ответ Макса был еле слышен.

— Да что же в этом плохого? Я же не буду ими пользоваться, если на то пошло.

— Но ты, конечно же, не являешься сторонником анархии? Все наше общество базируется на том, что важные секреты доверяются только тем, кто этого достоин. Но ты не грусти. Каждый из братьев, когда ему выдаются орудия его труда, оставляет казначею задаток. Я считаю, что, так как ты ближайший родственник брата Джонса, мы вполне можем возвратить этот задаток тебе — за возвращение книг. Карл.

Молодой человек вновь возник едва ли не раньше, чем было произнесено его имя.

— Деньги из депозита, пожалуйста.

Деньги были у Карла с собой. Создавалось впечатление, что он зарабатывает себе на жизнь тем, что всегда знает, что Верховный Секретарь

собирается пожелать. Макс неожиданно для себя обнаружил, что принимает внушительную пачку денег — больше, чем он когда-либо в жизни видел; книги были взяты у него прежде, чем он смог придумать еще какое-либо возражение.

Похоже, что пора было уходить, однако ему снова жестом указали на стул.

— Мне лично очень жаль тебя разочаровывать, но я — лишь слуга своих братьев; у меня нет выбора. И в то же время… — Тут Верховный Секретарь сложил кончики пальцев своих рук друг с другом. — Наше братство не оставляет в беде своих. В моем распоряжении есть средства для таких случаев. Ты не хотел бы пойти в обучение?

— Для Гильдии?

— Нет, конечно же, нет! Мы не собираемся раздавать из соображений благотворительности членство нашего братства. Обучение какой-либо приличной профессии — кузнеца, или повара, или портного — что ты пожелаешь. Любой род занятий, не передаваемый по наследству. Братство поддержит тебя, заплатит за твое обучение и, если ученье хорошо пройдет, одолжит тебе деньги на вступительный взнос в гильдию.

Макс понимал, что должен с благодарностью принять это предложение. Ему бесплатно пред-

лагали благо, которое тысячи из кишащих на улице людей не получат никогда и ни на каких условиях. Однако некое врожденное чувство противоречия, то же самое, из-за которого он с презрением вылил на землю оставленный Сэмом суп, сделало так, что щедрое предложение костью застряло у него в глотке.

— Конечно, большое спасибо, — ответил он почти что уверенным голосом, — но я не думаю, что вправе на это согласиться.

На лице Верховного Секретаря появилось мрачноватое выражение.

— Ты так думаешь? Ну что ж, это — твоя жизнь, тебе и жить. — Он щелкнул пальцами, появился посыльный и проводил гостя на улицу.

Макс стоял на ступеньках здания Гильдии и отрешенно размышлял, что же делать дальше. Теперь его не привлекали даже корабли, стоявшие на космодроме; у него подкатывали слезы, если он смотрел на них. Вместо этого он взглянул на восток.

В этом направлении, на небольшом от него расстоянии некая подтянутая фигура стояла, небрежно облокотившись о мусорный бак. Когда глаза Макса остановились на этом человеке, тот выпрямился, бросил окурок на мостовую и на-

правился к нему. Макс вгляделся получше.

— Сэм!

Вне всяких сомнений, это был тот самый бродяга, который его обокрал, — хорошо одетый, гладко выбритый — но все равно тот же самый Сэм. Макс торопливо пошел ему навстречу.

— Приветик, Макс! — поприветствовал его Сэм без малейшей тени смущения. — И как делишки?

— Мне бы нужно сказать, чтобы тебя арестовали!

— Тише, тише, говори поспокойнее. Ты привлекаешь к себе внимание.

Макс глубоко вздохнул и заговорил потише.

— Ты украл мои книги.

— Ты говоришь — твои книги? Да они же не были твоими — я вернул их настоящим хозяевам. Ты что, хочешь, чтобы меня арестовали за это?

— Но ведь ты… И в любом случае ты…

За спиной Макса прозвучал голос, вежливый, твердый и официальный:

— Сэр, этот человек досаждает вам?

Макс повернулся и увидел полицейского. Он собрался было что-то сказать, но сразу прикусил язык, сообразив, что вопрос был адресован Сэму.

Сэм взял Макса за руку повыше локтя жестом

покровительственным и отеческим; хватка тем не менее была твердой.

— Да нет, офицер, все в порядке. Спасибо.

— Вы совершенно в этом уверены? Мне передали, что этот мальчонка двигается в эту сторону и чтобы я малость приглядывал за ним.

— Это мой друг. Я его здесь ждал.

— Как знаете. У нас уйма хлопот с бродягами. Похоже, все они так и рвутся в Зemпорт.

— Он не бродяга. Это мой молодой друг из провинции; боюсь, он тут немного запутался. Я за него отвечаю.

— Очень хорошо, сэр. Спасибо.

— Совершенно не за что. — Макс позволил Сэму увести себя. Когда они были вне слышимости полицейского, Сэм сказал: — Едва пронесло. Этот въедливый придурок засунул бы нас обоих в каталажку. Ты, парень, правильно сделал, что не разевал зря свою варежку. — Свернув за угол, он отпустил наконец руку Макса и широко ухмыльнулся. — Ну так что, парень?

— Мне надо было сказать ему все про тебя.

— И что ж ты молчал? Он же стоял перед тобой.

Макса разрывали противоречивые чувства. Само собой, он злился на Сэма, однако его первой,

непосредственной реакцией при виде бродяги было теплое чувство, которое испытываешь, увидев знакомое лицо в толпе чужих; злость пришла на какую-то долю секунды позднее. Теперь Сэм смотрел на него с легким цинизмом, по лицу его блуждала загадочная улыбка.

— Ну так что же, парень? — повторил он. — Если ты и вправду хочешь сдать меня, пошли назад и покончим с этим. Я не убегу.

Макс бросил на Сэма раздраженный взгляд.

— Да брось ты это, забудем!

— Спасибочки. Мне жаль, парень, что так вышло, честно жаль.

— Тогда зачем ты это сделал?

Лицо Сэма неожиданно приобрело печальное, отстраненное выражение, потом на нем вновь появился тот же жизнерадостный цинизм.

— Меня ввела в соблазн одна идея, старик, — у каждого человека есть свои пределы. Когда-нибудь потом я тебе все расскажу. А теперь — как насчет того, чтобы поработать челюстями и почесать языками? Тут неподалеку есть одна такая забегаловка, где можно потрепаться и этот самый шум не глушит тебя все время.

— Не знаю, хочу ли я.

— Да брось ты кочевряжиться. Еда там не бог

весть что, но все-таки получше моего супчика.

Макс был готов произнести выспреннюю речь о том, почему он не стал сдавать Сэма в полицию, и о том, почему у него нет ни малейшего желания разделить с Сэмом обед; однако при упоминании о супчике осекся. Он припомнил, как Сэм, не расспрашивая его о моральных устоях, просто поделился своей пищей.

— Ну… ладно.

— Вот это то, что я называю «правильный парень».

Они пошли по переулку. Этот район принадлежал к разновидности, которую можно найти поблизости от порта в любом портовом городе; как только они свернули с помпезной Авеню Планет, толпа стала гуще, шумнее, оживленнее и вроде как-то теплее и дружественнее, несмотря на сильный душок «не выпускай кошелька из рук». Крохотные портняжные мастерские, маленькие ресторанчики, не чересчур сверкавшие чистотой, дешевые гостиницы, сомнительные игорные заведения, какие-то притоны, выставки, как «образовательные», так и «научные», уличные торговцы, театрики с аляповатыми афишами, из чьих дверей просачивались звуки музыки, букмекерские конторы, притворяющи-

еся магазинчиками, астрологические салоны, притворяющиеся татуировочными ателье, и, конечно же, неизбежная миссия Армии Спасения придавали этому переулку аромат, которого не хватало его более пристойным родственникам. Марсиане в респираторах и темных очках со стеклами в форме листьев клевера, гуманоиды с Беты Ворона-3. какие-то твари с внешними скелетами, явившиеся Бог знает откуда, — все они толкались в одной толкучке с людьми всех возможных цветов и оттенков, и все сливались в легкое, непринужденное братство.

Сэм остановился перед заведением с древним традиционным знаком трех золотых шаров.

— Подожди здесь малость. Я сейчас.

Макс ждал, глазея на толпу. Вскоре Сэм снова появился, но без своего плаща.

— Ну, теперь мы можем и поесть.

— Сэм, ты что, заложил свой плащ?

— Возьми с полки пирожок. Как это ты догадался?

— Но ведь… Слушай, я же не знал, что ты на мели, у тебя такой процветающий вид. Забери его назад, я… я заплачу за обед.

— Надо же, это очень мило с твоей стороны, парень. Ты про это забудь. При здешней погоде

плащ мне ни к чему. Точно. Я так вырядился просто для того, чтобы произвести хорошее впечатление — как бы это сказать, в связи с одним небольшим делом.

— Но откуда ты… — начал было Макс и сразу смолк.

Сэм ухмыльнулся.

— Ты хочешь спросить, не спер ли я весь этот прикид? Нет. Я просто повстречал некоего обывателя, полного веры в проценты вероятности, и втянул его в дружественную азартную игру. Запомни, парень, никогда не делай ставки по этим самым процентам, умение гораздо важнее. А вот мы и пришли.

В зале, выходившем на улицу, был бар, в глубине находился ресторанчик. Сэм провел Макса через ресторан, через кухню, затем вдоль коридора, в комнатах по обеим сторонам которого шла игра в карты. В конце этого коридора был расположен меньший, не такой претенциозный ресторанный зал; Сэм выбрал столик в углу. К ним, приволакивая одну ногу, пришаркал огромного роста самоанец. Сэм поприветствовал его кивком.

— Приветик, Перси. — Затем он повернулся к Максу. — Сперва по одной?

— Да я, пожалуй, не буду.

— Очень правильно. И не пробуй эту гадость. Перси, мне ирландский и нам обоим, что у вас там есть на обед.

Самоанец молча продолжал стоять. Сэм пожал плечами и выложил на стол деньги. Перси их сгреб.

— Но я же собирался сам заплатить, — неуверенно возразил Макс.

— Можешь заплатить за обед. Перси — хозяин этого заведения, — добавил Сэм. — Он непристойно богат, но не думай, что он стал таким, доверяя типам вроде меня. А теперь расскажи, старик, о себе. Как ты сюда попал? Как ты там побеседовал с этими астронавигаторами… вообще все. Что, закололи они упитанного тельца?

— Да вроде нет.

Макс не видел, почему бы ему не рассказать все Сэму; кроме того, он вдруг почувствовал, что ему очень хочется говорить. Когда он окончил рассказ, Сэм кивнул.

— Чего-то в этом роде я и ожидал. У тебя есть какие-нибудь планы?

— Нет. Сэм, я не знаю, что мне теперь делать.

— Хм… С непрухой бороться трудно. Ешь пока, а я выпью.

Через некоторое время он добавил:

— Макс, а чем бы ты хотел заняться?

— Ну… я хотел быть астронавигатором…

— Об этом нет смысла и говорить.

— Понимаю.

— Ты мне скажи, ты хочешь быть навигатором и никем другим, или ты просто хочешь попасть в космос?

— Знаешь, я никогда не думал об этом с такой точки зрения.

— Ну, так подумай.

Макс подумал.

— Я хочу в космос. Даже если я не могу попасть туда в качестве навигатора, я все равно хочу — все равно кем. Но я не знаю как. Гильдия астронавигаторов была единственным местом, где у меня был хоть какой-то шанс.

— Есть всякие способы.

— Чего? Ты имеешь в виду — подать заявление на эмиграцию?

Сэм покачал головой.

— Чтобы попасть в одну из приличных колоний, надо значительно больше денег, чем ты можешь собрать, а попасть в те, куда можно бесплатно, я не пожелал бы и злейшему своему врагу.

— На что же ты тогда намекаешь?

Сэм ответил не сразу.

— Есть всякие способы провернуть это, сынок, если ты будешь меня слушаться. Этот самый твой дядя — ты много с ним общался?

— Конечно.

— И он рассказывал тебе про космос?

— Конечно же. Больше мы с ним ни о чем и не говорили.

— Хм… И ты хорошо знаешь ихний космический жаргон?

Глава 5
...ТВОИ ДЕНЬГИ И МОЕ УМЕНИЕ...

— Жаргон? — удивился Макс. — Я знаю, наверное, примерно то же, что и любой другой.

— Где находится Хитрая яма?

— Чего? Это центр управления.

— А если жулику потребуется покойник, где он его возьмет?

Тут Макс откровенно развеселился.

— Это же все просто чушь из СВ-сериалов, на борту никто так не разговаривает. Повар это повар, и, если ему потребуется кусок говядины, он пойдет за ним в морозилку.

— А чем отличается животное от скотины?

— Ну, скотина — это пассажир, а животное, наверное, — это просто животное.

— Если, скажем, ты на корабле, идущем на Марс, и вдруг объявили, что гикнулась силовая установка и корабль идет по спирали прямо к Солнцу. Что бы ты подумал?

— Я подумал бы, что какой-то шутник пытается меня перепугать. Перво-наперво, я не мог находиться «на» корабле, а только «в». Во-вторых,

спираль не относится к возможным орбитам. В-третьих, если корабль направлялся с Земли на Марс, он не мог бы упасть на Солнце, эти орбиты несовместимы.

— Ну, а если ты — член команды корабля, находишься в чужом порту и хочешь прогуляться, познакомиться с местными достопримечательностями. Каким образом ты пойдешь к капитану за разрешением?

— Так я же этого не буду делать.

— Ты просто смоешься с корабля?

— Дай мне закончить. Если я захочу прошвырнуться, я спрошу разрешения у первого помощника, капитан не занимается такой ерундой. А если корабль достаточно большой, я сперва спрошу разрешения у начальника своей секции. — Макс сел и пристально посмотрел на Сэма. — Сэм, ты же бывал в космосе. Правда ведь?

— Как такая глупая мысль пришла тебе в голову?

— Из какой ты гильдии?

— Заткнись, Макс. Кто не спрашивает, тому не соврут. Может, я все это изучил по чужим разговорчикам, так же как ты.

— Не верю я, — покачал головой Макс. По лицу Сэма было видно, что он оскорблен до глубины

души. Макс продолжил:

— Так к чему все это? Ты задаешь мне уйму глупейших вопросов. Конечно же, я про космос кое-что знаю: я читал о нем всю свою жизнь, и дядя Чет рассказывал мне целыми днями напролет. Но что с того?

Сэм поглядел на него и тихо произнес:

— Макс, «Асгард» уходит в ту среду к звездам. Ты хотел бы быть в нем?

Макс подумал. Быть в сказочном «Асгарде», лететь к звездам. Он отбросил эти видения в сторону.

— Не говори так, Сэм! Ты же знаешь, что я отдал бы за это свою правую руку. Зачем меня дразнить?

— Сколько у тебя денег?

— А? А что?

— Сколько?

— У меня даже не было времени их сосчитать. — Макс начал было вытаскивать из кармана пачку, но Сэм торопливо остановил его.

— Тсс! — сказал он. — Не надо размахивать деньгами в этом месте. Ты чего хочешь — поесть или чтоб тебе перерезали горло? Держи их под столом.

Пораженный Макс выполнил указание Сэма.

Еще больше его поразил результат подсчета денег; он понимал, что ему дали их много, но чтобы столько — у него этого и в мечтах не было.

— Так сколько же? — настаивал Сэм. Макс сказал ему, и Сэм тихо выругался. — Ну что же, этого как раз примерно хватит.

— На что хватит?

— Увидишь. А пока спрячь их подальше.

Спрятав деньги, Макс произнес несколько удивленно:

— Сэм, я и подумать не мог, что эти книги так много стоят.

— Да ничего они не стоят.

— Что?

— Это все лапша на уши идиотам. Так поступают многие гильдии. Они делают вид, что их профессиональные секреты — прямо-таки драгоценность, и для этого заставляют кандидата выложить кругленькую сумму за полагающиеся ему справочники и руководства. Если бы эти штуки публиковались обычным образом, они стоили бы куда меньше.

— Но это правильно, верно ведь? Как мне объяснил достопочтеннейший Верховный Секретарь, не годится, чтобы этими познаниями мог распоряжаться первый встречный.

Сэм издал малопристойный звук и сделал вид, что сплевывает.

— А какая разница? Ну вот, были бы они все еще у тебя, ну и что? У тебя же нет корабля, которым можно управлять.

— Но ведь… — Макс прервал фразу на полуслове и ухмыльнулся. — В любом случае ничего не изменилось от того, что они забрали у меня эти книги. Я же их читал, так что теперь знаю, что там в них.

— Знаешь, конечно знаешь. Ты, возможно, даже запомнил некоторые методы. Но у тебя нет всех этих колонок цифр, чтобы находить ту, которая тебе нужна тогда, когда она тебе нужна. Больше всего они беспокоятся как раз об этом.

— Да есть они у меня! Я же тебе сказал, что я их читал. — Макс наморщил лоб и начал цитировать: — Страница 272, Численное решение дифференциального уравнения движения методом Рикардо… — И он пошел выдавать последовательность семизначных чисел. Сэм слушал его со все растущим удивлением, а затем прервал:

— Парень, ты что — действительно все это помнишь? Ты не дуришь меня?

— Конечно нет, ведь я же читал все это!

— Да, чтоб меня… Слушай, ты что, из этих, ко-

торые читают страницу с одного взгляда?

— Нет, не то чтобы… Я читаю быстро, но мне нужно действительно читать. Но я ничего не забываю. Я никогда не мог понять, как это другие забывают. Я-то сам не могу ничего забыть.

— Я вот лично сумел позабыть целую уйму всякого, — потряс головой Сэм. — И слава Богу. — Он на несколько секунд погрузился в размышления. — Если так, то мы, пожалуй, можем забыть эту самую хохму, используем лучше твои хитрые способности.

— Про что ты там? Какую хохму?

— Мм… пожалуй, нет. Я все-таки был прав в первый раз. Идея была — убраться отсюда. С такой твоей памятью шансы становятся значительно лучше. Хотя ты пользуешься сленгом вроде бы вполне свободно, все равно я беспокоился. А теперь — нет.

— Сэм, кончай говорить загадками. Что это ты задумал?

— Ну ладно, парень, я выложу тебе все. — Он осторожно оглянулся по сторонам, наклонился к Максу и заговорил еще тише: — Мы берем эти деньги, и я распределяю их по нужным рукам. В результате к моменту взлета «Асгарда» мы зачислены в его команду.

— Как стажеры? У нас же не будет времени пройти наземную школу. Да и ты к тому же слишком стар для стажера.

— Шевели мозгами получше! У нас не хватит даже на один вступительный взнос, не говоря уж о двух, в любую из космических гильдий. Да и вообще «Асгард» не берет стажеров. Мы будем бывалыми странниками, членами одной из гильдий, и все это будет подкреплено документами.

— Но за это сажают в тюрьму! — возмутился Макс, кое-как переварив услышанное.

— А сейчас ты где находишься?

— Во всяком случае, не в тюрьме. И не собираюсь.

— Да вся эта драгоценная планета — одна большая тюрьма. И вдобавок переполненная. Ну какие у тебя шансы в жизни? Если ты не родился либо богатым, либо в одной из наследуемых гильдий, что ты можешь сделать? Только подрядиться в какую-нибудь трудовую корпорацию.

— Но есть же и ненаследуемые гильдии.

— А ты можешь заплатить взнос? Тебе остался год, может — два, а потом ты будешь слишком стар, чтобы быть стажером. Если хорошо уметь мухлевать в карты, можно и успеть накопить эти деньги, а заработать? На это уйдет вся твоя

жизнь! Эти деньги должен был скопить твой папаша, а он оставил тебе вместо этого ферму. — Сэм вдруг прервался и задумчиво укусил свой палец. — Макс, я буду с тобой честен. Ведь твой отец все-таки обеспечил тебе хороший старт. С теми деньгами, что у тебя теперь есть, ты вполне можешь вернуться домой, нанять адвоката попронырливее и, вполне возможно, вытащить из этого экспоната Монтгомери деньги, которые он жульнически получил за твою ферму. А потом тебе хватит на вступительный взнос в какую-нибудь гильдию. Сделай это, парень, сделай, я у тебя на пути стоять не буду. — Он испытующе глядел на Макса.

Макс думал о том, что всего несколько часов назад он отказался от возможности получить профессию бесплатно. Может, стоит передумать. Может быть…

— Нет! Это не то, что мне нужно. А эта самая твоя… идея — как мы все это устроим?

Сэм заметно расслабился и улыбнулся.

— Вот это молодец!

Сэм снял комнату как раз над рестораном Перси, в ней оставил Макса, а сам взял у него деньги и несколько раз куда-то уходил. Когда Макс попытался что-то возразить, Сэм устало сказал:

— Ну чего ты хочешь? Чтобы я оставил тебе в залог свою голову? Или ты хочешь, чтобы мы пошли вдвоем и перепугали их до потери пульса? Люди, с которыми я должен переговорить, не собираются рисковать. А может, ты считаешь, что можешь и сам все это организовать? Твои деньги и мое умение — такое у нас будет партнерство.

Когда Сэм ушел первый раз, Макса грызли сомнения, но вскоре тот вернулся. В один из разов Сэм привел с собой толстенную, преклонных лет даму, которая оглядела Макса так, словно тот был скотиной, выставляемой на продажу. Сэм не стал ее представлять, а вместо этого спросил:

— Ну как? Я думаю, что тут пригодились бы усы.

Дама посмотрела на Макса с одной стороны, потом с другой. И твердо отрезала:

— Нет.

Она потрогала голову Макса холодными, влажными пальцами; когда он испуганно отпрянул, она посоветовала ему: — Да не дергайся ты, сахарный ты мой. Тете Бекки предстоит над тобой потрудиться. Нет, мы сдвинем вверх край волосяного покрова вот здесь, у висков, чуть проредим волосы на макушке, уберем этот их блеск. Добавим для комплекта несколько легких морщинок,

татуированных около глаз. Мм… пожалуй, и все. Главное — не перестараться.

Когда эта пузатая художница окончила свою работу, Макс стал выглядеть на добрых десять лет старше. Потом она спросила Макса, как он хочет — чтобы корни волос были уничтожены или чтобы со временем волосы опять выросли? Сэм начал было настаивать на перманентности, однако она отодвинула его в сторону.

— Я дам ему пузырек «Чудодейственного восстановителя» — без всякой платы, это же просто спирт, а он будет натираться им на глазах у вашей публики со всей возможной суетой. Ну как, годится это, сладкий? Такого хорошенького не хочется старить навсегда.

Макс принял от нее пузырек с надписью *«Чудодейственный восстановитель — или волосы восстанавливаются, или деньги возвращаются».*

Сэм забрал у Макса его удостоверение личности и вернулся с другим. В этом новом удостоверении была правильная фамилия и неверный возраст, правильный номер и неверный род занятий, правильный отпечаток большого пальца и неверный адрес. Макс с любопытством осмотрел документ.

— Выглядит как настоящий.

— Еще бы. Человек, сделавший его, делает

настоящие тысячами. Только за такие он берет дополнительную плату.

Тем же вечером Сэм принес откуда-то книгу с названием «Корабельная экономика». На ее переплете был рельефно оттиснут герб Гильдии космических стюардов, поваров и счетоводов.

— Постарайся этой ночью не ложиться и запомни из нее, сколько сможешь. Даже с тем зельем, которое Перси подсыпал ему в стакан, ее хозяин не проспит больше десяти часов. Дать тебе таблетку, чтобы не уснуть?

— Да не надо. — Макс оглядел книгу. Она была довольно толстая и с мелким шрифтом. В пять утра Макс разбудил Сэма, вернул ему книгу и лег спать с головой, гудящей от штабелирования и приготовления груза, от расчетов распределения масс и моментов инерции, от гидропонических техник, учета груза, налоговых отчетов, диет, хранения и приготовления пищи, ежедневных, еженедельных и поквартальных отчетов и от рекомендаций, как избавиться от крыс в помещениях, которые невозможно освободить от персонала. Совсем ничего сложного, решил он, трудно было понять, почему такая ерунда считалась чересчур эзотеричной для непосвященных.

На четвертый день заточения Сэм снабдил Мак-

са поношенной корабельной формой и вручил ему потертую трудовую книжку в пластиковой обложке. Первая страница этой книжки провозглашала Макса полноправным братом стюардов, поваров и счетоводов, достойно завершившим ученичество. Далее перечислялись освоенные им ремесла. Еще выяснилось, что он уже семь лет регулярно платит ежеквартальные членские взносы. Откуда-то взявшаяся его собственная подпись стояла рядом с подписью Верховного Стюарда; обе они были продавлены рельефной печатью Гильдии. Последующие страницы книжки были заполнены перечислением его рейсов, оценкой его эффективности и прочими аналогичными данными, все записи были соответствующим образом подписаны первыми помощниками и казначеями. Макс с интересом узнал про себя, что он был оштрафован на трехдневный заработок за курение в запрещенном месте во время полета на «Лебеде» и что однажды, заплатив за это соответствующий взнос Гильдии картографов и вычислителей, проходил шестинедельное обучение с целью получить квалификацию картографа.

— Замечаешь тут нечто странное? — спросил Сэм.

— Мне тут все кажется странным.

— Тут сказано, что ты был на Луне. Все бывали на Луне. Только вот почти все корабли, на которых ты служил, уже списаны, и ни одного из твоих казначеев нет сейчас в Земпорте. А единственный звездный корабль, в котором ты совершал прыжок, пропал без вести в следующем же походе. Ясно тебе?

— Пожалуй, да.

— Когда ты будешь разговаривать с каким-нибудь другим космонавтом, на каком бы корабле он ни служил, ты служил на другом. Ведь ты же не будешь показывать свою книжку никому, кроме казначея и своего непосредственного начальника.

— А что, если кто-нибудь из них служил на одном из этих кораблей?

— На «Асгарде» этого не случится. Уж об этом-то мы позаботились. А теперь я выведу тебя в общество — на вечеринку. Ты пьешь исключительно теплое молоко по причине своей язвы и канючишь, если его нет. И ты почти ни о чем больше не разговариваешь — только о своих симптомах. Ты прямо сейчас же начинаешь создавать себе репутацию неразговорчивого: чем меньше разеваешь варежку, тем меньше шансов пролететь.

Следи за собой, парень, получше — весь вечер ты будешь среди космонавтов. Если у тебя это пойдет сикось-накось, ей Богу, я верну тебя на землю и полечу один. Дай-ка я еще погляжу, как ты ходишь.

Макс прошелся. Сэм тихо выругался.

— Ужас, ты так и продолжаешь ходить, как сельский дурачок. Да вытащи ты ноги из этой грязной борозды.

— Неужели совсем плохо?

— Что поделаешь, уж как есть. Хватай шапку. Будем ковать железо, пока горячо, а мосты за нами пусть горят синим пламенем.

Глава 6
АСТРОНАВТ ДЖОНС

«Асгард» стартовал на следующий день. Макс проснулся рано и попытался разбудить Сэма, однако это оказалось непростой задачей. В конце концов тот сел.

— Господи, да что же это с головой! Сколько времени?

— Около шести.

— Шесть, и ты меня разбудил? Ты должен быть благодарен судьбе за то, в каком я сейчас состоянии. Только оно мешает мне отправить тебя к твоим пращурам. Спи.

— Но сегодня же старт!

— Ну и что? Старт в полдень. Мы заявимся в последнюю минуту; таким образом у тебя будет меньше шансов лопухнуться.

— Сэм? Откуда ты знаешь, что они нас возьмут?

— Да бога ради, какой же ты зануда! Все же договорено. А теперь заткнись. Или иди вниз и завтракай — только ни с кем не разговаривай. И, если ты настоящий друг, принеси мне кофе

в десять.

— И завтрак?

— Не упоминай про пищу в моем присутствии. Имей хоть какое-нибудь сострадание.

Когда они появились у ворот порта, было уже полдвенадцатого; десять минут спустя автобус доставил их к кораблю. Макс начал было глазеть на огромные, вздувающиеся борта, однако это его занятие было прервано человеком, стоявшим около подъемника с листом бумаги в руках.

— Фамилии?

— Андерсон.

— Джонс!

Он отметил их в списке.

— В корабль. Вы обязаны были быть здесь еще час назад.

Вместе с ним они залезли в подъемник, клетка которого тут же оторвалась от бетона и пошла вверх, раскачиваясь на подвеске, как ведро в колодце.

Сэм поглядел вниз и зябко поежился.

— Никогда не уходи в рейс в бодреньком состоянии, — порекомендовал он Максу. — А то еще станет жалко расставаться с Землей.

Клетку втянули в корабль, люк закрылся, и они вступили на палубу «Асгарда». Макса пробирала

дрожь, как артиста перед первым выходом на сцену.

Он ожидал, что сейчас первый помощник возьмет с него присягу на верность команде корабля, как того требовал закон. Однако встретили его прямо-таки до унизительного буднично. Член команды, встретивший их у корабля, сказал, чтобы они шли за ним, и привел их в канцелярию казначея. Там старший делопроизводитель велел им расписаться и поставить отпечатки пальцев в толстой книге. При этом он широко зевал и все время стучал по своим крупным, как у лошади, зубам. Макс отдал ему свою поддельную трудовую книжку. Ему все время казалось, будто на ней огромными буквами стоит «фальшивка». Однако мистер Куйпер попросту бросил ее в корзину для входящих бумаг.

— На этом корабле всегда полный порядок, — сообщил он им устало. — Вы начинаете с того, что чуть не опоздали к старту. Худое начало.

Сэм не ответил ничего. Макс сказал:

— Да, сэр.

Старший делопроизводитель продолжал:

— Кидайте свои шмотки, ешьте и приходите сюда. — Он взглянул на висевшую на стене схему. — Один из вас будет в Д-112, а другой в Е-009.

Макс хотел было спросить, как туда добраться, но Сэм взял его за локоть и осторожно вытащил из канцелярии. Оказавшись за дверью, он сказал:

— Не задавай вопросов, если без этого можно обойтись. Сейчас мы на палубе Б, и это все, что нам нужно знать.

Пройдя немного, они обнаружили трап и пошли по нему вниз. Макс ощутил неожиданное изменение давления воздуха.

— Закупорились герметично, — пояснил Сэм. — Теперь скоро.

Они были в Д-112, кубрике на восемь человек, и Сэм показывал Максу, как пользоваться наборным замком единственного свободного шкафчика, когда раздалась какая-то команда, разнесенная громкоговорителями. У Макса на мгновение закружилась голова, и появилось ощущение, словно его вес пульсирует. Затем все это прекратилось.

— Они малость задержались с синхронизацией поля — или у этого ведра с гайками плохо сбалансированный фазирователь. — Он хлопнул Макса по спине. — Вышло, сынок.

Они были в космосе.

Е-009 был еще на одну палубу ниже и на другой стороне; они оставили там Сэмово хозяйство

и пошли искать, где на этом корабле едят. Сэм остановил проходившего мимо астронавта.

— Эй, друг, мы тут в первый раз. Где у вас кают-компания для команды?

— На этой палубе, градусов восемьдесят по часовой стрелке и малость внутрь. — Он оглядел их. — В первый раз, говоришь? Что ж, скоро все сами увидите.

— А что, так уж?

— И еще хуже. Дурдом в квадрате. Не было бы у меня семьи, остался бы дома. — И он зашагал дальше.

Сэм сказал:

— Ты, сынок, не обращай внимания. На каждом корабле старожилы рекламируют его как худший из сумасшедших домов во всем космосе. Предмет гордости.

Однако следующее их столкновение с местным бытом, похоже, подтвердило мрачное предсказание: оказалось, что раздаточное окно кают-компании закрылось в полдень, со стартом корабля; Макс уже скорбно приговорил себя к существованию с голодным брюхом до самого вечера. Однако Сэм толкнулся за перегородку и через некоторое время появился оттуда с двумя наполненными подносами. Они отыскали сво-

бодные места и сели.

— Как это у тебя выходит?

— Любой повар тебя накормит, если ты только дашь ему возможность спервa объяснить тебе, какая ты есть гнида и почему ему, вообще говоря, не стоило бы этого делать.

Еда была приличная — настоящие пирожки с мясом, овощи, ржаной хлеб, пудинг и кофе. Макс быстро смел все со своих тарелок и стал размышлять, не рискнуть ли ему попросить добавки, однако решил, что не стоит. Разговор за столом шел о том и о сем: только один раз появилась опасность того, что выявится неопытность Макса, это когда какой-то компьютерщик напрямую спросил его про последний совершенный им рейс.

Опасность отвел Сэм.

— Имперская разведка, — коротко ответил он. — Мы оба пока еще под колпаком.

Компьютерщик понимающе ухмыльнулся.

— И в какой же тюрьме вы сидели? Совет Империи уже не знаю сколько лет не посылал секретных разведочных экспедиций.

— А эта была такой секретной, что они даже тебе позабыли о ней сообщить. Ты напиши им письмо и хорошенько их за это взгрей, — Сэм

встал из-за стола. — Макс, ты уже закончил?

По пути в канцелярию казначея Макс с беспокойством размышлял о своих возможных будущих обязанностях, перебирая в уме те навыки и опыт, которыми он, если верить трудовой книжке, должен был обладать. Беспокойство его оказалось совершенно напрасным. Мистер Куйпер с великолепным пренебрежением ко всей этой писанине назначил его скотником.

«Асгард» был комбинированным кораблем — одновременно пассажирский лайнер и транспортник. На его борту был племенной герефордский скот — два быка и две дюжины коров, а также богатейший ассортимент прочих животных, в которых по экономическим или экологическим причинам нуждались колонии, в том числе свиньи, куры, овцы, пара ангорских коз и семейство лам. Насаждать предпочтительно земную фауну на других планетах противоречило имперской политике; от колонистов ожидалось, что они будут строить экономику, базируясь на эндогенную фауну и флору; однако некоторые животные столь долго разводились людьми для своих нужд, что заменить их экзотическими тварями было нелегко. На Шестой (б) планете Гаммы Льва, Новом Марсе, ящерообразные, назы-

вавшиеся на местном лексиконе «тупомордами», или, короче, «тупами», могли заменить и действительно заменяли першеронов в качестве тяглового скота, обеспечивая при этом более высокую эффективность и экономичность. Но люди их не любили. С ними никогда не было привычного взаимного доверия, которое возникает между лошадьми и людьми; если только (на что не похоже) какая-либо ветвь этих ящеров не разовьет хоть в некоторой степени способность к раппорту с человеком, они обречены со временем на вымирание и замену лошадьми. И все это — за смертный грех неумения заключить прочный союз с наиболее хищным, нетерпимым, смертельно опасным и процветающим зверем в исследованной части вселенной — с Человеком.

Еще была клетка с английскими воробьями: Макс так никогда и не выяснил, для какого места и зачем потребовались эти мелкие крикливые стервятники; не был он знаком и со сложным математическим анализом, на основании которого делались заключения по таким поводам. Он просто кормил их и старался поддерживать чистоту в их клетке.

На «Асгарде» были и коты, однако большинство из них были свободными гражданами и

равноправными членами команды корабля; в их обязанностях было не давать сильно расплодиться мышам и крысам, отправившимся в космос вместе с представителями человечества. Одной из обязанностей Макса было менять посудины с песком на каждой из палуб и относить перепачканные в оксидайзер для обработки. Были и домашние коты, принадлежавшие пассажирам, несчастные пленники, заключенные в конурах, неподалеку от стойл скота. Здесь же проживали и собаки пассажиров; собаки на свободе на корабле не допускались.

Максу очень хотелось поглядеть на Землю, как сжимается ее шарик в черной, бездонной пустоте, однако такая привилегия предоставлялась исключительно пассажирам. То краткое время, когда это было возможно, он провел, таская свеженакошенную тимофеевку с гидропонной плантации в стойла и чистя вышеуказанные стойла. К работе этой он отнесся безразлично — и без ненависти, и без любви; по случайности ему поручили как раз такую работу, которую он понимал.

Непосредственным его начальником был главный корабельный эконом, мистер Джордана. Мистер Джи разделял управление хозяйством

корабля с мистером Дюпоном, главным пассажирским экономом; их царства граничили по палубе С. Мистеру Дюпону принадлежали пассажирские помещения, каюты офицеров, канцелярии, центры управления и связи, в то время как Джордана отвечал за все, что ниже (то есть ближе к корме), не считая инженерного оборудования — за кубрики команды, камбуз и кают-компанию, кладовые, стойла и конуры, гидропонную палубу и грузовые трюмы. Оба они подчинялись казначею, который, в свою очередь, был ответствен перед первым помощником.

Организация службы на космических кораблях происходила частично от организации военных кораблей, частично — от организации старинных океанских лайнеров, частично — от конкретных условий межзвездных путешествий. Первый помощник был хозяином корабля; капитан, если у него хватало мозгов, не вмешивался в его дела. Капитан, хоть и будучи по закону монархом этого миниатюрного царства, глядел наружу; первый помощник глядел внутрь. Пока все шло хорошо, капитан занимался исключительно постом управления и астронавигацией; всем остальным заправлял первый помощник. Даже астронавигаторы, связисты, компьютерщики и картографы

подчинялись первому помощнику, хотя, когда они были на вахте, он практически не имел к ним никакого отношения, так как работали они в Хитрой яме под руководством капитана.

Старший механик также был под первым помощником, однако он был почти самостоятельным сатрапом. На подтянутом, хорошо дисциплинированном корабле стармех поддерживал свою латифундию в таком порядке, что у первого помощника не возникало необходимости о ней беспокоиться. Старший механик отвечал не только за силовую установку и Хорст-Конрадовские движители, но и за все вспомогательное инженерное оборудование, где бы оно ни стояло, — например, за насосы и вентиляторы гидропонных установок, несмотря на то что непосредственно агрикультурой заведовал казначей через старшего корабельного эконома.

Такова была обычная организация пассажиротранспортных звездных кораблей, одним из которых и являлся «Асгард». Она не совпадала с организацией боевых кораблей и столь же принципиально отличалась от организации транспортов, использовавшихся для доставки на начинавшие осваиваться колонии заключенных и голи перекатной, — на таких кораблях казна-

чейский департамент обычно ограничивался одним-двумя клерками, а всю работу выполняли пассажиры, они готовили пищу, прибирали, нагружали, разгружали, в общем, делали все. Но «Асгард» имел на борту платных пассажиров; состояния некоторых из них измерялись в мега-долларах. Они хотели иметь обслуживание, как в пятизвездочном отеле, даже находясь в космосе на глубине многих световых лет. Из трех основных департаментов «Асгарда» — астронавигационного, технического и хозяйственного, последний значительно превосходил остальные по численности персонала.

Первый помощник может подняться до своего статуса из положения старшего астронавигатора, старшего механика или казначея; однако только при условии, что раньше он был астронавигатором, он может надеяться стать капитаном. Три этих типа офицеров были в своей основе математиками, физиками и менеджерами; капитану была нужна совершенно математическая квалификация для занятий астронавигацией. Первый помощник Вальтер был прежде, как это чаще всего и бывает на лайнерах, казначеем.

«Асгард» был маленьким и мирным, крохотной управляемой планетой. На нем имелся свой

монарх — капитан, своя абсолютно бесполезная аристократия — пассажиры, своя технократия и, конечно же, свои пильщики дров и водоносы. На нем были флора и фауна в экологическом балансе, он нес свое собственное миниатюрное солнце, заключенное в недрах силовой установки. Хотя расписание его рейсов предусматривало пребывание в открытом космосе в течение всего нескольких месяцев за рейс, в принципе, он мог находиться там неопределенно долго. Конечно, у шеф-повара может кончиться икра, но недостатка в пище, воздухе, тепле и свете не возникнет никогда.

Макс решил, что ему повезло оказаться под началом мистера Джорданы, а не старшего делопроизводителя. Мистер Куйпер все время присматривал за своими подчиненными, в то время как мистер Джи редко когда вытаскивал свою толстую тушу из кабинета. Это был веселый и приветливый начальник — если, конечно, все шло к полному его удовлетворению. Мистер Джи считал чрезмерным трудом спуск вниз, к стойлам; когда он пришел к убеждению, что Макс заботливо относится к животным и поддерживает порученный ему участок в чистоте, то бросил проверки и только приказал Максу ежедневно

являться к нему с отчетом. Таким образом, у Джорданы оставалось больше времени, которое он мог посвятить своему истинному призванию — изготовлению некой разновидности водки на перегонном аппарате, стоявшем в уголке его каюты. Исходное сырье бралось с гидропонных плантаций, которые, что было весьма удобно, также находились в его ведении. Он развернул обширную нелегальную торговлю этим благородным продуктом среди команды. Макс редко открывал свой рот, но уши постоянно держал открытыми. В результате он разобрался, что такая деятельность была обычной на кораблях прерогативой старшего корабельного эконома. На нее смотрели сквозь пальцы, буде придерживалась она в определенных рамках. На корабле была, естественно, кают-компания, где подавалось вино, а также и бар, но все это — только для «скотов»; для рядовых космонавтов эти заведения были недоступны.

— Как-то я служил на корабле, — сказал Максу Сэм, — где Первый прикрыл это хозяйство: расшиб аппарат, послал эконома мести палубу и вообще устроил скандал. — Он сделал паузу, чтобы затянуться от сигары, подарка какого-то пассажира; они гужевались у Макса на скотном

дворе, приятно сочетая болтовню и отдых. — Ничего не вышло.

— Как так?

— А ты сам подумай. Все должно уравновешиваться. Любой спрос рождает предложение. В этом простом факте все и заключено. Уже через месяц считай что в каждом более-менее укромном уголке корабля стоял аппарат, и команда едва держалась на ногах. Так что капитан имел серьезный разговор с первым, после чего все опять пошло нормальным ходом.

Макс обдумал этот рассказ.

— Сэм? Ты что, был корабельным экономом?

— Как? С чего это ты взял?

— Ну… Ты бывал в космосе и раньше, теперь ты от этого больше не отказываешься. И я подумал — ну вот, ты же мне так и не сказал, к какой гильдии ты принадлежал, и как оказался на мели, и почему тебе пришлось заниматься этими подделками, чтобы снова попасть в космос. Конечно, это все не мое дело.

Обычная Сэмова циничная улыбка сменилась выражением печали.

— Макс, с человеком, решившим, что он поймал судьбу за хвост, может случиться все что угодно. Взять хотя бы то, что произошло с одним

моим дружком по фамилии Робертс. Сержант Имперской морской пехоты, хороший послужной список, полдюжины звездных прыжков, пара боевых наград. Неглупый парень, почитывал книжки для экзамена на младшего офицера. Так вот, он как-то опоздал к старту — попал на Землю первый раз за не знаю сколько времени и малость перестарался, отмечая это дело. Надо было ему, конечно, сразу же явиться с повинной, сняли бы с него лычки и жил бы дальше, не так это и страшно. Беда была в том, что у него еще не кончилась капуста, а к тому времени, как он был уже без гроша и трезвый, как стеклышко, стало поздно. У него не хватило духу явиться, пройти через трибунал и отмотать срок. У каждого есть свой предел.

Подумав, Макс спросил:

— Ты хочешь сказать, что служил в морской пехоте?

— Я? Да ты что, конечно, нет, я просто рассказал про этого Робертса, чтобы ты видел, что может быть, если расслабишься. Поговорим лучше о чем-нибудь более приятном. Что ты собираешься делать дальше?

— В каком смысле?

— Ну что ты собираешься предпринять после

этого прыжка?

— А... Думаю, что опять то же самое. Мне нравится в космосе. Постараюсь ни во что такое не ввязываться и постепенно дослужиться до старшего эконома или старшего делопроизводителя.

Сэм отрицательно потряс головой.

— Думай, сынок, лучше. Как ты это себе представляешь, что случится, когда отзыв о твоей службе на этом корабле придет в гильдию? А копия будет послана в Департамент Труда и Гильдий?

— Что?

— Я же тебе говорю. Может, сначала ничего такого и не произойдет, может, ты сможешь совершить еще один рейс. Но в конце концов все эти бюрократические шестеренки повернутся, они сравнят документы и с удивлением увидят, что в то время, как этот корабль держит тебя за опытного помощника эконома, их картотеки знать не знают никакого Макса Джонса. Наступит такой день, когда после посадки на Землю внизу, у лифта, тебя будет ждать пара придурков с пушками в карманах, и эти придурки прямиком отправят тебя в каталажку.

— Но как же, Сэм? Я думал, что все устроено!

— Не булькай. Гляди на меня, я же совершенно

спокоен, а меня все это касается не меньше, чем тебя. А точнее говоря, по причинам, в которые мы не станем здесь вдаваться, — больше. Как говорится, кто старое помянет — вылетит, не поймаешь. А что касается до «все устроено», то все, как я и обещал. Ты же здесь, правда? А картотеки… извини, старик, но чтобы малость подправить картотеку гильдии, потребовалось бы раз в десять больше денег. А что касается того, как выяснить, где в Новом Вашингтоне лежит некий конкретный микрофильм, и как заменить его липовым, в котором был бы этот самый твой послужной список, я, по правде говоря, даже не знаю, с чего тут и начать. Хотя и не сомневаюсь, что сделать это можно, имея достаточно времени, денег и сообразительности.

Ощущения Макса по осознании этой новости были почти идентичны тем, которые он испытал, когда Монтгомери объявил, что ферма продана. Несмотря на ту работу, которой ему приходилось заниматься на корабле, ему здесь нравилось, и у него и помыслов не было менять что-нибудь. Он хорошо ладил с начальником, понемногу сходился с товарищами по работе и чувствовал себя вполне уютно и безопасно, как птичка в гнездышке. А вот теперь гнездышко это было

грубо порушено. Да что там, оказалось, что ни в каком он не в гнездышке, а в самой настоящей мышеловке.

Макс побледнел. Сэм успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Не мельтеши, парень. Не думай, что мы влипли.

— Тюрьма…

— Какая еще тюрьма?! Ты в самой что ни на есть безопасности, пока не вернешься на Землю. В Земпорте ты спокойно можешь сделать «Асгарду» ручкой, имея притом в кармане всю свою получку. У тебя будет в запасе несколько дней или недель, а то и месяцев, прежде чем кто-нибудь устроит шухер — или в центре этой твоей гильдии, или в Новом Вашингтоне. Ты сможешь затеряться среди четырех миллиардов людей. Твое положение будет ничем не хуже, чем тогда, когда ты первый раз на меня наткнулся — ты же помнишь, ты хотел тогда затеряться, помнишь? И у тебя в запасе будет один полет к звездам, о котором ты сможешь рассказывать внукам долгими зимними вечерами. А может, они никогда и не вспомнят о тебе; какая-нибудь канцелярская крыса засунет твой отзыв в ящик и будет он там лежать до скончания века. Или ты сумеешь убе-

дить какого-нибудь клерка в конторе мистера Куйпера нечаянно потерять копии этого отзыва и никуда их не посылать. Например, Нельсона, у него всегда какой-то голодный вид. — Говоря все это, Сэм внимательно глядел на Макса. Потом он добавил: — А то ты можешь сделать то же самое, что собираюсь сделать я.

Сперва до Макса дошла только часть того, о чем говорил Сэм. Потом он по второму разу проиграл в голове все услышанное и понемногу успокоился, начиная понимать, что положение его совсем не такое безнадежное. В том, что касается Нельсона, Сэм, похоже, был прав. Нельсон намекал уже обиняками, что совсем не обязательно оценки эффективности, стоящие в корабельных журналах, совпадают с теми, которые попадают в отчеты, — при определенных, ясное дело, обстоятельствах. Но тогда Макс об этом и не подумал, не имея ни малейшего представления, как давать взятку.

Когда прокручивание пленки в его голове дошло до последней ремарки Сэма, он встрепенулся:

— А что такое ты собираешься сделать?

Сэм внимательно разглядывал кончик своего окурка:

— Я соскочу.

Вот это уж понять было совсем не сложно. Однако по законам Империи преступление, которое собирался совершить Сэм, влекло за собой даже более тяжелое наказание, чем подделка документов гильдии. Дезертирство почти уравнивалось с предательством.

— Расскажи-ка мне поподробнее, — хриплым голосом сказал Макс.

— Давай-ка переберем в уме, где у нас будут посадки. Планета Гарсона, колонии, защищенные куполами, вроде как на Луне или на Марсе. В такой колонии ты или в точности выполняешь то, что тебе повелели власть имущие, или прекращаешь дыхательный процесс. Ты можешь даже спрятаться, получить новую личность, но, что ни делай, все равно ты будешь под этим куполом. Хорошего мало, даже на Земле свободы больше. Четвертая планета Ню Пегаса, Алкиона, совсем не дурна, хотя на ней и здорово холодно, когда она проходит афелий. Только вот она пока еще ввозит больше, чем вывозит. А это значит, что всем там крутят представители Империи, и местные носом землю будут рыть, чтобы словить дезертира. Далее мы подходим к Новой Земле, десятой Беты Водолея — а это, парень, как раз то, что доктор прописал и отчего поп пляшет.

— Ты там был?

— Один раз. И надо было там же и остаться. Макс, ты себе только представь место вроде Земли, но лучше, чем Земля вообще когда-нибудь была. Лучше погода, земля обширнее и плодороднее, леса, которые сами просятся, чтобы их рубили, дичь, которая, считай, сама в кастрюлю прыгает. Не нравится тебе поселок — ради бога, иди себе дальше и дальше, пока не окажется, что никого рядом нет. Ткни в землю семечко и отпрыгивай сразу в сторону, чтоб ростком не зашибло. Никаких надоедливых насекомых. Практически никаких земных болезней, а местные микробы наше племя на дух не переносят. Стремительные реки. Спокойные океаны. Ты б только видел…

— А если они нас словят и выдадут?

— Мало шансов. Тамошние колонисты сами хотят иметь побольше людей, а имперским они помогать не будут. Даже сбор налогов с них — веселенькое занятие для Имперского Совета. Да они даже и пытаться не будут поймать дезертира за пределами больших городов, — тут Сэм ухмыльнулся, — и знаешь, почему?

— Почему?

— А потому, что смысла нет. Имперского пошлют, чтобы он словил кого-нибудь вон за тем

бугром; пока он будет там оглядываться да приглядываться, то вдруг увидит, что на него глазеет златоволосая дочь какого-нибудь фермера — у них там по восемь-девять детей в семье и всегда есть уйма доченек, созревших для замужества и с во-о-от таким желанием сделать это. И вот в самом скором времени он уже фермер с бородой, женой и новым именем. Он же был холостяком и давно не был дома, а может, он женат на Земле и как раз из-за этого не хочет домой, хоть так, хоть сяк, но даже Имперский Совет не может бороться с человеческой натурой.

— Я не хочу жениться.

— Это — как вам захочется. Но что самое приятное, на этой планете царит какая-то уютная расхлябанность. За пределами городов нет налога на недвижимость. Никто не стал бы его платить; они бы просто снялись с места и пошли дальше, если только просто не пристрелили бы налогового инспектора. Никаких гильдий — ты можешь вспахать борозду, распилить доску, поездить на грузовике или нарезать резьбу на водопроводной трубе — и все в один день, ни у кого не спрашивая разрешения. Человек может делать все, что ему заблагорассудится, и никто его не остановит, не скажет ему, что у него нет прирожденного

права на это занятие, или что он недостаточно молод, чтобы начинать это делать, или что он не уплатил взнос. Все это колонистам до лампочки, у них больше работы, чем людей, которые могут ее делать.

Макс попытался представить себе такую анархию, но не смог. Он такого никогда не видел.

— А как же гильдии, они разве не против?

— Какие там на фиг гильдии? Конечно же, руководство их там, на Земле, пыталось что-то возражать, узнав о таком безобразии, но их не поддержал даже Имперский Совет. Они же не совсем идиоты и у них достаточно здравого смысла, чтобы не пытаться вычерпать море ложкой.

— И вот туда ты и собираешься направиться, — задумчиво сказал Макс. — Звучит привлекательно.

— Я собираюсь. Действительно, привлекательно. Там была одна девушка — о, теперь она, конечно же, замужем, они там рано замуж выходят, — но у нее были сестры. Ну так вот, как я себе это представляю — это касается и тебя, если ты тоже двинешь со мной. Так вот, в первый раз, как я выйду там на поверхность, я кое-кого повидаю. А в последний раз — я надеюсь, что это будет в последний вечер перед стартом, — я выйду из

корабля, потом через главные ворота и прямо за горизонт с максимально возможной скоростью. К тому времени, как меня отметят «не вернулся», я буду уже лежать на пузе на берегу журчащего ручейка в девственном лесу, растить бороду и учить наизусть свое новое имя. Если хочешь, ты будешь рядом. С удочкой.

Макс неловко заворочался. Сцена, нарисованная Сэмом, пробудила в нем деревенскую ностальгию, о присутствии которой в себе он даже не подозревал. Но не мог же он так сразу отбросить свое новое, столь долго им желанное положение космонавта.

— Я подумаю.

— Подумай, подумай. Времени у тебя для этого больше чем достаточно — несколько недель. — Сэм поднялся. — А я поспешу-ка лучше на место, пока Старый Добрый Хозяин Дюмон не начал беспокоиться, что меня там задерживает. Пока, сынок, и не забывай — только очень плохой ветер дует все время в одну сторону.

Глава 7
ЭЛДРЕТ

Служебные обязанности не приводили Макса на уровни выше палубы С кроме как для смены кошачьих посудин, а это он обычно делал рано, пока пассажиры не встали. Ему очень хотелось посмотреть пост управления, но случай не представлялся, это было еще выше пассажирских уровней. Время от времени кто-нибудь из владельцев одной из семи собак или трех кошек, находившихся на попечении Макса, заходил пообщаться со своей движимой собственностью. Иногда результатом этого визита бывали чаевые. По первости Макс отказывался из своей врожденной гордости горца, но Сэм быстро вправил ему мозги.

— Не будь идиотом, они же могут это себе позволить. Какой смысл отказываться?

— Но я же так и так гуляю ихних бобиков. Это же моя работа.

Может, слова Сэма и не убедили бы его, если бы мистер Джи не поднял разговора об этом в конце первой недели. Он, видимо, довольно точно пред-

ставлял себе обычную величину улова и ожидал получить с него некий процент «в социальный фонд».

Когда Макс задал Сэму вопрос, что это еще за фонд, Сэм рассмеялся.

— Оч-чень интересный вопрос. Есть еще какие-нибудь вопросы?

— Да, пожалуй, нет.

— Макс, я тебя просто люблю. Но ты все еще не можешь сообразить, что в чужой монастырь со своим уставом не суются. У каждого племени свои обычаи, и то, что хорошо в одном месте, никуда не годится в другом. Есть такие народцы, у которых первая обязанность любящего сына — угробить своего папашу и подать его на обед, как только сынок наберется силенок для такого мероприятия. И довольно цивилизованные народцы. Их даже признает дипломатически Имперский Совет. Вот как ты можешь оценить это с точки зрения морали?

Макс читал о таких культурах — тихие, миролюбивые бнаторы, неуклюжие, богатые двоякодышащие с Палдрона, которых можно было назвать какими угодно, только не тихими, вероятно, какие-нибудь еще… Он не ощущал себя вправе выносить суждение негуманоидным

расам. Сэм продолжал:

— Я встречал в жизни таких экономов, по сравнению с которыми эти мягкопузые смотрятся филантропами. Ты погляди на ситуацию с его точки зрения. Он считает все это прерогативой своего служебного положения, он считает эти деньги такой же естественной частью своего дохода, как и зарплата. Таков обычай. Он добился своего положения многими годами тяжкого труда и ожидает вознаграждения за это.

Сэм умеет убеждать, думал Макс — и все же не мог согласиться с его основной предпосылкой. Были вещи хорошие и были вещи плохие, это не зависело от того, где ты находишься, он ощущал это с внутренней убежденностью, укоренившейся в нем слишком глубоко, чтобы ее мог пошатнуть веселый цинизм Сэма. Макса беспокоило, что он находится там, где находится, благодаря мошенничеству; иногда он не мог уснуть, терзаемый угрызениями совести.

Однако еще больше его беспокоило то, что обман может выйти наружу. Он ни на минуту не переставал обдумывать предложение Сэма.

Единственным внеземным существом на попечении Макса была паукообразная собака с землеподобной планеты Гесперы. В первый день

исполнения своих обязанностей на «Асгарде» Макс обнаружил это существо в одной из клеток, предназначенных для кошек. Макс заглянул в эту клетку; на него смотрело маленькое, грустное, похожее на обезьянье лицо.

— Привет, человек!

Макс знал, что некоторые из паукообразных собак способны освоить человеческий язык в некотором объеме, но все равно от неожиданности отскочил. Несколько придя в себя, он осмотрел существо повнимательнее.

— Тебе привет, — ответил он. — Господи, да как же роскошно ты выглядишь.

На спине существа мех имел богатый, насыщенный зеленый цвет. Этот цвет переходил в оранжевый на боках и в нежно-кремовый на маленьком круглом брюшке.

— Хочу выйти, — констатировала паукообразная собака.

— Да не могу я тебя выпустить. У меня много работы.

Он прочитал прикрепленную к клетке карточку: «Мистер Чипс» было написано на ней. «Psevdocanis hexapoda hesperae.[28] Владелец:

---

[28] notes: 28
Псевдопес шестиногий гесперианский (лат.).

Мисс Э. Кобурн, А-092»; далее следовала подробная инструкция по обращению и питанию. Питался Мистер Чипс гусеницами, запас которых находился в отделении Н118 морозильника, а также свежими фруктами и овощами, как в сыром, так и в вареном виде; ему необходимо было давать йод в случае отсутствия водорослей и артишоков. Макс покопался в своей памяти, перебрал то, что читал про эти существа, и решил, что инструкция верна.

— Пожалуйста, выпусти! — настаивал Мистер Чипс.

Трудно было устоять перед этой мольбой. Ни одна прекрасная дева, взывающая с башни, в которую ее заточили злодеи, не смогла бы вложить больше чувства в свой зов. Помещение, где находились кошачьи клетки, было тесным, и дверь его запиралась; возможно, Мистеру Чипсу позволительно будет малость побегать, но это потом, сейчас Максу надо было позаботиться о других животных.

Когда Макс уходил, Мистер Чипс держался за прутья клетки и тихо всхлипывал. Макс оглянулся и увидел, что тот плачет самыми взаправдашними слезами. Одна капля дрожала на кончике смешного маленького носа; уйти от это-

го зрелища было почти невозможно. Сперва он покончил со стойлами, а потом взялся за кошек и собак; когда они были накормлены, а клетки их вычищены, он смог уделить внимание своему новому знакомому. Для начала он его покормил, что остановило слезы. Однако, когда он вернулся, требования выпустить возобновились.

— Если я тебя выпущу, ты потом вернешься в клетку?

Паукообразный щенок задумался. Было похоже, что условное предложение превосходит его семантические возможности, так как вместо ответа он повторил:

— Хочу выйти.

Макс решился рискнуть. Мистер Чипс вскарабкался к нему на плечо и стал рыться в его карманах.

— Конфета, — потребовал он. — Конфета?

Макс погладил его.

— Извини, друг. Я же не знал.

— Конфета?

— Нет конфеты.

Мистер Чипс лично это проверил, а затем устроился на сгибе Максовой руки, собираясь, похоже, провести здесь не менее недели. Он не очень походил, решил Макс, на собаку и уж совсем не

был похож на паука; только шести лап было многовато. У передних были крохотные ладошки, а средние могли служить как руками, так и ногами. Больше всего существо напоминало обезьянку, а на ощупь — кошку. От него исходил легкий пряноватый запах, и он, похоже, был очень чистым.

Макс попытался втянуть Мистера Чипса в разговор, но быстро обнаружил, что интеллектуальные его возможности крайне ограничены. Не подлежало сомнению, что он осмысленно использует человеческие слова, однако словарь его был не богаче, чем у не слишком сообразительного двухлетнего ребенка.

Попытка Макса водворить его обратно в клетку привела к двум десяткам минут активных физических упражнений, перемежавшихся патовыми ситуациями. Мистер Чипс метался над клетками, приводя кошек в истерику. Когда паукообразный щенок наконец великодушно позволил себя поймать, он все равно продолжал сопротивляться попыткам себя заточить; делал он это, цепляясь за Макса и всхлипывая. Кончилось все тем, что Макс укачал его, как ребенка, и положил в клетку сонного.

Это было ошибкой. Прецедент был создан, и с этого дня Максу не дозволялось покинуть поме-

щение с клетками, не укачав дитятко.

Он не понимал «Мисс Кобурн», упомянутую на карточке в качестве владелицы. Все владельцы кошек и собак приходили к своим питомцам, однако у Мистера Чипса посетителей не было. «Мисс Кобурн» рисовалась Максу как желчная старая дева с длинным иссохшим лицом, получившая животное в подарок на отъезд и недовольная этим подарком. По мере роста дружбы с паукообразным щенком воображаемый образ «Мисс Э. Кобурн» становился, если это возможно, еще менее привлекательным.

«Асгард» был в космосе уже свыше недели, и оставалось всего несколько дней до первого пространственного скачка, когда Максу предоставилась возможность сравнить этот воображаемый образ с реальностью. Он чистил стойла, Мистер Чипс сидел на его плече и подавал советы, когда из помещения с клетками послышался резкий голос.

— Мистер Чи-ипс! Чипси! Ты где?

Паукообразный щенок резко сел и повернул голову. Почти в тот же момент в дверях появилось молодое существо женского пола. Мистер Чипс взвизгнул: «Элли!» — и прыгнул хозяйке на руки. Пока они облизывали друг друга, Макс

присмотрелся. Шестнадцать, оценил он, может, семнадцать. А может, восемнадцать — кой черт, как можно в этом разобраться, когда бабы такое выделывают со своими физиономиями? Как бы там ни было, красавицей назвать ее было нельзя; выражение ее лица также мало помогало делу. Девица взглянула на Макса и зло спросила:

— Что ты делал с Чипси? Отвечай мне!

— Ничего, — еле сдержался Макс. — Если вы позволите, мэм, я продолжу свою работу. — Он отвернулся от нее и наклонился над своей шваброй.

Она схватила его за руку и развернула к себе.

— Отвечай мне! А то… а то… я капитану скажу, вот что я сделаю.

Макс досчитал до десяти, потом, для полной верности, вспомнил первый десяток чисел из семизначной таблицы натуральных логарифмов.

— Это ваше право, мэм, — сказал он со спокойствием, стоившим ему больших усилий, — но сперва скажите, как ваша фамилия и по какому делу вы здесь? Я заведую этими помещениями и отвечаю за этих животных — от имени капитана. — Он знал, что таков закон Космоса, хотя связь оного закона с данным случаем и была несколько натянутой.

На лице девицы появилось удивление.

— Как же, я же Элдрет Кобурн, — выпалила она таким голосом, словно это было всем известно.

— А по какому вы делу?

— Я пришла поглядеть на Мистера Чипса — разве не ясно?

— Очень хорошо, мэм. Вы можете навещать своего питомца в подходящее для этого время, — добавил Макс, дословно цитируя инструкцию. — После этого он должен вернуться в свою клетку. Вы не имеете права беспокоить прочих животных, а также кормить их. Такова инструкция.

Она хотела было что-то сказать, передумала и прикусила губу. Паукообразный щенок все это время переводил взгляд с одного лица на другое, вслушиваясь в разговор, далеко превосходящий возможности его понимания, хотя, возможно, он и ощущал кипевшие тут эмоции. Потом он протянул лапку и подергал Макса за рукав.

— Макс, — очень вовремя объявил Мистер Чипс. — Макс!

Лицо мисс Кобурн снова приобрело пораженный вид.

— Это твое имя?

— Да, мэм. Макс Джонс. Он, видимо, хочет меня вам представить. Это так, старик?

— Макс, — твердо повторил Мистер Чипс. — Элли.

Элдрет Кобурн посмотрела себе на ноги, потом с неловкой улыбкой подняла глаза на Макса.

— Вы тут, похоже, друзья. Я, кажется, наговорила чего не надо. Всегда я со своим языком…

— Я уверен, что вы не хотели меня оскорбить, мэм.

Макс продолжал говорить официальным голосом; она торопливо ответила:

— Но я же говорила грубости! Мне так жаль — мне всегда потом жаль. Но я так перепугалась, увидев, что клетка открыта и в ней никого нет. Я подумала, что лишилась Чипси.

Макс неохотно улыбнулся.

— Я понимаю. Ничуть вас не виню. Вы испугались.

— Вот именно, я страшно испугалась. — Она вскинула глаза. — Чипси зовет тебя Максом. Можно, я тоже буду звать тебя Макс?

— Почему же нельзя? Все так делают — это же мое имя.

— А ты зови меня Элдрет, Макс. Или просто Элли.

Пока Макс прибирал в стойлах, Элли оставалась там, играя со своим Чипси. Потом она вздохнула

и сказала:

— Думаю, мне надо бы идти, а то они там начнут меня искать.

— Вы придете еще?

— Конечно.

— М-м-м… Мисс Элдрет…

— Элли.

— Можно я спрошу вас? — Он говорил торопливо. — Может, все это и не мое дело, но что вас не пускало? Этой мелкой твари было жутко одиноко. Он уже думал, что вы его бросили.

— Не «он» — «она».

— Чего?

— Мистер Чипс — девочка, — произнесла она извиняющимся голосом. — Это была ошибка, которую может сделать кто угодно. А потом было уже поздно, перемена имени только совсем смутила бы ее.

Паукообразный щенок глянул своими сообразительными глазами и повторил:

— «Мистер Чипс — девочка». Элли, конфета?

— В другой раз, сладкая ты моя.

У Макса были большие сомнения в том, что имя было так уж важно, особенно если принять во внимание, что ближайшие паукообразные собаки были удалены на многие световые годы.

— Но вы не ответили на мой вопрос.

— О, я от всего этого так бесилась, что только что не кусалась. Они мне не разрешали.

— Кто это «они»? Твои родители?

— Да нет! Капитан и миссис Дюмон. — У Макса стало складываться впечатление, что вытаскивать информацию из нее не многим легче, чем из Мистера Чипса. — Понимаешь ли, меня принесли на корабль на носилках — какой-то дурацкий жар, наверное — пищевое отравление. Не могло быть ничего особо страшного, здоровье у меня, как у быка. Но они держали меня в постели, а когда врач разрешил мне вставать, миссис Дюмон сказала, что я не должна спускаться ниже палубы С. У нее какие-то занудные представления, что прилично, а что нет.

Вообще говоря, Макс понимал, с чем связаны возражения супруги эконома; у него уже были случаи убедиться, что среди его товарищей по команде встречались экземпляры, мягко говоря, грубые, хотя он и не думал, чтобы кто-либо из них рискнул задеть пассажирку. Да за такое капитан Блейн, пожалуй, выкинет проштрафившегося в космос.

— Поэтому мне пришлось улизнуть потихоньку. Они, наверное, уже меня обыскались. Мне

лучше бежать побыстрее.

Однако это не сходилось с планами Мистера Чипса. Она вцепилась в Элли и хныкала, иногда прерывая это занятие для того, чтобы вытереть слезы крошечными кулачками.

— Господи, да что же мне делать!

У Макса на лице появилось озабоченное выражение.

— Я, наверное, избаловал его — ее то есть, я имею в виду Мистера Чипса. — Он объяснил, каким образом возник ритуал укачивания дитятки.

— Но мне же надо идти, — растерялась Элли. — Что же мне делать?

— Давай попробуем, пойдет ли он — она — ко мне.

Мистер Чипс пошла. Элдрет торопливо погладила ее и убежала, после чего Мистеру Чипсу для того, чтобы уснуть, потребовалось времени даже больше обычного. Макс размышлял, поддаются ли паукообразные собаки гипнозу; этот ритуал начинал уже ему надоедать.

Элдрет появилась на следующий день, сопровождаемая неусыпной в своей бдительности миссис Дюмон. Макс выказывал все возможное почтение жене эконома и не забывал называть

Элдрет исключительно «Мисс Кобурн». Наследующий день она явилась уже в одиночку. Он посмотрел ей за спину и изумленно воздел брови.

— А где же твоя дуэнья?

Элдрет хихикнула:

— Дюмонтиха посоветовалась со своим супругом, и тот вызвал твоего начальника — этого самого, толстого. Они сошлись во мнении, что ты — идеальный маленький джентльмен, абсолютно безопасный. Как тебе это нравится?

Макс поразмыслил.

— Честно говоря, по основному роду занятий я — убийца, но сейчас у меня отпуск.

— Вот и прекрасно. Что это у тебя здесь такое?

Это был набор для игры в трехмерные шахматы. Макс играл в них с дядей, это была любимая игра всех астронавигаторов. Обнаружив, что в нее играет кое-кто из картографов и компьютерщиков, он инвестировал свои чаевые в покупку набора в корабельной лавке. Набор был дешевенький, без предупредительных лампочек и дистанционного управления, просто этажерка из прозрачных пластин с фигурами не резными, а штампованными, однако для игры этого было достаточно.

— Это объемные шахматы. Когда-нибудь ви-

дела?

— Да. Только я не знала, что ты в них играешь.

— А почему нет? Ты играешь в обычные шахматы?

— Немножко.

— Ну так принципы те же самые, только фигур больше и есть еще одно направление, в котором можно ходить. Давай, я тебе покажу.

Она села, скрестив ноги, напротив него, и он показал ей ходы.

— Вот это автоматические транспортники, то есть пешки. Они могут превратиться во все что угодно, если дойдут до дальнего края. Вот эти четыре — звездные корабли, они одни ходят не по прямой, вроде коней. Они должны совершать пространственный скачок, всегда с того уровня, на котором стоят, на какой-нибудь другой, и этот скачок производится определенным образом, например так — или так. А это — Имперский флагман, это ему объявляется шах или мат. Потом есть еще… — Они сыграли пробную игру с помощью Мистера Чипса, которая с энтузиазмом двигала фигуры, не вникая особенно, чей сейчас ход.

Потом Макс сказал:

— Ты сечешь довольно быстро.

— Благодарствую.

— Только настоящие игроки, конечно же, играют в четырехмерные.

— А ты умеешь?

— По правде, нет. Но я когда-нибудь научусь, просто надо все время удерживать в голове на одну пространственную связь больше. Мой дядя играл. Он и меня хотел научить, но только умер. — Тут Макс поймал себя на том, что рассказывает про своего дядю. Он кончил этот рассказ без упоминания обо всех своих разочарованиях.

Элдрет взяла с одной из плоскостей звездный корабль.

— Макс, а что, скоро уже будет первый скачок, правда?

— А сколько сейчас?

— Э-э… шестнадцать двадцать одна — слушай, мне бы лучше уже бежать наверх.

— Тогда это будет через… примерно через тридцать семь часов и семь минут, если по корабельному расписанию.

— Ты, похоже, разбираешься в таких штуках. Ты не можешь мне объяснить, что это такое мы сделаем. Я слышала раз, как один астронавигатор говорил про это за столом, только совсем ничего не поняла. Мы вроде как ныряем в свернутое пространство, я это верно уловила?

— Да нет, не свернутое пространство. И вообще это — дурацкий термин. Пространство не «сворачивается». Мы направляемся к месту, где пространство по-настоящему плоское, а не искривлено, как около звезд. Зоны пространственных аномалий всегда плоские иначе они не могли бы совмещаться друг с другом — быть конгруэнтными.

На лице Элли изобразилось непонимание.

— Как ты это сказал?

— Слушай, Элдрет, как далеко ты продвинулась в математике?

— Я? Я прогуляла неправильные дроби. Мисс Мимси очень на меня сердилась.

— Мисс Мимси?

— Школа мисс Мимси для молодых леди, так что ты видишь, что я могу внимать тебе с полным пониманием. — Она скорчила рожу. — Но ты же сам говорил, что ходил в сельскую среднюю школу, да и ту не кончил. Ведь так?

— Да, но только я много узнал у дяди. Он был великий математик. Конечно, его именем не названа какая-нибудь теория, но он, думаю, все равно великий. — Макс помолчал. — Я не знаю, как тебе это рассказать, тут нужны уравнения. Слушай! Дай мне на минутку эту твою косынку.

— Бери. — Она сняла косынку с шеи.

Косынка была украшена стилизованным изображением Солнечной системы, это был сувенир Дня Солнечного Союза. Посреди квадратного куска ткани красовалось солнце; далее шли окружности, обозначавшие орбиты планет; для пущей важности было добавлено несколько комет. Масштаб был совершенно искажен; как структурная схема родной системы эта штука не годилась совершенно, но для данного случая ее было вполне достаточно. Макс взял косынку в руки и сказал:

— Вот тут у нас Марс.

— Ты это прочитал. Так нечестно.

— Да помолчи ты секунду. А вот тут — Юпитер. Чтобы с Марса добраться до Юпитера, тебе надо пройти отсюда досюда, верно?

— Очевидно, так.

— А теперь предположим, что я сложу косынку так, что Марс ляжет на Юпитер? Что тогда помешает просто сделать один шаг?

— Ничего, я думаю, не помешает. За исключением того, что то, что легко сделать с косынкой, не так-то просто сделать с настоящим пространством. Правда ведь?

— Да, это невозможно поблизости от звезды. Но

если уйти от звезды на приличное расстояние, все получается великолепно. Понимаешь, это как раз и есть то, что называется аномалией, место, где пространство сложено само с собой, почему огромное расстояние сводится к нулю.

— Так значит, пространство все-таки свернуто!

— Нет, нет и нет. Смотри, я же просто сложил твою косынку, я же нигде ее не растягивал, не менял ее форму. Я же не сделал на ней ни одной морщинки. Пространство остается тем же самым, оно просто сложено, как ненужная бумажка, — но оно не свернуто. Оно просто сложено. Ну, понятно, для этого нужны дополнительные измерения.

— Не вижу я никакого «понятно».

— В уравнениях все это очень просто, но трудно говорить об этом, если ты этого не видишь. Пространство — наше пространство — можно так смять, что все оно поместится в чашку — все оно, все его сотни тысяч световых лет. Но, понятно, в четырехмерную чашку.

Элли вздохнула.

— Не понимаю я, как в эту твою четырехмерную чашку можно кофе-то налить, не говоря уже о целой Галактике.

— Ничего трудного. Ты же можешь затолкать

эту тоненькую косыночку в наперсток. Тот же самый принцип. Но дай мне закончить. Понимаешь, раньше думали, что ничто не может двигаться быстрее света. Ну так это было и правильно, и неправильно. Это…

— Ну как может быть одновременно и то и другое?

— Это и есть один из парадоксов Хорста. Нельзя двигаться быстрее света, пока находишься в нашем пространстве. Если попытаешься это сделать, ты из него вырвешься. Но если ты сделаешь это в таком месте, где пространство сложено само с собой и себе конгруэнтно, то снова вырвешься в свое собственное пространство — но очень-очень далеко от первоначального места. Как далеко — это зависит от того, как сложено пространство. А это, в свою очередь, зависит от распределения масс в пространстве, зависит сложным образом, который нельзя описать словами, но можно вычислить.

— Ну, а если попробовать сделать это в первом попавшемся месте?

— Вот так и делали самые первые. Они не вернулись. Именно поэтому опасны разведочные прыжки. Разведочные корабли прорываются сквозь такие аномалии, которые найдены тео-

ретически, но ни разу не опробованы. Это и есть причина, по которой так много платят астронавигаторам. Они должны привести корабль в такое место, которое не отличимо глазом, и они должны привести его сюда со скоростью, почти равной скорости света, и они должны резко придать ему ускорение точно в заданной мировой точке. Опусти при вычислениях последний знак числа или для ускорения дела используй более короткий путь через область, в которой имеется неопределенность, и — будь здоров. Так вот, мы двигаемся с ускорением двадцать четыре g с того самого момента, как вышли из атмосферы. Конечно же, мы не чувствуем этого, мы находимся в разрывном поле, при искусственной гравитации в одно g, — это другой из парадоксов Хорста. Но мы теперь подходим вплотную к скорости света, прямо к самой Эйнштейновой границе; очень скоро нас выщелкнут, словно арбузное семечко между пальцами, и мы выскочим поблизости от Тэты Кентавры, на расстоянии в пятьдесят восемь световых лет. Очень просто, если только верно все делать.

Элли поежилась.

— Ты имеешь в виду — если мы выскочим.

— Ну… Пожалуй, что и так. Но это гораздо без-

опаснее полета на вертолете. И погляди на это еще с такой стороны: если бы не аномалии, мы бы никогда не достигли звезд, слишком уж они далеко. Но теперь, глядя назад, кажется совершенно очевидным, что все эти огромные пустые пространства не могли быть реальными, аномалии должны были существовать. Так говорил мой дядя.

— Наверное, он был прав, хотя я ничего здесь и не понимаю. — Элли раскутала ноги и поднялась. — А вот что я очень хорошо понимаю, так это, что мне надо бежать наверх, а то миссис Дюмон может и передумать. — Элли потискала Мистера Чипса и сунула мелкую тварь Максу в руки. — Покачай малость ребеночка — ну вот, молодец.

Глава 8
ТРИ ПУТИ НАВЕРХ

Макс намеревался бодрствовать во время первого скачка, но проспал. Скачок был в пять с минутами ночи по корабельному времени. Когда утренняя побудка разбудила его в шесть, все было уже кончено. Он быстро натянул одежду, кипя негодованием на самого себя за то, что не проснулся раньше, и поспешил наверх. Переходы выше палубы С были тихими и пустынными, даже самые ранние пташки из пассажиров не появятся еще по крайней мере час. Он сразу направился в гостиную палубы Б, пересек ее и подошел к иллюминатору, устроенному здесь для удовольствия богатенькой публики.

Звезды были такими же, как обычно, однако привычные с древности созвездия исчезли. Один только Млечный Путь, наша собственная Галактика, казался таким же, как всегда, — для этой чудовищно огромной спирали, состоящей из миллионов звезд, имеющей поперечник в сотни тысяч световых лет, крохотное — менее шести десятков световых лет — перемещение не имело

значения.

Одна из звезд была очень яркой, желтоватого цвета. Макс решил, что это и есть Тэта Кентавра, солнце Планеты Гарсона, первой их остановки в пути. Он быстро ушел, не желая рисковать быть пойманным. Шляться без дела в местах, отведенных пассажирам, ему не полагалось. Он быстрее обычного сменил кошачьи посудины — повод для выхода наверх — и к завтраку уже вернулся в кубрик.

Переход к Планете Гарсона занял почти целый месяц даже при огромном ускорении, развиваемом кораблем с движителем Хорста-Конрада. Элдрет продолжала свои ежедневные посещения для свиданий с Мистером Чипсом — а также для того, чтобы поболтать и поиграть в 3-шахматы с Максом. Он узнал от нее, что, хотя она и родилась не на Гесперe, а в Окленде, на Земле, все равно родиной своей считает Гесперу.

— Отец послал меня на Землю, чтобы из меня сделали леди, но ко мне это как-то не привилось.

— Что ты хочешь сказать?

— Я трудный ребенок, — ухмыльнулась Элли. — Поэтому меня и послали домой. Макс, тебе шах. Чипси, положи эту штуку на место. Знаешь, эта мелкая тварь всю дорогу тебе подыгрывает.

Мало-помалу он разобрал, что говорила Элли. Школа мисс Мимси была третьей кряду, из которой ее исключили. Ей не нравилась Земля, она была полна решимости вернуться домой и для этого создавала царство ужаса в каждом из заведений, заботам которых ее вверяли. Отец — мать ее умерла — очень хотел дать своей дочери «приличное» образование, но ее стратегическая позиция была куда сильнее, она могла диктовать свою волю. Отцовские адвокаты на Земле умыли руки и спровадили ее домой.

Сэм совершил ошибку, начав поддразнивать Макса про Элдрет.

— Сынок, вы с ней уже назначили день?

— Кто назначил, какой такой день?

— Да брось ты! Про это же знает весь корабль, может, за исключением капитана. Ну для чего пудрить мозги старому другу.

— Не понимаю, про что это ты говоришь.

— Я же тебя не критикую, я тобой восхищаюсь. У меня самого никогда не хватило бы нервов рассчитать такую траекторию. Но, как говаривал мой покойный дедуля, есть только три пути вверх: талант и пот, рождение в нужной семье, хорошая женитьба. Из всех трех лучший — жениться на дочке босса, потому что… Эй, потише!

Не заводись! — И Сэм ускользнул из области досягаемости Макса.

— Возьми свои слова назад!

— Беру, беру! Я был неправ. Но имей в виду, что все, мной сказанное, вдохновлялось чистейшим восхищением. Согласен, я ошибался. Посему извиняюсь и беру свои слова назад.

— Но… — Макс не мог сдержать улыбку. На Сэма невозможно было злиться долго. Несомненно, он был бездельник, возможно — дезертир, совершенно точно — циник, во всем видящий только низкое, но (и с этим ничего не поделаешь) Сэм был его другом.

— Да я понимал, что ты шутишь. Как же я мог думать о женитьбе, если мы с тобой решили.

— Сбавь громкость, — тихо сказал Сэм. — Так ты тоже решил?

— Да. Я думаю, что это — единственный возможный выход. На Землю я возвращаться не хочу.

— Молодец. Ты об этом не пожалеешь. — Сэм немного задумался. — Нам понадобятся деньги.

— А что, у меня уже что-то есть на корабельном счету.

— Не будь идиотом. Ты только заикнись, чтобы взять больше, чем на карманные расходы, и тебе больше и коснуться бетонки не дадут. Но ты не

беспокойся, прикопи свои чаевые — ту часть, которую Жиряга тебе оставляет, — и я добуду нам, сколько надо. Сейчас моя очередь.

— Каким образом?

— Есть уйма способов. Но это — не твое дело.

— Ну… ну ладно. Слушай, Сэм, а что это ты имел в виду, когда ты… я значит… ну, если предположить, что я хотел жениться на Элли — я, конечно же, не хочу, она еще совсем ребенок, да и я совсем не собираюсь жениться, — но если вообще предположить? Кому какое дело?

У Сэма на лице появилось удивление.

— Ты что, не знаешь?

— А чего бы я спрашивал?

— Ты что, не знаешь, кто она такая?

— Чего? Звать ее Элдрет. Фамилия Кобурн, и направляется она домой на Гесперу, она из колонистов. А что?

— Бедняжка ты мой глупенький. Она тебе никогда не говорила, что она — единственная дочь Его Высокопревосходительства генерала сэра Джона Фицжеральда Кобурна, кавалера ОБИ, КБ, ОСУ и, вполне возможно ЁКЛМН, Чрезвычайного и Полномочного Посла и одновременно — Верховного Комиссара Империи на Гесперe.

— Че-его? Господи ты Боже ты мой!

— Усек? Чуть-чуть тебе сообразительности и обходительности, и ты, самое малое, сможешь жить на его деньги. Только назови любую из планет — не считая, конечно, Гесперы, — и он их тебе будет присылать.

— Да ну тебя к черту. Но в любом случае она — хорошая девчонка.

Сэм гнусно хихикнул.

— Конечно, конечно. Но, как говаривал покойный дедуля, в добром деле обязательно что-нибудь да прилипнет к рукам.

Неожиданная новость обеспокоила Макса. Ясное дело, он понимал, что она из обеспеченной семьи, в конце концов, она же была пассажиркой. Но он никогда не испытывал благоговения перед богатством. Личный успех, примером которого был его дядя, внушал ему гораздо больше уважения. Но тот факт, что Элдрет принадлежит к такому невероятно высокому слою общества, а также гнусные инсинуации, что он, Максимиллиан Джонс, — охотник за чужим состоянием и человек, пытающийся посредством брака вскарабкаться по социальной лестнице, — все это выводило из равновесия.

Макс решил положить этому конец. Начал он с того, что накапливал работу в таком количестве,

что мог, не погрешив против истины, сказать, что у него нет времени играть в 3-шахматы. Тогда Элли взяла в руки вилы и стала ему помогать. Играя после этого игру, которой не удалось избежать, он сделал попытку прямого разговора.

— Слушай, Элли, я думаю, что тебе не стоит бывать здесь, внизу, подолгу и играть со мной в эти шахматы. Другие пассажиры ходят сюда к своим кошкам и собакам. Они замечают и начинают сплетничать.

— Тьфу на них.

— Я точно говорю. Мы-то с тобой знаем, что все в порядке, но выглядит это как-то не так.

Она выпятила нижнюю губу.

— У меня что, будет с тобой серьезная беседа? Ты разговариваешь в точности как мисс Мимси.

— Ты можешь, конечно, ходить сюда к Чипси, но лучше бы тебе делать это с кем-нибудь еще из собаковладельцев.

Элли, видимо, собиралась резко ему ответить, потом пожала плечами.

— О'кей, да и вообще это не самое удобное место. Теперь мы будем играть в гостиной палубы Б после твоей работы, по вечерам.

Макс было завозражал, что мистер Джордана не позволит ему этого; она быстро ответила:

— Про своего начальника ты не беспокойся. Я могу обвести его вокруг своего мизинца. — Последнее она проиллюстрировала жестом.

Воображаемая картина массивного мистера Джи в таком неожиданном положении несколько замедлила ответ Макса, но в конце концов этот ответ последовал.

— Элли, ведь член команды не имеет права пользоваться гостиной для пассажиров. Это строгое правило.

— Имеет. Я много раз видела, как мистер Дюмон пьет кофе вместе с капитаном Блейном.

— Да ты не понимаешь. Мистер Дюмон — почти офицер, и если капитан приглашает его в качестве своего гостя, то это — право капитана.

— А ты будешь моим гостем.

— Нет, не буду. — Он попытался объяснить ей инструкцию, строго запрещающую членам команды общаться с пассажирами. — Капитан взбесился бы, увидев нас с тобой сейчас, и не на тебя, а на меня. Если он застанет меня в пассажирской гостиной, то загонит в самый низ, на палубу Эйч.

— Не может быть.

— Но… — Он пожал плечами. — Хорошо, я поднимусь сегодня вечером. Он, конечно, не погонит

меня в буквальном смысле слова, это будет ниже его достоинства. Он просто пошлет мистера Дюмона, чтобы тот велел мне уйти; а утром тот же мистер Дюмон вызовет меня к себе. Мне не жаль быть оштрафованным на месячную зарплату, если без этого ты не можешь понять положения вещей.

Он увидел, что наконец-то пронял ее.

— Как же это так, это же просто ужасно. Все равны. Все, это же закон.

— Равны? Это только если идти сверху.

Она резко встала и ушла. Максу снова пришлось утешать Мистера Чипса; самого его утешать было некому. Он подумал, что чем раньше они с Сэмом исчезнут за линией горизонта и затеряются в лесах, тем лучше.

Элдрет вернулась на следующий день, но на этот раз — в компании миссис Мендоса, преданной хозяйки чау-чау, до странности похожей на свою собаку. Разговаривая с Максом, Элдрет придерживалась равнодушной вежливости леди, «хорошо» обращающейся со слугами. Исключение она сделала лишь в краткий момент, когда миссис Мендоса была далеко от них.

— Макс?

— Да, мисс?

— Я те дам «да, мисс»! Слушай, Макс, как звали твоего дядю? Это был Честер Джонс?

— Да, а что?

— Неважно.

Тут подошла миссис Мендоса, и Макс был вынужден прервать разговор.

Следующим утром его нашел один из кладовщиков.

— Эй, Макс! Тебя вызывает Пузо, и поспеши — похоже, что ты влип.

Макс торопился с неспокойным сердцем. Никаких проступков за ним вроде бы не числилось, а потому возникало жуткое опасение, что это как-то связано с Элли.

Невооруженным глазом было видно, что мистер Джордана не в настроении. Однако он сказал только:

— Явись в канцелярию казначея. Бегом.

Макс бросился бегом.

Казначея не было на месте; Макса встретил мистер Куйпер. Оглядев его холодными глазами, он сказал:

— Переоденься в чистую форму, и побыстрее. Затем явись в капитанскую каюту.

Макс стоял как столб, сглатывая какой-то комок. Мистер Куйпер рявкнул:

— Что еще? Шагом марш!

— Сэр, — пробормотал Макс, — я не знаю, где находится каюта капитана.

— Что-о? Ничего себе! Палуба А, радиус девяносто, у борта.

Макс побежал.

Капитан был в своей каюте. С ним были мистер Сэмьюэлс, казначей; мистер Вальтер, первый помощник, и доктор Хендрикс, астронавигатор. Макс подумал, за что бы его не судили, тривиальным обвинение быть не может. Однако он не забыл отрапортовать:

— Помощник эконома третьего класса Джонс явился по вашему приказанию, сэр.

Капитан Блейн поднял на него глаза.

— А да, конечно. Возьмите стул.

Макс нашел себе стул и уселся на самый его краешек. Капитан обратился к первому помощнику:

— Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, так будет лучше всего — хотя это и кажется мерой несколько резковатой. А вы, Хол, согласны?

Казначей, к которому относились последние слова, согласился. Макс размышлял о том, насколько резковатой будет мера и выживет ли он после нее.

— Мы занесем это в журнал как исключение, а потом, док, я сам напишу объяснение наблюдательному совету. В конце концов, инструкции для того и пишутся, чтобы их нарушали. Значит, с этим мы покончили. — Тут Макс решил, что они собираются выкинуть его в космос, а впоследствии объяснить это.

Капитан повернулся к своему столу, что, видимо, означало конец совещания. Первый помощник осторожно кашлянул.

— Капитан… — Он указал глазами на Макса. Капитан Блейн снова поднял глаза.

— Ах, да, молодой человек, Ваша фамилия Джонс?

— Да, сэр!

— Я просмотрел ваш послужной список. Вы, кажется, непродолжительное время пытались стажироваться на картографа? На «Туле».

— Мм… да, капитан.

— И вам не понравилось?

— Да как сказать, сэр. — Макс спросил себя, что бы ответил Сэм, попав в такую ситуацию. — Это все было так… по правде говоря, мне не поручали почти никакой работы, кроме как выносить пепельницы в Хитрой… в центре управления. — Он задержал дыхание.

По лицу капитана скользнула улыбка.

— Иногда бывает и так. Не хотели бы вы сделать еще одну попытку?

— Что? Да, сэр!

— Что думаете вы, помощник?

— Капитан, при обычных обстоятельствах я не вижу смысла в том, чтобы один человек дважды пытался стажироваться на одну и ту же работу. Но тут личные мотивы.

— Да, конечно. А вы, Хол, сможете обойтись без него?

— Несомненно, капитан. Его трудно назвать ключевой фигурой на его посту. — Казначей улыбнулся. — Прислуга с нижней палубы.

Капитан тоже улыбнулся и повернулся к астронавигатору.

— Я не вижу никаких возражений, док. Конечно, остается проблема насчет гильдии.

— Келли не прочь его попробовать. Вы же знаете, у него не хватает человека.

— Ну что ж, очень хорошо, тогда…

— Одну секунду, капитан. — Астронавигатор повернулся к Максу. — Джонс… у вас был родственник в моей гильдии?

— Мой дядя, сэр, Честер Джонс.

— Я служил под его началом. Надеюсь, что вы

обладаете некоторыми навыками обращения с числами.

— М-м, я тоже надеюсь, сэр.

— Посмотрим. Доложитесь главному вычислителю Келли.

Макс сумел-таки найти центр управления, не спрашивая никого, куда идти, хотя глаза его с трудом разбирали окружающее.

Глава 9
КАРТОГРАФ ДЖОНС

Неожиданное изменение социального статуса Макса переменило и всю его жизнь. Изменились отношения с прочими членами команды, правда не всегда к лучшему. Работавшие в центре управления смотрели на себя как на аристократию команды, этот их статус оспаривался техниками, обслуживавшими силовую часть корабля, а у подчиненных казначея вызывал негодование. Макс быстро почувствовал, что гильдия, покидаемая им, относится к нему без прежней теплоты, в то время как та, в которую он пытается перейти, отнюдь не спешит принять его в свои ряды.

Мистер Джи теперь попросту его не замечал — он мог прямо пройти мимо него, словно он пустое место, если Макс не успевал отскочить в сторону. Похоже было, что он воспринимает попытку продвижения Макса как личное оскорбление.

Ему потребовалось купить в корабельной лавке новую форму. Теперь, когда Макс стоял вахту в центре управления и когда, по пути на вахту и обратно, ему приходилось проходить через

царство пассажиров, слоняться в старом комбинезоне было непозволительно. Заработанных денег на форму не хватало, и мистер Куйпер отоварил его в кредит, под расписку. Кроме того, пришлось расписаться и за стоимость попытки перехода из гильдии в гильдию. За сей переход, если таковой состоится, придется платить как в новую гильдию, так и в старую, но эта проблема Макса пока не волновала. Расписался он весело и без сожалений.

Команда управления «Асгарда» состояла из двух офицеров — доктора Хендрикса, астронавигатора, и мистера Саймса, его помощника, а также пяти рядовых — главного вычислителя Келли, картографа первого класса Ковака, картографа второго класса Смита и двоих вычислителей второго класса — Ногучи и Ланди. Связиста первого класса Беннета по прозвищу Матрас трудно было считать членом этой команды, хотя он тоже стоял вахты в Хитрой яме; звездный корабль очень редко оказывался на расстоянии радиосвязи с чем бы то ни было, только в самом начале и конце рейса. Беннет совмещал пост связиста с обязанностями секретаря и ординарца капитана Блейна, а прозвищу своему был обязан всеобщему убеждению в том, что большую часть своей

жизни он проводит в койке.

«Асгард» непрерывно шел с ускорением, и поэтому требовалась непрерывная работа в центре управления, совсем не то, что было на старых ракетных кораблях — десять минут управления, а потом недели свободного полета, прежде чем опять возникала нужда в управлении. Капитан Блейн, естественно, и сам был астронавигатором, однако, что столь же естественно, он не стоял вахты. Астронавигатора-стажера в этом рейсе на «Асгарде» не было, так что офицеров, способных стоять вахту в центре управления, оставалось мало, всего двое. Эта нехватка восполнялась главным вычислителем Келли, который также наряду с офицерами стоял вахту старшим. Остальные рядовые стояли одну четырехчасовую вахту из четырех. При тех порядках, которые завел в центре управления «Десятичный знак» Келли, различие между вычислителем и картографом было чисто номинальным — чего не знаешь, узнаешь вскорости, а не узнаешь — найдешь себе другой корабль.

Расписание было легким для всех, кроме Макса — его для начала поставили на вахты через раз — четыре часа вахты, затем четыре часа, за которые надо успеть поесть, умыться, расслабиться и,

коли останется время, поспать.

И все равно Макс блаженствовал. Он являлся до времени, а после вахты его приходилось иногда выгонять силой. Потом, гораздо позднее, Макс узнал, что таким жестким режимом Келли испытывал его на излом, на слабину, чтобы поскорее избавиться от него, если он не подойдет.

Однако приятными были не все вахты. Первую Макс стоял под командой мистера Саймса. Забравшись через люк в помещение центра, он изумленно огляделся вокруг. По четырем сторонам отсека были расположены великолепные параллаксные камеры. Между двумя из них сидел перед главным компьютером Ланди. Он поднял глаза на Макса и молча кивнул. Мистер Саймс сидел у пульта управления, напротив люка: он должен был видеть, как появился Макс, однако ничем этого не выказал.

Вдоль стен помещения теснилась уйма прочих приборов, некоторые из которых Макс признал, он читал про них и видел на картинках. Другие были ему совершенно незнакомы. Тут были приборы, передававшие обстановку во всех отсеках корабля, экран, воспроизводивший вид неба с кормы, «под» кораблем, микрофон и пульт управления внутренней системы оповещения, «бак»,

или стереокомпаратор, на котором снимки, сделанные параллаксными камерами, сравнивались с картами, астроспектрограф, доплероскоп, многоточечный измеритель температуры, посадочный радар — чересчур много всякого, чтобы разобраться сразу.

Вверху сквозь астронавигационный купол сияла звездами вселенная. Макс разинул рот и не мог оторвать глаз от звезд. Все это время он жил в своей стальной норе и почти ни разу не видел неба. Даже дома, на ферме, он был ближе к небесной тверди.

— Эй, ты!

Макс потряс головой и увидел, наконец, что на него смотрит мистер Саймс.

— Иди сюда.

Пока Макс выполнял это приказание, помощник астронавигатора продолжал:

— Ты что, не знаешь, что обязан доложиться вахтенному офицеру, когда заступаешь на вахту?

— Извините, сэр.

— А кроме того, ты опоздал. — Макс украдкой глянул на хронометр, вделанный в пульт. До срока оставалось еще добрых пять минут. Саймс продолжал: — Печально, когда рядовой приходит

на свой пост позже офицера. Как твоя фамилия?

— Джонс, сэр.

Мистер Саймс фыркнул. Это был краснолицый молодой парень с жидкими волосенками морковного цвета; фырканье было обычным его речевым приемом, по крайней мере — в разговоре с младшими по званию.

— Свари кофе.

— Да, сэр.

Макс собрался было спросить, где и как, но мистер Саймс снова погрузился в свое чтение. Макс беспомощно глянул на Ланди, и тот глазами указал направление. Позади шкафа с картами Макс обнаружил кофеварку, чашки, блюдца, сахар и банки со сгущенными сливками.

Он успел пару раз обжечься, пока приноровился к идиосинкразиям механизма. Мистер Саймс принял варево, даже не взглянув на Макса. Макс не понимал, что же ему делать дальше, и решил предложить чашку Ланди. Вычислитель тихо поблагодарил его, тогда Макс рискнул налить и себе; у него создалось впечатление, что здесь так принято. Он отнес свою чашку поближе к компьютеру и уже собрался пить.

Но не успел он начать, как раздался голос вахтенного офицера:

— Это что такое? Вечеринка? Джонс!

— Да, сэр?

— Прибери помещение. Можно подумать, что здесь стадо свиней валялось.

Комната была совершенно чистой, однако Макс нашел и подобрал несколько клочков бумаги. Засунув их в мусоропровод, он натер все металлические ручки, ярко сиявшие и до того. Он начал было делать все по второму разу, когда Ланди жестом подозвал его. Макс помог Ланди сменить пластинки в параллаксных камерах и понаблюдал, как тот устанавливает электронный таймер. Мистер Саймс лично нажал кнопку пуска; это, похоже, было единственной работой, проделанной им за время вахты.

Ланди вынул пластинки из камер и установил их в «баке» для сравнения с картами, снял отсчеты и занес их в вахтенный журнал. Макс чисто номинально помогал ему, набираясь при этом опыта, как все это делается. Потом он опять начал драить медяшку.

Эта вахта продолжалась бесконечно долго. Макс вернулся в кубрик, начисто лишившись своего первоначального восторга.

Совсем другими были вахты под началом доктора Хендрикса и Келли. Под управлением Келли

Хитрая яма превращалась в место очень веселое; он властвовал ею как благожелательный деспот, крича, ругаясь, обзывая последними словами кофе, понося своих подчиненных, которые отвечали ему тем же. При Келли Макс и в руки не брал полировочной тряпицы, он был слишком занят, и не только на подхвате, но и подробно изучая оборудование центра.

— Нам совершенно нечего делать, — кричал ему Келли, — пока мы не шлепнемся на эту гарсоновскую плешь. Нечего делать, окромя как тащиться по наезженной колее, пока не плюхнемся задом. И как раз поэтому ты, телочек ты мой, хорошенько попотеешь. К тому времени, как мы там сядем, ты у меня будешь знать эту чертову Яму лучше, чем мамаша твоя знала папашу, — или тебе придется доучивать пропущенное уже там, пока все твои дружки будут надираться до зеленых чертей. Хватай руководство по главному компьютеру, снимай задний кожух и залезай во все эти проводочки. И чтобы я в течение остальной вахты не видел ни одной части твоего тела, кроме задницы.

И уже через десять минут Келли стоял на коленях рядом с ним и помогал разобраться в сложной схеме.

Макс учился, в чем ему сильно помогала фотографическая память, а еще больше — солидная теоретическая подготовка, полученная от дяди. Келли был доволен.

— Мыслю я, что ты перебрал малость, говоря, что ни черта не освоил на «Туле».

— Ну, не очень много.

— Во время твоей стажировки Ямой командовал Йохансен?

— Э-э, да. — Макс отчаянно надеялся, что Келли не будет называть других фамилий.

— Так я и думал. Этот болван своей собственной мамаше не скажет, сколько ему лет.

Потом наступила вахта, во время которой Келли разрешил ему провести на компьютере тренировочный расчет подхода к точке перехода; Ногучи диктовал константы из таблиц, а сам Келли исполнял роль астронавигатора, следуя распечаткам данных последнего перехода, фактически произведенного кораблем. Программирование производилось устно, как бывает всегда, когда астронавигатора захлестывают поступающие данные, перед самым моментом подачи наиболее ответственного сигнала на резкое ускорение, которое должно перевести корабль через скорость света.

Келли диктовал данные значительно медленнее, чем это бывает на практике; одновременно Ногучи глядел в таблицы и диктовал Максу числа. Сперва Макс нервничал, пальцы его так дрожали, что трудно было нажать на верные клавиши, но затем он успокоился и начал работать легко, словно он и машина рождены друг для друга.

Келли диктовал: «...двоичный натуральней логарифм от ноль точка восемь семь ноль девяносто два, умноженный на...». Макс услышал голос Ногучи, переспросившего данные. Ногучи рылся в книге, ища нужную страницу, но намного раньше, чем он успел ее найти, страница появилась перед мысленным взором Макса. Он бессознательно нажал клавиши, не дождавшись Ногучи.

— Поправка, — прозвучал голос Келли. — Слушай, ты, тупица, тебе не надо вводить те цифирки, которые я говорю, ты вводи те цифирки, которые тебе Ногги скажет. Ну сколько тебе раз повторять?

— Но я же... — начал и осекся Макс. До этого момента никто на борту «Асгарда» не догадывался, что он обладает такой непристойно странной памятью.

— Что «ты же»? — Келли хотел было сбросить последние данные, введенные Максом, но при-

остановился. — Если подумать, ты же не мог ввести в эту штуку десятичные цифры. Так что же ты, интересно, сделал?

Макс знал, что прав, и очень не хотел, чтобы думали, будто он ошибся.

— Я ввел те цифры, которые Ногучи собирался мне продиктовать.

— Повтори-ка это снова, — Келли смотрел на него не отрываясь, — ты что, читаешь мысли?

— Нет, но цифры я ввел правильные.

— Хм… — Келли нагнулся над пультом. — Повтори-ка, Ногги, — Вычислитель выдал длинный ряд нулей и единиц, двоичный эквивалент зачитанного Келли выражения; Келли проверял нажатые клавиши, губы его слегка шевелились. Он выпрямился. — Как-то раз один парень при мне тринадцать раз подряд выбросил семь очков, причем кости были честные. Это что, Макс, тебе просто повезло?

— Нет.

— Ладно. Ногги, кинь-ка мне эту книгу. — Келли довел задачу до конца, выдавая Максу только начальные данные и необходимые действия, не переводя числа в требуемую компьютером двоичную форму. Все это время он листал книгу и заглядывал через Максово плечо. Макс боролся

с нервозностью и быстро нажимал клавиши; пот заливал ему глаза.

В конце концов Келли сказал:

— О'кей, крутни-ка ему хвост. — Макс щелкнул тумблером, подавая сигнал, по которому машина заглотила программу и мгновенно ее переварила; ответ выразился в огоньках: горит — не горит, машинном эквиваленте двоичных чисел.

Келли, при помощи книги, перевел число, выраженное огоньками, в обычный десятичный вид. Затем он взглянул в журнал. Потом закрыл журнал, отдал его Ногучи.

— Попью-ка я кофе, — тихо сказал он и отошел.

Ногучи открыл журнал, посмотрел на лампочки, горевшие на панели компьютера, заглянул в таблицы и поглядел на Макса с очень странным выражением на лице. Макс поднял глаза и увидел, что Келли смотрит на него поверх своей чашки кофе с таким же самым выражением. Макс нажал на кнопку сброса, лампочки на панели компьютера потухли, он встал с сиденья. Никто не произнес ни слова.

Следующая вахта у Макса была с доктором Хендриксом. Вахты с астронавигатором нравились ему почти так же, как с Келли: доктор Хендрикс был всегда очень вежливым и дру-

желюбным, обучению Макса он уделял почти столько же внимания, как и Келли. На этот раз Келли тоже был, он задержался после своей вахты — вообще-то говоря, ничего необычного, главный вычислитель нередко заходил к астронавигатору в такие часы, чтобы проконсультироваться или просто поговорить. Но в этот день, заступив на вахту, доктор Хендрикс сказал Максу:

— Келли говорил мне, что вы учитесь работать на компьютере, Джонс?

— М-м… Да, сэр.

— Очень хорошо. Давайте попробуем. — Доктор Хендрикс вытащил старый вахтенный журнал и выбрал в нем задачу подхода к точке скачка, сходную с той, которую Макс решал в предыдущий раз. Келли взял руководство, готовясь исполнять роль «зачитывателя чисел». Однако он ничего не говорил. Макс немного подождал и, не получив от Келли двоичного числа, прочитал его со страницы, словно стоявшей перед его глазами, и ввел в машину.

Так это и продолжалось. Келли не говорил ничего, только слегка облизывал губы и проверял, что сделал Макс, каждый раз, когда доктор зачитывал следующую часть задачи. Ковак стоял неподалеку и наблюдал весь этот спектакль.

В конце концов доктор Хендрикс закрыл журнал.

— Ясно, — сказал он вполне будничным голосом, словно перед ним был совершенно заурядный случай, — у вас, Джонс, очень интересная способность. Я читал про таких людей, но вы — первый, кого я встречаю сам. Вы когда-нибудь слышали про Слепого Тома?

— Нет, сэр.

— Возможно, в судовой библиотеке есть про него. — Астронавигатор с минуту помолчал. — Ни в коем случае не хочу принижать ваш талант, но вы не должны пользоваться им во время действительного маневра. Вы понимаете, почему?

— Да, сэр. Думаю, что понимаю.

— А лучше сказать так, что вы не должны его использовать, пока вам не покажется, что сделана ошибка — про ошибку вы должны сказать сразу же. Но все равно конечным авторитетом остаются печатные таблицы.

— Да, сэр.

— Очень хорошо. Зайдите, пожалуйста, ко мне в каюту после вахты.

Когда Макс сменился с вахты, по корабельному времени был «день». Он подошел к каюте доктора Хендрикса и помедлил. Тут-то на него и наткну-

лась Элли.

— Макс!

— О, привет, Элли! — Он почувствовал некоторую неловкость, сообразив, что ни разу не видел ее со времени своего продвижения по службе.

— Он еще говорит «привет», — Элли подбоченилась. — Ты посмотрел бы на себя, видочек — будь здоров. Да у тебя глаза такие же красные, как кант на твоей рубашке. Где ты пропадал? Загордился, слишком хорош стал, чтобы встречаться со старыми друзьями? Даже к Чипси не заходишь.

Он забегал один раз, но с Элли не встретился. Больше он визитов не повторял, потому что парню, попавшему на его место, не слишком нравилось исполнять обязанности горничной при коровах, овцах, ламах и т. д.; похоже, вину за такую ситуацию он возлагал на Макса.

— Прости, пожалуйста, — смиренно произнес Макс, — все нет времени.

— Ничего себе, оправданьице. Так вот, знаешь, что ты сделаешь сейчас? Ты отправишься прямиком в гостиную, и там я тебе покажу — я тут придумала такой способ взять к ногтю твой любимый гамбит, ты только варежку раскроешь!

Макс раскрыл упомянутую варежку, закрыл и открыл снова:

— Нет.

— Немного погромче, пожалуйста. Вы, кажется, употребили какое-то незнакомое мне слово.

— Послушай, Элли, поимей хоть каплю жалости. Я же жду доктора Хендрикса, а когда он меня отпустит, попытаюсь хоть чуть-чуть поспать. Я недобрал уже часов десять.

— Ты же можешь спать, когда тебе угодно.

— Конечно, особенно если четыре часа на вахте, четыре, считается, отдыхаешь — и по-новой. Тут уж спишь каждую секунду, когда появляется такая возможность.

— Ты что, хочешь сказать, что стоишь вахту через раз? — удивилась Элли. — Да это же уголовное преступление.

— Может, и так, только так оно и есть.

— Но… Я с этим разберусь! Я поговорю с капитаном!

— Элли, ради бога, не делай этого!

— А что? Капитан Блейн — старый лапочка. Не бери в голову, я с этим разберусь сама.

Макс глубоко перевел дыхание, затем заговорил, стараясь, чтобы его слова звучали поубедительнее:

— Элли, не говори ничего капитану, совершенно ничего. Если ты будешь лезть в дела, которых

не понимаешь, ты мне только все испортишь. Меня снова выкинут к коровам.

— Да нет же, он не посмеет так сделать.

— Да ты пойми, Элли. Может, для тебя он и «лапочка», но для меня он — капитан. Так что не лезь в это дело.

Элли надула губы:

— Я же помочь тебе хотела.

— Понимаю, и большое тебе спасибо. Но все равно не надо. И все равно я не могу прийти в гостиную — мне нельзя.

— Я же думала… я думала, что ты от меня прячешься. А почему нельзя? Ты же разгуливаешь здесь, наверху, в этой красивой форме. Почему же нельзя?

Разговор был прерван доктором Хендриксом, возвращавшимся в свою каюту.

— Доброе утро, Джонс, доброе утро, мисс Кобурн. — Он прошел внутрь.

На лице Макса появилось отчаяние:

— Элли, мне надо идти, — он повернулся и постучал в дверь Астронавигатора.

Доктор Хендрикс как будто и не видел его с Элдрет.

— Садитесь, Джонс. Очень интересное вы сегодня устроили представление. Мне крайне

интересно, как далеко простирается эта ваша способность. Она ограничивается числами?

— Почему? Я думаю, нет, сэр.

— Вам пришлось много работать, чтобы добиться таких результатов?

— Нет, сэр.

— Хм… Мы сейчас кое-что попробуем. Вы читали… дайте мне подумать… что-нибудь из драматургии Шекспира?

— Ну, в школе у нас был «Гамлет» и «Как вам это понравится», а еще я читал «Зимнюю сказку». Только она мне не понравилась, — честно добавил Макс.

— В таком случае вы, видимо, ее не перечитывали. Помните что-нибудь оттуда?

— Конечно, сэр.

— Хм… — Доктор Хендрикс взял с полки потрепанный том.

— Ну, например. Акт второй, сцена третья: Леонт говорит: «Ни днем ни ночью мне покоя нет! Но эти муки слабость, только слабость».

Макс подхватил:

— «…только слабость. И я, пожалуй, мог бы исцелиться, ее источник главный уничтожив: мою жену…», — он продолжал, пока доктор Хендрикс не остановил его.

— Достаточно, вполне достаточно. Мне и самому не слишком нравится эта пьеса. Даже у бессмертного Билла бывали выходные. Только как это вышло, что вы прочитали эти самые таблицы? Все-таки даже самые слабые вещи Шекспира не настолько безнадежно тоскливы. Я не читал их никогда, пользовался, конечно, но это нельзя назвать «чтением».

— Понимаете, сэр, дядя Чет, выйдя в отставку, привез домой все свои руководства по астронавигации. Он много разговаривал со мной. Так что я взял и прочел их.

— Это надо понимать так, что вы запомнили наизусть всю профессиональную библиотеку астронавигатора?

Макс перевел дыхание.

— Ну, сэр… Я их прочел.

Доктор Хендрикс взял с полки несколько книг. Двоичными таблицами он заниматься не стал — тут Макс себя уже показал. Он перелистывал руководства и задавал Максу вопросы. Потом начал просто называть номера страниц. Закрыв последнюю книгу, Хендрикс присвистнул и поморгал.

— Я, конечно, знаю, что в истории психологии есть много примеров таких способностей, но надо

признаться, когда сам с такими встречаешься — приходишь в некоторое замешательство. — По его лицу скользнула улыбка. — Хотел бы я посмотреть на брата Визерспуна, когда он про такое узнает.

— Сэр?

— Это наш Верховный Секретарь. Боюсь, что он будет порядком шокирован; у него до крайности старомодные представления об охране «секретов» нашей профессии.

Макс неловко поерзал на стуле.

— У меня будут из-за этого какие-нибудь неприятности, сэр? Я же не знал, что не надо читать дядины книги.

— Что? Чушь это все. У астронавигации нет никаких таких «секретов». Вы пользуетесь этими книгами во время вахты, то же самое делают все члены компании, работающей в Яме. Если меня спросить, так пусть, ради бога, их читают даже пассажиры. Астронавигация — не какая-то там тайная наука, она просто трудна. У немногих людей хватит математических способностей корректно провести рассуждения, нужные для решения, скажем, задачи перехода. Но тех, кто занят в гильдии политикой, вполне устраивает, чтобы астронавигация представлялась неким

оккультным ремеслом. Вы же понимаете, престиж и все такое. — Доктор Хендрикс помолчал, побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. — Джонс, я хочу, чтобы вы это знали. Келли думает, что из вас может что-то выйти.

— Очень приятно слышать, сэр.

— Только не думайте, что из-за того лишь, что вы запомнили все эти книги, вы знаете уже больше, чем он.

— О нет, сэр.

— По правде говоря, на посту управления нет особой нужды в вашем таланте. Необходимы те достоинства, которыми обладает Келли, — неустанное внимание к своим обязанностям, подробное знание инструментов своей профессии, скрупулезная забота о мельчайших деталях, глубочайшая преданность своей работе, своей команде и своему кораблю и тем, кто выше тебя в профессиональном смысле. Келли не нужна эйдетическая память, хорошая обычная память в сочетании с умом и порядочностью — вот все, что нужно для этой работы. И это все, что нужно мне от вас в центре управления.

— Да, сэр.

Астронавигатор помедлил.

— Я не хотел бы, чтобы мои слова звучали обид-

но, но нужно добавить еще вот что. Подобные странные способности зачастую сочетаются с вполне обычным, а то и неполноценным разумом — настолько нередко, что психологи даже придумали специальный термин — «idiot savant».[29] Извините меня, пожалуйста: вы, самым очевидным образом, не идиот, но совсем не обязательно и гений, даже если способны запомнить всю имперскую энциклопедию. Я хочу сказать, что для меня важнее ваш обычный здравый смысл и прилежное исполнение вами своих обязанностей, чем ваша феноменальная память.

— Я буду стараться, сэр.

— Я думаю, что со временем из вас выйдет хороший картограф. — Доктор Хендрикс показал, что беседа закончена. Макс встал. — И еще одно.

— Да, сэр?

— Существуют очень убедительные причины, связанные с дисциплиной и эффективностью работы, по которым рядовые не должны общаться с пассажирами.

Макс сглотнул.

— Я знаю, сэр.

— Так относитесь к инструкции посерьезнее.

---

[29] notes: 29

В буквальном переводе с французского — «искусный идиот»; также можно перевести в значение «недалекий гений».

Мои коллеги крайне щепетильно относятся к этому моменту.

Макс вышел из каюты с ощущением, словно из него выпустили воздух. Он шел сюда, чувствуя, что будет как-то вознагражден — может, ему даже дадут шанс попытаться стать астронавигатором. Теперь, пропотев всю беседу, он как будто съежился до своих нормальных размеров.

Глава 10
ПЛАНЕТА ГАРСОНА

В последующие недели Макс мало видел Сэма: жесткое расписание вахт не оставляло времени для хождения в гости. Сэм же тем временем процветал.

Как и на всех крупных кораблях, на «Асгарде» была небольшая собственная полиция; она состояла из бывалых сержантов, поддерживавших порядок на корабле, действуя в качестве представителей первого помощника. Сэм, благодаря своим талантам политика и поддельному удостоверению помощника эконома первого класса, исхитрился во время перестановок, последовавших за переводом Макса, устроиться чем-то вроде надсмотрщика по ведомству казначея. Со своими обязанностями справлялся он великолепно — не отдавливал без крайней нужды ничьих ног, сквозь пальцы смотрел на те нарушения, которые давно вошли в традицию, и присматривал за соблюдением тех правил санитарии, экономии и дисциплины, которые действительно необходимы для того, чтобы корабль был подтянутым

и никто не возникал. Присматривал, но совсем не обязательно вытаскивал нарушителей на ковер к первому помощнику — ко взаимному удовлетворению как мистера Вальтера, так и команды. Когда кладовщик Мэггинис слишком увлекся благородным продуктом производства мистера Джи и воспылал желанием серенадами пробудить своих соседей по кубрику, Сэм попросту препроводил его на камбуз и заставил выпить крепкого черного кофе. На следующий день Сэм отвел Мэггиниса на палубу «эйч» и крупно ему выдал. Обработка эта не оставила следов на теле, но глубоко запечатлелась в душе. Где-то в своем темном прошлом Сэм научился искусству драки — не грубому мордобою, не стилизованной пародии на бой, каковой является бокс, но высокому искусству, превращающему безоружного человека в убивающую машину.

Жертву себе Сэм выбрал крайне обдуманно. Если бы он доложил о Мэггинисе, тот счел бы его просто доносчиком, любителем совать нос не в свое дело, которого надо или перехитрить, или просто послать подальше, а если бы за доносом последовало и вправду жесткое наказание, с дисциплиной Мэггиниса возникли бы нескончаемые проблемы. Кроме того, не надо забывать,

что донос на Мэггиниса косвенно угрожал и священной корове — главному эконому Джордана. То же, что произошло, превратило Мэггиниса в страстного поклонника Сэма и лучшего его пропагандиста, так как своеобразная, хотя и совсем не уникальная гордость кладовщика требовала, чтобы человек, победивший его, был «самой могучей машиной, какая бывает на двух ногах, мгновенная смерть в каждой руке — настоящий мужик. Со стариком Сэмом шуточки плохи — ты попробуй как-нибудь сам и увидишь, что из этого получится. Давай, давай, а я заключу пари на вашу драку». Второй демонстрации не потребовалось.

Главным надзирателем и номинальным начальником Сэма был первый помощник старшего механика; они вдвоем и представляли собой полицию этого крохотного мирка. Когда техник захотел вернуться к силовой установке, и на его место был прислан третий помощник старшего механика, со стороны Вальтера было вполне естественно назначить главным из них Сэма.

Он положил глаз на эту работу с самого начала. Любой полицейский чин в любом месте обладает властью, значительно превосходящей ту, которая принадлежит ему по закону. До тех пор пока Сэм

находился в хороших отношениях с мистером Куйпером, мистером Джордана и (в меньшей степени) с мистером Дюмоном, до тех пор пока он не пытался пользоваться своей властью в Хитрой яме и в местах, находящихся в ведении механика, он был самым влиятельным человеком на корабле — фактически более влиятельным, чем даже сам первый помощник, ибо именно в нем олицетворялось видимое присутствие Первого.

Вот так обстояли дела к моменту посадки на Планету Гарсона.

Планета Гарсона — это, похоже, кусок строительного мусора, оставшийся по завершении создания вселенной. Сила тяжести на ее поверхности равна единице с четвертью — многовато, чтобы чувствовать себя удобно. Она холодная, как сердце ростовщика, а ее метановая атмосфера совершенно не пригодна для человека. Галактика просто кишит значительно более приятными планетами, и никто бы ею не заинтересовался, не будь она незаменимой промежуточной базой. Вблизи земного Солнца есть одна-единственная Хорстова конгруэнтность, и скачок через нее выводит корабль неподалеку от Тэты Кентавра, а из тринадцати планет, кружащих вокруг этого солнца, Планета Гарсона обладает жалким

достоинством быть наименее жуткой. В то же время имеется полдюжины исследованных конгруэнтностей, достижимых от Тэты Кентавра, что делает Планету Гарсона неизбежной узловой станцией в торговле Солнечной системы.

Макс вышел на поверхность только один раз, этого одного было более чем достаточно. Поселок около космопорта, частично стоявший под куполами, частично расположенный в туннелях, вырытых под теми же куполами, был очень похож на Лунные города и несколько напоминал подземные части любого из больших земных городов, но для Макса все это было в новинку — он не бывал на Луне, а единственным большим земным городом, который он видел, был Земпорт. Он сошел с корабля вместе с Сэмом, одетый во все лучшее и полный любопытства. В скафандре не было необходимости — к каждому пассажирскому лайнеру в порту прокладывался герметичный переход, соединяющий шлюз корабля со шлюзом купола.

Попав под купол, Сэм сразу направился вниз, к нижним уровням поселка. Макс запротестовал:

— Сэм, пошли наверх и посмотрим, что там.

— Чего? Ничего там нет. Гостиница, дорогие магазины и жульнические рестораны для плат-

ных пассажиров. Ты желаешь отдать месячную зарплату за бифштекс?

— Нет, но я хочу посмотреть наружу. Тут я на чужой планете, а я же ее абсолютно не видел. С поста управления ее не было видно, а теперь, когда мы сели, я не видел ничего, кроме шлюзовых люков да вот этого, — он махнул рукой в сторону стен коридора, по которому они шли.

— Нечего здесь видеть, кроме густого, грязного желтого тумана, который не рассеивается никогда. Даже хуже, чем на Венере. Но ты решай сам. У меня тут есть кое-какие дела, и если не хочешь идти со мной, ты совершенно не обязан этого делать.

Макс решил не расходиться с Сэмом, Они спустились и оказались в широком, светлом коридоре, сильно напоминавшем ту самую улицу в Земпорте, на которой расположен ресторанчик Перси. Единственным заметным отличием была крыша над головой. Тут были те же самые бары, те же развлекательные заведения с теми же нехитрыми способами заставить прохожего расстаться с частью наличности. Даже та же портняжная мастерская с тем же постоянным объявлением о дешевой распродаже по случаю закрытия. В порту находилось еще несколько кораблей, и

улица была полна народу. Сэм огляделся.

— Теперь надо найти место, чтобы спокойно выпить и поговорить.

— А что, если здесь? — ответил Макс, указывая на вывеску «НАИЛУЧШАЯ ДЫРА». — Вроде, чисто и прилично.

Но Сэм быстро провел его мимо.

— Все это так, — сказал он, — но не для нас.

— А почему?

— Ты что, не видел, кто там сидит? Имперская морская пехота.

— Ну и что? Я не имею ничего против них.

— М-м… конечно же, и я тоже, — согласился Сэм, продолжая быстро идти, — но эти парни держатся друг друга и имеют скверный обычай не любить штатских, которые глупы настолько, что заявляются в заведение, облюбованное ими. Желаешь, чтобы тебе переломали ребра?

— Чего? Но ведь если я не буду никуда лезть, этого не случится, правда ведь?

— Может, да. А может, и нет. Вот, например, если официантка решит, что ты «красавчик», а парень в начищенных сапогах, с которым она была раньше, захочет что-нибудь предпринять по этому поводу? Макс, ты хороший парень, но на хороших парней просто нет спроса. Чтобы

не нарваться на неприятности, надо просто не нарываться на неприятности.

Они пробирались сквозь толпу еще ярдов сто, пока Сэм сказал:

— А вот это то самое — конечно, если Липпи все еще заведует этой забегаловкой.

На вывеске было написано «УДАЧНАЯ ПОСАДКА»,
заведение побольше, чем «НАИЛУЧШАЯ ДЫРА», но на вид похуже.

— Кто такой Липпи?

— Ты, может, и вообще не увидишь его. — Сэм провел Макса внутрь и выбрал столик.

Макс огляделся. Смотрелось это ровно так же, как и любой третьеразрядный бар с грилем.

— Я смогу здесь получить земляничный лимонад? Сто лет уже по нему скучаю — я всегда брал его, когда ходил по субботам в Углы.

— За то, что ты спросишь его, тебя не вышвырнут.

— О'кей. Сэм, а помнишь, ты мне рассказывал про своего друга из морской пехоты, сержанта Робертса?

— Кого?

— Или Ричардса. Я тогда не совсем расслышал.

— Никогда о таком не слыхал.

— А как же…

— Никогда не слыхал о таком. А вот и официант.

Точно так же официант — гуманоид из системы Сириуса — никогда не слышал о земляничном лимонаде. Он, подобно всем своим сородичам, не имел лицевых мышц, однако кожа у него на спине поползла вверх, собираясь в складки, что должно было выражать растерянность и непонимание. Макс согласился на нечто под названием «Старый Гейдельберг», хотя оное нечто и на пятьдесят световых лет никогда не приближалось к Германии. По вкусу оно — для Макса, во всяком случае, — напоминало холодную мыльную воду, но, так как платил Сэм, Макс не стал отставлять стакан и даже делал вид, что пьет из него.

Чуть посидев, Сэм вскочил.

— Сиди, сынок, я ненадолго.

Он поговорил с барменом, потом испарился где-то в глубине зала. К столику Макса подошла молодая женщина.

— Что, космонавт, чувствуешь себя одиноко?

— Пожалуй, не особенно.

— А вот я — чувствую. Не против, если я тут сяду? — Она опустилась на стул, оставленный Сэмом.

— Пожалуйста, только сейчас вернется мой товарищ.

Женщина не ответила, а вместо этого повернулась к бармену:

— Специальный темный, Гиглз.

Макс жестом выразил свое активное несогласие:

— Нет!

— В чем дело, дорогой?

— Послушай, — покраснев, сказал Макс. — Может, я выгляжу зеленым, как трава. Может, я такой и есть. Но я все равно не собираюсь покупать подкрашенную водичку по цене коктейля. У меня не так много денег.

На ее лице появилась обида.

— Но ты же должен что-нибудь заказать. В противном случае я не могу здесь сидеть.

— Ну… — Он глянул на меню. — Думаю, я могу позволить себе бутерброд.

— Забудь про специальный, Гиглз. Сыр на ржаном, и горчицы побольше. — Она снова повернулась к Максу. — Как тебя звать, радость моя?

— Макс.

— А меня Долорес. Ты откуда?

— Озаркс. Это на Земле.

— Какое совпадение! Я из Виннипега, мы же совсем соседи.

Макс подумал, что с такого расстояния вполне может так показаться. Но чем больше Долорес трещала, тем очевиднее становилось, что она не имеет ни малейшего представления о том, где расположен Озаркс, да и Виннипег тоже, и, вероятнее всего, в жизни не бывала на Земле. К тому времени, как вернулся Сэм, она доедала бутерброд, параллельно объясняя Максу, что просто обожает космонавтов, они такие романтичные.

Сэм посмотрел на нее сверху вниз.

— На сколько ты его раскрутила?

— Ты не имеешь права так со мной говорить! — возмутилась Долорес. — Мистер Липский не разрешает…

— Заткнись, девочка, — сказал Сэм без малейшей недоброжелательности в голосе. — Ты просто не знаешь, что мой друг — гость Липпи. Сечешь? И никаких «специальных», никакого «заплати мне» — ты зря тратишь свое драгоценное время. Ну так на сколько?

Макс торопливо ответил сам:

— Сэм, все о'кей. Я купил ей только бутерброд.

— Ну если… Но теперь, сестрица, ты свободна. Может, попозже.

Она пожала плечами и встала.

— Спасибо, Макс.

— Не за что, Долорес. Я передам привет виннипегцам.

— Обязательно передай.

Сэм не садился.

— Сынок, мне надо отлучиться на некоторое время.

— О'кей.

Макс сделал движение, чтобы встать. Сэм жестом остановил его.

— Нет, нет. С этим делом я лучше разберусь в одиночку. Ты меня подождешь здесь? Они не станут больше тебя трогать, а если станут — позови Липпи.

— У меня не будет никаких неприятностей.

— Да уж надеюсь. — Сэм выглядел озабоченно. — Сам не знаю, чего я должен дергаться, но что-то такое в тебе пробуждает мои материнские чувства. Наверное, это твои огромные голубые глаза.

— Что? А пошел-ка ты. И в любом случае глаза у меня карие.

— Я говорил, — ласково произнес Сэм, — о глазах твоей пухлой, розовой, свежей, как роса, души. И не вступай до моего возвращения в раз-

говоры с незнакомыми людьми.

Макс употребил одно из выражений, подхваченных им у мистера Джи; Сэм, ухмыльнувшись, удалился.

Однако рекомендация Сэма не относилась к мистеру Саймсу. Макс увидел, как помощник астронавигатора появился в дверном проеме. Лицо его было краснее обычного, а глаза как-то неопределенно блуждали. Саймс медленно поворачивал свое туловище, изучая зал. В конце концов взгляд его наткнулся на Макса, и он неприятно улыбнулся.

— Ну, ну, ну, — говорил он, приближаясь к Максу. — Да не сам ли это наш Умный Мальчик.

— Добрый вечер, мистер Саймс, — Макс встал.

— Так значит, «добрый вечер, мистер Саймс»! А что ты там сказал про себя?

— Ничего, сэр.

— Пфф! Я же знаю! Только я думаю про тебя то же самое, и даже еще хуже. — Не получив ответа, Саймс продолжал: — Ну так не хочешь ли ты пригласить меня сесть?

— Садитесь, пожалуйста, сэр, — произнес Макс безо всякого выражения.

— Ну вы только подумайте! Умный Мальчик хочет, чтобы я сел рядом с ним. — Он сел, подо-

звал официанта, сделал заказ и снова повернулся к Максу. — Умный Мальчик, а ты знаешь, зачем я тут с тобой сижу?

— Нет, сэр.

— А чтобы кое-что сказать тебе на ушко, вот зачем. С того самого раза, как ты устроил этот фокус с компьютером, ты стал для Келли нашим волозтолосым… золотовласым… мальчуганом. Зо-ло-то-вла-сым мальчуганом, — повторил он, старательно выговаривая слова. — Меня все это в восторг не приводит. Заруби себе на носу: если ты будешь отираться вокруг астронавигатора и подлизываться к нему, как делает Келли, то я тебя с поста управления быстренько выживу. Ясно тебе?

Макс почувствовал, что скоро не сможет больше сдерживаться.

— Мистер Саймс, что вы имели в виду, когда сказали «фокус»?

— А ты сам прекрасно знаешь. Выучил, наверное, полдюжины последних переходов, а теперь Келли и профессор думают, что ты запомнил всю книгу. Гений среди нас! А ты знаешь, что это такое в действительности? Все это — просто куча…

На счастье Макса, их прервали; он почувствовал руку на своем плече, и тихий голос Сэма

произнес:

— Добрый вечер, мистер Саймс.

На лице Саймса появилась растерянность, но потом он узнал Сэма и просветлел:

— Ребята, да это же наш мусор. Садитесь, констебль, выпейте с нами.

— А что, можно. — Сэм придвинул еще один стул.

— Вы знакомы с этим вот Умным Мальчиком?

— Да, встречал его иногда.

— Присматривайте за ним получше. Это мой вам приказ. Он очень, очень умный. Чересчур умный. Вот спросите у него число. Выберите любое число между единицей и десятью.

— Семь.

Мистер Саймс хлопнул рукой по столу:

— Ну вот, что я вам говорил? Он запомнил это число прежде, чем вы сюда подошли. Когда-нибудь однажды он запомнит число и его напишут у него на груди. По трафарету. Хотите, констебль, знать одну вещь? Я не доверяю хитрым мальчикам. Они начинают слишком много о себе мнить.

Располагая теперь поддержкой Сэма, Макс не вмешивался в монолог Саймса. Одновременно с Сэмом к столику подошел Гиглз; Макс видел, как

Сэм что-то написал на обороте меню и передал его гуманоиду вместе с деньгами. Однако мистер Саймс был слишком увлечен собственным красноречием, чтобы это заметить. Некоторое время Сэм не мешал ему распространяться, а потом вдруг прервал его:

— Сэр, похоже, что у вас тут есть знакомые.

— Что? Где?

Сэм указал. Сидевшая у стойки Долорес улыбалась и жестом призывала помощника астронавигатора присоединиться к ней. Саймс с трудом сфокусировал взгляд, ухмыльнулся и сказал:

— Точно, так и есть. Это же моя двоюродная бабушка Сэди.

Он встал и покачнулся. Сэм потер руки.

— Ну вот, мы от него и избавились. Сынок, он тебя очень достал?

— Да есть немного. Спасибо, Сэм. Только противно видеть, что его свалили на Долорес. Она хорошая девица.

— За нее ты не беспокойся. Она быстренько лишит его всего, что у него есть с собой, — а заодно и хорошей должности на корабле. — В глазах Сэма появилась жестокость. — Офицер должен поступать, как офицер. Если он хочет пропустить одну-другую, он обязан делать это в своей части

города. Да черт с ним. — Сэм расслабился. — Так что, кое-что изменилось, сынок? Теперь все совсем иначе, чем когда мы стартовали с Земли?

— Да уж, многое изменилось!

— Нравится тебе эта шайка из Ямы?

— В жизни так здорово не было. И я учусь быстро, так сказал мистер Келли. Они все отличные ребята, кроме этого. — Он кивком указал в сторону Саймса.

— Плюнь ты на него. Даже в самом лучшем супе бывает муха. Ты только не дай, чтобы у него на тебя что-нибудь было.

— И не собираюсь.

Сэм внимательно поглядел на Макса, а потом тихо сказал:

— Ну как, готов нырнуть?

— Чего?

— Я почти насобирал денег. Все будет тип-топ.

Отвечать Максу было трудно. Он, конечно, понимал, что по существу перевод не решил никаких проблем; он находился в такой же опасности, как и раньше. Но Макс был так занят интересной, радостной, тяжелой работой, так валился с ног после нее, что все остальное как-то отодвинулось на задний план. Теперь он задумчиво рисовал пальцем узоры на запотевшей

крышке стола и думал.

— Как бы хотелось, — медленно произнес он, — чтобы можно было как-нибудь из этого дела выкрутиться.

— Способ есть, я тебе уже говорил. Чтобы затерялись твои документы.

Макс поднял глаза на Сэма.

— Ну и что в этом хорошего? Конечно, я смогу совершить еще один рейс. Но мне же не нужен просто еще один рейс, я хочу совсем остаться в этом деле. — Он посмотрел на стол и старательно изобразил гиперболу. — Лучше уж я пойду с тобой. Вернись я на Землю — мне останутся только трудовые бригады, и это еще в том случае, если сумею не попасть в тюрьму.

— Ерунда все это.

— Почему ерунда?

— Ты пойми меня, сынок, я бы очень хотел, чтобы мы пошли вместе. В таком деле разница между иметь или не иметь рядом с собой напарника может оказаться разницей между выбраться и провалиться. Но ты вполне можешь остаться в космосе с документами чистыми, как у новорожденного ребенка.

— Каким образом?

— Ты же меняешь гильдию. Теперь нужно за-

терять только одну бумагу — о твоем уходе от экономов, поваров и делопроизводителей. А они никогда не хватятся этой бумаги потому, что для них ты не существуешь. Ты получишь совершенно чистый, аккуратный и законный старт у вычислителей и картографов.

Соблазн для Макса был очень сильным.

— А как же доклад в Департамент Гильдий и Труда?

— Все то же самое. Разные бумаги идут в разные конторы. Я все это разузнал. Один доклад теряется, другой идет — и помощник экономa Джонс пропадает без вести, в то время как стажер-картограф Джонс вступает в жизнь с чистыми документами.

— Сэм, а почему ты сам не сделаешь этого? С твоей теперешней работой ты можешь перескочить на… Ну, например, на…

— На что? — Сэм печально покачал головой. — Нет, старик, не на что мне переходить. А к тому же у меня есть серьезные основания зарыться поглубже. — Он немного просветлел. — А знаешь что, я подберу себе новую фамилию еще до того, как соскочить, и скажу ее тебе. И тогда в один прекрасный день, через два года, через десять, через двадцать лет, ты окажешься на Новой

Земле и найдешь меня. И мы раздавим на пару бутылочку и поговорим о том времени, когда были веселыми и молодыми. Ну как?

Макс улыбнулся, хотя на душе и было печально.

— Так и сделаем, Сэм. Обязательно. — Тут он вдруг нахмурился. — Сэм, а как это, я же не знаю, как все это провернуть, а тебя здесь уже не будет.

— Я все устрою до ухода. Нельсон уже прямо-таки зернышки клюет у меня с ладони. Что-нибудь вроде: половина платы вперед, половина по завершении дела — и я позабочусь, чтобы у тебя было кое-что на него, что именно — не бери в голову, тебе пока знать этого не надо. Когда вы сядете на Землю, он попросит тебя отправить доклады, так как ты пойдешь в город, а у него будет еще срочная работа. Ты проверишь, что там будут те два доклада, которые тебя интересуют, и отдашь ему остаток денег. И порядок.

— Пожалуй, так будет лучше всего, — не очень весело согласился Макс.

— И кончай дрожать и дергаться. У каждого свой скелет в шкафу, главное — чтобы там он и оставался, а не вылезал наружу в самое неподходящее время. — Сэм отодвинул в сторону пустой стакан. — Ну так как, сынок, ты не против, если

мы сейчас вернемся на корабль? Или ты думаешь остаться здесь на всю ночь?

— Нет, пошли. — Возбуждение, охватившее Макса при выходе на первую в его жизни чужую планету, совсем прошло. «Гарсонова Дыра», как он должен был признать, являла собой далеко не лучший образчик чудес Галактики.

— Тогда давай загрузимся. Мне тут надо кое-что отнести, и твоя помощь пригодится.

«Кое-что» оказалось четырьмя здоровенными свертками, которые Сэм ранее сдал в камеру хранения.

— А что в них? — с любопытством спросил Макс.

— Грелки для чайников, сынок, грелки для чайников. Многие тысячи. Думаю продать их этим мелкоголовым на Проционе. В качестве ночных колпаков.

Макс обиженно смолк.

Вообще говоря, все проносимое на борт корабля подлежало проверке, однако дежурный у шлюза настаивал на досмотре имущества главного надзирателя не более, чем настаивал бы на обыске кого-нибудь из корабельных офицеров. Макс помог Сэму отнести свертки в его каюту, которая полагалась главе корабельной полиции по

должности.

Глава 11
ЧЕРЕЗ ГРУЗОВОЙ ЛЮК

Путь от планеты Гарсона к Алкионе, планете из системы Ню Пегаса, это зигзаг из трех скачков в 105, 487 и 19 световых лет, в результате чего по прямой («как ворона летает») покрывается расстояние менее чем в 250 световых лет. Однако не имеют значения ни расстояния по прямой, ни псевдорасстояния скачков; сам «Асгард» прошел от порта до порта меньше одного светового года, расстояние «как ворона летает» существенно только лишь для этой самой вороны.

Первый скачок производился примерно через месяц после старта с планеты Гарсона. Келли сменил Максу расписание вахт, теперь это была одна вахта из трех, причем — вахта самого Келли. В результате Макс получил гораздо больше времени для отдыха, и учиться ему стало легче — ведь вахты с Саймсом были для него пустой тратой времени. Да и вообще Макс с большим облегчением воспринял то, что теперь не надо регулярно встречаться с Саймсом. Было ли это одной из целей Келли при изменении расписа-

ния, Макс так никогда и не узнал. Спросить он не решился.

Вахта Макса оставалась стажерской, он никого не подменял, его не подменял никто. У него вошло в привычку не уходить с поста управления раньше Келли, если только его не выгоняли. В результате он часто встречался с доктором Хендриксом, потому что главного вычислителя подменял астронавигатор, а Келли обычно несколько задерживался, чтобы поговорить. Во время этих разговоров астронавигатор иногда спрашивал, как у Макса продвигаются дела.

Иногда во время вахты доктора Хендрикса заходил капитан. Вскоре после старта с Планеты Гарсона доктор Хендрикс воспользовался одним из таких случаев для того, чтобы продемонстрировать необыкновенные способности Макса капитану Блейну и первому помощнику Вальтеру. Выступление Макса прошло без единой ошибки, хотя он крайне стеснялся присутствия капитана. Тот наблюдал за ним очень внимательно, с несколько пораженным выражением лица. Потом Блейн сказал:

— Спасибо, парнишка. Это поразительно. Так как, говорите, ваша фамилия?

— Джонс, сэр.

— Да, конечно, Джонс, — Капитан поморгал и произнес задумчиво: — Наверное, это совершенно потрясающе — не иметь способности хоть что-либо забыть, особенно — в глубине ночи. Постарайся, сынок, сохранить чистую совесть.

Двенадцатью часами позднее доктор Хендрикс сказал ему:

— Джонс, не уходите, вы мне нужны.

— Да, сэр.

Астронавигатор поговорил о чем-то с Келли, затем снова обратился к Максу:

— Ваш фокус, Джонс, произвел большое впечатление на капитана. У него возник вопрос. Нет ли у вас заодно и таких же математических способностей?

— Ну, как сказать… Нет, сэр. То есть я не являюсь мгновенным вычислителем. Я видел такого раз в цирке. Он мог делать вещи, которых я делать не могу.

— Это неважно, — успокоил его Хендрикс. — Я так понимаю, что дядя преподал вам кое-что из теоретической астронавигации?

— Только для практических целей, сэр.

— А о чем, вы думаете, я говорю с вами? Вы знаете, как рассчитывается подход к точке перехода?

— Пожалуй, да, сэр.

— Честно говоря, я в этом сомневаюсь, сколько бы математики ни вложил в вас брат Джонс. Но все равно, давайте попробуем.

— Что, прямо сейчас, сэр?

— Вы попробуйте. Ну притворитесь, что вы — вахтенный офицер. Келли будет вашим помощником, а я — просто зрителем. Рассчитайте тот переход, который нам предстоит. Я понимаю, что мы еще так далеко, что это не имеет значения, но вы должны действовать так, словно от этого зависит безопасность корабля.

Макс перевел дыхание.

— Да, сэр. — Он сделал движение, чтобы взять новые пластинки для камер.

Хендрикс сказал:

— Нет!

— Сэр?

— Если вы командуете вахтой, то где же ваша команда? Ногучи, помогите ему.

— Да, сэр, — Ногучи ухмыльнулся и подошел. Пока они, согнувшись, занимались первой камерой, Ногги прошептал: — Не дай ему себя заговорить. Мы устроим потрясающее шоу. А в трудных местах тебе поможет Келли.

Однако Келли не стал помогать; он исполнял роль мальчика с таблицей — и только, ни ма-

лейшего намека, правильно действует Макс или совсем заврался. Получив результаты наблюдений и данные от сравнения пластинок с картами, Макс не стал сам вводить задачу в компьютер. На машине работал Ногучи, а переводил числа из системы в систему Келли. Порядочно времени и уйму пота спустя лампочки на пульте перестали мигать и выдали нечто, бывшее, как Макс страстно надеялся, ответом.

Доктор Хендрикс не сказал ничего, а взял те же самые пластинки и начал сравнивать их с картами, решая задачу заново, с той же самой командой. Очень скоро лампочки опять выбросили ответ; астронавигатор взял у Келли таблицы и сам перевел результат в десятичную систему.

— Отличие только в девятом знаке. Неплохо.

— Я ошибся только в девятом знаке, сэр?

— Этого я не говорил. Возможно, больше ошибся я.

На лице Макса появилась улыбка, но доктор Хендрикс нахмурился:

— А почему вы не проверили доплеровские спектры?

По хребту Макса пробежал холодок.

— Я забыл, сэр.

— Мне казалось, что вы тот самый человек,

который никогда ничего не забывает.

Интуитивно — и совершенно верно — Макс догадывался, что тут разговор шел о двух совершенно разных видах памяти, однако не владел психологическим жаргоном, при помощи которого мог бы объяснить это. Один вид — забыть шляпу в ресторане, такое может случиться с каждым. Другой — это если не можешь вспомнить то, что ты однажды знал.

Хендрикс продолжал:

— Вахтенный поста управления не имеет права забывать вещи, существенные для безопасности корабля. Однако для контрольного упражнения это было очень хорошо, не хватало только скорости. Если бы мы были близки к скорости света, готовые к скачку, ваш корабль оказался бы в Гадесе и успел бы разбиться о берега Стикса раньше, чем от вас дождались бы ответа. Но для первой попытки это очень хорошо.

Он отвернулся. Келли головой указал на входной люк, и Макс вышел.

Засыпая этим вечером, Макс думал, что, может быть, доктор Хендрикс даже размышляет сейчас о нем, потому что… Да нет! Он отбросил эту мысль. В конце концов, ведь Келли тоже мог это сделать; Макс неоднократно видел, как тот рассчитывает

дальний подход, да и быстрее к тому же. Возможно, Ногучи тоже мог. Конечно же, Ногучи мог, поправил он себя. В конце концов, здесь же нет никаких «секретов».

Когда приблизились к первой аномалии, легкое расписание — одна вахта из трех для офицеров и вахта из четырех для рядовых — сменилось на вахту через раз, с астронавигатором, помощником, картографом и вычислителем в каждой вахте. Макса наконец поставили на нормальную вахту вместо стажерской. Первая вахта возглавлялась доктором Хендриксом, помощником у него был картограф первого класса Ковак. Макс был картографом вахты, а на компьютере работал Ногучи. Во второй вахте мистеру Саймсу помогал Келли, картографом был Смит, а вычислителем — Ланди. Макс обратил внимание, что доктор Хендрикс отдал свою «первую команду» Саймсу и взял себе взамен менее опытных техников. Макс не понимал, почему так, но был рад, что не придется работать с Саймсом. Тут Макс своими глазами увидел, что такое по-настоящему напряженная работа в Хитрой яме. Лицо доктора Хендрикса превратилось в застывшую маску, он работал как механизм, проводя одну за другой коррекцию курса подхода и требуя от своей ко-

манды быстрой, беззвучной и безукоризненной работы. В течение последних двенадцати часов подхода к точке перехода астронавигатор не уходил с поста управления, остальные члены команды — тоже, разве что на самое краткое время, хотя номинально они и были на отдыхе. Номинально Саймс продолжал стоять свои вахты, но доктор Хендрикс все время висел над ним, проверяя каждое движение. Дважды он потребовал, чтобы Саймс повторил часть расчета, а один раз просто отодвинул его в сторону и сделал все сам. В первый раз, когда такое случилось, Макс с удивлением уставился на происходящее, однако потом он заметил, что остальные демонстративно занимались своими делами, пока доктор Хендрикс лично беседовал с Саймсом.

По мере приближения критического момента напряжение возрастало. Подход к аномальному интрапространственному переходу невозможно сравнить ни с какой другой разновидностью пилотирования, когда-либо осуществлявшейся человеком. Разве что сравнить эту задачу с абсолютно невозможным трюком — взлететь на самолете и вслепую пролететь тысячу миль, все это время настолько точно определяя свое местонахождение, чтобы в конце полета суметь

пролететь сквозь узкий туннель, даже и не увидев этого туннеля. Хорстовскую конгруэнтность увидеть невозможно, ее можно только вычислить, пользуясь сложнейшими уравнениями воздействия массы на структуру пространства; «вход» — это просто ничем не обозначенное пустое место посреди гигантской окружающей пустоты. Подходя к планете, астронавигатор наблюдает место назначения или визуально, или на экране радара; скорость его в этой ситуации всего каких-то несколько миль в секунду. Но при выполнении Хорстовского подхода скорость корабля близка к скорости света и достигает ее в последний момент. Ближайшие опорные точки находятся на расстояниях во многие миллиарды миль, да и сами эти опорные точки движутся со звездными скоростями и толпятся в поле зрения в результате колоссального параллакса, возможного только тогда, когда наблюдатель движется почти так же быстро, как и то, что является для него единственным ключом к вопросам местоположения и скорости — фронт электромагнитной волны.

Ну, прямо как в полночь искать в темной комнате черную кошку, которой там и вовсе нет.

В конце Келли сам сидел за компьютером, а

Ланди около него с таблицами. Смит и Ковак занимались картами и пластинками, передавая данные доктору Хендриксу, который программировал устно, ставя в голове задачу и почти без задержки передавая ее, через команду, в мозг машины для решения. Сейчас силовая установка находилась под его непосредственным контролем. Каждая его рука лежала на клавишах управления, одна из которых предназначалась для того, чтобы вести корабль на скорости чуть ниже скорости света, а другая — чтобы дать в последний момент тот самый толчок, который заставит его прорваться сквозь пространство.

Макса отодвинули в сторону; не было ни одного дела, для которого не нашлось бы более опытного исполнителя. Но с другой стороны, Саймса тоже отодвинули в сторону; в момент истины место было только для одного астронавигатора.

Из всех, находившихся в Хитрой яме, самым спокойным казался капитан Блейн. Он сидел на отведенном специально для него стуле, спокойно курил и смотрел на Хендрикса. Лицо астронавигатора было серым от усталости, оно лоснилось от долго не смываемого пота. Воротник его форменной рубашки был расстегнут, она выглядела так, словно он в ней спал, хотя на самом деле

он не спал вовсе. Макс смотрел на Хендрикса и удивлялся, чего это он сам хотел стать астронавигатором; был таким дураком, что хотел взвалить на себя эту невыносимую, ни с кем не разделимую ношу.

Однако твердый голос доктора не выказывал признаков усталости; шли нескончаемые последовательности чисел, каждое — четкое, словно напечатанное, каждое произносилось так, что не оставалось места для ошибки, не возникало необходимости что-либо повторять. Макс слушал, учился и удивлялся.

Он посмотрел сквозь купол вверх, наружу, в пространство, искаженное их немыслимой скоростью. Звезды впереди в течение нескольких последних вахт сходились все ближе и ближе друг к другу. Колоссальный эффект параллакса так сдвигал их изображения, что казалось, словно они наползают на тот самый сектор небосвода, к которому стремился корабль. Теперь они были видны в инфракрасном свете, так как корабль с такой скоростью несся навстречу волновым пакетам, что доплер-эффект уменьшал длины волн теплового излучения до длин, соответствующих видимому свету.

Неожиданно поток цифр прекратился. Макс

опустил глаза вниз, а потом торопливо взглянул вверх; он услышал голос доктора Хендрикса, который выкрикнул:

— Всем оставаться на местах!

Казалось, будто все звезды сползлись в одну точку, затем они исчезли и, без какой-либо задержки, сменились другой звездной вселенной, новой, совершенно отличной от прежней.

Хендрикс выпрямился и тяжело перевел дыхание, затем посмотрел вверх.

— Ну вот, там Мемориал Альберта, — сказал он тихо. — А вот там — Шестиугольник. Что ж, капитан, похоже, что мы снова проскочили. — Затем он повернулся к Саймсу. — Заступайте, сэр. — Пропустив капитана первым, он вышел через люк.

Компания с контрольного поста снова перешла на легкие вахты; следующий переход предстоял через много дней. Макс стоял вахтенным картографом, сменив на этом посту Ковака, который, в свою очередь, заменил доктора Хендрикса, взявшего неделю отдыха. По правде говоря, в начале пути к следующей точке перехода не было особенных дел, и потому нужды в высоком мастерстве доктора не возникало. Но Макс очень гордился своим новым положением; было очень

приятно расписываться в черновике вахтенной записи «М. Джонс, вахт-й карт-ф». Он ощущал, что нашел свое место, несмотря даже на то, что с Саймсом отношения были испорчены, а Келли продолжал немилосердно гонять его по всем ремеслам поста управления.

Макс немного удивился, однако не ждал ничего особенного, когда однажды между вахтами ему приказали явиться к астронавигатору. Он надел чистую форму, причесался и отправился на палубу С.

— Картограф-стажер Джонс явился по вашему приказанию, сэр.

Келли тоже был здесь. Они с астронавигатором пили кофе.

— Хорошо, Джонс, — кивнул Хендрикс, а затем повернулся к Келли. — Может быть, вы ему скажете?

— Если вы так хотите, сэр. — Келли явно чувствовал себя несколько неловко. — Ну так вот, Джонс, дело обстоит так… По правде говоря, вы не подходите для моей гильдии.

Макс был настолько потрясен, что не мог ничего ответить. Он хотел сказать, что он думал… он так понимал… он не знал… но не мог произнести ни слова. Келли продолжал:

— Дело в том, что вам надо учиться на астронавигатора. Мы с доктором все уже обсудили.

Жужжание, появившееся в голове Макса, усилилось. Он не сразу понял, что доктор Хендрикс уже не в первый раз повторяет:

— Так как же, Джонс? Вы хотите попробовать? Или не хотите?

Макс с трудом заставил себя произнести:

— Да. Да, сэр.

— Ну и хорошо. Мы с Келли присматривались к вам. У него и у меня сложилось мнение, что возможно (только возможно!), вы обладаете латентной способностью развить необходимые умение и скорость. Вопрос только в одном — вы-то с этим согласны?

— Да… ну, то есть… я хотел бы надеяться, сэр.

— Я тоже хотел бы надеяться, — сухо сказал Хендрикс. — Мы поглядим. Если этой способности у вас не окажется, вы всегда сможете вернуться в свою гильдию, тут нет ничего страшного. Опыт обучения на астронавигатора сделает вас прекрасным картографом. — Астронавигатор повернулся в Келли. — Я тут малость порасспрашиваю Джонса, Келли. А потом мы все решим.

— Очень хорошо, сэр. — Келли встал.

Когда главный вычислитель вышел, Хендрикс

повернулся к своему столу и вытащил из него трудовую книжку. Обратясь к Максу, он неприязненным голосом спросил:

— Ваша?

Макс бросил взгляд, что-то сглотнул и пробормотал:

— Да, сэр.

Доктор Хендрикс посмотрел ему в глаза.

— Ну и что? Как же она рисует вашу карьеру до настоящего момента? Вы хотели бы что-нибудь сказать на эту тему?

Пауза продолжалась недолго, какую-нибудь дюжину биений сердца, однако Максу она показалась нескончаемым испытанием. Затем наступил перелом, и он услышал, как отвечает астронавигатору:

— Да ничего хорошего она не рисует. Это все липа, от начала до конца.

Произнеся эти слова, Макс сразу же удивился, зачем он это сделал. Он почувствовал, что одним ударом вдребезги разбил единственный в жизни шанс осуществить свою мечту. И все же Макс не ощутил трагичности происшедшего, вместо этого ему странным образом стало легче на душе.

Хендрикс положил трудовую книжку на стол.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо. Если

бы ты ответил как-нибудь по-другому, я бы выкинул тебя со своего поста управления. А теперь, не соблаговолишь ли ты рассказать о себе? Садись.

Макс сел и все ему рассказал. Он только опустил имя Сэма и некоторые детали, по которым можно было его вычислить. Естественно, доктор Хендрикс заметил это и спросил об этом напрямик.

— Я не скажу, сэр.

Хендрикс кивнул головой.

— Ладно. И я хотел бы добавить, что не собираюсь делать попыток идентифицировать этого вашего — э-э — друга, если даже сверх всяких ожиданий он находится на этом корабле.

— Спасибо, сэр.

Последовало длительное молчание. В конце концов Хендрикс сказал:

— Сынок, что же привело тебя к такому неуклюжему жульничеству? Ты что, не понимал, что тебя все равно поймают?

Макс немного подумал.

— Пожалуй, я понимал, что так оно и произойдет, сэр. Но я хотел в космос, а других путей не оставалось. — Теперь, когда было сброшено невыносимое бремя лжи, у Макса появилось желание объяснить и оправдать свои поступки. Кроме того, его несколько раздражало, что доктор Хенд-

рикс почему-то не видел, что он, Макс, сделал то единственное, что мог сделать, — так, по крайней мере, казалось самому Максу. Поэтому, когда доктор Хендрикс не ответил, Макс продолжил:
— А что бы вы сделали на моем месте, сэр?

— Я? Откуда я могу знать? Видимо, настоящий смысл вашего вопроса следующий: считаю ли я ваши поступки не только противозаконными, но и аморальными?

— М-м, пожалуй, что так, сэр.

— Дурно ли лгать, подделывать документы и давать взятки для достижения своей цели? Это хуже, чем дурно, это неблагородно!

Доктор Хендрикс задумчиво пожевал губу и продолжил:

— Возможно, сказав это, я взял на душу грех фарисейства, тут мое упущение. Не думаю, что юный бродяга без гроша в кармане, каким, судя по вашему собственному рассказу, вы были, может позволить себе роскошь благородства. А что касается всего остального, то человеческая личность — очень сложная вещь, и я в таких делах не судья. Адмирал Нельсон был лжецом, развратником и человеком абсолютно недисциплинированным. Президент Абрахам Линкольн был человеком очень вульгарным, с неустойчивой психикой.

Список можно продолжать до бесконечности. Нет, Джонс, я не собираюсь вас судить, вы должны сделать это сами. Ваши прегрешения против закона оценят власти, в чьей юрисдикции это находится. Меня же интересует только, обладаете ли вы теми способностями, которые нужны мне.

Тут Макс испытал новый шок. Он уже смирился с мыслью, что потерял последний шанс.

— Сэр?

— Не поймите меня неправильно. — Хендрикс постучал пальцами по фальшивой трудовой книжке. — Мне это не нравится. Мне это совершенно не нравится. Возможно, со временем вы поймете и искупите свою ошибку. Но в настоящее время мне крайне необходим еще один вахтенный офицер. Если вы сможете с этим справиться, я мог бы вас использовать в этом качестве. Кроме того, здесь есть еще и личный момент. Ваш дядя учил меня, я попытаюсь обучить вас.

— Я постараюсь справиться, сэр. Спасибо вам.

— Не нужно меня благодарить. В настоящий момент я даже не испытываю к вам особенно дружественных чувств. Не говорите про это никому. Я попрошу капитана назначить собрание гильдии, и там он, мистер Саймс и я проголосуем по вашему вопросу. Мы сделаем вас учени-

ком-стажером, что даст капитану возможность присвоить вам временное звание кадета торгового флота. На корабле формальности несколько отличаются от обычной процедуры, что вам, без сомнения, известно.

Максу ничего не было известно, хотя он и слышал, что в офицеры иногда попадают «через грузовой люк», но поразил его совсем другой момент.

— Мистер Саймс, сэр?

— Обязательно. Согласно этой процедуре, суждение о вас должны выносить все астронавигаторы, с которыми вы служите.

— Э-э-э… и это суждение должно быть единогласным?

— Да.

— В таком случае… знаете, сэр, об этом можно забыть. То есть я, конечно, очень благодарен вам за желание сделать… э-э-э… но… — Голос Макса затих.

По лицу доктора Хендрикса скользнула безрадостная улыбка.

— Может, вы лучше оставите беспокойство по этому поводу?

— Извините, сэр.

— Когда все будет организовано, я вас извещу.

Или, раз уж вам так хочется — «если и когда».

— Да, сэр. — Макс встал. — Сэр? Тут есть еще пара вещей, которых я не понимаю.

Хендрикс успел уже опять повернуться к своему столу.

— Что еще? — спросил он немного нетерпеливо.

— Вы не могли бы сказать мне — ну, просто, чтобы удовлетворить мое любопытство, — на чем вы меня поймали?

— А, это… Без всякого сомнения, вы выдали себя нескольким людям. Судя по некоторым моментам, которые избегает упоминать Келли, он догадывается. Вот, например, однажды я слышал, как Ланди что-то сказал вам про Киферовский «Ритц» на Луне. По вашему, хотя и неопределенному, ответу, было ясно, что в действительности вы не знаете, о какой забегаловке он говорит, — а любой космонавт обязательно знает это место — вход в него расположен прямо напротив восточного шлюза порта.

— Да уж!

— Но окончательно я все понял в связи с этой штукой. — Он снова указал на фальшивую трудовую книжку. — Джонс, я работаю с числами, и мой мозг не может перестать извлекать из них

всю содержащуюся в них информацию, так же как я не могу перестать дышать. Здесь сказано, что вы ушли в космос за год до отставки вашего дяди — я помню, в каком году это произошло. Однако вы говорили мне, что дядя учил вас дома, и ваша подготовка подтверждала это. Два набора предполагаемых фактов противоречат друг другу; нужно ли добавлять, что я был точно уверен, где правда?

— Да, похоже, я не проявил особой сообразительности.

— Нет, не проявили. Числа — очень острые орудия, Джонс. Не жонглируйте ими, а то можно порезаться. А какое второе дело?

— Понимаете, сэр, я подумал, а что будет со мной? Я насчет этого.

— А, вот вы про что, — безразличным голосом ответил Хендрикс. — Это касается исключительно Гильдии экономов и делопроизводителей. Моя гильдия не будет предпринимать действия в связи с дисциплинарными проблемами другой гильдии. Разве только они назовут это «позорным поступком» и докажут, что так оно и есть.

С этим слабым утешением Макс и покинул каюту астронавигатора. Но все равно у него на душе было легче, чем когда-либо с того момента,

как он записался на корабль. Перспектива наказания казалась бременем не столь тяжелым, как ежеминутное ожидание, что тебя разоблачат. Через некоторое время он и вообще забыл об этой проблеме, остался только восторг от возможности сделать наконец-то попытку стать астронавигатором.

Как жаль, что он не может рассказать об этом Сэму… или Элли.

Глава 12
АЛКИОНА

Введение в должность стажера происходило в конце того же дня. Капитан вызвал Макса к себе, принял у него присягу и поздравил, обращаясь к нему «мистер Джонс». Церемония была совсем простой, зрителей — только двое, доктор Хендрикс и секретарь капитана.

Мелкие бытовые подробности, которыми сопровождалось повышение, в первый момент больше поразили Макса, чем само повышение. Начались они сразу.

— Вы бы отдохнули остаток дня, мистер Джонс, встряхнулись бы, — как-то странно подмигивая, сказал капитан. — Вы не против, док?

— Конечно, сэр.

— Ну и хорошо. Беннет, вы не попросите Дюмона зайти на минутку?

Главный пассажирский эконом не выказал ни малейшего удивления, увидев недавнего третьего помощника экономa уже в ранге офицера. На вопрос капитана он ответил:

— Я собирался поместить мистера Джонса в

каюту B-014, сэр. Вы находите это удовлетворительным?

— Без сомнения, без сомнения.

— Я скажу ребятам, чтобы они сейчас же отнесли его вещи.

— Очень хорошо. Идите с Дюмоном, мистер Джонс. Нет, подождите еще секунду. Нужно найти вам фуражку. — Капитан подошел к своему гардеробу и стал в нем рыться. — Где-то тут у меня была подходящая.

Хендрикс стоял, заложив руки за спину.

— Я захватил фуражку, капитан. Мне кажется, что у мистера Джонса и у меня один размер.

— Вот и хорошо. Только, может, за последние несколько минут его голова раздулась, совсем чуть-чуть. Как?

— Если это так, — жестко усмехнулся Хендрикс, протягивая Максу фуражку, — то я позабочусь, чтобы она быстренько снова усохла.

Астронавигатор уже снял с фуражки широкую золотую полосу и изображение солнца. На их месте была узенькая полоска и крохотное солнце, окруженное кольцом, — отличительный знак стажера. Макс подумал, что, наверное, это — старые знаки различия, которые доктор Хендрикс хранил из сентиментальных соображений.

Поперхнувшись, он пробормотал слова благодарности, а затем, спотыкаясь, вслед за Дюмоном вышел из капитанской каюты.

Когда они подошли к трапу, Дюмон остановился.

— Вам нет необходимости спускаться в кубрик, сэр. Если вы сообщите мне цифровую комбинацию вашего шкафчика, мы позаботимся обо всем.

— Ой, да что там, мистер Дюмон! У меня же и багажа-то почти нет. Я могу отнести все наверх сам.

Лицо Дюмона было бесстрастным, как у хорошего дворецкого.

— Если вы, сэр, разрешите мне дать вам совет, то, пока мы займемся этим делом, вы могли бы познакомиться со своей каютой.

Это не было вопросом. Макс совершенно правильно перевел слова Дюмона на нормальный язык: «Послушай-ка, придурок. Я разбираюсь в этих делах, а ты ни черта в них не понимаешь. Так что поступай, как тебе говорят, если не хочешь наделать ошибок».

Макс позволил собой руководить. Перепрыгнуть из рядовых в офицеры, оставаясь на том же корабле, — дело нелегкое. Дюмон, в отличие от

Макса, это знал. Может, в нем взыграли отцовские чувства, может — просто любовь к точному соблюдению протокола, а может — и то и другое одновременно, но только Дюмон не собирался разрешать новоиспеченному младшему офицеру спускаться ниже палубы С, пока он не научится вести себя с достоинством, подобающим его новому положению. Так что Макс отправился на поиски каюты В-014.

На койке был самый настоящий матрас, а также покрывало. Была крохотная раковина с водопроводным краном и зеркало над ней. Была книжная полка над койкой и шкаф для одежды. Был даже откидной письменный стол. На стене висел телефон и была кнопка, при помощи которой он мог вызвать вахтенного помощника эконома! Стул, не привинченный к полу и полностью его собственный, корзина для мусора и — подумать только! — маленький коврик. А самое главное, дверь была с замком.

То, что вся каюта была вряд ли больше, чем ящик для перевозки рояля, не беспокоило его ни в малейшей степени.

Пока Макс изучал все это великолепие, пришел Дюмон. Дюмон сам не нес жалкие пожитки Макса, это дело было поручено одному из рядовых,

обслуживавших верхние палубы. Помощник эконома вошел следом за Дюмоном и спросил:

— Сэр, куда это положить?

Тут Макс с внезапным смущением сообразил, что человек, прислуживающий ему сейчас, все эти месяцы обедал в кают-компании прямо напротив него.

— О! Привет, Джим! Брось это хозяйство на койку. Большое спасибо.

— Да, сэр. Я искренне вас поздравляю.

— Спасибо. — Они пожали друг другу руки.

Дюмон дал этой подобающей церемонии продлиться самое минимальное время, а затем сказал:

— Теперь все, Грегори. Можете вернуться в кладовую. — И повернулся к Максу: — Что-нибудь еще, сэр?

— Нет, нет, все прекрасно.

— В таком случае, осмелюсь предположить, что вы, вероятно, не пожелаете собственноручно пришивать знаки различия на униформу? Ну разве что вы обращаетесь с иглой значительно лучше, чем я сам это делаю, — при этих словах Дюмон слегка, не выходя из рамок приличия, хихикнул.

— Да, пожалуй, я сумею сам.

— Миссис Дюмон весьма искусна в обращении с иголкой, ведь она заботится о пассажирах. Что, если я захвачу форму с собой? Она будет готова и отпарена к обеду.

Макс с радостью отдал форму Дюмону. Его вдруг поразила новая мысль — ведь он же будет есть в гостиной палубы В!

До обеда Максу пришлось принять еще одного гостя. Он как раз заканчивал рассовывать по местам свои вещи, когда послышался стук в дверь, после чего, не дожидаясь ответа, кто-то вошел в каюту. Макс обернулся и оказался нос к носу с мистером Саймсом.

Саймс поглядел на фуражку на голове Макса и расхохотался.

— Сними-ка эту штуку, а то уши натрешь!

Этого Макс делать не стал. Вместо этого он спросил:

— Я Вам нужен, сэр?

— Да, ненадолго. Ровно настолько, Умный Мальчик, чтобы дать тебе хороший совет.

— Да?

— Так вот. На этом корабле есть только один помощник астронавигатора, и это, — Саймс постучал себя по груди, — я. Ты про это не забывай. Я останусь им еще долго после того, как тебя

вышвырнут назад подбирать навоз за коровами. Там для тебя самое подходящее место.

Макс кожей почувствовал, как румянец гнева медленно поднимается по его шее и начинает жечь щеки.

— А почему, — спросил он, — если уж вы так думаете, вы не наложили вето на мое назначение?

Саймс снова расхохотался.

— Ты что, за дурака меня держишь? Капитан, значит, говорит «да», Астронавигатор говорит «да», а я буду высовываться? Гораздо легче подождать, пока ты высунешься сам — а ты обязательно так и сделаешь. Я просто хотел, чтобы ты понял, что этот огрызок золотой тесьмы на значит ровно ничего. Ты как был, так и остался значительно младше меня по званию. И не забывай этого.

Макс крепко стиснул зубы и не ответил. Саймс продолжал:

— Ну так что же?

— Что «что же»?

— Я только что отдал тебе приказ.

— А, ясно. Есть, мистер Саймс. Я не забуду этого. Ни в коем случае не забуду.

Саймс пристально поглядел на него и сказал:

— Я уж позабочусь, чтобы ты не забыл, — и

вышел из каюты.

Макс все еще продолжал, сжимая кулаки, смотреть на дверь, когда в нее постучал Грегори.

— Обед, сэр. Через пять минут.

Макс тянул время, сколько мог. Как бы хотелось ему сейчас свалиться по трапу на палубу Е и занять свое обычное место в шумной, теплой, комфортабельной кают-компании. В гостиную он вошел не сразу — перед дверью его охватил страх, как актера перед выходом на сцену. Великолепный зал был залит ярким светом и показался Максу совсем незнакомым; прежде он бывал здесь только рано утром, чтобы сменить кошачью посудину, стоявшую в коридоре по дороге в буфетную; в такое время в зале горело только несколько лампочек.

Он чуть не опоздал; некоторые из пассажиров уже сидели, но капитан еще стоял. Макс сообразил, что ему надо быть около своего места, быть готовым сесть, как только это сделает капитан, — точнее, когда усядутся все женщины, поправил он себя. Но куда ему идти? Он продолжал стоять, дрожа от страха и возбуждения, когда услышал свое имя:

— Макс!

Элли подбежала к Максу и бросилась ему на

шею.

— Макс! Я только что узнала! Это же просто великолепно! — Она немного отстранилась, поглядела на него сияющими глазами, а затем расцеловала в обе щеки.

Макс покраснел до самых ушей. Ему казалось, что все в зале смотрели прямо на них, да так оно в действительности и было. Его смущение еще усугублялось тем, что на Элли было сейчас формальное вечернее платье в гесперианском светском стиле, которое не только делало ее несколько старше и значительно женственнее, но и разительно не соответствовало приобретенным в деревне пуританским моральным стандартам Макса.

Элли отпустила его, что, с одной стороны, было хорошо, но, с другой стороны, подвергло его опасности рухнуть на колени. Она что-то — Макс не понимал, что именно, — трещала, когда рядом с ней возник главный эконом Дюмон.

— Капитан ждет, мисс, — твердо произнес он.

— Да ну его, этого капитана! Хорошо, Макс, встретимся после обеда. — Она направилась к капитанскому столу.

Дюмон тронул Макса за рукав и тихо пробормотал:

— Сюда, сэр.

Его место было в дальнем конце стола старшего механика. Внешне Макс знал мистера Компаньона, но ни разу еще с ним не разговаривал. Механик поднял на него глаза и произнес:

— Добрый вечер, мистер Джонс. Очень приятно видеть вас в нашем обществе. Леди и джентльмены, наш новый офицер-астронавигатор, мистер Джонс. Справа от вас, мистер Джонс, миссис Дайглер. Мистер Дайглер — справа от нее. Далее… — И представил всех сидевших вокруг стола: доктор и миссис Вебербаур и их дочь Ребекка, мистер И миссис Скотт, мистер Артур, сеньор и сеньора Варгас.

Миссис Дайглер находила прекрасным, что он получил ранг офицера. Кроме того, это так чудесно, иметь за столом побольше молодежи. Она была значительно старше Макса, но еще достаточно молода, чтобы быть привлекательной и понимать это. На ней было больше драгоценностей, чем Макс видел за всю свою жизнь, а волосы ее были скреплены лаком в сложную конструкцию высотой с фут и сплошь усеянную жемчугом. Всей своей дорогой и безукоризненной отделкой она напоминала какой-то точный механизм. Макс чувствовал себя в ее обществе

крайне неловко.

Но это была еще малая неловкость по сравнению с тем, что предстояло. Миссис Дайглер извлекла откуда-то из своего декольте платочек, легкий, как дуновение ветра, смочила его и сказала:

— Не двигайтесь, Джонс. — Потом она потерла его щеку. — Поверните слегка голову. — Покраснев от смущения, Макс сделал, как было сказано.

— Вот, ну так-то будет лучше, — возгласила миссис Дайглер. — Мамочка навела порядок. — Она отвернулась от него и сказала: — А вы не думаете, мистер Компаньон, что наука, со всеми этими чудесами, которые она творит в наше время, дойдет когда-нибудь до создания несмываемой губной помады?

— Прекрати это, Мэгги, — прервал ее супруг. — Не обращайте на нее внимания, мистер Джонс. У нее в характере есть немного садизма. Самая малость — размером с нее саму.

— Джордж, ты еще об этом пожалеешь. Ну так что вы скажете, механик?

Старший механик слегка промокнул губы белоснежной салфеткой.

— Думаю, ее могли бы уже изобрести — вот только на нее не будет спроса. Женщины любят

оставлять метки на мужчинах, хотя бы даже временные.

— Какая ерунда!

— Этот мир принадлежит женщинам, мадам!

Миссис Дайглер оставила механика и снова повернулась к Максу:

— Элдрет просто прелесть, не правда ли? Очевидно, вы знали ее «на берегу», как выражается мистер Компаньон?

— Нет, мадам.

— А каким же тогда образом? Я хотела сказать, что тут, на корабле, возможностей не так уж много. Или они все-таки есть?

— Мэгги, да прекрати же ты его изводить. Дай человеку спокойно поесть.

Зато с миссис Вебербаур, сидевшей по другую сторону от Макса, было настолько же легко и спокойно, насколько с миссис Дайглер — трудно. Убаюканный ее материнской теплотой, Макс сумел даже приступить к еде. Тут он заметил, что остальные присутствующие держат вилку совсем не так, как он, и попытался взять ее так же. Ничего, кроме конфуза, из этого не вышло; кроме того, Макс вдруг увидел свои неаккуратные ногти. От всего этого ему очень захотелось спрятаться под стол. Проглотил он не более трех сотен калорий,

в основном — в виде хлеба и масла.

В конце обеда миссис Дайглер вновь уделила внимание Максу, хотя слова ее были обращены к старшему механику:

— Мистер Компаньон, мне казалось, что есть обычай поднять бокал за повышение?

— Да, — согласился механик. — Но платить за это должен виновник. Так делается всегда.

Максу пришлось подписать счет, принесенный Дюмоном. Цифра заставила его зажмуриться — с точки зрения профессиональной карьеры его первый рейс, может, и оказался большой удачей, но с финансовой стороны это была полная катастрофа. К счету прилагалось шампанское, охлажденное в сверкающем серебряном ведерке; Дюмон перерезал проволочки и картинно извлек пробку.

Старший механик встал.

— Леди и джентльмены! Имею честь представить вам астронавигатора Джонса. И пусть он никогда в жизни не перепутает положение запятой в числе.

— Салют!

— Браво!

— Речь, речь!

Макс неуверенно встал и пробормотал:

— Большое вам спасибо.

Его первая в новой должности вахта была назначена назавтра, с восьми утра. Макс позавтракал в одиночестве и с радостью подумал о том, что из-за вахт будет есть чаще всего до или после пассажиров. На пост управления он явился за двадцать минут до срока.

Келли глянул на него и поздоровался:

— Доброе утро, сэр.

— Э-э… доброе утро, шеф! — неуверенно пробормотал Макс. Он заметил, как ухмыльнулся сидевший за компьютером Смит, и торопливо отвел от него глаза.

— Кофе только что заварен, мистер Джонс. Не желаете чашечку?

Макс позволил, чтобы Келли налил ему кофе; пока они пили, Келли неторопливо обсудил все детали дежурства — процедуру ускорения, положение и скорость корабля, используемые в данный момент двигатели, произведенные наблюдения, отсутствие особых заданий и так далее. Ногучи подменил Смита, а вскоре, за несколько минут до начала вахты, появился доктор Хендрикс.

— Доброе утро, сэр.

— Доброе утро, доктор.

— Доброе утро. — Хендрикс принял чашку с кофе и повернулся к Максу. — Вы подменили вахтенного офицера?

— Д-да… да нет, сэр.

— Ну так сделайте это. До восьми уже меньше одной минуты.

Макс повернулся к Келли и неуверенно отдал честь.

— Вы свободны, сэр.

— Хорошо, сэр, — Келли сразу же покинул помещение поста. Доктор Хендрикс сел за стол, вынул книгу и начал ее читать.

С каким-то странным чувством Макс понял, что его бросили в воду — поплывет или утонет. Он глубоко вздохнул и подошел к Ногучи.

— Ногти, давай подготовим пластинки для съемки в середине вахты.

Ногучи бросил взгляд на хронометр.

— Как скажете, сэр.

— Ну… Пожалуй, еще рановато. Давай сделаем несколько доплеровских отсчетов.

— Будет сделано, сэр. — Ногучи выбрался из кресла перед компьютером, в котором он по-барски расположился.

Макс тихо сказал:

— Слышь, Ногги, тебе ж не обязательно все

время ко мне с этим «сэром».

Ногучи ответил так же тихо:

— Келли не слишком понравится, если я не буду. Пусть уж так оно и будет.

— А, так. — Макс озабоченно нахмурился. — Ногги, а как все остальные к этому относятся?

Ногги не стал притворяться дурачком. Он ответил:

— Ерунда, не бойся, все они горой за тебя, ты только сам постарайся справиться.

— Это точно?

— Совершенно точно. Конечно, если только не начнешь изображать из себя невесть что, как некоторые, ты понимаешь.

Потом вычислитель добавил:

— Ну, может, один Ковак не очень радуется. Ты же знаешь, он сам иногда руководил вахтой — и это у него как раз только начиналось.

— Он обиделся?

— Да не то чтобы. Он же не думал, что это продлится долго, особенно теперь, когда скоро скачок. Он не станет делать ничего такого, чтобы устроить тебе неприятности, будет вести себя как нужно.

Макс решил поразмыслить, что бы такое предпринять, чтобы перетащить Ковака на свою

сторону. Они с Ногучи поработали на доплероскопе, сделали отсчеты по звездам, расположенным прямо по курсу, проверили результаты по астроспектрографу и сравнили те и другие результаты со стандартными пластинками из хранилища карт. По первости Макс старался не забывать, что сейчас он возглавляет вахту, но потом так увлекся хлопотными подробностями измерений, что все позабыл. Через некоторое время Ногучи тронул его за рукав.

— Уже скоро десять, сэр. Я, пожалуй, буду ставить пластинки.

— Что? Конечно же, давай. — Макс напомнил себе, что не должен сейчас помогать Ногучи; у картографа были свои прерогативы. Однако он проверил установку, как это всегда делал Хендрикс, очень редко — Саймс, а Келли — иногда, в зависимости от того, кто в данном случае работал на камерах.

После получения новых данных Макс запрограммировал задачу на бумаге (времени было сколько угодно), а затем продиктовал ее Ногучи на компьютер. «Мальчика с таблицей» не было, так что он листал их сам. Макс помнил все эти числа так же ясно, как и всегда, но выполнял указание Хендрикса не полагаться полностью на

свою память.

Результат его обеспокоил. Они шли «не в колее». Не то чтобы «Асгард» сильно отклонился от курса, но все же отклонение было измеримым. Он проверил свои записи, затем при помощи Ногучи с компьютером решил задачу снова, применив другую технику программирования. Результат был тем же самым. Вздохнув, он вычислил требуемую коррекцию курса и хотел было отнести ее Хендриксу, чтобы получить его одобрение, но астронавигатор по-прежнему не уделял ему никакого внимания; он сидел у пульта, читая какой-то роман из корабельной библиотеки.

Макс решился. Он подошел к Хендриксу и сказал:

— Простите, пожалуйста, сэр. Мне надо на минутку к пульту.

Хендрикс, не отвечая, встал и нашел себе другое место. Макс сел к пульту и вызвал машинное отделение.

— С вами говорит вахтенный офицер поста управления. Я собираюсь увеличить тягу в одиннадцать-ноль-ноль. Сверим время.

Макс подумал, что Хендрикс обязательно должен был его слышать, однако тот не подавал ни малейшего знака внимания. Макс ввел поправку,

затем установил таймер, чтобы указание было исполнено в одиннадцать плюс-минус ничего.

Незадолго до полуночи появился Саймс. Макс уже внес записи в вахтенный журнал, опираясь на заметки Ногучи, и подписался «М. Джонс». Затем, подумав, он добавил: «Вахтенный офицер». Саймс подошел к доктору Хендриксу, отдал честь и сказал:

— Готов подменить вас, сэр.

Хендрикс произнес первые с восьми часов слова:

— Это была его вахта.

На лице Саймса не отразилось ровно ничего; он подошел к Максу.

— Готов подменить вас.

Макс изложил ситуацию, тем временем Саймс читал вахтенный журнал и книгу приказов. Он прервал Макса в то время, когда тот еще продолжал излагать мелкие детали данных по кораблю.

— О'кей, я вас освобождаю. Мотайте из моего центра управления, мистер.

Макс так и сделал. Доктор Хендрикс к этому времени уже ушел.

Ногги все еще слонялся неподалеку от трапа. Он поймал на себе взгляд Макса, кивнул ему и показал кулак с поднятым большим пальцем.

Макс улыбнулся и собрался было поинтересоваться, было ли отклонение от курса чем-то вроде ловушки, нарочно поставленной Келли. Но он тут же решил, что так будет не очень хорошо, лучше спросить самого Келли или найти ответ в вахтенной записи.

— Спасибо, Ногги.

Эта вахта оказалась типичной лишь в том отношении, что доктор Хендрикс и дальше продолжал требовать, чтобы Макс сам был вахтенным офицером. Однако теперь он больше не держался в стороне, а, наоборот, не давал Максу ни на секунду расслабиться, часами тренируя его, требуя, чтобы он все время проводил наблюдения и расчеты, как если бы «Асгард» был совсем близок к точке перехода. Он не позволял больше Максу программировать на бумаге, делая вид, что времени у них в обрез и данные должны поступать в компьютер без малейшего промедления, чтобы результаты вычислений сразу использовались для управления кораблем. Макс обливался потом, держа в каждом кулаке по тумблеру управления кораблем; в роли «мальчика с таблицами» выступал сам Хендрикс. Астронавигатор требовал от него скорости, скорости и еще раз скорости — но ни в коем случае не ценой снижения точности,

ведь любая ошибка была непростительна. Но основной целью все время была все большая и большая скорость.

Как-то раз Макс взмолился:

— Сэр, если вы разрешите мне прямо вводить все это в машину, я сэкономлю уйму времени.

— Когда у вас будет свой пост управления, — резко оборвал его Хендрикс, — делайте как хотите, если сочтете это разумным. А пока что вы будете работать, как я говорю.

Изредка вместо Хендрикса за его работой наблюдал Келли. Главный вычислитель был крайне официален, говорил фразами типа: «Осмелюсь предложить вам, сэр…» или «Думаю, что я бы сделал это следующим образом, сэр». Но однажды у него вырвалось: «Ты совсем сдурел, Макс. Никогда и не пробуй делать такие идиотские штучки!»

Когда он сразу же начал извиняться за свою грубость, Макс широко улыбнулся.

— Ради бога, шеф. На какой-то момент я почувствовал себя как дома. Большое спасибо.

Келли выглядел смущенно.

— Наверное, я очень устал. Мне бы сейчас совсем не помещало затянуться и выпить немного кофе.

Пока они устраивали перекур, Макс увидел,

что Ланди далеко и не может их услышать. Тогда он спросил:

— Шеф! Вы же знаете больше, чем я выучу за всю свою жизнь. А почему вы не сделали попытку стать астронавигатором? Неужели у вас не было подходящей возможности?

Келли вдруг как-то сник.

— Я раз попытался, — неохотно сказал он. — И теперь я знаю пределы своих возможностей.

Макс, до крайности смущенный, замолк. С этого момента Келли снова стал, если никто их не слышал, называть его Максом.

После того как Макс переселился наверх, на палубу В, он не видел Сэма больше недели. Да и потом встреча была случайной, они столкнулись неподалеку от канцелярии казначея.

— Сэм!

— Доброе утро, сэр! — Сэм широко ухмыльнулся и четко отдал честь Максу.

— Ты чего это? Какое еще к черту «доброе утро, сэр»? Как жизнь-то, Сэм?

— Вы что, не собираетесь мне в ответ отдать честь? Вам бы следовало понимать, что по своему служебному положению я могу доложить об этом. А наш капитан крайне, крайне щепетилен в вопросах корабельного этикета.

Макс издал не слишком пристойный звук.

— Можешь стоять так, с лапой у уха, пока совсем не окостенеешь. И кончай придуриваться.

Сэм расслабился.

— Сынок, я же все время собирался сходить наверх и поздравить тебя, но как только у меня выпадет свободная минута, оказывается, что ты на вахте. Ты что, и живешь теперь в этой вашей Хитрой яме?

— Да почти что и так. Слышь, я свободен сегодня вечером до двенадцати. Что ты скажешь, если я забегу к тебе вниз?

Сэм покачал головой:

— Я буду занят.

— И чем это ты будешь там занят? Ты боишься группового побега из тюрьмы? Или бунта на борту?

Сэм ответил спокойно и рассудительно:

— Сынок, пойми меня правильно, но держись-ка ты своей половины корабля, а я буду держаться своей. Нет, нет, помолчи и послушай. Я очень горжусь тобой, будто это я тебя открыл. Однако ты не должен допускать дружественных отношений с рядовыми, даже с главным надзирателем. По крайней мере — пока.

— Да кто там узнает? И кому какое до этого

дело?

— Ты же прекрасно понимаешь, что Джордана с восторгом поведает Куйперу, что у тебя нет представления, как должен вести себя офицер, — а старушка леди Куйпер обязательно передаст это казначею. Послушай лучше моего совета. Разве я тебе когда-нибудь давал плохие советы?

Макс оставил этот разговор, хотя его прямо распирало от желания побеседовать с Сэмом. Нужно было рассказать ему, что подделка документов раскрыта, и посоветоваться относительно возможных последствий.

По пути к себе в каюту он размышлял, что и теперь ничто не мешало осуществлению первоначального плана — сбежать с корабля на Новой Земле. Только вот теперь он позволить себе этого не мог. Он же офицер.

«Асгард» подходил к точке перехода; пост управления снова перешел на попеременные вахты. Но доктор Хендрикс все еще не стоял вахты сам; менялись Саймс и Джонс. Астронавигатор каждую вахту был с Максом, но требовал, чтобы тот выполнял всю работу и нес всю ответственность сам. Макс совсем изматывался, он понял, что изучение теории и тренировочные задачи — это ерунда по сравнению с тем, когда все зависит

от тебя и нет ни способа, ни времени проверить себя вторично. Ты должен быть прав каждый раз — и каждый раз были сомнения.

Когда в последние двадцать четыре часа вся команда перешла на непрерывное дежурство, Макс ожидал, что теперь-то доктор Хендрикс уж точно отстранит его. Но вышло по-другому: Саймса — того астронавигатор действительно отстранил, а Макс сохранил свое положение. Только теперь доктор Хендрикс все время наклонялся над ним, наблюдая за каждым его движением, хотя ни во что пока не вмешиваясь.

«Господи! — думал Макс. — Не может же быть, чтобы он дал мне провести этот переход, я же к этому еще не готов, совсем не готов. Я же не справляюсь».

Однако новые данные поступали так быстро, что времени на размышления просто не оставалось; надо было обрабатывать данные, смотреть на выдаваемые машиной ответы и принимать решения. И только за двадцать минут до перехода Хендрикс, не сказав ни слова, оттолкнул его в сторону и взял управление на себя. Макс не успел даже прийти в себя к тому моменту, когда «Асгард» прорвался к новым небесам.

Последний перед Алкионой подход к точке

скачка и сам скачок были почти такими же. Сначала пара недель легких вахт, возглавлявшихся Саймсом, Коваком и Максом; тем временем Келли и Хендрикс пытались хоть немного отдохнуть. Максу нравилось это время, и вахты, и промежутки между ними. На вахтах он продолжал тренироваться, пытаясь достичь нечеловеческой скорости доктора Хендрикса. После вахты он спал и жил в свое удовольствие. Гостиная В не приводила больше его в ужас. Он теперь играл здесь с Элли в 3-шахматы. Мистер Чипс, сидя на плече, подавал (или подавала) ей советы. Элли давно уже строила глазки капитану Блейну и убедила его, что Чипси такая ручная, так хорошо себя ведет и, вдобавок ко всему, имеет хорошие манеры (Элли обучила ее при каждом появлении капитана провозглашать «Доброе утро, капитан!») — в общем, настолько цивилизованная, что никак нельзя держать ее в клетке.

Макс даже научился довольно жалко отшучиваться от миссис Дайглер. Он заранее придумывал ответы и ждал удобного случая их употребить. Элли все грозилась научить его танцевать, однако он откладывал это на потом, пока возобновившиеся перед скачком переменные вахты не сделали такие уроки невозможными.

И снова в конце подхода к точке скачка он оказался перед пультом управления. На этот раз доктор Хендрикс сменил его всего за десять минут до прорыва.

На последней, легкой части пути к Алкионе Элли со своей решительностью все же уломала его. Макс научился танцевать. И это ему понравилось. У него было хорошее чувство ритма, он не забывал ее указаний, и держать в руках легкую, благоухающую Элли было приятно.

— Ну, я сделала все, что было в моих силах, — заявила она в конце концов. — Ты — лучший двуногий танцор, какого я когда-либо в жизни встречала.

Она потребовала, чтобы он танцевал с Ребеккой Вебербаур и миссис Дайглер. Миссис Дайглер (по крайней мере, пока она не раскрывала рта) была совсем не так уж плоха, а Ребекка — так просто прелесть. Макс начал уже с нетерпением подумывать о злачных местах Алкионы, ведь главной причиной обучения танцам было то, что он должен будет сопровождать Элли в эти заведения.

Одно только омрачало этот период: у Сэма были неприятности. Макс узнал об этом не сразу. Как-то он рано поднялся, чтобы идти на вахту, и с удивлением увидел Сэма, подметающего пол в

пустом коридоре пассажирских помещений. Тот был в комбинезоне, без полицейского значка.

— Сэм!

— А, привет, сынок, — взглянул на него Сэм. — Не ори так громко, всех разбудишь.

— Но, Сэм, какого это черта ты тут делаешь?

— Я? Я вроде как делаю этой палубе маникюр.

— Почему?

Сэм оперся на швабру.

— Понимаешь ли, сынок, дело обстояло примерно так. Мы с капитаном несколько разошлись во взглядах. Ну и он взял верх.

— Тебя выгнали с места?

— У тебя просто потрясающая интуиция.

— Да что же случилось?

— Макс, чем меньше ты будешь знать про эти дела, тем лучше. Sic transit gloria mundi.[30] Ничего, бывает и хуже.

— Но… Слушай, мне надо быстро чего-нибудь перехватить и бежать на вахту. Я зайду к тебе потом.

— Ни в коем разе.

Что произошло, Макс узнал от Ногучи. Оказывается, Сэм устроил нечто вроде казино в одной из

---

[30] notes: 30
Так проходит слава мирская (лат.).

пустых кладовых. И все бы ничего, ограничься он картами и костями. Но затем появилась рулетка.

Джордана начал подозревать, что это новенькое, с иголочки рулеточное колесо слабее подчинялось теории вероятности, чем делают обычно его аналоги в более приличных заведениях. Он поделился своими подозрениями со старшим делопроизводителем Куйпером, после чего события неумолимо разворачивались дальше.

— Когда он установил эту рулетку?

— Сразу, как поднялись с Планеты Гарсона. — Макс почувствовал себя несколько неуютно от мысли о «грелках на чайники», которые он помог Сэму пронести на борт. Ногучи продолжал: — Да неужели же вы не знали, сэр? Я думал, что вы с ним были довольно близки — ну, то есть пока вы не поднялись на верхнюю палубу.

Макс ушел от ответа и углубился в журнал приказов по кораблю. Он нашел соответствующую запись. Она была добавлена Беннетом вчера, после вахты Саймса. Сэму было запрещено до окончания рейса покидать корабль; окончательное решение о дисциплинарном взыскании откладывалось до возвращения на Землю.

Похоже, это означало, что капитан Блейн из самых лучших побуждений собирался дать Сэму

шанс продемонстрировать «хорошее поведение» до того, как сделать представление гильдии. Капитан был отличный старик, это уж точно. Но «запрещено покидать»? Ведь в таком случае у Сэма не будет возможности убежать от того, от чего он хотел убежать, что бы это ни было. Макс нашел Сэма в первый же перерыв между вахтами и вытащил его из кубрика в коридор.

— Я же, кажется, не велел тебе искать меня, — кисло скривился Сэм.

— Да ерунда это! Я же о тебе беспокоюсь. Эта самая история насчет «запрещено покидать…», ведь в таком случае ты не сможешь…

— Заткнись! — Сказано это было шепотом, но таким, что Макс заткнулся. — Ну так вот, — продолжал Сэм. — Забудь про это. Я набрал денег, и это — самое главное.

— Но…

— Ты что, думаешь, они сумеют законопатить эту посудину так плотно, чтоб удержать меня, когда я решу уйти? А теперь держись от меня подальше. Ты теперь любимчик учителя, и я бы хотел, чтобы так оно и было. Мне совсем не хочется, чтобы тебе читали нотации про дурных товарищей — меня, то есть.

— Но я же хочу тебе помочь, Сэм. Я…

— Не будешь ли ты любезен сидеть на своей палубе С?

Больше за этот переход он не видел Сэма. Хендрикс потребовал, чтобы Макс рассчитал подход к планете (хотя это были детские игрушки по сравнению с расчетом подхода к точке перехода), а затем, во время посадки, отдал управление Максу. Эта ответственность была чисто формальной, так как посадка рассчитывалась заранее, а потом велась по радару в автоматическом режиме. Макс сидел за пультом, держа руки на управлении, готовый подменить автопилот, — а Хендрикс стоял у него за спиной, готовый подменить его, — но ни в том ни в другом необходимости не возникло; «Асгард» опустился по расчетной траектории легко и просто, словно спустился по лестнице. Опоры выдвинулись и встали на покрытие порта. Макс доложил:

— Сэр, посадка проведена по программе.

— Отключай.

Макс объявил по корабельной системе оповещения:

— Отключить силовую установку. Отключить все агрегаты, связанные с полетом. Наземная процедура, вторая часть.

Из четырех дней, проведенных на Алкионе,

первые три он потратил, номинально руководя процедурой проводившихся раз в девяносто дней проверок и текущего ремонта приборов центра управления, а фактически — обучаясь ей у Ковака. Элли была очень разочарована и сердилась на него, у нее были совсем другие планы. Однако в последний день Макс все же смог выбраться с ней на поверхность. Их сопровождали мистер и миссис Мендоса.

Это был прекрасный выходной. По сравнению с Землей Алкиона — место довольно тусклое, а Бонапарт трудно назвать большим городом. И все-таки Алкиона — планета земного типа с воздухом, пригодным для дыхания, а пассажиры и команда «Асгарда» последний раз были на свежем воздухе в Земпорте, который отделяли теперь от них месяцы времени и немыслимое количество световых лет расстояния. Здесь был самый разгар лета, Алкиона только-только прошла перигелий, Ню Пегаса сверкала на голубом небе тепло и ярко. Мистер Мендоса нанял экипаж, запряженный четверкой пофыркивающих маленьких алкионских пони, и они покатили по зеленой, холмистой местности. Тут они осмотрели поселок местных жителей — нечто, напоминающее огромный пчелиный улей, слепленный из глины, конус на

конусе. В этом поселке вся компания обзавелась сувенирами, причем по внимательном рассмотрении на двух из них оказались малозаметные надписи «Сделано в Японии».

Кучер, герр Айзенберг, заодно служил и переводчиком. Абориген, продавший им сувениры, все время скашивал свои глаза, один за другим, на миссис Мендоса. Он что-то прощебетал кучеру, который в ответ грубо расхохотался.

— Что он там лопочет? — поинтересовалась миссис Мендоса.

— Он говорит вам комплименты.

— Да? И какие же?

— Ну… Он говорит, что вы в самый раз для поджаривания на медленном огне, не нужно было бы даже приправ, вы и так поджарились бы просто великолепно. И он с превеликой охотой сделал бы это, — добавил колонист, — если бы вы остались здесь после наступления темноты.

Дама слегка вскрикнула.

— Вы же не хотите сказать, что они здесь каннибалы. Хоси, уведи меня отсюда!

Герр Айзенберг, видимо, пришел в ужас от такой мысли.

— Каннибалы? О, конечно же нет, леди. Они никогда не едят друг друга, они едят только нас — то

есть когда у них появляется такая возможность. Но за последние двадцать лет таких случаев не было ни одного.

— Но это же еще хуже!

— Да нет же, леди. Вы попробуйте посмотреть на это с их точки зрения. Они цивилизованы. Этот вот парень ни в коем случае не нарушит ни одного из своих законов. Но мы для них — просто уйма великолепного мяса, до которого, к сожалению, довольно трудно добраться.

— Сейчас же уведите нас отсюда. Это же ужас, нас только пятеро, а их здесь сотни.

— Тысячи, леди. Но вы в полной безопасности, пока на небе сверкает Гнири. — Он указал рукой на Ню Пегаса. — Убивать скот на мясо при дневном свете — табу. Потом будет являться дух убиенного.

Несмотря на все его уверения, компания быстро собралась в обратный путь. Макс обратил внимание на то, что Элдрет эти страхи не тронули. Сам он не совсем понимал, что мешало аборигенам связать их и подождать, пока наступит ночь.

Обедали они в «Жозефине», лучшем (и единственном) отеле Бонапарта. Но тут все-таки имелся настоящий оркестр из трех инструментов и небольшая танцевальная площадка, а пища

отличалась от опостылевшего всем корабельного меню. В зале было много пассажиров «Асгарда» и несколько офицеров, получилась довольно веселая компания. Элли заставляла Макса танцевать при каждой перемене блюд. Он настолько расхрабрился, что даже пригласил танцевать миссис Дайглер, когда та подошла и изъявила такое желание.

Во время перерыва Элдрет вывела Макса на балкон, примыкавший к ресторанному залу. Тут она пристально посмотрела на него.

— Ты бы оставил в покое эту дайглеровскую шлюшку, слышишь меня?

— Что? Да я же ничего такого не сделал.

Неожиданно Элли широко улыбнулась.

— Конечно же нет, дурачок ты мой великовозрастный. Но ничего, тетя Элли не даст тебя в обиду.

Она повернулась к перилам и облокотилась на них. Уже наступила ранняя алкионская ночь, три местные луны гонялись друг за другом по небу. В небе этом сверкало во много раз больше звезд, чем в небе Земли, затерянной на малонаселенных задворках Галактики. Макс показал Элли чужие, непривычные созвездия и указал, в какую сторону они уйдут завтра, чтобы достичь точки

перехода, который выведет к Новой Земле. К этому времени он изучил четыре новых небосвода, знал их не хуже, чем тот, который висел над Озарком, — а предстояло ему изучить еще многие и многие небеса. Да он и теперь, по картам, заранее изучал чужие небеса, которые ему предстояло увидеть во время этого рейса.

— Ой, Макс, как же это красиво!

— Конечно, красиво. Гляди, вон метеор. Они здесь редкость, большая редкость.

— Загадай желание, быстро загадай желание!

— О'кей. — Макс задумал, чтобы для него легко прошло выяснение отношений насчет подделки документов. Потом он подумал, что это нехорошо, в первую очередь нужно было загадать, чтобы Сэм выбрался из своих неприятностей, да и вообще, все эти приметы — глупое суеверие.

— Что ты загадал? — повернулась к нему Элли.

— Что? — Он вдруг застеснялся. — Да нельзя же это рассказывать, а то не сбудется.

— Ну ладно. Но я уверена, — тихо добавила она, — что твое желание сбудется.

Он на мгновение подумал, что мог бы поцеловать Элли прямо сейчас, если бы повел себя верно. Но момент был упущен, и они вернулись в зал. Однако ощущение это не покидало его и

на обратном пути, озаряя все вокруг. Все-таки мир был хорошо устроен, хотя и бывали в нем трудные положения. Вот он, например, практически — начинающий астронавигатор в первом своем рейсе, а ведь какие-то недели тому назад он одалживал у Макалистера мулов, чтобы убрать урожай, и старался ходить по возможности босиком, чтобы не стаптывать ботинки.

И вот теперь он в форме космонавта едет рядом с самой роскошно одетой девушкой на четырех планетах.

Он потрогал пальцем знаки различия на своей форменной куртке. Теперь, когда он офицер, женитьба на Элли уже не казалась такой уж совсем невозможной — если он вообще когда-либо решит жениться. Вполне возможно, что ее отец не сочтет офицера — к тому же астронавигатора — слишком неподходящей партией для своей дочери. А Элли была вполне ничего, и характер у нее был крепкий, и в 3-шахматы прилично играла, а ведь большинство девиц и правила запомнить не могут.

В таком вот радужном настроении Макс и пребывал, пока они возвращались на корабль и их поднимали наверх.

Келли встретил его прямо у шлюза.

— Мистер Джонс, капитан хочет вас видеть.

— Как? Ну, спокойной ночи, Элли, мне надо бежать. — Он поспешил вслед за Келли. — В чем там дело?

— Доктор Хендрикс умер.

Глава 13
ПЕРЕХОД

По дороге к капитанской каюте Макс на ходу расспрашивал Келли.

— Не знаю я. Я совсем ничего не знаю. — Келли, похоже, был близок к тому, чтобы заплакать. — Я видел его перед обедом — он заходил в Яму, чтобы проверить, как там дела. И выглядел вполне хорошо. А потом, вечером, эконом зашел к нему в каюту и нашел его на койке, мертвым. Уж и не знаю, — растерянно добавил Келли, — что теперь будет.

— В каком смысле?

— Ну… Я бы на месте капитана остался здесь и запросил для него замену. Но не знаю, не знаю…

Теперь только Макс сообразил, что это несчастье делает астронавигатором мистера Саймса.

— А как долго придется ждать замены?

— Ну вот считай сам. «Дракон» пойдет через три месяца после нас. Он возьмет от нас почту. Так что всего потребуется около года.

В отличие от обычных путешествий при межзвездных самым быстрым средством связи были

сами корабли; радиограмма на Землю (если бы кому могла прийти в голову подобная глупость) шла бы две сотни лет, столько же шел бы и ответ на нее.

Когда они подошли к каюте капитана, дверь была раскрыта, а внутри толпились офицеры. Они стояли вокруг капитанского стола молча, с очень серьезными лицами. Макс тихо проскользнул внутрь, Келли остался снаружи. Капитан Блейн сидел за столом, опустив голову. Несколько участников сегодняшнего веселья в «Жозефине» появились еще позже Макса. Первый помощник Вальтер перебрал глазами присутствующих и затем тихо сказал Блейну:

— Здесь присутствуют все офицеры корабля, сэр.

Капитан поднял голову, и Макс был потрясен, увидев, насколько постарел он за несколько часов.

— Джентльмены, — тихо произнес капитан, — вы все знаете печальную новость. Сегодня вечером доктор Хендрикс был найден мертвым в собственной каюте. Сердечный приступ. Врач определил, что он скончался за два часа до того, как его нашли, и что смерть была, вероятно, почти безболезненной. — Ему потребовалось

несколько секунд, чтобы вернуть твердость предательски дрожавшему голосу. — Мы выведем брата Хендрикса на его последнюю орбиту завтра, через два часа после старта. Он бы хотел этого, Галактика была его домом. Он отдал всего себя без остатка тому, чтобы люди могли безопасно странствовать от звезды к звезде.

Тут капитан замолчал, и молчал так долго, что Макс подумал уже, что он забыл об их присутствии. Однако, когда он заговорил снова, голос его был почти что бодрым.

— Это все, джентльмены. Астронавигаторов прошу остаться.

Макс не был вполне уверен, может ли он считаться астронавигатором, но употребление капитаном множественного числа решило этот вопрос. Первый помощник Вальтер пошел было к выходу. Капитан Блейн остановил его. Когда они остались в каюте вчетвером, капитан сказал:

— Мистер Саймс, вы сейчас сразу же заступаете на место начальника центра управления. Мистер, э-э… — Он посмотрел на Макса.

— Джонс, сэр.

— Мистер Джонс, естественно, возьмет на себя ваши рутинные обязанности. В связи с этой трагедией будет ощущаться острая нехватка пер-

сонала; остаток рейса я буду стоять вахты.

— В этом нет необходимости, капитан. Мы сумеем справиться, — сказал Саймс.

— Возможно. Но я так решил.

— Да, сэр.

— Приготовьтесь к старту согласно программе рейса. Есть вопросы?

— Нет, сэр.

— Спокойной ночи, джентльмены. Вальт, останься, пожалуйста, на минутку.

По выходе из каюты Макс остановил Саймса.

— Мистер Саймс?

— Что? Да?

— Будут какие-нибудь указания, сэр?

Саймс оглядел его с головы до ног.

— Вы просто стойте свою вахту, сэр, а я справлюсь со всем остальным.

На следующее утро Макс обнаружил у себя на столе траурную наручную повязку, сопровождавшуюся запиской первого помощника. В записке говорилось, что траур продлится одну неделю. «Асгард» стартовал по расписанию, Саймс сидел за пультом управления, а капитан на стуле в стороне. Макс стоял около капитана без всякого дела. Все было как обычно, если не считать отсутствия Хендрикса, — только вот Келли явно находился в

дурном расположении духа. Саймс, Макс должен был признать это, хорошо провел маневр — но ведь старт был рассчитан заранее, это мог бы сделать кто угодно; да что там, на этом сиденье могла бы сидеть Элли. Или Чипси.

Первую вахту после старта стоял Макс. Саймс ушел, предварительно приказав, чтобы он не отклонялся от программы полета, не известив об этом предварительно его, Саймса. Часом позднее Ковак временно подменил Макса, и тот поспешил к пассажирскому шлюзу. В почетном карауле было пять человек — капитан, мистер Вальтер, Саймс, Макс и Келли. Позади них толпились офицеры и большая часть команды. Пассажиров не было видно.

Внутренний люк шлюза был открыт; двое из команды эконома внесли тело в шлюз и прислонили его к наружному люку. Макс с облегчением увидел, что оно полностью, с головы до ног, завернуто в саван. Носильщики закрыли внутренний люк и отошли в сторону.

Капитан стоял прямо напротив люка, Саймс и первый помощник — с одной стороны, а с другой, напротив них, — Макс и Келли. Капитан бросил через плечо одно-единственное слово:

— Давление!

Позади него стоял Беннет с переносным телефоном, он передал команду в машинное отделение. Стрелка манометра над люком стояла на одной атмосфере; теперь она поползла вверх. Капитан вынул из кармана книжечку и начал читать заупокойную службу. Чувствуя, что не может это слушать, Макс стал смотреть на стрелку манометра. Она все ползла и ползла вверх. Макс подумал, что ко времени его ухода с поста управления корабль уже перешел скорость убегания для системы Ню Пегаса; тело выйдет на гиперболическую орбиту и навсегда уйдет в безбрежный космос.

Давление достигло десяти атмосфер. Капитан Блейн закрыл свою книжечку.

— Предупредите пассажиров, — сказал он Беннету.

Вскоре по всему кораблю разнеслось из динамиков системы оповещения: «Всем членам команды! Всем пассажирам! Корабль в течение тридцати секунд будет в состоянии невесомости. Крепко возьмитесь за что-нибудь и не меняйте своего положения!» Макс пошарил рукой у себя за спиной и нащупал одну из многочисленных ручек, которые всегда прикрепляются вокруг люка шлюза. Он крепко взялся за нее таким обра-

зом, чтобы при переходе к невесомости ноги его не оторвались от палубы. Завыла сирена предупреждения, и он вдруг потерял свой вес, так как и тяга корабля, и искусственное тяготение были одновременно отключены.

Он услышал громкий и твердый голос капитана:

— «Пепел к пеплу, прах к праху». Сбрасывайте тело.

Стрелка манометра упала вдруг до нуля, и доктор Хендрикс был запущен в космос, чтобы вечно странствовать от звезды к звезде.

Машинное отделение перевело корабль на нормальный режим, и Макс снова ощутил весь свой вес. Стрелка манометра поползла потихоньку к единице. Люди стали расходиться, тихо переговариваясь между собой. Макс поднялся в центр управления и снова принял вахту.

На следующее утро Саймс перебрался в каюту доктора Хендрикса. Насчет этого было какое-то выяснение отношений с первым помощником Вальтером — Макс узнал об этом только через третьи руки, — но капитан поддержал Саймса; тот остался в каюте астронавигатора. В Хитрой яме установилась рутина, не слишком отличавшаяся от того, что было раньше, правда, на всем

теперь был отпечаток личности Саймса. Прежде у них никогда не было повахтенного расписания в письменном виде; Келли всегда назначал рядовых, а доктор — начальников вахты, устно. Теперь появился аккуратно напечатанный список:

ПЕРВАЯ ВАХТА — Рэндольф Саймс, астронавигатор.

ВТОРАЯ ВАХТА — капитан Блейн (обучается М. Джонс, проходящий службу стажера).

ТРЕТЬЯ ВАХТА — Келли, гл. выч-ль.

(подписано) Рэндольф Саймс, астронавигатор.

Далее следовало расписание на четыре вахты для рядовых.

Макс посмотрел на этот шедевр и, пожав плечами, выбросил его из головы. Было совершенно очевидно, что Саймс точил на него зуб, хотя невозможно было понять — чего ради. В равной степени очевидно было, что Саймс не намерен предоставить ему возможность хоть сколько-нибудь заниматься астронавигацией и, соответственно, что шансы Макса быть через некоторое время принятым в полноправные братья упали теперь, со смертью доктора Хендрикса, до нуля. Если только, конечно, капитан Блейн не сумеет уломать Саймса и вынудить его написать

благоприятный отзыв, на что надежды было мало. Макс начал снова подумывать насчет того, чтобы убежать с Сэмом на Новую Землю.

Ну а тем временем надо было просто стоять свои вахты и стараться не влипнуть в неприятности. Такие уж дела.

На пути от Алкионы к Новой Земле предстоял всего один переход, скачок в девяносто семь световых лет из точки, расположенной в трех неделях хода с ускорением в девятнадцать g от Алкионы. Ускорение всегда зависело от расстояния между отправной точкой и точкой перехода, так как надо было прибыть туда со скоростью, почти равной скорости света. Хитрая яма первые две недели работала с одной вахтой из трех для офицеров и одной из четырех — для рядовых. Капитан Блейн появлялся в каждую свою вахту, однако охотно доверял Максу исполнение несложных пока что обязанностей. Обучением Макса и пояснениями он занимался мало, а когда это случалось, чаще всего переходил на истории из своей и чужой практики, занимательные, но совершенно бесполезные.

Макс пытался продолжить свои тренировки, проводя рутинные вахтенные вычисления так, словно его страшно поджимает время, как это и

в действительности будет незадолго до перехода. Капитан Блейн понаблюдал за ним, а потом мягко заметил:

— Сынок, не загоняй ты себя в такое состояние. Всегда программируй на бумаге, если есть такая возможность — всегда. И проверяй все не торопясь. От лишней спешки только ошибки. — Макс ничего не ответил, думая о докторе Хендриксе, однако приказ выполнил.

По окончании первой своей вахты с капитаном Макс, как обычно, расписался в вахтенном журнале. Когда, четырьмя часами позже, на вахту вышел Саймс, Макса вытащили из койки с приказанием явиться на пост управления. Саймс указал на вахтенный журнал.

— В чем дело?

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Подпись в вахтенном журнале. Вахту возглавляли не вы.

— Понимаете, сэр, похоже, что капитан так и думал, что распишусь я. Я расписывался уже много раз в прошлом и у него не возникало возражений.

— Хм. Я поговорю об этом с капитаном. Вернитесь в свою каюту.

По окончании следующей вахты, не получив

за это время никаких указаний, Макс заполнил вахтенный журнал и отнес его капитану.

— Сэр? Не желаете это подписать? Или мне сделать это самому?

— Э? — Блейн посмотрел на журнал. — О, наверное, лучше мне это сделать самому. Всегда надо, по возможности конечно, давать руководителю подразделения вести дела так, как он считает нужным. Вспомни это, сынок, когда ты сам станешь шкипером. — Он расписался в журнале.

Все так и продолжалось, пока капитан не стал уходить с вахты, сначала — ненадолго, потом — и на более длительное время. Наконец наступил момент, когда его не было в конце вахты. Макс позвонил мистеру Саймсу.

— Сэр, капитан отсутствует. Что мне делать?

— Ну и что? Он в полном праве покинуть центр управления.

— Но Келли готов заступить на вахту, а вахтенный журнал не подписан. Мне его подписать самому? Или я должен позвонить капитану?

— Позвонить ему? Матерь божья, конечно же, нет. Вы что, с ума сошли?

— Каковы будут в таком случае ваши указания, сэр?

Саймс помолчал, а затем ответил:

— Напишите печатными буквами его фамилию, а потом подпишитесь ниже «По указанию» и так далее. Шевелите мозгами сами!

В последнюю неделю они перешли на попеременные вахты. Макс продолжал дежурить с капитаном Блейном, Келли ассистировал Саймсу. Как только перешли на новое расписание, Блейн стал проводить все время вахты на посту управления и, когда Макс стал было делать первый расчет, мягко отодвинул его в сторону.

— Знаешь, парень, лучше я это сделаю сам. Мы уже приближаемся.

Так что Макс стал ему ассистировать — и с ужасом понял, что капитан уже совсем не тот, каким он, видимо, когда-то был. Блейн отлично знал теорию и все приемы наикратчайшего решения задачи, но мысли его легко уходили в сторону. Дважды на протяжении одного расчета Макс был вынужден дипломатично напомнить ему об упущенных им моментах. И вдобавок ко всему Старик, похоже, сам ничего не замечал, он находился в самом жизнерадостном настроении.

Так продолжалось и дальше. Макс начал уже молить Бога, чтобы капитан дал новому астронавигатору провести переход, — и это при всем презрении Макса к Саймсу. Ему хотелось обсудить

создавшееся положение с Келли — вычислитель был единственным человеком, с которым можно было бы поговорить на такую тему, — но Келли стоял другие вахты, с Саймсом. Не оставалось ничего другого, как беспокоиться и тревожиться.

Когда пришел решающий день, выяснилось, что капитан Блейн не намерен ни проводить корабль сам, ни поручить это Саймсу; у него была своя собственная система. Когда все они находились в Хитрой яме, капитан объявил:

— Я собираюсь показать вам всем небольшую хитрость, которая убирает из астронавигации это страшное напряжение. При всем своем уважении к нашему дорогому покойному брату, доктору Хендриксу, — он, конечно, был великим астронавигатором, лучше не бывает, — должен сказать, что он работал излишне напряженно. Так вот этот метод, которому обучил меня мой учитель. Келли, не будете ли вы добры передать мне управление.

Капитан усадил их всех полукругом; он сам, Саймс и Макс вокруг компьютера, а Келли на сиденье перед компьютером. Каждый из них был вооружен бланками для программирования, а капитан Блейн, кроме того, держал на коленях клавиатуру управления.

— Так вот, идея состоит в том, чтобы все мы обрабатывали результаты наблюдений последовательно, сначала я, потом мистер Саймс, потом мистер Джонс. Таким образом, мы сможем без напряжения справиться с потоком данных. Ну хорошо, ребята, давайте работать. Все рассчитываем переход.

Они сделали пробный прогон, затем капитан поднялся.

— Мистер Саймс, вызовите меня за два часа до перехода. Я уверен, что вы и мистер Джонс сами убедитесь, что этот метод даст вам достаточно времени для отдыха.

— Да, сэр. Но, капитан, если вы позволите, я хотел бы сделать одно предложение.

— Что? Конечно, конечно, сэр.

— Разумеется, это прекрасная система, но я бы хотел предложить, чтобы в астронавигационную группу вместо Джонса был включен Келли. У Джонса мало опыта. Мы можем посадить к компьютеру Ковака, а с таблицами будет работать Ланди.

Блейн покачал головой.

— Нет, точность — это самое главное, сэр, так что нам необходимо иметь за компьютером самого лучшего оператора. А что касается мистера

Джонса, именно таким образом он и наберется опыта, а если он растеряется, вы или я всегда успеем его подменить. — Он пошел к выходу, затем добавил: — Но Ковак может меняться с Келли до моего возвращения. Никто не должен переутомляться, именно так и появляются ошибки.

— Да, сэр.

Саймс не сказал Максу больше ничего. Они начали обрабатывать результаты наблюдений по очереди, программируя письменно на стандартных бланках. Результаты наблюдений поступали через каждые двадцать минут, что давало каждому из них сорок минут на решение задачи, если только ему нужно было столько времени. Макс начал уже подумывать, что в методе капитана что-то есть. Ведь точно, доктор Хендрикс уработал себя до смерти. Корабли не изнашиваются, а люди очень даже запросто. У него было вполне достаточно времени, чтобы решать не только свои задачи, но и задачи Саймса. Данные выдавались устно, и ничто не мешало Максу программировать в уме задачу Саймса, а потом сравнивать результаты с тем, что поступало в компьютер. Пока что, насколько он видел, Саймс все делал правильно — хотя, конечно, настоящего напряжения еще не было, пока еще не было.

Они поели бутербродов и выпили кофе прямо на своих местах, покидая их не более чем на пять минут. Капитан Блейн появился минут за двадцать до условленного. Он улыбнулся и сказал весело:

— Ну как, все спокойны и счастливы? Ну а теперь мы и вправду займемся делом. У меня как раз осталось время на чашечку кофе.

Через несколько минут он занял место и взял у Саймса управление. Теперь результаты наблюдений поступали каждые десять минут, все еще вполне достаточное время. Макс продолжал обрабатывать все данные, свои — на бумаге, остальные — в уме. Он каждый раз успевал покончить с задачей ко времени поступления нового набора данных, запрограммировать все в уме и проверить перевод в двоичную систему, пока Ланди лихорадочно листал таблицы. Все это давало Максу динамическую картину того, насколько близко шли они к «колее», сколько поправок придется еще внести, пока они достигнут своей невидимой цели. У него создалось впечатление, что у Саймса есть склонность перекорректировать в то время, как капитан, по своему оптимизму, недокорректирует. Но ни один из них не заходил настолько далеко, чтобы

подвергать корабль опасности.

Возможно, он был не прав относительно капитана — Старик, похоже, умел при необходимости собраться. Его собственные — самого Макса — поправки капитан, к его радости, принимал без малейших сомнений.

Через час с небольшим, когда до перехода осталось минут сорок пять, Блейн поднял глаза и произнес:

— Ну что ж, ребята, мы уже совсем рядом. Теперь гоните как можно быстрее.

Смит и Ковак, которым помогали Ногучи и Беннет, включили самую высокую скорость, данные пошли непрерывным потоком. Макс продолжал обрабатывать каждый замер, программируя свои данные в голове и выкрикивая цифры быстрее, чем писал их на бумаге. Он обратил внимание на то, что Саймс покрылся потом. Он иногда что-то стирал и начинал вычисления заново. Однако цифры, называемые Саймсом, согласовывались с тем, что получал Макс в результате программирования в уме. Капитан Блейн казался вполне спокойным; впрочем, он не очень увеличил свой темп и иногда все еще занимал компьютер к тому времени, когда Макс уже был готов выдать свои данные.

Один раз Саймс продиктовал свои цифры слишком быстро и не совсем разборчиво.

— Повторите, сэр! — торопливо отозвался Ланди.

— Какого черта! Прочисти уши! — вскинулся Саймс, но цифры все же повторил.

Капитан бросил на него взгляд, затем вернулся к своей задаче. Как только компьютер освободился, капитан продиктовал Ланди свои цифры. Макс уже обрабатывал данные капитана в уме и, глядя на Саймса, подсознательно слушал.

В его мозгу зазвучал тревожный звонок.

— Капитан! Я не подтверждаю ваши данные!

Капитан Блейн остановился.

— Что?

— Программа неверна, сэр.

Капитан не выказал ни малейших признаков раздражения. Он просто передал свой бланк с программой Саймсу.

— Проверьте меня, сэр.

Саймс быстро пробежал числа глазами.

— Я подтверждаю ваш результат, сэр.

— Прекратите работу, Джонс, — сказал Блейн. — Мы с мистером Саймсом закончим сами.

— Но…

— Уйдите, сэр!

Макс, внутренне кипя от негодования, вышел из круга. То, что Саймс проверил результат капитана, не означало ровно ничего, разве что Саймс слышал и помнил (как это делал Макс) поступавшие данные. Капитан переставил местами восьмерку и тройку на пятом и шестом местах числа, его результат должен выглядеть совершенно правильно — если только не знать верные числа. Если бы Саймс только побеспокоился проверить их, горько добавил он про себя.

Однако Макс не мог не слушать и не обрабатывать в уме поступавшие данные. Следующий отсчет, который поступит к Саймсу, выявит ошибку капитана; его коррекция должна исправить ее. Макс знал, что это будет большая коррекция; несясь почти со скоростью света, корабль покрывал миллион миль за какие-то шесть с небольшим секунд.

Максу было видно, как Саймс помедлил, когда на компьютере вспыхнул очередной результат и Ланди перевел его в десятичные числа. Да он же совсем перепугался! Требуемая коррекция приблизит корабль почти что к критической скорости — Саймс еще чуть помедлил, а потом приказал ввести поправку в два с лишним раза меньшую, чем было нужно по расчетам Макса.

Блейн ввел эту коррекцию и продолжил считать следующую задачу. Когда появился ответ, ошибка, многократно усиленная протекшим временем и немыслимой скоростью корабля, была еще разительнее, чем раньше. Капитан бросил на Саймса пораженный взгляд, затем быстро провел коррекцию. Макс не знал, какова она, так как введена она была молча, тумблером, лежавшим у капитана на коленях. Саймс облизнул свои пересохшие губы.

— Капитан?

— Осталось время всего на один отсчет, — ответил Блейн. — Я сделаю это сам, мистер Саймс.

Данные были ему продиктованы, он начал программировать на бланке. Макс видел, как он что-то стер, потом поднял глаза. Макс посмотрел в ту же сторону. Хронометр над панелью компьютера, установленный на время перехода, показывал, что истекают последние секунды.

— Всем приготовиться! — крикнул капитан.

Макс взглянул вверх. Звезды сползались в одну точку, это означало, что до перехода остались мгновения. Видимо, пока Макс смотрел вверх, капитан Блейн нажал на второй тумблер, тот, который давал кораблю последний толчок, так как звезды вдруг потухли и мгновенно смени-

лись другой звездной твердью, по виду вполне нормальной.

Капитан откинулся в своем кресле.

— Ну, — сказал он весело, — похоже, что пронесло еще раз. — Он встал и направился к выходу, на ходу бросив через плечо. — Зайдите ко мне, когда выведете нас на курс, мистер Саймс. — Потом он исчез в люке.

Макс снова посмотрел вверх, пытаясь по картам, которые он изучил, сообразить, какую именно часть нового неба он видит. Келли тоже глядел вверх.

Макс услышал, как вычислитель пробормотал:

— Да, нас опять пронесло. Знать бы вот только — куда?

Саймс также глядел на небо. Услыхав последние слова Келли, он резко повернулся и зло спросил:

— Что вы имеете в виду?

— То, что я сказал, — ответил Келли. — Это не похоже ни на одно небо, которое я видел за всю свою жизнь.

— Чушь это все. Вы просто еще не сориентировались. Любой знает, что участок неба с первого взгляда может показаться совершенно незнакомым и странным. Достаньте карты этой области, мы быстренько найдем ориентиры.

— Они уже вынуты, сэр.

Через несколько минут большинство присутствующих согласилось, что Келли прав; чуть позже с этим согласился и Саймс. В конце концов он, с бледным, позеленевшим лицом, отвел глаза от карт.

— Никому ни слова, — сказал он. — Это приказ — и я устрою веселую жизнь любому, кто его нарушит. Келли, примите вахту.

— Да, сэр.

— Я буду в каюте капитана.

Он пошел доложить Блейну, что «Асгард» после скачка оказался в неизвестном месте. Заблудился…

Глава 14
ГДЕ УГОДНО

Двумя часами позже Макс устало карабкался по трапу в Хитрую яму. Он только что провел жуткие полчаса, рассказывая правду такой, как он ее видел. Капитан Блейн привык возлагать вину на кого угодно, кроме самого себя, однако вид у него был удивленный и потрясенный. Саймс вел себя ужасно. Его логика, похоже, состояла в том, что, так как это никоим образом не может быть его ошибкой и так как немыслимо, чтобы виновен был капитан, очевидно, это — ошибка Макса. Раз Макс был отстранен от работы за несколько минут до перехода, значит, он и допустил ошибку, внеся возмущение перед самым критическим моментом, — образно говоря, подтолкнул их под локоть.

При беседе присутствовал мистер Вальтер, бессловесный судья. Они обсуждали материи, лежащие вне круга его профессиональных познаний; он, похоже, изучал их лица. Макс упрямо держался своей точки зрения.

Келли все еще был на вахте. Ковак и Смит

снимали спектрограммы. Ногучи и Ланди занимались бумагами.

— Хотите, чтобы я вас подменил? — спросил он у Келли.

Вид у Келли был озабоченный.

— К сожалению, ты не можешь этого сделать.

— Как это?

— Пока ты сюда шел, позвонил мистер Саймс. Он говорит, что ты не будешь допущен к вахте вплоть до особого распоряжения.

— Так и сказал? Впрочем, этого следовало ожидать.

— Он сказал еще, чтобы тебя не допускали в помещение поста управления.

Макс высказал все, что он думал про Саймса. Потом добавил:

— Ну что ж, все было прекрасно, мне очень нравилось здесь работать. Пока, увидимся.

Он повернулся, чтобы уйти, но Келли его остановил.

— Не спеши, Макс. Он еще некоторое время здесь не появится. Мне нужно знать, в чем все-таки дело. Сидя за компьютером, я не вижу, что тут у вас творится.

Макс рассказал ему все, выуживая из памяти числа. В конце концов Келли кивнул.

— Это согласуется с тем, что я сумел тут раскопать. Капитан сделал ошибку, переставив цифры, — это очень просто. Затем у Саймса не хватило пороху провести большую коррекцию, когда это от него потребовалось. Но есть еще одна вещь, которой ты не знаешь. И они тоже не знают — пока.

— Что еще? Какую вещь?

— Все это есть на самописце силовой установки. Гюнтер стоял на вахте там, внизу, и рассказал мне по телефону. Нет, я конечно не сказал ему, что что-то не так. Я просто попросил его доложить мне, это вполне обычное дело. Между прочим, там, внизу, уже волнуются? Пассажиры сходят с ума?

— Нет, пока что не видно.

— Ну, это ненадолго. Такое невозможно долго скрывать. Так вот, насчет моей истории. Все было уже очень скверно, но у капитана оставался последний шанс. Он ввел коррекцию, но слишком большую. И ввел ее с обратным знаком, прямо в противоположную сторону.

Никакие ругательства тут не годились, все они были слишком слабы. Макс только и смог произнести:

— Господи!

— Вот именно. Влип он крупно.

— А есть какие-нибудь мысли относительно того, куда это нас занесло?

Келли указал на Ковака и Смита, возившихся со спектрографом.

— Они пробуют что-нибудь выудить, но пока ничего не выходит. В первую очередь яркие звезды класса B и O. Однако пока не видно ничего, совпадающего с каталогами.

Ногучи и Ланди орудовали фотоаппаратом.

— А они, они-то что делают? — удивился Макс.

— Фотографируют записи. Все записи — бланки программирования, необработанные данные от картографов, ленту компьютера, все что есть.

— А какой с этого толк?

— Может, и никакого. Только вот случается, что записи пропадают. Иногда их даже подменяют. Но только не в этот раз. У меня будет собственный комплект.

Макс еще только осознавал малоприятные обстоятельства, на возможность которых намекал Келли, когда Ногучи поднял голову.

— С этим кончено, босс.

— Отлично. — Келли повернулся к Максу. — Сделай мне одолжение. Засунь эти пленки в карман и унеси их с собой. Хочу, чтобы их здесь

не было. Я возьму их потом.

— Ну… хорошо. — Пока Ногучи разряжал камеру, Макс спросил у Келли: — Как ты думаешь, сколько времени потребуется, чтобы определить по спектрам, где мы находимся?

На лице Келли появилась какая-то обреченность.

— Макс, а с чего это ты взял, что мы обязательно что-то определим?

— Не понимаю.

— Чего ради что-нибудь из всего этого… — Он сделал широкий жест рукой, — …должно соответствовать каким бы то ни было нашим картам?

— Ты хочешь сказать, — медленно проговорил Макс, — что, может быть, мы вообще не в своей Галактике? Может быть, мы в какой-нибудь другой, вроде, скажем, Туманности Андромеды?

— Может, и так. Но даже это не все. Слушай, Макс, я — не физик-теоретик, уж это точно, но, насколько я знаю, все, что говорит теория, это то, что, если ты превосходишь скорость света, ты вырываешься из своего пространства, куда-то в другое место. Ты не согласуешься с этим пространством, оно тебя больше не удерживает. Но то, куда ты попадаешь, если только ты не нацелился точно в Хорстову конгруэнтность, это

совсем другое дело. Теория ничего об этом не говорит. Ведь не говорит?

У Макса разболелась голова.

— Послушай, я ведь не знаю.

— Вот и я не знаю. Но так как мы не прицелились точно, чтобы выскочить снова в свое пространство в другой его точке, мы можем быть сейчас где угодно. Я имею в виду — вообще где угодно. Мы можем находиться в другом пространстве-времени, абсолютно не связанном с нашим. — Он опять бросил взгляд на чужие звезды.

Макс спустился вниз, чувствуя себя еще хуже, чем раньше. По пути он встретил Саймса, поднимавшегося на пост; астронавигатор зло посмотрел на него, однако не сказал ни слова. Когда Макс вошел в свою каюту, он положил пленки в ящик — потом чуть подумал, выдвинул ящик совсем и спрятал их в пустом месте позади него.

Макс сидел в каюте и чувствовал себя неспокойно. Больше всего его раздражала невозможность попасть на пост управления, очень хотелось самому поискать на новом небе известные звезды. Звезды типов В и О — это все прекрасно, но можно было придумать еще с полдюжины способов определиться. Например, шаровые звездные

скопления — их было бы очень легко идентифицировать; подцепи их четыре штуки, и будешь знать, где находишься, так же точно, как если бы прочитал название улицы на углу. После этого осталось бы только все уточнить, и теперь уже было бы известно, какие звезды искать и где. А потом — со всех ног к ближайшей конгруэнтности, нанесенной на карту, сколько бы времени это ни заняло, хоть неделю, хоть год. Корабль не мог по-настоящему заблудиться.

А что, если они даже не в своей Галактике?

Эта мысль пугала его. Если это так, они никогда, до скончания света, не доберутся до дома. Эту мысль сменила другая, еще худшая. А что, если Келли прав в своих подозрениях и они — в совершенно другой вселенной, в другом пространстве-времени? Ну что тогда? Он читал достаточное количество философских размышлений, чтобы понимать, что нет никаких теоретических оснований для того, чтобы это было невозможным: Создатель мог сотворить бесконечное количество Вселенных, может, довольно сходных друг с другом, а может, отличающихся друг от друга, как сыр от пятницы. Миллионы, миллиарды Вселенных, все бок о бок друг с другом.

Другая Вселенная могла иметь другие физи-

ческие законы, другую скорость света, другую гравитацию, другой темп течения времени — они вполне могут, если сумеют вернуться, обнаружить, что прошло десять миллионов лет, и Земля сгорела, как уголек в костре.

Но лампа над столом светила нормально, сердце его билось так же, как всегда, подчиняясь привычным законам гидравлики, сиденье стула прижималось к нему так же, как всегда; если это и вправду другое пространство, различия не слишком очевидны. И если это другая Вселенная, с этим все равно ничего не поделать.

В дверь постучали, он впустил Келли, усадил его на стул, а сам сел на койку.

— Что-нибудь новенькое?

— Нет. Господи, как же я устал. Снимки у тебя?

Макс вытащил ящик, пошарил за ним и отдал пленки Келли.

— Слушай, шеф, у меня есть одна мысль.

— Давай.

— Предположим для начала, что мы в своей Галактике, потому что…

— Потому что, если это не так, то и пробовать что-либо нет смысла.

— Ну, вроде того. Ну так, значит, мы в Млечном Пути. Тогда мы осматриваемся по сторонам,

быстренько подсчитываем количество звезд на отдельных участках неба, отсюда оцениваем расстояние до центра Галактики и направление на него. Потом пытаемся идентифицировать спектры звезд, лежащих в этом направлении, решив сначала, какие будем искать, и прикинув видимые звездные величины для расстояния, полученного при оценке. Это даст нам…

— …большую экономию времени, — устало закончил за него Келли. — Не учи дедушку жить. А какого лешего, ты думаешь, делал я все это время?

— Ой, прости, пожалуйста.

— Да нечего тут прощать. Наш глубокоуважаемый начальник и до такого додуматься не мог. Пока я пытался там работать, он ошивался вокруг, ища виноватых и пытаясь заставить меня сказать, что он был абсолютно прав, абсолютно во всем, — дрожал за свою шкуру вместо того, чтобы дрожать за свой корабль. Тьфу! И кстати, он забрал все записи, в точности как я и думал. «Чтобы показать капитану» — так он объяснил. — Келли поднялся со стула. — Я, пожалуй, пойду.

— Не спеши. Я позвоню, чтобы принесли кофе.

— Он уже течет у меня из ушей. — Келли вынул пленки из кармана и задумчиво поглядел на

них. — Я сказал Ногги снять все два раза, тут два комплекта пленок. Пожалуй, тут у тебя хорошее место, чтобы прятать. Знаешь, давай-ка мы спрячем здесь один комплект, и пусть он себе лежит. Как знать, может, и пригодится.

— Келли, неужели ты и вправду ожидаешь, что будет какая-нибудь история с этими записями? Я думаю, что с нас хватит и того, что мы заблудились.

— Ты так думаешь? Макс, когда-нибудь из тебя получится хороший офицер. Но ты же наивен, как ягненок. А вот я предпочитаю носить и подтяжки, и ремень. Так вернее. Я люблю по возможности оставлять как можно меньше на произвол судьбы. Док Хендрикс, мир праху его, был точно таким же. — Келли посмотрел, как Макс засовывает второй комплект пленок назад за ящик, а затем направился к выходу. У двери он остановился. — Забыл сказать тебе одну вещь. Так уж вышло, что мы выскочили довольно близко к одной звезде, да к тому же еще и G-класса.

— А… — Макс немного подумал. — Это не какая-нибудь из известных нам?

— Конечно, нет, а то бы я так и сказал. Мы не успели еще толком оценить расстояние, но до нее от четырех недель до года пути — при макси-

мальном ускорении. Тебе, наверное, интересно это узнать.

— Да, конечно. Спасибо. Только я не понимаю, что это меняет.

— Не понимаешь? А тебе не кажется, что нам сейчас совсем не плохо иметь поблизости от себя звезду солнечного типа и, вполне возможно, с планетами типа Земли, вращающимися вокруг нее?

— Ну, разве…

— А мне вот кажется. Все эти дела насчет Адама и Евы, мягко говоря, очень заковыристы, а нам, вполне возможно, предстоит долгая стоянка. — С этими словами он вышел из каюты.

Никто не пришел позвать Макса на обед; когда он заметил, что уже на несколько минут опаздывает, то отправился в гостиную. Большинство пассажиров уже сидело, кое-кто еще стоял, переговариваясь. Было невозможно не почувствовать смутное беспокойство, витавшее в зале. Макс обратил внимание на то, что капитана не было за столом, не было и мистера Вальтера. Когда он проходил к своему месту, мистер Хорнби попытался уцепиться за его руку.

— Простите меня, сэр, — отмахнулся Макс. — Я спешу.

— Подождите секундочку. Я только хотел вас спросить…

— Простите, пожалуйста. — Он торопливо прошел к своему столу и сел на место. Старшего механика не было видно, но все пассажиры сидели на своих местах. Макс поздоровался:

— Добрый вечер, — и потянулся за суповой ложкой, чтобы хоть чем-то себя занять.

Супа на столе не было, равно как и булочек с маслом, хотя со времени начала обеда прошло уже минут десять. В царстве главного эконома Дюмона такого просто не могло произойти. Правда, если разобраться, и самого Дюмона не было нигде видно.

Миссис Дайглер положила руку ему на локоть.

— Макс? Расскажите мне, пожалуйста, что это за дурацкие слухи ходят по кораблю?

Макс попытался сохранить непроницаемое лицо.

— Какие слухи, мадам?

— Да вы и сами должны были их слышать. В конце концов, вы же занимаетесь астронавигацией. Говорят, что капитан свернул не за тот угол, или как там еще, и в итоге мы падаем на звезду.

Макс попытался поубедительнее изобразить смешок.

— Откуда вы это взяли? Кто бы вам это ни сказал, он, скорее всего, не смог бы отличить звезду от собственного локтя.

— Вы не хотите обмануть свою старую тетю Мэгги?

— Я могу совершенно точно заверить вас, что «Асгард» не падает на звезду. Или даже на звездочку. — Он повернулся к столу. — Зато создается впечатление, что в камбузе что-то и вправду упало. Обед страшно запаздывает.

Он ни к кому не поворачивался, пытаясь избежать дальнейших расспросов. Однако это не помогло. Мистер Артур резко окликнул его:

— Мистер Джонс!

— Да? — повернулся Макс.

— Почему вы от нас скрываете? Мне известно из надежных источников, что наш корабль потерялся.

Макс попытался изобразить на лице удивление.

— Что-то я не совсем вас понимаю. Мы же вроде находимся в нем.

Мистер Артур негодующе фыркнул:

— Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Что-то пошло наперекосяк с как-там-это-называется — переходом. Мы заблудились.

Макс начал отвечать, как школьный учитель не слишком сообразительному ученику, загибая по очереди пальцы:

— Мистер Артур, я могу вас заверить, что корабль не подвергается абсолютно никакой опасности. А что касается того, что мы заблудились, то я могу столь же твердо вас заверить, что, если так и произошло, капитан забыл сообщить мне об этом. В момент перехода я находился в центре управления, и он, по всей видимости, был вполне удовлетворен ходом дел. Вы не могли бы быть столь любезны, чтобы рассказать мне, кто распространяет подобные небылицы? Это ведь очень серьезное дело, все всегда и начинается с таких слухов. Не раз бывало так, что люди впадали в панику.

— Ну… это был кто-то из команды. Я не знаю, как его звать.

— Так я и думал, — кивнул Макс. — Так вот, из своего опыта я знаю, — продолжал он, цитируя своего дядю, — что быстрее света распространяется только одна вещь — слухи по кораблю. И им совсем не обязательно иметь под собой хоть какие-нибудь основания — они все равно распространяются мгновенно. — Он огляделся вокруг. — Но все-таки интересно, что там слу-

чилось с обедом? Не хотелось бы идти на вахту голодным.

— Так, значит, у нас все в порядке, правда, Макс? — нервно спросила миссис Вебербаур.

— С нами все в абсолютном порядке, мадам.

— Макс, — наклонилась к его уху миссис Дайглер, — а чего это вы вдруг так вспотели?

Спас его слуга из команды эконома, торопливо подошедший к их столу и начавший расславлять тарелки с супом. Макс остановил его и тихо спросил:

— Джим, а где Дюмон?

— Стряпает, — столь же тихо ответил официант.

— С чего это? А где повар?

Официант нагнулся к нему и прошептал:

— Французик совсем скис. Думаю, ему этого не переварить. Ну, ты понимаешь, о чем я.

Макс отпустил его. Мистер Артур резко спросил:

— Что он вам сказал?

— Я просто пытался выяснить, что случилось на камбузе, — ответил Макс. — Создается впечатление, что повар привел себя в недееспособное состояние. — Он зачерпнул ложкой суп. — По вкусу этого супа я склонен предположить, что

он сварил в нем свой палец. Довольно паршиво, правда?

От дальнейших уверток Макса спасло появление первого помощника. Мистер Вальтер подошел к капитанскому столу и постучал ложкой по бокалу.

— Внимание, пожалуйста! — Подождав, пока в зале воцарилась тишина, он вынул из кармана бумагу. — От имени капитана я должен сделать вам объявление. Те из вас, кто знаком с теорией астронавигации, знают, что пространство, благодаря перемещению звезд, находится в постоянном изменении и что, вследствие этого, не бывает двух абсолютно одинаковых рейсов. Иногда, по этой причине, становится необходимым производить некоторые изменения в расписании. Именно такие обстоятельства возникли в текущем рейсе, и «Асгард» достигнет следующей своей точки назначения с некоторой задержкой. Мы крайне сожалеем, однако изменить законы природы не в наших силах. Мы выражаем надежду, что все вы воспримете эту задержку как не слишком серьезное неудобство или даже как приятное продолжение отдыха в дружественной и комфортабельной атмосфере нашего корабля. Не забывайте, пожалуйста, также, что страховой

полис, прилагавшийся к вашему билету, полностью покрывает все потери и упущенные выгоды, которые могут возникнуть у вас из-за опоздания корабля.

Мистер Вальтер спрятал бумажку в карман; у Макса создалось впечатление, что в действительности он по ней не читал.

— Это все, что хочет сообщить вам капитан, но я хочу добавить еще кое-что и от себя. До меня дошло, что в связи с этим небольшим отклонением от расписания кто-то распространяет совершенно дурацкие слухи. Я хочу выразить свое сожаление, если кто-либо из вас был встревожен этими россказнями, и твердо заявить, что, если их автор будет обнаружен, к нему будут применены самые жесткие меры. — Тут первый помощник рискнул величественно улыбнуться. — Но вы же все понимаете, как трудно бывает проследить путь какой-нибудь вздорной сплетни. Во всяком случае я хочу вас уверить, что «Асгард» не подвергается ни малейшей опасности какого-либо рода. Этот старичок работал в пространстве задолго до рождения любого из нас, и он будет в расцвете сил, когда все мы уже умрем от старости, — благослови Господь его крепкие кости. — Он повернулся и, не задерживаясь, вышел из зала.

Макс выслушал этот монолог, раскрыв от восхищения рот. Он родился и вырос в местности, где «треп» считался вполне уважаемым литературным жанром, и все же ни разу в жизни не слышал, чтобы ложь излагалась столь изящно, чтобы она столь мастерски переплеталась с правдой. Если брать по кусочку, невозможно было сказать, что какая-либо часть рассказа первого помощника лжива, но в целом это слагалось в утверждение, что «Асгард» не заблудился, а уж это-то была самая натуральная ложь. Он снова повернулся к своим соседям по столу.

— Передайте мне кто-нибудь, пожалуйста, масло.

— И вы говорили нам, — глаза мистера Артура метали молнии, — что ничего не произошло.

— Отстаньте от него, Артур, — прорычал мистер Дайглер. — Макс, если принять во внимание обстоятельства, вел себя очень порядочно.

У миссис Вебербаур на лице появилось удивление.

— Но ведь мистер Вальтер сказал, что все в порядке?

Дайглер посмотрел на нее с сожалением.

— Мы влипли в неприятности, мамочка Вебербаур. Это совершенно ясно. Но нам не остается

ничего другого, кроме как сохранять спокойствие и доверять офицерам корабля. Так, Макс?

— Пожалуй, что так, сэр.

Глава 15
ЭТО ЖЕ НЕ ПРОГУЛОЧКА

Этим вечером и весь следующий день Макс почти не выходил из каюты, не желая отвечать ни на расспросы пассажиров, ни на вопросы, почему его освободили от вахт. Поэтому вышло так, что он пропустил бунт на борту, попросту проспал его. Впервые Макс узнал о бунте, когда уборщик, занимавшийся его каютой, появился с синяком во весь глаз.

— Кто это так вас разукрасил, Гарсия?

— Да я точно и не знаю. Это получилось во время вчерашней заварушки.

— Заварушки? Какая такая заварушка?

— Вы что, хотите сказать, что ничего не знаете?

— Да я первый раз про это слышу. Что там произошло?

Гарсия Лопес задумчиво закатил глаза.

— Ну, я бы не хотел много про это рассказывать. Вы же понимаете, как это бывает, — никто не хочет доносить на своего товарища. Так ведь?

— Да кто тебя просит стучать на товарища?

Мне совсем не нужны фамилии, но что там такое вышло?

— Ну так вот, сэр. Кое-кто из ребят довольно слабо соображает…

Понемногу Макс разобрался, что произошло. Беспокойство в команде было значительно сильнее, чем среди пассажиров, — возможно, потому, что астронавты яснее представляли себе ситуацию, в которую попал корабль. Кое-кто из них подкрепил свои мысли джордановской водкой, и тогда они решили явиться к капитану все вместе и потребовать прямого разговора. Драка произошла, когда надзиратель попытался остановить их на трапе, ведущем на палубу С.

— Кто-нибудь пострадал?

— Да не то чтобы пострадал, я бы так не сказал, ну, разве что порезался малость. Я вот получил эту штуку… — Он осторожно потрогал свой глаз. — Потому что слишком уж хотел посмотреть, что там происходит. Этот скелет Ковак сломал ногу.

— Ковак! Он-то как попал в эту историю? — Было совершенно невероятно, чтобы кто-либо из их компании принял участие в таком безрассудстве.

— Он спускался вниз, наверное шел с вахты. Может, он пытался помочь констеблю. А может,

его просто дверью ударило. Вот ваш дружок Сэм Андерсон — он-то уж точно был в самой гуще.

Сэм! Максу стало прямо нехорошо — Сэм снова нарвался на неприятности.

— Это точно?

— Да я же сам там был.

— Э-э, но он же не был главарем, правда, не был?

— О, да ты меня совсем не понял, Ма… мистер Джонс. Он все это дело и успокоил. В жизни своей не видел человека, который так здорово орудует руками. Он хватал двоих… трах! Их головы трескаются друг о друга. А потом он хватает двух следующих…

Макс решил выйти из своего укрытия, чтобы сделать две вещи: заглянуть к Коваку и узнать, в каком он состоянии и не нужно ли ему чего, а кроме того, встретиться с Сэмом. Однако не успел он выйти из каюты, как пришел Смит с распорядком вахт, в котором он должен был расписаться. Из этой бумаги Макс выяснил, что назначен на попеременную вахту с Саймсом — и что он должен сию же минуту явиться на вахту. Он отправился наверх, размышляя на ходу, что это заставило Саймса сменить гнев на милость.

В помещении поста управления находился

Келли. Макс огляделся по сторонам, но Саймса не было.

— Это ваша вахта, шеф?

— Только пока ты меня не подменишь. Это моя последняя вахта.

— Чего это вдруг? Неужели теперь уже вы стали любимой занозой в его заднице?

— Да, можно и так сказать. Но только не так, как ты думаешь. Он нарисовал это свое вахтенное расписание, и в нем мы с ним следовали друг за другом. Тогда я вежливо указал ему на законы гильдии, на то, что мне не платят за то, чтобы я брал на себя ответственность за руководство вахтой.

— Ни фига себе! И что же он тебе сказал?

— А что ему сказать? Он мог бы мне приказать в письменной форме, а я мог бы, точно так же, в письменной форме, согласиться, занеся свои возражения в вахтенный журнал, — и тогда бы он подставил себя со страшной силой. У него остался не слишком богатый выбор — снова поставить тебя в расписание, попросить капитана подежурить через раз с ним или сказаться больным и уйти отдохнуть на пару неделек. Теперь, когда Ковак слег, выбора у него и совсем не осталось. Слышал про Ковака?

— Да. Расскажи, как там все было? — Макс глянул на Ногучи, скучавшего за компьютером, и понизил голос. — Бунт?

Келли сделал круглые глаза.

— Я что-то вас не понимаю, сэр. Ковак поскользнулся и упал с трапа.

— А, значит так?

— Так записано в журнале.

— Хм… Ну что ж, наверное, мне надо вас подменить. Как тут обстановочка?

Они шли с ускорением в направлении ближайшей звезды G-класса; приказы были занесены в книгу приказов… почерком Саймса, но с подписью капитана Блейна. Почерк капитана показался Максу каким-то неуверенным, дрожащим, как будто капитан писал в сильном нервном возбуждении. Келли уже успел вывести корабль на нужный курс.

— Вы бросили попытки найти, где мы находимся?

— О нет. Приказано заниматься этим столько времени, сколько позволят остальные дела. Но я ставлю семь против двух, что и ты ничего не найдешь. Макс, это же какое-то совсем другое место.

— Не надо опускать руки. Откуда ты можешь это знать?

— Я не знаю, я чувствую.

Несмотря на слова Келли, Макс провел всю вахту в поисках. Без малейшей удачи. Спектрограммы, соответствующим образом снятые и обработанные, для звезд то же самое, что для людей отпечатки пальцев. Их можно классифицировать и потом проводить сравнение с теми из каталога, которые к ним наиболее близки. Макс нашел много спектрограмм, достаточно близко совпадающих с каталожными, однако всегда находилось какое-то отличие, вроде того, которое делает одного из близнецов не очень похожим на своего брата.

За пятнадцать минут до конца вахты он кончил это занятие и приготовился к смене. Ожидая Саймса, он думал о шутке, которую разыграл Келли для того, чтобы вернуть его на вахту. Молодчага! Он знал Келли достаточно хорошо, чтобы понимать, что благодарить его не надо; сделать так значило бы заподозрить главного вычислителя в «неподобающем мотиве» — вполне достаточно подмигнуть ему. И не забывать про поддержку.

Саймс ворвался с опозданием на пять минут. Он ничего не сказал, только просмотрел вахтенный журнал и записи наблюдений, проведенных

Максом. Макс подождал несколько минут, внутренне раздражаясь все больше и больше. В конце концов он произнес:

— Вы готовы подменить меня, сэр?

— Всему свое время. Я хочу посмотреть сначала, что ты изгадил на этот раз. — Макс не ответил. Саймс ткнул пальцем в то место журнала, где Макс расписался, сопроводив подпись словами «старший по вахте». — Перво-наперво это неверно. Добавь «под руководством».

Макс глубоко вздохнул.

— Под чьим руководством, сэр?

— Моим.

Макс помедлил всего мгновение, прежде чем ответить:

— Нет, сэр. Только в случае, если вы присутствуете во время моей вахты и наблюдаете за мной.

— Ты мне возражаешь?

— Нет, сэр. Только я хотел бы получить относительно этого письменный приказ, занесенный в вахтенный журнал.

Саймс захлопнул журнал и медленно оглядел его с головы до ног.

— Мистер, если бы у нас не было нехватки персонала, вы не стояли бы вахту. Вы не готовы руководить вахтой и, по моему глубокому убеж-

дению, не будете готовы никогда.

— Если вы так считаете, сэр, я вполне охотно вернусь к обязанностям картографа. Или в команду эконома.

— Там тебе и место! — Саймс почти кричал. Ногучи задержался после того, как его подменил Ланди. Они оба бросили взгляд на происходящее и с деланным равнодушием отвернулись.

Макс совсем не старался говорить с Саймсом конфиденциально.

— Очень хорошо, сэр. Так вы меня подмените? Я сейчас отправлюсь к первому помощнику и доложу ему, что снимаю с себя временное назначение и возвращаюсь к исполнению своих постоянных обязанностей.

Он ожидал взрыва. Однако Саймс сделал видное невооруженным глазом усилие, чтобы сдержать себя, и ответил почти спокойно:

— Послушайте, Джонс, вы как-то не так ко всему этому относитесь.

«А что мне терять?» — подумал про себя Макс и произнес:

— Это вы не так ко всему относитесь, сэр.

— Э? Это что еще такое?

— Вы задевали меня с того самого момента, как я появился в Яме. Вы ни разу не побеспоко-

ились научить меня чему-нибудь, а вместо того придирались ко всему, что бы я ни делал. А с того времени, как меня сделали стажером, все стало еще хуже. Вы заявились ко мне в каюту и сказали, что вы против моего назначения, что вы не хотите, чтобы я…

— Ты не можешь этого доказать!

— А мне и не надо ничего доказывать! А теперь вы говорите, что я не способен стоять вахту, на которую сами меня и поставили. Вы совершенно ясно сказали, что никогда не дадите мне рекомендацию для постоянного назначения, так что совершенно очевидно, что я только зря трачу время. В таком случае я вернусь в команду казначея и буду делать там то, на что способен. А теперь вы все-таки подмените меня, сэр.

— Вы оскорбляете своего командира.

— Нет, сэр, я никого не оскорбляю. Я говорил с вами вежливо, излагал факты. Я попросил подменить меня на вахте — моя вахта окончилась добрые полчаса назад, — чтобы иметь возможность обратиться к первому помощнику и вернуться к исполнению своих постоянных обязанностей. Как это допускается законами обеих гильдий, — добавил Макс.

— Я не разрешаю вам.

— Я так решил, сэр. У вас нет выбора.

По лицу Саймса было видно, что выбора у него действительно нет. Некоторое время он помолчал, затем произнес более спокойным голосом:

— Забудьте про все это. Я вас подменяю. Возвращайтесь сюда в восемь.

— Не так сразу, сэр. Вы заявили публично, что я не компетентен возглавлять вахту. В таком случае я не могу взять на себя эту ответственность.

— Какого черта! Что это ты пытаешься делать? Меня шантажировать?

Про себя Макс вполне с этим согласился, но вслух ответил:

— Я бы не назвал это так, сэр. Но вы не можете иметь сразу и то и это.

— Что ж. Я думаю, что вы достаточно компетентны, чтобы стоять такие вахты. По правде говоря, тут и делать-то нечего.

— Очень хорошо, сэр. Не будете ли вы так добры занести это в вахтенный журнал?

— Что?

— Ввиду создавшихся обстоятельств, сэр, я вынужден настаивать на букве закона и просить вас занести это в вахтенный журнал.

Саймс тихо выругался, затем схватил ручку и быстро что-то написал. Затем он повернул жур-

нал к Максу.

— Вот.

Макс прочитал: «Мистер Джонс сочтен достаточно квалифицированным, чтобы возглавлять вахты в космосе, не связанные с аномалиями, (подп.) Саймс, астронавигатор».

Макс, конечно, отметил про себя оговорку, которая даст Саймсу возможность помешать ему достичь постоянного статуса. Но Саймс остался в рамках закона. Кроме того, признался себе Макс, он не хотел покидать компанию из Ямы. Он утешал себя той мыслью, что так как они, видимо, окончательно заблудились, то неизвестно, понадобится ли ему когда-нибудь рекомендация Саймса.

— Вполне удовлетворительно, сэр.

Саймс снова схватил журнал.

— А теперь марш отсюда. И чтобы были завтра здесь вовремя.

— Есть, сэр. — Макс не мог удержаться от того, чтобы не оставить последнее слово за собой. То, как он выстоял в схватке с Саймсом, ударило ему в голову. — Вы мне только что напомнили, сэр. Не будете ли вы так добры подменить меня после той вахты вовремя?

— Что?!

— Согласно закону человека нельзя заставлять работать больше чем четыре часа из восьми, за исключением непредвиденных обстоятельств, занесенных в вахтенный журнал.

— Отправляйтесь вниз.

Макс пошел вниз. Он торжествовал, но заодно его и тошнило. Он не любил драк, никогда не любил, после них у него внутри что-то противно сжималось. Он ворвался в свою каюту и чуть не споткнулся о Сэма.

— Сэм!

— Он самый! Что это с тобой, сынок? Ты выглядишь так, словно за тобой гнались черти и хватали тебя за пятки.

Макс шлепнулся на койку и глубоко вздохнул.

— Я и вправду примерно так себя и чувствую. — Он рассказал Сэму про схватку с Саймсом.

— Вот так и надо с такими типами, — одобрительно кивнул Сэм. — Оскорбляй его, пока он не начнет извиняться. Будешь ставить ему синяки почаще, он с руки у тебя есть будет.

Макс тоскливо покачал головой.

— Сегодня я, конечно, порезвился, но он обязательно придумает, как на мне отыграться. Да бог с ним.

— Все это не так, парнишка. Ты только не давай

ему повода и жди удобного случая. Если человек глуп и имеет плохой характер, — а этот твой Саймс такой и есть, я давно в нем разобрался, — а ты малость разбираешься в колбасных обрезках и умеешь себя сдерживать, в конце концов он обязательно раскроется. Такой уж у природы закон.

— Может быть. — Макс повернулся и сел на койке. — Сэм, да у тебя снова значок.

Сэм поддел пальцем значок, означавший, что он — главный надзиратель корабля.

— Ты что, только заметил?

— Наверное, я тут слишком быстро крутился. Это что, первый решил вдруг все простить и все забыть?

— Не то чтобы. Ты уже знаешь про суету прошлой ночью?

— Кое-что. Но, как я понял, официально ничего не произошло.

— Именно так. Мистер Вальтер умеет не действовать со всего размаха.

— Так что же там было? Я уже наслышан, что ты кого-то там черепами сталкивал.

— А ничего особенного. И все довольно тихо. Я бывал на таких кораблях, где заварушка вроде вчерашней сошла бы за небольшую разминку для улучшения пищеварения. Кое-кто из парней

сдрейфил, и поэтому они отправились лакать огненную воду. Затем пара типов с большими ртами и низкими лбами вдруг вдохновилась тем, что они имеют полное право обсудить все с капитаном. Так как все они суть овцы, то и отправились стадом. Случись им на пути хоть один офицер, он мог бы без всякого шума отправить их баиньки. Но вместо того на них нарвался мой незадачливый предшественник, нарвался и велел им разойтись. Чего они не сделали. Боюсь, что с дипломатией у него слабовато. И он заорал: «Эй вы, мужланы», используя это трогательное архаическое выражение. Вот тут-то все и началось.

— А ты как туда попал? Пришел ему на помощь?

— Ну уж, конечно… Я просто стоял на безопасном расстоянии и получал удовольствие от зрелища, как вдруг увидел, что по трапу спускаются домашние шлепанцы мистера Вальтера. По этому случаю я вступил в круг и сыграл заметную роль в концовке спектакля. Чтобы получить орден, Макс, самое главное — убедись точно, что на тебя смотрит генерал, а потом уж — за дело.

— Я как-то раньше не считал, что ты склонен к героизму, — ухмыльнулся Макс.

— Да упаси Господь. Но это сработаю. Мистер

Вальтер вызвал меня, сожрал меня с потрохами, объяснил мне, что я мерзавец, вор и негодяй, после чего предложил мне вернуть мой значок, если я сумею сохранять порядок в трюме. Я посмотрел ему прямо в глаза, честным таким и искренним взглядом, и сказал, что сделаю все, что смогу. И вот я здесь.

— Я жутко рад, Сэм.

— Спасибочки. А потом он посмотрел мне в глаза и сказал, что у него есть некоторые основания предполагать — словно он не знал! — что где-то на корабле может находиться самогонный аппарат. И приказал мне найти его и уничтожить заодно с любыми найденными спиртными напитками.

— Вот как? Ну и как же воспринял эту новость мистер Джи?

— Да как же, мы с пузатым разобрали вместе его аппарат и сложили все детали в кладовку, а потом заперли и все его торговые запасы. Я умолял его не дотрагиваться до всего этого, пока корабль не выберется из заварухи. Я объяснил ему, что, если он что тронет, я переломаю ему руки. И одну, и другую.

Макс хихикнул.

— Ну что ж, я очень рад, что ты опять в фаворе.

И молодец, что зашел сказать мне про это. — Он широко зевнул. — Прости. Я прямо на месте засыпаю.

— Я сейчас смоюсь. Но пришел я ради того, чтобы задать тебе один вопрос.

— Какой?

— Ты видишь последнее время шкипера?

Макс подумал.

— Со времени перехода — нет, не видел. А что?

— И никто не видел. Вот я и подумал, может, он проводит все время в Хитрой яме.

— Нет. Если подумать, его не было даже за столом во время обеда — по крайней мере в те разы, когда я ел в гостиной.

— Так значит, он ест в каюте. — Сэм встал. — Интересно, очень интересно. М-м… Я бы на твоем месте не распространялся на эту тему, Макс.

Когда Макс сменил Саймса, тот не сказал почти ни слова. Не разговаривали они и в дальнейшем; Саймс, за исключением кратких формальностей при передаче вахты, вел себя так, словно Макса вообще не существует. Капитан на посту управления не показывался. Несколько раз Макс был уже готов спросить про это Келли, но каждый раз решал воздержаться. Однако по кораблю ползли слухи — капитан болен, капитан находится в

коме, Вальтер и главный врач освободили его от исполнения обязанностей, капитан не отходит от письменного стола, разрабатывая новый, удивительный способ вернуть корабль туда, где ему надлежит быть.

К этому времени все уже осознали, что корабль заблудился, но время истерик кончилось; пассажиры и команда были спокойны, и, похоже, все были согласны с тем, что решение встать на орбиту вокруг звезды солнечного типа, к которой они двигались, было единственно разумным. Они подошли уже достаточно близко, чтобы обнаружить у этой звезды планеты — конечно же, никто еще не видел звезду G-класса без планет, но все равно крошечные пятнышки на фотопластинке вызвали всеобщий энтузиазм.

Выбор пришлось делать между третьей и четвертой планетами. Болометрические измерения показали, что температура поверхности звезды немного превышает шесть тысяч градусов по Кельвину, что вполне согласовывалось с ее спектром; это только чуть больше, чем у родного солнца. Вычисленные температуры поверхности третьей и четвертой планет показывали возможность того, что третья может оказаться неприятно жаркой, в то время как четвертая

может быть замерзшей. И у той и у другой были обнаружены атмосферы. Быстрый облет их по гиперболической орбите разрешил этот вопрос. Болометр показал, что на третьей чрезмерно жарко и даже на четвертой климат близок к тропическому. У четвертой была луна — еще одно ее преимущество перед третьей, так как период обращения спутника давал легкий способ определить массу планеты. Исходя из этой массы и видимых размеров планеты силу тяготения на ее поверхности можно было вычислить по классической Ньютоновой формуле. Результат был — девяносто три процента от тяготения на поверхности Земли, величина удобная и несколько неожиданно низкая, принимая во внимание, что диаметр планеты превышал десять тысяч миль. Спектры поглощения показывали присутствие в атмосфере кислорода и нескольких инертных газов.

Саймс, ассистируемый Келли, вывел «Асгард» для удобства осмотра планеты на полярную орбиту — Максу, как обычно, осталось только кусать себе пальцы.

Капитан не пришел на пост управления даже во время этого маневра.

Они болтались по орбите, постоянно исследуя

свой будущий дом с поста управления и рассматривая его сквозь иллюминаторы гостиной. Именно здесь, в гостиной, Элли наконец и настигла Макса. Он почти не видел ее во время приближения к планете. Во-первых, был слишком занят и слишком измотан попеременными вахтами, а во-вторых, слишком много было у него на уме такого, что не хотелось говорить, а она сумела бы вытащить из него все. Однако, как только корабль вышел на орбиту и двигатели были выключены, согласно обычным правилам Саймс мог разрешить рядовым нести вахту — что он и сделал, приказав Максу держаться подальше от поста управления.

Макс не мог устоять перед завораживающим зрелищем незнакомой планеты, он вместе с пассажирами не отходил от иллюминаторов гостиной. Тут он как раз и торчал, глядя через чужие плечи, когда кто-то ухватил его за руку.

— И где же мы все это время были?

— Работал.

Он протянул руку и погладил Чипси; паукообразный щенок перепрыгнул ему на плечо и начал шарить у него по карманам.

— Ерунда. Не все же время ты работаешь. Да знаешь ли ты, что только за последнюю неделю я

послала в твою каюту девять записок?

Макс знал. Он сберег все записки, но отвечать не стал.

— Прости.

— Он еще говорит «прости»! Ну да ладно. Макс, расскажи мне все про эти дела. — Она повернулась и бросила взгляд в иллюминатор. — Как ее назвали? На ней кто-нибудь живет? Где мы собираемся приземлиться? Макс, правда же, это здорово?

— Да никак ее еще не назвали — мы называем ее просто «планета», или «четвертая». Келли хочет назвать ее «Хендрикс». Саймс чего-то крутит. Я думаю, он хотел бы дать ей свое собственное имя. А капитан, насколько я знаю, не принял еще никакого решения.

— Ее нужно назвать «Вера», или «Надежда», или как-нибудь в этом роде. А где капитан, Макс, я ведь столько дней уже не видела старого лапушку!

— Он работает. Ты же понимаешь, в эти дни у него очень много работы. — Макс подумал про себя, что это уклонение от ответа вполне может быть и правдой. — А что касается других твоих вопросов, то мы не заметили никаких признаков городов или вообще чего-либо, похожего на ци-

вилизацию.

— А что ты имеешь в виду под «цивилизацией»? Надеюсь, не уйму старых грязных городов?

Макс поскреб в затылке и улыбнулся.

— Вот тут ты меня и поймала. Только я не понимаю, как может существовать цивилизация, что бы ни обозначало это слово, без городов.

— А почему нет? У пчел есть города, у муравьев есть города, у челавебов есть города. И никто из них не цивилизован. Легко могу себе представить хорошенькую такую цивилизацию, которая будет сидеть на деревьях, петь песенки и предаваться прекрасным размышлениям.

— И что, этого ты и хочешь?

— Нет, я бы умерла со скуки. Но могу же я думать о таком, правда? Ты не сказал мне, когда мы будем садиться.

— Я не знаю. Когда решат, что это не опасно.

— Поторопились бы они. Это же потрясающе, правда? Вроде Робинзона Крузо или швейцарского семейства Робинзонов — я их всегда путаю. Или вроде первых людей на Венере.

— Они погибли.

— Ну да. Но ведь мы-то же не погибнем на… — Элли взмахом руки указала на красивый зеленый с синим и облачно-белым шар за иллюминато-

ром, — на Надежде, я буду называть ее так.

Макс рассудительно сказал:

— Элли, как ты не понимаешь, что все это очень серьезно? — Он говорил тихо, чтобы не потревожить окружающих. — Это не прогулочка. Если планета окажется непригодной, положение может стать довольно трудным.

— Почему?

— Слушай, ты на меня не ссылайся, да и вообще говори об этом поменьше. Только я не думаю, чтобы кто-нибудь из нас вернулся домой.

Она мгновенно посерьезнела, потом пожала плечами и улыбнулась.

— Тоже мне, испугал. Ясное дело, я хотела бы домой — но если уж этого нельзя сделать, Надежда будет добра к нам. Я точно знаю.

Макс смолк.

Глава 16
«… БОЛЬШЕ СОТНИ ЛЕТ»

«Асгард» совершил посадку на Надежде на следующий день. Элдрет сумела закрепить это имя за планетой, повторяя его на каждом шагу, словно оно уже было официально принято.

Когда стало известно, что посадка корабля начнется в полдень по корабельному времени, Макс пошел на пост управления, так как сам решил, что имеет полное право присутствовать. Саймс поглядел на него довольно кисло, однако не сказал ни слова — по понятной причине: из-за присутствия капитана Блейна.

Вид капитана просто потряс Макса. Со времени неудачного скачка он постарел на добрые десять, а то и пятнадцать лет. Место обычного его веселого, приветливого выражения лица заняло другое, которому Макс не сразу даже смог подобрать определение — пока не вспомнил, что встречал такое у лошадей, слишком старых, чтобы работать, но продолжающих работать, — опущенная голова, глаза тусклые, невыразительные, смирившиеся с невыносимой, но неизбежной судьбой.

Старческая кожа лица висела складками, словно он не ел много дней, а то и недель. Было похоже, что происходящее вокруг мало его интересует.

За все время маневра он заговорил лишь раз. Перед самым наступлением полдня Саймс, сидевший склонившись над пультом, выпрямился и бросил взгляд на шкипера. Блейн поднял голову и произнес хриплым шепотом:

— Сажайте его, мистер.

Имперский военный корабль перед посадкой в незнакомом месте обычно спускает автоматический радарный маяк, а затем наводится на этот маяк сам. Но «Асгард» был коммерческим кораблем; он не должен был садиться нигде, кроме космопортов, оборудованных маяками и прочими вспомогательными средствами. Поэтому посадка была проведена вслепую, по предварительному расчету, при помощи радара и автоматического управления. Место для посадки было выбрано по фотоснимкам, в широкой долине. По большей части планета была покрыта густыми лесами, так что выбора было мало.

Саймс являл собой картину искусного, осторожного пилота, руки его лежали на рукоятках управления, он не отрывал глаз от экрана радара, по которому плыло изображение лежащей внизу

местности, в то время как над экраном были прикреплены фотографии — визуальные и радарные — места посадки, для сравнения. Снижение прошло без всяких случайностей; усыпанное звездами небо сменилось темно-пурпурным, затем голубым. На корабле не шевельнулась ни одна чашка, так как локальное тяготение внутри его Хорстовского поля ограждало от воздействия любого внешнего ускорения. Макс понял, что они уже сели, только по тому, что Саймс выпустил опорные фермы, которые должны были удерживать корабль в вертикальном положении.

Саймс сказал в микрофон:

— Машинное отделение, заглушить силовую установку и запустить вспомогательные системы. Всей команде работать, руководствуясь первой частью наземной процедуры. — Он повернулся к Блейну. — Сели, капитан.

Губы Блейна с трудом проговорили слова:

— Очень хорошо, сэр. — Он встал и поплелся к люку.

Когда капитан ушел, Саймс приказал:

— Ланди, заступите на наблюдательную вахту. Остальным — очистить помещение!

Макс спустился вместе с Келли. Когда они достигли палубы А, Макс неохотно проговорил:

— Должен признать, это была отличная посадка.

— Спасибо, — сказал Келли.

Макс взглянул на него.

— Так это ты ее рассчитывал?

— Этого я не говорил. Я сказал только «спасибо».

— Так? Ну что ж, не стоит благодарности. — Макс почувствовал вдруг, как вес его запульсировал, а потом немного уменьшился. — Они отключили поле. Вот теперь мы и вправду сели.

Он как раз собирался пригласить Келли в свою каюту на все тот же кофе, когда по корабельным громкоговорителям прозвучало:

— Всем членам команды! Всем пассажирам! Явиться в гостиную палубы В для важного сообщения. Занятым на вахте приказываю слушать по телефону.

— Что там еще такое? — удивился Макс.

— Чего загадывать? Послушаем и узнаем.

Гостиная была переполнена пассажирами и членами экипажа. Первый помощник Вальтер стоял у капитанского стола, глазами пересчитывая собравшуюся толпу. Макс заметил, как он что-то сказал Беннету, после чего тот кивнул и быстро исчез. Большой иллюминатор находился

на противоположной от Макса стороне гостиной. Он поднялся на цыпочки, но не увидел ничего, кроме вершин гор и голубого неба.

Шум в зале немного стих; Макс оглянулся и увидел капитана, идущего сквозь толпу вслед за Беннетом. Капитан подошел к столу и сел; первый помощник бросил на него взгляд и громко кашлянул.

— Тишина, пожалуйста. Затем он продолжил:

— Я собрал вас всех потому, что капитан хочет сделать заявление. — Вальтер замолк и почтительно отступил в сторону.

Капитан Блейн медленно встал и огляделся по сторонам. Макс увидел, как он распрямил свои исхудавшие плечи и поднял голову.

— Люди, — произнес капитан, и голос его неожиданно прозвучал громко и уверенно. — Друзья и гости, — продолжил он, заметно тише. Зал замер, Максу было даже слышно, как с трудом дышит капитан. — Я провел вас… Я провел вас, сколько смог. — Его голос ослабел, а потом и совсем стих. Он долго смотрел на них молча, с дрожащим ртом. Казалось уже, что у него не хватит сил продолжать. Присутствующие зашептались.

Но Блейн все-таки заговорил снова, и все мгновенно стихли.

— Мне надо сказать вам еще кое-что, — начал он и замолк. На этот раз молчание продолжалось дольше, а когда он нарушил его, голос его звучал чуть громче шепота. — Простите меня. Храни вас бог. — Он повернулся и направился к двери.

Беннет неслышно появился впереди него. Макс услышал его тихий и решительный голос:

— На трапе! Пропустите капитана.

До ухода капитана ни один человек не проронил ни слова, только одна женщина рядом с Максом начала тихо всхлипывать. В это время зазвучал громкий, ясный голос мистера Вальтера:

— Не расходитесь! У меня есть дополнительные объявления! — В его манере говорить не было и следа неуверенности капитана. — Подошло время окончательно разобраться в создавшемся положении. Как все вы можете видеть, эта планета очень похожа на нашу Землю. Конечно же, будут взяты пробы, чтобы увериться в том, что воздух здесь пригоден для дыхания, и все прочее: врач и старший механик заняты этим в настоящий момент. Но уже сейчас создается впечатление, что эта новая планета окажется в высшей степени подходящей для людей, возможно, даже более подходящей, чем Земля.

Пока не было обнаружено никаких указаний на

наличие здесь цивилизации. В целом, это тоже к лучшему. Теперь о наших ресурсах. На «Асгарде» находятся разнообразные домашние животные, они очень пригодятся, и их надо беречь, как племенное стадо. Еще больше у нас различных полезных растений, как на гидропонических плантациях в корабле, так и в виде семян. У нас имеется не очень большой, но достаточный набор инструментов. И, что самое важное, корабельная библиотека дает прекрасный поперечный срез всей земной культуры. В равной степени важно и то, что мы сами обладаем своими умениями и традициями…

— Мистер Вальтер!

— Да, мистер Хорнби?

— Вы хотите сказать, что собираетесь бросить нас здесь?

Вальтер холодно поглядел на него.

— Нет, никто не будет, как вы это назвали, «брошен». Вы можете остаться на корабле, и к вам будут относиться, как к гостю, пока жив «Асгард» — или вы сами. Или пока корабль не достигнет пункта, означенного в вашем билете. Если только он это когда-либо сумеет сделать. Нет, я просто попытался спокойно обсудить то, что, собственно говоря, известно вам всем — то, что наш корабль

заблудился.

По залу пронесся еле слышный вздох. Что корабль заблудился, все знали, но до настоящего момента это не было признано официально. Прямое, не оставлявшее места для сомнений, заявление авторитетного офицера прозвучало как приговор.

— Теперь позвольте мне рассмотреть положение с точки зрения закона, — продолжил мистер Вальтер. — Пока наш корабль находился в космосе, вы, как его пассажиры, в соответствии с законом были обязаны подчиняться капитану, а также мне и прочим офицерам, выступавшим от его имени. Теперь мы совершили посадку. Вы имеете право совершенно свободно уйти, а можете, если желаете, остаться. С юридической точки зрения это незапланированная стоянка; если корабль когда-либо взлетит отсюда, вы можете вернуться на него и продолжить полет как пассажиры. Это моя обязанность перед вами, и я ее выполню. Но я прямо и откровенно вам говорю, что в настоящий момент у меня нет ни малейшей надежды на то, что мы когда-либо отсюда выберемся, — почему и встал вопрос о колонизации. Мы заблудились.

Где-то в глубине зала одна из женщин залилась

вдруг истерическим воплем, выкрикивая бессвязные слова:

— …Домой! Я хочу домой! Пустите меня…

Голос Вальтера прорезал шум, поднявшийся в зале:

— Дюмон! Флэннигэн! Выведите ее. Отведите ее к врачу.

Потом он продолжил, словно ничего не случилось.

— Корабль и его команда окажут необходимую помощь, в размерах, соответствующих моей ответственности за поддержание корабля в рабочем состоянии, тем из вас, кто захочет заняться колонизацией планеты. Я лично думаю, что…

— Зачем эти разговоры о «законе»? — выкрикнул кто-то. — Здесь нет законов.

Вальтер даже не повысил голоса.

— Законы, конечно же, есть. Пока этот корабль находится в эксплуатации, законы на нем есть, в скольких бы световых годах ни находились мы от порта его приписки. Далее, хотя я не обладаю властью над теми из вас, кто пожелает покинуть корабль, я настоятельно вам советую по выходе на поверхность самым первым делом созвать общее собрание, избрать руководителей и создать конституционное правительство. Я очень

сомневаюсь, что в противном случае вы сумеете выжить.

— Мистер Вальтер!

— Да, мистер Дайглер?

— Конечно же, сейчас не время для обвинений…

— Конечно.

Дайглер криво улыбнулся.

— Поэтому я и не буду ими заниматься, хотя некоторые и вертятся на языке. Но так уж случилось, что я знаю кое-что по вопросу экономики колонизации профессионально.

— Очень хорошо. Мы обязательно используем ваши познания.

— Вы позволите мне закончить? Первый и основной принцип ведения дел в колонии, отрезанной от источников снабжения, — это сделать ее достаточно большой. Это просто вопрос статистики, слишком маленькая колония может погибнуть от какой-либо мелкой неполадки. Это все равно что играть в кости, имея слишком мало в кармане: три раза подряд неудача, и тебе конец. Глядя вокруг, я с очевидностью понимаю, что мы имеем гораздо меньше оптимального минимума. Если уж быть точным…

— Это все, что у нас есть, мистер Дайглер.

— Я понимаю. Я не любитель предаваться бесплодным мечтаниям. Я хочу знать следующее: можем ли мы рассчитывать также и на команду?

Мистер Вальтер покачал головой.

— Этот корабль не будет выведен из эксплуатации, пока есть люди, способные на нем работать. Всегда остается надежда, как бы она ни была мала, что мы найдем путь домой. Не исключено даже, что нас найдет какой-либо имперский разведывательный корабль. Мне жаль так отвечать, но — нет.

— Я спросил не совсем про это. Я находился в своих рассуждениях на пару шагов впереди вас. Было вполне очевидно, что вы не разрешите команде заняться колонизацией. Но все-таки можем мы рассчитывать на их помощь? У нас, похоже, имеется шесть женщин — одной больше, одной меньше, — которые, вероятно, помогут нашей расе не исчезнуть здесь. Это значит, что следующее поколение нашей новой нации будет значительно меньше. Такая колония потухнет, просто по статистической вероятности, если только каждый работоспособный мужчина не будет работать по десять часов в день весь остаток своей жизни, просто для того, чтобы дать

нашим детям лучшие шансы выжить. Я лично не имею ничего против этого, если только все мы вместе предпримем такую попытку. Но для того чтобы быть уверенными, что эти молодые люди, которые еще и не родились, будут живы через тридцать лет, потребуется вся наша рабочая сила. Так поможет нам команда?

Мистер Вальтер спокойно сказал:

— Я думаю, что вы можете на это рассчитывать.

— Рад это слышать.

Маленький человек с красным лицом, имени которого Макс не знал, прервал их.

— Какого черта «рад слышать». Да я сам лично возбужу судебное преследование против офицеров корабля. Я буду кричать со всех…

Макс заметил, как Сэм тихо проскользнул сквозь толпу к говорившему, после чего тот резко смолк.

— Отведите его к врачу, — устало сказал мистер Вальтер. — Он успеет подать на нас в суд завтра. Собрание закончено.

Макс направился в свою каюту, но его тут же поймала Элдрет.

— Макс! Я хочу с тобой поговорить.

— Хорошо. — Он направился назад в гостиную.

— Нет, я хочу поговорить с глазу на глаз. Пошли в твою каюту.

— Да? Миссис Дюмон, если узнает, совсем выйдет из себя, да еще расскажет мистеру Вальтеру.

— А, к чертовой матери их обоих. Всем этим дурацким правилам теперь конец. Ты что, ничего не слышал на собрании?

— Похоже, это ты не слышала.

Он крепко взял ее за руку и повернул в сторону гостиной. Они наткнулись на мистера и миссис Дайглер, шедших им навстречу. Дайглер сказал:

— Макс? Ты занят?

— Да, — ответила Элдрет.

— Нет, — ответил Макс.

— Хм… Вы бы решили вопрос голосованием. Я хотел бы кое о чем спросить Макса. У меня нет никаких возражений, чтобы и вы при этом присутствовали, Элдрет, если только вы простите, что я вам помешал.

Она пожала плечами.

— Ладно, может быть, вы сумеете как-нибудь с ним сладить. Я не могу.

Они отправились в каюту Дайглеров, более вместительную и роскошную, чем каюта Макса. В ней были даже два стула. Женщины пристроились на кровати, мужчины поделили между

собой стулья. Дайглер начал:

— Макс, вы производите на меня впечатление человека, предпочитающего прямой ответ всяким увиливаниям. Есть некоторые вещи, которые я хотел бы знать, но не хотел о них спрашивать там. Может быть, вы сможете мне помочь.

— Хорошо, если только это будет в моих силах.

— Отлично. Я попытался уже спросить мистера Саймса, но не получил от него ничего, кроме вежливого отказа. Я не сумел повидаться с капитаном, а после сегодняшнего я вижу, что все равно в этом не было большого смысла. Так вот, можете ли вы, не залезая во всю эту математику, сказать мне, какой у нас есть шанс попасть домой? Один из трех, один из тысячи — или сколько?

— Хм, я не смогу ответить в таких терминах.

— Ответьте тогда, как вы сами это понимаете.

— Ну, можно сказать так. Мы не знаем, где мы находимся, но зато совершенно точно понимаем, где мы не находимся. Мы не находимся на расстоянии, скажем, в сотню световых лет от любой из исследованных областей нашей Галактики.

— Откуда вы это знаете? Мне казалось, что сотня световых лет — это слишком большое пространство, чтобы его исследовать за те несколько недель, которые прошли с того времени, как мы

сбились с пути.

— Конечно же, это очень большое пространство. Это сфера поперечником в двенадцать сотен триллионов миль. Но нам и не нужно было его исследовать, точнее — тщательно исследовать.

— В таком случае — откуда же вы знаете?

— Понимаете, сэр, мы исследовали спектры всех видимых нам звезд до первой величины — и уйму всего другого. Ни одной из них нет в наших каталогах. Некоторые из них — гиганты, которые должны иметь первую величину с расстояния в сотню световых лет, — они-то наверняка были бы в каталогах, если бы какой-нибудь из разведывательных кораблей как раз оказался на таком расстоянии от них. Поэтому мы абсолютно уверены, что находимся очень, очень далеко от любого места, где человек бывал раньше. Если уж говорить точно, я был чересчур осторожен в своей оценке. Сделайте эту сферу в два раза больше по диаметру, и все равно оценка будет очень осторожной. Мы и вправду заблудились.

— М-м… Хорошо, что я не стал спрашивать об этом в гостиной. Так есть все-таки хоть какая-нибудь вероятность, что мы когда-нибудь узнаем, куда мы попали?

— О, конечно же. Остались еще тысячи звезд,

которые можно исследовать. Шеф Келли, вполне вероятно, в эту самую минуту снимает одну из них.

— Ну, в таком случае каковы же шансы на то, что в конце концов мы определимся?

— О, я бы сказал, что они очень велики — за год, самое большее — за два. Если не по одиночным звездам, то по шаровым звездным скоплениям. Вы же понимаете, что поперечник Галактики что-то около сотни тысяч световых лет, и мы видим только те звезды, которые близки к нам. Но шаровые скопления тоже представляют собой отличные ориентиры. — Про себя Макс сделал оговорку: «Если только мы не в другой Галактике». Не было смысла в том, чтобы сваливать на них еще и это.

Дайглер немного расслабился и вытащил сигару.

— Это последняя моего любимого сорта, но я уж рискну выкурить ее сейчас. Ну что ж, Мэгги, похоже, тебе все-таки не придется учиться делать мыло из древесной золы и свиного навоза. Один это будет год или целых пять, но мы можем попотеть это время, а потом отправиться домой.

— Я очень рада, — она потрогала свою причудливую прическу кончиками мягких, прелестных,

ухоженных пальцев. — Не думаю, чтобы я очень подошла для такого дела.

— Но вы же меня не поняли!

— Э? А что там еще, Макс?

— Я же не сказал, что мы можем вернуться. Я только сказал, что, по моему мнению, очень вероятно, что мы выясним, куда мы попали.

— А в чем же тут разница? Мы узнаем это, а потом отправимся домой.

— Нет, потому что мы никак не можем быть в менее чем сотне световых лет от исследованного пространства.

— Не понимаю, в чем тут заковыка. Этот корабль может в долю секунды перескочить сотню световых лет. Какой там был самый большой скачок за время этого рейса? Около пятисот световых лет, ведь правда?

— Да, но… — Макс повернулся к Элдрет. — А вы понимаете? Правда понимаете?

— Ну, может быть. Это все эти истории со сложенным шарфом, которые вы мне рассказывали.

— Да, конечно, да. Мистер Дайглер, конечно же, «Асгард» может покрыть расстояние в пять сотен световых лет практически мгновенно — да и любое другое расстояние. Но только через рассчитанные и исследованные конгруэнтности. Мы

не знаем ни одной в радиусе сотни световых лет и не будем знать о такой конгруэнтности, даже если выясним, где находимся, потому что мы же знаем, где мы не находимся. Вы понимаете? Это обозначает, что нашему кораблю потребуется идти на максимальной скорости больше сотни лет, а может — и значительно дольше для того, чтобы пройти первый участок обратного пути.

Мистер Дайглер задумчиво оглядел столбик пепла на конце своей сигары, потом вынул перочинный ножик и аккуратно отрезал горящий кончик.

— Пожалуй, остальное я сэкономлю. И знаешь, Мэгги, ты бы, пожалуй, подучилась бы насчет этого мыла.

— Спасибо, Макс. Мой отец был фермером, я смогу научиться.

Макс порывисто сказал:

— Я помогу вам, сэр.

— Да, конечно, вы же рассказывали нам, что были раньше фермером, не правда ли? У вас-то все будет в порядке. — Он перевел взгляд на Элдрет. — Вы знаете, ребята, что бы я сделал на вашем месте? Я бы попросил капитана поженить вас прямо сейчас. Вот тогда у вас все будет как надо для того, чтобы хорошо справиться с жизнью

поселенцев.

Макс покраснел до ушей и не смотрел на Элли.

— Боюсь, что я не могу. Я же член команды, я не имею права становиться поселенцем.

Мистер Дайглер с любопытством посмотрел на него.

— Какая преданность долгу! Ну что ж, без всяких сомнений, Элли сможет выбирать по своему желанию среди холостых пассажиров.

Элдрет с притворной скромностью расправила свою юбку.

— Без всяких сомнений.

— Пошли, Мэгги. Вы идете, Элдрет?

Глава 17
НАДЕЖДА

Уже через несколько недель в поселке жизнь била ключом. Был свой мэр, мистер Дайглер, своя главная улица — Хендрикс-авеню. Состоялось даже первое бракосочетание, проведенное мэром в присутствии свидетелей из поселенцев, — молодоженами были мистер Артур и маленькая Бекки Вебербаур. Первый дом, находившийся в процессе постройки, был заранее отведен для новобрачных. Это была бревенчатая хижина, сооружение не слишком аккуратное, так как, хотя среди поселенцев и нашлись видевшие бревенчатые дома на картинках или даже в натуре, практического опыта строительства ни у кого из них не было.

В новорожденной общине царил дух надежды, всеобщей отваги и даже веселья. Мысли о том, чтобы «начать жизнь с чистой страницы», и далеко идущие планы переполняли поселенцев. Спали они все еще на корабле, там же и завтракали, затем захватывали с собой обед и неутомимо трудились, как мужчины, так и женщины, весь

здешний день напролет. День был коротковат, Надежда обращалась вокруг своей оси за двадцать один с минутами час. Возвращались, когда совсем темнело, ужинали на корабле, а потом некоторые даже находили откуда-то силы потанцевать немного перед сном.

Создавалось впечатление, что Надежда полностью оправдывает свое имя. Дни здесь были теплыми, но не жаркими, а умеренно прохладные ночи сопровождались фантастическими, невиданными в Галактике небесными спектаклями. Центральную звезду системы (поселенцы называли ее попросту «Солнце») окружали кометы в количестве почти невероятном. Гигантская комета с широченным хвостом простиралась от зенита до горизонта на западе, нацеливаясь прямо в здешнее солнце. Другая, не столь грандиозная, однако тоже внушающая почтение в достаточной степени, чтобы, будь это на Земле, переполошить всех прорицателей конца света, приближалась с севера, а еще две кружевом холодного огня украшали небосклон на юге.

Кометам сопутствовало, как то и должно быть, такое же изобилие метеоров. Каждая ночь была ливнем падучих звезд, каждый день заканчивался, подобно Дню Солнечного Союза, грандиозным

фейерверком.

И никаких опасных животных. Кое-кто из поселенцев рассказывал, что им встречались кентаврообразные существа размером с шетлендского пони однако эти животные были пугливыми и, увидев людей, сразу же убегали. Преобладали в местной фауне сумчатые млекопитающие самых разнообразных форм и размеров. Птиц не было, однако имелась совсем иная разновидность летающих существ, не встречавшаяся ранее нигде, — медузообразные твари, четыре-пять футов в поперечнике, со свисающими вниз щупальцами — нечто вроде живых воздушных шаров. Они, похоже, были способны с помощью мускулатуры управлять своими раздутыми пузырями, так как они могли подниматься и опускаться. Каким-то непонятным образом эти пузыри могли даже летать против слабого ветерка — при более сильном ветре они либо прицеплялись к верхушкам деревьев, либо свободно дрейфовали.

Их, похоже, заинтересовал поселок — пузыри висели над работавшими людьми, медленно поворачиваясь, словно хотели разглядеть все получше. Некоторые из поселенцев хотели подстрелить одно из этих существ, чтобы покопаться в их внутренностях, но мэр Дайглер запретил это

делать. Была еще одна разновидность животных — видимо, была. Их называли шпионами, потому что люди видели только, как нечто мгновенно скрывалось за валуном или стволом дерева, при первой же попытке рассмотреть это нечто. В компании вездесущих воздушных шаров и полумифических шпионов поселенцы ощущали, что их соседи проявляют большой, однако не враждебный интерес к тому, чем они тут занимаются.

Мэгги Дайглер — теперь все называли ее просто Мэгги — убрала свои драгоценности, обзавелась на корабельном складе комбинезоном и коротко обстригла волосы. Ногти ее теперь были короткими и постоянно имели черный ободок грязи. Зато выглядеть она стала значительно моложе и была вполне довольна жизнью.

Если уж так говорить, жизнью были довольны все, за исключением Макса.

Элли избегала его. Он днем и ночью проклинал себя и свой язык. Конечно же, Дайглер заговорил не вовремя и не по делу, но это еще не причина, чтобы он, Макс, открывал рот и высказывал то, что думает. Ясное дело, он никогда не собирался жениться на Элли, но какого черта, ведь, может быть, они застряли здесь навсегда. Не «может быть», а «скорее всего», поправил он себя. Со

временем запрещение присоединяться к поселенцам будет снято — а в таком случае какой смысл иметь плохие отношения с единственной подходящей девушкой в округе?

Астронавигатор, конечно, должен быть холостяком, но фермеру нужна жена. Хорошо же, чтобы кто-нибудь готовил салат и потрошил куренка, пока ты выкладываешься в поле. Уж он-то должен бы понимать это — Мамочка очень часто пренебрегала такими делами. Но Элли не будет вроде Мамочки. Она была сильной и практичной, ей только чуть получиться, и все будет как надо.

А к тому же она была, пожалуй, самой хорошенькой девушкой, какую он только видел в жизни, конечно, если к ней присмотреться.

Когда мистер и миссис Дюмон, по особому разрешению, присоединились к поселенцам, он решил, что пришло время действовать. Так как на корабле, лишенном пассажиров, эконому и экономке работы не остается, их уход не мог вызвать никаких обоснованных возражений; это подсказало Максу, с какой стороны зайти. Он отправился к первому помощнику.

— Стажер Джонс, сэр.

Вальтер бросил на него сумрачный взгляд.

— Я бы, пожалуй, на вашем месте сказал «асси-

стент астронавигатор Джонс». Это было бы ближе к действительности. Так что там у вас?

— Да я, пожалуй, как раз про это и хотел поговорить с вами, сэр.

— Да? А что?

— Я хочу вернуться к своим первоначальным обязанностям.

— Как? Чего это ради вам больше хочется быть картографом, чем астронавигатором? Да и какая вам разница — сейчас?

— Нет, сэр. Я желал бы возобновить исполнение моих обязанностей третьего помощника эконома.

Вальтер выглядел крайне пораженным.

— Для этого, видимо, должны быть какие-то причины. Объясните, пожалуйста.

Заикаясь и запинаясь, Макс в конце концов рассказал о своих отношениях с Саймсом. Он старался быть честным и закончил рассказ с неприятным ощущением, что все это звучало очень по-детски.

— Вы это точно говорите? — усомнился Вальтер. — Мистер Саймс ничего мне про вас не говорил.

— Да он и не станет, сэр. Но все это правда. Да хоть у Келли можете спросить.

Вальтер немного подумал.

— Мистер Джонс, я бы не придавал этому слишком большого значения. В вашем возрасте такие конфликты зачастую кажутся более серьезными, чем они того заслуживают. Я бы вам посоветовал забыть про все это и продолжать работать. А я поговорю с Саймсом насчет того, что он не пускает вас на пост управления. Это нехорошо, и я узнал об этом с крайним удивлением.

— Нет, сэр.

— Что «нет, сэр»?

— Я хочу снова быть помощником эконома.

— Почему? Я что-то вас не понимаю.

— Это потому, что я хотел бы присоединиться к поселенцам. Как главный эконом Дюмон.

— О… Вот теперь наконец-то забрезжил какой-то свет. Нет! Ни в коем случае, нет! Ни при каких обстоятельствах. — Для подкрепления своих слов Вальтер даже ударил ладонью по столу.

— Сэр?

— Поймите меня, пожалуйста, правильно. Это никакая не дискриминация. Если бы вы были просто парнем из команды эконома и не больше, я рассмотрел бы вашу просьбу — принимая во внимание особые обстоятельства, которые, по моему мнению, в данном случае имеются. Но вы

— астронавигатор. Вы же знаете, в каком положении мы находимся. Доктор Хендрикс умер. Капитан Блейн — ну, вы же видели его сами. Он, может, и оправится, но рассчитывать на это я не могу. Мистер Джонс, пока остается хоть малейшая надежда на то, что этот корабль когда-либо снова поднимется, пока у нас будет команда, могущая его вести, ни один астронавигатор, ни один картограф, ни один вычислитель ни при каких условиях не будет освобожден от исполнения своих обязанностей. Вы меня понимаете, не правда ли?

— Думаю, да, сэр. Что ж, есть, сэр.

— Ну и хорошо. И еще, вы никому не рассказывайте про это, но как только колония сможет некоторое время обойтись без нас, я собираюсь вывести корабль на орбиту, чтобы вы, специалисты, смогли заняться поисками. Вам же трудно работать через атмосферу, верно?

— Да, сэр. Наши приборы приспособлены для работы в открытом космосе.

— Ну вот мы и постараемся его вам предоставить. — Помолчав, первый помощник добавил: — Мистер Джонс — вас ведь зовут Максом, верно? Разрешите мне поговорить с вами, как мужчина с мужчиной.

— Э? Конечно, сэр.

— М-м… Макс, я, конечно же, лезу не в свое дело, но постарайтесь отнестись к моим словам, как к отцовскому совету. Если у вас появилась возможность жениться, и вы хотите это сделать — вам же совсем не обязательно для этого переходить в поселок. Если мы здесь застрянем, в конечном итоге не будет иметь значения, член вы команды или полноправный поселенец. Ну а если мы улетим отсюда, жена отправится с вами.

Уши у Макса горели. Он не мог придумать никакого ответа.

— Конечно же, я говорю совершенно гипотетично. Но это дает вполне разумное решение вашей проблемы. — Вальтер поднялся. — А почему бы вам не взять выходной? Идите погуляйте, или что там. Свежий воздух пойдет вам на пользу. А с мистером Саймсом я поговорю.

Вместо этого Макс отправился на поиски Сэма, не нашел его на корабле и выяснил, что тот сошел на поверхность. Макс отправился следом за ним в поселок, заложенный в полумиле от корабля.

Не успел он подойти к строящемуся дому, как увидел, что от бригады, трудившейся там, отделилась одна фигура. Вскоре он разобрал, что это Элдрет. Она остановилась перед ним — малень-

кая крепкая фигурка в грязном комбинезоне и уперлась кулачками в бедра.

— Приветик, Элли.

— Так ты что, опять за старое? Избегаешь меня? Объясни, пожалуйста, свое поведение.

От несправедливости такого обвинения он даже стал заикаться.

— Но… Да ты послушай, Элли, это же все совсем не так. Это же ты все время…

— Вот я сразу тебе и поверила. Ты похож сейчас на Чипси, когда ее поймаешь ворующей конфеты из конфетницы. Я хотела только сообщить вам, неуступчивый вы Дон Жуан, что беспокоиться вам пока не о чем. В этот сезон я не собираюсь ни за кого выходить замуж. Так что можете вернуться к своему обычному непостоянству.

— Да послушай, Элли… — начал он с отчаянием.

— Вы желаете, чтобы я подтвердила это в письменной форме? Взяла на себя обязательство? — Она яростно поглядела на него, а затем, сморщив носик, расхохоталась. — Ох, Макс, чурка ты здоровенная, ты всегда вызываешь во мне извечное материнское чувство. Когда ты расстраиваешься, лицо у тебя становится длинным, как у мула. Послушай, забудь про все это.

— А как же, Элли… Ладно, все в порядке.

— Друзья?

— Друзья.

— Ну вот, — вздохнула она, — так-то лучше. Не знаю почему, но я очень не люблю, когда с тобой поссорюсь. Ты сейчас куда?

— Да никуда особенно. Просто гуляю.

— Ну и хорошо. И я тоже пройдусь. Подожди секунду, пока я захвачу Чипси. — Она повернулась и позвала: — Мистер Чипс! Чипси!

— Чего-то я ее не вижу.

— Сейчас я ее возьму. — Элли убежала и вскоре вернулась с паукообразным щенком на плече и со свертком в руке. — Я прихватила заодно и свой обед. Мы можем поделиться.

— Да мы же не будем так долго гулять. Привет, Чипси.

— Привет, Макс. Конфета?

Он залез в карман и вытащил оттуда кусочек сахару, отложенный несколько дней тому назад как раз для этой цели; паукообразный щенок с невероятной серьезностью принял его и сказал:

— Благодарю вас.

— Да, как раз будем, — возразила Элли, — тут кто-то видел стадо этих кентавровых пони на той стороне того хребта. Дотуда порядочно.

— Что-то не знаю я, стоит ли заходить так далеко, — сказал он с сомнением в голосе. — Они не начнут тебя искать?

— Я свою норму выполняю. Хочешь посмотреть на мозоли? — Она сунула ему под нос свою грязную лапку. — Я сказала мистеру Хорнби, что неожиданно почувствовала смертельное недомогание и поэтому ему придется подыскать кого-нибудь другого, чтобы держать доски, пока он заколачивает гвозди.

Макс с удовольствием сдался. Они стали понемногу подниматься, потом пошли по руслу высохшего ручья и вскоре оказались в хвойных зарослях. Мистер Чипс соскочила с плеча Элли и мгновенно вскарабкалась на дерево. Макс остановился.

— Может, нам лучше поймать ее?

— Ты слишком много беспокоишься. Чипси никуда не убежит. Она бы перепугалась до смерти. Чипси! Сюда, крошка!

Паукообразная собака пробралась сквозь сплетение ветвей, оказалась прямо над их головами, сбросила на Макса шишку и весело захихикала.

— Вот видишь? Ей же просто поиграть хочется.

Хребет был довольно высоким, и Макс обнаружил, что, летая среди звезд, порядком растерял

свою выносливость горца. Сухое русло петляло, медленно поднимаясь вверх. У Макса еще оставалось достаточное количество лесных привычек, чтобы внимательно следить за направлением движения и ориентирами. В конце концов, совсем уставшие, они перевалили через хребет. Элли остановилась.

— Убежали, — сказала она разочарованно, глядя на расстилавшуюся перед ними равнину. — Нет! Гляди туда. Видишь их? Десятка два маленьких черных пятнышек.

— Угу. Да.

— Подойдем к ним поближе. Я хочу их рассмотреть.

— Не знаю, стоит ли? Мы и так уже довольно далеко от корабля, а я без оружия.

— Да они же никого не тронут.

— Я думаю о том, что еще может водиться в этом лесу.

— Да мы же уже ходили в этот лес и не видели ничего страшного, кроме этих пузырей. — Она имела в виду летучие существа, двое из которых следовали за ними вдоль сухого ручья. Люди уже так привыкли к их присутствию, что не обращали на них никакого внимания.

— Элли, пора возвращаться.

— Нет.

— Да я же за тебя отвечаю. Ты уже посмотрела на этих своих кентавров.

— Макс Джонс, я свободная гражданка. Вы можете, если желаете, идти назад, а я намерена посмотреть поближе на этих вислобрюхих кобылок. — Она направилась вниз.

— Ну что ж. Подожди секунду, я хочу запомнить ориентиры. — Он оглядел все окрестности, навсегда запечатлел картину в своем мозгу и последовал за ней. Макс старался по возможности ни в чем ей не перечить. Он постоянно думал о том, что сейчас самое время объяснить ей, почему он сказал мистеру Дайглеру то, что он тогда сказал. А может, потом непринужденно перейти к вопросу об их будущем? Он бы не хотел заходить так далеко, начав говорить с ней о браке, хотя, может, он и заговорит об этом абстрактно, если только сумеет придумать, как к этому подойти.

А как подойти к такому вопросу? Нельзя же просто сказать: «Вон там пузыри летят, давай поженимся». Элли приостановилась.

— Вон там пузыри летят. Похоже, что они направляются прямо к стаду.

Макс нахмурился.

— Похоже. Может, они с ними разговаривают?

Она рассмеялась.

— Эти штуки? — Она внимательно оглядела его. — Макси, я только что сообразила, чего я с тобой вожусь.

— Э? — Может, она сама подведет разговор куда надо. — Почему?

— А потому, что ты мне напоминаешь Питци. У тебя такое же недоуменное выражение глаз.

— Питци? А кто такой Питци?

— Питци — это человек, из-за которого отец отослал меня на Землю, чтобы увести меня от него. Он — причина того, что я вырвалась из трех школ и возвращаюсь на Гесперу. Да только отец, пожалуй, и его куда-нибудь отправил. Отец — хитрый. Иди сюда, Чипси. Не заходи так далеко.

Она продолжала:

— Тебе бы очень понравился Питци. Он прелесть. Чипси, прекрати.

Макс уже страстно ненавидел этого типа.

— Не хотелось бы зря тебя тревожить, — сказал он, — но отсюда еще очень далеко до Гесперы.

— Я знаю это. Но давай не будем заранее беспокоиться. — Элли снова оглядела его. — Я бы, пожалуй, записала тебя в запасные, не будь ты таким дерганым.

Не успел еще он сообразить, что бы ответить,

как она снова стала спускаться. Кентавры — это было самым подходящим названием, хотя нижней своей частью они не очень напоминали лошадей, а часть, выступавшая наверх, была гуманоидной лишь отдаленно, — сгрудились у основания холма, неподалеку от деревьев. Траву они не щипали, а что делали — понять издалека было трудно. Два пузыря висели над их группой, словно из любопытства, так же, как перед этим они висели над людьми. Элли настояла на том, чтобы подойти к самому краю опушки и получше рассмотреть кентавров.

Максу они напомнили клоунов, переодетых лошадьми. У них было простоватое, глупое выражение лиц и слишком мало места в голове, чтобы вместить приличный мозг. Они явно были сумчатыми, сумки их напоминали детские слюнявчики. То ли все это были самки, то ли у самцов тоже были сумки. Несколько маленьких кентавриков носилось вокруг, проскакивая между ног старших.

Один из кентаврят заметил людей и поскакал к ним, фыркая и блея. Позади него самое большое существо из взрослых отделилось от стада, чтобы присмотреть за маленьким. Жеребенок взбежал вверх по склону и остановился футах в двадцати

от людей.

— Ой, какая прелесть, — сказала Элли и, пробежав навстречу ему несколько футов, упала на одно колено. — Иди сюда, лапочка, иди к мамочке.

Макс двинулся к ней.

— Элли! Вернись сейчас же!

Большой кентавр залез в свою сумку, вытащил что-то оттуда и раскрутил вытащенное над головой, как лассо.

— Элли!

Он добрался до Элли как раз в тот момент, когда кентавр отпустил свою веревку. Она хлестнула их, обмоталась вокруг и намертво сжала. Элли вскрикнула, а Макс изо всех сил старался освободиться, но бесполезно, они были опутаны, подобно Лаокоону.

В воздухе мелькнула еще одна веревка и тоже прилипла к ним. И еще одна.

Мистер Чипс бежала вслед за Элли. Теперь она с визгом бросилась прочь. На краю опушки она остановилась и высоким, резким голосом прокричала:

— Макс! Элли! Идите назад! Пожалуйста, назад.

Глава 18
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Элли не упала в обморок и не начала биться в истерике. После первого непроизвольного крика следующими ее словами были:

— Прости, Макс, это я виновата.

Говорила она прямо ему в ухо, так туго стягивали их липкие веревки.

— Сейчас я их скину! — сказал Макс, изо всех сил пытаясь вырваться.

— Не дергайся, — спокойно ответила ему Элли. — Так они только сильнее затягиваются. Лучше попробовать как-нибудь уговорить этих лошадей, чтобы они нас отпустили.

И правда, чем сильнее он напрягался, тем крепче держали их змееподобные путы.

— Не надо, — взмолилась Элли, — ты только хуже делаешь. Мне больно.

Макс сдался.

Большой кентавр подскакал совсем близко и внимательно их оглядел. С малого расстояния его широкое, глуповатое лицо выглядело еще смехотворнее: большие карие глаза глядели

на людей с выражением легкого удивления. С другой стороны подошел жеребенок, он любознательно обнюхал их и тоненько заблеял. Взрослый кентавр издал трубный звук, похожий на крик оленя; жеребенок отскочил в сторону, а потом прямиком понесся к остальному стаду.

— Не бойся, — прошептала Элли, — думаю, они просто испугались, что мы что-нибудь сделаем маленькому. Может, они просто осмотрят нас со всех сторон, а потом отпустят.

— Может и так. Только жаль, что я не могу добраться до своего ножа.

— И слава богу, что не можешь. Тут нужна дипломатия.

Подошло остальное стадо. Кентавры топтались вокруг связанных Макса и Элли, осматривали их, переговариваясь между собой криками, в которых сочетались трубные звуки, взвизгивания и что-то среднее между кашлем и фырканием. Макс прислушался.

— Это язык, — решил он.

— Да уж ясно. Жаль только, что ему не обучали у мисс Мимси.

Самый большой кентавр наклонился и погладил путы, обвивавшие Макса и Элли. Веревки чуть расслабились, однако продолжали надежно

их удерживать.

— Кажется, они собираются нас развязать, — отрывисто сказал Макс. — Приготовься сразу бежать.

— Есть, капитан.

Другой кентавр залез в свой карман и вытащил оттуда еще одну из этих веревкоподобных штук. Он опустился на одно переднее колено и хлестнул кончиком «веревки» таким образом, что она обвилась вокруг лодыжки Макса. Кончик этот сам спаялся в петлю, которая держала Макса не хуже, чем если бы ее завязали булинем. С Элли сделали то же самое. После этого самый большой кентавр похлопал по их путам, те расслабились и упали на землю, слегка извиваясь. Он подобрал их и сунул в свою сумку. Привязавший их кентавр обернул другие концы поводков вокруг вертикальной части своего туловища. Они сразу же спаялись в сплошные петли. Обменявшись несколькими трубными звуками с вожаком, кентавр похлопал по поводкам, те вытянулись, как сделанные из жевательной резинки, до длины в добрые двадцать футов, сделавшись при этом значительно тоньше. Макс тайком передал свой нож Элли и сказал:

— Попробуй отрезаться. Если получится, беги

со всех сил, а я попробую их задержать.

— Нет, Макс.

— Да! Какого черта, кончай эти детские штучки. Ты и так уже наделала достаточно дел.

— Да, Макс.

Она взяла нож и попыталась перерезать странную веревку в районе своей лодыжки. Кентавры и не пробовали ей помешать, только смотрели с тем же слегка удивленным видом. Было похоже, что они в жизни не видели ножа, не имели ни малейшего представления о том, что это такое. Через некоторое время Элли бросила свои попытки.

— Никакого толку, Макс. Это все равно что резать сталь.

— Чего это, у меня же этот нож всегда как бритва. Дай-ка я попробую.

Максу повезло не больше. Прекратить попытки его заставило в конце концов то, что стадо двинулось — или иди, или тебя потащат. Он сумел закрыть нож, прыгая на одной ноге, чтобы не упасть. Группа сначала пошла тихим шагом, затем вожак протрубил, и кентавры пошли рысью, совсем как доисторическая кавалерия.

Элли сразу же споткнулась, и ее потащило. Макс сел, сумел ухватиться за свой поводок и

висел на нем, крича:

— Эй, вы! Остановитесь!

Кентавр, привязавший их, остановился и оглянулся на них с почти что извиняющимся выражением лица.

— Слушай, дурак, — сказал Макс. — Мы не можем так быстро. Мы же, в конце концов, не лошади. Говоря это, он одновременно помог Элли подняться на ноги. — Тебе нигде не больно?

— Вроде нет. — Она сморгнула с глаз слезы. — А вот если я смогу добраться до этого придурочного травяного мешка, ему-то уж будет больно, и очень.

— Ты ободрала руку.

— От этого я не помру. Ты только скажи им, чтобы они помедленнее, скажешь?

Увидев, что они опять встали на ноги, чудовище сразу же рвануло рысью. И сразу же они снова оказались на земле. Макс пытался зацепиться за что-нибудь, чтобы остановить кентавра. На этот раз вожак прискакал к ним, оставив стадо, и поговорил с их конвоиром. Макс принял участие в беседе, страстностью речей своих компенсируя пробелы в знании языка.

Возможно, он и вправду сумел им что-то объяснить; в дальнейшем конвоир перешел на

быструю ходьбу, дав стаду далеко обогнать их. Еще один кентавр отстал и являл собой арьергард. Один из живых пузырей, которые все это время парили над стадом, тоже отстал и парил теперь над пленниками.

Скорость движения была терпимой, но на пределе — нечто среднее между быстрой ходьбой и бегом трусцой.

Путь пролегал поперек широкой, открытой долины, поросшей густой, достигавшей колена травой. Трава эта несколько спасала Макса и Элли, так как тащивший их кентавр придерживался, видимо, мнения, что одно-два падения на несколько сотен ярдов пути как раз и обеспечивают максимальную эффективность. Он ни разу не выказал нетерпения, всегда сразу останавливался и давал им подняться, но всегда сразу же снова пускался в путь шагом, чересчур быстрым для людей. Макс и Элли быстро перестали переговариваться, горла у них пересохли и горели от отчаянных стараний не отставать. По дну долины петлял ручеек, кентавр с легкостью перепрыгнул его. Людям пришлось переходить вброд. Элли остановилась посреди потока, нагнулась и начала из него пить.

— Элли, не пей этого, — запротестовал Макс. —

Ты же не знаешь, вдруг это опасно?

— Вот и хорошо, если вода ядовитая, я тогда смогу лечь и умереть. Макс, я больше не могу.

— Выше нос, мы отсюда выберемся. Я все запомнил, где мы шли. Он помедлил и — жажда мучила его не меньше — тоже напился.

Кентавр ждал, пока они пили, потом потянул их дальше.

Дальше — это было вверх по поросшему лесом противоположному склону долины. Им раньше казалось, что они вымотаны до последней степени. Они ошибались. Кентавр был резв, как козочка, и, похоже, удивлялся, что им трудно. В конце концов Элли свалилась в полном изнеможении и не могла больше подняться; кентавр вернулся, подошел к ней и грубо пошевелит ее копытом с тремя пальцами.

Макс ударил его сразу обоими кулаками. Кентавр не сделал ни малейшей попытки дать ему сдачи, а только глядел на него с прежним идиотским изумлением. Подошел арьергардный кентавр, парочка посовещалась. После этого они сделали передышку минут на десять. Макс сел рядом с Элли и озабоченно спросил:

— Ну как, тебе полегче?

— Не надо говорить.

Минут через десять задний охранник втиснулся между ними и отогнал Макса, напирая на него. Тем временем другой кентавр подергал поводок Элли. Тот сократился, и Элли пришлось с трудом подняться на ноги. В дальнейшем кентавры еще дважды давали им передохнуть. После того, что показалось Максу и Элли вечностью, когда солнце висело уже низко над горизонтом, они вышли на густо поросшее лесом плато. Тут они прошли (Макс считал шаги) с милю, хотя по ощущениям это было больше похоже на десять. Потом остановились.

Макс и Элли оказались на поляне, густо усыпанной опавшими иглами деревьев. Задний охранник подошел к конвоиру, взял у него конец поводка, к которому был привязан Макс, и захлестнул его вокруг комля дерева; поводок сразу прилип. Другой кентавр сделал то же самое с поводком Элли, но дерево выбрал футов на сорок в сторону. Проделав это, они грубо погнали Макса и Элли друг к другу, время от времени останавливаясь и поглаживая поводки, пока те не стали совсем тонкими. В конечном итоге Макс и Элли могли сойтись и даже пройти друг мимо друга.

Похоже, что это не понравилось кентаврам. Один из них переместил конец поводка Макса

дальше внутрь кустов, окружавших поляну, при этом оттащив его. На этот раз они не могли подойти друг к другу ближе чем на шесть футов.

— Что это они делают? — спросила Элли.

— Похоже, не хотят, чтобы мы могли объединить усилия.

Покончив с этим делом, кентавры ускакали. Элли поглядела им вслед, начала всхлипывать, а потом расплакалась, уже не сдерживаясь. Слезы катились по ее грязному лицу, оставляя на нем бороздки.

— Прекрати это, — жестко сказал Макс, — хныканье нам не поможет.

— Я не могу с собой ничего поделать, — почти прокричала она. — Я была храброй весь этот день, по крайней мере старалась быть. Я… — Она упала ничком и в голос заревела.

Распластавшись на земле и вытянувшись, насколько мог, Макс только-только смог дотянуться до головы Элли. Он погладил ее свалявшиеся волосы.

— Ничего, девочка, — тихо сказал он, — поплачь, если это тебе хоть немного поможет.

— Макси, Макси! Привязана… как собака.

— Вот это мы сейчас и попробуем рассмотреть. — Он сел и начал обследовать свой поводок.

Чем бы ни была эта веревкообразная штука, уж веревкой-то она точно не была. Своей гладкой, блестящей поверхностью она скорее напоминала змею, хотя конец ее, обвивавшийся вокруг Максовой лодыжки, не имел никаких различимых черт. Она просто сливалась сама с собой, образуя петлю. Макс поднял часть поводка и почувствовал в нем легкое биение, вроде пульса. Он погладил «веревку», как это делали у него на глазах кентавры, и та ответила ему потоком пульсаций, не делаясь, однако, при этом ни короче, ни длиннее и не ослабляя хватки.

— Элли, — объявил он, — да ведь эта штука живая.

Она подняла тоскливое лицо.

— Какая штука?

— Да эта веревка.

— А, эта! Конечно.

— В крайнем случае, — продолжал Макс, — если уж она и не живая, то не совсем и мертвая. — Он снова испытал на ней свой нож и снова без малейшего успеха. — Вот точно, будь у меня спички, она бы закричала у меня «мамочка». Элли, у тебя нет зажигалки?

— Я не курю.

— Я вот тоже. Что ж, может быть, мы сумеем

добыть огонь каким-нибудь другим способом. Трением двух палок или еще как-нибудь.

— Ты умеешь это делать?

— Нет. — Он продолжал поглаживать и похлопывать живую веревку, но, хотя каждый раз были ответные пульсации, прикосновение его, видимо, было каким-то не таким; с поводком не происходило ничего. Он был погружен в это бесплодное занятие, когда услыхал свое имя.

— Макс! Элли!

Элли резко села.

— Чипси! О, Макс, она бежала за нами. Иди сюда, радость моя.

Чипси сидела на дереве, высоко над ними. Она внимательно оглядела все вокруг, а затем поспешила вниз, причем последние десять футов покрыла одним прыжком прямо в объятия Элли. Они пообнимались, раздались чмокающие звуки, затем Элли выпрямилась, глаза ее сияли.

— Макс, мне стало настолько лучше!

— И мне тоже, — добавил он, — хотя я и не знаю, чего ради.

Паукообразный щенок очень серьезно объявил:

— Чипси следовать.

Макс вытянул руку и погладил ее.

— Да, Чипси следовала. Хорошая Чипси.

Элли сжала Чипси в объятиях.

— Я не чувствую теперь себя брошенной, Макс. Может, все еще и кончится хорошо.

— Слушай, Элли, мы еще не в таком плохом положении. Может, я сумею найти комбинацию, как пощекотать эту веревку, или змею, или что она там такое, чтобы она отпустила. Если у меня это получится, мы проберемся назад уже сегодня.

— А как мы найдем путь?

— Об этом уж не беспокойся. Я запомнил каждый фут дороги, каждый поворот, каждый ориентир.

— И в темноте найдешь?

— А в темноте еще легче. Я знаю эти звезды — по должности полагается. А если даже не сумеем освободиться, это тоже еще не конец.

— А что же? Мне не очень хочется провести остаток своей жизни привязанной за ногу к дереву.

— А ты хотела бы за руку? Слушай, я думаю, что мы этим тварям просто любопытны. Они нас не съедят — это уж точно, они, вероятно, едят траву. Может быть, мы им наскучим, и они нас отпустят. А если уж они этого не сделают — им же хуже.

— Из-за чего это?

— Из-за мистера Вальтера, Джорджа Дайглера и Сэма, Сэма Андерсона, — вот из-за чего. Они, наверное, прямо сейчас обшаривают все кусты в поисках нас. Мы прошли меньше десяти миль от корабля — или пять по прямой. Они нас найдут. А тогда уж, если эти кентавры с идиотскими мордами попробуют показать свою силу, они узнают кое-что про современное оружие. И они, и эти их веревки.

— Чтобы найти нас, может потребоваться много времени. Никто не знает, куда мы ушли.

— Да, — согласился Макс. — Если бы только у меня была в кармане рация. Или что-нибудь, чем подать сигнал. Или хотя бы с помощью чего развести костер. Но ничего этого нет.

— Я и представить себе такого не могла. Казалось, что это все равно что прогуляться по парку.

Макс мрачно подумал, что он пытался ее предупредить. Даже родные арканзасские холмы, хоженые-перехоженые, не являются полностью безопасными, особенно если ворон считать. Можно нарваться на злую матерую рысь, даже на медведя. А Элдрет никогда не били достаточно сильно, чтобы вбить в нее хоть немного здравого смысла, вот в чем беда.

Подумав, он признался себе, что и сам не ожидал ничего плохого от существ с такой безобидной и простоватой внешностью, как эти кентавры. И в любом случае, как сказал бы Сэм, нет смысла плакать над разлитым молоком, когда лошадь уже украли.

— Элли.

— Что?

— Как ты думаешь, Чипси сумеет найти дорогу домой?

— Не знаю, а что?

— Если она сумеет, мы сможем передать с ней сообщение.

Чипси оживилась.

— Домой? — вопросила она. — Пожалуйста, домой. Идем домой.

Элли нахмурилась.

— Боюсь, что Чипси не настолько хорошо говорит. Она будет только икать и нести всякую несуразицу.

— Я не это имел в виду. Я понимаю, что Чипси не гигант интеллекта. Я…

— Чипси умная!

— Конечно, конечно. Но я хочу послать записку и карту. — Он покопался в кармане и вытащил ручку. — У тебя найдется бумага?

— Посмотрю. — Она нашла в кармане комбинезона сложенный листок бумаги. — Ой, господи! Мне же надо было отнести это мистеру Джордана. Мистер Хорнби очень на меня рассердится.

— А что это такое?

— Заявка на проволоку десятого артикула.

— Теперь все это не важно.

Он взял бумажку, зачеркнул текст заявки, перевернул ее и начал рисовать, иногда останавливаясь, чтобы уточнить по картинам, отпечатанным в его мозгу, расстояния, контуры, положение солнца и прочие детали.

— Макс?

— Помолчи, если можешь.

Он продолжал рисовать. Окончив, он написал:

«СРОЧНО — первому помощнику Вальтеру. Элдрет Кобурн и я захвачены кентаврами. Осторожно, берегитесь их метательных веревок. С уважением, М. Джонс». Он протянул записку Элли.

— Этого будет достаточно. Можно как-нибудь прицепить записку к Чипси? Мне не хотелось бы, чтобы она ее потеряла.

— М-м… Дай подумаю. Отвернись, Макс.

— Зачем?

— Затем. Отвернись.

Макс послушался, и через несколько секунд Элли сказала:

— Ну вот, все.

Он повернулся к ней, и она протянула ему ленточку.

— Это подойдет?

— Отлично, то самое!

Они сумели обвязать ленточку, к которой была тщательно прикреплена сложенная в несколько раз записка, вокруг талии мистера Чипса, дополнительно прикрепив ее к одной из средних лапок. Задача была не из простых, так как Чипси, похоже, воспринимала все это как игру и к тому же очень боялась щекотки.

— Ну вот. Чипси, кончай корчиться и послушай. Элли хочет, чтобы ты пошла домой.

— Домой?

— Да, домой. Иди назад на корабль.

— Элли идти домой?

— Элли не может идти домой.

— Нет.

— Лапочка, ты должна пойти домой.

— Нет.

— Послушай, Чипси. Ты найдешь Мэгги и скажешь ей, что Элли просила ее дать тебе конфет. Ты отдашь Мэгги это. — Она подергала за привя-

занную записку.

— Конфета?

— Иди домой. Найди Мэгги. Мэгги даст тебе конфету.

— Элли идти домой.

— Пожалуйста, Чипси.

— Элли, — вдруг произнес Макс, — кто-то идет.

Элли подняла глаза и увидела среди деревьев приближающегося кентавра.

— Слушай, Чипси! Они идут! Они поймают Чипси! Иди домой! Беги!

Чипси завизжала от ужаса и понеслась к деревьям. Вскарабкавшись на ветку, она оглянулась и захныкала.

— Иди домой! — прокричала Элли. — Найди Мэгги!

Мистер Чипс бросила взгляд на кентавра и исчезла из виду. У них не оставалось времени для тревожных раздумий, кентавр был почти рядом. Он взглянул на них и прошел мимо, но то, что следовало за ним, полностью приковало внимание Элли и Макса. Элли едва не закричала: «Макс! Они поймали всех».

— Нет, — мрачно поправил он, — погляди получше.

Из-за сгущавшегося мрака он сначала тоже

ошибся; ему показалось, что за кентавром колонной по одному следовали астронавты, связанные лодыжка к лодыжке живыми веревками. Но так казалось только с первого взгляда. Эти существа очень походили на людей, они были более чем гуманоидами, но такие деградировавшие твари никак не могли странствовать между звездами.

Пленники шли быстро, как хорошо обученные животные. Одно или два из них взглянули, проходя мимо, на Элли и Макса, но взгляды их были тупыми и потухшими. Маленькие дети без привязи шли рядом со своими мамами, а один раз Макс с крайним удивлением заметил крохотную сморщенную головку, выглядывавшую из сумки, — эти человекообразные существа тоже были сумчатыми.

Макс с трудом сдержал тошноту и, когда процессия исчезла из виду, повернулся к Элли.

— Господи!

— Макс, — хрипло сказала Элли, — как ты думаешь, мы уже умерли и претерпеваем воздаяние за свои грехи?

— Чего? Не говори глупостей, и без того все достаточно паршиво.

— Да я серьезно. Это же прямо какая-то сцена из Дантова «Ада».

Макс все время сглатывал комки, стоявшие в горле, и был далек от хорошего расположения духа.

— Знаешь, если уж тебе так хочется, можешь считать себя мертвой. Но я лично — живой и намерен им остаться. Эти твари — не люди, пусть все это так тебя не расстраивает.

— Но это же и вправду были люди. Мужчины, женщины и дети.

— Нет, не были. Иметь форму вроде нашей — еще не значит быть человеком. Быть человеком — это нечто совершенно другое. — Он нахмурился. — Вполне возможно, что «людьми» являются как раз кентавры.

— Да не может…

— А ты не будь так уж уверена. Они, похоже, всем здесь заправляют.

Спор был прерван приходом еще одного кентавра. Уже почти совсем стемнело, и Макс с Элли не заметили его, пока он не вышел на поляну. За ним следовали трое — Макс решил называть их людьми, хотя делать это было неприятно, — следовали трое людей. Они были без привязи. У всех троих была поклажа. Кентавр что-то сказал им, они разложили принесенное.

Один из троих поставил между Максом и Элли

большую глиняную миску, наполненную водой. Это был первый артефакт, увиденный на этой планете кем-либо из людей. Миска не говорила о высоком уровне технической культуры. Грубая по форме, она очевиднейшим образом не была знакома с гончарным кругом; налить воду в нее было можно, но ничего интересного она из себя не представляла. Второй носильщик сбросил рядом с миской две охапки мелких фруктов. Пара плодов шлепнулась в миску, выуживать их оттуда он не стал.

Максу пришлось долго приглядываться, пока он разобрал, что принес третий раб. Выглядело это так, словно к каждой из его рук было привязано по три больших яйцеобразных мяча. Присмотревшись, Макс понял, что это — животные размером с опоссумов, которых он нес за хвосты. «Человек» обошел поляну, иногда останавливаясь и поднимая одного из животных к низко висящей ветке. Когда он закончил, поляна была окружена шестью мелкими существами, висящими на хвостах. Кентавр прошел по кругу вслед за рабом; Макс видел, как он погладил каждое из животных и нажал на какую-то точку вблизи его шеи. И каждый раз все тело мелкой твари начинало светиться серебристым светом,

подобным свечению светляка.

Теперь поляна была освещена ровным, мягким светом. «Достаточно ярко, — подумал Макс, — чтобы читать крупный шрифт». Один из пузырей беззвучно проплыл между деревьями и прицепился прямо над ними к ветке на высоте футов в тридцать; похоже, он устроился здесь на всю ночь.

Кентавр подошел к Максу и, вопросительно пофыркав, толкнул его копытом. Макс старательно вслушался, а потом попытался повторить звуки. Кентавр ответил, и Макс снова повторил. Этот бессмысленный разговор продолжался еще некоторое время, после чего кентавр удалился, сопровождаемый членами своей свиты.

Элли поежилась.

— Ох! — воскликнула она. — Хорошо, что они убрались. Кентавров я еще могу как-то выдержать, но эти самые люди… жуть!

Он разделял ее отвращение. С близкого расстояния эти существа меньше походили на людей, их волосяной покров начинался там, где полагалось бы находиться бровям. Черепа у них были такими низкими и плоскими, что кончики ушей торчали выше макушек. Но не это произвело на Макса самое сильное впечатление. Когда кентавр

заговорил с Максом, тот впервые сумел хорошенько рассмотреть внутренность его рта. Эти зубы ни в коем случае не предназначались для пережевывания зерна или травы, они больше походили на клыки тигра — или акулы.

Он решил не говорить об этом Элли.

— Слушай, а это был не тот кентавр, который командовал стадом, когда нас поймали?

— Откуда я знаю? Они все одинаковые.

— Да совсем они не одинаковые, не больше чем одинаковы две лошади.

— Лошади все выглядят одинаково.

— Но… — Он смолк, ошарашенный городской точкой зрения, спорить с которой было бесполезно. — Я лично думаю — это тот самый.

— Не вижу, какое это имеет значение.

— Может и иметь. Я же пробую научиться их языку.

— Слышала я, как ты издавал эти жуткие звуки. И как это у тебя получается?

— Очень просто, просто запоминаешь, на что похож звук, а потом его воспроизводишь. — Макс закинул голову и издал жалкий визг.

— А это что такое?

— Собака застряла в заборе. Маленькая собачка по имени Абнер, которая у меня когда-то жила.

— Звучит трагично.

— Так оно и было, пока я его оттуда не вытащил. Элли, я так понимаю, что они дали нам корм и оставили на ночлег. — Он указан на миску и фрукты рядом с ней. — Так свиней кормят.

— Ну зачем уж так. Гостиничный номер. Номер, и горничная, и освещение. Пища и напитки. — Элли подобрала один из фруктов. Размером и формой он напоминал огурец. — Как ты думаешь, это можно есть?

— Не думаю, что тебе стоит это пробовать, Элли. Пожалуй, было бы разумно не есть и не пить ничего, пока нас не найдут и не спасут.

— Ну, может быть, мы и сможем продержаться без пищи, но без воды-то не обойтись точно. Мы умрем через день-другой.

— Но, может, нас найдут еще до наступления утра.

— Может, и так. — Она сняла кожуру с фрукта. — Пахнет хорошо. Похоже на банан.

Он тоже очистил плод и понюхал его.

— Скорее на папайю.

— Ну и что?

— М-м… слушай, я съем одну штуку. Если со мной все будет в порядке, через полчаса ты тоже попробуй.

— Да, капитан. — Она впилась зубами в свой фрукт.

— Осторожнее, семечки.

— Элли, ты малолетняя правонарушительница.

Она наморщила носик и разулыбалась.

— Ты заговорил комплиментами! Я стараюсь быть такой.

Макс тоже откусил кусочек. Неплохо — аромата поменьше, чем у папайи, но совсем неплохо. Через несколько минут он сказал:

— Может, оставить немного на завтрак?

— Ладно. И вообще я уже объелась. — Элли наклонилась и попила из миски. Не говоря друг другу ни слова, они пришли к общему выводу, что после такой перенасыщенной еды придется рискнуть и с водой. — Ну вот, теперь как-то получше. По крайней мере, теперь можно умереть с удобствами. Макс? Как ты думаешь, можем мы рискнуть поспать? Я больше не могу.

— Думаю, ночью они больше сюда не заявятся. Ты спи, а я посижу.

— Нет, так несправедливо. Честно, ну какой смысл держать караул? Мы же все равно не сможем убежать.

— Ну… вот, возьми мой нож. Ты можешь спать,

не выпуская его из рук.

— Ладно. — Она протянула руку над миской и взяла нож. — Спокойной ночи. Макс. Я буду считать овец.

— Спокойной ночи. — Он вытянулся, поерзал, вытащил из-под себя шишку и попытался расслабиться. Усталость и полный желудок сильно этому помогали, однако мысль о том, в какую историю они влипли, не давала покоя. И этот пузырь, висевший над ними. Может, именно он и стоял в карауле — но не для их пользы.

— Макс, ты спишь?

— Нет, Элли.

— Возьми меня за руку. Я боюсь.

— Мне не дотянуться.

— Дотянешься. Повернись в другую сторону.

Макс так и сделал, и оказалось, что он может, закинув руку через голову, дотянуться до ее руки.

— Спасибо, Макс. Еще раз спокойной ночи.

Он лежал на спине и смотрел между деревьями. Несмотря на свет, испускаемый светящимися тварями, были видны звезды и многочисленные метеоры, бороздившие небо. Чтобы перестать думать, он начал их считать. В какой-то момент они начали взрываться у него в голове. Тогда он заснул.

Разбудили их лучи солнца, прорвавшиеся между деревьев. Макс поднял голову.

— Я вот тут размышляла, сколько ты еще будешь спать, — заявила Элдрет. — Посмотри, кто к нам пришел.

Он сел, морщась от боли при каждом движении, и повернулся. Мистер Чипс сидела на пояснице Элли и чистила один из похожих на папайю фруктов.

— Привет, Макси.

— Привет, Чипси. — Он заметил, что записка все еще висит на ней. — Плохая девочка.

Мистер Чипс повернулась за утешением к Элли. Из ее глаз покатились слезы.

— Нет, нет, — поправила Элли. — Хорошая девочка. Она мне обещала пойти искать Мэгги, как только позавтракает. Ты же обещала, Чипси?

— Пойти искать Мэгги, — подтвердила та.

— Не ругай ее, Макс, она не виновата. У себя дома паукообразные собаки не ведут ночного образа жизни. Она просто подождала, пока мы успокоимся, и тогда вернулась. Она не могла иначе. Я обнаружила ее спящей у себя на руке.

Чипси покончила с едой, затем от души попила из миски. Макс решил, что в этом нет ничего страшного, особенно если учесть, кто еще мог

пользоваться миской до них. Эту мысль он быстренько нагнал из головы.

— Искать Мэгги, — объявила Мистер Чипс.

— Да, лапочка. Возвращайся прямо на корабль как можешь скорее и найди Мэгги. Поспеши.

— Найди Мэгги. Спеши быстро. Пока, Макс. — Чипси со всех ног пустилась в нужном направлении.

— Ты думаешь, она туда доберется? — спросил Макс.

— Думаю, доберется. В конце концов, ее предки находили дорогу в лесу, и в течение стольких поколений. Она знает, что это важно, мы с ней имели длинный разговор.

— Ты и вправду думаешь, что она так много понимает?

— Она понимает, что именно доставляет удовольствие мне, а этого достаточно. Макс, как ты думаешь, смогут они найти нас сегодня? Я не хочу проводить здесь еще одну ночь.

— А кто же хочет! Если Чипси может двигаться быстрее, чем мы.

— Конечно, конечно, может.

— Тогда — возможно. Если не будут долго собираться.

— Я на это надеюсь. Готов к завтраку?

— А что, Чипси что-нибудь оставила?

— По три штуки на нос. Я свои съела. Вот.

— Ты же врешь! Ведь когда мы ложились спать, было только пять. — Элли смущенно отвела глаза и позволила ему поделить пополам третий плод. Потом он вдруг заметил происшедшее изменение. — Слушай, а что случилось с этими светляками-переростками?

— А, одна из этих жутких тварей пришла рано утром и унесла их. Я уже собиралась заорать, но он не подходил слишком близко, так что не пришлось тебя будить.

— Спасибо. А наш надзиратель, я вижу, нас не покидает. — Пузырь по-прежнему висел у верхушек деревьев.

— Да, вокруг тут все утро шпионы высовывались.

— Ты сумела рассмотреть их?

— Конечно, нет. — Элли встала, потянулась и поморщилась. — Ну, а теперь посмотрим, какие прекрасные неожиданности принесет этот ласковый летний денек. — Она состроила кислую физиономию. — Программа, которую я предпочла бы, состоит в том, чтобы сидеть здесь и не видеть никого, пока не появится Джордж Дайглер с дюжиной вооруженных мужчин. Я бы его

расцеловала. Я бы расцеловала всех по очереди.

— И я тоже.

До полудня, и даже дольше, отклонений от программы, выбранной Элдрет, не было; ничего не происходило. Иногда, правда, они слышали трубные звуки и фырканье кентавров, но ни один не появлялся. Беседовали они о каких-то случайных вещах, устав как надеяться, так и бояться. Они дремали на солнышке, когда неожиданно поняли, что на поляну выходит кентавр.

Макс был совершенно уверен, что это — вожак стада, и уж во всяком случае — тот, который кормил и поил их. Тварь не стала зря терять времени и с помощью толчков и пинков объяснила им, что они должны дать себя привязать для того, чтобы куда-то идти.

Они ни на секунду не были свободны от живых веревок. Макс подумывал о том, чтобы напасть на кентавра, прыгнув к нему на шею и перерезав глотку. Однако было крайне сомнительно, что удастся проделать это достаточно тихо; одно-единственное фырканье могло привести сюда все стадо. И кроме того, он не знал, как освободиться от пут, даже убив кентавра. Лучше уж подождать — особенно когда послали гонца за помощью.

Кентавр вел их — а иногда, когда они падали,

тащил — по той же тропе, по которой шла вчера группа рабов. Становилось ясно, что они входят в большое поселение. Тропинка влилась в извилистую, хорошо ухоженную дорогу, по которой то в одну, то в другую сторону проходили кентавры и от которой ответвлялись многочисленные более маленькие дорожки. Не было видно ни строений, ни других внешних признаков цивилизации, однако чувствовался дух организованности, обычаев и стабильности. Маленькие кентавры бегали вокруг; когда они оказывались на пути, им что-то говорили и они убирались. По обеим сторонам дороги шла разнообразная деятельность, и гротескного вида человекообразные рабы встречались почти так же часто, как и кентавры; они что-то переносили, выполняли какие-то непонятные работы — одни привязанные живыми веревками, другие без привязи. Макс и Элли не могли рассмотреть все получше из-за слишком большой скорости, с которой им приходилось идти.

Один раз Макс заметил на своей стороне дороги одну любопытную вещь, которую ему хотелось бы рассмотреть получше. Он не стал говорить об этом Элли, и не только потому, что говорить на ходу было очень трудно, но и потому, что не

хотел лишний раз ее беспокоить, — но на его взгляд это сильно напоминало мясной магазин на открытом воздухе. Подвешенные туши не принадлежали кентаврам.

В конце концов они остановились на очень большой поляне, на которой толпилось множество кентавров. «Хозяин» похлопал привязывавшие их веревки, те укоротились, в результате чего Макс и Элли оказались совсем рядом с ним. Тогда он занял место в очереди. Крупный, поседевший и, по-видимому, престарелый кентавр вершил суд на одной из сторон «площади». Он стоял со спокойным достоинством, а тем временем перед ним проходили отдельные кентавры и их группы. Макс наблюдал за происходящим с таким большим интересом, что почти позабыл о своих страхах. Каждое дело вызывало длительное обсуждение, затем главный кентавр произносил одно слово, и с делом было покончено. Те, чье дело разбиралось, спокойно отходили. Неизбежно возникал вывод, что здесь толковались законы либо обычаи и большой кентавр был арбитром.

На этой поляне не было видно пародий на человека, но под ногами шныряли странные твари, вроде расплющенных свиней. Ноги у них были такие короткие, что напоминали, скорее,

тракторные гусеницы. Состояли они по большей части изо рта, зубов и принюхивающегося носа, и что бы ни попалось им по дороге, если только это не было копыто кентавра, они пожирали. Наблюдая за ними, Макс понял, каким образом все вокруг, при таком количестве населения, поддерживается в полной чистоте: эти стервятники были живыми уборочными машинами.

Очередь шла, и их хозяин постепенно продвигался к ее голове. Последнее перед ними дело было связано с кентавром, здоровье которого было единственным в своем роде. Он был стар и тощ, шерсть его была тусклой, кости жалко выпирали сквозь шкуру. Один его глаз был слеп, покрыт белым бельмом, а другой воспален и сочился густым гноем.

Судья, мэр, главный вожак стада или кто уж он там был, обсудил дело с двумя молодыми здоровыми кентаврами, сопровождавшими больного, почти как сестры милосердия. Затем главный кентавр сошел со своего почетного места и обошел больного, осматривая его со всех сторон. Затем он заговорил с ним.

Больной старик ответил тихо, единственным фыркающим словом. Главный кентавр заговорил снова и получил, как показалось Максу, тот же

самый ответ. Вожак вернулся на свое прежнее место и испустил странный визжащий звук.

Со всех сторон стали стекаться плоские стервятники. Десятки их собрались вокруг больного и его сопроводителей, образовав собою сопящее, похрюкивающее кольцо. Вожак издал резкий трубный звук; один из сопроводителей залез в свою сумку и извлек наружу скрутившееся в клубок существо. Он погладил его, и существо развернулось. На взгляд Макса, вид у него был малоприятный, как у угря.

Сопроводитель протянул эту тварь по направлению к больному. Тот не сделал ни малейшего движения, чтобы помешать, только глядел своим единственным зрячим глазом. Голова змееобразной твари ткнулась в шею больного кентавра; тот дернулся, как от электрического удара, и упал.

Вожак фыркнул один раз, и стервятники стремительно бросились вперед, собрались вокруг трупа и совсем закрыли его собой. Когда они, продолжая сопеть, разошлись, не осталось даже костей.

— Спокойно, Элли! — тихо сказал Макс. — Держи себя в руках, малышка.

— Я ничего, — ответила она, еле шевеля губами.

Глава 19
ДРУГ ПОЗНАЕТСЯ В БЕДЕ

Впервые за все это время их спустили с привязи. «Хозяин» пощекотал поводки, и они упали с лодыжек Макса и Элли. Макс тихо сказал:

— Если ты хочешь попробовать — беги со всех сил. А я их займу чем-нибудь.

Элли покачала головой.

— Бесполезно. Они меня сцапают, не дав пробежать и пятидесяти футов. Кроме того, я не найду обратного пути.

Макс замолчал. Он понимал, что Элли права, но считал своей обязанностью сделать ей это предложение. Главный кентавр осмотрел их с тем же характерным выражением тихого удивления, переговариваясь при этом трубными звуками с «хозяином». Они оставались предметом обсуждения в течение некоторого времени; видимо, что-то требовало решения. Макс вытащил нож. У него не было никаких планов, только решимость, что ни один кентавр не подойдет к ним с этой электрошоковой тварью или чем-либо еще, являющим угрозу, не столкнувшись с сопротив-

лением.

Но все окончилось тихо. «Хозяин» захлестнул поводки у них на лодыжках и оттащил их прочь. Через пятнадцать минут они снова были привязаны на прежней поляне. После ухода кентавра Элли оглянулась вокруг и тяжело вздохнула.

— Каким бы жалким все это ни было… Макс, а ведь действительно очень отрадно снова оказаться здесь.

— Я тоже так думаю.

Монотонность последующих дней разнообразили только постепенно угасающая надежда и нарастающее отчаяние. К ним не относились плохо, они были просто домашними животными — их кормили, поили и почти совсем игнорировали. Раз в день им давали воду и уйму местной папайи. После первой ночи они были лишены роскоши «искусственного освещения», и пузырь не висел больше над их поляной. Но бежать было невозможно — разве что отгрызть себе ногу и уползти куда-нибудь.

Первые два-три дня Макс и Элли обсуждали возможность того, что им придут на помощь, со все возраставшей озабоченностью, потом, исчерпав эту тему, они оставили ее; такие разговоры лишь вгоняли их в еще большую тоску. Элли ста-

ла очень редко улыбаться и совсем оставила свои легкомысленные разговорчики; было похоже, что до нее, через всю ее броню, дошло наконец, что такое действительно может произойти с Элдрет Кобурн, единственной дочерью богатого и почти всесильного Имперского Наместника Кобурна, — чтобы она стала рабом, имуществом, скотом у тварей, которых и самих-то только в зоопарке показывать.

Макс воспринимал ситуацию немного более философски. Он никогда не имел многого и потому особенно многого и не ожидал — не то чтобы ему все это нравилось. Свой самый большой страх он держал в тайне. Элли определяла их положение как «зверей в зоопарке», так как чаще всего к ним прибегали маленькие кентавры, фыркавшие и блеявшие, рассматривая их с любопытством, которого не проявляли старшие. Макс не спорил с таким определением, так как думал, что статус их гораздо печальнее — он подозревал, что их откармливают, чтобы потом съесть.

Примерно через неделю после их пленения Элдрет отказалась от завтрака и промолчала все утро. Любые попытки Макса заговорить вызывали лишь односложные ответы. Не придумав ничего лучшего, в отчаянии, он сказал:

— А спорим, я побью тебя в трехмерные, дав фору в два звездных корабля.

Это ее несколько завело.

— Ты и кто еще? — презрительно спросила она. — Не в одиночку же ты свершишь такой подвиг? И чем играть?

— Ну, можно играть в голове — ты же знаешь, вслепую.

Элли покачала головой.

— Так не пойдет. Ты ведь всегда говоришь, что у тебя память лучше, и мне будет не доказать, что ты жульничаешь.

— Мерзкая, вредная малолетняя девица.

Неожиданно она расплылась в улыбке.

— Вот так-то будет лучше. Последнее время ты со мной что-то слишком нежен и внимателен — это вгоняет в тоску. Макс, а мы можем сделать шахматы.

— Каким образом?

— А вот из этих штук. — Она подобрала одну из шишек, в изобилии валявшихся по всей поляне. — Большая будет флагманом. Мы можем подобрать их разных размеров, отламывать чешуйки и всякое такое.

Мысль заинтересовала их обоих. Миску с водой отодвинули в сторону, так что она не занимала

более середины пространства, ограниченного предельной длиной поводков. Ничейную землю тщательно очистили от иголок и расчертили на доски. Доски по необходимости располагались в одной плоскости, нужно было собирать их в куб в уме, но для игроков с хорошим пространственным воображением это совсем не помеха, так часто делали, если играли на простом, не электронном комплекте — чтобы меньше мучиться, переставляя фигуры.

Камешки стали автоматическими кораблями, клочки ткани, привязанные к шишкам, помогали различать, где черные, а где белые и где какая фигура. К середине второй половины дня все было готово. А к тому времени, как наступившая темнота вынудила их бросить это занятие, Макс с Элли все еще играли первую партию. Когда они ложились спать, Макс сказал:

— Пожалуй, я лучше сегодня не буду держать тебя за руку. Так можно в темноте посшибать все фигуры.

— Я не засну без этого — я буду бояться. Да и все равно эта горилла все перевернула на одной из досок, когда меняла воду.

— Это не страшно, я помню, как там все стояло.

— А в таком случае ты сможешь вспомнить и

где стоят остальные. Дай руку.

Он пошарил в темноте и нащупал ее пальцы.

— Спокойной ночи, Макс. Спи крепко.

— Спокойной ночи, Элли.

С этого времени они играли от рассвета до заката. Их владелец пришел однажды во время игры, с час понаблюдал за ними и удалился, не проронив ни слова. Однажды, когда Элли сумела свести партию вничью, Макс сказал:

— Знаешь, Элли, а ты жутко хорошо играешь в эту игру — для девушки.

— Преогромнейшее тебе спасибо.

— Да нет, я же серьезно. Я думаю, что женщины, вероятно, такие же разумные, как и мужчины, но только вот большинство из них никак этого не проявляет. Вероятно, это потому, что такого от них и не требуется. Если девушка хорошенькая, ей совсем и не обязательно думать. Конечно, если она не может полностью положиться на свою внешность, тогда — ну, возьмем вот для примера хоть тебя. Если ты…

— О! Так значит, мистер Джонс, я уродина!

— Да подожди ты секунду. Я же этого не говорил. Давай предположим, что ты прекраснейшая из женщин со времен Елены Троянской. В таком случае ты… — Тут Макс обнаружил, что разго-

варивает с ее спиной. Элли отвернулась от него, обхватила руками колени и полностью его игнорировала.

Он вытянулся изо всех сил, насколько позволял ему поводок, и сумел дотронуться до ее плеча.

— Элли?

Она стряхнула его руку.

— Держись-ка чуть подальше от меня. От тебя воняет, как от старого козла.

— Ну, — рассудительно проговорил Макс, — ты ведь тоже не лилия. И давно не мылась.

— Я прекрасно это знаю, — почти крикнула она и начала всхлипывать. — И мне от этого противно. Мне это совершенно отвратительно. Я выгляжу жутко.

— Нет, для меня ты не выглядишь жутко.

Она повернула к нему очень грязное и все мокрое от слез лицо.

— Врешь ты все.

— Ничего такого страшного, с чем бы не справились вода и кусок мыла.

— Если бы только они у меня были. — Элли посмотрела на него. — Вы и сами не в наилучшей форме, мистер Джонс. Вам крайне необходимо подстричься, а то, какими клочками растет у вас борода, — это просто ужас.

Макс потрогал пальцем щетину на своем подбородке.

— Ничего не могу с этим поделать.

— Вот так же и я. — Она вздохнула. — Расставь тогда фигуры по местам.

После этого Элли побила его в трех партиях подряд. Один раз — поставив ему позорный, идиотский мат. По окончании он тоскливо посмотрел на доски.

— Так это ты — та самая девица, которая прогуляла неправильные дроби?

— Мистер Джонс, а вам никогда не приходило в голову, что женщины иногда предпочитают не казаться чересчур умными, понимая, в каком мире они живут? — Пока Макс пытался переварить такую неожиданную мысль, она добавила: — Этой игре я научилась, сидя на коленях у папы, раньше, чем стала читать. Я была чемпионом Гесперы среди юниоров, пока меня оттуда не похитили. Заходи как-нибудь в гости, я покажу тебе свой кубок.

— Ты что, серьезно? Правда?

— Да я легче обойдусь без еды, чем без игры. Но ты понемногу учишься. Когда-нибудь ты сумеешь оказать мне серьезное сопротивление.

— Наверное, я совсем не понимаю женщин.

— Это еще очень слабо сказано.

Этой ночью Макс долго не мог заснуть. Элли давно уже тихо посапывала, а он все еще продолжал смотреть на сверкающий хвост большой кометы, наблюдать за падающими звездами, думать. И ни одна из его мыслей не была утешительной.

Положение, приходилось признать, выглядело безнадежным. Пусть даже с Чипси ничего не вышло (он и сразу не слишком на нее надеялся), все равно уж за такое количество времени поисковые группы должны были их найти. А раз этого не случилось — нет никаких оснований думать, что их вообще когда-нибудь найдут.

А теперь в довершение всего еще и Элли откровенно его презирала. Он умудрился опять ее обидеть — опять этот его длинный, болтливый язык. Да надо было сказать, что она — самое красивое существо на этом свете, прекраснее Елены Троянской, если только это могло хоть чуть-чуть ее порадовать; в эти дни у бедной девушки так мало причин для радости.

Как не признать, положение пленника, в которое попал Макс, становилось хотя бы немного терпимее от того, что рядом Элли, а что теперь? Оставалось только день за днем проигрывать ей

в 3-шахматы, пока она будет мрачно доказывать, что женщины ничем не хуже мужчин, а еще и лучше. А в конечном итоге оба они пойдут на пропитание твари, которой, если на то пошло, и родиться-то смысла не было. Вот если бы не умер доктор Хендрикс.

Вот если бы он был тверд с Элли в то время, когда все еще могло пойти по-другому.

Вдобавок ко всему он чувствовал, а по временам это было хуже всего остального, что, если он съест еще хоть один из этих проклятых фруктов, тот застрянет у него в глотке и задушит его.

Разбудила его рука, дотронувшаяся до его плеча, и шепот.

— Макс!

— Какого?..

— Тихо. Ни звука.

Над ним склонился Сэм. Сэм!

Макс резко сел, адреналиновый шок сразу вышиб из него весь сон. Он увидел, как Сэм неслышно двинулся к месту, где спала Элли. Он присел около нее на корточки, но не дотронулся до нее.

— Мисс Элдрет, — тихо сказал он.

Элли открыла глаза и уставилась на него. Потом она открыла рот, и Макс с ужасом ждал, что

сейчас она закричит. Сэм поспешно знаком велел ей молчать; она посмотрела на него и утвердительно кивнула. Сэм опустился рядом с ней на колени и стал что-то рассматривать при лунном свете, кружевными узорами ложившемся на землю, потом он вынул бластер. Последовал кратчайший из возможных слабых разрядов, абсолютно беззвучный, и Элли поднялась на ноги — свободная от пут. Сэм вернулся к Максу.

— Не шевелись, — прошептал он. — Не хотелось бы тебя обжечь.

В первый момент после вспышки веревка так стиснула лодыжку Макса, что казалось — нога будет парализована, затем путы свалились. Большая часть веревки судорожно сжалась и рывком убралась куда-то в тень. Макс встал.

— Каким образом…

— Ни слова. Идите за мной.

Сэм направился в кусты, Элли за ним и последний — Макс. Они не прошли и двух десятков ярдов, как раздался плачущий голос:

— Элли! — И Чипси прыгнула в руки Элдрет.

Сэм резко повернулся.

— Заткни ее, — прошептал он, — если хочешь выбраться отсюда живой.

Элли ворошила мех своей крошечной послан-

ницы и что-то ей тихо нашептывала; в конце концов она кое-как затолкала ее себе за пазуху. Все это время Сэм ждал, а теперь, не произнеся ни слова, двинулся дальше.

Они прошли несколько сотен ярдов так бесшумно, как только могут это три человека, считающие, что на карту поставлена их жизнь. Потом Сэм остановился.

— Дальше я не рискну идти, — тихо произнес он. — Еще немного в этой темнотище, и мы заблудимся. Но я совершенно уверен, что мы уже за пределами тех мест, где они спят. Мы двинемся снова, когда хоть чуть-чуть рассветет.

— Тогда как же ты сюда попал в темноте?

— А я и не в темноте. Мы с Чипсом прятались в густом кустарнике, футах в пятидесяти от вас, чуть ли не полдня.

— О, — Макс огляделся по сторонам, взглянул на звезды. — Я могу найти обратный путь в темноте.

— Можешь? Вот это было бы очень здорово. Эти крошки ночью спят без задних ног — то есть это я так думаю.

— Дай я пойду первым, а ты иди после Элли.

Чтобы добраться до края плато, потребовалось больше часа. Темнота, кусты под ногами, необ-

ходимость соблюдать полную тишину и то, что Максу приходилось идти медленно, чтобы, даже при своей фотографической памяти, не потерять дорогу, все это сильно задерживало. Спуск в долину пошел еще медленнее.

Когда они вышли из леса и перед ними развернулся относительно гладкий луг, Сэм сделал знак остановиться и внимательно оглядел долину при тусклом лунном свете.

— Мне не хотелось бы нарваться здесь на этих тварей, — прошептал он. — Среди деревьев им довольно трудно бросать этих змеюк, но на открытом месте — боже ты мой.

— Ты знаешь про эти бросательные веревки?

— Ясное дело.

— Сэм, — прошептала Элли. — Мистер Андерсон, а почему…

— Тсс! — остановил он ее. — Все объяснения потом. А теперь вперед рысцой. Мисс Элдрет, вы задаете темп. Макс, высматривай свои ориентиры и веди нас. Побежим бок о бок. Договорились?

— Одну секунду. — Макс взял Чипси у Элли, засунул ее за пазуху и застегнул молнию. Мистер Чипс даже не проснулась, а только чуть застонала, как потревоженный ребенок. — Ну все.

Они бежали, шагали и снова бежали в течение

получаса или более, не тратя дыхания на разговоры, выкладываясь до предела, чтобы оказаться как можно дальше от кентавров. Двигаться было трудно из-за полутьмы и травы, доходившей до колена. Они почти достигли дна долины, и Макс старался уже разглядеть ручей, когда Сэм крикнул:

— Ложись! Ложись и прячься.

Макс шлепнулся на землю, выставив вперед локти, чтобы не повредить Чипси; рядом с ним шлепнулась Элли. Макс осторожно повернул голову и прошептал:

— Кентавры?

— Нет. Заткнись.

На высоте футов в сто долину пересекал летучий пузырь. Макса поразило, что он летает ночью. Пузырь пролетел чуть поодаль, ярдах в ста, а затем развернулся и полетел уже прямо на них.

Он снизился и начал парить почти над самыми их головами. Макс увидел, как Сэм тщательно целится, держа бластер в обеих руках. Потом на мгновение от оружия к пузырю протянулся бледный фиолетовый луч, тварь лопнула и упала так близко, что Макс ощутил запах горелого мяса. Сэм спрятал бластер и поднялся на ноги.

— Одним шпионом меньше, — с удовлетворением произнес он. — Двигаемся, ребята.

— Ты думаешь, что эти штуки подглядывают?

— «Думаешь». Мы это прекрасно знаем. У этих меринов все здесь вокруг прекрасно организовано. Ну, кончай трепаться и двигай ногами.

Ручей обнаружила Элли, свалившись в него. Они выудили ее из воды и перешли ручей вброд, остановившись, только чтобы попить. На противоположном берегу Сэм спросил:

— Мисс Элдрет, а где ваша левая туфля?

— Свалилась в ручей.

Сэм остановился и попытался поискать, но это явно было бесполезно.

— Без толку, — решил он. — Так мы можем проторчать здесь всю ночь. Ну, как ни жаль, вы будете сегодня с ободранными ногами. Лучше выкинуть сразу и вторую.

Сначала, пока они не добрались до хребта, за которым находился поселок, это не замедляло их движения. Но вскоре после того, как начался подъем, Элли поранила о камень правую ногу. Она вела себя молодцом, сжала зубы и не жаловалась, однако темп снизился. К тому времени, как они перевалили через гребень, появились уже первые намеки на рассвет. Макс пошел было

по сухому руслу, где они с Элли поднимались так много долгих, как годы, дней тому назад, но Сэм остановил его.

— Давай разберемся точно. Это не та ложбина, которая прямо напротив корабля?

— Нет, та будет следующей за этой, северней. — Макс представил себе, как выглядела окрестность корабля, если смотреть от него, и сравнил эту картину с фотоснимками, сделанными во время приземления. — Если уж говорить точно, прямо напротив корабля лежит выступ, который находится за следующей ложбиной.

— Так я и думал. Это та самая, по которой меня вел Чипс, но я хочу, сколько это возможно, оставаться под прикрытием деревьев. К тому времени, как мы выйдем на ровное место, уже совсем рассветет.

— А какая разница? В долине, где стоит корабль, никогда не было никаких кентавров.

— Ты хочешь сказать, что ты их там никогда не видел. Тебя, сынок, долго не было. Мы сейчас находимся в опасности — и чем ближе к кораблю, тем опаснее. Так что говори потише и веди нас к тому выступу, который выходит к кораблю. Если можешь это сделать.

Макс мог, хотя для этого пришлось идти по

незнакомой местности и определяться по восстанавливаемой в памяти мелкомасштабной карте, кроме того, приходилось еще и идти «поперек борозд» вместо того, чтобы идти по какому-либо сухому руслу. В результате они часто попадали в непроходимые места, вроде отвесных обрывов футов в тридцать, которые приходилось потом обходить долго и с большими мучениями. По мере того как светало, Сэм все больше и больше нервничал, он все время требовал, чтобы шли быстрее и тише. В то же время все ухудшавшееся состояние Элли мешало выполнению этих его требований.

— Ты уж меня прости, — прошептал он, когда ей пришлось наполовину сойти, наполовину соскользнуть со склона, удерживая себя босыми израненными ногами. — Только лучше уж добраться до места на культяпках, чем попасться к ним.

— Я знаю.

Лицо Элли было искажено болью, однако она не издала ни звука. К тому времени, как Макс вывел их на выступ, уже совсем рассвело. Он молча указал на корабль, стоявший в полумиле. Они находились примерно на уровне верхней его точки.

— Я думаю, спустимся здесь, — тихо сказал он Сэму.

— Нет.

— Как?

— Деточка, дядюшка Сэм такого мнения, что лучше нам будет полежать как проклятым вот в этих кустиках тихо-тихо, разрешая слепням кусаться в свое удовольствие, до того, как совсем стемнеет.

Макс окинул глазом расстояние в тысячу ярдов.

— Мы можем пробежать этот кусок.

— Но только четыре ноги бегают быстрее двух. За последнее время мы очень хорошо это поняли.

Выбранные Сэмом кусты росли на самом краю обрыва. Он прополз сквозь них и выбрал себе место, с которого можно было, самому оставаясь незамеченным, осматривать лежавшую внизу долину. Элли и Макс проползли следом за ним. Они были на краю крутого обрыва. Прямо перед ними находился корабль, левее и поближе — поселок.

— Устраивайтесь поудобнее, — скомандовал Сэм, — и будем караулить по очереди. Поспите, если сможете, это будет продолжаться недолго.

Макс попытался немного сдвинуть Мистера Чипса, чтобы иметь возможность лечь на живот. Из его воротника высунулась маленькая головка.

— Доброе утро, — очень серьезно произнесла она. — Завтрак?

— Нет завтрака, лапа, — ответила ей Элли. — Сэм, можно ее выпустить?

— Пожалуй, можно. Только скажи ей, чтобы она потише. — Сэм внимательно изучал равнину. То же самое делал Макс.

— Сэм? А почему бы нам не направиться в поселок? Он же поближе.

— Там нет никого. Брошен.

— Что? Слушай, Сэм, ты бы не рассказал нам, что там у вас случилось?

Сэм ответил, не отрывая глаз от равнины:

— О'кей, только говори шепотом. Так что вы хотите знать?

Это было трудным вопросом — Макс хотел знать все.

— Что случилось с поселком?

— Его оставили. Слишком опасно.

— А что, они кого-нибудь поймали?

— Ненадолго. У Дайглера был бластер. И вот тогда-то и началось это веселье. Сначала мы ду-

мали, что единственное их оружие — эти самые метательные веревки и что к тому же мы перепугали их до смерти. Но у них есть еще и уйма всего прочего. К примеру, такие твари, которые роют ходы под землей. Поэтому поселок пришлось бросить.

— Кто-нибудь пострадал?

— Ну… Новобрачные жили уже в своем доме. Бекки Вебербаур стала теперь вдовой.

Элли громко охнула, и Сэм резким шепотом сказал, чтобы она не шумела. Макс, подумав, сказал:

— Сэм, я только не понимаю, почему, получив мою записку, вы не…

— Какую записку?

Макс объяснил. Сэм покачал головой.

— Зверюга эта вернулась домой в полном порядке. К тому времени мы уже знали, что вы пропали, и искали вас — к счастью, с оружием. Только вот записки никакой не было.

— Да? А как же ты нас нашел?

— Меня привел Чипс, я же тебе уже говорил. Но это все. Кто-то засунул ее в клетку, где она раньше сидела, там я ее и нашел вчера. Я остановился погладить ее, зная, что вы, мисс Элдрет, пропали, — и нашел бедную крошку почти обезумевшей. В конце концов до меня постепенно

дошло, что она знает, где вы находитесь. Ну и… — Он пожал плечами.

— Только я еще одного не понимаю, — прошептал Макс, — почему ты пошел на такой риск в одиночку. Ты же уже знал, что они опасны; тебе было нужно взять с собой всех мужчин, какие есть на корабле, с оружием.

Сэм отрицательно покачал головой.

— И потерять таким образом всех мужчин, какие есть на корабле. Проскользнуть потихоньку было можно, по-другому — нет. А мы должны были вытащить вас.

— Спасибо. Не знаю, что и говорить, Сэм. В любом случае — спасибо.

— Да, — добавила Элли, — и кончай называть меня «мисс Элдрет». Для друзей я Элли.

— Хорошо, Элли. Как твои ноги?

— Жива буду.

— Хорошо. — Он повернулся к Максу. — Только я не сказал, что мы хотели вытащить вас, я сказал — мы были должны. В первую очередь — тебя, Макс. Не обижайся, Элли.

— Как? А почему меня?

— Ну… — Теперь Сэм говорил с явной неохотой. — Подробности узнаешь, когда вернешься. Но похоже, что, если корабль будет стартовать,

без тебя не обойтись. Ты — последний оставшийся у нас астронавигатор.

— Да? А что случилось с Саймсом?

— Тише! Помер он.

— Господи боже! — Макс подумал, что как бы он ни не любил Саймса, но смерти от рук кентавров он не пожелал бы ни одному человеческому существу. Так он и сказал.

— Да нет, это было не так. Понимаешь, когда умер капитан Блейн…

— И капитан тоже?

— Да.

— Я знал, что он болел, но не думал, что настолько.

— Ну, можешь назвать это разбитым сердцем. Или гордым харакири. Или несчастным случаем. Когда я помогал паковать его вещи, я нашел пустую коробочку от снотворного. Может, он сам проглотил таблетки, а может — твой дружок Саймс подсыпал ему в чай. Врач удостоверил «смерть от естественных причин». Так и записано в журнале. А что считать «естественной причиной», когда человек не хочет больше жить?

— Он был хорошим человеком, — прошептала Элли.

— Да, — согласился Сэм. — Может быть, даже

слишком хорошим.

— Ну, а что же с Саймсом?

— Ну, понимаешь, это совсем другая история. Похоже, что Саймс стал считать себя наследником престола, только первый не был с этим согласен. Что-то такое в связи с какими-то пленками, которые были у главного вычислителя. В общем и целом, ему пришло в голову показать Вальтеру, какой он крутой, и я… в общем, я сломал ему шею. Времени не было для нежностей, — торопливо добавил Сэм. — Он уже вытащил бластер.

— Сэм! Ты что, опять влип в историю?

— Нет, если не считать той, которая здесь и сейчас. Если только мы… тише, ребята. — Сэм пристально всмотрелся в просвет между кустами. — Ни звука, не шевелиться, — прошептал он. — Даст бог, не заметит.

Пузырь летел с севера, параллельно хребту, чуть повыше и чуть в стороне от него. Было похоже, что он обследует возвышенность. Макс прошептал на ухо Сэму:

— Может, нам лучше податься немного назад?

— Поздно. Главное теперь — не шевелись.

Пузырь проплыл совсем рядом с ними, остановился и медленно двинулся в их сторону. Макс увидел, что Сэм держит бластер наготове. Он не

стрелял, пока пузырь не завис прямо над ними. Разряд опалил ветки, но и тварь сбил тоже.

— Сэм, там еще один.

— Где? — Сэм посмотрел туда, куда указывал Макс. Второй пузырь, по-видимому, прикрывал первого, он летел повыше и дальше. У них на глазах он развернулся и стал набирать высоту.

— Сними его, Сэм!

Сэм встал.

— Поздно. Слишком далеко и слишком поздно. Ну что же, ребята, вот теперь мы двинулись. Больше нет смысла прятаться. Элли, садись и съезжай, это будет легче для твоих ног.

И они покатились вниз, сбивая по дороге камни, в клочья раздирая одежду. Чипси, к большому своему удовольствию, двигалась самостоятельно. На дне лощины Сэм сказал:

— Макс, за сколько ты можешь сделать полмили?

— Не знаю. Минуты за три.

— Лучше бы быстрее. Двигай. Я помогу Элли.

— Нет.

— Тебе надо туда добраться! Ты там нужен.

— Нет!

Сэм вздохнул.

— Ты всегда такой мужественный и героиче-

ский. Ладно, бери ее за другую руку.

Когда они, наполовину неся девушку, покрыли сотни две ярдов, Элдрет стряхнула их.

— В одиночку я могу двигаться быстрее, — сказала она, задыхаясь.

— О'кей, двинули! — выдохнул Сэм.

И действительно, теперь они двигались быстрее. Не обращая внимания на свои израненные ступни, Элли так быстро перебирала ногами, что Макс, хотя и не был еще на пределе, уже хватал ртом воздух. Корабль становился все ближе. Макс заметил, что клеть подъемника наверху, и подумал, сколько потребуется времени, чтобы их заметили и опустили ее вниз.

Они были уже на полпути, когда Сэм крикнул:

— А вот и кавалерия! Давай со всех сил.

Макс оглянулся на бегу, стадо кентавров, дюжины две, может — еще больше, неслось со стороны холмов. Направление их движения не оставляло сомнений — они стремились отрезать людей от корабля. Элли тоже увидела опасность и прибавила скорости, мгновенно опередив Макса.

До корабля оставалось всего несколько сотен ярдов, когда клеть сошла с упора и лениво поползла вниз. Макс хотел было закричать, что они все-таки успеют, когда услыхал топот копыт,

теперь совсем неподалеку.

— Давай, ребята! — заорал Сэм. — В корабль!

Сам он остановился.

Макс остановился тоже, крича:

— Беги, Элли!

— Да беги же ты, кому сказано! — рявкнул Сэм. — Ты-то что можешь сделать? Без оружия.

Макс стоял в нерешительности, невыносимость выбора разрывала его. И тут Элли тоже остановилась. Сэм глянул назад, потом ударил Макса по губам тыльной стороной ладони.

— Двигай! Доведи ее до корабля.

Макс побежал, обхватив Элли одной рукой и принуждая ее тоже двигаться. А позади них Сэм Андерсон лицом к лицу встретил свою смерть, встав на одно колено и оперев ствол бластера на согнутую левую руку, в точности как на картинке из армейского руководства.

Глава 20
«КОРАБЛЬ — ЭТО НЕ ПРОСТО ЖЕЛЕЗО»

Клеть с размаху ударилась о землю, из нее выскочили четыре человека, в тот же самый момент Макс свалился внутрь, втащив за собой Элли. Дверь за ними с грохотом закрылась, но прежде в клеть успела влететь Чипси. Она подбежала к Элли, вцепилась в ее руку и завыла. Элли попыталась сесть.

— Как ты там? — спросил Макс.

— Да вроде ничего. Только… — Она заплакала, а Макс резко повернулся и отчаянно рванул дверь.

Дверь не открывалась. Только через некоторое время он сообразил, что лифт уже оторвался от земли. Макс ударил по кнопке «стоп». Реакции не последовало никакой, клеть продолжала подъем. Футах в десяти от земли она остановилась. Макс посмотрел через решетку вверх и крикнул: — Эй! Там, наверху! Опускай!

Реакции опять не было. Он попробовал дернуть дверь — бесполезно, так как предохранительное устройство не позволяло открыть ее при поднятой клети. Бессильный что-либо сделать, Маке

ухватился за прутья и выглянул наружу. Сэма он не увидел. Кентавры носились кругами не очень далеко от корабля. Он увидел, как один из них споткнулся и упал, затем другой. Потом он заметил четверых, которые выскочили из лифта навстречу ему. Они лежали плашмя неподалеку от корабля, развернувшись в грамотную стрелковую цепь. У каждого был бластер с прикладом, каждый, тщательно целясь, стрелял.

Дистанция была не слишком большой, сотни три ярдов, и выстрелы часто попадали в цель. Макс насчитал еще семь убитых кентавров, а потом чудовища развернулись и врассыпную понеслись в сторону холмов. Стрельба продолжалась, и, прежде чем расстояние стало слишком большим, упало еще несколько кентавров.

Кто-то крикнул:

— Не стрелять! — Один из людей поднялся на ноги и побежал туда, где был центр сражения. Остальные тоже поднялись и последовали за ним.

Вернулись они, неся что-то, похожее на тюк грязной одежды. Клеть опустилась на землю, они вошли и осторожно положили свою ношу на пол. Один из вошедших искоса взглянул на Элдрет, торопливо снял с себя куртку и накрыл

ею лицо Сэма. Только тогда Макс увидел, что это был мистер Вальтер.

Остальные трое были мистер Дайглер, какой-то человек с силовой установки, которого Макс не знал по имени, и главный эконом Джордана. Толстяк плакал, не скрывая слез.

— Вшивые ублюдки, — говорил он, всхлипывая, — у него не было никаких шансов. Они просто затоптали его насмерть. — Он задохнулся, потом добавил: — Но он успел достать их штук пять, не меньше. — Джордана глядел прямо на Макса, видимо не узнавая. — Он хорошо с ними посчитался.

— Он умер? — тихо спросила Элдрет.

— Что? Конечно же. Не задавай глупых вопросов. — Эконом отвернулся.

Лифт рывком остановился. Вальтер заглянул через шлюз внутрь и зло произнес:

— Уберите отсюда зрителей. Тут что, цирк для них? — Он повернулся внутрь лифта. — Ребята, давайте внесем его.

Нагибаясь, чтобы помочь, Макс увидел, как миссис Дюмон уводит Элдрет. Очень осторожно они внесли Сэма на корабль и положили его на палубу около уже ожидавшего врача. Вальтер выпрямился и, как казалось, только теперь за-

метил Макса.

— Мистер Джонс? Вы бы не могли как можно скорее зайти ко мне?

— Да, сэр. Но только… — Макс посмотрел на лежавшего на полу друга. — Я бы только хотел…

— Вы все равно не можете здесь ничем помочь, — оборвал его Вальтер. — Идем. — И добавил более мягким голосом — Заходите минут через пятнадцать. За это время вы успеете умыться и переодеться.

Макс появился в каюте первого помощника вовремя, приняв душ, наскоро побрившись и в чистой форме — хотя и без фуражки.

Единственная его форменная фуражка была где-то в далекой долине, он потерял ее еще при первой встрече с кентаврами. Кроме Вальтера в каюте находились старший механик Компаньон и мистер Сэмьюэлс, казначей. Они сидели вокруг стола и пили кофе.

— Входите, мистер Джонс, — пригласил Вальтер. — Садитесь. Кофе?

— Да, сэр. — Макс вдруг понял, что страшно голоден. Он положил в чашку уйму сливок и сахару.

Несколько минут, пока Макс пил кофе и понемногу приходил в себя, говорили о всяких

мелочах. В конце концов Вальтер сказал:

— Как ваше состояние, мистер Джонс?

— Да, пожалуй, ничего. Устал только.

— Да уж, думаю. Очень жаль, что приходится так сразу за вас браться. Вы знаете, в какой ситуации мы находимся?

— Кое-что знаю, сэр. Сэм мне рассказывал… Сэм Андерсон… — Макс не смог говорить дальше.

— Мы все очень сожалеем об Андерсоне, — рассудительно произнес мистер Вальтер. — Во многих отношениях он был одним из лучших, с кем я служил. Но вы продолжайте.

Макс пересказал то, что успел рассказать ему Сэм, однако сократил сведения о Саймсе и капитане Блейне до простого утверждения, что они мертвы.

Вальтер кивнул.

— В таком случае, вы, конечно, понимаете, чего мы от вас хотим?

— Думаю, да, сэр. Вы хотите взлететь, и поэтому вам нужно, чтобы я занимался астронавигацией, — он немного помолчал. — Думаю, что я справлюсь.

— М-м… да. Только это не все.

— Сэр?

— Вы должны быть капитаном.

Все трое без отрыва глядели на него. У Макса закружилась голова, и он на мгновение подумал, что это такое с ним происходит. Лица собеседников выросли в размерах, потом куда-то отступили. Он с трудом сообразил, что уже много часов почти не ел и почти не спал, жил на одних нервах — да, все дело, видимо, в этом. Откуда-то издалека до него донесся голос, Вальтера:

— …Крайне необходимо без малейшего промедления покинуть эту планету. В юридическом смысле наше положение сейчас совершенно очевидно. В космосе командовать кораблем имеет право только офицер-астронавигатор, вы получаете предложение возложить на себя эту ответственность в очень юном возрасте, но у нас нет, кроме вас, никого, удовлетворяющего всем требованиям, и поэтому вы просто обязаны согласиться.

Макс с трудом взял себя в руки; расплывшиеся, колеблющиеся очертания окружающих вновь сфокусировались.

— Мистер Вальтер?

— Да?

— Но я же не астронавигатор. Я только стажер на испытательном сроке.

— А Келли говорит, что вы — астронавигатор, —

прорычал старший механик Компаньон.

— Да Келли сам больше астронавигатор, чем я!

— Нет! — Компаньон потряс головой. — Вы не можете судить о своих возможностях.

Сэмьюэлс кивком выразил согласие.

— Давайте покончим с этим, — добавил Вальтер. — Вопрос о том, чтобы главный вычислитель стал капитаном, даже не стоит. И ваше положение в гильдии не имеет значения. Последовательность передачи командования кораблем по необходимости ограничена одними астронавигаторами. И вы — старший в этой последовательности, каким бы вы ни чувствовали себя молодым. В настоящий момент командование кораблем лежит на мне — пока я его не передал. Но я не могу поднять корабль в пространство. И если вы откажетесь… я не знаю, что мы будем тогда делать. Я совершенно не знаю.

Макс сглотнул и сказал:

— Послушайте, сэр. Я же не отказываюсь исполнять свои обязанности. Я буду заниматься астронавигацией — какого черта, я думаю, что при сложившихся обстоятельствах меня вполне можно назвать астронавигатором. Но зачем же притворяться, что я — капитан. Я буду направлять корабль, а вы командуйте. Так будет лучше

всего, сэр. Я же даже не знаю, как должен себя вести капитан.

Вальтер отрицательно покачал головой.

— Это невозможно с точки зрения закона.

— Я-то лично не очень забочусь обо всех этих юридических штучках, — добавил Компаньон. — Но в то же время я понимаю, что ответственность нельзя поделить. Если говорить откровенно, молодой человек, я бы предпочел видеть на посту шкипера Вальтера — но он не знает астронавигации. Я был бы в восторге, если бы это был док Хендрикс, — но его нет. Я бы даже охотнее потащил эту ношу сам, чем возлагать ее на вас, — но я физик и того, что я знаю из математики астронавигации, вполне достаточно, чтобы понять, что всей моей жизни не хватит, чтобы достичь той скорости, которая астронавигатору просто необходима. Не тот у меня темперамент. Келли говорит, что у вас она есть. Я служил с Келли много лет, я ему доверяю. Так что, сынок, дело это как раз для тебя: ты должен взять его на себя — и пост, который к нему прилагается. Вальтер поможет — да мы все тебе поможем, — но ты просто не имеешь права уклониться и оставить его со всеми этими делами на руках.

Мистер Сэмьюэлс спокойно сказал:

— Я не могу согласиться со старшим механиком насчет маловажности легального аспекта: чаще всего все законы имеют под собой очень серьезные основания. Но со всем остальным, что он сказал, я согласен вполне. Мистер Джонс, корабль — это не только кусок железа, это еще и сложный политический организм. И нарушать его законы и обычаи — значит нарываться на большие неприятности, может, даже катастрофу. Значительно проще будет сохранять мораль и дисциплину на этом корабле при юном капитане, поддерживаемом всеми офицерами, чем дать пассажирам и команде повод заподозрить, что человеку, обязанному принимать критические решения, решения по управлению кораблем, от которых зависит его жизнь и смерть, что этому всемогущему человеку в то же время невозможно доверить командование кораблем. Нет, сэр, такая ситуация по-настоящему испугала бы меня; именно так и начинаются мятежи.

Макс чувствовал биение своего сердца, голова его разламывалась на куски от боли. Вальтер хмуро посмотрел на него и спросил:

— Ну так как?

— Я принимаю ваше предложение. — Потом он добавил: — А что мне еще остается делать?

Вальтер встал.

— Какие будут указания, капитан?

Макс сидел не двигаясь и пытался успокоить сердцебиение. Он сжал пальцами свои пульсирующие виски, вид у него был перепуганный.

— Ну… Продолжайте работы по графику. Начните приготовление к старту корабля.

— Есть, сэр. — Вальтер помолчал, потом спросил: — Позвольте вас спросить, когда капитан намерен произвести старт?

Максу опять стоило больших трудов сконцентрировать внимание на происходящем.

— Когда? Не раньше чем завтра — завтра в полдень. Мне нужна ночь для того, чтобы выспаться. — Про себя он подумал, что вместе с Келли они могут вывести корабль на орбиту вокруг планеты, убравшись таким образом от кентавров, а затем спокойно обдумать следующий ход.

— Я думаю, что это правильно, сэр. Нам нужно время. — Компаньон встал. — Если вы позволите, сэр, я начну подготовку своего хозяйства.

К нему присоединился Сэмьюэлс.

— Ваша каюта готова, сэр. Я распоряжусь, чтобы через несколько минут туда перенесли ваши вещи.

Макс посмотрел на него с удивлением. Он еще не успел осознать все новые обстоятельства своей теперешней должности. Жить в святая святых капитана Блейна? Спать на его койке?

— Я не думаю, что это так уж необходимо. Мне вполне удобно в моей каюте.

Сэмьюэлс бросил взгляд на первого помощника, а затем сказал:

— С вашего позволения, капитан, это как раз одно из тех обстоятельств, которые я имел в виду, говоря, что корабль — сложный политический организм.

— Э? — Макс немного подумал, а затем неожиданно почувствовал, как одновременно на него опускается тяжкая ноша и у него появляется сила, чтобы эту ношу выдержать. — Очень хорошо, — ответил он голосом, в котором появилась уверенность. — Так и сделайте.

— Да, сэр. — Сэмьюэлс взглянул на него. — Кроме того, капитан, — если, конечно, вы того желаете, — я скажу Лопесу, чтобы он зашел в вашу каюту и подровнял вам волосы.

Макс сдвинул прядь волос с уха назад.

— Да уж, я действительно оброс, не правда ли? Очень хорошо.

Казначей и старший механик вышли из каюты.

Макс несколько секунд постоял в неуверенности. Что ему делать дальше в своей новой роли?

— Капитан, вы не могли бы уделить мне еще несколько минут? — спросил Вальтер.

— О, конечно.

Они сели за стол, и Вальтер снова налил кофе. Макс сказал:

— Мистер Вальтер, как вы думаете, могли бы мы позвонить и попросить, чтобы принесли бутербродов? Я не ел сегодня.

— Как же, конечно! Простите меня, сэр. — Вальтер не стал вызывать звонком посыльного, а вместо этого позвонил по телефону и заказал ленч. Затем он повернулся к Максу. — Капитан, я рассказал вам не все, да и не хотел делать это в присутствии других.

— Да?

— Только поймите меня правильно. То, что я передаю командование вам, не зависит от этих обстоятельств. Кроме того, совсем не обязательно, чтобы ваши подчиненные знали все, что знает их капитан, даже если эти подчиненные — командиры подразделений.

— Пожалуй, что так.

Вальтер смотрел на свой кофе.

— Вы знаете, каким образом умер Саймс?

Макс рассказал ему то немногое, что успел узнать у Сэма.

Вальтер кивнул.

— В основных чертах так все это и было. М-м-м… Не полагается, конечно, плохо говорить о мертвых, но Саймс был крайне неуравновешенным. Когда умер капитан Блейн, он счел само собой разумеющимся, что он сразу же становится капитаном.

— Ну, я думаю, что так оно и выглядело с его точки зрения, с точки зрения закона.

— Да ни в коем случае! Извините меня, что я вас поправляю, капитан, но это ошибочно на все сто процентов.

Макс нахмурился.

— Я, наверное, чего-то совсем не понимаю, — но мне казалось, что вы убеждали меня именно этим доводом.

— Нет, сэр, так как корабль находился на земле, командование переходило ко мне, старшему по званию. И от меня не требуется, чтобы я передавал командование астронавигатору — только тогда и в том случае, когда корабль уходит в космос. И даже в таком случае не обязательно передавать командование именно старшему по званию офицеру-астронавигатору. Мои обязан-

ности в данном случае определены предельно ясно — при возможности производить выбор из нескольких кандидатур. Я обязан передать командование только тому офицеру, относительно которого имею уверенность, что он справится со своими обязанностями. Так вот, у меня уже давно были сомнения относительно мистера Саймса, я имею в виду его характер. Однако в данной ситуации мне было бы крайне трудно не передать ему командование, как только началась бы предстартовая подготовка. Но вышло так, что еще до того, как мы лишились капитана, мне представился случай познакомиться со способностями мистера Саймса по части астронавигации — отчасти из-за того разговора с вами. Я поговорил с Келли — как вы совершенно верно поняли, у Келли очень хорошая репутация. Думаю, теперь я понимаю, каким образом получилось, что последний переход был неудачным, — Келли не пожалел сил на объяснения. Так вот, этот факт и то, что, как совершенно прямо сказал мне Келли, ни один из членов вашей команды из Ямы не желал бы отправляться в космос под началом мистера Саймса, привело меня к решению, что, если уж дойдет до этого, я скорее навсегда оставлю корабль на планете, чем позволю Саймсу

стать капитаном. Все это, конечно, было предварительными размышлениями: капитан был болен, и предусмотрительность заставляла меня рассматривать различные варианты.

А потом капитан умер — и Саймс объявил себя капитаном. Этот идиот даже перебрался в капитанскую каюту и послал за мной. Я сказал, что он не командует этим кораблем и никогда не будет им командовать. Затем я ушел, запасся свидетелями и прихватил с собой главу нашей полиции, чтобы выкинуть его из каюты. А что произошло потом, вы уже знаете. Не только вы обязаны жизнью Андерсону, и я тоже.

Вальтер резко переменил тему разговора.

— А вот про этот потрясающий трюк, который вы проделываете, — вычисление без таблиц и справочников. Вы всегда можете это делать?

— Что? Конечно, да.

— И вы помните все эти таблицы? Или только некоторые из них?

— Я помню все стандартные таблицы и справочники, то, что астронавигаторы называют своими «орудиями труда». — Макс начал было рассказывать о своем дяде, но Вальтер мягко его остановил.

— Если позволите, сэр, я рад это услышать. Я

очень рад это услышать. Так как единственные такие книги, имеющиеся на этом корабле, это те, которые находятся у вас в голове.

Пропажу, естественно, обнаружил не Вальтер, а Келли. Когда он поделился своими подозрениями с Вальтером, они устроили обыск. Когда это не дало результатов, было объявлено, что один (правда, он всего один и был) комплект книг пропал. Вальтер предложил вознаграждение, корабль прочесали от кормы до астрокупола — книг не было.

— Я думаю, он спрятал их где-то снаружи, — закончил свой рассказ Вальтер. — Вы понимаете, в какое положение это ставит нас — мы же находимся в осаде. И даже если бы не это, найти их можно было бы только случайно. Так что я очень рад, что вы так же уверены в своей памяти, как в ней уверен Келли.

У Макса начали появляться сомнения — одно дело проделывать что-нибудь как трюк, для своего удовольствия, совсем иное — делать это по необходимости.

— Все не так плохо, — ответил он. — Возможно, Келли не подумал об этом, но таблицы логарифмов и двоичных переводов, вероятно, найдутся у механиков, а с ними мы сумеем справиться с

любым обычным маршрутом. Остальное нужно в основном для аномальных переходов.

— Келли тоже об этом подумал. Скажите мне, капитан, каким образом возвращается назад корабль после того, как он проникнет в новооткрытую конгруэнтность?

— Что? Так что вы хотите, чтобы я сделал с этим кораблем?

— Я не имею права, — официальным голосом сказал Вальтер, — говорить капитану, куда он должен вести свой корабль.

— Я тоже думал об этом, — медленно произнес Макс. — Последние дни у меня была уйма времени для размышлений. — Он не стал уточнять, что думал об этом в плену ночами, чтобы уберечь свой рассудок. — Конечно же, у нас нет тех приборов, которые несет исследовательский корабль, да и прикладная астронавигация не занимается слишком подробно методами вычисления конгруэнтности. И не все исследовательские корабли возвращаются.

— Но…

Тут их прервал стук в дверь. В каюту вошел человек из команды эконома и уставил стол едой. Макс почувствовал острое чувство голода.

Намазав ломтик тоста маслом и джемом, он

отхватил от него большой кусок.

— Господи, да как же хорошо!

— Мне надо было самому догадаться. Не хотите банан, сэр? Внешне они выглядят вполне прилично. Кажется, гидропоникам пришлось недавно их прореживать.

Макса передернуло.

— Не думаю, чтобы я когда-нибудь смог опять есть бананы. И папайю.

— Аллергия, капитан?

— Не то чтобы… Ну, в общем, да. — Покончив с тостом, он сказал: — Так насчет того варианта, с конгруэнтностью. Я уведомлю вас позже.

— Хорошо, капитан.

Незадолго до обеда Макс стоял в капитанской спальне перед высоким зеркалом и рассматривал свое отражение. Волосы его снова были коротко подстрижены, а двухчасовой сон немного снял усталость с лица. Он аккуратно надел форменную фуражку под необходимым углом. Внутри фуражки, которую Макс обнаружил в каюте вместе с одной из своих собственных форм, было написано «Хендрикс». На форму чья-то рука нашила капитанские знаки различия. Макс уже смирился с тем, что он — капитан, хотя это и казалось каким-то диким сном, но все равно

большое изображение солнца на груди беспокоило его. Он чувствовал, что, несмотря на четыре капитанских шеврона, не имеет права ни на что большее, чем маленькое солнышко, обведенное окружностью.

Однако Вальтер и Сэмьюэлс, при всей почтительности, были тверды в этом вопросе. Сэмьюэлс цитировал какие-то прецеденты, проверить которые Макс не мог. Он сдался.

Еще раз посмотрев на себя в зеркало, он расправил плечи и вздохнул. Ну что же, надо идти, никуда не денешься. Спускаясь по трапу, он услыхал, как корабельные динамики несколько раз повторили:

— Всем членам команды! Всем пассажирам! Всем собраться в гостиную палубы Б.

Толпа молча расступалась перед Максом. Он подошел к столу капитана — к своему столу — и сел во главе его. Вальтер стоял рядом с его стулом.

— Добрый вечер, капитан.

— Добрый вечер, мистер Вальтер.

Элдрет сидела напротив. Она поймала его взгляд и улыбнулась.

— Привет, Элли. — Он ощутил, что краснеет.

— Добрый вечер, капитан, — твердым голосом сказала Элли. Одета она была в таком же велико-

светском стиле, как и в первый раз, когда Макс увидел ее в гостиной. Казалось совершенно невероятным, что эта леди — та самая девчонка, чье грязное личико смотрело на него поверх нацарапанных на земле шахматных досок.

— А как ваши ноги?

— Сплошные бинты и домашние шлепанцы. Врач очень хорошо над ними поработал. Я прямо завтра буду уже танцевать.

— Вы лучше так не торопитесь.

Она бросила взгляд на его шевроны и солнце на груди.

— И это вы мне говорите.

Не успел Макс ответить — а ответить было нечего, — как Вальтер наклонился к его плечу и тихо сказал:

— Мы готовы, капитан.

— О! Давайте.

Вальтер постучал по стакану.

Первый помощник обрисовал положение в спокойных тонах, от чего оно представилось разумным, неизбежным. Закончил он, сказав:

— И таким образом, в соответствии с законами и обычаями космоса, я передал свое временное командование вашему новому капитану. Капитан Джонс!

Макс поднялся. Он огляделся, сглотнул, попытался заговорить и не смог. Затем так, словно это была намеренная драматическая пауза, а не просто жест отчаяния, он взял свой стакан и сделал глоток.

— Уважаемые гости и члены команды, — начал он, — мы не можем здесь оставаться. Все вы это знаете. Мне сказали, что врач назвал систему, противостоящую нам на этой планете, «симбиотическим рабством» — это отношения, похожие на отношения человека с собакой, только в большем масштабе, и покрывают собой они, видимо, весь животный мир этой планеты. Но человек не создан для рабства — симбиотического или любого другого. В то же время нас слишком мало, чтобы одержать сейчас победу, поэтому мы должны уйти.

Он сделал паузу, чтобы отпить еще глоток; в это время Элли ободряюще поймала его взгляд.

— Возможно, когда-нибудь сюда вернутся другие — подготовленные лучше нас. Ну а что касается нас, я собираюсь попытаться провести «Асгард» назад через… ну, «дырку», вы можете называть это так, через которую мы попали сюда. Это рискованное дело. Мы не заставляем ни одного из вас принимать в этом участие, однако

учтите, что это — единственный доступный нам путь домой. Любой, кто испугается этого риска, будет высажен на северном полюсе третьей планеты — вечерней звезды, которой мы дали имя «Афродита». Возможно, вы сумеете там выжить, хотя даже на полюсах этой планеты очень жарко. Если вы предпочитаете такой вариант, сообщите свои фамилии казначею сегодня вечером. Все остальные попытаются попасть домой. — Он замолк, затем неожиданно сказал: — Это все, — и сел.

Аплодисментов не последовало, и он пришел в мрачное настроение, считая, что скомкал свое первое появление перед населением корабля. Обедавшие понемногу начали переговариваться, члены команды покинули зал, официанты стали быстро подавать блюда. Элли посмотрела на него и чуть-чуть одобрительно кивнула. Миссис Мендоса сидела слева от него.

— Мак… то есть, я хотела сказать «капитан», — это и вправду так опасно? — спросила она. — Мне как-то совсем не нравится мысль о том, чтобы сделать нечто рискованное. Неужели мы больше ничего не можем придумать?

— Нет.

— Но ведь должен же быть какой-нибудь еще

выход?

— Нет. И я бы предпочел не обсуждать этот вопрос за столом.

— Но… — Макс твердо продолжал черпать ложкой суп, стараясь, чтобы руки не дрожали. Когда он поднял голову от тарелки, его глаза встретились с поблескивающими глазами сидевшей напротив женщины, миссис Монтефьоре, которая предпочитала, чтобы ее на французский манер называли «Принципесса» — титул, сомнительный до крайности.

— Долорес, отстаньте вы от него с такой ерундой. Мы все хотим послушать про его приключения — ведь правда, капитан?

— Нет.

— Не ломайтесь, пожалуйста. Мне говорили, что все это было ужасно романтично. — Она растянула последнее слово и искоса, исподтишка, бросила взгляд на Элли. Потом она снова поглядела на Макса глазами хищной птицы и оскалила в улыбке зубы. Казалось, что зубов у нее больше, чем полагается. — Расскажите нам все-все про это.

— Нет.

— Но вы же просто не имеете права отказать даме.

Элдрет одарила ее лучезарной улыбкой и промурлыкала:

— Принцесса, милочка, вы слишком широко открываете рот.

Миссис Монтефьоре прикусила язык.

После ужина Макс поймал Вальтера один на один.

— Мистер Вальтер?

— Да, капитан?

— Я не ошибаюсь, считая, что одной из моих привилегий является право выбирать лиц, которые сидят за моим столом?

— Именно так, сэр.

— В таком случае — эта особь женского пола, Монтефьоре… Не могли бы вы сказать, чтобы ее пересадили? И уже к завтраку.

Вальтер слегка улыбнулся.

— Есть, сэр.

Глава 21
КАПИТАН «АСГАРДА»

Сэма отнесли наружу и похоронили на том самом месте, где он погиб. Макс ограничил число участников похорон собой, Вальтером и Джордана, передав Элли, чтобы та не приходила. Имелся и почетный караул, вооруженный боевым оружием. Он лежал кольцом вокруг могилы, не спуская глаз с холмов. Макс прочел заупокойную службу почти неслышным голосом — громче он просто не мог.

Механики срочно изготовили надгробный памятник — заостренный сверху прямоугольный столбик из нержавеющего металла. Макс смотрел на столбик, лежавший рядом с могилой, и вспоминал, как он выбирал эпитафию. «Никто иной так сильно не любил?» Нет, решил он, Сэму с его циничным презрением к любой сентиментальности это не понравилось бы. Он думал о надписи. «Он играл теми картами, которые ему сдали» — но и это не подходило Сэму; если Сэму не нравились карты, он мог иногда подменить и всю колоду. Нет, вот это было больше в духе

Сэма. Макс воткнул столбик в землю и прочитал написанное на нем:

В ПАМЯТЬ

сержанта Сэма Андерсона

из Имперской морской пехоты

«Он съел все, что подали на стол»

Вальтер видел памятник впервые.

— Так вот, значит, какие дела? В общем-то я и сам о чем-то таком догадывался.

— Да. Я так и не знаю настоящую его фамилию. Ричардс. А может — Робертс?

— О! — Вальтер немного обдумал, что из этого следует. — Мы можем восстановить его в звании, сэр, посмертно. Его можно будет установить по отпечаткам.

— Думаю, Сэм был бы доволен.

— Я займусь этим, сэр, когда мы вернемся домой.

— Если мы вернемся.

— Если вы не возражаете, капитан, то лучше — когда мы вернемся.

После похорон Макс направился прямо на пост управления. Он был здесь накануне вечером и оправился уже кое-как от шока, полученного им,

когда в Хитрой яме к нему тоже стали относиться как к капитану. На этот раз, когда Келли встретил его словами: «Доброе утро, капитан», — он сумел воспринять это почти непринужденно.

— Доброе утро, шеф. Доброе утро, Ланди.

— Кофе, сэр?

— Спасибо. Так с выходом на орбиту — все уже готово?

— Еще нет, сэр.

— Тогда и забудьте про нее. Я решил двигаться прямо назад. Спланировать все успеем на ходу. Эти пленки у вас?

— Я взял их оттуда перед вахтой. — Они говорили о пленках, спрятанных в каюте Макса. Саймс сумел избавиться от первого комплекта сразу после смерти капитана Блейна; запасной комплект был единственным источником информации о том, когда и где «Асгард» прорвался в это пространство, там же находились записи всех стандартных наблюдений, произведенных сразу после скачка.

— О'кей. Тогда за работу. Кнопки нажимать может Ковак.

Остальные уже понемногу подходили, хотя оставалось еще порядочно времени до начала вахты. Так было принято в команде Келли.

— Если вы не возражаете, сэр, я охотно посидел бы за компьютером вместо капитана.

— Ковак с этим справится. А вы можете помочь Ногучи и Ланди с этими пленками.

— Есть, сэр.

Через некоторое время к Максу стали поступать данные. Прошлой ночью он дважды просыпался в холодном поту от страха, что утратил свою уникальную память. Однако когда пошли данные, он программировал без малейших усилий, нужные страницы сами открывались перед его внутренним зрением. В основных чертах программа полета состояла из короткого отхода от планеты, чтобы избавиться от ее влияния, изменения положения корабля, чтобы местное солнце оказалось «сзади» и было проще учитывать его поле, а затем прямого ускоренного полета в тот район, где они прорвались в это пространство. Все это не обязательно должно было выполняться точно, произвести скачок с первого подхода не планировалось; необходимо было сперва исследовать нужную область пространства, произвести много фотографических наблюдений и обработать результаты. В этом месте разведка никогда не проводилась, придется провести ее самостоятельно.

Старт был просчитан, результаты расчета записаны на ленту автопилота, а лента была поставлена на пульт управления задолго до полудня. Корабль придерживался местного времени, в результате час содержал около пятидесяти пяти стандартных минут. Теперь корабль вернется к Гринвичскому времени, временем всегда распоряжался центр управления. Обед будет попозднее, кое-кто из пассажиров, как обычно, переставит свои часы не в ту сторону и будет, как обычно, винить в этом правительство.

Они синхронизировались с двигательщиками, пленка в автопилоте закрутилась, дел больше не осталось — только нажать кнопку за несколько секунд до установленного времени и тем самым разрешить автопилоту поднять корабль. Зазвенел телефон, Смит взял трубку и повернулся к Максу.

— Это вас, капитан.

— Капитан, — голос говорившего звучал озадаченно. — Мне очень не хотелось отвлекать вас на посту управления.

— Ничего. А в чем дело?

— Это миссис Монтефьоре. Она хочет, чтобы ее высадили на Афродите.

Макс секунду подумал.

— Кто-нибудь еще передумал?

— Нет, сэр.

— Им же всем было сказано, чтобы они сообщили свои фамилии вчера вечером.

— Я указал ей на это, сэр. Ее ответы нельзя назвать вполне логичными.

— Мне бы доставило ни с чем не сравнимое удовольствие скинуть эту особу за борт. Но, как ни говори, мы все-таки за нее отвечаем. Скажите ей «нет».

— Есть, сэр. Позволительно будет мне иметь некоторую свободу в том, каким образом я скажу ей это?

— Конечно. Только держите ее от меня подальше. — Макс положил трубку и обнаружил, что рядом стоит Келли.

— Уже скоро, сэр. Может быть, вы сядете за пульт и все сами проверите? До того, как поднимете корабль?

— Э? Да нет, поднимайте вы, шеф. Первая вахта ваша.

— Есть, капитан. — Келли сел за пульт. Макс занял капитанское кресло, чувствуя себя несколько неловко. Жаль, что он не научился курить трубку, так бы все было на месте: капитан сидит в стороне, спокойный, с трубкой в зубах, а тем

временем корабль маневрирует.

Он ощутил легкую пульсацию, и его вдавило в кресло чуть сильнее: «Асгард» снова был в собственном поле искусственного тяготения, не зависимом от внешних факторов. Через несколько секунд корабль поднялся; заметно это было только по тому, что голубое небо за куполом сменилось усыпанной звездами тьмой Космоса.

Макс встал, заметил, что все еще держит в руке воображаемую трубку, и поспешно ее бросил.

— Пойду вниз, шеф. Позовите меня, когда первые результаты наблюдений будут готовы для расчетов. Кстати, по какому расписанию будут вахты?

Келли закрыл пульт, встал и подошел к нему.

— Знаете, капитан, я планировал, что мы с Коваком будем через раз, а остальные ребята будут стоять одну из трех, сдвоим позднее.

Макс отрицательно покачал головой.

— Нет. Вы, я и Ковак. И останемся на одной из трех как можно дольше. Сейчас никто не может сказать, как долго мы там провозимся, пока решим сделать попытку.

Келли понизил голос.

— Капитан, можно я скажу, что я думаю?

— Келли, как только вы перестанете быть со

мной откровенным, я потеряю какие-либо шансы довести это дело до конца. Вы же сами это знаете.

— Благодарю вас, сэр. Но капитан не должен себя выматывать. Так получилось, что Вам придется производить все вычисления. — Потом Келли добавил тише: — Безопасность корабля важнее вашей… Ну, подходящим словом будет, пожалуй, гордости.

Ответил Макс далеко не сразу. Он на собственном опыте, без посторонней помощи и предварительного обучения знал, что командиру непозволительны обычные, простительные человеку в любой другой должности, слабости. Власть, врученная ему, управляет им самим значительно сильнее, чем кем-либо другим. Привилегии капитана — вроде права убрать из-за своего стола надоедливую бабу — были малозначительны, в то время как трудности этой нечеловеческой работы множились самым неожиданным образом.

— Шеф, — медленно произнес он, — как вы думаете, хватит места за компьютером, чтобы перенести туда все это кофейное хозяйство?

Келли прикинул на глаз размеры свободного места.

— Да, сэр. А зачем?

— Я подумал, что тогда здесь хватит места поставить койку.

— Вы собираетесь спать здесь, сэр?

— Иногда. Но я думал вообще обо всех нас — ведь вы проводите здесь половину своего времени. Ближайшие несколько недель совсем не обязательно, чтобы старший по вахте большую часть времени бодрствовал — так все мы сможем немного дремать, когда представится такая возможность. Что вы об этом думаете?

— Это противоречит инструкциям, сэр. Плохой прецедент… и плохой пример. — Он бросил взгляд на Ногучи и Смита.

— Вы запишете это соответствующим официальным образом, цитируя пункт инструкции и временно отменяя его по случаю чрезвычайных обстоятельств и из соображений безопасности корабля. А я подпишу.

— Если вы так хотите, сэр.

— В вашем голосе что-то не слышно уверенности, так что возможно, я и не прав. Подумайте, а потом скажете мне.

Койка появилась, и приказ был записан в журнал, однако Макс ни разу не видел, чтобы Келли или Ковак хоть раз легли на нее. А что касается его самого, не пользуйся он этой койкой, спать

ему пришлось бы совсем мало.

Ел Макс обычно тоже на посту управления. По пути на свидание с ничто делать было, собственно, почти нечего, только время от времени проводить наблюдения для того, чтобы выяснить, где расположено это ничто в окружающем небе. Однако Макс быстро заметил, что, когда он не вычисляет, он беспокоится или делится своими беспокойствами с Келли.

Каким образом разведывательные корабли находят путь назад через впервые обследуемые конгруэнтности? И что происходит с теми из них, которые не возвращаются? Возможно, доктор Хендрикс сумел бы найти оборотную сторону не нанесенной на карты конгруэнтности при помощи стандартных приборов корабля — а может быть и нет. Макс решил, что доктор Хендрикс сумел бы; покойный был фанатиком своей профессии и обладал обширнейшими познаниями в области теоретической физики, на которой основываются рутинные числовые расчеты, — познаниями, Макс был уверен, значительно более широкими, чем у большинства астронавигаторов.

Макс знал, что разведывательные корабли обсчитывают конгруэнтности с обеих сторон,

используя теорию гравитационного поля и данные, полученные на первоначально неизвестной стороне. Он предпринял попытки провести грубые прикидки подобных вычислений, но потом бросил это занятие. У него не было ни малейшей уверенности в получаемых результатах — он был уверен в том, что правильно производит сами математические операции, но крайне сомневался в теоретических предпосылках и остро ощущал сомнительность закладываемых в расчет исходных данных. Было просто невозможно точно измерить массы звезд, отстоящих на целые световые годы, при помощи оборудования, имевшегося на «Асгарде».

Похоже было, что, когда Макс бросил свои попытки, Келли почувствовал облегчение. Теперь они вдвоем посвятили все свое время стараниям проложить «колею» к тому не обозначенному на картах участку неба, в котором они — согласно сделанным в прошлый раз фотоснимкам — прорвались в это пространство, с целью в конце концов скользнуть по этой колее, появиться в нужном месте со скоростью только чуть меньше световой, затем дать кораблю толчок и надеяться на хороший исход.

Аналогичный маневр на поверхности планеты

был бы простым делом, но ситуация в космосе не имеет себе аналогов на поверхности. «Неподвижные» звезды двигаются с большими скоростями, а других ориентиров в космосе нет; для того чтобы решить, какой участок безликого пространства является тем самым, в котором ты был в прошлый раз, нужно численно решать уйму уравнений, не имеющих изящного теоретического решения. По каждой нанесенной на карту конгруэнтности астронавигатор получает таблицу заранее вычисленных решений — «Критические таблицы обследованных аномалий». Максу с Келли предстояло составить такую таблицу самим.

Макс проводил так много времени на посту управления, что в конце концов первый помощник осторожно сказал ему, что настроение пассажиров, вероятно, заметно улучшится, если он найдет время иногда показываться в гостиной. Вальтер не добавил к своим словам, что Макс обязан улыбаться и излучать спокойную уверенность, это ясно подразумевалось. С этого времени Макс при каждой возможности обедал с офицерами и пассажирами.

Само собой, Макс очень нечасто видел Элдрет. Когда он встретил ее во время первого обеда после ненавязчивого совета Вальтера, она выглядела

дружелюбно, но несколько отстраненно. Макс решил про себя, что Элли проявляет уважение к нему, что заставило его серьезно задуматься, не заболела ли она. Он припомнил, что первоначально ее принесли на корабль на носилках; возможно, она совсем не такая крепкая, какой хотела бы казаться. Он решил разузнать об этом у врача, но не напрямую, конечно же!

За кофе шла пустая болтовня, и Макс начинал уже ерзать от желания вернуться поскорее в Хитрую яму. Нет, нельзя, ведь Вальтер настоятельно просил не проявлять торопливости и озабоченности. Он огляделся по сторонам и провозгласил.

— Что-то это место стало сильно смахивать на морг. Неужели теперь больше никто не танцует? Дюмон!

— Да, капитан!

— Организуйте танцевальную музыку. Миссис Мендоса, вы окажете мне честь?

Миссис Мендоса слегка хихикнула и приняла его приглашение. Выяснилось, что она — полный позор Аргентины, ни малейшего чувства ритма. Однако Макс умудрился провести ее вокруг зала ценой всего нескольких небольших столкновений с окружающими и доставить на исходную точку как раз к концу танца, что дало ему воз-

можность вполне вежливо с ней раскланяться. Затем он воспользовался привилегией своего положения для того, чтобы разбить чету Дайглеров. Прическа Мэгги все еще была короткой, однако во всех остальных отношениях она вернула свое великолепие.

— Капитан, мы без вас скучаем.

— Я работал. Вы же знаете, как не хватает людей.

— Наверное, так оно и есть. Э… Капитан, ведь осталось уже совсем недолго?

— До того, когда мы будем совершать скачок? Недолго. Потребовалось так много времени потому, что нам пришлось проделать жуткое количество дурацких вычислений — понимаете, для пущей осторожности.

— А мы действительно попадем домой?

Макс одарил ее тем, что, как он надеялся, было уверенной улыбкой.

— Абсолютно. Не беритесь ни за какую толстую книгу из корабельной библиотеки, казначей не даст вам взять ее на поверхность.

Она вздохнула.

— Ну, вы меня успокоили.

Макс поблагодарил ее за вальс, оглянулся по сторонам, заметил миссис Монтефьоре и решил,

что его обязанности по поддержанию корабельной морали не простираются так далеко. Элдрет сидела, и он подошел к ней.

— Ноги еще беспокоят вас, Элдрет?

— Нет, капитан. Спасибо за внимание.

— Может быть, вы тогда потанцуете со мной?

Она изумленно распахнула глаза.

— Вы хотите сказать, что у капитана может найтись время для такой маленькой бедной девочки, как я?

Он наклонился к ней поближе:

— Еще одна такая шуточка, замарашка ты несчастная, и тебя закуют в кандалы.

Она хихикнула, наморщив нос.

— Есть, капитан!

Некоторое время они танцевали молча. Максу немного ударила в голову ее близость, и он не понимал, почему не пригласил ее раньше. В конце концов Элли сказала:

— Макс? Ты совсем бросил 3-шахматы?

— Как? Еще чего. После того как мы сделаем этот скачок, у меня будет время для игры — если, конечно, ты дашь мне два корабля форы.

— Мне очень жаль, что я тогда проболталась. Но я очень хочу, чтобы ты иногда навещал Чипси. Вот сегодня утром она спрашивала: «Где Макси?»

— О, я и вправду очень виноват. Я бы брал ее иногда с собой на контрольный пост, но только она может нажать какую-нибудь кнопку и погубить нам месячную работу. Пойди, принеси ее.

— Она будет нервничать в такой толпе. Пошли лучше мы к ней.

Он покачал головой.

— Только не в твою каюту.

— Что? Не говори глупостей. У меня и так не осталось никакой репутации, а капитан может делать все, что ему заблагорассудится.

— Ты просто не была капитаном. Видишь, как та стервятница наблюдает за нами? — Он глазами указал на миссис Монтефьоре. — А теперь иди, принеси Чипси, и чтобы больше не спорить.

— Есть, капитан.

Макс почесал Чипси подбородок, дал ей несколько кусочков сахара и уверил ее, что она — самый очаровательный паукообразный щенок в этом участке Галактики. Затем он распрощался.

Макс ощущал возбуждение и какую-то неожиданную уверенность в себе. Увидев, как мистер Вальтер входит в свою каюту, он чуть задержатся на трапе, а потом, повинуясь мгновенному импульсу, последовал за ним. Вопрос беспокоил его все время, и этот случай был не хуже любого

другого.

— Вальтер, вы не заняты?

Первый помощник обернулся.

— О нет, капитан. Заходите, пожалуйста.

Макс не говорил о своем деле, пока они пили традиционный кофе. Затем он сказал:

— У меня тут есть один вопрос, мистер Вальтер, — совершенно личный.

— Что-нибудь такое, в чем я могу вам помочь?

— Не думаю. Но у вас во много раз больше опыта, чем у меня, и я хотел бы посоветоваться с вами.

— Если капитан так желает.

— Слушайте, Вальтер, это дело Макса, а никак не капитана.

Вальтер улыбнулся.

— Хорошо. Только не просите меня, чтобы я менял форму обращения к вам. Может образоваться плохая привычка.

— О'кей, о'кей. — Макс хотел прощупать Вальтера относительно истории с липовой трудовой книжкой: доложил доктор Хендрикс об этом? Или нет?

Однако теперь он понял, что не может следовать такой линии: он был капитаном, и это все меняло.

— Я хочу рассказать вам, каким образом я попал на этот корабль. — Он рассказан все, больше не скрывая роли Сэма. Сэму теперь ничто не повредит. Вальтер очень серьезно слушал его рассказ.

— Я ждал, когда вы заговорите об этом, капитан, — сказал он, когда Макс закончил. — Доктор Хендрикс доложил мне все это, правда не так подробно, когда выдвинул вас в стажеры-астронавигаторы. Все мы согласились, что внутри корабля нет необходимости поднимать этот вопрос.

— Меня беспокоит, что случится, когда мы вернемся. Если мы вернемся.

— Когда мы вернемся. Так чего вы хотите? Совета? Помощи? Или чего?

— Я не знаю. Я просто хотел рассказать вам.

— М-м-м… тут есть такие альтернативы. В одном случае мы можем разобраться с этим вопросом здесь, на корабле, несколько изменив не слишком важный документ. В этом случае…

— Нет, Вальтер. Я не хочу, чтобы с «Асгарда» подавались липовые отчеты.

— Я был почти уверен, что вы так скажете. Я того же мнения, хотя, с другой стороны, я чувствовал, что по… ну, скажем, по различным причинам — обязан покрывать вас, если вы об

этом попросите.

— Когда-то я собирался организовать такую подделку. Мне даже казалось, что это оправданно. Но теперь я не могу этого сделать.

— Понимаю. Следующая альтернатива состоит в том, чтобы доложить обо всем и ждать, что последует. В этом случае я до конца буду стоять рядом с вами. Я уверен, что старший механик и казначей поступят также.

Макса переполняло счастье и теплое умиротворение.

— Спасибо, Вальтер. Мне все равно, что там со мной сделают… Лишь бы только не отлучили меня от космоса.

— Не думаю, что дело повернется подобным образом, особенно после того, как вы приведете корабль домой. Но если уж они решатся на такое — эту драку они хорошо запомнят. Ну а пока не думайте об этом.

— Попытаюсь. — Макс нахмурился. — Вальтер! Скажите мне честно, что вы сами думаете про то, что я сделал?

— Трудный вопрос, капитан. Важнее другое — как к этому относитесь вы.

— Я? Не знаю. Я хорошо знаю, как я относился к этому раньше. Я был очень воинствен.

— Э?

— Я постоянно занимался объяснениями — про себя, конечно, — почему я так поступил. Я оправдывал себя, доказывал, что виноват не я, а вся система. А теперь я не хочу больше оправдываться. Не то чтобы я жалел о том, что сделал, — особенно когда подумаешь, чего бы я иначе лишился. Но в то же самое время я не хочу уклоняться от расплаты за содеянное.

Вальтер кивнул.

— Это правильный подход. Капитан, не бывает идеальных законов. Каждый обязан подходить к ним на основе собственного суждения и здравого смысла, а не слепого подчинения. Я тоже нарушал правила, кое за что я поплатился, кое за что — нет. Этот ваш поступок мог превратить вас в педантичного морализирующего придурка, обреченного идти всегда по прямой, не видя ничего вокруг, следя за тем, чтобы все окружающие четко следовали букве закона. Или, наоборот, вы могли превратиться в вечного ребенка, считающего, что законы писаны для всех, кроме вас. Похоже, что ни того ни другого не произошло; я думаю, что эта история добавила вам зрелости.

Макс ухмыльнулся.

— Ну что ж, спасибо, первый. — Он поднял-

ся. — Вернусь-ка я в Яму и поиграюсь немного с числами.

— Капитан? А вы достаточно высыпаетесь?

— Я? Конечно, я же ложусь на часок почти во время каждой вахты.

— Минус четыре часа, капитан.

Макс, протирая глаза и пытаясь стряхнуть с себя сон, сел на койке, стоявшей на посту управления. «Асгард» был в колее, шел по ней с максимальным ускорением уже несколько дней, готовясь к последнему рывку, который выбросит их из этого пространства в другое — в то, которое они знали, или какое-либо другое, в зависимости от того, насколько соответствовали их вычисления истинной структуре Вселенной.

Макс, моргая, поглядел на Келли.

— Сколько времени вы уже здесь?

— Не очень долго, капитан.

— Да вы вообще хоть сколько-нибудь спали?

— Ну, если так говорить, капитан…

— Ладно, вас не исправишь. Есть готовое?

— Да, сэр.

— Читайте.

Они зачитывали ему данные, а Макс, сидя с закрытыми глазами на койке, программировал задачу и переводил ее в двоичные числа,

понятные машине. В течение многих дней он не отлучался из Ямы больше чем на несколько минут. Он дремал между наблюдениями, просыпался, обрабатывал результаты и снова ложился.

Он держал Келли и Ковака на попеременных вахтах, сколько было возможно, хотя было очень трудно заставить Келли отдохнуть. Ланди, Смит и Ногучи продолжали работать по очереди, задерживаясь и работая вдвоем, когда дел было больше, чтобы помогать друг другу в наблюдениях. Макса заменить было некем, он должен был обрабатывать каждое наблюдение, выдавая из своей феноменальной памяти информацию, содержавшуюся в пропавших таблицах.

Сейчас на месте были все, кроме Ланди. Он вернулся как раз в тот момент, когда Макс закончил счет задачи и передал приказание о коррекции курса.

— Наилучшие пожелания от кока, — объявил он, ставя на стол галлон мороженого.

— Какое? — спросил Макс.

— С крупнотертым шоколадом, сэр.

— Самое любимое. Не забывай, когда будешь его раскладывать, что на днях я буду выставлять оценки эффективности работы.

— Капитан, это же нечестно. Шефу приходится

кормить значительно большую массу, чем вам.

— А у меня очень высокая скорость обмена веществ, — объявил Ногучи. — Поэтому мне надо больше.

— Ногги, у тебя, наверное, в каждой ноге по пространственной свертке. Мы поручили Келли раскладывать в надежде на то, что гордость удержит его от неверных поступков. — Макс повернулся к Келли. — Как там с графиком?

— Двадцать минут, капитан.

— Думаете, надо так часто?

— Так будет вернее, сэр.

— О'кей.

Они провели еще одно наблюдение и съели мороженое, после чего Макс перешел к уточнению точки перехода. Келли не сел за компьютер. Кнопки, нажимаемые Коваком, давали тот же ответ, как и нажимаемые Келли, а Максу нужен был Келли за верньерным стереографом, где его большой опыт позволял извлекать максимум из скудных данных. Ланди помогал Келли, в то время как Смит и Ногучи занимались съемкой и обработкой пластинок.

В минус два часа Макс позвонил Компаньону и сказал ему, что они уже почти на точном курсе. Старший механик заверил его, что с этого момен-

та он лично будет нежно заботиться о величине и направлении ускорения.

— Ни пуха ни пера, капитан!

При десятиминутном графике наблюдений Макс не испытывал еще никаких трудностей, хотя должен был признаться, что свежим как огурчик назвать его трудно. Однако все было хорошо, он был при деле, коррекции были приятно малы — Компаньон, видимо, серьезно работал там, у себя внизу. Когда таймер на компьютере показал, что осталось меньше часа, он встал и потянулся.

— Все по местам. Кто-нибудь, разбудите Ногги. Все заглотили стимулятор? А у кого есть для меня?

Келли повернулся и протянул ему таблетку. Макс кинул ее в рот и запил глотком кофе.

— Если хотите, жуйте последний бутерброд. Ну, ребята, давай.

Данные потекли непрерывным потоком. Через некоторое время Макс начал уставать. Он едва успевал прочитать по огонькам компьютера коррекцию и передать ее на двигатели, как Келли выдавал новые числа. Появилась коррекция, которая казалась лежащей вне кривой, как если бы они рыскали по курсу. Он еще раз бросил взгляд

на лампочки компьютера, прежде чем ввести ее, — и только тут понял, что ему продиктовали новый набор данных.

— Повтори! — попросил он.

Келли повторил. Макс прогнал числа через свой мозг и обнаружил, что они для него ровно ничего не значат. Интересно, откуда взялась эта последняя коррекция? Законны ли были методы, использованные им при исследовании аномалии? Да и можно ли вообще назвать это исследованием? Действительно ли именно так делает разведывательный корабль, чтобы вернуться? Как они могли надеяться, что человек…

— Капитан! — резко сказал Келли.

Макс помотал головой и сел.

— Простите. Давай следующую.

С паническим чувством он просмотрел в уме числа и попытался программировать. Он понял, наконец, что это такое — потерять уверенность в себе тогда, когда критический момент приближается со скоростью света.

Он сказал себе, что должен оставить эту попытку, проскочить мимо заданной точки на скорости меньше световой, потратить недели на разворот и попробовать снова. Но он понимал, что, если он так сделает, нервы его не выдержат второй

попытки.

И в этот тяжелый момент к нему пришло ощущение, что кто-то стоит за его спиной, положив руки ему на плечи. Стоит, успокаивает, утешает его. И он начал диктовать числа Коваку, ясно и четко.

Через двадцать минут Макс все еще продолжал диктовать их с безупречной точностью автомата. Он принял еще один набор данных, обработал его и передал Коваку, не сводя глаз с таймера. Он ввел коррекцию, совсем крошечную, и скомандовал:

— Внимание!

Джонс нажал кнопку, позволявшую хронометру произвести последний толчок в нужный, с точностью до микросекунды, момент. И только тогда он оглянулся, но за спиной его было пусто.

— Вон там Джип, — услышал он восторженный голос Келли. — А вон там — Гадкий Утенок.

Их опять окружало небо Ню Пегаса и Алкионы.

Пятью минутами позднее Келли с Максом пили холодный кофе и подчищали остатки из тарелки с бутербродами. Тем временем Ногучи и Смит проводили стандартные послепереходные наблюдения, а Ковак с Ланди, которым надо было стоять следующую вахту, спустились вниз немного отдохнуть. Макс снова взглянул на купол.

— Так что, получается, мы сумели? Вот уж никак не думал.

— Вы это серьезно, капитан? Лично у меня с того момента, как вы приняли командование, не было никаких сомнений.

— Слава Богу, что вы не знали, как я себя чувствовал.

Келли пропустил его слова мимо ушей.

— А вы знаете, сэр, когда вы программируете, ваш голос поразительно похож на голос доктора Хендрикса.

Макс пристально посмотрел на него.

— У меня был очень плохой момент, — медленно произнес он. — Совсем незадолго до скачка.

— Да, сэр. Знаю.

— А потом — понимаешь, это было просто такое ощущение. Я же не верю в привидения. Только мне показалось, что доктор стоит у меня за спиной, как он это делал когда-то, и проверяет меня. И тогда все пошло хорошо.

Келли кивнул.

— Да. Он был здесь. Я был уверен, что он придет.

— Как? Что ты хочешь сказать? — Но Келли не ответил, вместо этого он блаженно улыбнулся и начал просматривать послепереходные пластин-

ки, сравнивая их с эталонными, вынутыми из сейфа, — первая возможность такой операции с того момента, как корабль заблудился.

— Думаю, — сказал Макс, когда Келли покончил со своим занятием, — что нам бы лучше прикинуть орбиту к Ню Пегаса, прежде чем отправиться на боковую. — Он широко зевнул. — Господи, да я совсем помираю.

— К Ню Пегаса, сэр? — спросил Келли.

— Не можем же мы с такого расстояния прицеливаться прямо в Алкиону. Что ты имеешь в виду?

— Ничего, сэр.

— Говори.

— Понимаете, сэр, я все время считал, что мы теперь займем позицию для перехода на Новую Землю. Но если капитан хочет так…

Макс постучал пальцами по сейфу с картами. Он собирался проложить курс к простой, видимой глазом цели, откуда они и ушли недавно, чтобы там, на Алкионе, ждать себе в замену компетентного специалиста. Ему и в голову не могло прийти, что кто-нибудь ждет, что, совершив невозможное, он займется иным.

— Вы ожидали, что я проведу корабль до конца? Без таблиц и без помощи?

— Я ничего не имел в виду, капитан. Это было просто бессознательное предположение.

Макс выпрямился:

— Скажи Коваку, чтобы он просто держал корабль на постоянном курсе. Позвони Вальтеру, чтобы он сейчас же зашел ко мне в каюту.

— Есть, сэр.

Первый помощник встретил его у дверей каюты.

— Привет, Вальтер. Заходите. — Они вошли в каюту, и Макс бросил фуражку на стол. — Ну что же, мы-таки выкрутились.

— Да, сэр. Я наблюдал через иллюминатор гостиной.

— Вы не выглядите удивленным.

— А я должен так выглядеть, капитан?

Макс вытянулся в кресле, разминая усталую спину.

— Должны. Да, сэр, вы должны.

— Хорошо. Я удивлен.

Макс посмотрел на него и улыбнулся.

— Вальтер, а куда теперь направляется этот корабль?

— Капитан еще не сообщил мне этого.

— Какого черта! Вы же понимаете, о чем я говорю. По расписанию мы идем на Новую Землю.

Но вот тут, прямо перед нами, торчит Алкиона — даже слепой мог бы нащупать ее своей тростью. Так какой маршрут имели в виду вы, когда протолкнули меня в капитаны? Скажите, чего вы ожидали тогда? До того, как обвесили меня этими нашивками.

— Я имел в виду, — ответил Вальтер, — подобрать для «Асгарда» капитана.

— Это не ответ. Послушайте, от всего этого зависела жизнь пассажиров. И конечно, мне пришлось ради них рискнуть. Выбора не было никакого. Но теперь-то выбор есть. Вам следует рассказать им все, и пусть они голосуют.

Вальтер потряс головой, выражая крайнее неодобрение.

— У пассажиров никогда и ничего не спрашивают. Во всяком случае — на корабле, который находится в пути. Это было бы просто нечестно по отношению к ним. Им только говорят.

Макс вскочил с места и зашагал по каюте.

— Вы говорите «нечестно». Честность. Это нечестно по отношению ко мне. — Он резко развернулся и встал лицом к лицу с Вальтером. — Ну так что? Вы же не пассажир. Вы мой первый помощник. По вашему мнению, что я должен делать?

Вальтер глядел ему глаза.

— Я не могу принимать решения за капитана. Именно поэтому вы и капитан.

Макс остановился и закрыл глаза. Числа стояли перед ним совершенно отчетливо, аккуратными столбиками. Он подошел к телефону и ударил по кнопке вызова центра управления.

— Говорит капитан. Келли еще там? Привет. Очень удачно, шеф. Мы готовимся к переходу на Новую Землю. Начинайте работу, я буду через пару минут.

Глава 22
ТОМАГАВК

Макс любил это время года, это время дня. Он лежал в траве на небольшом холмике к западу от амбара, повернув голову так, чтобы смотреть на северо-запад. Макс глядел не отрываясь в эту сторону, на выходное кольцо ЧСЗ магнитной дороги, откуда с минуты на минуту должен был вырваться «Томагавк». Вырваться и по свободной траектории перелететь через провал. На этот раз Макс не читал, никакая работа его не подгоняла, он просто бездельничал и наслаждался летним вечером.

Белка села столбиком неподалеку от Макса, уставилась на него и, решив, что он безопасен, вернулась к своим делам. Мимо пропорхнула птица.

Последовала захватывающая дух тишина, а затем серебряный снаряд вырвался из выходного кольца, перелетел провал и вошел в кольцо на дальней его стороне. В тот же момент по ушам Макса ударил грохот звуковой волны.

— Ни фига себе! — тихо произнес он. — Ведь

каждый раз кажется, что на этот раз не выйдет.

Макс поднялся на холмик только для того, чтобы поглядеть на это, однако сразу вставать не стал. Вместо этого он вытащил из кармана письмо и перечитал его конец. *«…Думаю, папаша очень обрадовался, получив меня назад в целости, так как он в конце концов смилостивился. Мы с Путци поженились неделю назад, и, Макси, я такая счастливая! Обязательно зайди к нам в следующий раз, как будешь на Гесперe».* Далее она добавила: *«P. S. Мистер Чипс целует тебя — и я тоже».*

Отличная она девчонка, Элли. Она обычно добивалась своего — не мытьем, так катаньем. Путци ему было немного жалко. Но с другой стороны, если бы все они тогда остались на Надежде…

Все это ерунда, астронавигатор не должен жениться. Макс с нежностью потрогал рисунок солнца на своей груди. Жалко, что не получилось остаться на «Асгарде», но они, конечно же, правы. Как же можно служить младшим офицером на корабле, капитаном которого ты только что был?! А помощник астронавигатора на «Королеве Елизавете» — тоже очень хорошее назначение; все говорят, что «Лиззи» — корабль что надо.

А к тому же не у каждого молодого П. А. есть на счету новая конгруэнтность — ее как раз сейчас исследуют. Так что не на что ему тут обижаться. Его даже не слишком напугал огромного размера штраф, наложенный на него Советом гильдий, и официальное взыскание, внесенное ему в трудовую книжку. Самое главное, ему разрешили остаться в космосе, а взыскание это записано рядом с благодарностью за конгруэнтность «Хендрикс».

Но хотя никто не оспаривает справедливость наказания — он, конечно же, заслужил его, — все равно гильдии организованы неправильно. Законы должны давать каждому свой шанс. Когда-нибудь у него будет достаточно высокое положение, чтобы попробовать что-нибудь с этим сделать.

Ну а тем временем, если он здесь еще засидится, придется, наверное, покупать это такси. Макс поднялся и пошел по склону вниз. Вертолет был перед домом, таксист стоял рядом с ним и смотрел на огромный свежевырытый котлован Миссури-Арканзасской энергетической стройки. Полей, где Макс недавно трудился, уже не было, выемка доходила почти до самого их двора. Дом пока еще стоял, но дверь висела на одной петле,

а кто-то из ребятишек перебил все стекла. Макс смотрел на дом и думал, где могут сейчас быть Мамочка и этот парень, за которого она вышла замуж. Не то чтобы это слишком его волновало, да и в Клейдовских Углах, похоже, ни одна собака этого не знала. В конторе ему сказали, что Мамочка забрала свою половину государственной компенсации, после чего эта парочка покинула город.

Вполне может быть, что деньги у них уже кончились — половина Макса разошлась полностью, даже на весь штраф не хватило. Если они без гроша, вполне возможно, что Монтгомери придется-таки заняться какой-нибудь честной работой — не такая Мамочка женщина, чтобы позволить мужчине бездельничать в то время, когда у нее нет денег. Макс подумал про это с удовольствием; он считал, что у него есть счеты с Монтгомери, но Мамочка, возможно, сама хорошо с ним рассчитается.

Таксист повернулся к нему.

— Мощная штука будет, когда они закончат. Вы уже отправляетесь, сэр?

Макс бросил последний взгляд вокруг.

— Да, у меня здесь все.

Они забрались в кабину.

— Куда? Назад в Углы?

Макс поразмыслил. Деньги, конечно, надо экономить — но какого черта, после следующего рейса у него наберется их порядочно.

— Нет, летим в Спрингфилд, а там высади меня на станции южного направления магнитной дороги. Хорошо бы поймать «Копье».

Если успеть, он еще ночью будет в Земпорте.